

ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ

Концепции. Открытия. Версии.

Том II

Васа праишеном от Миши

Саркел 6.9.96.

_____ in _____ Deluzol

Комитет по культуре и туризму
Администрации Псковской области

Псковский Государственный объединенный
историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник

Псковское общество Святой Ольги Российской

Институт истории материальной культуры
Российской Академии Наук

**Памятники
Старины
Концепции
Открытия
Версии**

Памяти
Василия Дмитриевича Белецкого
1919-1997

Том II

Санкт-Петербург – Псков
1997

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.А.Александров, Псков;
С.В.Белецкий, СПб. (составитель);
О.К.Волочкова, Псков;
А.И.Голышев, Псков;
Л.Е.Грушина, Псков;
А.Н.Кирпичников, СПб. (ответственный редактор),
В.И.Кильдюшевский, СПб.;
Г.С.Лебедев, СПб.;
А.Е.Мусин, СПб.;
О.В.Овсянников, СПб.;
К.М.Плоткин, Псков;
Т.В.Рождественская, СПб.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Ю.А.Березкин, В.М.Массон,

Сборник научных статей, посвященный памяти выдающегося исследователя средневекового Пскова, старейшего сотрудника Государственного Эрмитажа, почетного гражданина города Пскова Василия Дмитриевича Белецкого.

Печатается на средства Комитета по культуре и туризму
Администрации Псковской области

при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 96-01-00013)

Обложка: Изображение Ветхозаветной Троицы 1485 г. на печати псковских владычных наместников (раскопки В.Д.Белецкого, 1961 г.)

Портрет В.Д.Белецкого работы художника М.Девятова, 1951 г.

ISBN 5-201-01197-7

© Псковский Государственный Объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 1997.
© ИИМК РАН, 1997.

Дерево-земляная Петропавловская крепость 1703 г. (Нарышкин бастион по данным раскопок)

Проjekt, по которому возводилась дерево-земляная Петропавловская крепость, (рис.1) до сих пор неизвестен. В "Письмах и бумагах императора Петра Великого" упоминается, что "начертал план" крепости генерал Ламбер, француз на русской службе, участник осады Нотебурга и Ниеншанца; руководил строительными работами летом 1703 г. военный инженер, саксонец Киршинштейн. Сам проект земляной крепости, как полагал А.С.Кожевников, "вероятно, был составлен в общих контурных линиях... и в такой общий план вставлены уже известные образцы куртин и бастионов. Знанием таких типовых проектов обладали в то время инженеры т.к. это составляло их обязательное инженерное образование." (Кожевников 1960).

Схематический чертеж крепости, датированный 1703 г., был обнаружен и опубликован В.А.Бутми в единственной посвященной земляной крепости работе. Однако, как справедливо полагала исследовательница, этот проект не был осуществлен: расположение бастионов и куртин на чертеже отличается от более поздних планов, составленных после окончания строительства. Из них наиболее интересен генеральный план крепости и Кронверка, датированный 1707 г., где кроме земляной крепости, контурной линией показаны очертания каменных бастионов. На плане 1709 г., напротив, на фоне каменной крепости пунктиром показаны очертания земляной, при этом, в обоих случаях она по размерам значительно меньше каменной, существующей (Бутми 1959: 5-14). Судя по неосуществленному проекту 1703 г., Заячий остров в момент строительства крепости был значительно меньше современного: длиной около 750 м, шириной не более 360 м. На суше размещались лишь три из первоначальных дерево-земляных бастинов: Зотов, Головкин и Меншиков, отделенные от материка узким Кронверкским протоком. Со стороны Невы бастионы были выдвинуты далеко в воду: Государев примерно наполовину, Трубецкой почти полностью, а центральный Нарышкин бастион — целиком (рис.2).

Дерево-земляной Нарышкин бастион, построенный полностью за пределами первоначальной береговой линии острова, был одним из наиболее мощных укреплений Петропавловской крепости. Судя по гравюре Ф.Никитина и М.Петрова (Петербург 1948: 21), изображающей "Петрополис" 1703 года и опубликованной в книге В.Киприянова в 1705 г. (самое раннее изображение крепости "с натуры", см.: рис.1), он имел два яруса огня. Строительство кирпичного бастиона, выдвинуто-

Рис. 1 Петропавловская крепость на гравюре из книги В.Киприянова

го в воду еще на 30 м, началось с 1721 г., а земляные укрепления были снесены в 1728 г., прослужив в общей сложности ровно четверть века. Левый фланк и почти весь левый фас дерево-земляного бастиона не попали под новую кирпичную фортификацию. Это обстоятельство и позволило при земляных работах 1976 г. провести археологические исследования, предоставившие данные о расположении, характере и сохранности конструкций Нарышкина бастиона 1703-1728 гг.

Археологические исследования проводились с 15 сентября по 26 октября 1976 г. отрядом студентов кафедры археологии Исторического факультета ЛГУ под руководством Г.С.Лебедева и научных сотрудников Отдела истории ГМИЛ К.М.Плоткина и Г.Н.Зубкина (Лебедев 1981: 199-202). При земляных работах в ходе реконструкции городских коммуникаций летом 1976 г. в Петропавловской крепости строителями были заложены несколько траншей, прорезавших культурный слой мощностью 1-1,5 м. В слое обнаружались остатки различных деревянных, каменных и кирпичных сооружений, прослойки пожара и подсыпки XVIII-XIX вв. Первоначальной задачей археологических работ была зачистка стенок траншей и фиксация археологических остатков.

Траншея вдоль асфальтированного проезда по линии горжи Нарышкина бастиона была заложена строителями для впуска бетонного коллектора. В ходе работ прямо под асфальтом проступила кирпичная кладка из маломерного кирпича, а на глубине около 1,5 м обнаружались остатки деревянных конструкций. Поэтому площадь траншеи и прилегающей к ней с севера территории была размечена единой фиксационной сеткой координат (квадраты 4 x 4 м, разделенные на полуквадраты 2 x 4 м), в рамках которой производилось раскрытие и фиксация археологических объектов, совпадающих с контурной линией первоначального дерево-земляного бастиона по реконструкции В.А.Бутми (рис.3).

В южной части раскопа вокруг коллектора от его юго-восточного угла расположена кирпичная кладка из маломерного кирпича, прослеженная на расстояние 6 м с запада на восток, на высоту 6-8 рядов кирпича. Кладка на плохом растворе, неровная, в западной части разрушена коллектором. Близ юго-западного угла коллектора к кладке примыкает уложенная в перевязку перпендикулярная ей кирпичная кладка того же характера, сохранившаяся на ту же высоту. Основная стена здесь

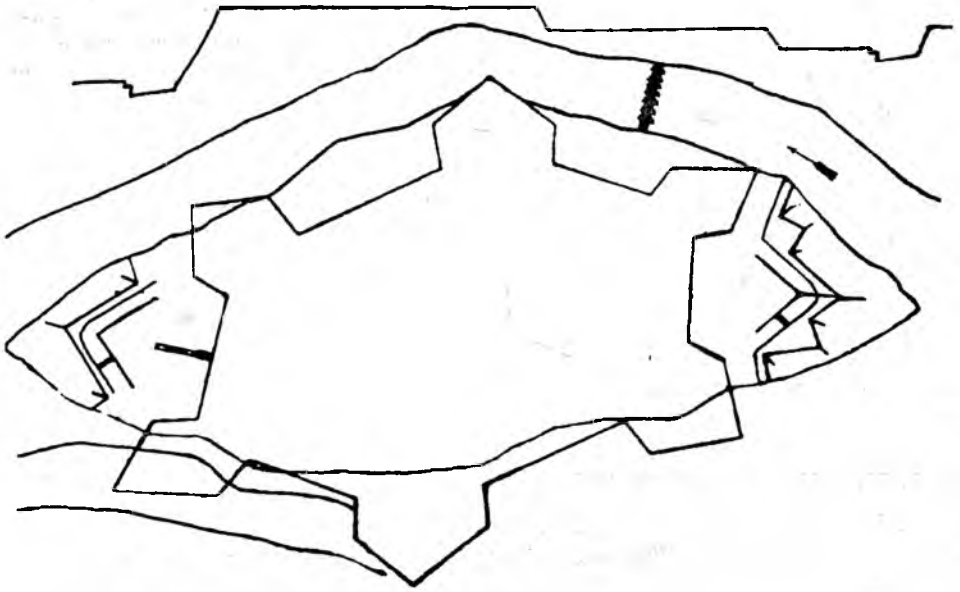

Рис. 2 План крепости 1703 года (по В.А.Бутми).

перебита траншеями. С северо-восточной стороны металлического канализационного люка открыты прилегающие к кирпичной кладке с юга, бревна ряжа, образующие угол (прослежено три венца) клетки, уложенной на песке (рис.4). Близ кирпичной стены с северо-западной и северной стороны ее залегает развал черепицы: есть краевая, много обломков с шипом, на одном из фрагментов – клеймо в виде буквы W; здесь же найден глиняный светильник.

Стратиграфия южной стенки раскопа: 1) асфальт – 0,2 м; 2) гравийная подсыпка – 0,1 м; 3) нивелировочный слой коричневого гумуса – 0,3 м; 4) слой кирпичного развала с большемерным кирпичом, перекрытый угольным слоем – 0,2 м; мешаная земля, кирпич. Разрез северной стенки траншеи (вплотную к коллектору): 1) асфальт – 0,2 м; 2) гравий – 0,3 м; 3) мешанный слой – 0,6 – 1 м; ниже – деревянная постройка, от которой сохранился дощатый настил, уложенный на битинги. Под постройкой в западной части раскопа залегает слой желтого песка – 0,1-0,15 м, разделенный надвое тонкой угольной прослойкой. Под нею обнаружены бревна ряжей первоначальной крепости, до 0,4 м в диаметре: продольные ориентированы вдоль траншеи, обломки поперечного уходили в стенку раскопа под асфальт (угол – разрушен коллектором).

Таким образом, в южной части раскопа 1976 г. была открыта, во-первых, известная по плану 1745 г. кирпичная стена Монетного двора 1727 г., замыкавшая по горже внутреннее пространство кирпичного Нарышкина бастиона. Ширина стены около 0,8 м, кладка (разобранная в старину) начинается прямо под асфальтом, сохранилась на 8-10 рядов, ниже которых начинается либо кладка цоколя, либо (по определению Ю.М.Денисова), верх свода (кирпичи в три ряда отступающими ступенями прослежены *in situ*, лежат на растворе). Возможно, вскрыты остатки примыкавшей к стене кирпичной постройки (с черепичным покрытием?).

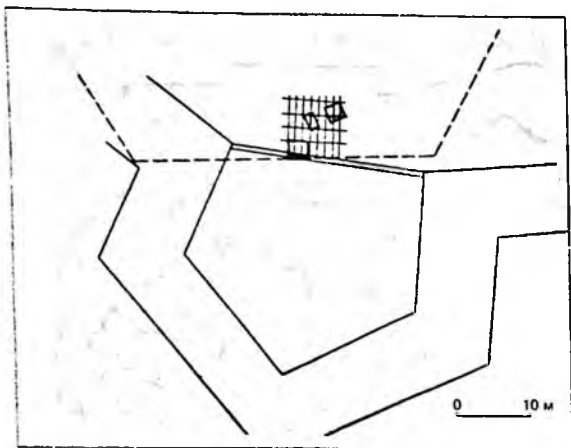

Рис. 3 Сетка раскопа 1976 г. в Нарышкином бастионе. (совмещение контура каменного и дерево-земляного бастионов по В.А.Бутми)

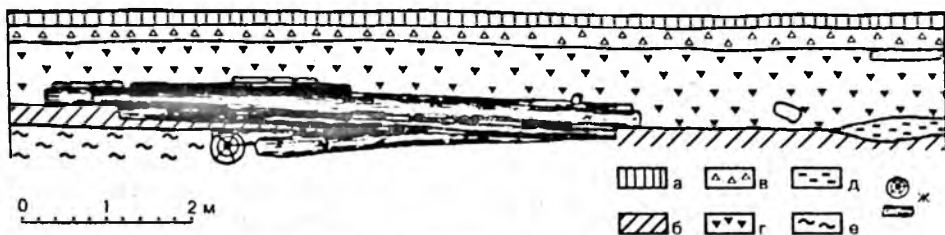

Рис. 4 Стратиграфия раскопа 1976 г.

Во-вторых, под стеною и севернее нее сохранялась конструкция первоначального дерево-земляного Нарышкина бастиона 1703-1728 гг. Для ее исследования в северной части раскопа (на газоне) была вскрыта площадь 40 м² (рис.5). Под дерновым слоем и перегноем на глубине 0,5 м от современной дневной поверхности прорезана булыжная мостовая, а в западной части раскопа — песчаная подсыпка, прорезанная выгребной или помойной ямой XIX в., ограниченная рядом деревянных кольев и столбов.

На глубине 1 м, с падением к югу залегала нивелировочная песчаная подсыпка, а под нею в северной части раскопа — слой извести мощностью до 0,5 м. Ниже залегали *in situ* бревна ряжа первоначального Нарышкина бастиона 1703-1728 гг. Сосновые бревна полуметровой толщины лежат на влажном материковом суглинке, ориентированы примерно по линиям СЮ и ВЗ. Вскрытые пять бревен (сохранившиеся частично) позволяют определить размеры квадратных срубов (приблизительно 5 x 5 м), установить направление дерево-земляной фортификации, точное положение первоначального бастиона по отношению к каменному. В ходе раскопок были найдены десятки глиняных светильников, клейменная черепица, пушечные ядра, казначейские пломбы, фаянсовая статуэтка и другие бытовые предметы XVIII в. (материалы поступили в фонды ГМИ СПб).

Дерево-земляной Нарышкин бастион, судя по вскрытым остаткам, действительно смещен на север по отношению к каменному более чем на 30 м. Его “шпиц” (исходящий, выступающий к противнику угол) приходился на середину правого фланка каменного бастиона постройки 1721-1728 гг. В основе конструкции, как и предполагала В.А.Бутми, бревенчатые ряжи, квадратные срубы, которые ставили на землю или

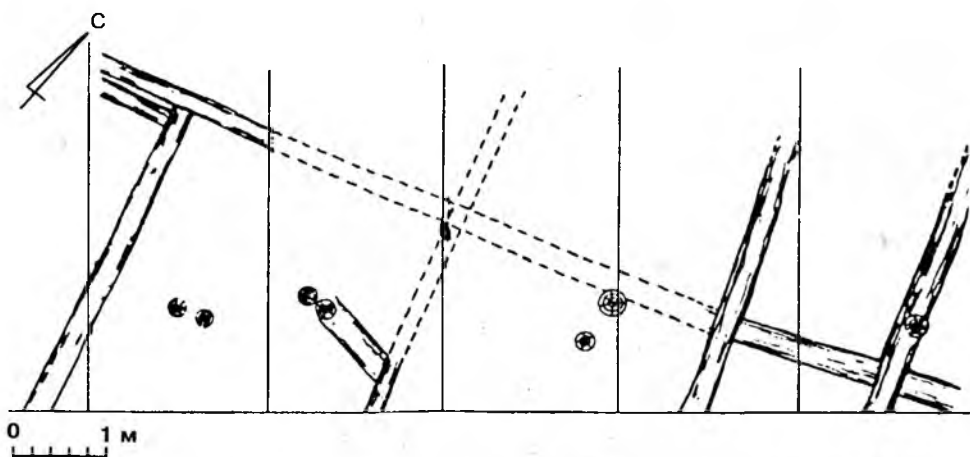

Рис. 5 Деревянные конструкции бастиона в раскопе 1976 г.

на дно реки в прибрежном мелководье и затем заполняли землей. Пятиугольная плотина, созданная таким образом, позволяла сравнительно легко осушить охваченное ею пространство и увеличить площадь острова (строительство каменного бастиона было начато именно с сооружения специальной плотины и осушения новой площади; в 1703 г. эта задача была решена в самом процессе сооружения укреплений).

Суля по гравюре 1705 г., с внутренней стороны куртин и бастионов в них были встроены бревенчатые казармы (их стойки, деревянные стены, двери и окна хорошо видны на гравюре). Потолки и внешние стены казарм были обвалованы мощным слоем земли, наружная поверхность бастионов и куртин выкладывалась дерном, основания укреплялись "обрубками" — срубками с бревенчатым или дощатым покрытием (такие же "обруба" использовались при строительстве набережных, причалов, плотин). Рубленные казармы под "валгангом" (боевым ходом) куртин и бастионов, как отмечал Петр I, это одновременно "великое убежище солдатам от бомб, и подспорье земляной работе". По подсчетам А.С.Кожевникова, устройство бревенчатых казарм позволяло сократить объем земляных работ на 50 тыс. тонн земли, или 14 млн. человеко-рейсов (при 20 тыс. человек, занятых на подноске земли, из расчета 35 кг на человека). Деревя же для строительства крепости требовалось 4 тыс.м³, или 2700 тонн, то есть — почти в 20 раз меньше сэкономленной массы земли (Кожевников 1960).

Полученные данные, при всей фрагментарности вскрытых археологических объектов, позволяют предложить эскизный проект консервации и воспроизведения в натуре фрагмента первоначального дерево-земляного Нарышкина бастиона (рис.6). Одно из первых, и важнейших по фортификационной значимости сооружений петровского Санкт-Петербурга, материально свидетельствующее о днях основания города в мае 1703 года, безусловно заслуживает музеефикации. Предлагается установить над археологическими остатками заглубленный прозрачный павильон из современных материалов (с каменной цокольной частью стены и обходной дорожкой для экскурсантов). Часть павильона должна содержать законсервированные *in situ*, лежащие на материке бревна нижнего венца одного из рязей, позволяющие на подлинном материале представить "модуль" сооружения.

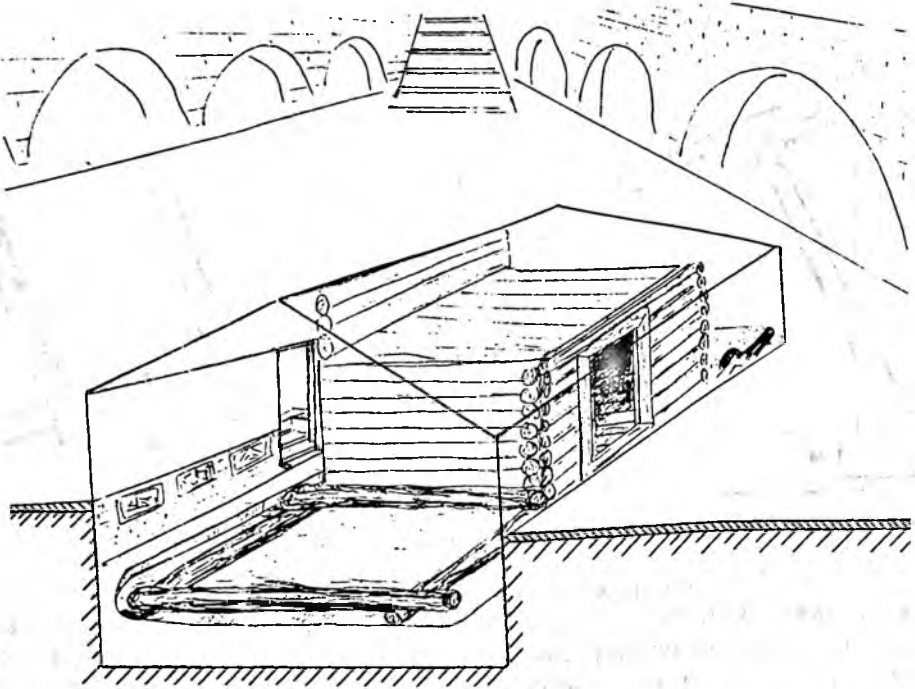

Рис. 6 Эскиз проекта экспозиции дерево-земляного Нарышкина бастиона.

Вплотную к законсервированным остаткам во второй части павильона может быть установлен новодел — полная реконструкция одного из ряжей как бревенчатого сруба, приспособленного под казарменное помещение (с полом, дверным проемом, перекрытием на уровне вальганга). Интерьер сруба может быть оборудован воспроизведениями казарменной мебели петровской эпохи (стол, скамьи и т.п.), в экспозиции можно использовать манекен в обмундировании русской армии времен Северной войны. Возле сруба, в углу павильона можно установить на лафете небольшую пушку петровской эпохи.

Пространство павильона позволяет установить необходимую дополнительную плоскостную экспозицию. Архитектурное решение следует связать со стеной Монетного двора, также подлежащей раскрытию и консервации. Вместе с другими архитектурными остатками, при понижении общего уровня площади внутри Нарышкина бастиона на 1,25 м (согласно предложенному в 1995 г. проекту реставрации архитекторов "Ленреставрации" И.Н.Бенуа и Т.А.Ознобишиной) все это позволяет создать в Петропавловской крепости целостный и уникальный в своем роде археологическо-архитектурный заповедник, раскрывающий начальные этапы истории Санкт-Петербурга.

Кожеников А.С. 1960. Этот бастион Петропавловской крепости (машинпись). Л. Научный архив ГМИ СПб

Бутми В.А. 1959. Начало строительства Петропавловской крепости // Научные сообщения ГИОП. Л. Петербург петровского времени. Под ред. А.В.Предтеченского. Л. 1948.

Лебедев Г.С. 1981. Археологи в Петропавловской крепости // Нена. № 8.

Хозяйственные функции и топография ранних городов западных славян

Хозяйство западных славян в раннем средневековье носило, как известно, в значительной мере замкнутый характер: все ежедневные потребности удовлетворялись силами собственных хозяйств или же соседских общин (Leciejewicz 1989: 45-88). Поэтому поселения были аграрными, и их местоположение определялось такими факторами как хорошие условия для полей и пастбищ, близость водоемов. Однако изготовление предметов повседневного употребления иногда нуждалось в профессиональной руке. Главным образом это относилось к железным орудиям труда и оружию, посуде, изготовленной на гончарном круге, украшениям из бронзы, серебра, а иногда и золота. Ремесленные мастерские размещались на городищах или же на поселениях при городищах, причем следует также учитывать деятельность странствующих мастеровых. Иногда сюда навевался со своими товарами чужой купец. Однако все это не имело большого влияния на выбор места поселения.

Существенные изменения в этой сфере произошли на протяжении второй половины VIII-IX вв. Одним из важных элементов западнославянского хозяйства этого времени явился торговый обмен, которому сопутствовал прогресс специализированных ремесел. Формировались новые общественно-политические структуры, создавалась среда, представители которой навязывали свою власть соплеменникам (Łowmiański 1967-1973; Herrmann 1985; Poulík, Chropovský 1986; Славяне и скандинавы 1986). Происходящее совпало по времени с нарастанием заинтересованности к славянской Центральной Европе со стороны каролингского государства и викингской Скандинавии. При центрах публичной жизни начали возникать ярмарки, посещаемые купцами и производителями, которые нередко оставались здесь на постоянное местожительство. В IX в. в наиболее хозяйственно активных регионах возникали ранние города, выделяющиеся среди других поселений интенсивным использованием освоенного под застройку пространства: внутри оборонительных валов возникала густая застройка и регулярная сеть улиц, при перестройках и переустройстве территории заселенного пространства зачастую сохранялась сложившаяся топографическая структура. Первые центры такого типа возникли в течение IX в. в бассейне среднего Дуная и на побережье Балтики, позднее, в X-XI вв. раннегородские образования появились также в других западнославянских странах (Hensel 1967; 1968; Leciejewicz 1976: 29-56).

Безусловный интерес представляют изменения в топографии поселений, которые последовали за перечисленными процессами, а также экономические предпосылки этих процессов. Думается, что анализ самого расположения раннегородских поселений может быть полезен при

попытке выяснения, в какой мере на хозяйственное развитие раннегородских центров мог влиять торговый обмен, а в какой — осуществлявшееся в городах ремесленное производство или же эксплуатация имевшейся сырьевой базы. В некоторых центрах, считавшихся классическими примерами торговых эмпориев (напр.: Волин близ устья Одера) археологические открытия засвидетельствовали многочисленные следы производственной деятельности. Уже в IX-X вв. там активно развивалась обработка металла, стекла, рога, янтаря и иного сырья. Следам ремесленной деятельности сопутствовали многочисленные свидетельства рыболовства. В то же время относительно редко встречались предметы импортного происхождения и предметы, связанные с деятельностью купцов. Это порой приводило исследователей к мысли о том, что в развитии данного типа ранних городов внешнеторговый обмен не играл решающего значения (Hensel 1967: 55-57). Равным образом, в великоморавских городах среди многочисленных остатков ремесленного производства редко встречались свидетельства торговли, и только богатый погребальный инвентарь свидетельствовал о развитых внешнеторговых связях. Возникает вопрос: насколько количественная характеристика разных категорий археологических находок — следы производства, купеческий инвентарь, импорты — может быть основанием для оценки значения обеих этих областей хозяйственной деятельности в развитии ранних городов?

Письменные источники характеризуют раннегородские центры, прежде всего, как места торгового обмена. Последнее оказалось причиной преувеличения данного фактора в новейшей историографии. Среди свидетельств раннесредневековых авторов исключение составляют сведения Ибрагима ибн Якуба, который в своем донесении о состоявшемся ок.965 г. путешествии по славянским странам, сообщал не только о ярмарке в Праге, но и местном производстве седел и щитов (Relacja 1946: 49). В известном описании Волина второй половине XI в. Адам Бременский отмечал: "Этот город богат товарами всех северных народов и есть там все, что только достойно пожелания и редкостное" (Adam Bremensis 1917: 22,80). В то же время он не написал ни слова об известных по материалам раскопок мастерских по обработке янтаря, рога, стекла и др. Подобным образом обстояли дела по другую сторону Балтийского моря — в ранних скандинавских городах (Лебедев 1985; Ambrosiani, Clarke 1994). Иными словами, круг интересов раннесредневековых авторов-иностранцев, получавших сведения, главным образом, от купцов и контактировавших с ними лиц, был достаточно ограничен. Археологические же данные фиксируют несколько иную картину: они прежде всего демонстрируют свидетельства производства ремесленной продукции. В то же время, среди товаров, являвшихся предметом торговли и сохранившимся благодаря благоприятным археологическим условиям, представлены только те, которые оказались случайно потеряны или намеренно положены в могилу, а также спрятаны как сокровище.

Итак, две названные категории информации — сведения о занятиях населения ремеслом и торговлей — оказываются несопоставимы между собой. Следовательно, на этом основании нельзя делать выводы о том, какое из упомянутых занятий имело в ранних городах более существенное хозяйственное значение.

Полагаю, однако, что определенные указания может дать собственноручно анализ топографических условий, в которых возникли раннегородские поселения. Опираясь на данные лучше исследованных городов Западного Поморья, можно утверждать, что каждый из этих городов —

Щецин, Волин, Колобжег — шел своим собственным, несколько отличающимся от других центров, путем развития (Leciejewicz 1962; Leciejewicz, Wieczorowski 1983: 521-610; Filippowiak 1961; Filippowiak, Gundlach 1992; Łosiński 1972; Rębkowski 1996: 127-136). Так, Щецин возник на порубежье региона, заселенного от начала средневековья крестьянскими общинами. Связи с сельской округой выделяли его и позже, когда в XII в. город был впервые описан биографами Оттона Бамбергского. Симптоматичной однако же видится локализация этого поселения, которое в первой половине IX в. приобрело черты раннего города, на берегу Одера — коммуникационной артерии, соединяющей город с весьма отдаленными территориями.

Нечто подобное имело место в Колобжеге, возникшем в первой половине IX в. в сельскохозяйственном регионе над Парсентой, плотно заселенном уже в VII-VIII вв. В происхождении города существенную роль, вне всякого сомнения, сыграли месторождения соли: это недвусмысленно засвидетельствовал в 1000 г. Титмар Мезербургский, называя город “Сальса Хольбернгенсис”. Само же городище и околгородские поселения были расположены на расстоянии около 3 км от соляных источников — при ближайшей удобной переправе через Парсенту, которая соединяла Колобжег с отдаленными районами. Что касается города, то он, локализованный в 1255 г. на основании любекского права, был расположен вблизи источников.

В окрестностях Волина лишь формирование в IX в. города привело к сложению поселенческой структуры в ближайшей округе. Таким образом, эта ситуация весьма сходна с той, которая зафиксирована в Хедебю и Старой Ладоге. Волинское поселение возникло при переправе через Дивну — главное русло устья Одера на Балтийском море, и выбор места был однозначно предопределен требованиями торгового обмена. В свете сообщений Адама Бременского, основное значение внешнеторговых связей в развитии этого города не вызывает каких-либо сомнений.

В местах удобных путей сообщения размещались также и другие главные племенные городища полабских славян — Старыград Вагрийский, Мекленбург, Бранденбург и др. (Leciejewicz 1968; Herrmann 1985; Müller-Wille 1991: 73-314; Łosiński 1994: 101-128). Старе Место, Микульчине в Моравии, Нитра в западной Словакии зародились в густо заселенных регионах, однако же, вместе с тем — на главных водных путях. Относящийся к тому же времени Краков на Висле был расположен на границе скопления поселений, но, тем не менее — в важном стратегическом и коммуникативном месте, где можно было контролировать путь, ведущий из Праги в Киев. Прибавим к этому множество ранних городов, возникших в X-XI вв. в результате организационной деятельности государства Пшемислидов и Пястов: их локализация определялась, наряду со стратегическими соображениями, также удобствами путей сообщения (Млада Болеслав, Вроцлав, Познань, Гданьск).

Таким образом, расположение ранних городов западных славян и особенности их топографии убедительно свидетельствуют, что среди хозяйственных функций основную роль играло посредничество в торговом обмене. Следует помнить, что в обмене были заинтересованы складывающиеся властимушие структуры. Это означало, прежде всего, заинтересованность в обмене общественных групп, сосредоточенных около князей, организующих аппарат государственной власти (дворовых и городнищенских). Прежде всего, именно их первоначально обслужива-

ли контакты с другими странами и продукция местных, соответствующим образом обученных ремесленников. Организация служебных сел в рамках монархии Пшемислидов Пястов и Арпадов позволяла перебрасывать на сельские поселения часть производственных занятий и услуг, удовлетворяющих потребности элитных групп в продукции кузнечного, ювелирного, кожаного ремесел и др. (Modzelewski 1975; Tręśńik, Krzemieńska 1979: 5-31; Moździuch 1994: 129-159). Городища с чертами ранних городов в этой ситуации, наряду с административными и военными функциями, играли роль пристанища для купеческих караванов, хотя, в свете раскопок, в некоторых из них в полном объеме осуществлялась ремесленная продукция.

Со временем, все большее значение приобретал внутренний рынок – обмен между городскими ремесленниками и сельским населением округи. Вслед за формированием регулярного обмена зарождалась регулярная сеть местных ярмарок, а ремесленная продукция, судя по данным археологических раскопок, приобретала все более массовый характер. Это находило свое отражение в изменяющейся топографии раннегородских поселений: вокруг оборонительных центров в XI-XII вв. возникали рассеянные на значительных пространствах околгородские открытые торгово-ремесленные поселения, ставшие отличительной особенностью топографии ранних западнославянских городов этого времени.

-
- Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л. Славяне и скандинавы. Ред. Е.А.Мельникова. М., 1986.
- Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. Ed. B.Schmeidler // *Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. Hannover-Leipzig. 1917.
- Ambrosiani H., Clarke H. (ed.). 1994. Developments Around the Baltic and the North Sea in the Viking Age. // Birka. St.3. Stockholm.
- Filippowiak W. 1961. Wolinianie. // *Studium osadnicze*. I. Szczecin.
- Filippowiak W., Gundlach H. 1992. Wolin Vineta. Die tatsächliche Legende vom Untergang und Aufstieg der Stadt. Rostock.
- Hensel W. 1967. Anfänge der Städte bei den Ost- und Westslawen. Bautzen.
- Hensel W. (ed.). 1968. I Międzynarodowy Kongres Archeologii Słowiańskiej. T.IV. Wrocław.
- Herrmann J. 1985. Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich der Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. Ein Handbuch. Berlin.
- Leciejewicz L. 1962. Początki nadmorskich miast na Pomorzu Zachodnim. Wrocław.
- Leciejewicz L. 1968. Miasta Słowian Północnopolskich. Wrocław.
- Leciejewicz L. 1976. Early medieval sociotopographical transformations in West Slavonic urban settlements in the light of archaeology // *Acta Poloniae Historica*. T.XXXIV.
- Leciejewicz L. 1989. Słowianie Zachodni. Z dziejów tworzenia się średniowiecznej Europy. Wrocław.
- Leciejewicz L., Wiczerowski T. 1983. Wczesne średniowiecze do czasu powstania miasta // *Dzieje Szczecina*. T.I. Warszawa-Poznań.
- Losinski W. 1972. Początki wczesnosredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsety (VII-X/XI w.) Wrocław.
- Losinski W. 1994. W sprawie genezy osiedli wczesnomiejskich u Słowian Nadbałtyckich // *Slavia Antiqua*. T.XXXV.
- Łowniański H. 1967-1973. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T.III-V. Warszawa.
- Modzelewski K. 1975. Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego (X-XIII wiek). Wrocław.
- Moździuch S. 1994. The origins of the medieval Polish towns // *Archaeologia Polona*. T.32.
- Müller-Wille M. 1991. Starigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des frühen Mittelalters in Ostholstein. Neumünster.
- Pouřk J., Chropovský B. u. Koll. 1986. Grossmähren und die Anfänge der Tschechoslowakischen Staatlichkeit. Praha.
- Relacja Ibrahima ibn Jakuba z podróży do krajów słowiańskich w przekazie al-Bekriego. Wyd. T.Kowalski // *Pomniki Dziejowe Polski*, n.s. T.I. Kraków. 1946.
- Rębkowski M. 1996. Topografia Kolobrzegu w XIII w. // *Słowiańszczyzna w Europie średniowiecznej*. 2. Wrocław.
- Tręśńik D., Krzemieńska B. 1979. Wirtschaftliche Grundlagen des frühmittelalterlichen Staates in Mitteleuropa (Böhmen, Polen, Ungarn im 10.-11. Jahrhundert) // *Acta Poloniae Historica*. T.XL.

К генезису курганной погребальной обрядности у прибалтийских славян

В рамках западнославянского мира, в аспекте погребального обряда, земли прибалтийских славян принято относить к особой провинции (так называемая область J), для которой характерно разнообразие одновременно практиковавшихся ритуалов захоронения и форм погребальных сооружений (Zoll-Adamikova 1979: 230 и сл.; 1988: 196 и сл.). Одной из диагностических черт области являются массовые курганные могильники (рис.1). До недавнего времени их появление датировалось здесь не ранее чем второй половиной X в. или рубежом X-XI вв. Лишь немногие, казалось, имели более раннюю дату, относясь ко второй половине I тысячелетия н.э. В подавляющем большинстве случаев это были могильники, известные по старым плохо документированным раскопкам. С древнейшими фазами раннего средневековья можно было связать лишь несколько некрополей, размещенных в узкой полосе балтийского побережья, в том числе исследованный еще в прошлом столетии курганный могильник в Волине (Zoll-Adamikova 1975: 259 и сл.), а также две насыпи, тщательно раскопанные в последние десятилетия: под Колобжегом (Łosiński 1972: 260-269; 1974: 159 и сл.) и в Ральсвике на о. Рюген (Warnke 1975: 89 и сл.; 1978: 275 и сл.; 1981: 159 и сл.). Однако, во всех этих случаях заметны следы воздействия скандинавской погребальной обрядности и, несмотря на все сомнения, возникающие при попытках интерпретировать данные памятники, обоснованным представляется мнение о их неславянском происхождении (Łosiński 1979: 513 и сл.; Zoll-Adamikova 1980: 184 и сл.; Warnke 1985: 229 и сл.).

Лишь в последние годы открыт ряд ранних курганных могильников, связь которых с местным славянским окружением не вызывает сомнений. В северном Приэльбье такие датированные могильники обнаружены в Локнице (Löknitz, Kr. Pasewalk; см.: Stange, Gralow 1972: 206 и сл.; Gralow 1981: 189 и сл.), в Захове (Zachow, Kr. Neubrandenburg; см.: Schmidt 1992: 12-14, 100-101) и в Меезингере (Meesinger, Kr. Demmin; см.: Ulrich 1991: 183 и сл.), а в польском Поморье в его надодерской части в Дольницах над Малой Иной (Kalinowska 1994: 149 и сл.) и в северной части Щецинского воеводства в местности Осина (Krajewski, в печати). Древнейшие из них связаны с фельдбергским горизонтом (Löknitz), большинство же надежно датируются лишь временем с середины IX в., так как для раскопанных курганов типична керамика типа Менкендорф-Щецин. Обычно эти некрополи продолжали функционировать и в следующие столетия, что подтверждается находками в некоторых вторичных захоронениях сосудов типа Виперов и Тетерев, характерных для заключительных фаз раннего средневековья.

В свете приведенных данных, появление у прибалтийских славян курганного обряда погребения можно датировать не позднее чем

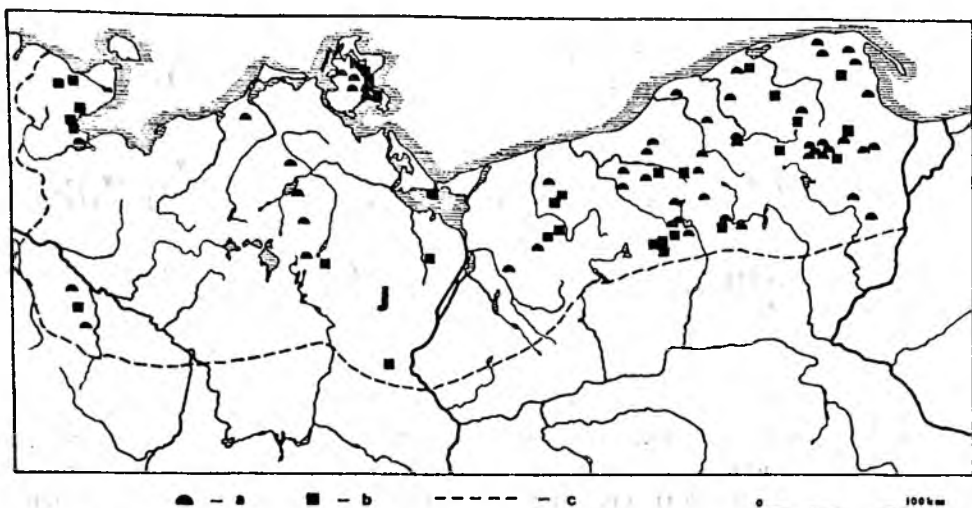

Рис. 1 Курганные могильники поздних фаз раннего средневековья на территории прибалтийских славян: 1 — курганные могильники; 2 — курганные могильники с четырехугольными каменными обкладками насыпей; 3 — границы области J (по Е.Цолль-Адамиковой с уточнениями автора).

рубежом VIII-IX вв., а, возможно, и второй половиной VIII в. Распространение же этого обряда произошло лишь в IX в. В этом контексте весьма правдоподобными представляются предложения тех исследователей, которые связывают с ранним горизонтом ряд плохо документированных могильников из старых раскопок. В северном Приэльбье это некрополи Альтеркремпе (Alterkremppe) и, возможно, Пеппендорф (Poppendorf) в Вагрии, а также Бавендорф (Bavendorf), Брухвелде (Bruchwelde) и Гехорде (Gehörde) на левобережье нижней Эльбы в землях древлян, в Поморье — могильники в Стенжицах и Донброве в Гданьском воеводстве (Zoll-Adamikova 1979: рис. 57,58; 1988: карта 3; ср. также: Warnke 1982, рис. 2).

Весьма любопытен географический разброс памятников (рис.2). Они представлены в нескольких удаленных друг от друга анклавах от Вагрии и Вендланда на западе до нижней Вислы на востоке. Несмотря на такую рассредоточенность, их объединяет много общих черт. Это, прежде всего, четырехугольные каменные обкладки, до недавнего времени считавшиеся типичными для прибалтийских славян лишь на последних фазах раннего средневековья. Теперь их более ранняя датировка (встречающаяся и в старых работах) несомненна, что подтвердили исследования уже упоминавшихся могильников в Захове, Локнице и Дольницах.

Проблема происхождения этой формы и конструкции курганов давно вызывает интерес. В.Вогель (Vogel 1972: 40 и сл.) выводит ее, применительно к прибалтийским славянам, из скандинавской среды, в то время как Е.Цолль-Адамикова (Zoll-Adamikova 1988: 198), "не скидывая полностью со счетов данного источника влияния", склонна искать прототипы в погребальных традициях южной ветви западных славян, где курганные могильники появились скорее всего уже в VII в. (так называемая область С). Е.Цолль-Адамикова считает, однако, что не обязательно было "простое заимствование", поскольку сходство могло восходить к общей для славян тенденции "придавать курганам вид жилых домов" (ср. также: Kalinowska 1994: 166). Однако, многое свидетельствует о непосредственном заимствовании четырехугольных каменных конструкций вместе с самой курганной традицией из облас-

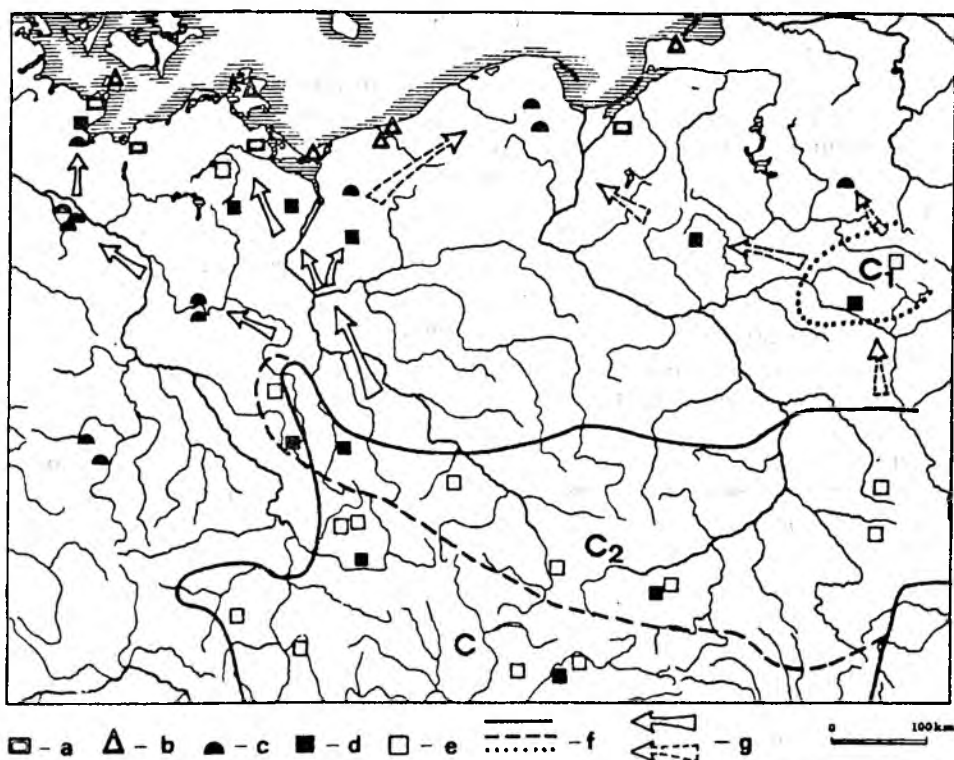

Рис. 2 Древнейшие могильники прибалтийских славян на фоне области С и могильников с элементами скандинавской погребальной обрядности. 1 – грунтовые могильники со скандинавскими элементами; 2 – курганные могильники со скандинавскими элементами; 3 – курганные могильники; 4 – курганные могильники с четырехугольными каменными обкладками насыпей; 5 – курганные могильники с четырехугольными деревянными конструкциями; 6 – границы области С, С1 и С2 (по Е.Цоль-Аламиковой); 7 – наиболее вероятные и предположительные направления распространения курганного обряда погребения.

ти С. Это следует из карты распространения славянских курганов начала раннего средневековья, в том числе курганов с четырехугольными каменными оградками (рис.2). Представляется, что из области С идея курганного обряда сначала проникла в Подляшье, а оттуда, по-видимому, в Восточное Поморье и, несколько позже, вдоль Шпрее и Хавеля в земли дреклян и вагров, а по бассейну Одера, в обход Великопольши, на западные рубежи Западного Поморья. Не исключено, что идея в ряде случаев распространялась путем перемещения немногочисленных групп ее носителей, во всяком случае это можно предполагать относительно северо-западного направления, конечным регионом которого была Вагрия.

Если принять предлагаемую гипотезу, то южное происхождение четырехугольных каменных обкладок, встречающихся в курганах западных славян, не должно вызывать особых сомнений. Такое же происхождение имеют и деревянные четырехугольные конструкции (так называемый тип IIIc; ср.: Zoll-Adamikova 1977: 79; 1979: 59 и сл.), исследованные недавно в Мезингере (Mezinger, Kr. Demmin), аналогии которым обоснованно находят в области С (Ulrich 1991: 194).

Предлагаемая интерпретация позволяет объяснить неравномерность распространения раннесредневековых курганных могильников в землях прибалтийских славян. Обширные просторы ободритско-вильцкого пограничья вообще не знают такого обряда. Иная картина фиксируется в Поморье, где с конца I тысячелетия н.э. распространен обычай

погребать умерших в курганах (Zoll-Adamikova 1994: карта). Курганы там сосредоточены преимущественно от бассейна Реги на западе до долины Вислы на востоке (рис.1). Идея курганного обряда несомненно пришла туда с запада, с нижнего Одера и, возможно, также с востока, со стороны Подляшья. Трудно установить, сопутствовали ли этому перемещения больших или меньших групп людей, как это имело место во время появления у прибалтийских славян древнейших курганов, однако исключить подобное нельзя. Действенной силой мог тут выступать, среди прочего, “поморский политический фактор”: заинтересованность в ускоренной колонизации, особенно в колонизации обширных пространств поморского поозерья (Łosiński 1980: 73-74).

Изложенная гипотеза носит рабочий характер и нуждается в проверке, содействовать которой должна возрастать в последние годы активность полевых исследований раннесредневековых памятников Поморья и нижней Эльбы. Надеюсь, что открытие на южном побережье Балтийского моря более многочисленных курганных могильников – это только вопрос времени.

- Gralow K.-D. 1981. Ausgrabungen auf dem slawischen Hügelgräberfeld von Löcknitz. Kreis Pasewalk // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. T.29.
- Kalinowska U. 1994. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko kurhanowe w Dolicach, woj. Szczecińskie, stan.20 // Materiały Zachodniopomorskie. T.40.
- Krajewski P. В печати. Wczesnośredniowieczny kurhan z cmentarzyska w Osinie, stan.I, woj. Szczecińskie. Wyniki badań wykopaliskowych w 1994 roku // Materiały Zachodniopomorskie. T.42
- Łosiński W. 1972. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsęty (VII-X/XI w.). Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
- Łosiński W. 1974. Srebrny wystrój odzieży z wczesnośredniowiecznego cmentarzyska w Świeblubiu w powiecie kolobrzesckim // Studia Archaeologica Pomeranica, Koszalin
- Łosiński W. 1979. Die Kontakte zwischen Pommern und Skandinavien im frühen Mittelalter im Lichte von Forschungen im unteren Parsęta-Flussgebiet // Rapports du IIIe Congrès International d'Archeologie Slave, T.I. Bratislava.
- Łosiński W. 1980. Kolonizacja wewnętrzna ziem pomorskich w XI w. jej charakter i tło społeczne w świetle danych archeologii (na podstawie materiałów nekropolicznych) // Slavia Antiqua T.27
- Schmidt V. 1992. Lips. Die slawischen Gräberfelder und Kultbauten am Südende des Tollenseses. Lubstorf.
- Stange H., Gralow K.-D. 1972. Ein slawisches Hügelgrab von Löcknitz. Kr. Pasewalk // Auf. T.17
- Ulrich J. 1991. Untersuchungen auf dem slawischen Hügelgräberfeld von Meesiger. Kreis Demmin // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern. T.39.
- Vogel V. 1972. Slawische Funde in Wagrien. Neumünster.
- Warnke D. 1975. Das frühgeschichtliche Hügelgräberfeld in den “Schwarzen Bergen” bei Ralswiek, Kreis Rügen // Zeitschrift für Archäologie. T.9.
- Warnke D. 1978. Funde und Grabsitten des Gräberfeldes in den “Schwarzen Bergen” bei Ralswiek im Rahmen der kulturellen Beziehungen in Ostseegebiet // Zeitschrift für Archäologie. T.12
- Warnke D. 1981. Eine Bestattung mit skandinavischen Schiffsresten aus den “Schwarzen Bergen” bei Ralswiek, Kr. Rügen // Auf. T.26.
- Warnke D. 1982. Bestattungssitten der slawischen Bevölkerung im Norden der DDR // Zeitschrift für Archäologie T.16.
- Warnke D. 1985. Skandinavische Einflüsse in nordwestslawischen Grabbefunden // Acta Visbyensia. T.7.
- Zoll-Adamikowa H. 1975. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne Słowian na terenie Polski. Cz.I. Źródła. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
- Zoll-Adamikowa H. 1977. Typy konstrukcji drewnianych w słowiańskich kurhanach ciałopalnych // Acta Archaeologica Carpathica. T.17.
- Zoll-Adamikowa H. 1979. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałopalne Słowian na terenie Polski. Cz.II. Analiza. Wnioski. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
- Zoll-Adamikowa H. 1980. Einheimische und fremde Elemente im Grabkult der Ostseeslawen // Offa T.37.
- Zoll-Adamikowa H. 1988. Przyczyny i formy recepcji rytuału szkieletowego u Słowian nadbałtyckich we wczesnym średniowieczu // Przegląd Archeologiczny. T.35.
- Zoll-Adamikowa H. 1994. Die Einführung der Körperbestattung bei den Slawen an der Ostsee // Archäologisches Korrespondenzblatt. T.24.

Из истории изучения псковских говоров

Время возникновения Пскова уходит в отдаленное прошлое, возможно, в IX век. Возник он на земле, заселенной кривичами и отдельными финскими племенами. Впервые летописи упоминают его под 903 г. Псковский летописец пишет: “А о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспоминаѣто отъ кого созданъ высть и которыми людьми, токмо увѣдѣхомъ, яко былъ уже в то время, какъ наѣхали князи Рюрикъ с братъею изъ Варягъ в Словяне княжити” (ПВЛ 1848: 174). Известно также, что “кривичи, иже сѣдятъ на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленскъ”. Судя по археологическим данным среди кривичей выделяется несколько локальных групп, в том числе — псковская, в зону обитания которой включается территория от Псковского озера и бассейна реки Великой до Валдайских озер и верховьев реки Волги” (Алексеева 1973).

Древнейшие памятники псковской письменности относятся к XIV в. На территории Псковской земли в конце I тысячелетия до н.э. и в начале нашей эры жило население, которое “происходило от предков с иной культурой и иным строем языка, отличным от культуры и языка южных соседей — протославян: его соплеменники, не испытавшие на себе влияние среднеднепровских, припятских и деснинских славян и не включившиеся в силу исторических условий в очаг славянского этногенеза, известны нашим летописям под названием мери, веси, чуди, муромы, мордвы, голяди и т.д., из которых часть так и осталась финнами, а часть, позднее все же была ассимилирована русскими” (Мавродин 1945: 78). Таким образом, в середине I тысячелетия н.э. в формировании населения Псковской земли приняли участие главным образом кривичи, ассимилировавшие в это время протолитовские и протофинские племена.

Исследования древнепсковских говоров находим в трудах лингвистов конца XIX — начала XX вв. — А.И.Соболевского, Л.Л.Васильева, Н.М.Каринского, А.А.Шахматова. А.И.Соболевский в “Очерках из истории русского языка” (1884: 118-156) устанавливает характерные черты диалекта древней Псковской земли на основании анализа памятников псковской письменности, а также указывает на совершенное сходство псковского говора с новгородским. Н.М.Каринский, продолжая исследование А.И.Соболевского, пишет работу “Язык Пскова и его области в XV в.” (1909) и высказывает мнение о сильном влиянии белорусов на псковские говоры. А.А.Шахматов в статье “Несколько заметок об языке псковских памятников XIV-XV в.” пишет: “Признаю большой заслугой А.И.Соболевского и Н.М.Каринского указания их на связь псковского наречия с белорусским..., я склонен думать, что связь эта исконная, вызванная исконным соседством псковичей и белорусов: в силу географических условий в Псковской области создался говор промежуточный между белорусским и севернорусским” (Шахматов 1909: 105). А.А.Шахматов (1899: 382) отмечает также, что северноруссы вытеснены средне-

руссами с берегов Западной Двины и Чудского озера, с истоков Днепра и Волги и с берегов Оки. В Псковской губернии кривичам удалось сохранить только Порховский уезд, издавна тянувший к Новгороду, а не ко Пскову — там окают до сих пор, тогда как по всей остальной губернии акают под влиянием белорусских дреговичей, продвинувшихся сюда с юга. Связывая кривичей с оканьем и не находя оканья в местах, где по летописи жили кривичи, А.А.Шахматов считает возможным указать, что все кривичи этой области, за исключением порховских, выселились на север — в новгородские и псковские колонии, уступив свою территорию дреговичам, втянувшим “новгородский пригород Псков в сферу полоцких и литовско-русских интересов”. Таким образом, А.А.Шахматов создает свою теорию о ляхской колонизации на востоке в VII в. и о влиянии польского языка. Этим же он объяснил и появление аканья в псковских говорах.

Б.А.Ларин, подробно анализируя это положение А.А.Шахматова в начале 60-х годов XX в., писал: “Была ли эта первоначальная принадлежность “ляшской”, как думал А.А.Шахматов, пока нельзя ответить уверенно. важно и существенно то, что древнейший субстрат псковских говоров не входит в восточнославянскую группировку, что “обрусение” было второй эпохой в его истории... Если можно быть уверенным, что в XI-XII вв. псковский диалект был уже втянут в систему восточнославянских, то неизвестно, был ли он в своей более ранней формации (хотя бы еще на тысячелетие раньше) ближе к восточнославянским, чем к западнославянским. Он мог бы рассматриваться и как реликт исчезнувшей группы диалектов, переходных от славянских языков к балтийским, а не к западнославянским” (Ларин 1960: 12,13).

Надо отметить, что А.И.Соболевский, Л.Л.Васильев, Н.М.Каринский, А.А.Шахматов и ряд других ученых решали проблему генезиса псковских говоров, в основном, на материале фонетики. Начиная с середины 60-х годов XX в. в связи с началом работы над составлением “Псковского областного словаря с историческими данными” (ПОС, вып.1-12, 1967-1996) активизировалось изучение лексики псковских говоров (Филин 1962; Мжельская 1963; Мокиенко 1969; Тарасова 1973; Лутовинова 1977; Ивашко 1981). Лексика изучается с точки зрения семантической, происхождения, словообразования, ареального распространения как в границах современной Псковской области, так и на широком общеславянском фоне. Выяснилось, что в географических границах Псковской области выявляется сложная ареальная картина четырех компактных зон лексической и семантической общности (Лутовинова 1983; 118-127).

Классификация псковских говоров показала, что фонетические, грамматические и лексические изоглоссы подтверждают высказанную еще в XIX в. мысль о том, что псковские говоры неоднородны: выделяется северо-восточный пласт, который примыкает к новгородским диалектам, и юго-западный. Кроме того, по всей территории Псковской области разбросаны “островки” различных реликтовых фонетических, грамматических, лексических явлений, что “дает основание предположить существование единой когда-то псковской диалектной системы. Пестроту псковских говоров дополняют языковые явления, возникшие под влиянием белорусских и других соседних наречий” (Корнев 1962: 152).

Несмотря на влияние соседствующих языков и говоров на формирование псковских говоров, все же в своей основе — это единый говор восточнославянского происхождения с некоторой близостью к западнославянским языкам (в особенности, к польскому), к белорусскому языку, с

отдельными вкраплениями литовского языка, а также с типичными особенностями севернорусских говоров.

Важность и необходимость изучения псковских говоров была подчеркнута в 1963 г. основателем "Псковского областного словаря с историческими данными" проф. Б.А.Лариным, который писал в его предисловии, что "народная речь Псковской области представляет большой интерес в международном плане, не говоря уже о ее исключительном значении для историков и диалектологов русского языка, так как она отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также и белоруссами" (ПОС, вып.1, 1967: 3).

Идея Б.А.Ларина о необходимости изучения псковских говоров плодотворно претворяется в жизнь. Продолжается полевая работа в ежегодных научных экспедициях в Псковскую область, где студенты под руководством преподавателей записывают беседы с местным населением, уточняют имеющиеся в картотеке материалы. Подчас, правда, в небольшом количестве, появляются и новые материалы. Следует отметить, что по-прежнему сохраняется фонетическая особенность, отмеченная А.А.Шахматовым в конце XIX в. — оканье в Порховском районе, а в большинстве других районов аканье.

На базе более чем полуторамиллионной картотеки, которая хранится в Санкт-Петербургском университете в Межкафедральном словарном кабинете им. проф.Б.А.Ларина и в Псковском педагогическом институте на кафедре русского языка, помимо исследовательской работы, которая ведется весьма интенсивно, составляется Словарь, по своему замыслу не имеющий аналогов — "Словарь полного типа", в который включаются все слова, услышанные в полевых условиях из уст крестьян, а также слова, вошедшие в псковские письменные источники, начиная с XIV в. В настоящее время вышло из печати 12 выпусков "Псковского областного словаря с историческими данными". Работа по изучению псковских говоров продолжается.

-
- Алексеев Т.И. 1973. Этимология восточных славян. М.
- Иванко Л.А. 1981. Очерки русской диалектной фразеологии. Л.
- Каринский Н.М. 1909. Язык Пскова и его области в XV в. СПб.
- Корнев А.И. 1962. Межвузовская конференция по вопросам исторической и региональной лексикологии и лексикографии // Вестник ЛГУ. № 8. Вып.2. Л.
- Ларин Б.А. 1960. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций академика А.А.Шахматова и наши задачи // УЗ ЛГУ. № 267. Вып.52.
- Ларин Б.А. 1963. Об одной славяно-балто-финской изоглоссе. Л.
- Лутовинова И.С. 1977. Комплексное лингвистическое исследование названий кушаний в псковских говорах (к проблеме формирования лексики псковских говоров) // АКД. Л.
- Лутовинова И.С. 1983. О лингвогеографическом членении псковских говоров (на материале одной лексико-семантической группы) // Лингвострофия. Л.
- Мапрович В.В. 1945. Образование древнерусского государства. Л.
- Мажельская О.С. 1963. О лексических связях псковских говоров с западнославянскими языками // Вестник ЛГУ. Вып.3. № 14.
- Мокшенок В.М. 1969. Ареальный анализ местной географической терминологии и его интерпретации // Советское славяноведение, № 5.
- ПВЛ — Повесть Временных лет. Т.1 // ПСРЛ, т.IV. СПб., 1848.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-12. (А — земля). 1967-1996.
- Соболевский А.И. 1884. Очерки из истории русского языка. Ч.1. Киев.
- Тарасова М.А. 1973. Отражение синонимов в "ПОС" и проблемы диалектной синонимии // Псковские говоры. Вып.3. Псков.
- Филин Ф.П.1962. Образование языка восточных славян. М. 1962.
- Шахматов А.А. 1899. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // ЖМНП, апрель.
- Шахматов А.А. 1909. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV-XV в. // ЖМНП, июль.

Нижний палеолит Кавказа: связи с югом, специфические черты и основные этапы

Истоки, особенности и богатство нижнего палеолита Кавказа теснейшим образом связаны с его географическим положением (близость к африкано-левантийской области), орографией (горный барьер Большого Кавказа отделяет южно-русские степи от субтропического Закавказья, являясь не только климаторазделительным, но и культуроразделительным рубежом), разнообразием растительного и животного мира (более 6 тыс. видов растений, 130 видов млекопитающих), множеством скальных убежищ (сотни пещер и навесов как в известняковых, так и в лавовых породах) и сырья для орудий (практически все пригодные для их изготовления осадочные и вулканические породы).

Первоначальное заселение Кавказа человеком и последующие культурные контакты были обусловлены всем ходом предыстории Кавказского перешейка, исконными и длительными связями Кавказа с югом, с Ближним Востоком. Ближневосточные влияния ощущались, в основном, к югу от барьера Большого Кавказа, в Закавказье и особенно ярко в его южной части — на территории Закавказского вулканического нагорья, являющегося непосредственным продолжением сопредельных горных экосистем (Любин 1957: 71-90; 1993: 173-174).

Очевидность связей с югом проявляется в неравномерном — в пространственном и временном аспектах — распространении на Кавказе антропологических и палеолитических находок, имеющих отношение к древним гоминидам. Находки остатков *Homo erectus* в кавказском регионе известны только в Закавказье: ранних — в Дманиси (Габуния, Векуа 1993), поздних — в ашельских слоях пещер Азых в Карабахе (Гаджиев, Гусейнов 1970: 13-21) и Кударо I в Юго-Осетии (Харитонов 1989: 21-24). Архаичные галечные индустрии (Дманиси), и ашельские памятники с большим количеством ручных рубил (Сатани-дар, Атис, Джрабер и др. в Армении; Чикиани, Персати в Грузии) сосредоточены на территории нагорья (Любин 1984: 61-62; Ljubin, Bosinski 1995: 207-253). К северу от нагорья, на всей остальной территории Кавказа ашельские ручные рубила встречаются гораздо реже. В настоящее время они известны в субмеридиональной полосе Центрального Закавказья, простирающейся от нагорья к Большому Кавказу через Юго-Осетию. В этой полосе обнаружены многочисленные местонахождения с ручными рубилами (рис.1) в предгорьях (Лаше-Балта, Калети, Тигва и др., см.: Любин 1984: 61) и ашельские пещерные стоянки в среднегорье (Кударо I и III, см.: Любин 1989: 23-34) и в высокогорье (Цона, см.: Каландадзе 1965: 32-36). Вне этой полосы

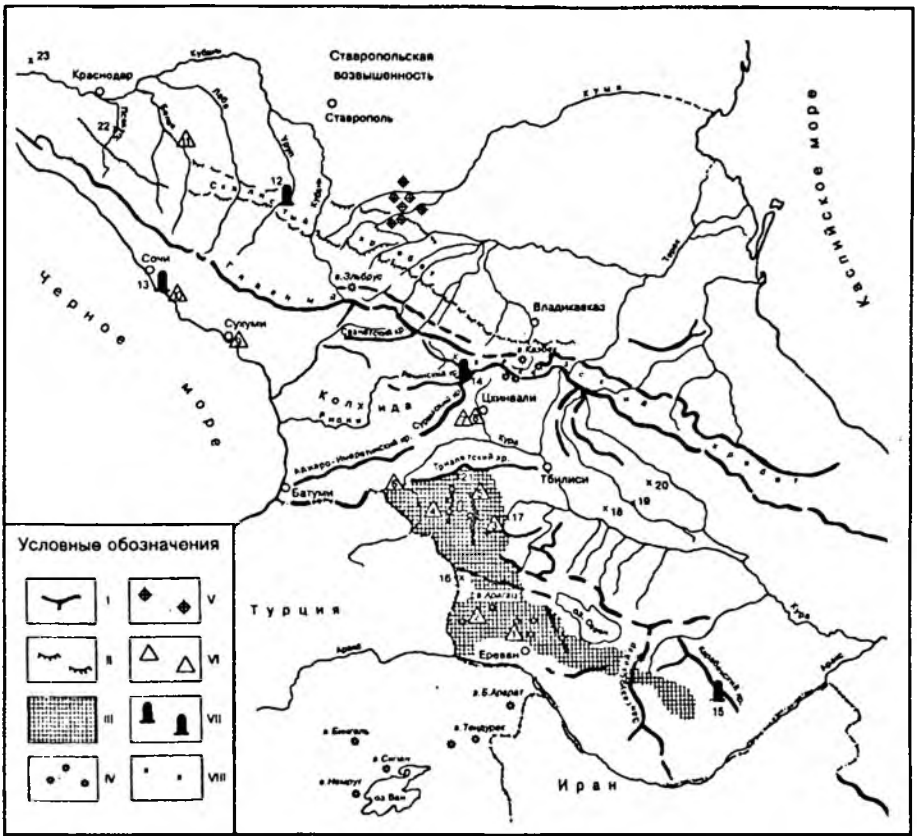

Рис. 1 Карта кавказского сегмента Африкано-Аравийского рифтово-вулканического пояса (по данным Е.Е.Милановского, 1976) с указанием основных нижнепалеолитических памятников и скопления костей ископаемых животных: I — горные хребты; II — кузетовые гряды; III — Закавказское вулканическое нагорье; IV — крупнейшие потухшие вулканы; V — островные горы-лакколиты; VI — нижнепалеолитические стоянки и местонахождения открытого типа (1 — Джрабер, Фонтан, Атис; 2 — Сатани-дар, Еркари-блур и др.; 3 — Дманиси; 4 — Амиранис-гора; 5 — Чикиани; 6 — Персати; 7, 8 — Лаше-Балта, Калети, Гористави и др.; 9 — Яштух; 10 — Богос; 11 — Абалзехская); VII — пещеры с ашельскими культурными слоями (12 — Треугольная; 13 — Ахштырь; 14 — Кударо I, Кударо Ш и Цона; 15 — Азык); VIII — основные скопления костей ископаемых плейстоценовых животных (16-22).

ашельские индустрии с ручными рубилами — причем в малом количестве — известны лишь в Абхазии (Замятнин 1962: 67-98) и в бассейне р.Кубань на Северном Кавказе (Ауглев 1963)

Маршруты движения ашельских людей от нагорья к северу, как это представляется, проходили через Центральное Закавказье и регламентировались, по всей видимости, природными факторами. Западное Закавказье (Колхида) с его влажными залесенными ущельями и заболоченными низменностями (Чочиева, Мамацашвили 1991: 257-258) вряд ли могло привлекать гоминид — исконных обитателей открытых пространств. Природные барьеры возникали и в Восточном Закавказье: воды трансгрессирующего Каспия покрывали значительную часть Куринской низменности (Федоров 1978). Наиболее благоприятная экологическая ситуация сохранялась, должно быть, в центре перешейка, к востоку Сурамского (Лихского) хребта, куда в обход сильно залесенной Колхиды и продвигались, судя по распространению ручных рубил, ашельские гоминиды.

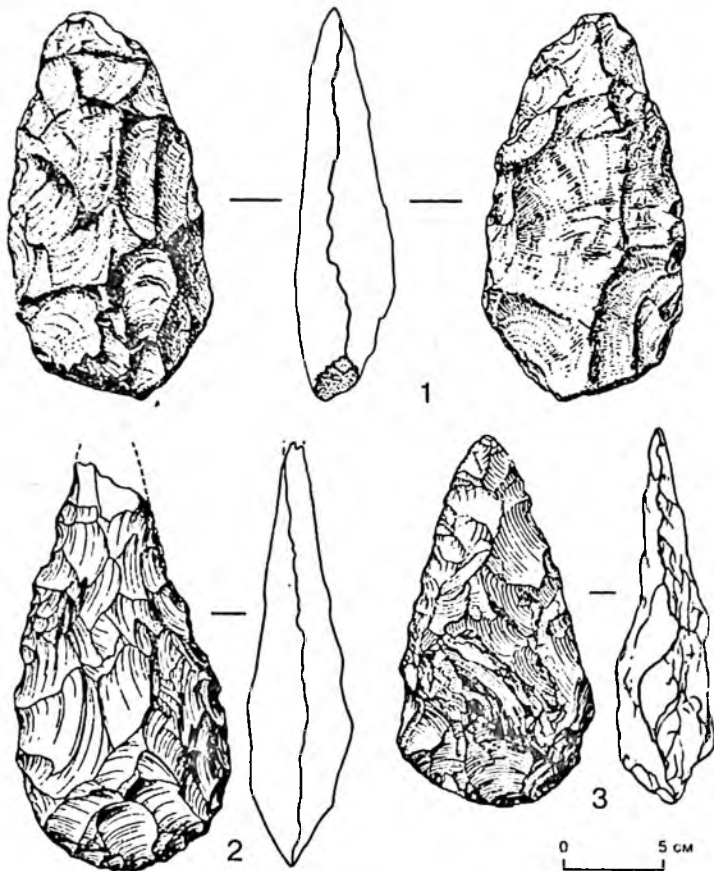

Рис. 2 Удлиненные ручные рубила классических типов: 1 — местонахождение Калети в Юго-Осетии (по В.П.Любину); 2 — Закубанье (школьный музей в с.Курджиново); 3 — Яштух в Абхазии (по И.И.Коробкову).

В срединной зоне Кавказского перешейка и в примыкающей к нему Восточной Анатолии, по мнению видного геолога Е.Е.Милановского, простирается северная оконечность Африкано-Аравийского рифтово-вулканического пояса, природные условия в котором, как принято считать, благоприятствовали становлению и развитию древнейших гоминид. В пределах анатолийско-кавказского сегмента этого пояса находятся крупные вулканы Немрут, Сипан, Тендурек, Арарат, вулканическая область Закавказского нагорья, Сурамский хребет, Эльбрусская, Чегемская и Казбек-Цхинвальская области Большого Кавказа, Минераловодские лакколиты и Ставропольская возвышенность (Милановский 1976).

Вероятность прихода древнейших обитателей Кавказа со стороны африкано-левантийского региона, помимо указанной дислокации антропологических и археологических находок, подтверждается их характеристиками. Челюсть *Homo erectus* из Дманиси, по заключению грузинского антрополога Л.К.Габуния (Габуния, Векуа 1993: 45), обнаруживает весьма близкое сходство с нижними челюстями некоторых африканских раннеплейстоценовых гоминид из Олдувая (ОН 13) и Кооби-Фора (ER 730, ER 992 и, м.б., ER 15.000). Ашельские индустрии Закавказья также имеют наиболее близкие параллели на юге — в Леванте. Так, в Закавказье, как и в Леванте, преобладают ашельские индустрии с

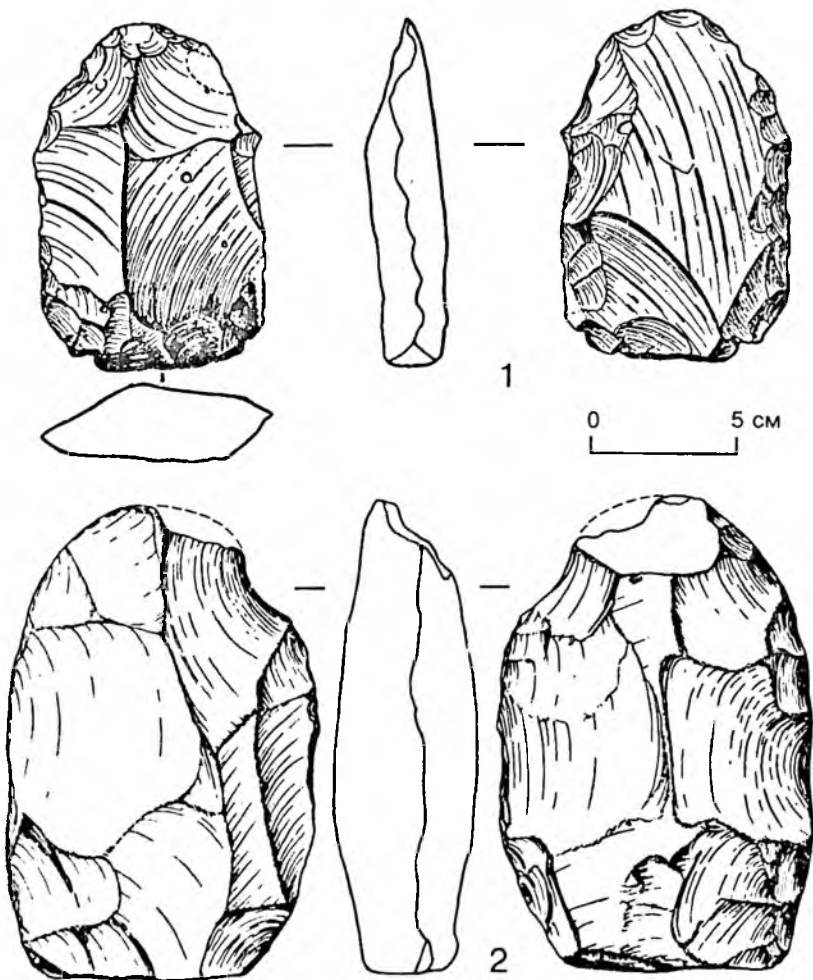

Рис. 3 Ручные рубила подпрямоугольных очертаний: 1 — местонахождение Гористави в Юго-Осетии; 2 — пещера Кударо I (по В.П.Любину).

бифасами (ручными рубилами), а количество кливеров и здесь и там не превышает в среднем 2%, за исключением стоянки Geshor Benot Ya'aqov (Gilead 1973). Правда, на Кавказе до сих пор не обнаружены аналоги архаичных ашельских левантийских индустрий так называемой убейдинско-латамнской традиции (типа Убейдии, Джуб-Джаннина II, Латамны), содержащих помимо ручных рубил пики, полиэдры, сфероиды и отмечаемые многими исследователями удлинённые бифасы с доловидными дистальными концами (см. напр: Bar-Josef 1994: 211-265). Отсутствие в кавказском ашеле названных орудий можно объяснить более поздним продвижением ашельских людей в кавказскую область.

Маршрут Кавказ — Восточная Анатолия — Левант представляется наиболее вероятным путем миграций древнейших людей на Кавказ. Древние коммуникации могли пролегать по обширным горным депрессиям, прорезаемым реками Евфрат и Мурат. Районы эти, однако, в настоящее время исследованы мало и ашельские находки в промежутке между Кавказом и Левантом пока почти неизвестны — исключая Карский вилайет на севере и район к югу от Армянского Тавра. Тем не

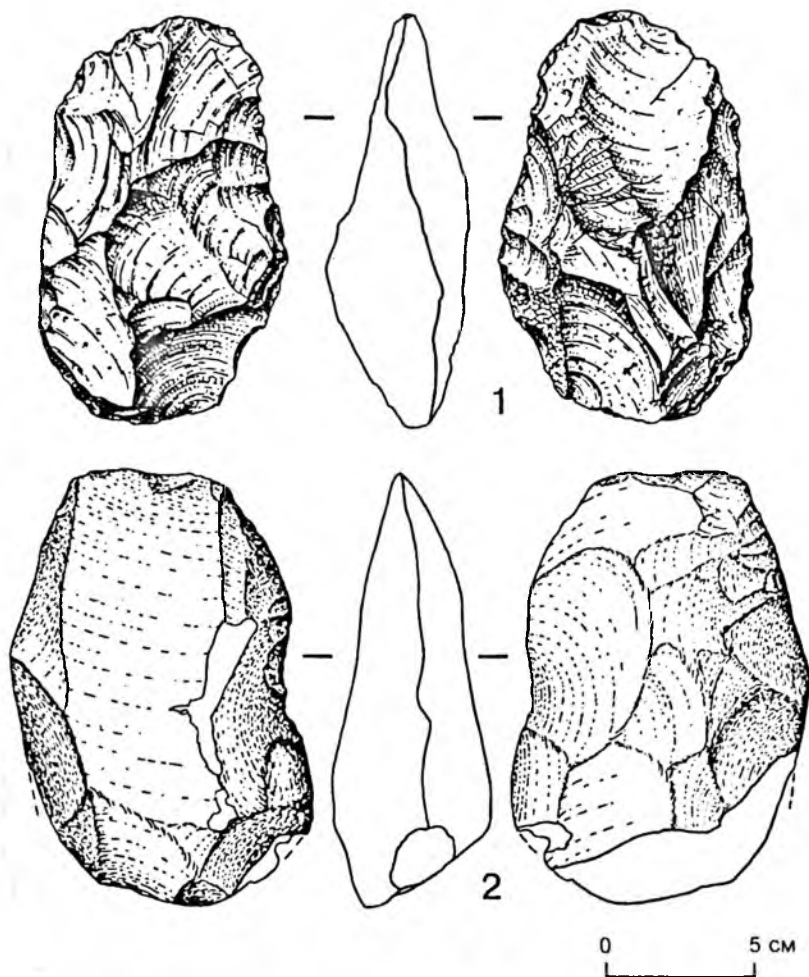

Рис. 4 Кливеры: 1 — Лаше-Балта в Юго-Осетии (по В.П.Любину); 2 — Яштух в Абхазии (по И.И.Коробкову).

менее, близость кавказского и левантийского ашеля допускает рассматривать Кавказ как северную оконечность левантийской бифасной провинции (гипотеза “верхушки айсберга”) или как обособленный бифасный регион, в котором ашель в определенные промежутки времени развивался изолированно (гипотеза анклава, подобного мадрасскому на Индийском субконтиненте).

Региональной особенностью кавказского ашеля является сравнительная немногочисленность бифасов классических типов (ланцетовидных, микокских, сердцевидных, миндалевидных, овальных, треугольных и др.) — правильных линейных очертаний, обработанных сплошной двусторонней ретушью, двояковыпуклых в поперечном сечении (рис.2).

Наиболее правильные овальные и треугольные формы особенно редки. В некоторых индустриях (особенно андезитовых) преобладают вариабельные частичные бифасы и бифасы с обушком. Прослеживается также тенденция к выпрямлению продольных краев бифасов, к приданию им подпрямоугольных очертаний (рис.3). Дистальные концы таких бифасов принимают вид дуги или низкого острия на ширину всего или почти

всего поперечника орудия. Почти во всех ансамблях, наконец, встречаются чопперы и немногочисленные кливеры (рис.4; см.: Любин 1997).

В нижнем палеолите Кавказа в настоящее время обозначаются два главных этапа:

1. Раннеплейстоценовый, представленный стоянкой Дманиси в Грузии, которая по ряду данных (одесская фауна, архаичная галечная индустрия, челюсть раннего *Homo erectus* и датировка палеомагнитным эпизодом Олдувай (1,87-1,67 млн л.н.) как основных культурных слоев, так и подстилающей их лавы) является, по всей видимости, древнейшей в Евразии;

2. Средне-верхнеплейстоценовый, который представлен шестью стратифицированными пещерными стоянками — Азых в Азербайджане, Кударо I, Кударо III и Цона в Юго-Осетии, Ахштырь в Причерноморье и Треугольная пещера на Кубани, а также многочисленными местонахождениями, главным образом, мастерскими у выходов сырья. Среднеплейстоценовый возраст этих стоянок подтверждается помимо характера индустрий биостратиграфическими данными и абсолютными датировками. Так, в нижнем ашельском слое пещеры Кударо I, например, обнаружены кости таких индикаторных архаичных видов как *Mascaca cf. sylvana*, *Canis cf. etruscus*, *Ursus deningeri* и *Dicerorhinus etruscus brachycephalis*, а в нижних слоях Треугольной пещеры — остатки *Arvicola cantiana*, *Dicerorhinus etruscus* и *Bison schoetensacki*. Абсолютные ЭПР и РТЛ-даты самых нижних ашельских слоев в пещерах Треугольной и Кударо I равны соответственно 583 ± 25 тыс.л.н. и 560 ± 112 тыс.л.н.

Названные этапы — этап Дманиси и этап Кударо и других ашельских стоянок — разделяет hiatus почти в 1 млн. лет. Со временем, судя по некоторым новым находкам, эта лакуна будет, по всей видимости, заполнена. В то же время, на основании анализа всех наличных материалов сегодня допустимо говорить о том, что рубеж в 600-500 тыс.л.н. фиксирует начало этапа наиболее интенсивного заселения Кавказа ашельскими людьми, период весьма крупной их экспансии с юга.

Аутлен П.У. 1963. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. Майкоп.

Габуния Л.К., Векуа А.К. 1993. Дманиский ископаемый человек и сопутствующая ему фауна млекопитающих. Тбилиси.

Гаджиев Д.В., Гусейнов М.М. 1970. Первая для СССР находка ашельского человека // Ученые записки Азербайджанского Государственного медицинского института. № 31. Баку.

Замятин С.Н. 1961. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. М.-Л.

Каландадзе А.Н. 1965. Цонская пещера и ее культура // Пещеры Грузии, № 3. Тбилиси.

Любин В.П. 1957. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества // СА. № XXVII.

Любин В.П. 1984. Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. Археология СССР (т.1). М.

Любин В.П. 1993. Евразия изначальная // ВДИ. № 2.

Любин В.П. 1997. Проблемы первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии // Археологические вести. № 5 (в печати).

Милановский Е.Е. 1976. Рифтовые зоны континентов. М.

Федоров П.В. 1978. Плейстоцен Понто-Каспия. М.

Харитонов В.М. 1989. Ашельские гоминиды на территории СССР // Особенности морфофункциональных характеристик и нормы, развития и экстремальных условиях. Доклады Моск. об-ва испытателей природы. Общая биология. М.

Чочиева К.И., Мамачашидзе Н.С. 1991. История флоры и растительности // Грузия и антропоген. Тбилиси.

Bar-Josef O. 1994. The Lower Paleolithic of the Near East // Journal of World Prehistory. V.8. № 3.

Gilead D. 1973. Cleavers in early palaeolithic industries in Israel // Paleorient. V.1.

Ljubin V.P., Bosinski G. 1995. The earliest occupation of the Caucasus region // The earliest occupation of Europe. Eds. W.Roebroeks and T.van Kolfschoten. Leiden.

Гражданская постройка Новогрудского замка XIV в.

Гражданская постройка в Новогрудке была обнаружена раскопками 1977 г. на Замковой горе, где в X-XIII вв. находился детинец древнерусского города. После того, как Новогрудок вместе с частью западнорусских земель вошел в состав Великого княжества Литовского, здесь началось монументальное строительство, и в конце XIV-XV вв. был сооружен замок, состоящий из пяти башен и соединяющих их прясел стены (Ткачоу 1978: 44-45).

Первая оборонительная башня, возведенная, как показали раскопки М.А.Ткачева, еще в 60-70-е годы XIII в., была включена в дерево-земляные укрепления древнего города, а позже, в XIV в., перестроена (Ткачоу 1972: 322-324). Второй по времени постройкой была церковь, открытая раскопками 1973-1974 гг. почти в центре детинца. Она была сооружена в первой половине XIV в. и подвергалась перестройкам во второй половине XIV, XVI и XVII вв. (Малевская 1983: 122-124). Первая башня и церковь предшествовали возведению гражданской постройки (рис.1).

Открытая археологическими раскопками на детинце (замке) древнего Новогрудка, близ вала, постройка прорезает своей северо-восточной частью его насыпь, а юго-западной — культурные напластования XI-XIII вв. (Малевская 1978: 420-421). От нее сохранился подвальный этаж, который представлял собой квадратное в плане помещение размерами 9,5 x 10 м (снаружи) с поперечными стенками, членищими его на два квадратные (3,5 x 3,5 м) и одно прямоугольное (4 x 7,4 м) помещения с центральным столбом и вынесенным наружу входом, образованным двумя параллельными стенками (рис.2а). Стены подвального этажа здания сохранились на различную высоту от своего основания, лежащего на материке. Северо-восточная стена, наиболее глубоко врезанная в вал, сохранилась на высоту до 4 м, а наиболее удаленная от вала юго-западная стена — на высоту 2,9 м; опорный столб — на высоту 1,8 м (рис.3-4).

Стены здания толщиной 0,9-1,2 м сложены из булыжных камней на известково-песчано-карбонатном растворе и с внутренней стороны облицованы кирпичом размерами 29-30 x 13-14 x 8-9,5 см без какой-либо системы его перевязки (на поверхность выступают преимущественно ложки). Эта облицовка, плохо перевязанная с каменной кладкой (или приложенная к ней), почти везде отвалилась. Ее можно наблюдать лишь в самых нижних частях стен, где два-три ряда кирпичей поддерживала песчаная подсыпка под дощатый пол.

Внутренние стенки постройки (ширина 0,30-0,35 м) и центральный столб (1 x 1 м) сложены целиком из кирпича такого же формата как в облицовке наружных стен и также без определенной системы его укладки. Отметим, что обе перегородки и центральный столб

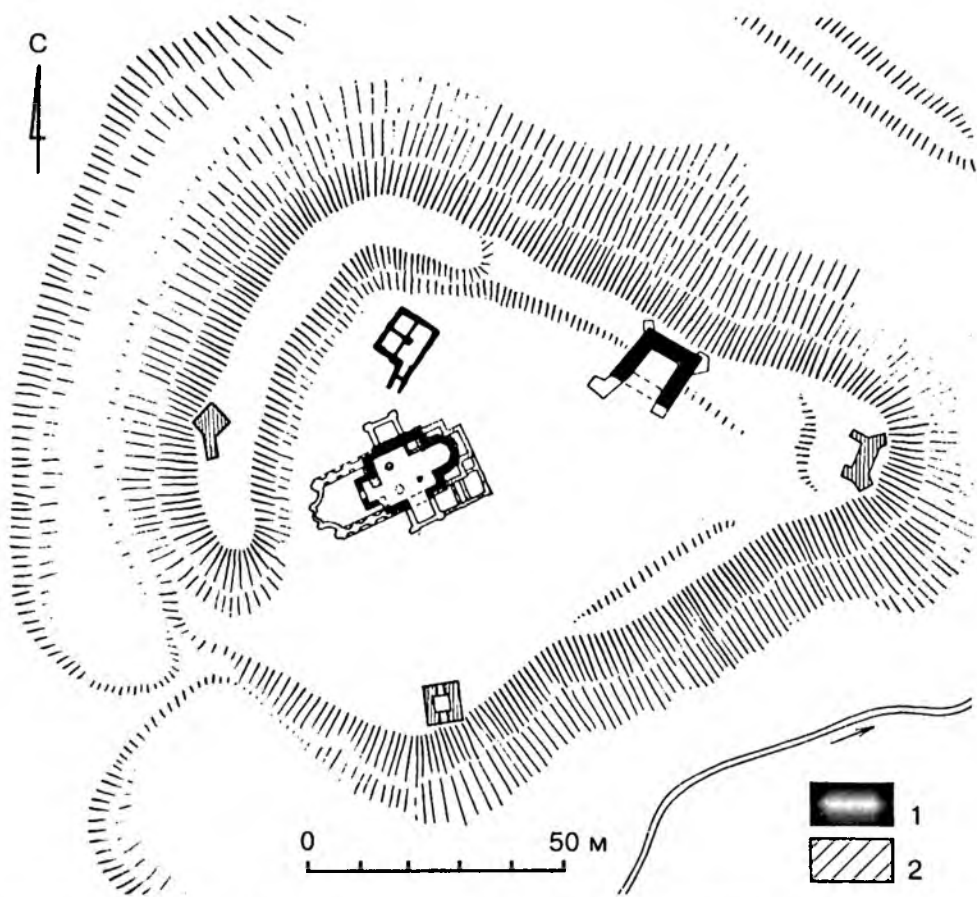

Рис. 1 Новогрудок. План детинца на Замковой горе. 1 — постройки XIV в.; 2 — башни рубежа XIV-XV вв.

имеют большую глубину заложения, чем основные стены (нижние два-три ряда кирпичной кладки впущены в материк), что, видимо, было необходимо для увеличения мощности столба, несущего нагрузку сводов. Разделенные перегородками помещения сообщались между собой посредством дверных проемов (ширина 0,9 м), основания которых и кирпичные пороги сохранились в двух перегородках близ центрального столба.

Остатки сводов подвальных помещений, сохранившиеся в углах и на его стенах, позволяют определить их конструкции и высоту помещений. Лучше всего сохранились остатки свода в западном углу здания, где на уровне 1,9 м от основания стены находится пята свода, обозначенная нижним нервюрным кирпичом с отломанной головкой (рис.5). Первоначально они имели стрельчатую форму, о чем позволяют судить найденные в развале постройки целые экземпляры и обломки головок (длина 28-29 см, ширина головки 13-14 см, толщина 7-8 см). Нервюры имели диагональное направление (из угла к центральному столбу), что свидетельствует о перекрытии западного квадратного помещения крестовым сводом. Хорошо также прослеживались остатки нервюрного свода в северном углу постройки, где обломки нервюрный стрельчатых кирпичей найдены в большом количестве в строительном развале под сводом, а в самом своде видны их отпечатки в растворе. Свод восточного угла постройки рухнул мощным блоком (1,5 x 1,5 м) на строительный развал. На его верхнюю поверхность выходят торцы пяти нер-

вюрных кирпичей, имеющих диагональное направление. Они свидетельствуют о том, что и неразделенное перегородкой прямоугольное помещение было перекрыто крестовыми сводами на нервюрах. Основания сводов сохранились не только в углах подвального этажа, но и на его стенах. На северо-западной стене кривизна кирпичной кладки одного из двух сводов прослеживается настолько четко, что позволяет установить высоту его шелыги как равную 3,10-3,20 м от основания стены (2,8-2,9 м от уровня пола). Необходимо отметить, что примененные в кладке сводов кирпичи заметно отличаются от кирпичей, использованных в облицовке стен и в кладках столба и перегородок. Видимо, для облегчения сводов брусковые кирпичи здесь немного короче (27-29 см вместо 29-30 см), а, главное, значительно тоньше (6-7,5 см вместо 8-9,5 см). По визуальным наблюдениям различается и качество раствора: в кладке стен и перегородок он желтовато-бурого цвета со значительной примесью песка и карбонатных частиц, не очень прочный; в кладке же сводов раствор белый, прочный, содержащий больше вяжущего и меньше примесей.

Таким образом, исследование остатков сводов подвальных помещений постройки у вала позволили установить их конструкцию, выявить применявшиеся в них строительные материалы, определить высоту сводов от уровня древнего пола.

От деревянного пола постройки почти ничего не сохранилось, так как он в одних помещениях сгорел, а в других сгнил. Однако уровень пола хорошо определяется как по небольшому участку полусгнивших досок, уложенных параллельно продольной перегородке (то есть — в направлении ко входу), так и по песчаной подсыпке под пол. О том, что доски пола опирались на лаги, уложенные вдоль северо-восточной и юго-западной стен, свидетельствуют пазы от лаг (25 x 30 см), сохранившиеся в основании продольной перегородки в двух ее концах и заполненные древесным тленом, смешанным с песком и землей (рис.4). Пол лежал на 10-15 см выше уровня основания стен и на 30-35 см выше основания перегородок.

Завершая описание подвального этажа постройки, остановимся на рассмотрении его входного устройства, сложного по конструкции и большого по размерам. Оно образовано вынесенными наружу двумя длинными (4,5 и 5 м) параллельными стенами. расстояние между которыми (шириной 1,5 м) разделено узкой перегородкой (0,3 м) на две части: внутреннюю, сложенную целиком из камня и не облицованную кирпичом, и внешнюю, сложенную целиком из кирпича. Формат кирпича такой же, как в основных стенах сооружения (29-30 x 13-14 x 8-10 см). Только в поперечной перегородке, сложенной из кирпича и камня, встречается и более мелкий кирпич (24-25 x 11-12 x 6-7 см). Назначение этой перегородки, сохранившейся на высоту 0,5-0,6 м, остается непонятным.

Важно отметить, что в конструкции входного устройства были применены деревянные столбы, о чем позволяют судить сохранившиеся от них углубления (ямы): два таких углубления выявлены в каменной кладке внутренней части входа близ перегородки (диаметр 24 и 28 см, глубина 40-50 см) и два — около торцов стен входа с их внутренней стороны (диаметр 35-40 см, глубина 20 см). Можно предположить, что над каменно-кирпичной частью входа находилась деревянная надстройка, основу конструкции которой и составляли столбы. Кроме того, столбы могли служить опорами для деревянной лестницы, ведущей в верхнее

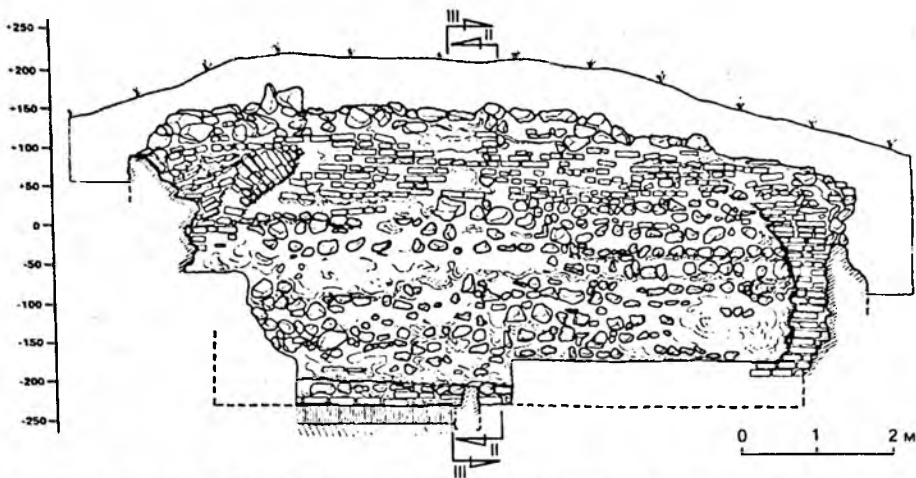

Рис. 3 Новогрудок. Северо-восточная стена гражданской постройки. Вид с внутренней стороны.

помещение. О существовании над входом деревянных конструкций, позже, видимо, сгоревших, свидетельствует мощный угольный слой на поверхности земли в проходе. Надо отметить, что эта поверхность имеет уклон от торцов боковых стенок к главному помещению и находится на более высоком уровне, чем пол подвального этажа — в начале прохода на 0,6 м, а при входе в постройку приблизительно на 0,3 м. Этот факт заставляет предположить, что при входе в подвальное помещение находились одна или две ступеньки, которым, возможно, принадлежит полусгнившая доска, обнаруженная в проходе на линии юго-западной стены.

Нет сомнения в том, что над подвальным этажом находилась наземная часть постройки. Об этом позволяет судить, во-первых, тот факт, что прорезающая вал стена поднимается выше сводов подвального этажа и в верхней ее части по наружному краю уложено два ряда больших валунных камней с плоской лицевой поверхностью; во-вторых, наличие одного ряда кирпичной кладки северо-западной стены, составляющей основание ее наземной части шириной 0,8-0,9 м; в третьих, найденные в заполнении подвального этажа обломки изразцов XIV-XVII вв., в свою очередь, свидетельствующие о существовании в верхнем этаже печи; в четвертых, многочисленные обломки кровельной желобчатой черепицы, найденные не только в заполнении постройки, но и в культурном слое близ нее и, наконец, в пятых, обломки оконных стекол с прямым краем и их свинцовые обрамления, также обнаруженные в заполнении подвального этажа.

Определить время сооружения рассматриваемой постройки помогает, прежде всего, сопоставление примененных в ней строительных материалов с таковыми из расположенной рядом церкви. Они оказались идентичными строительным материалам времени внутренней перестройки церкви, произведенной во второй половине XIV в., когда в бесстолпном храме были установлены подкупольные столбы, выделен северо-восточный придел и настлан кирпичный пол (Малевская 1983: 122-123). Почти полностью совпадают: размеры брусковых и квадратных кирпичей (Малевская 1989: 215-219); форма и размер нервюрных

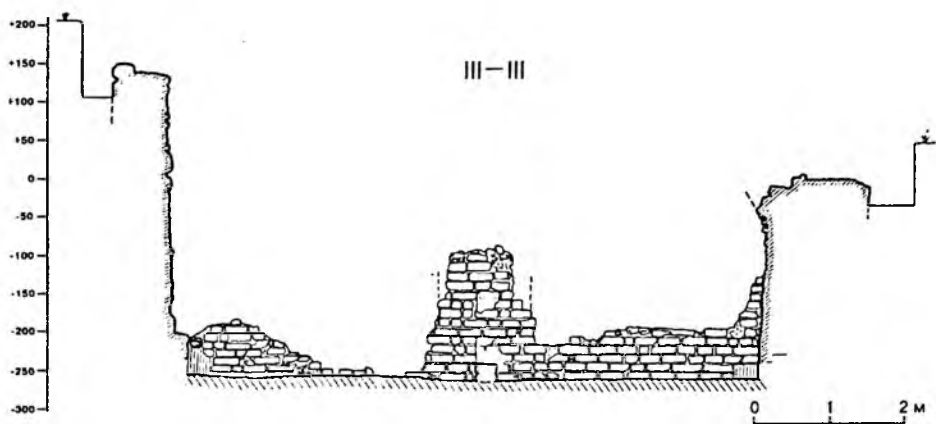

Рис. 4 Новогрудок. Разрез гражданской постройки по линии III-III с видом на перегородку и центральный столб.

кирпичей; желобчатая черепица, характерная для XIV — начала XV вв. (Трусов 1986: 186); частично — раствор (Селиванова 1982: 85,88). Это сходство материалов дает основание датировать рассматриваемую постройку второй половиной — концом XIV в. Такой датировке не противоречат, а, наоборот, подкрепляют ее, некоторые материалы из заполнения подвального этажа, состоявшего, главным образом, из развала сооружения (целые и битые кирпичи, камни, блоки упавших сводов, куски раствора, обломки черепицы и печных изразцов), смешанного с землей, песком и углями. Кроме уже упоминавшейся желобчатой кровельной черепицы (часто с одним зубом), бытовавшей в XIV — начале XV вв., к этому же времени относятся ранние формы печных изразцов — горшковые (сосудообразные) с устьем различной формы — круглой, четырехугольной и квадрифольной (Паничева 1980: 3-4,10-11; Трусов 1988: 129-135,140). XIV веком датируются также некоторые типы глиняной посуды, многочисленные обломки которой составляют основную категорию находок. Однако, необходимо отметить, что, наряду с фрагментами черепицы, изразцов и керамики XIV в., найдены и более поздние их формы — XV-XVII вв. Это позволяет определить период существования постройки — XIV-XVII вв.

Каково же было назначение открытого раскопками у вала сооружения с высоким подвальным помещением, перекрытым крестовыми сводами на нервюрах, с особо оформленным входом, включающим междуэтажную лестницу, и с высоким наземным этажом (вероятно, также перекрытым крестовыми сводами), с остекленными окнами, изразцовой печью и черепичной кровлей? По всей вероятности, это была княжеская палата, подвальный этаж которой служил для хранения различного инвентаря и боеприпасов (в развале постройки на полу было найдено много каменных ядер диаметром 10-14 см и их обломков), а верхний предназначался для парадных приемов и заседаний. Об имевших место торжественных приемах, помимо обломков глиняной посуды (обычной, поливной и лощеной) свидетельствуют найденные в развале постройки многочисленные (хотя и мелкие) обломки стеклянных сосудов — бутылей (кварт), бокалов, рюмок, небольших чаш и др. Несмотря на

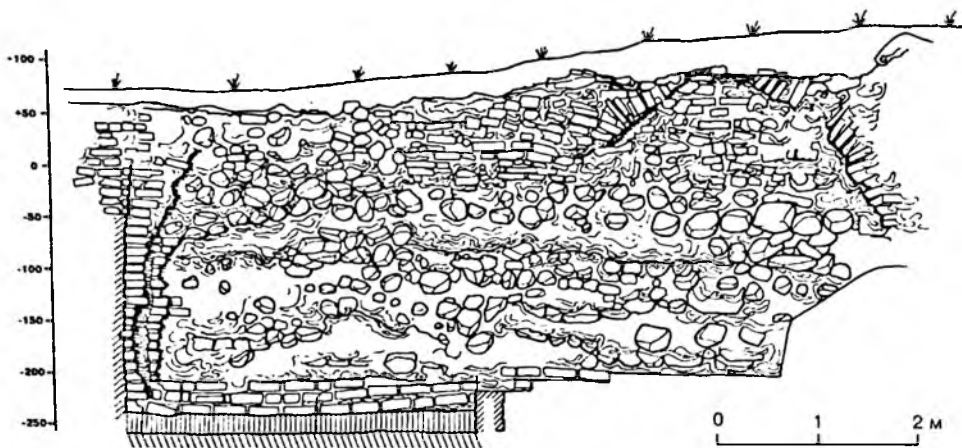

Рис. 5 Новогрудок. Северо-западная стена гражданской постройки Вид с внутренней стороны.

то, что верхнее помещение отапливалось, едва ли оно служило для жилья. Жилая постройка, скорее, была деревянной и находилась где-то поблизости, возможно, с северо-западной стороны сооружения, где в небольшом шурфе было обнаружено много горелого дерева.

Палата в Новогрудском замке могла быть сооружена по заказу литовского князя Федора Кориатовича (1350-1403 гг.), владевшего некоторое время Новогрудком после своего отца.

Прямых аналогий открытой в Новогрудском замке постройке в предшествующий период мы не знаем. Некоторые черты сближают ее с княжескими теремами XII в., открытыми раскопками в Полонке (Раппопорт, Шолохова 1981: 91-94), Смоленске (Раппопорт, Воронин 1979: 103-108) и в Гродно (Воронин 1954: 129-137; Раппопорт 1988: 65-72). К этим чертам относятся: расположение здания на краю площадки детинца близ церкви, наличие подклета (кроме терема в Гродно), отсутствие печей, свидетельствующее не о жилом, а о парадном характере сооружений. По своему размеру (длина стены 9,72 м) и вынесенному наружу крытому входу, образованному двумя параллельными стенками, терем в Гродно ближе других к новогрудской палате. Однако он имел, видимо, не сводчатое, а балочное перекрытие.

Для сравнения с новогрудской палатой особый интерес представляет гражданская постройка, раскрытая раскопками В.Д.Белецкого в Пскове на западной стороне Довмонтава города у склона к р.Великой. От этой постройки, отличающейся от всех перечисленных выше зданий большими размерами (8,2 x 13 м) и толстыми стенами (1,2-1,6 м) "сохранилась подвальная часть, разделенная стеной с центральным опорным столбом. В стенах помещений, достигающих высоты 2,7 м, сохранились ниши, пяты подпружных арок и входы с деревянными конструкциями дверных устройств. Деревянные полы в помещениях настланы из мощных пластин-половиц толщиной 9-11 см и шириной до 65 см" (Белецкий В. 1970: 69, рис.1; 1991: 12). Ясно, что с новогрудской палатой эту постройку объединяет близкое плановое решение, значительная высота подвального этажа, перекрытие помещений сводами, опирающимися на внутреннюю стену и центральный столб и, особенно,

устройство входа, образованного, как и в Новогрудке, двумя параллельными очень длинными (5,5 м) стенками, вынесенными на территорию княжьего двора Довмонта города. Сооруженная в период широкой строительной деятельности князя Довмонта, правившего в Пскове в 1266-1299 гг., рассмотренная постройка может датироваться последней третью XIII в. и является, видимо, палатой (дворцом) Довмонта (Белецкий С. 1993: 85.93). Едва ли можно сомневаться в том, что верхний этаж этой палаты, возвышавшийся над рекой, служил для торжественных приемов, как и наземный этаж палаты Новогрудского замка. Таким образом, псковская гражданская постройка и по своему назначению, и по ряду конструктивных особенностей являлась близкой аналогией постройке Новогрудского замка.

Других сооружений, подобных новогрудской палате, в восточной Европе мы почти не знаем. Можно назвать открытые А.В.Цауне в Риге каменные дома, характеризующиеся наличием полуподвала, входом, выступающим наружу сбоку одной из стен и наземным этажом, служившим для жилья (Цауне 1984: 116-138). Однако в одном из этих домов (больше других по размеру — 9,4 x 8,5 м; с опорным столбом в центре) наземный этаж, как полагает автор, мог служить парадным помещением. Сближает эту постройку с новогрудской палатой и устройство сбоку одной из стен входа, вынесенного наружу в виде двух параллельных стенок.

Мы не находим полных аналогий новогрудской постройке и среди сооружений светского характера в Западной Европе, хотя именно отсюда, несомненно, происходит одностолпная конструкция с крестовыми сводами, применявшаяся, начиная с XI в., в романской и, особенно, в готической архитектуре, причем как в подземных помещениях (криптах), так и в наземных парадных залах. Возможно, что в сооружении палаты вместе с мастерами, строившими замковую церковь, принимали участие и иноземные строители.

-
- Белецкий В.Д. 1970. Археологические данные к датировке крепостных стен Довмонта города в Пскове // АСГЭ. № 12.
- Белецкий В.Д. 1991. Древний Псков. Л.
- Белецкий С.В. 1993. Древний Псков по данным археологии // Древности северо-запада. СПб.
- Ворошич Н.Н. 1954. Древнее Гродно. М.
- Малецкая М.В. 1978. Раскопки гражданской постройки XIV в. в Новогрудке // АО-1977.
- Малецкая М.В. 1983. Архитектурный комплекс Новогрудского делница XIII-XIV вв. // Дрештерусское государство в славяне. Минск.
- Малецкая М.В. 1989. Применение брускового кирпича в архитектуре Западной Руси второй половины XIII-XIV вв. // СА. № 4.
- Панчица Э.Г. 1980а. Белорусские изразцы XIV-XVII вв. как исторический источник // Антографісе ... канд. іст.наук. Л.
- Панчица Э.Г. 1980б. Наварудская кафля // ПГКБ. № 2. Минск.
- Рашишорт П.А., Ворошич Н.Н. 1979. Зодчество Сходуленска XII-XIII вв. Л.
- Рашишорт П.А., Подолоха Е.В. 1981. Дворец в Подольске // КСИА. № 164.
- Рашишорт П.А. 1988. Новые данные об архитектуре Гродно // ДРИ. М.
- Ткачоу М.А. 1972. Вежы вострапскага гату і іх распаўсюджванне на Беларусі // Беларускія старажытнасці. Минск.
- Ткачоу М.А. 1978. Абарончая збудовані Заходніх зямель Беларусі XIII-XVIII ст. Минск.
- Ткачоу М.А. 1987. Абарончая архітэктара // Гісторыя беларускага мастацтва. Т.1. Минск.
- Трусов О.А. 1988. Белорусская черепица XIV-XVIII вв. // СА. № 3.
- Трусов О.А. 1988. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI-XVII вв. Минск.
- Цауне А.В. 1984. Жилница Риги XII-XIV вв. Рига.

К вопросу о работах А.Н.Воронихина для Императорского стеклянного завода

Значение деятельности А.Н.Воронихина в области прикладного искусства не раз подчеркивалось исследователями его наследия. "Оно приобретает особый интерес, — писал Г.Г.Гримм, — в связи с тем, что Воронихин был в числе первых русских зодчих, систематически уделявших большое значение данной области художественного творчества" (Гримм 1963: 3). Существует несколько публикаций, посвященных изучению произведений архитектора, выполненных из цветного камня (Козлова 1962: 55-63; 1963: 47-51; Мавродина 1990: 10-11), а также его работам в области мебельного искусства, в то время как изделия из стекла, хранящиеся в разных музеях России и за ее пределами, редко привлекали внимание специалистов. В книге Б.А.Шелковникова "Русское художественное стекло" со ссылкой на архивные документы, предоставленные исследователю бывшим главным хранителем Павловского дворца-музея А.М.Кучумовым, приводится атрибуция А.Н.Воронихину известного умывального прибора, исполненного на Императорском стеклянном заводе в 1804 г. (Шелковников 1969: 132). В дальнейшем А.М.Кучумов, занимаясь историей интерьеров Павловского дворца, ввел в научный оборот еще ряд изделий из стекла, приписываемых к кругу работ А.Н.Воронихина (Кучумов 1981: 125,178,180,181,212). Таким образом, в настоящее время для анализа художественных приемов архитектора мы располагаем двумя его проектами, реализованными на Императорском стеклянном заводе — люстра (1803) и умывальный прибор (1804). Произведения, исполненные по этим проектам, хранятся в Павловском дворце-музее. Г.Г.Гримм и другие исследователи опубликовали еще три проекта Воронихина — ваза для варенья, ваза для бисквита и кувшин с чайной; хрустальных изделий, выполненных по этим рисункам, не выявлено. Кроме того, существует ряд хрустальных предметов, которые А.М.Кучумов считал произведениями А.Н.Воронихина на основании стилистического анализа, а также по документам поступления в Павловский дворец-музей и документам Императорского стеклянного завода.

Для того, чтобы достаточно основательно аргументировать возможность ввести в круг работ этого мастера еще какие-то хрустальные изделия из коллекции Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, важно понять, какими повторяющимися приемами пользовался зодчий при проектировании прикладных изделий. Так как наиболее изучены произведения декоративно-прикладного искусства из Павловского дворца-музея, именно они привлекаются в дальнейшем как эталонные произведения А.Н.Воронихина в этой области творчества.

А.Н.Воронихин был одним из первых русских архитекторов, работавших над проектами хрустальных изделий. Рисунки такого рода,

выполненные другими зодчими, предшественниками Воронихина, не известны. На рубеже XVIII-XIX вв. хрусталь был новым в России материалом, и Воронихин стал первооткрывателем его высоких качеств. Произведения, исполненные на Императорском стеклянном заводе в 1800-е годы — это, по сути дела, новый этап для стекольной мануфактуры, когда ремесло доведено до уровня высокого искусства. В наследии Воронихина это люстры, полутораметровые декоративные вазы, умывальный прибор то есть — все предметы, специально созданные для конкретных интерьеров дворца. С другой стороны, исходя из специфики хрусталя, его пластических и декоративных возможностей, а также учитывая волю заказчиков, зодчий отдал дань небольшим, камерным вещам, предназначенным для практических нужд — небольшие вазочки для печенья и варенья и т.п. Несмотря на разные размеры этих изделий и их назначение есть то общее, что их роднит. Это — желание выявить и подчеркнуть пластику предметов из хрусталя мягкими и округленными линиями контуров, связь изделия из хрусталя с той каплей, из которого изделие выдувалось. В декоре произведений из хрусталя для зодчего было важно подчеркнуть блеск хорошо отполированных граней, в которых играет солнечный луч. Поэтому к бронзе Воронихин обращается лишь в тех случаях, когда создается многосоставное изделие, и нужно соединить его части, либо из соображений удобства вводится бронзовая ручка (в кувшине, в вазе) или профитка для свечи на люстре. Металлическую оправу он вводит деликатно и оправданно, а главное внимание уделяется красоте хрусталя.

Воронихин работал в те годы, когда европейское стеклоделие испытывало большое влияние английского хрусталя. Не случайно, что почти во всех изделиях он применяет английские виды резьбы: "raised diamond", "step cutting" и др. Но уже в умывальном приборе (1804) Воронихин впервые вводит новую для стеклянных изделий форму — раскрытая чаша. Эта форма варьируется в других изделиях: для варенья чаша имеет большую глубину, для бисквитов чаша более плоская, мелкая, приподнята на высокую ножку. Исследователь русского цветного камня А.А.Козлова отмечала, что сочетание плоской чаши с высокой ножкой появляется у Воронихина около 1806 г. в проекте фонтана у д.Пулково. Такие же формы Козлова выявила и для каменных ваз, в частности — для вазы из красновато-серого гранита (1806-1811) из собрания Русского музея (С.-Петербург). В изделиях из разного материала вазы в виде чаши то как бы "закрываются", то, наоборот, раскрываются до формы плоского блюда. Так, для художественно-декоративного убранства зала "Мира" Павловского дворца по проекту Воронихина в 1803 г. была изготовлена на Императорском стеклянном заводе "лампа хрустальная желтоватая с бронзовым хрустальным украшением о 8 свечах на 9 бронзовых цепочках", имеющая форму плоского блюда и декорированная английской гранью, "камнем" и бронзовыми маскаронами. Форма плоского блюда или хрустальной тарелки, укрепленного на подставку-треножник, была чрезвычайно характерна для творчества Воронихина. Форму античного треножника архитектор значительно переработал и использовал для изготовления изделий из разного материала — дерева, стекла, фарфора.

В собрании Отдела истории русской культуры Эрмитажа хранятся парные вазы в виде треножника, изготовленные из бесцветного хрусталя и украшенные резьбой и бронзой (рис.1). Установлено, что они значились в книге поступлений Эрмитажа, составленной камердинером

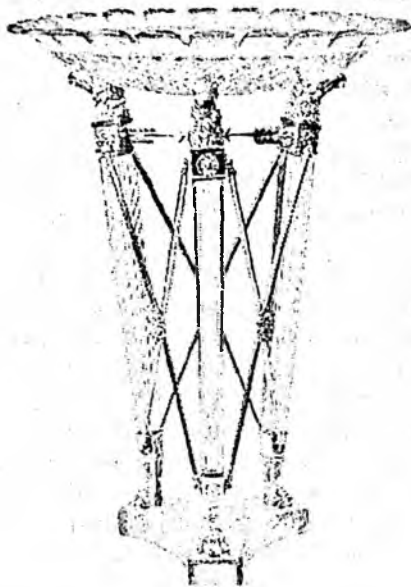

Рис. 1 Ваза-треножник. А.Н.Воронихин. 1810-е годы. Собрание Эрмитажа.

И.Л.Лукиным в 1800-е годы, как прибывшие “по приказанию г-на министра Имп.двора и с казенных стеклянных заводов”. До 1829 г. две “хрустальные чаши в виде треножников” украшали комнаты имп. Марии Федоровны в Зимнем дворце, а 11 марта 1832 г. были “сданы Разумову в сервизную” кладовую (Архив ГЭ, ф.1, оп.VI-K, д.1). В 1926 г. вазы были приняты на учет в Отдел Запада Эрмитажа. Полное описание этих произведений приводится в старинном инвентаре “Отделения мебели, бронзы и камня” музея: Вазы хрустальные с золоченой бронзой в виде чаши на треножнике, состоящем из трех хрустальных герм с бронзовыми головами орлов, на бронзовых же лапах, хрустальные стержни канеллированные, оправы соединяются перекладинами в виде стрел, вдающихся в шар, посреди смежные гермы связаны перекрещивающимися круглыми бронзовыми перекладинами с розетками в местах скрещивания”.

Описание совершенно точно передает облик декоративных ваз-треножников из собрания Отдела истории русской культуры. Сравнительный анализ декоративных ваз из Павловского дворца и из Эрмитажа свидетельствует о несомненном сходстве в композиционном решении обеих ваз. Но следует отметить и некоторые отличия. У ваз из Павловского дворца ножка хрустального треножника внизу опирается на львиную лапу, а сверху завершается листом аканта, на котором держится хрустальное блюдо. Эрмитажная ваза держится на герме с бронзовыми орлами. Ваза из Павловского дворца почти в два раза крупнее эрмитажной (высота, соответственно, 149 и 79 см). В декоративных вазах из Павловского дворца применено два вида хрусталя — бесцветный и топазовый, в то время в эрмитажных треножниках использован только бесцветный хрусталь.

Декор в виде головы орлов Воронихин применял неоднократно, в частности, в художественной мебели. Так, подобное оформление можно видеть в консоли красного дерева с окраской под бронзу, выпол-

ненной в мастерской Битепажа в 1808 г., и в локотниках диванов и кресел окрашенного дерева из гарнитура, изготовленного в мастерской Кельера. Треножки из Эрмитажа и Павловского дворца идентичны по использованию мотива “шар со стрелами”, выполненного в обоих случаях из золоченой бронзы, одинаковы бронзовые розетки в местах крепления стеклянных деталей. Отметим еще, что треножки из Павловска предназначались для установки на полу, а треножки из Эрмитажа — на столе или консоли.

Важным отличительным признаком, который позволяет датировать пару ваз-треножников из Эрмитажа, является применение в декоре резьбы совершенно нового рисунка, который не встречается в английской резьбе — “шашечная грань с гравированными звездами”, разработанная на Императорском стеклянном заводе в 1810-е годы. Используемая в украшении основания треножника “звезда”, по сути дела, является первым обращением к этому виду резьбы; позднее, во второй половине XIX в. более усложненный вариант этого вида резьбы получит наименование “русский рисунок”. С учетом характера резьбы, можно полагать, что хрустальные вазы-треножки из Эрмитажа были изготовлены несколько позднее, чем близкие им вазы из Павловского дворца, вероятнее всего — в 1810-е годы.

Среди других изделий из хрусталя в собрании русского художественного стекла Государственного Эрмитажа привлекает внимание небольшая вазочка, которая отличается благородством формы, продуманностью расположения граней, изящными бронзовыми ручками в виде змей. Хрустальная вазочка по своему мягкому овальному силуэту имеет несомненное сходство с небольшими набросками А.Н.Воронихина, опубликованными А.М.Кучумовым (1981: 212). На этих набросках штриховкой показано, что, скорее всего, изделия предполагалось изготовить из хрусталя с резьбой в оправе из золоченой бронзы. В проекте Воронихина можно увидеть фигурку змеи, которая обвивает тулово вазочки — мотив, который архитектор часто использовал в своем творчестве. То же самое мы можем увидеть и в эрмитажной вазочке: бронзовая оправка в виде гибких пластичных ручек-змеек подчеркивает хрупкость и легкость этого изделия из хрусталя. Несмотря на то, что рисунок Воронихина и сохранившееся изделие отличаются в деталях, на наш взгляд, представляется возможным приписать к работам Воронихина и эту вазочку. Проекты, опубликованные Кучумовым, датируются началом 1800-х годов, что даст основание к этому же времени отнести и изделие, хранящееся в Эрмитаже, что, впрочем, никак не противоречит ни характеру формы, ни декору вазочки.

Таким образом, к кругу работ А.Н.Воронихина можно добавить еще три произведения из хрусталя и бронзы — парные вазы-треножки 1810-х годов и овальную вазочку 1800-х годов, хранящиеся в Отделе истории русской культуры Эрмитажа.

Гризм Г.Г. 1963. Архитектор Воронихин. Л.-М.

Козлова А.А. 1962. Цветной камень и бронза в композициях А.Н.Воронихина и К.И.Росси // Самоцветы. № 1.

Козлова А.А. 1963. Два шедевра А.Н.Воронихина // Самоцветы. № 2.

Кучумов А.М. 1981. Русское декоративно-прикладное искусство и собрание Павловского дворца-музея. Л.

Мауродина Н.М. 1990. Работы камнерезов Кольчанин. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. Л.

Шелкошиков Б.А. 1969. Русское художественное стекло. Л.

К вопросу о строительных комплексах раннего Борисфена

В развитии поселенческой структуры раннего Борисфена выделяются два хронологических этапа, а именно конец VII — третья четверть VI вв. до н. э. и конец третьей четверти VI — первая треть V вв. до н.э. При этом, как представляется ныне, на первом этапе речь может идти лишь о хаотичном, скорее всего, так называемом кустовом или же весьма близком таковому характере застройки территории.

Картина поразительной застойности развития строительного дела колонии возникает и при рассмотрении материалов конкретных строительных комплексов Борисфена, относящихся к этому времени. Как это не покажется на первый взгляд странным, но в составе весьма представительной и, следует думать, вполне репрезентативной выборки этого времени, насчитывающей около 160 хорошо документированных сооружений, все еще отсутствуют остатки построек, которые могли бы быть напрямую сопоставлены с домами метрополии. Более того, есть веские основания считать, что в течение всего первого этапа, то есть — вплоть до конца третьей четверти VI в. до н.э., греки довольствовались лишь созданием здесь относительно примитивных и (NB!) практически не известных в самой Ионии жилищ в виде так называемых землянок и полуземлянок¹.

Сам по себе этот факт, как известно, объясняется ныне либо тем, что иммигранты прибыли на берега Северного Причерноморья из какого-то периферийного и, следовательно, отсталого района античной ойкумены (Лапин 1975: 101), либо простым заимствованием идеи заглубленного жилища у местного населения (Крыжицкий 1985: 59). Впрочем, что касается первого варианта объяснения, рассматривающего тип земляночного сооружения в качестве “реликтовой черты”, то, как очевидно, он в значительной степени может быть парирован уже одним тем соображением, что, судя по всем историческим данным, сами-то колонии, в том числе, кстати, и Борисфен, в своем подавляющем большинстве выводились все-таки наиболее развитыми в социально-экономическом отношении полисами метрополии и, таким образом, вряд ли

¹ Замечу, что появляющиеся время от времени в литературе указания на существование такого рода жилых комплексов в метрополии не корректны, по сколько в них речь идет либо о совершенно ином времени, либо о функционально иных сооружениях, либо, наконец о том и другом одновременно (Буйских 1990: 30; Вансович 1995: 107; ср. Дегур 1969: 44-47; Lentini 1996: 419-420).

несли в своем зародыше гены столь чрезмерной “реликтовости” быта.

Другое дело — идея заимствования. В последнем случае следует признать, что стремление видеть в борисфенских землянках сознательно модифицированный применительно к местным условиям тип жилища первых колонистов, не лишено оснований. В самом деле, вполне резонно допускать а priori, что на начальном этапе обустройства только что выбранного места под заселение вчерашние “скитальцы” в виду дефицита времени или же недостатка сил и средств и естественной в этом случае узости строительной базы могли воспользоваться опытом своих туземных соседей и, творчески следуя их примеру, стали сооружать наиболее простые в исполнении, но вполне пригодные для жизни в суровых условиях новой родины жилища-землянки.

Допуская именно такую последовательность событий, я, вместе с тем, вынужден отметить все же, что при более или менее благоприятном развитии апойки стартовые неурядицы и вызванный ими переход к строительству сравнительно менее удобных и явно недолговечных землянок не могли быть слишком уж долговременными и вряд ли превышали время жизни одного поколения, а, учитывая вполне естественное стремление переселенцев создать для себя на новом месте сходные или даже лучшие, в сравнении с покинутой родиной, условия быта, и того меньше.

Вместе с тем, рассмотрение материалов жилых и хозяйственных комплексов раннего Борисфена выявляет существенные отклонения от ожидаемого развития событий. Наблюдаемая картина в действительности показывает, что переход к сооружению типично греческих наземных домов на этом поселении начался значительно позже и проходил не постепенно, а как бы сразу, в один прием. При этом, однако, строительство землянок полностью не прекратилось и позднее, хотя, по всей видимости, их количество резко сократилось. Как бы то ни было, но есть все резоны полагать, что только с конца третьей четверти VI в. до н. э. одна из древнейших колоний Северного Причерноморья наконец-то стала приобретать облик настоящего греческого городского центра. Такое замедленное развитие строительного дела Борисфена требует своего объяснения.

Исходным пунктом нашего поиска возможных причин указанной стагнации будет признание факта изначального и продолжительного использования элинами Борисфена грунтовых построек в качестве основного и даже, быть может, единственного типа собственных жилищ. Вместе с тем, признавая этот факт, мы вынуждены будем обратить внимание на довольно примитивный облик подавляющего большинства борисфенских землянок и полуземлянок. По существу, речь чаще всего должна идти о весьма небольших по площади (от 4 до 10 м²) четырехугольных, овальных или круглых по форме однокамерных структурах с глинобитными или, скорее, глиняно-плетневыми стенами, возведенными по краям котлованов глубиной до 1 м. Следует заметить также, что не менее трех четвертей такого рода строительных комплексов не имели в своем более чем скромном интерьере постоянных печей или даже открытых очагов и, судя по всему, могли отапливаться в холодное время года в лучшем случае только переносными жаровнями. Иными словами, создается впечатление, что стандарт жизни в таких постройках по большей части вряд ли мог быть доведен даже до уровня, который в принципе предоставляли своим создателям наиболее основательные жилища туземцев лесостепной зоны Северного Причер-

номорья раннего железного века.

В силу сказанного, следует думать, что из числа наиболее вероятных доводов в пользу неистребимой приверженности ионийцев к столь примитивному роду сооружений сразу же может быть исключено явно голословное утверждение, будто землянки, в сравнении с сырцово-каменными наземными домами, обладали какими-то особенными преимуществами, обеспечивающими их обитателям более эффективную защиту от неблагоприятных погодных условий Северного Причерноморья. Уже сам по себе переход к широкомасштабному строительству наземных построек вполне обычных для греческой практики типов на втором этапе развития поселенческой структуры Борисфена и последующее их неукоснительное воспроизводство во времени в условиях более прохладного климата этого региона скорее свидетельствует об обратном.

Ничего, к сожалению, не проясняет в этой загадке в первом приближении и весьма вероятная малочисленность начального контингента колонистов. Нельзя забывать, что речь в данном случае идет все-таки не о двух или даже не о трех десятках лет пребывания греков на территории выбранного ими под заселение полуострова, а о гораздо более продолжительном времени двух-трех поколений обитателей Борисфена, почему-то довольствовавшихся вместе со своим подрастающим потомством прозябанием в крайне примитивных грунтовых постройках.

Какие же, однако, могут быть все-таки даны объяснения этому загадочному факту?

Первое, на что, быть может, необходимо обратить внимание в данной связи, на ویژه вероятное отсутствие военно-политической стабильности в окрестностях Борисфена во второй половине VII — начале VI вв. до н.э. (Марченко 1991: 19). Вторым вполне вероятным фактором, содействовавшим стать длительной застойности строительного дела греков, мог стать характер базовой функции самого Борисфена. Такое предположение основывается на хорошо установленной археологическим путем зависимости системы застройки отдельных колоний от основной цели, которую при этом преследовали их основатели. Оценивая под указанным углом зрения внешний облик поселения интересующего нас отрезка времени, нельзя не прийти к выводу, что он более всего подходит для торговой (сырьевой), нежели сельскохозяйственной, колонии, поскольку, как известно, для аграрных колоний все-таки гораздо чаще было присуще соблюдение общепринятых норм градостроительства, включавших, наряду с прочим, и какую-то, во всяком случае более жесткую, в сравнении с наблюдаемой, регламентацию внутреннего пространства (Козловская 1984: 39).

Как бы то ни было, но наличие прямых и самых непосредственных коммерческих связей борисфенитов с туземным населением лесостепной зоны Северного Причерноморья уже в конце VII — начале VI вв. до н.э. кажется бесспорным (Доманский 1970: 52; Островерхов 1978: 21; Виноградов 1989: 55).

Одним из важнейших следствий установления такого рода контактов с аборигенами стал приток последних в Нижнее Побужье. Судя по археологическим материалам самого Борисфена, варвары появились здесь на удивление быстро — буквально сразу же после основания поселения. Во всяком случае, временной разрыв между этими двумя событиями практически не улавливается (Марченко 1976: 164). Сам факт присутствия среди постоянных жителей колонии значительного числа выходцев из хинтерланда заставляет полагать в составе функционировав-

ших здесь тогда же землянок и полуземлянок и довольно заметное число жилищ, принадлежавших именно этой категории населения. Иными словами, есть все основания думать, что в простых грунтовых сооружениях Борисфена в течение всего раннего периода жили как сами эллины, так и вчерашние выходцы из числа населения Северного Причерноморья. Равным образом нет сомнений и в том, что такое совместное проживание должно было способствовать довольно быстрой, пусть даже для начала чисто внешней, эллинизации варваров,

Указанное обстоятельство серьезно затрудняет, но отнюдь не сводит к нулю, как полагают ныне некоторые исследователи, возможность более или менее оправданного этнокультурного определения обитателей отдельных построек Борисфена. Некоторые надежды в этом отношении дает, кстати, недавно установленная статистически достоверная корреляция различных типов жилищ ранней колонии с вполне определенными формами лепной посуды, сопутствующей этим типам строительных комплексов (Соловьев 1939: 14-15). Следует учитывать и то, что выбор конкретного типа (формы) дома, который строили себе оказавшиеся на новом месте туземцы, хотя бы на первых порах должен был во многом диктоваться достаточно определенными требованиями их собственной традиции.

Как бы то ни было, но мы уже в самом начале нашего анализа можем вполне уверенно констатировать наличие в составе строительных комплексов конца VII — третьей четверти VI вв. до н.э. по меньшей мере двух, по-видимому, генетически совершенно не связанных между собой типов жилищ Борисфена, а именно: круглых или овальных в плане, находящихся себе прямые аналогии прежде всего среди варварских памятников Карпато-Дунайского бассейна пред- и раннеколониальной поры, и четырехугольных, явно подражающих грунтовым сооружениям лесостепной зоны Поднепровья. Тем самым у нас, как кажется, есть основания считать, что “независимые” материалы строительных комплексов древнейшей колонии Нижнего Побужья Борисфена также подтверждают вывод о разноэтничности пришлых варваров, сделанный ранее на основании данных лепной керамики этого памятника (Марченко 1976: 164).

Вместе с тем, отмечая это, следует предполагать все же, что к числу жилых комплексов варваров Борисфена должны были принадлежать по преимуществу наиболее примитивные по своему исполнению грунтовые постройки архаического времени. При этом я, разумеется, весьма далек от мысли при любых условиях настаивать на обязательности именно такого решения вопроса об этнокультурной атрибуции конкретных строительных остатков колонии. Уже само наличие среди варварских жилищ раннего железного века лесостепной зоны Северного Понта вполне добротных и явно рассчитанных на круглогодичное функционирование построек неоспоримо указывает на принципиальную возможность создания туземцами здесь, на территории Борисфена, подобных же сооружений. Дело, однако, состоит в том, что, несмотря на упомянутое обстоятельство, наиболее монументальные и обустроенные, то есть — обладающие особо надежными средствами защиты от зимних холодов, грунтовые жилища апойкии все-таки логичнее всего связывать с жизнедеятельностью и более теплолюбивых, нежели аборигены, сынов солнечной Эгеиды.

Следуя вполне резонному замечанию С.Д.Крыжицкого, допускающего возможность использования в качестве этнопризнаков “отдельных

конструктивных особенностей" землянок (Крыжицкий 1982: 148), к числу такого рода сооружений предпочтительнее всего относить те комплексы, в интерьере которых, наряду с печами и очагами, обнаружены детали устройств, совершенно неизвестных за пределами самой зоны расселения эллинов. Замечу сразу, что одним из наиболее ярких и, на мой взгляд, достаточно оригинальных элементов внутреннего убранства борисфенских грунтовых построек является, пожалуй, так называемый столик-площадка в виде небольшого (не более 1 x 1 x 0,3 м) четырехугольного в плане останца из материкового суглинки или сооружения из глины и камня, расположенного, как правило, у южного борта котлована землянки (Мазарати, Отрешко 1997: 13-14; Соловьев 1989: 8; Доманский, Виноградов, Соловьев 1989: 35). Не менее показательным в этом же смысле, по всей видимости, должно являться и спорадическое употребление жителями колонии камня при возведении внешних стен строений, поскольку, как известно, последний не нашел сколько-нибудь заметного применения в строительном деле варваров Северного Причерноморья раннескифского времени,

Впрочем, отмечая это, приходится признать, что и все вышеизложенное отнюдь не может гарантировать нас от ошибок при определении этнокультурной принадлежности обитателей отдельных сооружений. Речь в данном случае идет о другом — об одном из возможных направлений поиска путей реальной оценки удельного веса жилищ Борисфена раннего этапа его существования, которые могли бы быть связаны с постоянно обитавшими здесь эллинами.

Рассматривая под указанным углом зрения имеющуюся в распоряжении исследователей выборку грунтовых построек Борисфена конца VII — третьей четверти VI вв. до н.э., нельзя не прийти к заключению, что подавляющее большинство землянок и полуземлянок этого времени вряд ли может расцениваться в качестве места, пригодного для круглогодичного обитания выходцев из Ионии. На такую роль претендуют лишь немногие комплексы — не более одной четвертой или даже пятой части массива. При этом, в числе последних, в первую очередь, следует назвать необычно большую (около 27 м²) и весьма основательную по своему исполнению четырехугольную в плане постройку с печами и очагами (№ XLI), вдоль бортов глубокого (около 1 м) котлована которой были возведены мощные каменные стены (Доманский, Виноградов, Соловьев 1989: 36).

Возвращаясь к вопросу о причинах застойного характера строительного дела древнейшей колонии Нижнего Побужья, мы, как представляется, можем допустить, наряду с прочим, что констатированный нами ранее стихийный облик застройки поселения конца VII — третьей четверти VI вв. до н.э. во многом определялся и присутствием здесь разноэтничных туземцев. Какая-то, возможно даже весьма значительная, часть этой застройки и прежде всего, разумеется, дома, лишённые постоянных отопительных устройств, могла использоваться жителями колонии, как эллинами, так и варварами, либо в хозяйственных целях, либо даже временно — в основном летом, на период торгового сезона.

Буйских А.В. 1990. Деякі особливості планування структури пізньовархайських поселень Нижнього Побужжя // Археологія. № 2.

Васнович А. 1995. Сравнительный метод в изучении греческой колонизации // ВДИ. № 4.

Виноградов Ю.Г. 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М.

- Доманский Я. В. 1970. Заметки о характере торговых связей городов с туземным миром Северного Причерноморья // АСГЭ. № 12.
- Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л. 1989. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.
- Козловская В.И. 1984. Греческая колонизация Западного Средиземноморья в современной зарубежной историографии. М.
- Крыжицкий С.Д. 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев.
- Крыжицкий С.Д. 1985. Ольвия. Киев.
- Лашии В.В. 1975. Проблема генезиса античной северо-причерноморской цивилизации // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. ТД. Киев.
- Мазарати С.Н., Огренко В.М. 1987. Полуземлянки и землянки // Культура населения Ольвии и ее окрестностей в архаическое время. Киев.
- Марченко К.К. 1976. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII-VI вв. до н. э. // Художественная культура и археология античного мира. М.
- Марченко К.К. 1991. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII-I вв. до н. э. // Авторефердисс. ... док.ист.наук, Л.
- Островерхов Ф.С. 1978. Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыкского поселения со Скифией (VII – середина V вв. до н. э.) // Авторефердисс ... канд.ист.наук. Киев.
- Соловьев С.Л. 1989. Строительные комплексы архаической Березани (анализ архитектурно-строительной традиции) // Авторефердисс. ... канд.ист.наук. Л.
- Drexler H. 1969. Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. Göttingen.
- Lentini M.-C. 1996. Il Colle della Mitapiccola (Lentini, Siracusa) // Guide Archeologiche Preistoria e Protostoria in Italia. № 12.

Еще раз о княжеской печати XII в. из Пскова

Найденная на берегу р. Великая близ Мирожского монастыря княжеская печать XII в. с изображениями святых Николая и Георгия представляет несомненный интерес в связи с предложенной публикаторами атрибуцией: по мнению В. Д. и С. В. Белецких печать принадлежала князю Игорю Святославичу, воспетому в “Слове о полку Игореве” (Белецкий В., Белецкий С. 1988: 106). Абстрагируясь от мотивов, заставивших удельного князя отправить документ, скрепленный этой печатью, в удаленный от его владений монастырь¹, мы не можем найти ответ на вопрос почему погрудное, явно главное на печати изображение Св. Николая трактуется не как имя, а как отчество владельца печати? На архаических печатях великого киевского князя Святослава Ярославича встречено подобное изображение Св. Николая Мирликийского (Янин 1970: № 10). Очевидно, что владельца печати звали, все-таки, Николаем, а отчество его было Георгиевич.

Соблазн видеть и в псковском экземпляре вариант княжеской печати Святослава Ярославича очень велик и исторически был бы оправдан в связи с высвобождением из псковского плена князя Судислава. Однако такая атрибуция противоречит оформлению найденных ранее печатей Святослава Ярославича. Кроме того, псковская печать невелика по размеру и несет изображения святых на обеих сторонах, а это указывает на XII в.

Русские летописи донесли до нас имя другого претендента на владение рассматриваемой печатью Святослава Георгиевича, сына великого князя Юрия Долгорукого. Именно Святославу Георгиевичу следует атрибутировать данную печать, связывая появление в Пскове документа, скрепленного ею, с росписью Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря.

Трагическая судьба Святослава Георгиевича подробно описана летописцами: “Генваря 8-го (1175 г.) преставися благоверный князь Святослав Юрьевич, который от младенчества до совершенного возраста был здрав, но в самых его лучших летех приключилася ему тяжкая болезнь, которую мучился много лет. И скончася, погребен в Суздали с честью и с жалостию всех ученых, зане сей князь был вельми благоразумен, учен писанию, многи книги читал, и люди ученые, приходящие от грек и латин, милостиво принима, с ними почасту беседовал и состоя-

1 Гипотеза о существовании Псковского списка “Слова...” мало что меняет “слово о князьях” распространялось и без участия основных героев поэмы, а княжение в Пскове самого Игоря никакими документами не подтверждено.

зания имел” (Татишев 1964: 104); “Божьи угодник, избранный во всех князех не да ему Богъ княжити на земли, но даи ему царство небесное” (РЛ: 137).

Мы согласны с мнением В.Д. и С.В.Белецких о том, что документ, скрепленный рассматриваемой печатью, хранился в Мирожском монастыре и был унесен рекой Великой во время одного из паводков. В синодике Стефановской церкви Мирожского монастыря среди вкладчиков в обитель названы Юрий Долгорукий и его дети, причем на первом месте после отца поименован Святослав (Соболева 1968: 40). Среди росписей Спасо-Преображенского собора выделяется группа сюжетов, посвященных евангельским преданиям о чудесных исцелениях, совершенных Христом (Соболева 1968: 13). Можно предположить, что тяжело больной князь оплатил часть работ по созданию росписей в храме, отстроенном при его отце. И тогда появление в монастыре грамоты Святослава Георгиевича могло быть связано с пожалованием князем вклада в монастырь.

Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1988. Печать князя Игоря // Древности славян и Руси. М.

РЛ Радзивиловская летопись / ПСРЛ. т.38, Л., 1989.

Соболева М.Н. 1968. Стенопись Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пекове // Дренинское искусство. Художественная культура Пскова. М.

Татишев В.Н. 1964. История Российская. Т.3, М.

Янин В.Л.1970. Актовые печати древней Руси. Т.1, М.

База данных для археолога¹

(современное состояние и возможности решения)

Преимущества использования компьютерной техники в повседневной работе уже давно не вызывают сомнения у археологов. Вместе с тем, область ее применения в этой науке в настоящий момент значительно уже, чем можно было бы ожидать. Не принимая во внимание такие области, как подготовка изданий, делопроизводство и другие, которые не являются специфическими, значительные изменения с появлением персональных компьютеров произошли только в области написания статей и подготовки изобразительного материала. То есть, археолог использует в своей работе практически только текстовые и графические редакторы. А тот инструмент, который, по логике вещей, и должен был в первую очередь заинтересовать исследователей — базы данных — не получил широкого распространения, несмотря на уже сравнительно долгую историю использования компьютеров. Настоящая статья посвящена тем причинам, которые привели к этой ситуации и нашим предложениям по выходу из нее.

Информационные системы (ИС) применяются для накопления, хранения и обработки больших массивов информации и передачи ее в другие пакеты программного обеспечения для статистической обработки, публикации, повседневной исследовательской деятельности. Другими словами, ИС призвана предельно облегчить “до боли знакомую” каждому археологу работу с каталогами. Каталоги, в том или ином виде, имеются у каждого археолога, однако большинство исследователей не торопится перевести их в компьютерное представление, предпочитая работать “по-старинке”. Дело здесь отнюдь не в консерватизме. Любой новый инструмент только тогда оправдывает себя, когда удобства его применения превосходят дополнительные хлопоты. Это касается не только объективных аспектов — быстрота, надежность, компактность и т.д., но и субъективных — привычность визуального представления информации, сложность овладения новым программным обеспечением, возможности выражения специфической для конкретного исследователя системы организации материала, возможности и удобство внесения изменений и многое другое. Видимо, сейчас сложностей в применении ИС в повседневной работе для большинства археологов оказывается больше, чем преимуществ. Попытаемся охарактеризовать некоторую гипотетическую ИС, которая удовлетворила бы большинство археологов и стала бы для них необходимым инструментом.

Предварительно следует оговорить некоторые общие ограничения. Во-первых, любая информационная система, будь то основанная на СУБД

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта 97-01-12007

² ИС или каталог на библиографических карточках, не станет для археолога новым инструментом исследования. Информатика призвана облегчить уже известную рутинную работу, а новую информацию создает все же исследователь. Поэтому не стоит подходить к ИС с теми же требованиями, что и к грамотному лаборанту. Во-вторых, создание любого каталога требует формализации критериев описания материала — компьютерные системы с этой точки зрения не представляют собой ничего уникального. Однако, любая формализация предполагает потерю какой-то части информации и процесс утраты начинается уже с того момента, как мы называем предмет или явление неким общепринятым словом (а может быть и раньше). Таким образом, требование к базе данных хранить всю мыслимую информацию просто безграмотно. Еще одно неперемное условие — у археолога не должно возникать необходимости в дополнительном программировании своей базы..

Приняв эти общие ограничения, можно указать некоторые характеристики ИС, отвечающие специфике археологического материала, и действия, наиболее часто совершаемые пользователем, которые должна "уметь" выполнять ИС. Предлагаемые черты "археологической" ИС вряд ли исчерпают весь спектр требований конкретных исследователей, однако мы надеемся, что наиболее общие требования будут учтены. Однозначно, что ИС, удовлетворяющей этим требованиям, в настоящий момент не существует. Постараемся показать трудности, возникающие при попытках создания отвечающих таким требованиям ИС на основе коммерческих СУБД, таких как Borland PARADOX или MS ACCESS.

Возможность перенесения в ИС существующей структуры описания материала. Археологи располагают громадным объемом информации, которая накапливается, обрабатывается и подвергается осмыслению уже не первую сотню лет. На основании длительных исследований разработаны и применяются многочисленные системы описания материала, выработана терминология. Естественно, возникает желание и, более того, необходимость обеспечить преемственность в исследованиях и иметь возможность совместно обрабатывать вновь собранные и уже накопленные данные, причем структура последних, хотя бы на момент внесения их в базу данных, безусловно, должна быть сохранена. А привычным и естественным для археологов способом организации данных служат иерархические построения, причем на каждом уровне иерархии объекты описываются отличными наборами признаков.

Здесь и возникает главная проблема, препятствующая применению коммерческих СУБД (КСУБД) как инструментальной основы для создания археологических информационных систем. КСУБД создавались для обработки деловой и управленческой информации, имеющей, в отличие от археологической, совершенно иную структуру. Она характеризуется относительной простотой и жесткостью, представляя собой чаще всего некий "учетный формуляр". Следует четко оговорить: КСУБД представляют собой специализированный инструмент для обработки деловой и управленческой информации и никогда не были универсальным инструментом. Их же повсеместное распространение объясняется огромной емкостью этого сектора рынка, а нежелание фирм-изготовителей программного обеспечения тратить силы и средства на создание СУБД, специализированных для других областей человеческой деятельности, вынуждает представителей иных профессий использовать то, что

---

² Система управления базами данных, инструментальная основа построения ИС.

есть. В оправдание программистских фирм и справедливости ради нужно сказать, что действительно, подавляющая доля технической информации хорошо “ложится” в предлагаемые ими принципы организации данных и поэтому создание узкоспециализированных СУБД, для тех же археологов, экономически неоправданно.

Вот и бьются археологи и призываемые ими на подмогу программисты, пытаясь втиснуть археологические данные в бухгалтерские структуры. Проявляются чудеса смекалки и изобретательности, вызывающие глубокое уважение к разработчикам, но результатом их усилий оказываются сложные и изощренные системы, пригодные, к сожалению, только для выполнения конкретной задачи на конкретном материале. Малейшие изменения в структуре описываемого материала сводят все усилия к нулю — известны случаи, когда в рамках одного исследования пришлось разработать, заполнить и эксплуатировать пять(!) баз данных. Конечно же, такое состояние дел не может быть признано нормальным.

Выход, из создавшегося положения представляется нам в отказе от использования КСУБД, как бы они ни были хорошо оформлены, превосходно документированы, заботливо сопровождаемы и шумно рекламируемы, и разработке собственной специализированной археологической информационной системы (АИС), с совершенно иными внутренними структурами данных.

Возможность создания структуры пользователем. Поскольку археологические исследования вообще с трудом поддаются формализации, количество систем описания материала близко количеству исследователей (а иногда и превосходит их число). Поэтому ориентация ИС на одну структуру информации сможет удовлетворить только очень узкий круг исследователей. Если для некоей работы археологу требуется, например, хранить размеры нескольких сотен наконечников стрел, а иная информация его не интересует, простейшая реляционная СУБД успешно справится с этой проблемой. В том случае, если информация имеет более сложную структуру, пользователю придется на профессиональном уровне овладеть принципами описания структуры данных в используемой им СУБД. Безусловно, все коммерческие пакеты снабжены достаточно удобным интерфейсом, призванным свести к минимуму изучение элементов программирования и возможности ошибок в создаваемой схеме. Тем не менее, эта работа оказывается весьма сложной и трудоемкой, а часто требует и знания тонкостей программирования и организации используемой СУБД. Участие же профессионального программиста в создании БД для каждого археолога вряд ли возможно.

Возможность реструктурирования хранимой в БД информации. Весьма редки случаи, когда структура описания материала остается неизменной на протяжении всего процесса исследования и не изменяется даже после его завершения (в этом случае возникает резонный вопрос — “было ли исследование?”). Изменение структуры описания материала неизбежно ведет за собой изменение структуры хранения информации в базе данных. Маловероятно, что кого-либо удовлетворит ИС, где для внесения нового типа инвентаря (выделен новый тип топоров) придется заново заводить всю информацию в систему, заранее оговорив новую структуру описания материала. Легкость внесения изменений в любую структуру хранения информации зависит непосредственно от сложности этой структуры. Чем она проще, тем легче ее изменить. Все КСУБД располагают возможностями добавления и удаления полей, однако практически эти операции сопровождаются созданием новой таблицы, что при

большом количестве накопленной в БД информации приводит к длительности процесса и риску повреждений.

Возможность работы на разных уровнях абстракции. При работе, особенно с большими объемами информации, очень трудно охватить материал целиком, более того, в конкретных исследованиях это редко бывает необходимо. Поэтому, любой археолог так или иначе разбивает исследуемый материал по уровням иерархии — памятники, поселения, комплексы, находки, а внутри них — на группы: оружие, украшения, керамика и т.д. — и работает с этими уровнями и группами, хотя бы на начальном этапе исследования. Возможность адекватно отразить эту структуру является важнейшей чертой ИС, поскольку вряд ли кто-нибудь пойдет на то, чтобы хранить информацию в компьютере по одной схеме, а использовать в своих заметках и повседневной работе совершенно иную. Как уже говорилось, в КСУБД иерархические построения реализуются с величайшим трудом и использованием программистских “трюков”.

Возможность описания информационных объектов различного рода по их специфическим параметрам в рамках одной базы данных. Случаи, когда исследователю нужна только однородная информация, весьма редки. Действительно, археологи вынуждены работать и с материалами поселений, и могильников, и кладов и многими другими, причем традиционная структура описания этих объектов весьма различается. Более того, например, при работе с материалами могильника вряд ли кто-нибудь будет работать только с погребальным инвентарем, полностью “закрыв глаза” на характеристики погребального обряда. Эта информация настолько разнородна, что требует создания различных структур хранения информации. Создание нескольких таблиц в БД не может решить проблему, поскольку запросы типа “где найдены такие-то фибулы?” (имея в виду все находки — и на поселениях и в могильниках), или “в каких погребениях фибулы определенного типа найдены на костяке, ориентированном головой на юг?” не являются для археологов чем-то необычным. Решить этот вопрос в рамках КСУБД затруднительно, поскольку создание связанных таблиц в БД различного назначения сильно усложняет работу системы, снижая ее эффективность.

Уметь выполнять сложные запросы с нечеткими критериями поиска. Выполнение запроса, то есть поиск определенного рода информации, является непременным условием для любой ИС, однако то, какой сложности запрос может выполнять система, является достаточно важной характеристикой. Чем более сложную комбинацию “...и...”, “...или...”, “...если не...” может обработать и реализовать система, тем более удобна работа с ней. Кроме того, при сложности информации, которую обрабатывают археологи, вполне логично предположить, что это условие является обязательным. Но при выполнении запроса в ИС, созданной для археологов, существует определенная специфика, а именно — далеко не всегда необходим поиск конкретной информации, то есть поиск комплексов, в которых встречена вещь определенного типа. Чаще исследователя интересует вопрос “в каких вообще комплексах могли быть найдены подобные вещи?”. Такого рода запрос может быть реализован двумя путями: поиск комплексов со сходными вещами (“все комплексы с оружием” или “все комплексы с подковообразными фибулами”) и поиск “методом исключения” (постепенно отсеивая комплексы, которые наверняка не удовлетворяют поставленным условиям). Первый путь предполагает определенное абстрагирование и весьма сложен для реализации, второй — более простой, однако предполагает выполнение большого

количества вспомогательных запросов, и его результатом является список комплексов, в которых встречена или искомая вещь, или не идентифицированная в рамках используемой в БД типологии. Реализация первого пути в КСУБД практически невозможна. Если создать дополнительные поля для описания иерархической классификации предметов (или признаков), то это и увеличит объем базы данных, и приведет к тому, что во многих случаях большинство полей окажутся незаполненными. Например, для описания бус исследователю требуется восемь ступеней классификации, а для описания ножей — всего два. Однако, зарезервированные поля все равно будут храниться в памяти и выводиться на экран. Второй путь требует реализации сложного поиска, основанного на переборе всех значений, хранящихся в системе. Чем больше условий было задано, тем большее число раз требуется выполнить эту длительную операцию. Более того, условия запроса, точнее говоря — прикладную программу на особом языке запросов (например, на стандартном SQL), для поиска требуемой информации придется написать опять-таки пользователю, от которого потребуются изучить этот язык в совершенстве.

Легкость пополнения и изменения информации. Это неперемutable условие, обеспечивающее удобство работы, поскольку любая база данных ценна только тогда, когда в ней хранится “свежая” информация. В том случае, когда обновление базы превращается в специальную сложную работу, времени на собственно пользование ею практически не остается. Легкость внесения изменений в хранящиеся данные позволяет как исправлять собственные ошибки, которые неизбежно появляются особенно в начале работы, так и оперативно отражать результаты исследований. Процесс пополнения и изменения информации в любой ИС тесно связан со структурой базы данных. КСУБД располагают мощными и удобными инструментами для создания и использования специальных “форм” представления данных характерных для них структур.

Представление данных в виде текстов и отсутствие необходимости работы с кодами. Одно из наиболее распространенных решений программистов при создании ИС — переход от хранения словесного описания объекта к хранению буквенно-цифрового кода. Код занимает меньше места, что уменьшает объем базы данных и значительно увеличивает ее быстродействие. Разработаны и коды для поддержания иерархических построений, однако они применимы только для узкого круга материалов и имеют жесткие ограничения по глубине иерархии. За это приходится расплачиваться тем, что пользователь вынужден положить на своем рабочем месте достаточно объемную книгу с описанием используемых в системе кодов и постоянно справляться в ней о том, что значат появившиеся на экране комбинации букв и цифр. Другой вариант — содержание особой БД соответствия кодов и терминов, обращение к которой происходит при доступе к данным автоматически и незаметно для пользователя. Однако при использовании КСУБД такой способ приводит к резкому повышению требований к аппаратным ресурсам. К тому же сильно усложняется процесс реструктуризации материала.

Возможность хранения значительных текстовых и библиографических примечаний, иллюстраций. Традиционные нормы использования археологических материалов предполагают ссылку на место хранения находок, архивное дело или публикацию. Возможность извлечь эту информацию при подготовке публикационного варианта работы является удобным подспорьем. Кроме того, замечания и короткие заметки неизбежны при любой исследовательской работе. Естественно, их удобнее хранить вме-

сте с основной информацией в рамках единой ИС, нежели на листках бумаги. Хранение такой информации неизбежно сильно увеличивает объем системы, поскольку она не поддается структурированию как в рамках КСУБД, так и специализированной археологической ИС. Хранение коротких примечаний (по терминологии КСУБД “полей типа memo”) лишь отчасти решает данную проблему. Оптимальным путем в этом случае можно считать технику, подобную применяемой в среде MS Windows системе “связывания и встраивания объектов” (OLE, object linking and embedding). Практически все КСУБД, работающие в среде MS Windows, используют преимущества этой техники.

Картографическая поддержка. Создание любой ИС не является самоцелью. Она нужна для каких-то исследований. Пожалуй, чаще всего выясняется характер распространения материала на какой либо территории. Эта работа предполагает работу с картой, причем любое изменение в материале требует создание новой карты. Было бы очень привлекательно перепоручить эту рутинную работу компьютеру. Более того, картографическая поддержка предполагает и обратную операцию — предоставление информации из базы данных об указанной на карте точке, или же о выделенном регионе. Решение этого вопроса является сложной отдельной задачей. Ориентации программных продуктов, которые были нам доступны, на КСУБД объясняется их повсеместным распространением.

Совместимость с наиболее популярными прикладными программами. Обработка информации, хранящейся в базе данных — вопрос очень сложный, как сложно вообще планировать и превосходить исследовательскую работу. Поэтому очень сложно включить в качестве приложения в СУБД программы обработки информации, которые удовлетворили бы большинство пользователей. Кроме того, на рынке существует большое количество удачных пакетов прикладных программ, созданных ведущими фирмами. Было бы бессмысленно пытаться создавать их аналоги. Поэтому вопрос об удобстве использования всего спектра программного обеспечения заключается в удобстве и простоте передачи хранящейся в БД информации для обработки в прикладные программы. Широкое распространение коммерческих СУБД сделало их формат данных практически стандартом для передачи информации. Подавляющее большинство прикладных программ умеют обмениваться информацией с КСУБД. С учетом этой реальности, можно предложить два пути:

- передавать (экспортировать) выборки данных в формате, читаемом КСУБД
- опубликовать протокол доступа к АИС.

Наличие “статистического блока”. Кроме достаточно сложных статистических исследований, археологи используют в своих работах простейшие количественные сравнения, например, “какой процент мужских погребений сопровождался оружием”. Для выяснения вопроса слишком хлопотно передавать содержимое базы данных для обработки некой прикладной программой. Напрашивается встраивание такого блока в АИС. Для проведения сложных расчетов имеет смысл воспользоваться возможностью экспорта выборки в специализированные статистические пакеты.

Легкость в овладении и ориентация на неподготовленного пользователя. Система существовавшего до недавнего времени в нашей стране образования не предполагала знания информатики для представителей археологии. Теперь этому приходится учиться самостоятельно, однако уровень знаний остается безусловно недостаточным для каких-либо серьезных работ. К тому же программирование все-таки является отдельной профессией, овладение которой для археолога совершенно необязательно. Поэтому, чем проще и

естественней управление программным обеспечением, тем больше приверженцев среди археологов она имеет. Между простой и “мошной” ИС выбирают последнюю. Организация хранения информации в КСУБД по принципу двухмерной таблицы очень наглядна и более близка археологу, который привык работать с табличным материалом. Но простота эта обманчива — работа с подобного рода программами требует глубокого погружения в проблемы описания типа полей хранения информации, правил задания первичных и вторичных ключей, создания “кросстаблиц” и т.д. АИС более сложна по внутренней структуре, однако для создания конкретной базы данных в ее рамках специальных знаний не требуется. Что легче для пользователя — изучить правила создания БД в реляционной коммерческой СУБД, или понять структуру специально разработанной для его целей ИС — решать ему самому.

Таким образом, проведенное сравнение возможностей реализации основных характеристик гипотетической археологической информационной системы в рамках КСУБД и специализированной АИС свидетельствует в пользу создания последней. Практически во всех вопросах этот путь предоставляет пользователю больше возможностей и требует меньше специальных знаний. В нескольких случаях существует преимущество КСУБД. Пожалуй, основным недостатком специализированной ИС, с точки зрения археолога, является тот факт, что ее создание невозможно без участия профессионального программиста. Однако и сложная реляционная БД вряд ли может быть создана только силами малоподготовленного в вопросах программирования исследователя. А если еще вспомнить и о несоответствии структур данных, то и для изощренного программиста работы будет предостаточно. Больше того, даже использование уже созданной сложной реляционной БД без участия программиста затруднительно (надо составлять различные запросы), тогда как при работе со специализированной АИС программист необходим только на этапе создания системы. Настройка системы и последующее использование ее должны быть понятными и не требовать специальной подготовки, чтобы они могли проводиться археологом самостоятельно.

Почему же тогда отсутствуют специализированные археологические информационные системы? Видимо, основной причиной будет то, что такая информационная система не представляет интереса для фирм-производителей программного обеспечения из-за ничтожного объема рынка.

Авторы настоящей статьи, один из которых является археологом, а другой — программистом, предприняли попытку реализации изложенных черт специализированной археологической базы данных. Начатая работа еще далека до завершения, как в силу финансовых трудностей, так и в силу того, что подобная работа требует достаточно длительного периода тестирования и внесения изменений по его итогам. Разрабатываемая в настоящее время версия программы способна:

- поддерживать характерные для археологов иерархические структуры
- разделять системы описания объектов как по уровням иерархии, так и внутри характеристик
- выполнять абстрагированные запросы
- обеспечивать реструктуризацию данных

Безусловно, СУБД будет дополнительно оснащаться новыми возможностями и инструментами и авторы будут благодарны за любые предложения по улучшению программы.

Строительные растворы Мономахова собора в Суздале

Состав строительного раствора Мономахова собора в Суздале нашел отражение в литературе (Медникова, Раппопорт, Селиванова 1988: 152-161), однако при этом была проанализирована лишь одна проба, взятая из старой кладки, забутованной в стену выстроенной на этом месте в XIII в. церкви Рождества Богородицы (Раппопорт 1982). Анализ показал известково-цемяночный характер раствора, сближающий Мономахов собор с синхронными памятниками иных русских земель, в то время как строительные растворы других, более поздних, владимиро-суздальских памятников уже известково-песчаные (Медникова, Раппопорт, Селиванова 1988: 152-161).

Возможности для расширенного изучения строительных растворов Мономахова собора предоставились во время архитектурно-археологических исследований в 1995-1996 гг., когда была раскопана упавшая стена первоначального собора Владимира Мономаха, построенного в самом начале XII в. (Раппопорт 1982). Для анализа сектором архитектурной археологии Государственного Эрмитажа (рук. О.М.Иоаннисян) были взяты и переданы в ИИМК РАН образцы из раскопа у северной стены западного притвора существующего здания и обмазки внешних стен собора.

Первую группу составили растворы Мономахова собора, связывающие в его кладке плинфу, валуны и плинфу с валунами. Все они имеют характерный интенсивный бежево-розовый или бежево-красный цвет, в тесте просматриваются куски белой неперемешанной извести с размерами до 20-25 мм, цемянка в виде крошки и кусков размером от 0,5 до 10-20 мм с цветом от бордового до светло-бежевого. В качестве наполнителей наряду с цемянкой использован известняк с цветом от светло-желтого до черного. В малом количестве присутствует песок.

Неравномерность размеса и использование в качестве наполнителя наряду с цемянкой известняка обусловили значительные колебания выхода нерастворимого в соляной кислоте остатка: 16-88%.¹ Среднее содержание вяжущего можно оценить в 30-40%. В зависимости от использованной цемянки цвет остатка от светло-бежевого до кирпичного, он состоит из цемянки, т.н. глинистых частиц (мелких нерастворимых включений извести и известняка) и песка. Цемянка представлена в основном крупными фракциями 10-15 мм, отдельные куски до 20-35 мм, преобладающий размер мелкой фракции 3-8 мм. Цемянка часто различается

¹ Гранулометрический анализ по методике (Медникова, Стеценко 1992: 164-168).

по цвету, часть ее — бой плинфы, другая — специально обожженная глина. Последняя от боя плинфы отличается более рыхлой структурой теста и гораздо более низкой прочностью, у нее неравномерный обжиг, выражающийся в колебании окраски, от нее же происходит и часть мелких частиц в остатке. Песок в тесте цемянки обоих видов входит в значительных количествах, он того же размера, что и свободный песок в остатке: преимущественно мелкий от 0,01-0,05 до 0,1-0,3 мм с единичными зернами более крупных размеров. Часть песка загрязнена обожженной глиной. Взаимная ассоциация цемянки и песка свидетельствует о том, что песок в остатке является ее составной частью. Двойственность источника цемянки и плохой перемес растворной смеси обусловили и широкие пределы колебания содержания компонентов в нерастворимом остатке: цемянка — 40-90%, песок — до 40%, глинистые частицы — 10-40%.

Попытка проследить на 19 пробах из упавшей стены собора Мономаха закономерности изменения состава раствора по высоте стены (около 10 м), подобные установленным для киевский Софии (Тоцкая 1996: 26-29), не выявила какой-либо корреляции, что, впрочем, трудно ожидать при плохом перемесе.

Вторую группу растворов можно отнести к ремонтным работам по обмазке внешних стен собора, проводившимся в XII в. (Рапшонорг 1982). В то время, как первоначальная обмазка стен собора аналогична его кладочному раствору, более поздняя ремонтная обмазка отлична по цвету и составу.

Она светло-розового цвета с кусками неперемешанной извести, в качестве наполнителей также использована цемянка и дробленый известняк, но выход нерастворимого остатка значительно ниже и составляет лишь 15% при содержании вяжущего 70-80%. В нерастворимом остатке цемянки, представленной фракцией 1-3 мм, — 30-50%, песка — не выше 30%, красно-коричневых глинистых частиц — 20-40%. Состав раствора находит близкую аналогию в другом владимиро-суздальском памятнике XII в. — церкви Входа в Иерусалим в Ярославле. Как установлено нашими анализами, в растворе кладки ее северо-восточного столба выход нерастворимого остатка — 18%, содержание цемянки, песка и глинистых частиц — соответственно 40, 25 и 40%. Так же, как и в ремонтной обмазке Мономахова собора, размер цемянки не превышает 8 мм, преобладает мелкая с размерами 1-3 мм, обнаруживается преимущественно мелкий песок 0,1-0,3 мм, глинистые частицы коричнево-красного цвета.

Иного типа оказались растворы строительства XIII в. из того же раскопа северной стены, в которых при высоком содержании вяжущего (до 75%) выход нерастворимого остатка колеблется около 20%. В одних из них нерастворимый остаток более, чем на 2/3 представлен цемянкой при незначительном количестве песка, в других, напротив, цемянка представляет незначительную примесь, а содержание песка доходит до 3/4. Песок и цемянка одного фракционного состава, последняя сосредоточена преимущественно во фракции 5-8 мм и представляет собой, вероятно, бой плинфы. Таким образом растворы, относящиеся к строительству, осуществлявшемуся в XIII в., демонстрируют отказ от введения специально обожженной глины и переход к широкому использованию песчаного отощителя.

В кладочном растворе Мономахова собора из рухнувшей стены обнаружен плоский кусочек стекла размером по простиранию 2,5 x 1,5

см и толщиной 1-2 мм, верхняя поверхность гладкая, снизу приплавлены крошки породы. Стекло зеленоватое, с видимым непроваром, кусок слегка изогнут. Выполненный эмиссионно-спектральный анализ (лабораторный шифр 649-17) показал содержание компонентов (%): SiO_2 — основа, Na_2O — 2,2, K_2O — 4,0, CaO — 7,8, MgO — 1,9, Al_2O_3 — 4,9, Fe_2O_3 — 8,7, MnO — 0,4, TiO_2 — 0,5. Кусок несомненно представляет выплеск (пролив) стеклянной массы, а не фрагмент изделия. Это наряду с преобладанием калия над натрием свидетельствует о его местном происхождении. Стекло сварено из золы и песка, невысокое содержание щелочей и относительно высокое содержание алюминия и железа обусловили тугоплавкость исходной шихты, чем объясняется наблюдаемый непровар. Какие-либо технологические добавки не вводились. Уверенная датировка стекла самым началом XII в. позволяет предполагать, что наряду с производством традиционного для той поры на Руси калиево-свинцового стекла предпринимались и попытки его получения из шихты, составленной из золы и песка. Более того, кусочки стекла в кладочном или штукатурном растворе встречены нами в ряде древнерусских (киевских, полоцких) памятников и ни в одном случае, как показал анализ, стекло не сварено с введением свинцового плавня.

Кроме стекла в образцах кладочных растворов Мономахова собора обнаружены 3 куска стеклоподобного шлака в виде бесформенных или частично округлых обломков длиной 1-3 см серого цвета с хорошо развитой пористой структурой. Спектральный анализ показал совпадение особенностей их состава и состава найденного стекла.

Медникова Е.Ю., Рапшорт П.А., Селиванова Н.Б. 1988. Древнерусские строительные растворы // СА. № 2

Медникова Е.Ю., Стеценко Н.К. 1992. Изучение строительных растворов архитектурных памятников Старой Палаты // Архитектурное наследие и реставрация. М.

Рапшорт П.А. 1982. Русская архитектура X-XIII вв. // САИ Вып. Е1-47.

Тонкая П.Ф. 1996. Исследование строительного производства киевской Софии // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб.

О реставрации и музеефикации элементов интерьера «серебряного века»

Необходимость реставрации и музеефикации элементов интерьера в историческом центре Санкт-Петербурга была вызвана тем, что комплексный капитальный ремонт домов старой застройки стал массовым. Физическое уничтожение интерьеров вместе с содержимым (керамическими печами, каминами, витражами, художественной лепкой, резьбой по дереву и камню, наборным паркетом и пр.), либо их утрата для общества (убранство попадало в чужие руки, становясь недоступным широкому кругу специалистов), шло по нарастающей, и этот процесс к рубежу 70-80-х годов стал носить угрожающе массовый характер.

Данная работа посвящена вопросу сохранения одного из основных элементов интерьера — изразцовой печи, поскольку печь всегда играла значительную роль в жизни человека прошлых эпох, прежде всего, из-за своих функциональных качеств. Ей отводилось почетное место в помещении, она являлась главным украшением интерьера, отделка которого не могла быть закончена без оформления отопительного устройства. Декор печи отразил все тенденции и направления, существовавшие в декоративно-прикладном искусстве. Во второй половине XIX и в начале XX вв., в эпоху историзма и модерна, эта роль печи в интерьере еще более усилилась.

Несчастливо судьба интерьеров стала складываться с 20-х — 30-х годов, когда, в результате социальных потрясений, особняки и многокомнатные квартиры с их содержимым реквизировались и становились клубами, складами, «коммуналками». Господствующая пролетарская идеология не способствовала бережному отношению к оказавшемуся в повседневном пользовании, наследию свергнутого класса. В годы войны гражданской и Великой Отечественной, также были утрачены многие интерьеры. Еще одной вехой на пути уничтожения печного декора в интерьерах, стал перевод зданий с печного на водяное отопление: владельцы зданий и квартиросъемщики ради присоединения еще 0,5-1,0 м² дополнительной жилплощади часто разбивали и выбрасывали на свалку уже бесполезные на их взгляд изразцовые печи. Но подлинным апофеозом уничтожения интерьеров конца XIX — начала XX вв. в Санкт-Петербурге стал в 70-80-е годы массовый комплексный капитальный ремонт, когда от исторического здания оставлялась только кирпичная «коробка», а все содержимое уничтожалось и становилось строительным мусором. Зачастую монопольные интересы строительных корпораций в сочетании с государственными структурами, связанными с финансами, приводили к тому, что еще крепкое здание расселялось и в течение 3-5 лет стояло неотопляемое с зияющими пустотой окнами проемами, без крыши. Атмосферные осадки, попадая внутрь и

размораживая еще добротные строительные конструкции, делали их непригодными для использования. Такое здание вместо реставрации теперь уже объективно подлежало сносу.

В Санкт-Петербурге существуют три государственные коллекции печной керамики. Прежде всего, это уникальное собрание печной керамики XVII – XVIII вв. и, фрагментарно, начала XIX в., собранная бароном Штиглицем. Коллекция музеефицирована, практически не пополняется, хранится в музее Художественно-промышленной Академии.

Во-вторых, это государственный фонд архитектурно-декоративного убранства Государственного музея истории Санкт-Петербурга (ГМИ СПб). Материалы фонда частично музеефицированы на выставке “Путешествие в Петербург”. По своему статусу ГМИСПб является в Петербурге центральным хранилищем архитектурно-художественного убранства предметов декоративно-прикладного искусства, поступающих из домов, подвергающихся комплексному капитальному ремонту или сносу. Здесь хранится и музеефицируется керамическое и изразцовое убранство фасадов зданий, печей, камины, витражи, лепнина, детали резьбы по дереву, ковка, литьё и другие элементы убранства зданий и интерьеров (от сфинксов, “охраняющих” вход в здание на ул. Чайковского и до блокадной “буржуйки”). Коллекция печной керамики фонда насчитывает более 200 комплектов, в том числе уникальные наборы, изготовленные на заводах Бонафеле и в Конаково (завод М.С. Кузнецова).¹

С 1982 г. в Гос. Эрмитаже (Дворец Меншикова) начала формироваться коллекция изразцовых печей и некоторых элементов убранства интерьеров конца XIX – начала XX вв. Силами трех человек сотрудников дворца Меншикова с 1982 по 1991 г. осуществлялся демонтаж элементов интерьеров домов, поставленных на капитальный ремонт. Во дворец Меншикова было перевезено 45 комплектов изразцовых печей и 3 камин: из них 2 комплекта белых изразцовых печей и камин серого мрамора были музеефицированы и установлены в музее-квартире Кунджи, 2 изразцовых камин (Meissen) были демонтированы и переданы в присутствии представителя ГИОП для использования в Брянском краеведческом музее; 1 резной камин белого мрамора передан в музей Приютино, 11 печей музеефицированы в помещениях дворца Меншикова, 6 печей изразцов белой гладкой поливы переданы в Солигаличский краеведческий музей для использования в интерьерах.

Все три государственные коллекции печной керамики, находящиеся в музее училища Штиглица, ГМИ СПб и Гос. Эрмитаже (Дворец Меншикова) доступны для изучения. В хранилища ГМИ СПб и дворца Меншикова Государственная инспекция по охране памятников передала предметы убранства интерьеров из, примерно, 10-20 % домов, имевших высокохудожественное убранство и поступивших на капитальный ремонт. Опыт работы по спасению элементов интерьера показывает, что наиболее подвержены утратам изразцовое убранство печей, камины, витражи, дверные и оконные приборы конца XIX – начала XX вв.

Одновременно с ГМИ СПб и Гос. Эрмитажем демонтаж печей и каминов в 1980-е годы осуществлял и курируемый ГИОП реставрационный участок при объединении “Нежилой фонд”, возглавляемый А.С. Горским (склад на Ковенском), впоследствии кооператив “Интерь-

¹ Фонд мог бы и впредь принимать на хранение предметы декоративного убранства интерьеров, поскольку комплексный кап.ремонт продолжается, а часть зданий в 90-е годы меняет своих владельцев и переходит в частную собственность, но в силу криминально-бюрократической политики различных структур, с 1989 г. этот фонд практически ничего не получает.

ер” при Облпотребсоюзе².

Комплектование коллекции печной керамики во дворце Меншикова позволило, наряду с формированием банка данных для изучения стилистических направлений и технологических достижений керамической промышленности “серебряного” века, накопить богатый опыт восстановления утраченных интерьеров — либо путем копирования подлинных предметов, хранящихся в музее, либо путем непосредственного использования музейного материала в восстанавливаемых интерьерах. Так, демонтированный в 1985 г. из “дома Куинджи” камин серого мрамора, хранился во дворце Меншикова. В 1991 г. камин был установлен в воссозданном интерьере музея квартиры А.И.Куинджи. Там же были использованы подоконники белого мрамора, и белые кафельные печи (Акты ГИОП от 01.11.1985 и 21.06.1991).

Материалы музейных хранилищ предполагается оформить в виде музея печной керамики, по образцу коллекции керамики XVII — XVIII вв. из музея Штиглица, но с более полно представленным материалом конца XIX — начала XX вв.: от 100 до 200 комплектов печной керамики. Интерьер помещений с экспонируемой в виде установленных печей керамикой может быть дополнен витражами, образцами лепнины, фресками, элементами художественнойковки, литья и другого убранства, перемещенного из исторических зданий и старых петербургских квартир.

Опыт работ по спасению, реставрации и музеефикации изразцового убранства, накопленный в процессе практических работ, позволяет следующим образом сформулировать процедуру исследования:

1. Поиск: по сведениям ГИОП — 50 %; по сообщению горожан после проблемных выступлений в средствах массовой информации — 20 %; случайные сообщения знакомых — 0,5-1 %; самостоятельных обход расселяемого дома — 20 %; по сообщению техника ЖЭК (участвовавшего ранее в демонтаже и передаче убранства в музей личные контакты) — 10 %.

2. Фотофиксация, зарисовка с натурными обмерами непосредственно перед началом демонтажа в присутствии представителя ГИОП и ЖЭК владельца здания.

3. Демонтаж, маркировка изразцов согласно зарисованной схеме.

4. Перемещение в хранилище музея, постановка на учет, отмывка, проверка маркировки, укладка на стеллажи.

5. Реставрация: “холодная” (лепщики) или “горячая” (керамист), фиксационный чертеж, фотография, проект воссоздания, реконструкции (при значительных утратах).

6. Возвращение на прежнее место (в случае восстановления интерьера)³ либо восстановление нового интерьера.⁴

7. Музеефикация печей в условиях музейной экспозиции, дополненной предметами декоративно-прикладного искусства “серебряного” века (витражи, ковка, мебель).

8. Коммерческое использование (копирование, тиражирование для использования в офисах, коттеджах и пр.).

Подобная процедура может быть применена в процессе спасения, реставрации и музеефикации изразцового убранства и других архитектурно-художественных элементов интерьера старого фонда.

² Материал, демонтированный реставрационным участком А.С.Горского (ОНФ), к сожалению, для изучения недоступен.

³ Напр.: музей-квартира Куинджи.

⁴ Напр.: камин, переданный в музей-квартиру в Приютино, музеефикация в служебных помещениях во дворце Меншикова, где подобные изразцовые печи могли быть в конце XIX — начале XX вв.

О некоторых материалах по масонству в собрании отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа

Собрание материалов, хранящихся в Отделе истории русской культуры Государственного Эрмитажа, возникло на основе объединения разнообразных историко-бытовых и художественных коллекций. В их числе оказалась значительная группа памятников XVIII – первой половины XIX вв., относящаяся к истории русского масонства. Настоящая заметка – первая публикация некоторых из этих материалов.

Среди масонской эрмитажной коллекции привлекают внимание три листа с изображениями, являющимися своеобразным кодовым ключом к рассмотрению вещественных масонских материалов и основных положений масонского учения. На одном из графических листов представлен выполненный акварелью портрет императора Павла I, сидящего на троне под двуглавым орлом (инв.№ ЭР11-242). Под изображением помещена надпись: “Павел Петрович и Император Всероссийский Великий магистр Державного ордена святого Иоанна Иерусалимского”. Надпись разбита на две половины, в центре – картуш под короной и с четко прорисованными на нем важнейшими масонскими знаками треугольника, циркуля, отвеса, кирки, молотка (рис.1).

Как известно, франк-масонство возникло в Англии после распада средневековых объединений строителей-каменщиков, строго охранявших этику своих профессиональных учений. Объединившиеся в 1717 г. в Великую Английскую ложу франк-масоны составили закрытую организацию, занимавшуюся разработкой философских идей строительства идеального общества. Новые масоны, подчеркивая древность своего объединения, сохранили в своих собраниях одеяния каменотесов: передники или запоны, перчатки, перевязи, молотки, лопатки и другие строительные инструменты. Теоретическая система Великой Английской ложи получила признание во всем мире. В середине XVIII в. под ее влиянием общество свободных (или вольных) каменщиков стало действовать и в России. В масонские ложи оказалась вовлеченной значительная часть русской аристократии, в том числе – из числа ближайшего императорского окружения. Сохранились исторические свидетельства о том, что сам наследник русского престола великий князь Павел Петрович в 1777 г. был принят в масонскую ложу Аполлона (Пыпин 1912: 87-311).

Акварельный портрет Павла I насыщен изображениями, связанными с масонством. Надетая под горностаевую мантию туника пурпурного цвета украшена по обшлагам рукавов и подолу вышивкой в виде

Павел
Императоръ
Великий Могучь
Славно Солнцу

Митрополитъ
Всероссійскій
Державнаго Ордена
Св. Александра Невского.

Б Р К

Рис. 1 Акварельный портрет Павла I из собрания Эрмитажа

Рис. 2 Акварельный портрет Павла I из собрания Эрмитажа (деталь)

золотой цепи, символизирующей неразрывную связь общества вольных каменщиков. На поясе императора — бело-голубой запон (знак принадлежности персоны к высшим масонским степеням), на груди — белый крест ордена святого Иоанна Иерусалимского, верховным магистром которого Павел I стал в ноябре 1798 г. В правой руке, облаченной в белую масонскую перчатку, император держит золотой треугольник — светоносную дельту с изображением Астреи, олицетворяющей богиню Златого века и Законности. Этому главному божеству масонов была посвящена открытая в Петербурге в 1775 г. ложа “Астрея”. Павел I опирается на люпитр, на котором лежит грамота с вислой печатью на голубой ленте. У правого края грамоты изображен вертикальный ряд масонских рисунков (рис.2): шестиконечная звезда Давида, круги с точкой посередине, богиня Астрея с накинутым на голову покрывалом и опирающаяся на колонну Гармонии. Ниже нарисованы молоток, мастерок, циркуль, отвес и другие строительные инструменты. Столь плотная

концентрация масонских и символических изображений на портрете не случайна¹. Имн художник (или заказчик) подчеркнуто указывал на причастность русского императора к обществу свободных каменщиков, одной из задач которого было путем внутреннего совершенствования (духовного строительства) добиться необходимого нравственного преобразования общества.

Мало интересный с художественной точки зрения акварельный портрет Павла I без сомнения имеет уникальное историко-культурное значение как ключ к пониманию многих памятников русского масонства, попавших в Государственный Эрмитаж из нескольких частных дореволюционных коллекций.

Одна из этих коллекций содержится в шкатулке-кабинетце из красного дерева с выдвигаемыми лоточками и металлической пластиной на верхней крышке. Гравированная надпись сообщает, что здесь хранится "Собрание масонских знаков и медалей, принадлежавшее графине С.Д. Толь, рожд. графине Толстой, пожертвованное в ее память в Русский музей императора Александра III ее мужем С.А.Толем в мае 1917 г."² Софья Дмитриевна Толь, рожденная в 1854 г. графиня Толстая, была внучкой генерала Д.Г.Бибикова, с 1837 г. исполнявшего должность генерал-губернатора юго-западного края России. В силу семейных связей она наследовала не только память о самых ярких страницах русской истории, но стала коллекционировать ритуальные знаки – вещественные свидетельства окутанной плотной завесой тайны масонской деятельности многих выдающихся людей России конца XVIII – первой половины XIX вв. Параллельно С.Д.Толь собирала и документальные материалы о деятельности этой организации, в результате чего в 1914 г. ею была опубликована объемная монография под названием "Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов." Обратим внимание на справедливость вынесенного в начало книги признания автора: "Писать о масонстве дело трудное и неблагодарное. Многие остались скрыты от стороннего наблюдателя" (Толь 1914: 3).

Насколько тщательно оберегалась тайна масонской деятельности, в каких бы аспектах она не проявлялась, свидетельствуют и многие материалы музейных коллекций. Так, среди небольшой группы документов из собрания Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, относящихся к истории масонства конца XVII – первой половины XIX вв., обращают на себя внимание две тетради в мягком бумажном переплете с изображением на верхней ее крышке треугольника с заключенными в нем циркуля и наугольника, и символизирующих в масонском учении основной нравственный закон – разум и совесть. Одна рукопись имеет название "Акты первой степени", другая – "Обряд принятия в Мастера Свободные Каменщики" (инв.№ ЭДр-1430,1431).

1 Любопытно, что фигура геральдического двуглавого орла, украшающего драпировку, на фоне которой изображен портрет, в масонской иерархии символических образов связывалась с памятью о великом полководце древности Александре Македонском, признаваемом англичанами первым легендарным масоном.

2 Напомним, что сам даритель – Сергей Александрович Толь родился в 1848 г. После окончания в 1870 г. училища правоведения служил в Министерстве юстиции, в 1889 г. был назначен Санкт-Петербургским губернатором, в 1903 г. стал членом Государственного Совета. Как человек чрезвычайно деятельный С.А.Толь входил в различные общественные и филантропические учреждения. Примечательно, что он приходился внуком прославленному участнику войны 1812-1814 гг. К.Ф.Толю.

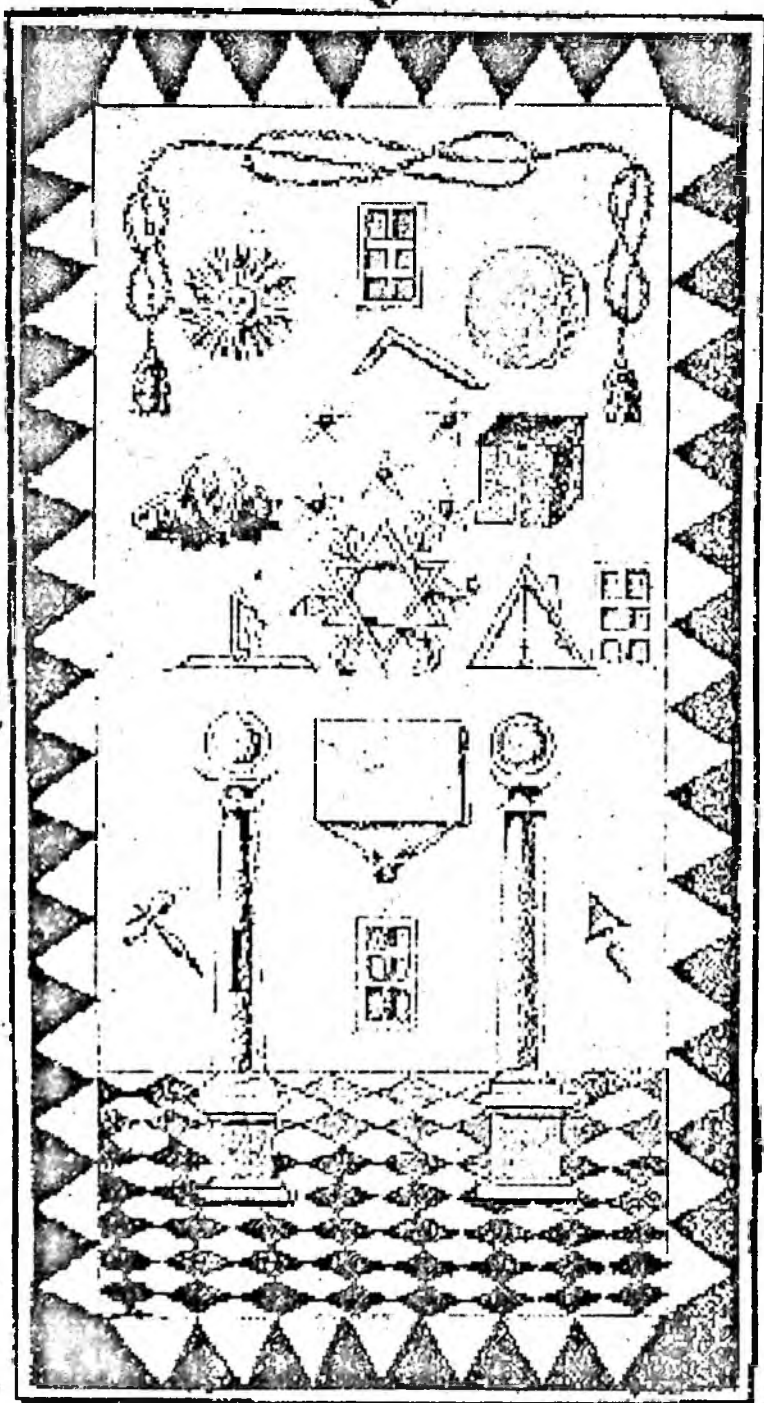

Рис. 3 Рисунок масонского ковра ученической степени познания

Под заглавиями каждой из них сообщается: "Для внутреннего пользования." Оба документа происходят из коллекции И.А.Гальбека, поступившей в Эрмитаж в 1930 г. В ее составе числились 491 предмет. В начале XX в. эта коллекция привлекала внимание историков и в особенности известную исследовательницу обрядовой стороны русского масонства Т.О.Соколовскую. Впервые представляя в 1907 г. в журнале "Море" рисунки ковров первых трех степеней масонских лож, Т.О.Соколовская сопровождала их краткой аннотацией, не раскрывая однако глубинного смысла их кодового языка (Соколовская 1907). А между тем в аллегорических (в масонской терминологии — в иероглифических) рисунках зафиксированы основные таинства учения и практики общества свободных (или вольных) каменщиков.

Выросшие из строительных корпоративных братств средневековья масонские объединения тщательно оберегали в своих традициях легенду, восходящую ко времени возведения Соломонова храма и освещающую историю невинно убиенного его старшего мастера Адонирама. Оформленная в виде символов и терминологии, заимствованных из элементов древней архитектуры, философия масонской организации открывалась ее членам не сразу, а по мере продвижения их по степеням масонских лож. Выдающийся идеолог масонства начала XIX столетия в России И.П.Елагин писал: "Масонская истина не пишется, сокрыта в иероглифах, не понятных символах и прекословных иносказаниях, и содержание масонских сочинений "неудобь понятно без ключа" (Елагин 1864).

В предназначенных для внутреннего пользования рукописных обрядниках из собрания Эрмитажа переписаны с более ранних источников традиционные для заучивания тексты, организующие работу лож. Собранные в них акты, произносимые мастером, первым и вторым надзирателями, предвзряют рисунки ковров. Каждая степень и соответствующая ей знаковая система этих рисунков означали новый уровень познания масонской науки, скрытой от взгляда непосвященных. На рисунке ковра, относящегося к первой или ученической степени (рис.3) изображен прямоугольник, заключенный в раму из черно-белых треугольников. В масонской символике рама ограничивает внутреннее пространство храма, ориентированное на Восток. Внутри храма, у ее восточной стены протянут шнур, завязанный в узлы всемирной любви братьев-каменщиков. На Востоке, Западе и Юге расположены окна, пропускающие свет на происходящую работу в храме. Находящиеся у восточной стены солнце и луна подчеркивают солярность и космизм происходящего в стенах храма (ложи). Расположенная в центре шестиконечная пылающая звезда символизирует духовную и нравственную жизнь, открывающуюся в свете познания. Остальные рисунки ковра восходят к собственно обрядовой символике древнего каменщичество и его легенде.

Изображенный внизу ковра черно-белый мозаичный рисунок указывает на тернистый путь учений, а также возвращает к легенде о строившемся в X в. в Обетованной земле Иерусалима на горе Мория прекраснейшем храме библейского царя Соломона. Две колонны, стоящие в центре, напоминают о трагедии, случившейся во время строительства когда трое работников, подхлотивших к левой колонне за получением оплаты своей работы, стоворились дознать у мастера Адонирама, раздающего деньги, парольное слово, с помощью которого все строители делились на учеников и подмастерьев. Заманив мастера подальше они убили его, так и не услышав заветного слова (ГБЛ, отдел рукописей, ф.147, оп.7.6, л.1, л.41-45). Расположенные слева и справа от

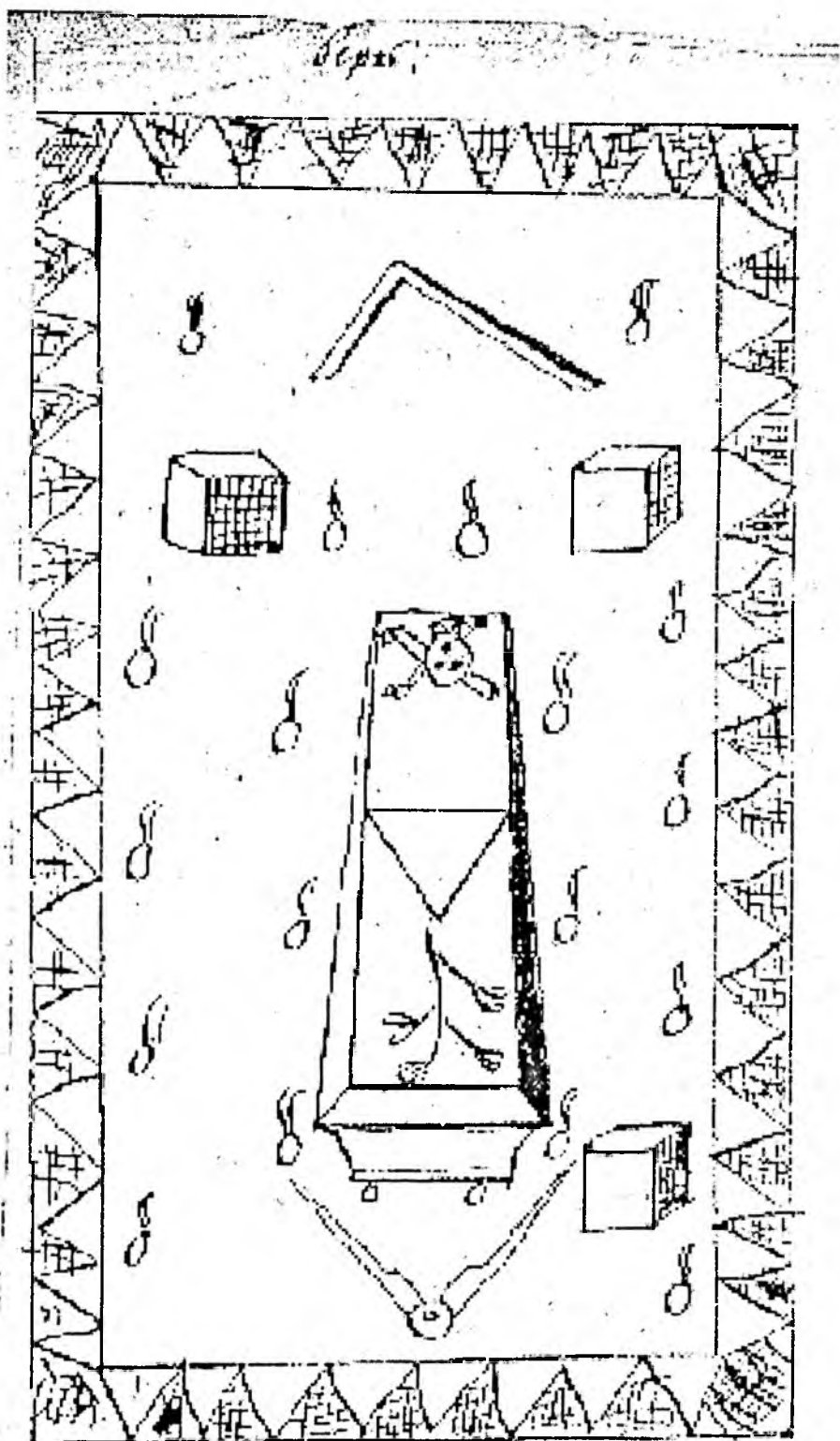

Рис. 4 Рисунок мasonicкого ковра мастерской степени познания

колонн молоток и лопаточка (мастерок) относятся к основным орудиям ученика-каменщика и главным ритуальным предметам масонства. Молоток символизировал молчание, повинование и совесть. Ударом молотка мастер ложи открывал начало ее работ. Лопатка была символом очищения сердца от пороков и средством укрепления стен храма (ложи и масонства в целом) от внешних вмешательств. Циркуль, наугольник, отвес и линейка, относясь уже к принадлежности мастера, символизируют основные средства самосознания — такие, как разум, совесть, прямота и правдивость. Реализации связанных с этим комплексом нравственных принципов служила работа над диким камнем, под которой подразумевалось духовное преобразование человека на его пути к истине и добру — основным постулатам старого русского масонства.

Ковер первой степени приобщал ученика к начальному осмыслению основ масонской философии. В следующей — товарищеской — степени на примере ковра с тем же набором рисунков приоткрывался иной содержательный уровень интерпретации тех же символов. Не останавливаясь на изъяснении отсутствующего в собрании Эрмитажа ковра этой степени, рассмотрим рисунок, приложенный к упомянутой выше рукописи “Обряд принятия в Мастера Свободные Каменщики”, который отражал центральную тему масонских обрядов — смерть и воскресение к настоящей жизни через погружение в вечное молчание. Рисунок ковра связан с финальной частью истории Адонирама: ученики-убийцы первоначально закопали тело мастера у подножия горы Мория с тем, чтобы после спрятать его более надежно. Для опознания места своего преступления они воткнули засохшую ветку акации. В поисках пропавшего мастера строители Соломонова храма обратили внимание на внезапно расцветшую ветвь акации и обнаружили под нею тело Адонирама (ГБЛ, отдел рукописей, ф.147, оп.7,6, д.1, л.7).

На рисунке ковра мастерской степени (рис.4) внутри рамы изображен гроб с возложенными на него черепом и скрещенными костями — символом жизни, пожертвованной ради общества Великих Каменщиков. Лежащая рядом акация утверждала воскрешение и бессмертие. Вверху и внизу ковра находятся циркуль и наугольник как основные инструменты разума и добродетелей. Три кубические камня означали трижды очищенную изначально “дикую” натуру человека, воспринявшего свет масонского учения. Свободное поле ковра покрыто каплями слез, проливаемых по невинно принесенной жертве.

Как видим, рисунки старых масонских символов на редчайшем портрете Павла I и на изображениях ковров свидетельствуют о наглядном предписании масонам строгого следования традициям ритуальной практики и постепенности в постижении глубинного смысла философии их учения.

Елагин И.П. 1864. Воспоминания // Русский архив. № 2.

Павлов А.Н. 1912. Русское масонство 18 — первой половины 19 века. СПб.

Соколовская Т.О. 1907. Масонские ковры // Морс. № 12-13.

Толь С.Д. 1914. Масонское дефество. Исторический очерк о заговоре декабристов. СПб.

Городок Опока

Опока впервые упоминается в летописи в связи с походом Ольгерда на Шелонь в 1346 г.: “И взя Шелону и Лугу на шить, а с Порховьского городка и съ Опоки взя окупъ” (НПЛ: 358). В писцовых книгах погост Опоки (или Опотьской) с каменной церковью Св.Николая и Ильинским монастырем на погосте фигурирует с 1498 г. Сведения писцовых книг позволяют считать Опоку большим торговым селением; проживавшие на погосте непахотные крестьяне промышляли торгом и извозом (Андрияшев 1914: 419). Опоцкий погост и развалины каменной Никольской церкви в деревне Заполье впервые были осмотрены Н.К.Рерихом в 1899 г. (Рерих 1899: 362,363).

Городище (местное название “Городок”) находится на территории д.Заполье Порховского района Псковской области, напротив д.Опоки. Оно располагается на правом коренном берегу р.Шелонь, против впадения в Шелонь ее притока Удохи, над бродом через Шелонь, на стрелке Шелони и небольшого безымянного ручья (рис.1). В настоящее время к городищу из Опок в Заполье ведет навесной мост через Шелонь.

Площадка городища подтреугольной формы, вытянута вдоль берега Шелони. Ее размеры ок. 70 x 35 м, общая площадь более 2 000 м². Площадка ровная, без перепадов по высоте, распахана, при этом значительная часть культурного слоя оказалась свезена распашкой к востоку, а восточный склон городища в значительной степени утратил свою крутизну. По сообщению местных жителей, около 20 лет назад в центре площадки городища сооружались картофельные бурты, при этом в выкопанных под них ямах встречались многочисленные куски обугленного дерева. Высота площадки над уровнем реки — 8 м.

Со стороны реки на половину высоты берегового склона городище защищено эскарпом. С северной, napольной стороны, городище было защищено валом и рвом. Следы западной оконечности вала прослеживаются по языку грунта, оползшего вниз по склону берега Шелони. Не исключено, что вал крепился городнями. С северной стороны вал уничтожен выборкой грунта для хозяйственных нужд жителями д.Заполье. Ров в настоящее время достигает ширины 15–16 м, глубина его — около 1.5 м. В древности он, безусловно, был глубже, так как теперь заплыл, а частично был сnivelирован (засыпан ранее, возможно, при строительстве рядом с ним каменной церкви). С южной стороны городище защищено глубоким топким оврагом. По дну оврага протекает ручей, образованный источником, бьющим в вершине оврага к юго-востоку от городища. Обращенный к оврагу и проходящей рядом с ним дороге склон городища в настоящее время осыпается. С восточной стороны укрепления городища не прослеживаются вследствие нивелировки и длительной распашки. Восточный край городища ограничен заболоченной низиной.

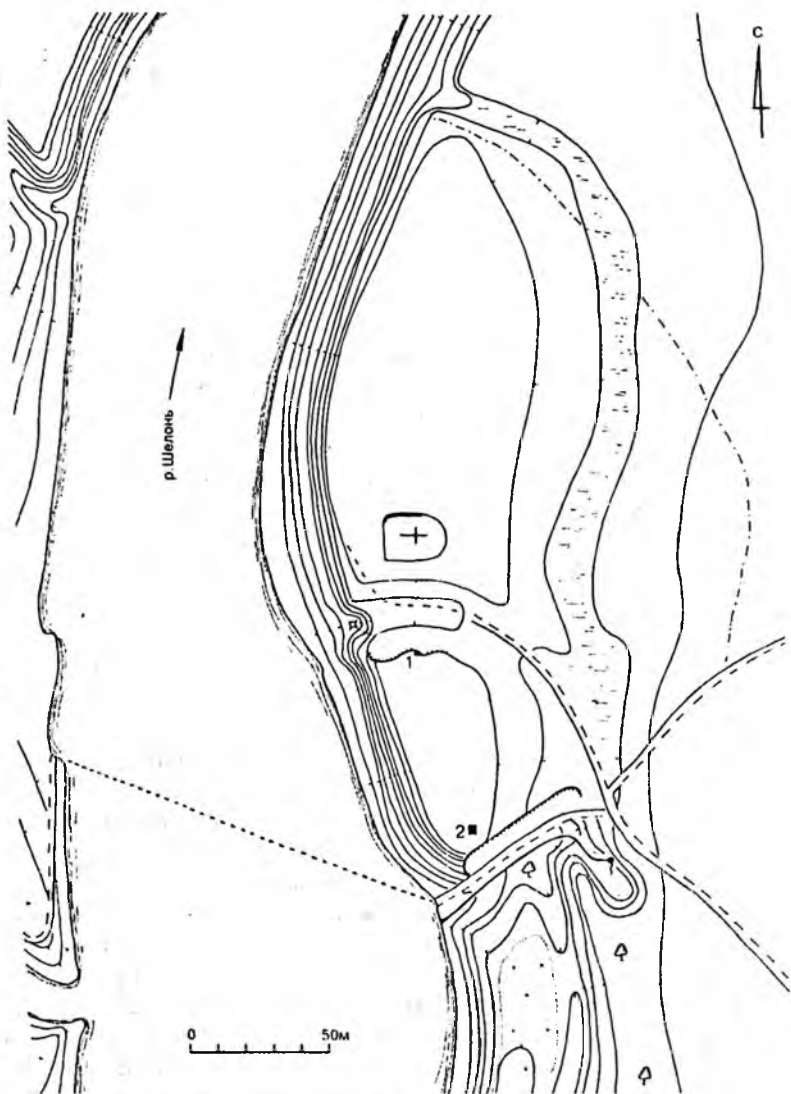

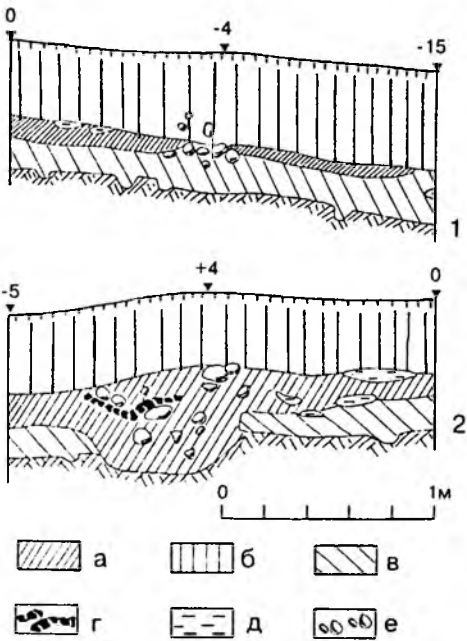
Рис. 1. Городище Опока. Ситуационный план.

От южной оконечности городища начинается брод через Шелонь в северо-западном направлении, к мелкой заводни под левым берегом реки. Протяженность брода 150 м. Он активно используется в летнее время, когда, по словам местных жителей, глубина воды на нем — «по пояс».

К северу от городища, сразу за рвом, находятся руины средневековой церкви, возведенной из известняковых плит на известковом растворе. На месте алтарной части церкви в настоящее время установлен деревянный крест. Руины в последние 2–3 года практически полностью разобраны на щебень, уцелела лишь часть северной стены. Церковь расположена практически на краю рва, и, очевидно, его предполагаемая нивелировка должна была предшествовать по времени строительству церкви.

С городищем и расположенной рядом с ним древней церковью связано несколько местных легенд о литовском разорении: о литовских набегах, о наказанных свыше литовцах, кощунственно въехавших в

Рис. 2 Городище Опока. Стратиграфия культурного слоя в шурфе. а — черный гумусированный суглинок; б — пахотный слой; в — светлый суглинок; г — обугленное дерево; д — глина; е — камни

церковь верхом, и о нескольких литовских семьях, появившихся в Опоке в результате набега и осевших здесь; потомки их живут в Опоках до сих пор. Существует также предание о существовавшем некогда подземном ходе, по которому монашеники из монастыря на погосте спасались на городище (нужно заметить при этом, что упоминаемый писцовыми книгами Ильинский монастырь на Опоцком погосте был мужским.) Любопытно, что в настоящее время в Заполье и Опоках активно рассказывается быличка, типологически и сюжетно сходная с одной из упомянутых легенд: разбить руины церкви на щебень взялся приезжий чеченец, который, разбивая церковь, вместе с бульдозером провалился сквозь землю (в церковный подклет). По всей вероятности, эта быличка с течением времени станет основой еще одной местной легенды.

На площадке городища, в выбросах из кротовин и по осыпям северного и южного склонов был собран подъемный материал: фрагменты лепной (единичны) и круговой (в том числе с линейным и волнистым орнаментом) керамики, корродированные фрагменты железных предметов и миниатюрный плоский оселок из серого камня с отверстием для подвешивания. Большая часть собранной керамики может быть отнесена к XIV–XVI вв.

Была также произведена зачистка осыпи вала в северной части городища. При зачистке выявлена следующая стратиграфическая картина. Верхняя часть вала на глубину 0,7 м представляла собой слой пахоты (аморфный рыхлый серый суглинок). Ниже начиналось не затронутое распашкой тело вала, насыпанного из серого гумусированного суглинка и рыхлой желтой материковой глины. В этом слое встречались булыжники, обугленные деревянные плахи и линзы плотного сильно гумусированного суглинка черно-серого цвета. Общая мощность слоя вала, не нарушенного распашкой, — 0,6–0,45 м. Ниже залегал слой аморфного рыхлого слабо гумусированного суглинка очень светлого серого оттенка. В основании этого слоя прослежены следы древней распашки (крестообразно пересекающиеся борозды в материке); прове-

денные пахотным орудием борозды читались и в разрезе. Мощность этого слоя составляла 0,10-0,16 м. При зачистке вала были найдены фрагменты средневековой керамики и железная скоба.

С целью выяснения характера и датировки культурного слоя в южной части площадки городища был заложен разведочный шурф размерами 2 x 2 м. Стратиграфия слоя (рис.2) достаточно отчетливая. Верхняя часть (0,35-0,45 м) представляет собой слой подвергавшегося неоднократной распашке аморфного рыхлого суглинка серого цвета. Керамика из пахотного слоя аналогична собранной по площадке городища. Ниже залегает слой сильно гумусированного плотного суглинка почти черного цвета, персежаемого линзами рыхлой материковой глины желтого цвета. Черный суглинок содержит в себе куски обугленных деревянных плах и камни, часть которых также носит следы пребывания в огне. Мощность этого слоя 0,06-0,15 м. С его уровня была впущена прорезавшая нижележащий слой и материк яма, прослеженная в плане и западном борте шурфа. В заполнении этой ямы были собраны фрагменты круговой керамики, в том числе с линейным и линейно-волнистым орнаментом (рис.3, 1-3). В основании слоя залегает аморфный слабо гумусированный светло-серый суглинок, аналогичный прослеженному под валом. Его мощность в шурфе составляет 0,05-0,20 м. Слой светло-серого суглинка содержал исключительно лепную керамику (рис.3, 4-8). Он также подвергался в древности распашке: пересекающиеся борозды от косо поставленного пахотного орудия прослежены в бортах шурфа и в плане на материке.

К северу и северо-востоку от городища, на территории, занятой усадьбами д.Заполье, прослеживается сплошное пятно культурного слоя (сильно гумусированный суглинок черно-серого цвета) — следы посадки, вытянувшегося вдоль реки. Его площадь составляет около 2,5 га. На территории посадки были собраны фрагменты позднесредневековой керамики. Культурный слой на огородах интенсивно распаивается.

Фрагменты средневековой керамики, преимущественно XV-XVI вв., были собраны также на огородах д.Опоки, на левом коренном берегу Шелони, напротив городища.

Еще одно селище — по всей вероятности, остатки однодворного поселения XV-XVI вв. — было выявлено на правом коренном берегу Удохи, в 100 м выше ее устья. Керамика, собранная на этом селище, изготовлена почти исключительно из беложгущейся глины.

Таким образом, мы можем в общих чертах восстановить основные этапы истории городища. Первоначально поселение возникает здесь, на чрезвычайно выгодном стратегически месте, еще в конце I тысячелетия н.э. Было ли оно укреплено — пока не ясно. Судя по тому, что слой этого времени оказался распашан еще в древности, в заселении мыса при впадении в Шелонь ручья существовал перерыв, хотя сам поселок мог быть перенесен на сравнительно небольшое расстояние. В XIII в. здесь возводится городище. По всей вероятности, это произошло в 1239 г.¹ Фрагменты керамики XIII в. встречены в подъемном материале с площадки городища. На протяжении XIII-XIV вв. городище успешно противостояло литовским набегам — Ольгерд, разорив Шелонь

---

¹ "Того же лета князь Александр с новгородци срубн городи по Шелоне" (НПЛ: 77).

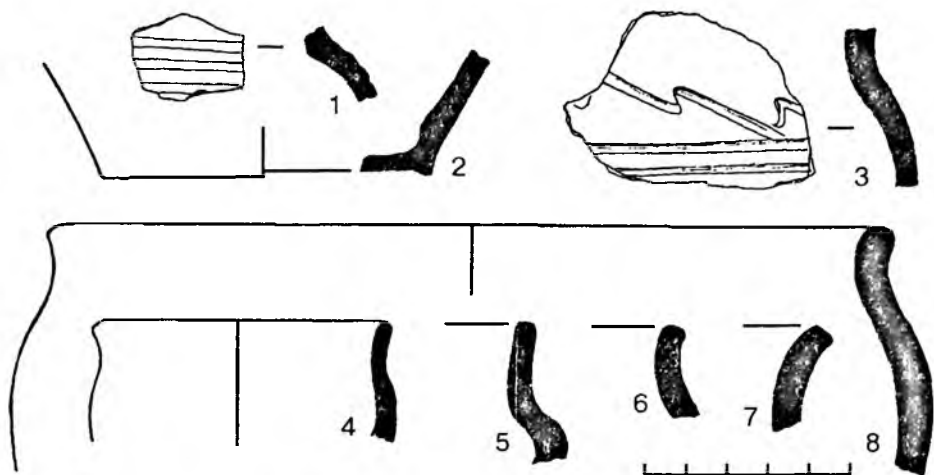

Рис. 3. Керамика городища Опока. 1-3 — круговая; 4-8 — лепная.

и Лугу в 1346 г., с Опоки и Порхова получил лишь окуп. Однако постепенно городище теряет свое оборонительное значение. На краю заплывшего или специально снивелированного рва возводится каменная Никольская церковь, впервые упоминаемая в Писцовой книге 1498 г. (Андряшев 1914: 419). В это время погостом Опоками уже называется в основном территория современной д.Опоки с расположенным здесь Ильинским монастырем (пресемницей монастырской церкви Св.Ильи с приделом Благовещения стала существующая поныне Благовещенская церковь в Опоках.) Деревня Заполье, на территории которой располагается городище, упоминается писцовыми книгами как Заполье на погосте в Опоках (Андряшев 1914: 419).

Опоцкое городище представляет собой одно из звеньев в цепочке новгородских «городков» по Шелони и ее притокам, вновь укрепленных в 1239 г., но уже существовавших ранее. Один из таких городков, при впадении в Шелонь р.Боровенки, был частично исследован С.Н.Орловым в 1969–1970 гг. (Орлов 1974: 46-50). По-видимому, еще одним таким пунктом является городище Дубровно на Удохе, впервые упоминаемое летописью при описании событий 1137 г. (НПЛ: 25). Хотя при обследовании городища в 1995 г. в подъемном материале не было встречено керамики старше XIII–XIV вв., случайная находка лепной керамики известна из ближайших окрестностей Дубровна. По всей вероятности, дальнейшие полевые исследования позволят выявить в бассейне Шелони и другие ранние поселения.

Орлов С.Н. 1974. Городище Александра Невского на Шелони // Культура средневековой Руси. Л.

Рерих Н.К. 1899. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца // ЗРАО. Т.ХI, вып. 1-2, п.с. СПб.

Андряшев А.М. 1914. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. I. Списки селений. М.

Золотошвейное искусство монастырей в XVIII — начале XX в.

Золотошвейное искусство монастырских мастерских XVIII — начала XX вв. не получило до настоящего времени необходимого освещения; не раскрыта значимость монастырей как очагов художественного творчества в общем потоке развития русского прикладного искусства. В настоящей статье сделана попытка определить роль золотошвейного мастерства для жизнедеятельности монастырей в XVIII — начале XX вв., выявить пути распространения золотошвейного искусства среди монастырских рукодельниц, раскрыть возможные направления воздействия монастырских золотшвей на творчество сельских и городских вышивальщиц. Разработка темы потребовала привлечения широкого круга литературы и письменных источников, в том числе фундаментальных работ по истории русских монастырей, обзоров художественных и промышленных выставок, исследований и путевых описаний этнографического плана, архивных материалов, содержащих сведения о монастырях¹.

Количество монастырей и число монашествующих на протяжении двух столетий значительно изменялось. Наиболее важным в этом плане явилась правительственная реформа 1764 г., когда были закрыты или реформированы многие монастыри (ПСЗ, т. XVI: 549-569). Из 221 женской обители сохранилось 67. Из ведения монастырей изымается земля с крепостными крестьянами и, одновременно, вводится жалование клиру и положенному по штату числу монахинь и послушниц. С течением времени многие упраздненные монастыри возрождались, а на месте богаделен при церквях и женских общинах организовывались новые обители. Особенно энергично этот процесс происходил во второй половине XIX — начале XX вв.

По своему богатству и значимости монастыри распределялись на три класса. В конце XIX в. 19 относились к первоклассным, 33 значились второклассными, 76 — третьеклассными. Кроме того, существовало 166 "заштатных" монастырей, по своему устройству мало чем отличавшихся от числившихся в штатах, но существовавших только трудами своих обитателей и вкладами прихожан (Зверинский 1887: 16; Денисов 1908: IX.X).

Замкнутый характер жизни монастырей ограничивал их хозяйственную деятельность. Занимались садоводством, скотоводством, огородничеством, снабжая себя различными продуктами питания. Создавали предме-

¹ Наибольший интерес представляют: (Зверинский 1887: 1890; Денисов 1908).

ты первой необходимости — одежду, обувь. Одновременно требовалось приобретать немалое количество продуктов питания, дрова, воск для свечей и пр. Наиболее крупные расходы появлялись в связи со строительством или перестройками храмов и других строений. Следует учитывать, что жалованье, которое было определено монастырям, в большинстве случаев не окупало их расходов, поскольку в обители проживало в несколько раз больше положенного по штату числа монашествующих. Кроме того, существовавшие при монастырях школы, богадельни, больницы требовали значительных затрат. В итоге, монастыри были заинтересованы в организации мастерских художественного профиля: иконописных, золотошвейных, украшения икон, кружевоплетения и пр., приносящих немалые доходы, а в заштатных монастырях служивших основным источником существования. Подобная деятельность в женских монастырях являлась традиционной и поощрялась церковными и гражданскими властями. Так, еще в 1722 г. появляется указ Синода “О приучении монахинь к рукоделиям и ремеслам” (ПСЗ, т. VI: 770-771). Согласно этому указу, монахини из “простых” сословий должны были учиться прясть, а дворянки — вышивать и низать жемчугом “для пользы монастыря”.

Всеми, кто проживал в монастыре, выполнялись “послушания”. В “послушания” включались все виды необходимой для монастыря деятельности: уборки помещений, приготовление пищи, сельскохозяйственные работы, уход за скотом, шитье одежды и обуви, преподавание в школе, уход за больными, прислуживание во время церковных служб. Среди “послушаний” значились и рукодельные работы, в том числе золотошвейные.

Имеющиеся сведения о деятельности золотошвей в монастырях указывают на выполнение ими, в основном, предметов церковного обихода и украшений. Упоминаются и изделия светского назначения: головные уборы, платки, обувь, женские туалеты, украшения интерьеров. О качестве изделий свидетельствуют восторженные отзывы современников. Так, С. Шевырев, посетивший в 1840-х годах Воскресенскую Горницкую девичью обитель на реке Шексне, сообщает: “Разные женские рукоделия процветают в монастыре и во всех заметен вкус. Нигде не видел я такой прекрасной ризницы, как здесь..., едва ли где можно найти более изящества во вкусе, в выборе цветов и украшений. Здесь золото, серебро, жемчуг, шелка, ткани — все покорилося благочестию самого избранного вкуса женского. Все эти ризы и воздухи, и пелены — труды обители, и все это совершенно под надзором игуменьи Маврикия, которая 40 лет правит” (Шевырев 1850: 55). Второе описание характеризует вышивальное мастерство монахинь Успенского девичьего монастыря города Тулы: “Особое внимание обращают на себя рукоделия их, разумеется шитье по карте и по канве, — читаем мы в “Москвитянке” за 1852 г., — “Мы видели воздухи, шитые золотом по белому бархату, и мы остались более чем удовлетворены”. Упоминается вышитая плащаница в Преображенском храме. “В отношении искусства, — сообщает автор, — ничего нельзя желать лучше. Это шитье напоминает нам те великолепные вышивания этого рода, которые мы видели в Арзамасской общине” (Андреев 1852: 135).

Арзамасские монастыри славились своими золотошвеями. Хорошо была известна Алексеевская община (общежительные монастырь) Арзамаса. Золотошвейные работы общины заказывались не только русскими церквями и монастырями, но они были известны в Молдавии,

Греции, Константинополе, Иерусалиме (Щегольков 1911: 66). На кустарно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде (1896) община получила “за весьма хорошее изящное и чистое шитье золотом” золотую медаль и диплом второго разряда (Всероссийская 1897: 191).

Следует отметить монастыри, выполнявшие изделия светского назначения, к ним относятся: Казанский в городе Калуге, Елецкий в Орловской губернии и ряд других (Маслова 1978: 45,46,56). Помимо пелен, воздушов, одежд на престол упоминаются полотенца и кокошник на выставке 1904 г. в Санкт-Петербурге (Каталог 1904: 7,10,12,16,20). На всемирной выставке в Чикаго в 1893 г. были представлены: придворное платье, шитое золотом по красному глазету, сарафан к этому платью, вышивки для мебели, вышитый женский костюм, накидка. В их выполнении участвовали московские монастыри и обитатели других губерний (Всемирная 1893: 289-293,303,304,344). На всемирной выставке 1900 года зрители встретились с монастырскими изделиями культового назначения (Каталог русского отдела 1900: 295,310-316; ГАГО. ф.582. оп.1. ед.хр.47, 64, 128).

Золотошвейным искусством занимались мастерицы монастырей самых различных регионов России: в Екатеринбурге, Великом Устюге, в Ярославской губернии, в Вятке, в Вышнем Волочке Тверской губернии, в Нижнем Новгороде и Арзамасе, Санкт-Петербурге и Москве. В настоящее время из 106 женских и девичьих монастырей, о которых обнаружены сведения, выявлено 70, в которых продолжало существовать искусство золотого шитья. Эти цифры свидетельствуют о широком распространении золотошвейного мастерства в монастырях XVIII — начале XX вв. Основная их масса располагалась в районах, где золотошвейное искусство являлось исконным занятием местного населения. Так, в Москве и Московской губернии золотое шитье встречено в 12 монастырях, в Нижнем Новгороде и Новгородской губернии отмечено в 5 обителях, в Твери и Тверской губернии — в 5. Золотошвейное мастерство являлось весьма значительным подспорьем для монастырского хозяйства. Так, в Крестовоздвиженском монастыре Нижнего Новгорода в начале XIX в. из 80 человек золотошвейное послушание имело 15. При этом, из годового дохода в 17792 рубля “рукодельные сестры” приносили 7500 (ГАГО. ф.582, оп.1. ед.хр.47. 1816 г., л.1-9). Огромную сумму от реализации золотошвейных изделий (10000 рублей) получала в 1870-х годах Алексеевская община Арзамаса (Гекстгаузен 1870: 205).

Среди обстоятельств, способствовавших распространению золотошвейного искусства в монастырях в этот период существенное значение имели как потребности определенных регионов в такого рода изделиях, так и наличие мастериц-золотошвей среди поступающих в монастырь лиц. В таких процветающих центрах, как Москва и Нижний Новгород, где спрос на золотошвейные изделия был особенно высок, монастыри успешно производили изделия для “рынка”. Письменные источники раскрывают пути распространения золотошвейного искусства в монастырях, помимо случаев появления в обителях знающих мастериц из мирян. Так, перемещение монахинь и инокинь, несомненно способствовало появлению этого вида мастерства там, где оно еще не существовало. В качестве примера приведем жизненный путь игуменьи Аделанды. Первоначально она “училась шить золотом и серебром” в Николаевском монастыре Арзамаса, затем была переведена в Муромский монастырь, после чего попадает в Успенскую обитель города Владимира, где и создает школу рукоделий для девочек (Историческое описание 1900:

100,122,123). Следует упомянуть и о появлении золотошвей в Богородицком монастыре Казани. Его игуменья Евпраксия в юности находилась в известном золотошвейном центре — Алексеевском монастыре Арзамаса, затем в Нижегородском монастыре (Крестовоздвиженском?), после чего ей поручается монастырь в Казани, где она и руководит мастерской золотого шитья (Малов 1876: 91-92).

В случаях, когда золотошвейные работы не являлись традиционным занятием монастыря и к ним приобщались обитатели, не знакомые с данным мастерством, в эти монастыри нередко приглашались опытные мастерицы из других монастырей или обитатели отправляли своих рукодельниц для обучения в прославленные золотошвейным мастерством центры. Так, при организации Керенского Тихвинского монастыря в Пензе в начале XIX в. несколько монахинь посылаются для получения навыков золотошвейных работ и иконописи в Арзамасский монастырь (Кантов 1893: 14). В Новодевичий монастырь Петербурга была переведена из Горницкого монастыря Белозерска послушница (получившая при постриге имя Серафимы), отличавшаяся “особенною способностью вышивания всякого рода работы”. Ей и было поручено обучение мастерству монахинь и послушниц Новодевичьего монастыря (Снеессорева 1887: 159).

Воздействие монастырского золотошвейного мастерства особенно отчетливо проявлялось среди окружавшего монастырь населения. Можно отметить основные пути такого влияния. Во-первых, укажем на сокращение и слияние монастырей или их перемещение, при которых часть монашествующих превращалась в “мирян”, продолжая заниматься своим мастерством. Во-вторых, часть послушниц и проживавших при монастырях женщин, покидали обитель и с успехом продолжали свою деятельность в качестве золотошвей. Еще один путь представляла просветительская деятельность монастырей. Во многих обителях существовали школы для девочек-сирот из семей священнослужителей. Получая образование в таких школах, девочки получали навыки вышивания и рукоделия. Помимо тех, которые становились послушницами, имелись и возвращавшиеся в “мир” девушки, получившие престижное мастерство золотошвей.

Необходимо учитывать, что воздействие художественных форм монастырского золотого шитья на развитие золотошвейного искусства в целом не ограничивалось включением в ряды городских и сельских вышивальщиц мастериц, получивших навыки шитья в монастырях. Сам факт украшения многочисленных церковных интерьеров и культовых облачений произведениями монастырской работы, а также выполнение на заказ и для продажи предметов светского назначения не могли не оказать воздействия на развитие художественно-эстетических воззрений окружающего населения.

В настоящее время можно констатировать, что золотошвейное искусство продолжало существовать в монастырях до начала XX в. включительно. Оно получает в это время более широкое распространение, значительно расширяется круг выполняемых работ. Роль золотошвейных мастерских монастырей заключается в сохранении и распространении традиционных приемов работы и художественного своеобразия русского золотого шитья среди широких кругов сельского и городского населения.

Андреев Н. 1852. Краткое историческое известие о Тульском Успенском девичьем монастыре // Москвитин. Т. VI, № 24. Стр. 7.

Всемирная Колумбова выставка 1893 года в Чикаго. Указатель Русского отдела. СПб. 1893.

Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде. СПб. 1897.

- Гекстгаузен А. 1870. Исследование внутренних отношений народной жизни. Т.1. М.
- Денисов Д.И. 1908. Православные монастыри Российской империи. М.
- Зверинский В.В. 1887. Монастыри в Российской империи. СПб.
- Зверинский В.В. 1890. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. М.
- Историческое описание первоклассного княгинина Успенского женского монастыря в губернском городе Владимире. М. 1900.
- Каптов И. 1893. Керенский Тихвинский женский монастырь. Пенза.
- Каталог первой всероссийской выставки монастырских работ и церковной утвари. СПб. 1904.
- Каталог русского отдела Всемирной Парижской выставки 1900 года. СПб. 1900.
- Малов Е. 1876. Казанский Богородицкий девичий монастырь. История и современное его состояние. Казань.
- Маслова Г.С. 1978. Орнамент русской народной вышивки. М.
- Снескорева С. 1887. Санкт-Петербургский Воскресенский первоклассный женский монастырь. СПб.
- Шенарев С. 1850. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 году. М.
- Щегольков Н. 1911. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас.

Система обороны Пскова от Новгорода

Псков был единственным на Руси городом, имевшим пять оборонительных линий каменных укреплений. Ныне это не только уникальные памятники русского оборонного зодчества, но и своеобразные свидетели былых взаимодействий Пскова с соседями, в том числе — с Новгородом Великим. Здесь крепостные стены Пскова и предстают как памятники, наиболее удивительные тем, что все они строились псковичами, по-преимуществу, для защиты... от новгородцев.

Это тем более интересно, что Псковская боярско-вечевая республика была в XIV-XV вв. окружена с трех сторон сильнейшими агрессивными иноязычными государствами. С юга подступало Великое Литовское княжество, против которого псковичи выдвинули несколько крепостей-пригородов, в том числе — каменные Остров и Велье; на запад, против рыцарей немецкого Ливонского ордена были выставлены каменный Изборск и Камно; на север, против Шведского королевства — подкаменный Гдов. Иноземные войска исходили маленькую республику вдоль и поперек, “тручи” Псковскую землю. Но, оказывается, оборонительные стены своего стольного города псковичи возводили против новгородцев, защищаясь от ударов в спину от “своей же братии”. При этом, в направлении Новгорода псковичи так и не выставили ни одной крепости — настолько их поведение было безукоризненно честным, рыцарским, поистине миролюбивым. Как же должны были новгородцы терзать и донимать псковичей, что любое, даже небольшое увеличение городской территории нужно было сразу же фиксировать оборонительной стеной.

Рассмотрим, как и когда это происходило. Линии укреплений Пскова целесообразно отсчитывать, двигаясь снаружи к центру, так как возникновение поздних крепостных стен зафиксировано в письменных источниках более ясными записями, нежели появление стен ранних.

Пятая линия укреплений. В 1465 г. “бысть рагоза псковичем с Новым городом про владычню землю и воду..., и псковичи с посажаны, своих хоромов блюдучи.... заложиша стену древяну от Великой реки от Покрова Святыя Богородицы да и до Псковы реки, а от Псковы реки на Запсковьи заложиша от Гремячей горы да и до Великой реки, до Святого Варлаама. А делали сами посажаны, своим запасом. И поставиша тую стену всю в едину неделю”. В 1471 г. “приехал от великого князя с Москвы послом дьяк, а веля Пскову в Великом Новгороде положити разметнии грамоты... А псковичи в тья часы почаша по Полонищу новую стену опять зарубати по старине от Старого Вознесения к реке, которая была в пожар выгорела”. В 1485 г. “суседи-запсковляне” заменили деревянную стену своего посада на каменную.

Четвертая линия укреплений. Стена “Нового Застенья” сооружалась длительное время и в несколько приемов. Сначала где-то в середине

XIV в. появилась посадская оборонительная “стенка с доубом мало выше мужа”. Затем на ее месте в 1375 г. была возведена каменная стена, но, опять же, невысокая, потому что в 1399-1400 гг. псковичи повысили и утолщили ее мощной каменной прикладкой снаружи, дотянутой в 1401-1402 гг. по берегам рек до Крома. В 1375-1400 гг. на приступе у этой стены было выставлено десять каменных костров-башен.

Вторая половина XIV в. прошла у псковичей почти в непрерывных войнах с немцами, литвой, в раздорах с новгородцами. Опасность все более нарастала. Наконец, в 1391 г. “бысть рагоза новгородцем со псковичи — немирье. И поидоша новгородцы ко Пскову ратью”. Конфликт был улажен в 1393 г. московским посредником, митрополитом Киприаном. Однако в 1394 г. снова “ходиша новгородцы ко Пскову ратью и стояша под городом неделю. И в то время учинися бой в заезде новгородцам с псковичи. И убиша ту князя Ивана Копорейского и Василия Федоровича, а иных паде с обе стороны Бог весть. И отыдоша новгородцы от города, а со псковичи — в розмирье”. Размирье это длилось четыре года, причем в 1398 г. к новгородской угрозе с востока добавилась угроза совместного нашествия немцев с запада и литовцев с юга (что затем и произошло). Нараставшая опасность и потребовала усиления напольной крепостной стены города, установки там башен-костров для пушечного боя, а также строительства побережных каменных стен.

Третья линия укреплений. Стена “Старого Застенья” строилась в такой же ситуации. В 1307 г. “бысть псковичем немирье с владыкою Феоктистом и с новгородцы”. Как следствие этого, в 1309 г. “Борис посадник и псковичи заложи стену плитяну от Святого Петра и Павла к Великой реке”. Размирье 1307 г. было связано с отделением Пскова от Новгорода. Построив каменную посадскую стену псковичи, очевидно, почувствовали себя настолько сильными и уверенными, что задиристо провозгласили свой город “Господином Великим Псковом”, подобно тому, как новгородцы называли свой город “Господином Великим Новгородом”. В этом смысле значение каменной стены старого Застенья 1309 г. как “символа свободы Пскова” очень велико.

Здесь интересен нюанс. Каменная стена была возведена вместо более ранней деревянной стены, которая носила уменьшительное название “Городец” — явно в сравнении с “Городом” (детинцем), а, возможно, еще оттого, что тоже была “мало выше мужа”. Эффект замены ее на стену каменную, более мощную и величественную по облику, и вдохнул дополнительно уверенность в псковичей: усилилась крепость стены — укрепилась воля ее защитников от кого бы то ни было.

Возникновение деревянной стены Городца опять было вызвано размирьем с новгородцами. Но случилось это, вероятнее всего, в 1137 г. по приглашении псковичами к себе князя Всеволода, изгнанного тогда из Новгорода. Намериваясь силой удалить князя из своего пригорода, новгородцы выступили против Пскова, причем войско их дошло до погоста Дубровны. Неожиданная смерть Всеволода разрешила конфликт миром. Однако Городец вокруг посада был тогда, очевидно, уже создан.

Вторая линия укреплений. Довмонтова (Домантова) стена возникла также во время борьбы псковичей за право самостоятельности, в частности — за право самостоятельных решений в отношении сульбы княжеского стола, учрежденной Всеволодом. Когда в 1266 г. в Псков “прибеже” из Литвы князь Довмонт и согласился здесь креститься “с родом своим”, то псковичи своей волей, не спрашивая новгородцев, “посади-

ша его у себя на княжении". Узнав об этом, великий владимирский и новгородский князь Ярослав Ярославич "прииде со множеством вои в Новгород, хотя ити на Псков, на князя Доманта", чтобы изгнать его. Новгородцы не захотели тогда напрасного кровопролития и не поддержали Ярослава. Но "рагоза" все же разрослась к концу XIII в. Помогая новому великому владимирскому князю Дмитрию Александровичу в его борьбе с братом, Андреем Александровичем (которого признал Новгород), Довмонт захватил в 1281 г. Ладогу, а в Копорьи отбил казну своего тестя (Довмонт был женат на Марии, дочери Дмитрия Александровича и внучке Александра Невского).

Довмонт воевал против немцев, литвы, но каменная стена "Домантова города", окружившая в конце XIII в. княжий "Домантов стан" (подворье) была вызвана постоянной угрозой со стороны новгородцев. Датировка Довмонтовой стены — конец XIII в. — подтвердилась раскопками В.Д.Белецкого.

Первая линия укреплений. Перси Пскова впервые упоминаются под 1065 г. в Новгородской Четвертой летописи (несколько списков XV-XVI вв.). Это была "грудь города" в виде каменного вала, отсыпанного без бермы за пробитым в каменной скале рвом (Греблей) между реками Великой и Псковой. В виде каменного панциря "грудь города" Пскова была затем несколько раз облицована каменными прикладками на известковом растворе, поднятыми со дна Гребли (конец XI, конец XII, конец XIII, середина XIV вв.). Нельзя не отметить одного знаменательного действия псковичей "в лику" новгородцам. В 1393-1394 гг., как раз во время краткого перемирия с Новгородом, псковичи перестроили "Перси Кромския", чтобы поставить "на Персах" колокольницу для вечевых колоколов — громкогласных символов псковской независимости. Такая строительная демонстрация не требовалась в отношении немцев, литовцев (колокольница стояла внутри города) — она была "зримо" и "звучно" проявлена по отношению к вечевому Новгороду.

Таким образом, строительство всех линий укреплений Пскова, как и неоднократные перестройки первой линии, являлось следствием периодических угроз со стороны новгородцев наказать, расправиться со строптивыми псковичами за их сепаратизм. А псковичи, со своей стороны, выставляли оборонительные стены, постоянно лишь отбиваясь от назойливых агрессивных действий новгородцев, от желания Новгорода подчинить Псков. Еще в 1228 г. новгородский князь Ярослав Всеволодич с новгородским посадником Иванкой и тысяцким Вячеславом собрались в очередной раз "наказать" псковичей: "Промькла бо весть бяше си в Пскове, яко везет оковы, хотя ковати вящее мужи". Такого рода постоянные угрозы и должны были вызывать ответные оборонительные действия псковичей.

Посадские укрепления, конечно, служили защитой и от немцев, и от литвы, и от шведов. Католики действительно "многожды" осаждали город. Но, удивительное дело: псковичи не так боялись чужих, как своих, русских, потому что свои — опаснее. И были полностью правы, о чем свидетельствует известие 1510 г. о "взятии" Пскова великим московским князем Василием III: "и бысть пленен не иноверными, но своими, единоверными людьми".

Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси

(о происхождении ладожско-новгородского
посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей)

Вопрос о присутствии и роли древнескандинавского элемента в двух главных центрах Северной Руси раннего периода — Новгороде и Ладоге — ныне рассматривается исследователями главным образом на основе данных археологии и письменных источников. Меньше используется ономастический материал, а из него привлекается чаще всего топонимическая составляющая (ср. напр.: Молчанов 1969; Джексон, Молчанов 1990). Но важными могут оказаться и наблюдения над антропонимами. Именно они позволяют, на мой взгляд, снять последние сомнения в тождественности Хрёрека Ютландского из рода Скьельдунгов и летописного Рюрика (Молчанов 1992: 44-47). Сравнительный анализ личных имен некоторых исторических персонажей из числа представителей феодальной элиты Северной Руси, действовавших в XI в., дает возможность высказать ряд предположений по поводу генеалогических связей одной из виднейших боярско-посадничьих семей Новгорода со знатными выходцами из Скандинавии.

По свидетельствам исландских саг, заметной фигурой стал на Руси в 20-х годах XI в. переселившийся туда из Дании бывший ярл Гаутланда (Ётланда) Рёгнвальд, сын Ульва (Глазырина, Джексон 1986: 108-115; Глазырина 1994: 340-244; Джексон 1994: 49,51,63,63,73-75,101, 104,116,113,119,134-160,173). Ему пришлось оставить родину после того, как он попал в немилость к шведскому конунгу Олаву. Князь Ярослав Мудрый, женившись в 1019 г. на Ингигерд, дочери конунга Олава, пожаловал ее родственнику с материнской стороны ("они были детьми сестер") Рёгнвальду Ульвссону в управление Ладогу как "ярлство".

На Русь Рёгнвальд прибыл вместе с семьей. Женат он был на Ингибьёрг из рода Инглингов, старшей сестре конунга Норвегии Олава Трюгвасона (правившего с 995 по 1000 г.). Она родилась около 965 г., и эта дата служит еще одним хронологическим ориентиром при реконструкции родословной ладожских ярлов, или точнее посадников (в первоначальном смысле этого древнерусского термина, обозначавшего княжеского наместника в городе или области) 20-40-х годов XI в. У Рёгнвальда Ульвссона и Ингибьёрг было, согласно сагам, два сына — ярл Ульв и ярл Эйлив, которые стали помощниками и наследниками своего отца.

Рёгнвальд, по сообщениям саг, пользовался доверием Ярослава Мудрого и его жены, принимал участие в важнейших государственных делах. Известно, в частности, что у него гостил приезжавший в 1029

г. на Русь конунг Олав Святой, потерявший к тому моменту норвежский престол и мечтавший о реванше (Рыдзевская 1978: 104; Джексон 1994: 119). Управляя Ладожским наместничеством, Рёгнвальд, как утверждает сага, “дожил до старости”. При этом, правда, следует иметь в виду, что он и прибыл на Русь уже весьма немолодым человеком (наверное, лет 55, если только он не был моложе своей жены).

Очень скупы свидетельства саг о сыновьях Рёгнвальда. О деятельности лишь одного из них древнескандинавские источники сообщают хоть какие-то подробности. В “Хеймскрингле” говорится (Снорри Стурлусон 1980: 402) о многолетних трудах Эйлива, сына Рёгнвальда, по охране от врагов окраинных земель Древнерусского государства: между 1031 и 1046 гг. он действовал совместно со своим дальним родственником со стороны матери Харальдом Суровым, будущим зятем Ярослава Мудрого и конунгом Норвегии (в 1046-1066 гг.).

Русская летопись отчасти дополняет известия саг о деятельности членов семьи Рёгнвальда Ульвссона на территории Северной Руси (Кирпичников 1988: 56-58). В 1032 г. состоялся поход новгородской рати на Железные Ворота (локализуемые обычно в том или ином районе Подвинья). Предводитель этой дальней и трудной военной экспедиции носил имя Улеб, которое, как отметил уже С.М.Соловьев (1959: 216), является русской передачей древнескандинавского имени Ульв.

Очевидно, Эйлив пережил своего старшего брата Ульва и после его смерти единолично наместничал в Ладoge. Но деятельность его отнюдь не носила сугубо локальный характер. Она, судя по косвенным данным (имеется в виду информация в “Хеймскрингле”, где цитируются стихи скальда Гьодольва Арнорссона о подвигах Харальда Сурового, совершенных им в период его совместных с Эйливом ратных трудов), протекала в различных местах Северной Руси. Вспомним, что в главном центре этого обширного коренного региона державы Рюриковичей, в Новгороде, княжил тогда троюродный брат Эйлива — Владимир Ярославич (с 1034 по 1052 г. тот занимал новгородский стол в качестве первого по значимости вассала своего отца Ярослава Мудрого, сидевшего в Киеве).

Древнескандинавские источники умалчивают о более отдаленных потомках ярла Рёгнвальда Ульвссона на Руси, если таковые имелись¹. Но ономастический материал, содержащийся в древнерусских письменных памятниках, кажется, способен восполнить до некоторой степени этот пробел. Обратившись к просопографии феодальной элиты Северной Руси второй половины XI — начала XII вв., можно попытаться выявить и другие звенья той же генеалогической цепочки. В летописных списках новгородских посадников за указанный период обнаруживается некий Улеб (Янин 1962: 16, 21, 27, 28, 54), или, по-древнескандинавски, Ульв, то есть тезка двух представителей семьи ёталаидских, а затем ладожских, ярлов-посадников — соответственно, отца и сына Рёгнвальда Ульвссона. Как высший боярский магистрат в Новгороде он действовал, судя по некоторым косвенным данным, в 1090-х годах (Молчанов 1974: 85-87).

В посадничьих списках фигурирует и еще один персонаж, в антропонимическом отношении тяготеющий к той же семье. Это новгородский

¹ Вопрос о его потомстве в Швеции остается открытым. Существует давняя гипотеза, утратившая казалось бы сторонников, но теперь вновь разрабатываемая детально некоторыми исследователями (Казанский, Мачинский 1996: 62-67), о том, что третьим сыном Рёгнвальда Ульвссона был Стейнкиль, конунг Швеции в 1056-1066 гг. Правда, она, к сожалению, не очень выжета с той наиболее подробной и объективной информацией о семье ладожских ярлов-посадников, которую дает Снорри Стурлусон, также упоминающий, причем неоднократно, и о Стейнкиле, но совершенно отдельно, вне всякой связи с “ладожской династией”.

посадник Гюрята (имя Гюрята – древнерусский вариант церковнославянского антропонима Георгий). Он вполне обоснованно отождествляется исследователями со знатным и влиятельным новгородцем Гюрятой Роговичем, который был тесно связан с Ладогой, посылал своих людей для сбора дани на Печору и послужил для летописца в 1114 г. информатором об обитателях далеких северных земель (ПВЛ: 167,168; Лихачев 1947: 178). Следует обратить особое внимание на его отчество. Оно образовано по характерной для древненовгородского диалекта модели, а именно с усечением исходного сложного (двуосновного) антропонима до первой основы (к которой добавлялся факультативно гипокористический суффикс: ср. Хотеслав – Хот – Хотович, Богуслав – Богша – Богшич. и т. п.), и может быть истолковано, исходя из известных современной лингвистической науке фактов, как восходящее к личному имени Рогволод, хорошо известному на Руси уже со второй половины X в. (благодаря отцу знаменитой Рогнеды и родоначальнику, через нее, полочных князей) и соответствующему древнескандинавскому Rǫgnvald.

В обнаруживаемом повторении внутри узкого круга наследственных феодальной элиты Новгородской земли одних и тех же антропонимов весьма возможно проявляются не просто ономастические, но и внутрисемейные связи. А значит, допустимо, хотя и с определенной долей риска, предполагать в посадниках Улебе-Ульве (если принимать во внимание хронологические расчеты – вероятном сыне Эйлива) и Гюряте Роговиче (сыне Рогволода-Rǫgnvalda) соответственно внука и правнука ярда Rǫgnvalda Ульвссона.

Не было бы ничего удивительного в том, что семья знатных скандинавских выходцев, укоренившаяся, благодаря прочным связям с верховной властью, в Новгородской земле и с неизбежностью инкорпорировавшаяся в тамошнюю элиту, надолго заняла на новой родине столь же видное положение, какое, например, сохраняли на протяжении нескольких столетий в Северо-Восточной Руси (сначала в Суздале, а потом в Москве) Шимоновичи, род которых тоже вышел из Швеции при Ярославе Мудром (Воронцов-Вельяминов 1977: 124-139; Зимин 1988: 157-161; Молчанов: 1990, 79-83). По летописным данным, потомство Гюряты Роговича прослеживается среди высшего боярства Новгорода по крайней мере вплоть до времени монгольского нашествия. История этой семьи, начиная со второй четверти XII в. и почти до середины XIII в., была детально прослежена в связи с историей новгородского посадничества (Янин 1962: 66-71, 94-107, 124, 125, 129-138, 160), а затем дополнительно скорректирована (Янин 1991: 11-13; 1993: 7-13). За данный столетний период, на протяжении еще четырех поколений, род Гюрятиничей давал Новгороду высших республиканских магистратов. Мирослав Гюрятинич был посадником в Новгороде в 1126-1128 и 1135-1136 гг. Якун (такова русская форма скандинавского имени Хакон, прижившаяся в именнике новгородского боярства) Мирославич занимал тот же пост трижды: в 1137-1141, 1156-1160(?) и 1167-1170 гг. Дмитрий Якунич получил посадничество в Новгороде в 1210 г., находясь, по-видимому, уже в весьма преклонном возрасте, и недолго исполнял эту должность. Иванко Дмитриевич был избран в новгородские посадники в 1220 г. и продержался на этом посту до 1229 г. 23 марта 1238 г. он пал при взятии войсками Батые Торжка, где тогда посадничал.

Известны и другие представители этой семьи. По сообщению летописи, в 1141 г. в ходе очередного внутриполитического конфликта в Новгороде вместе с посадником Якуном Мирославичем пострадал и его брат Прокопий, а затем оба они вместе с женами нашли убежище

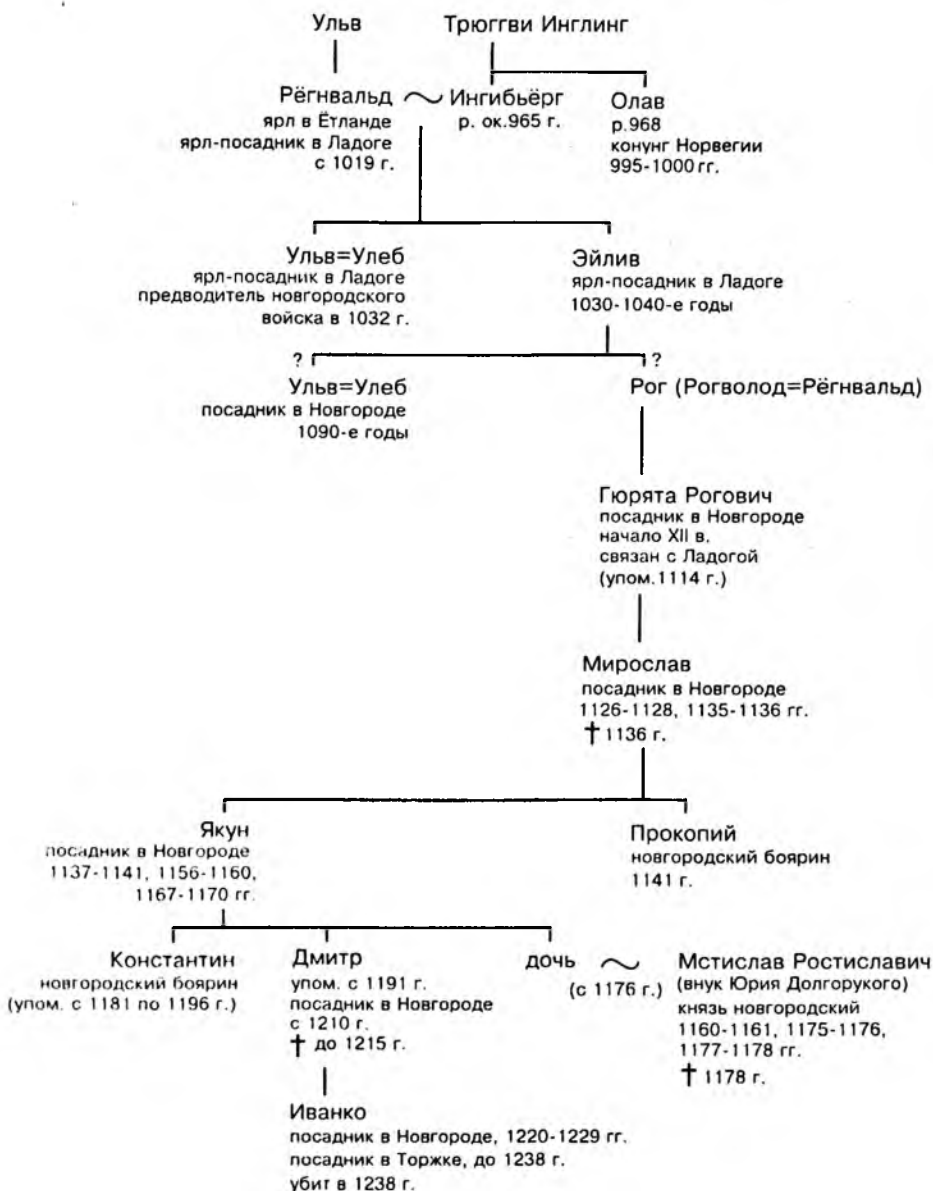

Рис. 1 Реконструируемая стемма рода Роговичей-Гюрятиничей.

в Ростово-Суздальской земле, где их принял с честью князь Юрий Долгорукий. Дочь Якуна, не названная летописью по имени, в 1176 г. стала женой новгородского князя Мстислава Ростиславича (внука Юрия Долгорукого), умершего двумя годами позднее.

Не вполне ясна кончанская принадлежность рода Гюрятиничей: В.Л.Янин относил Якуна Мирославича к боярству то Славенского конца Торговой стороны (Янин 1962: 103), то Прусской улицы Софийской стороны (Янин 1991: 13; 1993: 9). В пользу первой версии говорит, как кажется, упоминания в летописях о строительной деятельности новгородских бояр Константина ("Къснятина") и его брата Дмитра в

1190-х гг. Второго из них допустимо отождествить с посадником Дмитром Якуничем. Братья, несомненно, принадлежали к славенскому боярству, ибо жили в районе улицы Лубяней (Лубяницы), проходившей через Торг. В 1191 г. они построили деревянную церковь Параскевы Пятницы на Торговище, а в 1196 г. возвели каменный храм Кирилла в Нелезене (Кирилловском) монастыре, причем работами руководил “мастер Коров Якович с Лубяной улицы” (НПЛ: 39,42,230,235). В данной связи представляет интерес и летописное сообщение о пожаре в Новгороде на Славно в 1181 г., когда огонь распространился “от Къснятина двора” (НПЛ: 37,226). При раскопках 1993 г. на древней Лубянице была найдена берестяная грамота (№ 747) с текстом: “От матери ко Миросла(ву)...” (Яременко, Тарабардина 1994: 14). Возможно, адресатом этого письма являлся посадник Мирослав Гюрятинич, дед лубяницкого боярина-усадьбовладельца Константина и его брата Дмитра.

Семья Рёгнвальда Ульвссона могла обзавестись усадьбой в Новгороде еще при Ярославе Мудром и Ингигерде. Показательно, что родовое гнездо Гюрятиничей локализуется как раз по соседству с Ярославовым двором и размечалось оно на территории Славенского конца, где процесс появления среди усадьбовладельцев скандинавских выходцев отразился в местной микротопонимике (ср.: Варяжская улица, Яворова улица и т.д.).

Отмеченные выше факты дополняют собранные ранее воедино сведения по истории посадничьего рода Гюрятиничей, корни генеалогического древа которого мы прослеживаем теперь на русской почве вплоть до первой четверти XI в., а в Скандинавии — намного ранее (рис.1).

- Ворошилов-Вельяминов Б.А. 1977. К истории ростаю-суздальских и московских тысяцких // История и генеалогия. М.
- Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. 1986. Из истории Старой Ладogi (на материалах скандинавских саг) // ДГ. 1985 г. М.
- Глазырина Г.В. 1994. Свадебный дар Ярослава Мудрого шведской принцессе Ингигерд (к вопросу о достоверности сообщения Снорри Стурлусона о передаче Алядейгьльборга/Старой Ладogi скандинавам) // ДГ. 1991 г. М.
- Джаксон Т.Н., Молчанов А.А. 1990. Древнескандинавское название Новгорода в топонимии пути “из варяг в греки” // ВИД. Т. XXI. Л.
- Джаксон Т.Н. 1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). М.
- Зинин А.А. 1988. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.
- Казанский В.О., Мачишский Д.А. 1996. “Ладожская династия” христианизировала Швецию? // Ладога и Северная Европа. ЧтПAM. № 2. СПб.
- Кириичников А.Н. 1988. Ладога и Ладожская земля VIII-XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы. Л.
- Лихачев Д.С. 1947. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л.
- Молчанов А.А. 1974. Новгородские события 1054-1064 гг. и возникновение посадничества нового типа // ВМУ. История. № 6.
- Молчанов А.А. 1989. О некоторых древнескандинавских и древнерусских топонимах “новгородского круга” // ТД XI СК. М.
- Молчанов А.А. 1990. История древнерусского боярства и генеалогических источниках (ростю-суздальские и московские тысяцкие Швимюновичи-Протасьевичи в XI-XIV вв.) // Восточная Европа и древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М.
- Молчанов А.А. 1992. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюрикoviчей // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М.
- Рыдзевская Е.А. 1978. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. М.
- Снорри Стурлусон. 1980. Круг земной. М.
- Соловьев С.М. 1959. История России с древнейших времен. Кн. 1. (Т. 1-2). М.
- Янин В.Л. 1962. Новгородские посадники М.
- Янин В.Л. 1991. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. М.
- Янин В.Л., Зализняк А.А. 1993. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.). М.
- Яременко Е.В., Тарабардина О.А. 1994. Луквинский раскоп в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород.

Погребальный обряд древнерусского монастыря: студийский устав, письменные памятники, данные археологии¹

Известная по данным археологии многовариантность погребальной практики Древней Руси делает весьма проблематичным существование фиксированных канонов в области погребального обряда. Вместе с тем ряд письменных источников способен дать нам представления о нормах погребальной практики. Своеобразным комментарием к этим нормам на Руси может являться речь философа, которая помещена в ПВЛ под 986 г. Погребение в яме по обряду ингумации представляется непосредственным Божественным велением, переданном в апокрифическом сказании. Адам “плакастася по Авели лет 30, и не сгни тело его, и не умяста его погresti. И повелением Божиим птенца два прилетеста, един ею умре, един же ископа яму, и вложи умершего и погребе и. Видевше же се Адам и Елга, ископаста яму, и вложиста Авеля, и погребоста и с плачем.” (ПВЛ: 63). Здесь можно видеть основание церковного ритуала “предания земле” усопшего.

Наиболее подробные сведения канонического характера об иноческом погребении Древней Руси читаем в древнейшем сохранившемся Студийском типике новгородского Аркажского монастыря (ГИМ № 330) конца XII – начала XIII вв. (Сводный каталог 1984: 159-161, № 138), который подробно описывает приготовление к погребению и богослужбное последование отпевания (Мансветов 1882: XXV-XXXIII, прилож. IX). После приготовления покрывала (“паполома”) и облачения усопшего в новую ризу (“свиту”) Устав предписывает следующее: “По одеянии возложит на нь кукол, аще великий схимник будет, возложит наглавие верху главы его и покрыв до браны, яко невидимо быти лицо его. Посем возложит на нь аналав (плети – по списку Новгородской Синодальной кормчей) и препояшет и поясом и обует в погребальные сандалии сиречь плесницы и внес одр устроенный на изнесение к погребению прострет верху его попалому. И положит возголовице мало. Верху же попалому простират мантию его не преки, яко

---

¹ Статья написана в рамках проекта РГНФ (97-01-000510) “Христианские древности Северной Руси IX-XIII вв.”

же в ней ходит, но просто вьдължъ (на подлож) и положит на ней мертвыи. Вверху же мертвеца простирает другая пополома. И тако вземше одр простирают внутрь паперти” (Мансветов 1882: XXVII-XXVIII). Примечательно, что о гробе речь не идет, поскольку тело возлагается на одр — носилки (Мансветов 1882: XXVIII).

Монашеский обряд, известный нам по письменным памятникам, практически целиком вписывается в правила Студийского устава. Житие прп.Феодосия Печерского должно рассматриваться как достоверное свидетельство о погребальной практике древнерусского времени (Творогов 1987: 275). Повествование о его кончине и обретении мошей описывает по сути дела ситуацию, которая, на наш взгляд, характерна для древнерусской погребальной практики своей исключительностью, доказывающей возможность отступления от принятого канона в силу определенного ряда причин. Преподобный преставился в 1074 г. и был погребен в собственной пещере: “положиша и в пещере” (ПВЛ: 125). При этом известно, что в монастыре существует место, “идеже и всю братию погребают” (Успенский сборник 1971: 103), которое, судя по всему, пока еще не тождественно известному из Патерика погребению в пещерах. Прп.Феодосий сознательно заповедует похоронить себя вне монастырского кладбища. Завещание преподобного находится в противоречии со Студийским уставом: “да в ей же есть одежи ныне в той да положите меня тако в пещере, идеже постныя дни пребывах, ниже омывайте убогого моего тела, и да никто же от людей мене, но вы едине сами да погребете в прежде реченном месте тело мое” (Успенский сборник 1971: 129). Согласно уставу, тело усопшего необходимо омыть и облачить в новую монашескую одежду. Подробности самого обряда не сообщаются, за исключением воли усопшего: “В ночь похороните тело мое” (ПВЛ: 125). Это желание, связанное со скромностью преподобного, не желавшего посмертных почестей “от человек”, находится в противоречии каноническими правилами архиепископа Нифонта Новгородского (1130-1156), определенно заявляющего “Зашедшию солнцу не достоит мертвеца хоронити..., но тако погresti яко и еще высоко... то бо последнее видят солнце до общего Воскресения” (Памятники 1880: 37).

В 1091 г., через 17 лет после кончины прп.Феодосия, монастырский собор решает перенести его мощи в церковь. Процесс “церковно-археологических раскопок” подробно описан летописцем, бывшим его непосредственным участником. У пещеры “разглядавша место куде копати, и знаменавше место кде копати кроме устья” (ПВЛ: 138). “Проконах велми и влезохом и видехом лежашъ мошми, но состави не распалися беша, и власи главнии притяскли бяху. И взложыше и на вариманътью и вземше на рамо, вынесоша и пред пещеру” (ПВЛ: 139). Прп.Феодосий был погребен не во гробе и даже не предан земле чтобы увидеть его мощи, крышки снимать не пришлось, как не пришлось и разгребать землю. Согласно Студийскому уставу он был завернут в мантию и положен в пещеру. Очевидно именно такой чин иместся ввиду, когда о погребении печерских иноков говорится: “братия спрятавше тело его (обернув в мантию — А.М.), погребоша и” (ПВЛ: 131). В раку-гроб мощи преподобного Феодосия перелажаются только при перенесении в церковь (ПВЛ: 139).

Археологические реалии и письменные памятники доносят до нас две традиции монашеского погребения Киевской Руси. В Антониевых пещерах в Чернигове была раскопана костница, представляющая собой особый погребальный обряд (Моця, Руденок 1992: 31-34), который впол-

не сопоставим с описанным Е.Голубинским чином посмертной эксгумации (Голубинский 1997: 454). Тело усопшего первоначально погребалось в особую выложенную плинфой яму, с тем чтобы через несколько лет быть вынутым и перенесенным в общую костницу. Иногда перенесению подлежали только черепа. Такой обряд, предположительно, связан на Руси с афонской традицией, куда он мог попасть вместе с прп.Антонием Печерским, который долгое время подвизался на Афоне (Das Paterikon 1963: 16), и который основал Чернигово-Печерский монастырь. Исследователи объясняют быструю деградацию этого обряда его противоречием со славянским менталитетом, для которого обычным является погребение покойника раз и навсегда (Моця, Руденок 1992: 33). Однако нам представляется, что это могло быть связано с влиянием Студийского устава, введенном при прп.Феодосии Печерском (Абрамович 1902: XVII).

Коллизии двух обрядов — Афонского и Студийского — можно увидеть в уже отмеченной летописной повести об обретении мошей прп.Феодосия. Монастырский собор мотивирует перенесение мошей тем, что “не добро есть лежати отцю нашему Феодосиеви кроме монастыря и церкви своея” (ПВЛ:138). С одной стороны, мы видим здесь элементы посмертной эксгумации, свойственные афонскому уставу, которые под пером летописца приобрели указанную выше мотивацию в сознании монастырской братии. С другой стороны, перезахоронение совершается в определенное место, в раку на южной стороне Успенской церкви, которая доступна паломникам и братии: в этом видится влияние нового Студийского устава.

Основываясь на данных Киево-Печерского патерика можно предположить, что обычай погребения братии в пещерах возникает уже после кончины прп.Феодосия. Сами пещеры первоначально служили только для молитвы и жительства братии, и лишь впоследствии над ними были построены монастырские кельи, куда и переселились иноки (Das Paterikon 1963: 18). Здесь же было устроено общее монастырское кладбище. Если первый игумен монастыря Антоний “сконча живот свой не исходя от пещеры, в ней же лежат честные моши его” (Das Paterikon 1963: 18), то игумен Варлаам был положен “в монастыри на десной стране церкви идеже и доныне гроб его” (Das Paterikon 1963: 44). Следующим в пещерах погребается прп.Феодосий, моши которого впоследствии были перенесены в Успенскую церковь. Очевидно, факт перенесения жилых помещений из пещер на гору, и пример прп.Феодосия повлияли на сложение монастырской практики погребения в пещерах, которая представляет из себя своеобразную модификацию обряда Студийского устава, подробно описанного в Патерике, особенно в житии прп.Марка Печерника. О нем сказано, что он “много места в пещере своима рукама ископав, на свою спину переть износя” (Das Paterikon 1963: 156). Таким образом, места для погребения братии выкапывались заранее и представляли из себя ниши-углубления. При этом сами тела не засыпались землей, поскольку она выносилась из пещеры на поверхность. Из жития явствует, что возливание елея и покрытие усопшего паполомой (“опрятывание”) имело место не в храме, а непосредственно в пещере (Das Paterikon 1963: 157), что отличало печерский обряд от Студийского устава, где возливание елея предусматривалось непосредственно в храме.

В связи с существованием на Руси византийского обряда обратимся к известному летописному сообщению 1044 г. о перезахоронении кня-

зей Олега и Ярополка: “выгребоша два князя, Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиша кости ею, и положиша я в церкви святыя Богородицы” (ПВЛ: 104). Греческий обряд посмертной эксгумации, в реконструкции Е.Голубинского, предполагал омовение останков родостамной перед перенесением к новому месту погребения. Это омовение должно было быть передано в летописном тексте именно как “крещение”, которым в славянском литургическом обиходе обозначалось и само *baptismo* — погружение. Таким образом летописную статью 1044 г. следует понимать не как указание на то, что над мертвыми костями было совершено таинство крещения, а что останки были омыты перед их перенесением в соответствии с греческим ритуалом. В свете данной интерпретации нужно признать, что оба князя к моменту своей кончины были крещеными христианами.

Археологическую иллюстрацию канонов монастырского типика (ГИМ № 330) в отношении погребения представляют монашеские погребения Новгородского Юрьева монастыря, исследованные раскопками М.К.Каргера (1946). Однако, и здесь допускались определенные новации в обряде. Очевидно, под аналавом, который в современной практике употребляется лишь при пострижении в великую схиму, имеется выду простой параман. Примечательно указание на способ его изготовления, которое содержится в его втором названии “плетцы”. Очевидно, параман XII-XIII вв. представлял из себя кожаные плетеные ремешки с изображением креста, как это явствует из материалов раскопок. Сам М.К.Каргер не идентифицировал находки как параманы, а писал о “плетеных кожаных крестах на кожаных витых шнурках”, хотя и отнес их к особенностям монашеского погребения. Такие параманы найдены в погребениях 4, 8 и 9 (Каргер 1946: 205, 208-210, рис.28.41).

Подобные кресты в монашеских погребениях стали объектом исследования Т.Д.Пановой (1995: 73). Однако трудно согласиться с тем, что в отношении практики помещения нательных крестов в могилы иноческие захоронения противопоставляются всем остальным погребениям, а найденные в них кожаные кресты — параманам. Приведенное в работе описание крестов — “изготовлены из узких полосок кожи: верхний и нижний концы искусно сплетенного креста соединены длинными плетеными шнурами, служившими для ношения креста на шее. Иногда такие шнуры соединяли конструкцию из двух или четырех плетеных крестов” (Панова 1995: 73), а также непосредственно знакомство с материалом свидетельствует, что указанные кресты суть настоящие параманы древнерусских иноков. Нательные кресты в иноческих погребениях Юрьева монастыря не известны, тогда как в погребениях Дмитра Мирошкинича и юного Ярославича (погр. 1 и 6) они определенно присутствуют (Каргер 1946: 175-224).

Вообще же к монашеским погребениям в соборе следует отнести, кроме трех перечисленных, также погр. 7, при котором сохранился кожаный иноческий пояс с тиснеными изображениями двенадцатых праздников и херувимов и архангелов в круглых медальонах, а также железная цепь в пять звеньев, может быть, от вериг (Каргер 1946: 208). Как известно, сам М.К.Каргер атрибуировал это погребение новгородскому посаднику Семену Борисовичу, убитому в 1230 г., предположив, что железная цепь в погребении являлась железными оковами (Каргер 1946: 222). Такая атрибуция вызвала справедливую критику В.Л.Янина, указавшего на вериги и пояс как принадлежности монашеского облачения (Янин 1988: 100). Само погр. 7 Янин предположительно соотнес с

игуменом монастыря Савватием (1194-1226), а погр. 8 и 9 отождествил с захоронениями других настоятелей монастыря — Кириком и Исайей (Янин 1988: 101). Пояс, как мы видели, упоминается в чине погребения Студийского устава и встречен в погр. 4, принадлежащем княжне Ефвросинии (Каргер 1946:207, 215, рис.29, 39). Погребальные сандалии-плесницы можно отождествить с находками кожаных туфель в погр. 4, 5(?) и 7 (Каргер 1946: 206-208). Фрагменты ткани поверх скелетов сопоставимы с паполомой уставной статьи.

Упомянувшееся в Студийском типике новгородского Аркажского монастыря “возглавице” является археологической реалией древнерусских погребений. Н.А.Макаров указывает 50 случаев использования каменных подушечек в саркофагах и погребениях древнерусских городов, и интерпретирует их как аскетическую редакцию погребального обряда, характеризующую монашеские идеалы погребенных (Макаров 1981: 111-116): камень под головой после смерти должен был свидетельствовать о столь же аскетическом времяпровождении в жизни земной. Как мы видели в соответствующей статье Студийского устава, возглавице действительно составляет часть монашеского ритуала погребения, однако нигде не сказано о том, что возглавие должно быть каменным. Нам представляется, что функция возглавия на одре все же чисто утилитарная — поддерживать голову усопшего в естественном положении.

Описывая погребения Юрьева монастыря, М.К.Каргер подробно сообщает лишь о керамическом высоком сосуде характерной вытянутой формы с расширением на середине тулова в погр. 6, соотношенном с Дмитрием Мирошкиничем (Каргер 1946: 207), однако позднее он пишет о фрагментах керамики найденных в погребениях (Каргер 1946: 210-211). Таким образом, трудно определить, насколько сосуды являются характерными для монастырского обряда, хотя в Уставе и письменных памятниках и сообщается о сосудах с елеем. Ближайшей аналогией сосуду из погребения Дмитра Мирошкинича является сосуд из погребения Всеволода-Гавриила Мстиславича († 1138) в церкви Св.Димитрия Солунского Довмонтова города Пскова, открытый в 1965 г. раскопками В.Д.Белецкого (Белецкий В., Белецкий С. 1979: 275-279). Несмотря на спорность предлагаемой реконструкции, которая может являться искусственным соединением фрагментов двух разных кувшинов — раннего и позднего, рейнского — налицо схожесть пропорций обоих рассматриваемых сосудов. Не исключено, что речь должна идти о характерной принадлежности погребального ритуала XII-XIII вв.

Примечательно, что монашеские погр. 8 и 9 совершены в долбленых колодах и обернуты берестой (Каргер 1946: 208). Это доказывает допустимость использования бересты в церковном погребении, демонстрирует степень влияние местных обычаев на монастырский устав и раскрывает процесс включения архаичных элементов местной культуры в формирующуюся культуру древнерусского христианского общества. В любом случае, подобные “отступления” от чина устава, сложившегося в Греции и предусматривавшегося простой одр для погребения, а не колоду, не могут рассматриваться как канонический криминал.

В связи с особенностями монашеского погребения на Руси необходимо упомянуть о традиции разрешительной молитвы, влагаемой священником в руку усопшему, которая в монашеском обряде отсутствует. Начало этого чисто русского обычая связывается с варягом Симоном, который просил прп.Феодосия известить его “написанием” о посмертном прощении грехов. Патерик сообщает, что “иже и доныне влагают

в руку умершим такую молитву, прежде бо сего не сотвори сиевая вещь в Руси” (Das Paterikon 1963: 4). Этот обычай выглядит чисто русским и связанным исключительно с погребением мирянина. Письменные источники не только фиксируют определенную разницу между формами погребального обряда на Руси, но и свидетельствуют об определенных инновациях по сравнению с греческими нормами погребения, которые возникают уже непосредственно в Русской Церкви.

Из Студийского устава статья о монашеском погребении попадает в Климентовскую кормчую 1282 г. (ГИМ, № 132, см.: Сводный каталог 1984: 207-210)). Сам факт помещения в епархиальный сборник канонических правил статьи о нормах погребения указывает, что в это время наблюдается повышенное внимание к этим нормам, и что сами нормы становятся однообразными и общезначимыми. Именно к этому времени и относится унификация погребального обряда на Руси. Можно предположить, что если до сих пор студийские правила погребения были приняты лишь в городской среде, то теперь область их распространения становится значительно шире, что и приводит к практическому однообразию обряда в XIV в. Таким образом, причина различия городского и сельского церковных погребальных обрядов XI-XIII вв. могла заключаться в разной степени влияния монастырской культуры. К XIV в. относится активное основание монастырей в сельской местности, способствовавшее становлению общерусской нормы погребального обряда. Подобное явление можно назвать “вторичной христианизацией”, когда облик христианского быта и культуры менялся под воздействием внутренних причин и идеалов монашеской жизни.

-
- Абрамович Д.И. 1902. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб.
- Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1979. Сосуд из могилы псковского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича (1138 г.) // СА. № 3.
- Голубинский Е. 1997. История Русской Церкви. Т.1. Ч.2. М.
- Каргер М.К. 1946. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933-1935) // СА. № 8.
- Макаров Н.А. 1981. Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // СА. №2
- Мансветов И.Д. 1882. Митрополит Кириил в его литургической деятельности. Историко-литургическое исследование. М.
- Моця О.П., Руденко В.Я. 1992. Костницы в Антониевых пещерах в Чернігові (про деякі особливості християнської обрядовості на Русі) // 1000 років Чернігівської єпархії. Чернівці.
- Памятники древне-русского канонического права. Ч.1. (Памятники XI-XV вв.). СПб. 1880.
- Панова Т.Д. 1995. Нателные кресты в погребальной практике русского средневековья (XI-XVI вв.) // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской Конференции. Ч.2. Христианство и древнерусская культура. СПб-Псков.
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI-XIII вв.). М., 1984.
- Тюрюков О.В. 1987. Нестор. // Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып.1. Л.
- Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971.
- Яшич В.Л. 1988. Некрополь Новгородского Софийского собора. М.
- Das Paterikon des Kiever Hohlenklosters. München. 1963.

О возможной интерпретации захоронения в кургане № 11 Плакунского могильника

Уже первая попытка историко-культурной интерпретации результатов раскопок курганов в урочище Плакун напротив Старо-ладожской “Рюриковой” крепости решительно связала их с одним из наиболее острых вопросов начальной истории Руси — норманской проблемой. “Это первая в Приладожье группа могильных памятников, которую определенно и надежно можно связать с норманнами”, — писал В.И.Равдоникас, подводя итоги довоенных археологических исследований в Старой Ладогe (Равдоникас 1945: 41). Исходя из общих представлений о времени появления норманских древностей в Восточной Европе и своей концепции о роли норманнов в Приладожье, В.И.Равдоникас датировал могильник X в., определив его как место захоронения заезжих купцов и воинов-наемников. Почти четверть века эта историко-культурная характеристика Плакунского могильника оставалась единственной опубликованной и утвердилась в советской историко-археологической литературе.

Важнейшим этапом в переосмыслении материалов курганного могильника в урочище Плакун явились работы Г.Ф.Корзухиной. Тщательнейшим образом обработав тогда весьма скудные данные о плакунских захоронениях¹, Г.Ф.Корзухина не только доказала наличие среди насыпей Плакунского могильника курганов IX в. и даже может быть его первой половины, но и впервые сформулировала положение, согласно которому захоронения в урочище Плакун признавались не могилами заезжих купцов и бойцов-наемников, а кладбищем постоянно проживающего в Ладогe населения скандинавского происхождения (Корзухина 1971а: 123-131; 1971б: 59-64). Наконец, Г.Ф.Корзухиной принадлежит заслуга возобновления раскопок Плакунского могильника и в частности, исследования кургана № 11 (Корзухина, Давидан 1969: 16,17), о котором в дальнейшем пойдет речь. В итоге к началу 1970-х годов все зафиксированные к этому времени на Плакуне погребальные насыпи были доследованы, а находка в архиве В.И.Равдоникаса графической документации довоенных раскопок сделала возможной полную публи-

---

¹ Графическая документация довоенных раскопок считалась безвозвратно утраченной и была обнаружена лишь 10 лет спустя, см.: (Назаренко 1985: 157).

кацию материалов данного могильника с систематическим описанием каждого погребения (Назаренко 1985: 156-169).

Рассмотрению и интерпретации обнаруженных в кургане № 11 археологических следов и остатков кажется целесообразным предпослать изложение в предельно сжатом виде общей характеристики Плакунского могильника. Урочище Плакун находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Волхов. Археологическим путем на площадке террасы выявлено чуть более полутора десятков насыпей, которые можно считать исследованными. В размещении курганов отчетливо выражены две тенденции. Часть вытянута рядами вдоль берега р. Волхов, а часть стоят кучно, охватывая полукольцом самый большой на Плакуне курган № 6. Скученные насыпи значительно уступают по размерам курганам, вытянувшимся цепью. В целом же размеры погребальных сооружений могильника колеблются в широком диапазоне — диаметр основания курганов от 4 до 20 м, высота от 0,3 до 1 м. Насыпи возведены из составляющих грунт террасы тяжелых суглинков с незначительной примесью супеси, сверху все курганы задернованы, а в их основании всегда прослежен слой погребенной почвы.

По совокупности черт, курганы урочища Плакун могут быть разделены на четыре вида. Первые два вида насыпей содержат урновые и безурновые захоронения остатков кремации, совершенной, скорее всего, на месте сооружения кургана. Сожженные кости собраны и помещены в горшок или кучкой в центральной части кострища, либо рядом с кострищем. Как правило, кострище занимает часть основания насыпи и представляет собой слой угля и золы мощностью до 0,05 м. На нем нередко обнаруживаются куски горелого дерева, иногда довольно больших размеров. Кальцинированные кости и отдельные предметы встречаются не только на месте расположения захоронения, но и по всей площади кострища, а также за его пределами. На кострище или в небольшой ямке, вырытой на кострище или у его края, как правило, фиксируются скопления камней средних размеров — осколков плиты или булыжников. Для насыпей второго вида характерно использование ладьи или ее частей при кремации останков умершего. Все курганы с остатками ладей относятся к числу насыпей, составляющих цепочку курганов, вытянувшихся вдоль берега р. Волхов, и могут быть признаны сравнительно крупными. Насыпи без следов использования ладьи при сожжении умершего меньших размеров и принадлежат к числу размещенных скученно.

Третий вид насыпей Плакунского могильника выделен по отсутствию в них безусловных остатков захоронений. К этому виду может быть отнесена и самая большая насыпь в урочище Плакун — курган № 6. С некоторыми оговорками, изложение которых заслуживает специально рассмотрения, вполне возможно, что курганы № 6 и № 11 окажутся связаны одним историческим сюжетом. Курганом № 11 представлен четвертый вид насыпей Плакунского могильника.

В погребальной обрядности первых двух видов насыпей курганного могильника в урочище Плакун сравнительно легко видится основной набор более или менее массовых типов обряда захоронения, составляющих “ансамбль” скандинавского некрополя эпохи викингов. По классификации Г.С. Лебедева (1985), это кремации типа А (в урне), типа В (в ладье), типа С (без урны на кострище). Более того, могильник в урочище Плакун не только по составу, но и по соотношению этих типов обряда погребения вполне сопоставим с двумя курганными группа-

ми, расположенными к югу и юго-востоку от укрепленного Борга шведской Бирки. Эти могильники получили у Г.С.Лебедева статус "кладбищ викингов", с чем трудно не согласиться. Таким образом, и курганный могильник в урочище Плакун в своей основной части также может быть интерпретирован как кладбище викингов. Своеобразие его в сопоставлении с викингскими могильниками Бирки составляют курганы № 6 и 11.

Курган № 11 имел высоту 0,3 м при диаметре около 13 м. На глубине 0,5-0,6 м на площади около 120 м² выявлен слой погребенной почвы близкой к квадрату формы со стороной 10-11 м. В центре основания кургана на уровне погребенной почвы обнаружена группа плит и камней, вытянувшихся полосой с северо-запада на юго-восток, длина каменной кладки 2 м. Под камнями прослежено пятно могильной ямы, длина которой 2,8 м, ширина — 1,75 м, глубина — 0,7 м. Яма ориентирована углами по странам света, а длинной осью с СЗ на ЮВ. При зачистке камер над могильной ямой и частично провалившихся в нее встречено много угля и небольших обожженных кусков дерева, собрано до 40 ладейных заклепок, гвоздей и их обломков. При зачистке основания кургана к северо-востоку от могильной ямы выявлены две столбовые ямки, еще одна такая же обнаружена к юго-западу от нее.

На дне могильной ямы стояло гробовище из досок. Длина его 2,15 м, ширина — 0,95 м. Гробовище сохранилось на высоту 0,35-0,4 м и возможно было еще более высоким. Дно ямы у его торцевых стенок было выстлано берестой, а пространство между стенками ямы и гробовищем завалено бревнами. Сверху гробовище закрывала крышка из четырех досок. На дне гробовища обнаружены незначительные остатки костяка мужчины, судя по зубам умершего в возрасте 60-70 лет, положенного головой на СЗ. В ногах погребенного найдено долбленое корытце и берестяная коробочка. На костяке, рядом с ним и особенно справа от него, выявлено большое число окислов полностью разрушившихся железных и бронзовых предметов. Повсюду в гробовище прослежены органические остатки, среди которых определенно опознаются мех и войлок.

Безупречная методика полевых исследований Г.Ф.Корзухиной, исчерпывающая полнота сделанных ею описаний открытых в процессе раскопок археологических следов и остатков, наконец, прекрасная сохранность органики и, прежде всего, деревянных конструкций, позволяют уверенно воссоздать вид погребального сооружения и последовательность совершенных при захоронении умершего действий. На выбранном для погребения участке была выкопана могильная яма, в которую установили просторное гробовище с телом покойного. Все оставшееся свободным пространство было заполнено бревнами, присыпано грунтом, а затем вымощено плитами и камнями. На полученной в результате площадке была установлена и сожжена лодка или небольшая ладья, которая поддерживалась в нужном положении столбами-подпорками. Затем была сооружена курганная насыпь.

Решающим для определения времени совершения захоронения в кургане № 11 является дендрохронологический анализ двух спилов, сделанных с бревен, заполнявших могильную яму. Проводившая анализ спилов Н.Б.Черных так охарактеризовала его результаты: "Сейчас можно точно сказать, что время жизни курганных бревен синхронно периоду роста стволов из постройки горизонта Е₁, а время рубки падает на тот же хронологический период" (Черных 1985: 78). Горизонт Е₁ в рас-

копках 1972-1973 гг, материалы которых анализировала Н.Б.Черных, представлен одной большой постройкой. Порубочные даты основной массы бревен интересующего нас горизонта относятся к 70-м и первой половине 80-х годов IX в. Большая часть, то есть 8 из 12 бревен самой постройки срублены в период между 874 и 881 гг. В это время, по-видимому, и было совершено и захоронение в кургане № 11.

Определение открытого на Плакунском могильнике сооружения как погребальной камеры и его связь с северо-европейскими древностями не вызывает никаких сомнений. Вместе с тем, полных аналогий ему среди камерных могил в странах Северной Европы нет. Наиболее близким плакунской следует признать IV тип (по классификации Г.С.Лебедева) камер могильника Бирки. Основным отличием камер этого типа из Бирки является заполнение свободного пространства в могильной яме крупными валунами. Вместе с пятью другими этот тип камер характеризует сложившаяся в Бирке в течение IX-X вв. сложную иерархию типов обряда погребения в камерных гробницах. Совокупность особенностей, присущих Плакунскому камерному захоронению, позволяет вставить его в предлагаемый Г.С.Лебедевым типологический ряд где-то между типами Е и Д₂. Социальную группу, представленную захоронениями в камерных гробницах, Г.С.Лебедев считает возможным отождествить с упоминаемыми в источниках IX в "могущественными", "знатными", "верными", то есть с теми, кто составлял ближайшее окружение высших раннесредневековых иерархов, совет при короле в Европе или королевскую дружину в Скандинавии.

В поисках ответа на вопрос — кто погребен в камерной могиле Плакунского могильника? — заманчиво, учитывая континентально-германские традиции камерных захоронений и уникальность такого рода погребального сооружения на Плакуне в сопоставлении с возрастом погребенного и датой захоронения, произнести имя Рорика Ютландского, то есть Рюрика Повести временных лет. Соблазн велик, тем более, что сами события начальной русской истории не представляются нам теперь такими уж легендарными, а в биографии Рорика Ютландского именно с начала 60-х гг., по данным западных письменных источников определенно обнаруживаются минимум два "темных" 5-7 летних периода. Наконец, связи Ладоги с Фрисландией и Ютландией, где действовал Рюрик большую и лучшую часть своей жизни, в свете археологических исследований последних десятилетий, оказались столь давними и всеобъемлющими, что приглашение князя из какого-либо другого места показалось бы теперь, по меньшей мере, странным.

Не исключая полностью возможности изложенной выше атрибуции камерной гробницы в кургане № 11 на могильнике в урочище Плакун, все же нельзя ее и уверенно отстаивать. Во-первых, отсутствует не только письменная историческая, но и устная народная традиция, связывающая смерть и погребение Рюрика с территорией Руси. Во-вторых, Рорик Ютландский принадлежал к датскому королевскому дому Скиолдунгов, то есть был представителем старой родовой знати и хотя мог, но не должен был быть погребен по обряду, объединяющему черты новой дружинной обрядности викингов с ритуалом старой племенной знати: для Рорика это было очевидным снижением социального статуса. В третьих, последние десять лет перед приездом на Русь Рорик ведет борьбу за датский престол широко используя для этого отряды викингов. Предводителей двух таких отрядов, прибывших вместе с Рориком на Русь, мы знаем по именам — это Аскольд и Дир, отпросившиеся у

него в поход на Константинополь. Были конечно же и другие, но их имена история не сохранила. Предводитель одного из таких отрядов викингов (судя по возрасту — давний и ближайший соратник Рорика, возможно, наместник Рорика в Ладоге во время пребывания последнего в Европе в 873 г.) скорее всего и погребен в камерной могиле Плакуна. Наконец, в четвертых, на Плакуне есть памятник, который с большим основанием нежели курган № 11 может быть связан с именем Рюрика Повести временных лет — это курган № 6.

- Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.
- Равдоникас В.И. 1945. Старая Ладога // КСИИМК. № 11.
- Корзухина Г.Ф. 1971а. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник. № 16. Таллин.
- Корзухина Г.Ф. 1971б. Курган в урочище Плакун близ Старой Ладоги //КСИА. №125.
- Корзухина Г.Ф., Давидаш О.И. 1969. Раскопки на урочище Плакун близ Старой Ладоги // АО-1968. М.
- Назаренко В.А. 1985. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Черных Н.Б. 1985. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.

Еще раз о грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи

В 1993 г. в четвертом томе Новгородского исторического сборника была опубликована моя статья “О грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р.Ловати (К вопросу о сложении феодальной вотчины)” (Носов 1993: 27-39). Совершенно неожиданно для меня сразу за ней следовал комментарий одного из рецензентов тома М.Б.Свердлова (Свердлов 1993: 40-45), который поставил под сомнение главный вывод статьи. Дискуссия по поднятым принципиальным вопросам понятна и с точки зрения источникововедческого толкования текста самой грамоты, и с точки зрения общей трактовки путей формирования феодального вотчинного режима на Руси, тем более, что предлагался не вполне традиционный подход к решению темы, а сохранившихся источников, подобных грамоте Всеволода Мстиславича 1134 г. (датировка по В.Л.Янину, см.: Янин 1977: 77), в нашем распоряжении единицы. Однако, в данном случае оказалось, что комментатору было даровано как бы заключительное слово. В своей основе позиция М.Б.Свердлова меня не убедила. Мне кажется, я более прав в трактовке целого ряда моментов, и сейчас я бы хотел еще раз остановиться на затронутых проблемах.

Суть моей статьи заключалась в следующем. Проведенное мною в 1987 г. археологическое обследование территории волостки Ляховичи, границы которой впервые были намечены В.Л.Яниным (Янин 1978: 23-31), показало, что основная территория переданная князем в 1134 г. Юрьеву монастырю, представляла собой глухой угол сырых новгородских лесов в междуречье рек Ловати и Полы. Удивляла и странная конфигурация пожалования — узкий клин земель, тянувшихся более, чем на 20 км вдоль р.Робьи Великосельской (карта обсуждаемой в статье территории опубликована в работе 1993 г. см.: Носов 1993: 34). Леса занимают большую часть этой территории и сейчас, а в начале века, как писал В.А.Пылаев, в Ляховичском и Залучском лесничествах они стояли “густой стеной почти по всей их площади, прерываемые реками да небольшими полянами” (Пылаев 1929: 56). Несомненно эта глухомань в междуречье была и в XII в. Какие-либо археологические древности конца I — начала II тыс.н.э. здесь не известны. Отмечу, что и в окрестностях современной деревни Ляховичи, находящейся непосредственно на р.Ловати, нет сопок — погребальных памятников в основном IX-X вв., рельефно маркирующих места расположения древнейших славянских поселений и довольно многочисленных в Приильме-

ные и в том числе на р.Ловати. Кстати, отсутствие сопок у д.Ляховичи вполне объяснимо, так как по заключению В.Я.Концецкого, специально занимавшегося вопросами размещения сопочного населения по р.Ловати, нижняя Ловать в конце I тыс.н.э. была заселена лишь там, где к широким, но уже достаточно высоким поймам примыкали береговые террасы, сложенные песками и суглинками, а в Ляховичах была иная ситуация — коренной берег сложен тяжелой глиной, а сама пойма сырая и заболоченная (Концевский 1988: 27,28). Отсюда напрашивался вопрос, что же собственно передал князь Юрьеву монастырю? Чем прежде всего определялась ценность этого лесного участка между Ловатью и Полой и почему он имел такую вытянутую форму?

Вывод я сделал следующий. Князь передал монастырю в основном отнюдь не плодороднейшие земледельческие территории, уже давно освоенные крестьянскими общинами, а, наоборот, именно глухой лесной угол, где население было лишь на самой Ловати. Ценность территориального пожалования определялась не столько его земледельческой значимостью, сколько тем, что вдоль р.Робьи Великосельской проходила кратчайшая сухопутная дорога из Новгорода и Руссы к Торонцу, Смоленску и Киеву. Право контроля над путем составляло важнейший источник поступления доходов. Странная форма волостки и объясняется ее вытянутостью вдоль важнейшей сухопутной дороги. Попутно я предложил рассматривать “водос” грамоты XII в. (“по Ловати на низ по конец Водоса”) не как гидроним, отождествляя его с той или иной рекой, что обычно делается в литературе, а объяснять исходя из этимологического значения самого слова “водос” — “пойма, поемное место, заливной дуг”. По моему мнению “водос” в конкретном описании грамоты относится к огромной трехкилометровой ловатской пойме у д.Ляховичи. Это позволяет считать, что территория волостки Ляховичи изначально в XII в. была меньше, чем она стала в конце XV в. На мой взгляд, пример с волосткой Ляховичи, наглядно показывает, что на начальной стадии формирования крупных княжеских и монастырских владений часто, в первую очередь, отчуждались земли еще не освоенные крестьянскими общинами (последние четко видны по распространению сопок), а еще как бы “ничьи”, но в то же время имевшие определенную дополнительную ценность. Подобное земельное стяжание дало прекрасную основу для последующего роста вотчинной территории. Княжеское владение Ляховичи образовалось на основе “заимки” князем небольшого глухого земледельчески не освоенного участка вдоль сухопутной дороги от р.Ловати к р.Поле. На самой же Ловати было основано селение, контролировавшее дорогу и заселенное холопами. На обширной пойме Ловати располагались удобные выпасы для княжеских коней, на Ловати были рыбные ловища, а в лесах находились охотничьи и бортные угодья.

С этими положениями и не согласился М.Б.Свердлов. Мой вывод, по его мнению, вызывает противоречия “возникающие между содержанием грамоты и ее интерпретацией вследствие характеристики погоста Ляховичи как небольшого селения холопов, которые пасли княжеских коней, но земледелием не занимались, поскольку не было пахотных земель. Такая интерпретация погоста — сельского административно-территориального центра в виде княжеского двора или поселения — лишает его населения сельской округи. Но это противоречит свидетельствам источников о погостной системе как государственной организации лично свободного сельского населения в новгородской земле...” и т.д.

(Свердлов 1993: 42). По мнению М.Б.Свердлова основу пожалования составляла пахотная земля, лично свободные земледельцы — смерды и основной вид тяглого скота — кони. Расположение на торговом пути лишь способствовало увеличению экономического значения волостки для монастырского хозяйства (Свердлов 1993: 44-45).

Возражения М.Б.Свердлова имеют как бы два плана — с одной стороны, они основываются на общем понимании того, что представляли собой погосты и какое место занимали они в экономической и государственной структуре Древней Руси, а, с другой стороны, касаются определения непосредственно границ волостки на Ловати.

Давайте еще раз вернемся к конкретному пониманию границ волостки, поскольку их определение образует отправную точку в рассуждениях М.Б.Свердлова и стремлении расширить волостку за счет земель на самой Ловати. При этом я не буду сейчас повторять детальную реконструкцию восточной, южной и западной границ, поскольку они достаточно ясны, а обращаю внимание лишь на более спорную северную границу. Описание здесь следующее: "...а по Ловати на низ по конец Водоса, за рекою за Любытиною по большии мхи, с больших мхов на верх межняка, с того межняка на Каменичища на усть Березна...". Трактую "водос", как "пойму, заливной луг" и учитывая, что описание границ волостки очень конкретно и идет по характерным местным объектам от одного к другому, я связал "водос" с той обширной ловатской поймой протяженностью около 3 км, которая непосредственно примыкает к д.Ляховичи с запада и в основном с севера. Река Любытина соответственно была отождествлена мною с первым значительным притоком, впадающим в Ловать вниз по течению за Ляховичами. Таким оказался большой ручей в конце ляховичской поймы. Он начинается в нескольких километрах южнее Ляховичей, протекает по деревне и потом продолжается почти вдоль всей ляховичской поймы (водоса), разделяя ее и высокую береговую террасу Ловати. Межа пересекала реку ("за рекою") и уходила к "большим мхам", которые примыкают к Ловати с востока. Таким образом, оказывается, что участок волостки непосредственно на Ловати был сравнительно небольшим, а ее площадь гораздо меньше площади волости XV в.

М.Б.Свердлов с этим не согласен. Ему кажется странным, что "монастырские ловища находились на крайне ограниченном участке Ловати" (сразу уточню, что речь идет о передаче княжеских земель). Он полагает, что вся фраза "а по Ловати на низ по конец Водоса, за рекою за Любытиною по большие мхи" относится к характеристике земель вниз по Ловати (Свердлов 1993: 29). М.Б.Свердлов принимает, что "водос" грамоты это не гидроним, а обозначение "поймы", но не конкретно ляховичской, а поймы вообще. Он "завершает" ее у д.Лука. Речкой Любытиной М.Б.Свердлов считает р.Робью Заробскую, а "большие мхи" помещает в низовьях р.Робьи Сорокопенской (автор ошибочно приписывает мне утверждение, что безымянный ручей, который я отождествлял с р.Любытиной, является притоком р.Робьи Великосельской). Таким образом, границы волостки Ляховичи в XII в. совмещаются с ее границами в XV в., в нее включаются несколько пунктов расположения сопок, маркирующих места нахождения древних славянских поселений, и мест для ловищ на Ловати становится достаточно.

Я при всем желании не вижу в чтении М.Б.Свердлова логики. Какие основания считать, что водос кончается у д.Лука? Никакой сплошной поймы от Ляховичей до Луки не тянется. Сразу за впадающим

ручьём в конце ляховичской поймы коренной правый берег Ловати вплотную подступает к руслу и новая пойма появляется уже у д.Лука, почему там и стоит деревня. С равными основаниями так “завершать” водос можно и еще ниже по течению у д.Кулаково или у д.Коровитчино и вообще в любом месте. Почему Любытиной является р.Робья Заробская? Какие основания тянуть границу далее вниз по Ловати и видеть “большие мхи” в низовьях р.Робьи Сорокопенской? Указание грамоты на р.Любытину после водоса, свидетельствует об определенном ориентире, уточняющем межу, уходящую за р.Любытиной на мхи, а по М.Б.Свердлову граница продолжает тянуться все также вдоль Ловати. Если граница доходила до устья р.Робьи Сорокопенской, то логично было бы указывать не мхи, а саму реку. Гидроним “Робья Ильмна” упомянут для верховьев р.Робьи Великосельской и ее низовья при впадении в Ловать, очевидно, носили такое же название (поясню, что две реки называемые сейчас Робьей Великосельской и Робьей Сорокопенской сливаются в 3-4 км от Ловати и впадают в нее одним руслом, на картах отмечаемым, то просто как р.Робья, то под одним из двух упомянутых выше наименований). В целом же, если читать по М.Б.Свердлову, то оказывается, что если южная часть волостки в глухих местах кропотливо описана от ориентира к ориентиру, то для всей обширной северной части, где, учитывая ее земледельческую освоенность, межа должна была быть объяснена детально (вспомним хотя бы грамоту середины XII в. Изяслава Мстиславича на село Витославицы). указаны всего два ориентира. Все это не позволяет мне принять аргументацию М.Б.Свердлова относительно определения границ княжеского пожалования Юрьеву монастырю.

Определение границ пожалования это самостоятельная тема. Новые уточнения несомненно могут быть. Однако, как это ни парадоксально звучит, был ли участок земель непосредственно на Ловати совсем небольшим, как я предполагаю, или был он больше, непреложным остается главный замеченный факт — основной массив переданных монастырю земель составляли территории лесной глухомани вдоль сухопутной дороги, не освоенные крестьянским населением (это фиксирует размещение сопок), а лишь постепенно включаемые в хозяйственный оборот после их передачи монастырю. Таким образом, все мои выводы остаются в силе.

При анализе общей проблемы формирования погостов на Руси важно подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело с двойным названием погоста — “Терпужский погост Ляховичи”. Касаясь этого вопроса В.Л.Янин обратил внимание на наличие на р.Ловати в 18 км выше Ляховичей д.Теребыни. “Не исключено, — предположил он, — что она в XII в. являлась центром погоста” (Янин 1981: 236). Действительно к X в. славянское земледельческое население плотно освоило берега р.Ловати и центр этого скопления находился в районе сопочных групп Середка-Залуچه-Теребыни. В Середке известно 5 сопок, в Залуچه — 2, а в Теребынях — 7 насыпей близ деревни и еще одна выше по течению. Таким образом, Теребыни выступают, как одна из самых крупных сопочных групп на Ловати. При сопках в Теребынях открыто обширное селище, продолжавшее существовать и в древнерусское время, и жальник с захоронениями XI-XV вв. (Носов 1993: 36). Есть все основания предполагать, что в X-XII вв. административный центр ловатской группы славян был в Теребынях. Не случайно, что и городок Кур (Курское городище) — центр Ловати эпохи развитого средневеко-

вья располагался поблизости от Теребынь, на противоположном берегу реки. Одним словом, Ляховичи в XII в. входили в состав более крупного административного образования с центром в Теребынях (Теребуновского погоста). Археологические материалы (скопления сопки и соответственно примыкавших к ним поселений) свидетельствуют, что более древним центром были Теребыни, а Ляховичи, поблизости от которых сопочных групп нет, возникли позднее. Это вполне соответствует изложенным мною выше взглядам, согласно которым княжеское владение на Ловати вторично по отношению к земледельческим поселениям и сформировалось на том участке, который в силу менее удобных для сельского хозяйства земель оказался еще свободным в начале II тыс.н.э.

Напомню в этой связи важное общее наблюдение Н.И.Платоновой, сделанное ей в работе о погостах и формировании систем расселения на Северо-Западе Новгородской земли: "Территории, контролировавшиеся погостами-центрами в X-XI вв., носили свои исторические названия и в обиходе погостами не назывались. Погост в значении не только центра, но и округа появляется в источниках не ранее 2 четв. XII в. Это связано с освоением вширь новых земель по окраинам волостей и появлением там постоянного контингента княжеских людей. Такие территориальные единицы носили двойные названия, включавшие обязательно указание на волость, частью которой они являлись (Терпужский погост Ляховичи...)" (Платонова 1988: 16).

После написания статьи о Ляховичах и дальнейшей моей работе по локализации домена новгородских князей и первых княжеских пожалований оказалось, что вытянутость волостки Ляховичи вдоль сухопутного пути не есть явление единичное. Другая волость Буйцы, переданная в 1130 г. Юрьеву монастырю, также оказалась вытянутой вдоль дороги от Новгорода и Руссы к Торопцу и Смоленску, хотя, в отличие от Ляховичей, Буйцы находилась в заселенном, а не столь глухом крае. Обе волости — Ляховичи и Буйцы — глубокими клиньями вдавались соответственно на север и на юг от основного массива доминирующих владений новгородских князей вдоль дороги из Новгорода в Киев. Случайно ли это? Думаю, что нет. Данный факт подтверждает, что возможность контроля над сухопутным путем из Новгорода на юг сыграла важнейшую роль при первоначальном включении территории погоста Ляховичи и волости Буйцы в состав княжеского домена (Носов 1994: 41-56).

Конечский В.Я. 1988. Население долины р.Ловати в процессе сложения первоначальной территории Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Тезисы научно-практ. конф. Новгород.

Носов Е.Н. 1993. О грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р.Ловати (К вопросу о сложении феодальной вотчины) // НИС. Вып.4 (14).

Носов Е.Н. 1994. Новгородская волость Буйцы (историко-археологический комментарий) // ВИД. № XXV.

Платонова Н.И. 1988. Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным) // Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Л.

Пылаев В.А. 1929. Старорусский край. Природа и население. Новгород.

Свердлов М.Б. 1993. К изучению грамоты Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи// НИС. Вып.4 (14).

Янин В.Л. 1977. Очерки комплексного источниковедения. М.

Янин В.Л. 1978. Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи // Восточная Европа в древности и средневековье: 23-31. М.

Янин В.Л. 1981. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М.

«Немецкие» колокола на Архангельском Севере

Архангельский Север с конца XVI в. становится “морскими воротами”, через которые в Московское государство поступают значительные партии “немецких”, то есть — европейских товаров. Среди импорта особое значение для России имели цветные металлы, необходимые, прежде всего, для военного дела. Трудно полностью согласиться с высказыванием одного из знатоков Поморья Н. В. Устюгова: “Обработка меди не имела широкого распространения в поморских посадах: она не являлась их специфической особенностью и о ней можно не говорить” (Устюгов 1946: 127). Действительно, обработка меди в Поморье не являлась ведущим региональным ремеслом, но оно было представлено на поморских посадах мастерами и их продукцией, оно было связано как с конъюнктурой северного рынка, так и с заморской торговлей Архангельска, через который ввозилось значительное количество меди — “тонкой в полицах”, “дощатой” и “колокольной”. Важность этого импорта подчеркивалась, например, установлением в 1588 г. (Двинская таможенная грамота) фиксированной цены на медь — “по две денги за пуд” (Хмыров 1875: 176). Только в 1635 г. в Архангельске “на государев обиход” было куплено: 3 колокола медных, 280 досок да 310 пудов меди красной “дощаной”, 527 пудов “меди зеленой в котлах и в тарелех”, 18 пудов меди волоченой, 40 пудов и 24 доски меди красной в тонких полицах (Хмыров 1875: 213-214). О значительных объемах ввоза меди свидетельствует отправка из Архангельска к Москве в 1645 г. различных сортов меди, из которых лишь “медь колокольная” составила 256 пудов (РИБ, т. II, 1875: 567). Нередко медными котлами, иностранными “тарелями” или “немецкими” колоколами делались вклады в северные монастыри¹. Большие запасы “колокольной меди” находились в северных монастырях уже в конце XVI в. (Иванов 1842: 284-286). Естественно, что часть “колокольной меди” оседала в Архангельском Поморье не в качестве сырья, а по прямому назначению, то есть — в качестве действующих колоколов. Революция и “иконоборческое” движение в Нидерландах способствовали тому, что крупные голландские транспорты колоколов и медной церковной утвари из католических храмов были направлены на Архангельский Север (Августин 1996: 49)². Таким образом, рефор-

1 Вклад в Антониево-Сийский монастырь, 1581 г.: “Дал вкладом колокол немецкой, шпанского дела, весом пол-4 пуда” (Макарий 1878: 13).

2 В первой половине XVII в. на голландских кораблях среди других товаров привози-

маторские движения в странах Западной Европы способствовали “отливу” колоколов из разных стран на север далекой Московии, откуда начиналось их дальнейшее “движение” в другие регионы государства³: специфический элемент европейской культуры в течение XVI – начала XVIII вв. безболезненно “переходил” в материальную культуру России, прежде всего – в северные регионы государства. Именно поэтому одно из ведущих ремесел Западной Европы – колокольное литье – оказалось представлено на Архангельском Севере значительным числом экземпляров, попадавших в города, деревни и монастыри.

К сожалению, колокола (и русские, и “немецкие”) сохранились до наших дней в немногих экземплярах. Основная потеря этих памятников произошла в послеоктябрьский период. Однако, значительная информация об этих памятниках сохранилась в письменных источниках специфических видов. Одним из таких источников являются *метрики*⁴ – паспорта церкви Российского государства, составленные в 1877 г. и хранящиеся в РА ИИМК РАН (ф.Р-III, № 1-210: метрики церковью Архангельской губернии). Вопрос о колоколах (вопрос № 51) формулировался так: “Сколько колоколов на колокольне? Какого они времени? Надписи желаются в точном списке”.

Учитывая, что данный источник представляет ценность для изучения, прежде всего, местного производства колоколов и использования продукции других российских мастерских и заводов, нами была опубликована подборка надписей на русских колоколах, которые во второй половине XIX в. использовались на северных звонницах (Овсянников 1990: 69-79; 1995: 15-16). Не менее важна и другая, “немецкая” часть северных колоколов. По письменным документам и, в меньшей степени, по литературе нами собрано более 50 надписей на иноземных колоколах.

Предлагаемая сводка колокольных надписей (Приложение) – наиболее полная в настоящее время для “Архангельского” региона. Правда, достоверность публикуемых надписей не всегда равнозначна: могут быть ошибки, сделанные церковнослужителями, копировавшими надписи непосредственно с самих колоколов; нельзя исключать неточности, допущенные нами при прочтении рукописных записей (порой – печатных) в метриках; трудно различить ошибки, сделанные копистом и ошибки, допущенные мастером при отливке колокола⁵. Тем не менее, большинство надписей дают представление о времени и месте производства большинства иноземных колоколов, а нередко и фамилии колокольных мастеров. Публикуемые ниже надписи размещены в хронологическом порядке. В собранном корпусе надписей имеется ряд непонятных слов и аббревиатур, нуждающихся в уточнении⁶. Авторы воспро-

---

лась медь: красная котельная, зеленая тазовая, медные лохани, паникадила, рукомошники, колокола, а также олово, свинец, золото, серебро (Бурх, ван-Фелдгариль 1902)

3 Любопытно, что на северных звонницах письменные источники фиксируют порою по несколько экземпляров колоколов, отлитых в одной мастерской, иногда – одного и того же года отливки. Очевидно, что речь может идти об одной и той же партии “товара”.

4 Метрики – это печатные вопросники, которые заполняли церковные служители, отвечая на несколько десятков вопросов относительно истории создания храма, его архитектуры, убранства, о росписях и иконах.

5 На это обращали внимание в 1967 г. М.А.Тиханова и в 1997 г. Ю.В.Андреев, вы-

изводят надписи в том виде, в котором они содержатся в источниках, лишь в единичных случаях предлагая конъектуры.

Любопытно, что в списке иностранных колоколов Архангельского Севера представлены основные хронологические группы колокольной продукции Европы и целый ряд ведущих колокольных мастеров. Из западноевропейских товаров, пожалуй, только “колокольная медь” органично вошла в жизнь северных приходов и просуществовала, активно функционируя, несколько столетий. В “колокольном репертуаре” Север России мало чем отличался от “немецких земель” — наряду с местной продукцией в нем значительное место (для XVI-XVII вв., а, вероятно, и позднее) занимал международный импорт.

- Августин (Никитин). 1996. Русские колокола и их судьба (по запискам Генриха Штадена — опричника из Вестфалии) // Сборник материалов (сентябрь 1994 — июнь 1995), вып. 11, ч. III, СПб.
- Бурх А., фан Фелддриль И. 1902. Отчет Альберта Бурха и Иоганна фан Фелддриль о посольстве в Россию в 1630 и 1631 гг. с приложением очерка сношений московского государства с Республикой Соединенных Нидерландов до 1631 г. // Сборник ИРИО, т. 116, СПб.
- Давыдов А.Н. 1985а. Колокола из страны Тилия // Патриот Севера. Историко-краеведческий сборник. Архангельск.
- Давыдов А.Н. 1985б. Колокола на Русском Севере // Колокола. История и современность. М.
- Иванов П.И. 1842. Опись Сийского монастыря 1598 г. и летописные заметки // Древности, т. 1, СПб.
- Макарий. 1878. Исторические данные о Сийском монастыре // ЧОИДР, кн. III, М.
- Мурьянов М.Ф. 1976. Надпись древнейшего колокола Соловецкого монастыря (предварительное сообщение) // ПКНО-1975, М.
- Овсянников О.В. 1990. Из истории северорусского городского и сельского ремесла (колокола) // Города Великой Руси. Истоки и становление. Торонец.
- Овсянников О.В. 1995. Из истории северного колокольного дела в XVIII в. // Церковная археология. Материалы I Всероссийской конференции, Псков, 20-24 ноября 1995 г. Ч. III, Памятники церковной археологии России. СПб.-Псков.
- Устинов Н.В. 1946. Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в. // ВИ, № 1.
- Хунаров М.Д. 1875. Металлы, металлические изделия и минералы в Древней России. СПб.
- Coleman S.-N. 1928. Bells. Their history, legends, making and usages. Chicago-NY.
- Coleman S.-N. 1938. The book of bells. NY.
- Grundman G. 1959. Deutscher Glockenatlas. I. Berlin.
- Leht A. 1991. Klokkespillene i San Lorenzo Monasteriet i E Scorial // Acta campanologica, v.4(9).
- Nienwenhoven, van. H.J. 1990. Francois og Pieter Hemony // Acta campanologica, v.4(8).
- Nordman C.-A., Cleve N. 1954. Suomen Kirkot I. Helsinki.
- Rydbeck M. 1968. Pilgrimsmärken. Kulturhistorisk Lexikon for nordisk Middelalder. 13. København.

Приложение

Свод надписей на немецких колоколах Архангельского Севера

1. YN DIE ASUMCIONYS MARIE YS DAS GESEN AME ANNO DNI МОССССХVII (1417 г., Соловецкий монастырь)⁷.
2. JESAY MARIA JOHANNES. ANNO DOMINI ME FECIT MCCCXXXVIII (1488 г. Архангельск, кафедральный Троицкий собор; РА ИИМК РАН, ф.Р-III, № 17).
3. FRANCISCYS NEMONY ME FECIT. AMSTERDAMI ANNO DOMINI MDLIX (1559 г. Кемский у., посад Сумы, и.Успения Божьей Матери; РА ИИМК РАН, ф.Р-III, 1911, № 43)⁸.

6 За рубежом колокольная эпиграфика является самостоятельной исторической дисциплиной (Coleman 1928; 1938; Nordman, Cleve 1954; Grundman 1959; Rydbeck 1968; Nyholm 1996), в то время как в отечественной науке эта дисциплина только обретает права гражданства.

7 Надпись была опубликована и переведена М.Ф.Мурьяновым (1976: 192-193). По его определению, надпись сделана на немецком языке с использованием латинских слов

4. PEETER VAN DEN CHEIN HEET MI GHEGOTEN MCCCCXCIII (1594 г. Пинежский у., Пиринемский приход, ц.Георгия Победоносца; РА ИИМК РАН, ф.Р-III, д.156)⁹.

5. IAN + BYRGER + HEEFT + MY + GEVOTEN + 1596 + (Архангельский у., Мудьюгский приход, ц.Николая Чудотворца; РА ИИМК РАН, ф.Р-III, д.167).

6. DEO GLORIA : IAN : BYRGER : HYIS : HEETT MY GEVOTE ANND 1596 SOY (Холмогорский у., Быстрокурский приход, ц.Василия Великого; РА ИИМК РАН, ф.Р-III, д.167).

7. IAN · BYRGER HVYS · ME · FECIT · 1605 (Пинежский у., Юрольский приход, ц.Николая Чудотворца; РА ИИМК РАН, ф.Р-III, д.164)¹⁰.

8. CORNELIUS COMMERVI ME JUIT VEGAM ANNO 1603 (Холмогоры, Спасо-Преображенский собор; РА ИИМК РАН, ф.1, 1907, № 155)¹¹.

9. + SOLI · DEO · GLORIA · CORNELIYS · AMMEROY · ME FECIT · ANNO · 1604; перевод: "Единому Богу слава. Корнелиус Аммероу меня сделал. Год 1604" (Архангельский у., Кег-островский приход, ц.Пророка Ильи; РА ИИМК РАН, Р-III, № 46)¹².

10. VEREBON · DOMENI · MANET · IN · ETTEROM · ARNOLT · VAN · RYTTEN · DEVENTRIA · ME · FECIT · A · 1606 ·; перевод: "Слово Божие остается навеки. Арнольт ван Путтен в Девентриа меня сделал в год 1606" (Архангельский у., Княжостровский приход, ц.Введения Пресвятой Богородицы во храм; РА ИИМК РАН, Р-III, № 133).

11. YERBYV + DOMINI + MANET + IN + AETERYM + ARENT + VANDER + RYD + ME + FECIT + ROTTERDAM + ANNO + 1616 +; перевод: "Слово Божие остается навеки. Аренд вандер Руд меня сделал. Роттердам, в год 1616" (Холмогорский у., Ухтоостровский приход, ц.Живоначальной Троицы; РА ИИМК РАН, ф.1, 1911, № 54)¹³.

12. DEER · AEN · COOT · CLAES · ANSAN · MI · FECIT · ANNO · 1607 (Онежский у., Пияльский приход, ц.Вознесения Господня; РА ИИМК РАН, Р-III, № 133).

13. SOLI DEO GLORIA HENRICYS ME FECIT 1616; перевод: "Единому Богу слава. Хенрикус меня сделал. 1616" (Шенкурский у., Клоновский приход, ц.Похвалы Пресвятыя Богородицы; РА ИИМК РАН, ф.3, № 417, л.9).

-
- 8 С этим колоколом не все понятно. Надпись гласит, что его сделал в 1559 г. Францискус Хемону в Амстердаме. Известно (Nienwenhoven 1990: 238-239; Lehg 1991: 260), что было два брата-мастера — Франциск (р.1609, †1667) и Питер (р.1619, †1680). Братья в период Тридцатилетней войны покинули Леквекурт, где они родились и переехали в Германию, а потом — в Нидерланды: Франциск с 1657 г. поселился и работал в Амстердаме, где и умер, а Питер уехал в Бельгию, в Гент, где и жил до конца своих дней. Возможно, при переписке надписи с колокола была допущена ошибка в копировании аббревиатуры цифр, и в действительности дата должна читаться как 1659 г., в таком случае колокол был отлит в период работы Франциска в Амстердаме.
- 9 Питер ван ден Чейн отлил этот колокол за 4 года до смерти (†1598 г.). Мастер был известен под именем Питер II, поскольку Питер I — это его отец, также колокольный мастер, скончавшийся в 1561 г. (Lehg 1991: 259).
- 10 Несомненно, что колокола № 5-7 отлиты одним мастером и поступили в Россию в составе одной партии товаров. Об этом свидетельствует компактность их нахождения: низовья Северной Двины и Пинеги.
- 11 Колокол 1603 г. сделал (commervi me) мастер Корнелиус, который "подписался" здесь только именем. Можно предполагать, что этот колокол отлит тем же мастером, что и колокол № 9.
- 12 Можно с уверенностью говорить о том, что именно этот колокол был обнаружен сотрудниками Архангельского музея деревянного зодчества на Кег-острове (напротив Архангельска, на другом берегу р.Северной Двины) на скотном дворе, где колокол использовали в качестве вестового для подачи сигналов о пожаре. Сведения о находке и обстоятельствах ее обнаружения опубликованы (Давыдов 1985: 203) опубликован и перевод надписи (к сожалению — не полностью). А.Н.Давыдов отметил ошибки в написании имени колокольного мастера (правильно оно должно звучать "Корнелиус Аммерой") и предположил, что этот же мастер отлил колокол 1603 г. (Давыдов 1985а: 197; 1985б: 161), см. № 8 нашего списка.
- 13 Мы склонны думать, что колокола № 10 и 11 отлил один и тот же мастер: об этом свидетельствует сам характер надписей, а также незначительные различия в написании имени этого голландского литейщика.

14. SOLI DEO GLORIA HENRICYS ME FECIT 1617; перевод: "Единому Богу слава. Хекрикус меня сделал. 1617" (Шенкурский у., Клоновский приход, ц.Похвалы Пресвятыя Богородицы; РА ИИМК РАН, Р-III, д.213).
15. SOLI DEO GLORIA HENRIC MEYRS ME FECIT 1620; перевод: "Единому Богу слава. Хекриик Меурс меня сделал. 1620" (Кемский у., Сороцкий приход, ц.Преподобных Зосимы и Савватия; РА ИИМК РАН, Р-III, д.59).
16. SOLI DEO GLORIA HENRICUS ME FECIT 1622; перевод: "Единому Богу слава. Хекрикус меня сделал. 1622" (Вельский у., д.Игнатовская; РА ИИМК РАН, Р-III, д.4190).
17. NYT WLE CNYCYRE DYRWILLRM DE MONCWIOTE M MANSAR · BE-SOYET I ANNE ROHART MASSAT ME I ANNE C ARPATTER TOMAS BEQYET · I ANNE ROHART I MARLIEYE I ANNE BOSOVILLON CM ANNE MLE SAGE · 1617 · (Пинежский у., Перемский приход, ц.Богоявления Господня, РА ИИМК РАН, Р-III, д.154).
18. LAYDATE DOMINYM HV CIMBRIS RESONA WTIBIS ANNO 1620 (Пинежский у., Малолемнюжский приход, ц.Воскресения Христова, РА ИИМК РАН, ф.1, 1900, д.240).
19. EXYLTEMYS DOMINO I YBILEM DEO SALYTARI NOSTRO TEMPORE DITHMARI COEL / ET IOHANNIS RYMPI VENITE COR(P)ORIS CHRISTI IOACHIM STAMPEL / ET IOHANNIS SCHWARTEN IYRATORRIM / D WICOLAI ANNO 1625 FECIT MHANOR HYESIL. (Архангельский у., Николо-Корельский монастырь, РА ИИМК РАН, Р-III, д.13)
20. ME FECIT I LICNT BENINYK LUSICE ANNO 1625 (Архангельский у., Перто-минский монастырь, Преображенский собор, РА ИИМК РАН, Р-III, д.40).
21. AMOR VIACIT OMNIA 1630; перевод: "Любовь побеждает все. 1630" (Холмогорский у., Куроостровский приход, ц.Св.Дмитрия Солунского, РА ИИМК РАН, Р-III, д.1777).
22. ALAYDIS MEYS ME FECIT ANNO 1630 (Онежский у., Нижегородский приход, ц.Николая Чудотворца, РА ИИМК РАН, Р-III, д.130).
23. GLORIA UNO DEO ASSYERHS KOSTER AMSTERDAMI 1636 (Шенкурский у., Ростовский приход, ц.Св.Флора и Лавра, РА ИИМК РАН, Р-III, д.227).
24. WILLEM IACOBUS ME FECIT CVANIACIL VON ASSYBAYS KOSTRA ANNO 1638 (Холмогорский у., Куроостровский приход, ц.Св.Дмитрия Солунского, РА ИИМК РАН, Р-III, д.177).
25. HENRICK TER HORST ME FECIT DEVENTRIAL ANNO 1631; перевод М.А.Тихановой: "Генрик Тер Хорст сделал меня в Левентре, год 1631" (Каргопольский у., Елгомекаяпустынь).
26. HENRICK · TER · HORST · ME · FECIT · DAVENTRIA · ANNO · 1638¹⁴
27. HENRICK · TER · HORST · ME · FECIT · DAVENTRIA · ANNO · 1638 · (Николо-Корельский монастырь).
28. HENRICK TER HORST FECIT DOVENTRIO (Пинежский у., Пиренемский приход, ц.Св.Георгия Победоносца, РА ИИМК РАН, Р-III, д.156).
29. KYLANYS WEDEWART ME FECIT CAMPANARIS A° 1636; перевод: "Кулеанус Велеварт меня сделал, колокольник в год 1636" (Шенкурский у., Клоновский приход, ц.Поклыны пресвятой Богородицы, РА ИИМК РАН, Р-III, д.213; ф.3, д.417).
30. ABBAS INI NOMEN JUDOCJ DETIT RDC AB ARGENTEAV 1646; перевод М.А.Тихановой: "Аббат по имени Юдошии делая господину ... из Аргента, 1641" (Каргопольский у., Елгомекая пустынь).
31. HENRICUS VERSTINER ME FECIT CAMPUS ANNO 1646 (Мезенский у., д.Колвин Городок, РА ИИМК РАН, ф.1, 1902, д.128).
32. HENRICUS · VERSTINCK · ME · FECIT · CAMPUS ANNO 1648 · (Мезенский у., ц. Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, РА ИИМК РАН, Р-III, д.80)¹⁵.

14 Перевод надписи этого колокола опубликован А.Н.Давыдовым (1985а: 197-203).

15 Этот колокол был найден в г.Долгощелье А.Н.Давыдовым и доставлен в Архангельский музей-заповедник "Малые Карелы". Надпись на колоколе была опубликована А.Н.Давыловым (1985а: 203). Голландские исследователи Я.Инею и Б.Дуббе прокомментировали надпись так: мастер Хенрик Вестринк, немец по происхождению, родился в местечке Гешер; в 1645 г. он стал владельцем мастерской в Кемпене (Давыдов 1985а: 203).

33. SOLI DEO GLORIA ANNO 1647; перевод: "Единому Богу слава. В год 1647" (Шенкурский у., Клоновский приход, ц. Похвалы Пресвятой Богородицы, РА ИИМК РАН, Р-III, д.213).
34. MCORDT · KLEIMAN · ANNO · 1658 · (Холмогорский у., Рязановский приход, ц.Николая Чудотворца, РА ИИМК РАН, Р-III, д.185).
35. M · COROP · KLEIMAN · ME FECIT · ANNO · 1659 · (Онежский у., Польской приход, ц.Богоявления Господня, РА ИИМК РАН, Р-III, д.135).
36. ЛЕТО ЗРЗЗ ГОДА. WOLTEK KLENMAN NAMBORCH (Пинежский у., д.Пильгоры, ц.Св.Георгия, РА ИИМК РАН, Р-III, д.155).
37. LAUDATE PVERI DOMINYM LAYTE NOMEN DOMINI ANNO DNI 1661 (Шенкурский у., Паденгский приход, ц.Рождества Христова, РА ИИМК РАН, Р-III, д.222).
38. ANNO CB BE XLY HEETT MY JACOB NOTEMAN BEGOTEN (Пинежский у., Юрьевский приход, ц.Николая Чудотворца, РА ИИМК РАН, Р-III, д.164).
39. INT IAEC ENI X XLIII HEETT MIJ JACOB NOTEMAN SIEGETEN (Холмогорский у., Кривецкий приход, ц.Успения Богоматери, РА ИИМК РАН, Р-III, д.174).
40. INTIAER ONVES MEEREN DC BC XL HEESS JACOB NOTEMAN (Пинежский у., Малонемножский приход, ц.Воскресения Христова, РА ИИМК РАН, ф.1, 1900, д.240).
41. BERGEN. ANNO. 1724 (Кольский у., лопарский Пазрецкий приход, ц.Святых Бориса и Глеба, РА ИИМК РАН, Р-III, д.71).
42. ANNO 1756 M COR. DJ CERMAN M.D. FECIT HAJ MIR GEGOTEN. ЛИТ 7161 Г. МАЯ 1^й ДЕНЬ (Онежский у., Крестный монастырь, РА ИИМК РАН, Р-III, д.123).
43. EXYLTEMYS DOMINO IVBILEMYS DEO SALVATARI NOSTRO TEMPOFE-DITHMARI COELII ET IOHANNIS RYMPH VENITE CORPORIS CHRISTI IOACHIMI STAMPელი ET IOHANNIS SCHWARTEN IVRATORYM HVESIL (Архангельский у., Княжостровский приход, ц.Введения во Храм, РА ИИМК РАН, Р-III, д.30).

Гончарные клейма городища Осовик

Гончарные клейма привлекают внимание археологов уже около 120 лет. Первые исследователи клейм располагали небольшим количеством гончарных сосудов с этими (по выражению К.П.Тышкевича) “загадочными знаками” на днищах, которые происходили в основном из погребальных памятников. В настоящее время наука располагает многотысячными коллекциями керамики, собранными при раскопках древнерусских городищ и селищ XI-XIII вв., и в этих коллекциях клейменная посуда, хотя и составляющая незначительный процент, представлена все-таки тысячами находок и сотнями различных рисунков клейм. Гончарным клеймам посвящены десятки работ у нас в стране и за рубежом. Почти в каждой из них предпринимались попытки решить вопрос о назначении гончарных клейм, однако до сих пор этот вопрос остается дискуссионным. До настоящего времени в археологической литературе высказывается три основных мнения по вопросу о назначении гончарных клейм.

Останавливаться подробно на историографии нет необходимости. Напомним коротко лишь основные работы на эту тему. К.П.Тышкевич, впервые обративший внимание на эти памятники, считал гончарные клейма религиозно-магическими символами (Тышкевич 1865: 62; 1867: 19). Эта версия в конце прошлого столетия была поддержана И.А.Хойновским (1893: 56), а в начале нашего столетия — В.И.Сизовым (1902: 111-114). Несколько иной оттенок толкования гончарных клейм в качестве религиозно-магических символов дала в работе 1960 г. Н.В.Тухтина: исследовательница считает знаки на днищах гончарных сосудов магическими изображениями, связанными, прежде всего, с огненной стихией самого гончара (Тухтина 1960: 148-164). Примерно то же толкование на материалах Смоленска дает гончарным клеймам Е.Н.Каменецкая (19843: 244-247). Более отчетливо эту мысль сформулировал на материалах раскопок в Киеве П.П.Толочко: исследователь считает гончарные клейма символами-оберегами, призванными покровительствовать продукции гончара от начала ее производства до реализации на рынке (Толочко 1981: 295-298). Версии о религиозно-магическом назначении гончарных клейм придерживаются и некоторые зарубежные авторы (Комша 1961: 458-461).

Более широкое признание получило мнение А.Котляревского о гончарных клеймах как знаках мастеров — так сказать “фабричных клеймах” (Котляревский 1867: 244). Знаками ремесленников считали гончарные клейма А.С.Уваров (1910: 107-108) и В.И.Козловская (1927: 7-14). Позднее, на материалах раскопок в Пронске и Старой Рязани эту мысль пытался обосновать А.А.Мансуров (1946: 293), а на материалах раскопок в Киеве М.К.Каргер (1958: 435). Наиболее убедительно

взгляд на гончарные клейма как знаки ремесленников разработан Б.А.Рыбаковым (1948: 97,175-181,363-367).

Сторонники третьей версии о назначении гончарных клейм относят их к знакам заказчиков, знаком собственности. Этой точки зрения придерживались К.Черногорский (1953: 21-31) и Р.Л.Розенфельдт (1963: 121-130). Знаками заказчиков считают гончарные клейма также В.И.Ставиский и Т.А.Бобровский, полагавшие, что голосники с клеймами одного рисунка сделаны разными мастерами по княжескому заказу (Ставиский, Бобровский 1986: 249-256).

Городище Осовик — однослойный памятник XII-XIII вв. В культурном слое его выделено три строительных горизонта, последовательно сменивших друг друга¹. Среди многочисленных обломков керамики, найденных на площади около 2 тыс.м², обнаружено около 300 обломков донцев сосудов с клеймами. Выделено до 70 различных рисунков клейм. Подавляющее большинство их обнаружено на сосудах общерусского типа — тонкостенных, вылепленных из красножгущейся или белой глины, без визуально видимых отошающих примесей. Клейменная посуда составляет на городище около 12% от всей найденной керамики². По площади раскопа донца с клеймами распространялись равномерно, а по горизонтам — в возрастающем количестве от нижнего горизонта к верхнему, что связано, видимо, в первую очередь, с более плотной заселенностью окольного города в период второго и третьего горизонтов, а также в связи с лучшей сохранностью слоя верхнего горизонта, не поврежденного ни распашкой, ни поздней застройкой³. В процентном отношении количество донцев с клеймами на памятнике по отношению к общему количеству керамики каждого горизонта примерно одинаково.

Для классификации гончарных клейм городища Осовик были взяты лишь целые, хорошо читаемые клейма, а также те фрагментарно сохранившиеся клейма, которые легко реконструируются по аналогиям. Среди рисунков клейм в Осовике, как и на многих других древнерусских памятниках, преобладает мотив круга или круга с вписанным крестом или другими фигурами. Сравнительно много клейм с рисунком свастики разных начертаний, двух или трех concentрических окружностей, есть изображения пятиконечной звезды и другие единичные рисунки клейм, встречающиеся в большем или меньшем количестве на всей территории древней Руси. Однако есть здесь и клейма, рисунки которых присущи только этому памятнику⁴.

Клейма с рисунком круга, как и с рисунком круга со вписанным в него крестом, распадаются на несколько небольших групп, различаю-

---

1 Подробные сведения о городище Осовик см.: (Паулова, Раппопорт 1973; РА ИИМК РАН, ф.35, д.63/1972; 64/1973; 65/1974; 1966/1975; 2060/1976).

2 При подсчете соотношений клейменной и неклеяемой посуды на городище мы сочли целесообразным взять отношение обломков донц с клеймами не к общему количеству собранной керамики (что в Осовике составляет около 0,5%), а лишь к количеству обломков донцев.

3 В нижнем горизонте найдено 40 обломков донцев с клеймами, во втором — 80, в третьем — 150. Некоторое количество донцев с клеймами по стратиграфическим данным было трудно отнести к определенному горизонту.

4 В коллекции осовикских клейм выделяется несколько групп клейм с тождественными рисунками, определяемыми как по особенностям начертания самого рисунка, так и по особенностям "матриц".

щихся между собой по диаметру круга, особенностям начертания креста и некоторым характерным дефектам матриц. Первую группу (20 экз.) составляют клейма с диаметром круга 2,2-2,4 см (рис.1,1-2). Такие клейма встречены во всех горизонтах. Указать среди них тождественные мы воздерживаемся, так как большая их часть сохранилась не полностью. Здесь, несомненно, имеет место замена износившихся матриц новыми, так как некоторые клейма с одинаковым диаметром круга различаются между собой по ширине паза, что вполне возможно при изготовлении матриц одного и того же типа в разное время. К клеймам этой же группы следует присоединить и клейма с диаметром круга 3 см, встречающиеся в нижнем и втором горизонтах (7 экз.) и также различающиеся между собой по ширине паза (рис.1,3-4). Видимо, к простейшему усложнению рисунка клейм в виде небольшого круга следует отнести группу клейм с рисунком круга диаметром 2,2 см и небольшим бугорком в середине круга (10 экз., рис.1,5). Клейма этого типа найдены в верхнем и втором горизонтах, причем большая их часть оттиснута с одной матрицы, а два клейма из верхнего горизонта — с другой, о чем говорит незначительная разница в диаметре круга и ширине паза, а также смещение бугорка в середине кружка в двух последних случаях в одну сторону. В двух случаях усложнением клейма с рисунком круга того же диаметра послужили небольшие дужки, примыкающие к внешнему ободу кругов (рис.1,6-7).

Большую группу (12 экз.) составляют клейма с диаметром круга 3,7 см (рис.1,8). Эти клейма объединяются в одну группу не только одинаковым диаметром круга и одинаковой шириной паза, но и, что самое главное, наличием общего искажения круга, что позволяет считать их оттиснутыми с одной матрицы. Найдены эти клейма во втором и верхнем горизонтах. Клейма с диаметром круга 4-5 см и более единичны, но встречаются они во всей толще культурного слоя.

Таким образом, все осовикские клейма с рисунками в виде круга четко группируются по диаметрам круга. Если клейма с близкими диаметрами кругов считать принадлежащими одному мастеру или одной династии мастеров, то в Осовике для каждого горизонта можно выделить не более 3-4 гончаров, метивших свои изделия клеймами этого типа, но установить какую-либо преемственность между ними невозможно.

Вторую большую группу осовикских клейм составляют клейма с рисунком в виде круга с вписанным в него крестом. По величине диаметра круга и по особенностям расположения в нем креста есть возможность выделить несколько групп тождественных клейм. Одну из них составляют клейма с рисунком в виде круга диаметром 2,2 см с вписанным в него крестом и дополнительным лучом (трещина матрицы?) в одном из секторов круга (рис.1,20). Все три экземпляра этих клейм относятся к верхнему горизонту, но найдены на большом расстоянии одно от другого. Еще одну группу составляют клейма с рисунком круга диаметром 2 см с вписанными в него неправильно расположенными лучами, разделяющими круг на пять неравных сегментов (рис.1,14). Два из этих клейм найдены во втором горизонте, третья — в верхнем горизонте; все клейма происходят с разных участков раскопа.

Тождественность следующей группы клейм устанавливается не только по одинаковому диаметру круга (2,5 см) и особенностям вписанного в него креста, но и по трещине матрицы, пересекающей круг и два конца креста (рис.1,16). Два клейма найдены в верхнем горизонте на

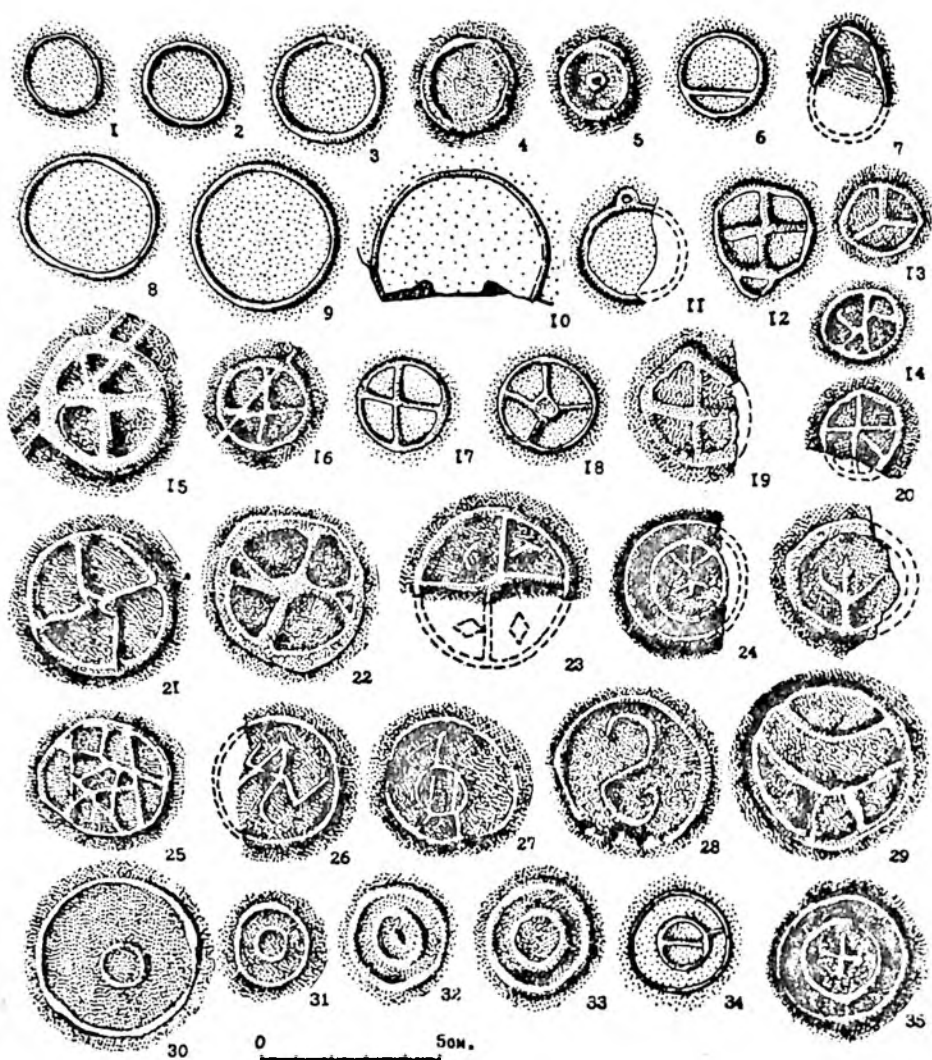

Рис. 1 Гончарные клейма городища Осовик.

небольшом расстоянии друг от друга, два других относятся, скорее, ко второму горизонту и найдены они в разных концах раскопа. Характерными двумя параллельными трещинами матрицы определяется тождественность двух клейм с рисунком круга (диаметр около 3 см) с вписанным крестом (рис.1,15). Еще у двух клейм тождественность определяется искажением в месте пересечения круга и одного из концов креста (рис.1,19). Тождественность трех клейм с рисунком круга с вписанным крестом определяется своеобразным начертанием креста (рис.1,21). Эти клейма найдены на небольшом расстоянии друг от друга, но в разных горизонтах. Возможно, с одной матрицы оттиснуты клейма с рисунком круга и вписанным в него крестом, два конца которого разветвлены (рис.1,22). По-видимому, можно отнести к числу тождественных три сохранившиеся неполностью клейма с рисунком в виде искаженных кругов с вписанными в них крестами, между концами которых в сегментах помещены ромбовидные фигурки (рис.1,23). Два из этих

клейм найдены в верхнем горизонте, а принадлежность третьего к нижнему горизонту сомнительна. К числу клейм, несомненно отпечатанных с одной матрицы, относятся клейма, рисунок которых представляет собой неровный круг (диаметр 3,5 см) с проведенными в нем двумя почти параллельными хордами, между которыми в разных направлениях проходят пересекающиеся между собой линии (рис.1,26). Найдены оба клейма во втором горизонте, но в разных, далеко отстоящих друг от друга постройках.

Довольно интересна группа из четырех совершенно тождественных клейм, неизвестного в других древнерусских памятниках рисунка — круг (диаметр 4,5 см) с вписанными в него двумя концентрическими кругами, большая из которых опирается на два луча, опирающихся, в свою очередь, на внутренний обод круга (рис.1,30). Фигура эта напоминает тулово птицы с ногами. Два клейма найдены в нижнем горизонте, два других — в слое, нарушенном поздними погребениями. Еще одну группу тождественных клейм составляют клейма с рисунком круга (диаметр 4 см) с вписанной в него буквой S в зеркальном изображении (рис.1,29). Два из них найдены в верхнем горизонте, два — во втором. Эти две группы клейм, по-видимому, следует считать характерными именно для городища Осовик, так как аналогии этим клеймам в опубликованных материалах других памятников обнаружить не удалось. Также только для Осовика, по-видимому, характерна еще одна группа из четырех тождественных клейм, рисунок которых напоминает морскую звезду (рис.2,14); два клейма найдены в верхнем горизонте, два других — во втором.

Третью по численности группу осовикских клейм составляют изображения двух, реже — трех концентрических окружностей разных диаметров. Наименьшая из этих окружностей на клеймах Осовика не превышает в диаметре 2 см, наибольшая достигает 6-7 см. Среди этой группы имеются тождественные. Таковы шесть клейм с рисунком в виде двух концентрических окружностей с диаметром внешней окружности 3 см, а внутренней — 1,5 см (рис.1,34); они найдены во втором и верхнем горизонтах на разных участках раскопа. Возможно, усложнением данного рисунка является рисунок клейма с изображением двух концентрических окружностей того же диаметра, но с точечным бугорком в центре меньшей окружности (рис.1,33). Большую группу (10 экз.) идентичных клейм составляют клейма с диаметром окружностей 3,5 и 2,3 см с вписанным во внутреннюю окружность крестом (рис.1,36); в основном они обнаружены в верхнем горизонте. Кроме перечисленных тождественных клейм с рисунком в виде двух концентрических окружностей следует назвать два клейма с рисунком двух концентрических окружностей, перечеркнутых одной линией (рис.2,21), а также клейма с вписанной во внутренний круг “птичьей лапой” (рис.1,24). В единичных экземплярах на городище найдены клейма в виде трех концентрических окружностей, трех концентрических окружностей, соединенных рисками, и трех концентрических окружностей, две из которых проведены по одной касательной (рис.2,24)⁵.

Еще одну сравнительно большую группу клейм городища Осовик составляют широко распространенные в древнерусских городах, но везде

---

5 Возможно, здесь мы имеем дело с дефектом матрицы.

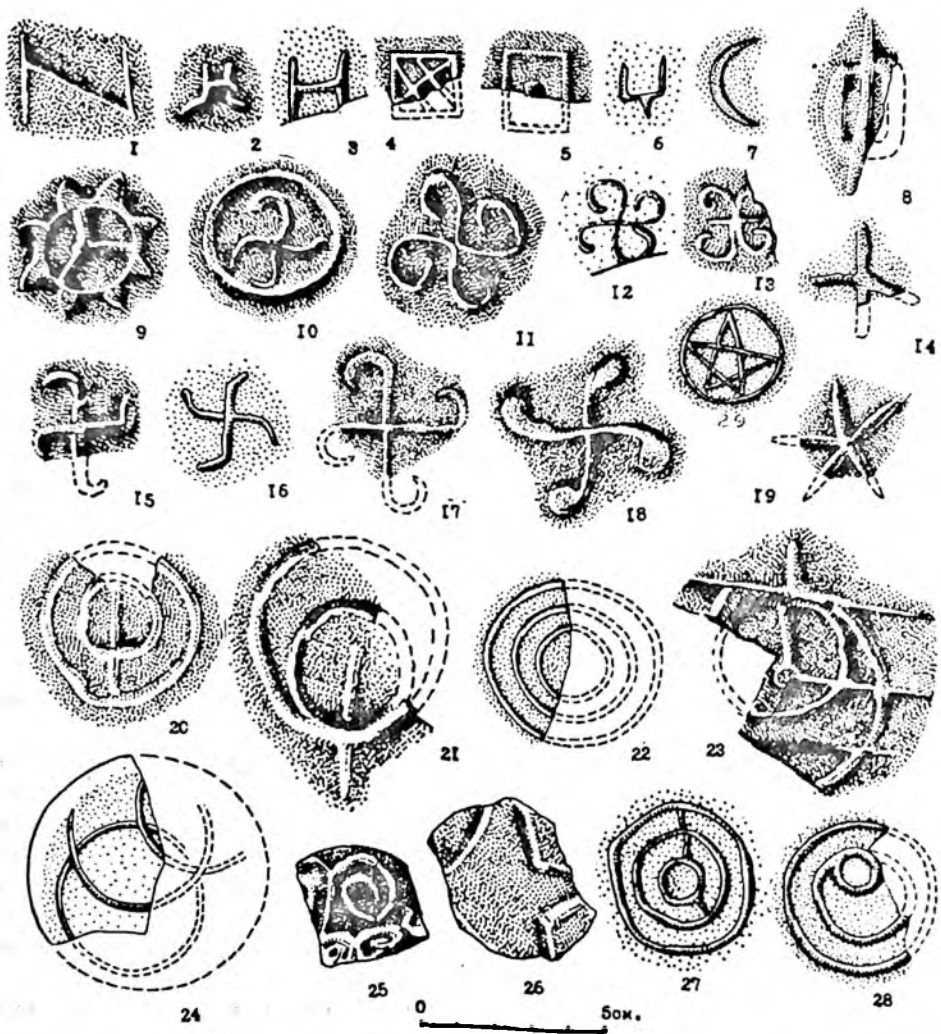

Рис. 2 Гончарные клейма городища Осовик.

представленные единичными экземплярами клейма с изображением свастики (рис. 2, 10-12, 15-18). На городище их найдено 25 экз., но только половину из них составляют целые или бесспорно реконструируемые изображения. Клейма со знаком свастики встречены в Осовике во всех горизонтах и распределяются по площади раскопов довольно равномерно. Иногда в одних и тех же постройках найдены клейма с различным начертанием свастики. Характерно, что из числа лучше сохранившихся клейм этого типа выделяется около десятка различных начертаний, различающихся между собой по величине и по форме загиба концов креста. Именно по этим признакам удастся выделить несколько тождественных клейм, оттиснутых с одной матрицы, а также сходные клейма, оттиснутые разными матрицами. К числу последних относятся два клейма с изображением круга с вписанной в него свастикой, имеющей незначительные различия в начертании знака. На клейме из второго горизонта знак меньших размеров и выполненный более совер-

шенно, чем такой же знак, найденный в нижнем горизонте (рис.2,10). Возможно, речь может идти о сменивших друг друга матрицах, принадлежавших одному мастеру. Не вызывает сомнений тождественность четырех клейм из верхнего горизонта с четко читающимся знаком свастики в виде двух пересекающихся букв S в зеркальном изображении; одно клеймо представлено полностью, три остальных достоверно реконструируются (рис.2,11). К числу тождественных относятся два клейма из второго горизонта, сходные с предыдущими, но меньшего размера (рис.2,12). С меньшей уверенностью можно говорить о тождественности двух неполностью сохранившихся клейм, рисунок которых представляет собой знак свастики с округло загнутыми в одну сторону концами (рис.2,17). Своеобразная свастика изображена на клейме, найденном в развале постройки верхнего горизонта: концы этого знака слегка загнуты и завершаются каплевидными утолщениями (рис.2,18). Четкий, классического типа знак свастики изображен на клейме из верхнего горизонта (рис.2,15).

Еще один рисунок клейма, в единичных экземплярах встреченный во многих древнерусских городах, это изображение пятиконечной звезды, вписанной в круг. На городище Осовик найдено два таких клейма, сохранившихся частично, и одно полное (рис.2,19). Найдены они в верхнем и втором горизонтах, но отпечатаны, скорее всего, с одной матрицы.

Перечисленными типами рисунков клейм на городище Осовик не ограничивается их количество и ассортимент. К описанным клеймам следует добавить единичные клейма, к числу которых относится клеймо с рисунком круга, к внешнему ободу которого примыкает небольшая петелька (рис.1,7,12). Один из этих рисунков является, по-видимому, оттиском или копией круглой подвески с ушком (рис.1,11). Интересно клеймо с рисунком в виде круга с вписанным в него изображением, напоминающим птицу с длинным клювом (рис.1,28), а также клеймо с рисунком в виде круга с вписанной в него фигуркой, напоминающей схематичное изображение человека с каким-то орудием в откинутой назад руке (рис.1,27). Единичны клейма с рисунком круга, перетянутого хордой (рис.1,6), с тремя лучами, расходящимися в разные стороны, но не из центра круга (рис.1,13), с вписанными пересекающимися кругами (рис.2,25).

Ряд рисунков клейм представляет собой изображения пряжек. На двух из них представлена круглая пряжка с восемью треугольными зубцами по внешнему ободу (рис.2,9), на двух — прямоугольная пряжка со скругленными углами (рис.2,8), на двух — маленькие прямоугольники (рис.2,5). Одно клеймо имеет рисунок квадрата с косой сеткой в середине (рис.2,4). Интересны клейма, рисунками которых являются изображения букв. На одном клейме изображена буква И с отогнутыми в стороны нижними концами (рис.2,2), на другом — знак, напоминающий букву Н (рис.2,1). Около двух десятков клейм, найденных на городище, не реконструируются.

Приведенные данные показывают, что не все типы клейм, зафиксированных на городище, бытовали здесь одновременно: одни из них тяготеют только к нижнему и второму горизонтам, другие — ко второму и верхнему горизонтам. Около двух десятков рисунков клейм встречены только в верхнем горизонте и лишь пять типов клейм с не вполне тождественными рисунками круга того или иного диаметра бытовали на всем протяжении существования городища.

Рассмотренные группы тождественных клейм городища Осовик, их распределение по горизонтам и площади раскопа показывают, что многие клейма употреблялись лишь сравнительно короткое время, и что на городище не наблюдается “кучного” размещения тождественных клейм, как это полагал применительно к древнерусским городищам Р.Л.Розенфельдт (1963: 121-130). На городище Осовик тождественные клейма встречаются не только в разных, часто далеко отстоящих друг от друга постройках, но и в разных горизонтах. С другой стороны, в подавляющем большинстве построек, открытых на Осовике, найдено по 2-3, а то и более клейм разного рисунка. Таким образом, рассмотренные материалы не подтверждают версию о том, что клейма являлись знаками заказчика, знаками собственности. Этому противоречит и тот факт, что в Осовике на 22 вскрытых жилых постройки приходится 70 различных рисунков клейм, то есть — в среднем, более, чем по три клейма на одно жилище.

Не подтверждают гончарные клейма Осовика и мнение П.П.Толочко о гончарных клеймах как магических знаках-оберегах (Толочко 1981: 295-298). Наличие на городище Осовик целых групп тождественных клейм, относящихся к разным партиям гончарной продукции (о чем свидетельствуют незначительные, но фиксируемые различия в тесте сосудов), противоречит гипотезе о том, что гончары для каждой партии своих изделий изготавливали новое клеймо-оберег, рисунок которого незначительно отличался от предыдущего. По-видимому, осовикские гончары метили в каждой партии своих изделий один сосуд, но с какой-то другой целью. Некоторые авторы предполагают, что свои изделия клеймили феодально зависимые гончары, которые определенную часть изготовленной посуды должны были поставлять феодалу, а другую часть могли свободно продавать на рынке. Но клейменная посуда встречается на всех древнерусских поселениях и не только в одной-двух постройках, которые могли принадлежать феодалу, а почти в каждой постройке. Заслуживает внимания и предложение, поддерживаемое многими авторами, согласно которому посуду клеймили гончары при сярбленном (совместном) владении обжигательной печью. Но почему в таком случае гончар метил только часть своей продукции, а не всю продукцию?

Возможно, ответ на вопрос следует искать в самой технологии производства керамики на ручном гончарном круге. Сформованный сосуд не подрезали ниткой или проволокой, как это гончары делают и теперь, а снимали его с круга, приподнимали. При этом, по-видимому, вместе с сосудом снимали с круга и матрицу клейма, так как отделить ее от сосуда, не исказив клейма, было не просто, и матрицу было легче снять со слегка подсохшего сосуда. А пока сосуд с клеймом подсыхал, мастер формовал всю партию.

Интересную мысль, которая может пролить свет на причину, по которой клеймилась только часть гончарных изделий, а также на соотношение клейменной и неклеянной керамики, высказал П.А.Раппопорт в работе о знаках на древнерусских плинфах. П.А.Раппопорт полагал, что мастера, изготавливавшие кирпичи, помечали определенным знаком один кирпич из партии. Количество тождественных знаков совпадало с количеством штабелей сырцов, предназначенных для совместного обжига в печи, и в каждом штабеле знаком был отмечен только один верхний кирпич. Раппопорт указывал также на то, что древнерусские мастера метили примерно 12% кирпичей. Случайное ли

это совпадение ли закономерность, но древнерусские гончары клеймили примерно такое же количество керамики, причем это была не мета горшков определенного типа или объема, так как тождественными клеймами помечались сосуды разной формы и объема.

Плинфотворители разных строительных артелей имели свои любимые группы знаков. Очень вероятно, что и гончары имели свои индивидуальные знаки, отличавшие их продукцию. В таком случае, на одном поселении при жизни одного поколения количество разных по рисунку знаков соответствовало количеству работавших гончаров. Процент сосудов, отмеченных знаками, по-видимому, как и в кирпичном производстве, отвечал каким-то особенностям производственного процесса, отмечая определенную партию продукции. В таком случае, можно утверждать, что клейма на днищах гончарных сосудов являются, прежде всего, знаком мастера, его индивидуальным клеймом.

Рассмотренные данные позволяют подсчитать примерное количество гончаров, поставивших посуду населению города⁶. Идентичные (но не тождественные) типы клейм с рисунками кругов близких диаметров (напр.: 2,2, 2,4-2,5, 3-3,5, 4-5 см) можно, по-видимому, считать клеймами одного мастера, точнее — разными матрицами одного и того же клейма, употреблявшегося, возможно, несколькими поколениями одной династии. Если так, то мы можем предположить, что клеймами с рисунками круга клеймили осовикскую посуду не более 2-3 гончаров, и примерно столько же мастеров метили посуду клеймами с рисунком круга с вписанным в него крестом. Клеймами с рисунком в виде двух concentрических окружностей метили посуду не более двух мастеров. Прибавив к полученному количеству гончаров также мастеров, метивших свои изделия клеймами других типов, мы можем прийти к выводу, что в период функционирования нижнего горизонта поселения посуду метили не более 20 гончаров, в период функционирования второго горизонта — не более 35, а в период верхнего горизонта — около 40. Несомненно, что не все гончары даже в каждый отдельный период жизни памятника работали одновременно. Если учесть, что каждый из горизонтов функционировал приблизительно 50-60 лет (период деятельности 3 поколений), то для нижнего горизонта мы можем констатировать одновременную работу 6-7 гончаров, для второго горизонта — 10-12, а для верхнего горизонта — не более 12-15 гончаров.

Примерно половина рисунков осовикских клейм представлена единичными экземплярами. Посуда с этими клеймами не обязательно изготовлена осовикскими гончарами: она могла быть привезена из каких-то других центров. Судя по возросшей плотности застройки городища во втором и верхнем горизонтах, в это время происходил приток населения извне, так что именно переселенцы могли привезти сюда посуду не местного изготовления. Если даже половина посуды с единичными клеймами является привозной, то и тогда число мастеров, клеймивших здесь свою посуду должно быть значительно уменьшено: для периода, соответствующего нижнему горизонту, речь может идти не более чем о 3-4 мастерах, для периода, соответствующего среднему

---

6 Данных об обжиге посуды на городище Осовик в XII-XIII вв. мы не имеем. В 1978 г. здесь была открыта гончарная печь, однако она относится ко времени не ранее XIV в.

горизонту — не более чем о 8-10, а для периода, соответствующего верхнему горизонту — не более чем о 10-12 гончарах.

- Каменецкая Е.В. 1983. Керамические клейма XI-XII вв. из Смоленска // СА. № 2
- Каргер М.К. 1958. Древний Киев. Т.1. М.-Л.
- Козловская В.И. 1927. Таврований посуд слов'янської доби // Науковий збірник за 1926 р. АН УССР. Записки исторической секции, XXI. Харків.
- Комша М. 1961. О назначении гончарных клейм раннефеодальной эпохи // Dacia. № 5. Bucarest.
- Котляревский А. 1867. Заметка к статье К.П.Тышкевича "О свинцовых оттисках, найденных в р.Буг у Дрогичина" // Древности, т.1. Вып.2.М.
- Мансуров А.А. 1946. Старорязанские и пронские гончарные клейма // СА. № VIII.
- Пандова К.В., Рапопорт П.А. 1973. Городище Осовик // СА. № 1.
- Рыбаков Б.А. 1948. Ремесло древней Руси. М.
- Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии // МАР. Т.28. СПб.
- Ставицкий В.И., Бобровский Т.А. 1986. Клейма на голосниках XI-XII вв. из Киева // СА. № 3.
- Толочко П.П. 1981. Гончарное ремесло // Новое в археологии Киева. Киев.
- Тухтина Н.В. 1960. Средневековые гончарные клейма // Труды ГИМ. № 37.
- Тышкевич К.Н. 1865. О курганах в Литве и Западной Руси. Вильна.
- Тышкевич К.Н. 1867. Свинцовые оттиски, найденные в р.Буг у Дрогичина // Древности. Т.1. Вып.2. М.
- Хойновский И.А. 1893. Раскопки великокняжеского дворца древнего Киева. Киев.
- Уваров А.С. 1910. Клейма на сосудах // Сборник мелких трудов. Вып.2. М.
- Cernohorsky K. 1953. Keramika a feudalismus // Cesk. lib. Ročník. № 40.

Новые свидетельства производства железа на территории Московского Кремля в XIII — XV вв.

На территории средневековой крепости Москвы — в Кремле — при археологических наблюдениях и раскопках неоднократно фиксировались свидетельства различных производств: следы обработки кости и дерева, ювелирного ремесла, изготовления обуви из кожи. Исследования, проведенные в 1994-1995 гг. на обширном участке возле Никольских ворот, позволили получить важные данные о размещении в Кремле во второй половине XIV-XV вв. комплексов по производству и обработке железа. Наблюдения проводились как на территории бывшего здания Сената — дворца конца XVIII в. (в его центральном и малых дворах, в подвалах), так и на прилегающих к нему улицах. Здание, возведенное по проекту М.Казакова, заняло большой участок кремлевской территории, застроенной в XIV-XVIII вв. дворами знати, священнослужителей, палатами монастырских подворий и храмами; в числе сооружений следует упомянуть ц.Козьмы и Дамиана патрональный храм кузнечного братства. Историческая топография этого района во второй половине XII-XIV вв. реконструируется благодаря данным археологии.

Следы работы с металлом были выявлены в ходе археологических наблюдений, проводившихся у Никольских ворот во время почти непрерывных ремонта и реставрации дворца и систем городского хозяйства. Это были, прежде всего, многочисленные (около 200 кг) куски шлаков с характерным налетом голубого цвета; часть из них имела оплавленную стекловидную неровную поверхность. При исследовании одной из построек, погибшей в пожаре, зафиксирован развал горна, что позволило предварительно определить ее как кузницу.

Находки, связанные с железопроизводством, зафиксированы в отложениях второй половины XIV-XV вв. на значительном участке: в юго-западном углу центрального двора, в малом южном дворике, а также к югу и западу от дворца на прилегающих к его южной и западной стенам улице, (рис.1). Для характеристики и идентификации находок в кабинете металлографии лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН были проведены аналитические: макро- и микроскопические исследования на микроскопах МБС-2, МИМ-7 и ПМТ-3. Предварительно по формально-визуальным признакам были выделены четыре группы артефактов.

В первую группу включены крупные фрагменты (в поперечнике до 40 см) глинистой массы, смешанной с песком, железистой окисной и углем (20 экз.). Масса достаточно рыхлая, пористая, легко разла-

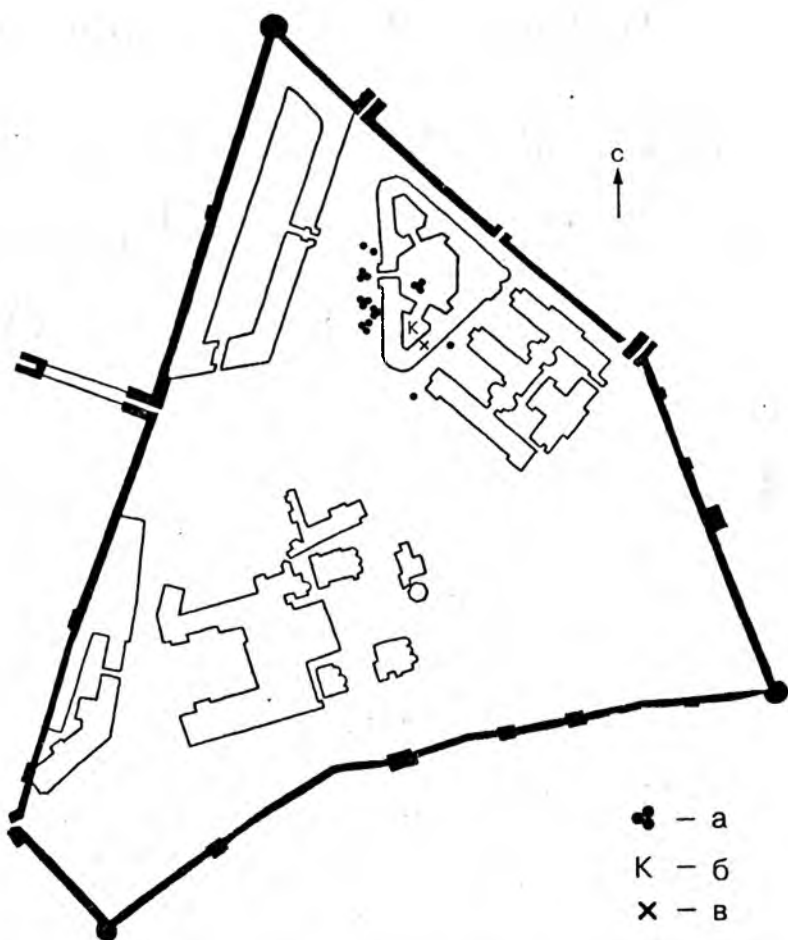

Рис. 1 Остатки железопроизводства на территории Московского Кремля в XIII-XV вв.
Условные обозначения: а — места находок шлаков; б — место размещения кузницы;
в — местоположение ц.Козьмы и Дамиана.

мывается руками, имеет явные следы воздействия огня (на отдельных участках видны следы вскипания глины). Вес экземпляра от 0,8 до 4 кг. Чаще всего это бесформенные куски, однако иногда фрагменты сохраняют форму профиля каких-то сооружений, связанных с высокотемпературными воздействиями.

Ко второй группе отнесены артефакты, представляющие собой куски бесформенной железистой массы (в поперечнике от 5 до 20 см) с характерным синеватым оттенком ноздреватой поверхности (27 экз.). Вес экземпляра колеблется от 0,2 до 2 кг. При сильном ударе молотком масса распадается на отдельные фрагменты.

Третью группу составляют небольшие (до 7 см в поперечнике) образцы (2 экз.), имеющие плотную металлическую массу. Вес экземпляра 0,1-0,15 кг. Образцы хорошо сопротивляются ударной нагрузке, а образец для дальнейшего исследования можно было получить только распиловкой.

Четвертая группа представлена единственной находкой. Это лепешковидной формы предмет, имеющий достаточно плотную металличе-

кую массу с синеватым оттенком поверхности. Одна сторона его слегка выпуклая, другая — вогнутая. Диаметр 14 см, толщина ок. 5 см, вес 2 кг.

Не вызывает сомнения, что все четыре группы артефактов связаны с высокотемпературными процессами производства черного металла. Однако было необходимо уточнить, связаны ли эти объекты с производством металла или только с его обработкой.

Первая группа объектов явно относится к печным сооружениям: это либо фрагменты футеровки, либо части профиля самих печей. Для идентификации же находок второй-четвертой групп, были отобраны образцы для микроскопического исследования.

Установлено, что все образцы второй группы имеют структурные составляющие, характерные для металлургического шлака: основа образцов — железистое стекло, на фоне которого выделяются кристаллы фаялита (Fe_2SiO_4) и вюстита (FeO), наблюдаются частицы восстановленного железа. Образцы различаются лишь формой, размерами и соотношением основных структурных составляющих. Характер исследованных образцов является неопровержимым свидетельством того, что это — отходы сыродутного процесса.

Микроскопический анализ образцов третьей группы показал, что они представляет собой восстановленный металл в смеси со шлаками. Микроструктура металла крупнозернистая, неоднородная: наряду с участками феррита наблюдаются участки феррита-перлита видманштеттного характера (микротвердость — 95,8-116 кг/мм²). Признаков механического воздействия не обнаружено. По микроскопическим данным можно с уверенностью относить исследованные образцы к непосредственному продукту сыродутного металлургического производства — горновой крице.

Находка, отнесенная нами к четвертой группе, также является продуктом металлургического производства — восстановленным в ходе сыродутного процесса железом. Это тоже крица, однако прошедшая механическую обработку с целью уплотнения металла, выжимки шлака и придания ей определенной формы. В данном случае она имеет стандартную для древнерусского кузнечества лопатковидную форму. По микроскопическим данным основу крицы составляет феррит, есть участки феррита-перлита, много раковин, пор (частично заваренных). Шлаковые включения присутствуют в большом количестве, но они измельчены, иногда вытянуты в направленииковки. По форме и основным параметрам (вес, размеры) крица имеет прямые аналогии в находках из Новгорода (Розанова, Терехова 1997: 7-9) и может рассматриваться как товарная крица.

Проанализированные находки хронологически распределяются следующим образом: первая группа — XV в., вторая и третья — вторая половина XIV в., четвертая — XIII в.

Топографически находки первой группы сосредоточены на территории южного двора здания Сената и, видимо, связаны с развалом кузнечного горна. Характерно, что никаких признаков металлургического производства на данном участке не обнаружено. Находки, включенные во вторую и третью группы (металлургические шлаки, горновые крицы) происходят, в основном, с территории центрального двора бывшего здания Сената и прилегающей к его западной стене улице. С этой же территории происходит и товарная крица группы четыре, но — из слоев более раннего времени.

Таким образом, в ремесленном районе Московского Кремля возле Никольских ворот в числе прочих ремесел фиксируется и железопроизводство. Существование кузнечного производства документируется мате-

риалами XIII-XV вв. В XIII в. сырье для этого производства поступало в виде товарных криц. Запасы их, по-видимому, хранились в помещениях наряду с другой продукцией. Так, рассмотренная выше крица найдена совместно с пряслицами, браслетами, зерном. В XV в. здесь располагалась кузница.

О роли кузнечного производства свидетельствует возведение в этом районе ц.Козьмы и Дамиана. Храмы такого посвящения традиционно строили в городах средневековой Руси в слободах мастеров этой огненной профессии. Важно, что в ходе археологических исследований 1994 г. удалось уточнить историю ц.Козьмы и Демьяна, время основания которой теперь нужно относить к середине XIV в.¹

В конце XV в., при великом князе Иване III, резиденция московских государей и главы русской церкви значительно обновляется. В тот период была возведена новая крепость, перестроены многие храмы, сооружен первый каменный великокняжеский дворец с Грановитой палатой, Казенный двор. В связи с этим, Иван III выселяет с территории Кремля значительную группу людей, и в первую очередь лиц, не принадлежавших к высшей знати. Именно тогда и исчезает с плана центра столицы России район кузнецов, напоминанием о котором вплоть до конца XVIII в. оставалась в Кремле ц.Козьмы и Дамиана.

Что же касается металлургического производства, следы которого были обнаружены в слоях второй половины XIV в., то этот факт вызывает, по меньшей мере, удивление. Дело в том, что традиционно сыродутное производство считается деревенским промыслом. Действительно, производство это очень трудоемкое и в условиях города нерентабельное, поскольку выход металла при сыродутном процессе невелик всего 20% от количества используемой руды (Колчин, Круг 1965: 214): требовался завоз больших объемов как самой руды, так и угля. Кроме того, после каждой плавки надо было подновлять печь, либо строить ее заново. Однако следы металлургического производства в древнерусских городах все же иногда фиксируются, но при этом исключительно на территории посада, в том числе и в Москве (Беленькая 1967: 119-123).

В данном же случае речь может идти о территории великокняжеской и митрополичьей резиденции, так что трудоемкое и пожароопасное железоделательное производство могло возникнуть здесь лишь при каких-то экстремальных ситуациях, например в условиях осады. Естественно напрашивается мысль о возможности связать полученные наблюдения с конкретными историческими событиями. Так, под 1368 и 1370 гг. в летописи зафиксировано стояние в осаде под Кремлем литовского князя Ольгерда (УЛС: 145-146). Видимо, на подобные случаи и были предусмотрены запасы стратегического сырья (руда, уголь).

Беленькая Д.А. 1967. Остатки металлургического производства в Белом городе (Москва) // КСИА № 110.

Колчин Б.А., Круг О.Ю. 1965. Кузнечное моделирование сыродутного процесса железа // Археология и естественные науки. М.

Розанова Л.С., Терехова Н.Н. 1997. От железной крицы до готового изделия (опыты физического моделирования) // Н.Н.Терехова, Л.С.Розанова, В.И.Завьялов, М.М.Толмачева. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.

---

¹ Первое летописное упоминание о храме сохранилось в описании одного из кремлевских пожаров 1476 г. (МЛС: 304).

К истории виноделия на Боспоре

В античное время, наряду с выращиванием зерна, значительную роль в сельском хозяйстве Боспора играло виноделие, имевшее промышленный характер. Винодельческим комплексам Боспора была посвящена специальная диссертация (Винокуров 1994), однако эта отрасль сельского хозяйства как на территории европейского Боспора (Керченский полуостров), так и на основной территории азиатского Боспора (Таманский полуостров), имеет, все-таки, недостаточно выявленные и не освещенные до настоящего времени особенности. Прежде всего это относится к сравнению истории появления и развития виноделия на европейском и азиатском Боспоре.

Впервые тема виноделия на Боспоре анализировалась в фундаментальном труде В.Ф.Гайдукевича. Особенно ценные сведения для этого исследования дали раскопки Тиритаки и Мирмекия, где был открыт ряд хорошо сохранившихся виноделен и отдельных орудий виноделия эллинистического и римского времени (Гайдукевич 1949: 102-108). Тема виноделия рассматривалась также В.Д.Блаватским, обзорный труд которого по земледелию в античных государствах Северного Причерноморья в этом разделе основан на исследованиях В.Ф.Гайдукевича 30-х и 40-х годов, а также на исследованиях херсонесских виноделен, проведенных Г.Д.Беловым и М.И.Скубетовым (Блаватский 1953: 143-157). В 1958 г. вышло исчерпывающее для своего времени и до сего дня непревзойденное в аналитической части многоплановое исследование виноделия на Боспоре В.Ф.Гайдукевича: рассмотрено около тридцати памятников, датирующихся от III в. до н.э. до IV в. н.э. (Гайдукевич 1958). В этой работе наряду с систематизацией виноделен в хронологическом порядке была разработана их типология и прослежена эволюция.

Следует отметить, что в силу малой изученности виноделен азиатского Боспора, В.Ф.Гайдукевич учел лишь четыре винодельни Таманского полуострова (Приложение: Таманский полуостров, № 23-25, 28). Фактически в исследовании Гайдукевича рассмотрена, прежде всего, история виноделия на европейском Боспоре. Работы, в которой анализировалось бы виноделие и западной, и восточной частей Боспорского царства, пока нет, хотя материал, если судить по перечню виноделен Боспора, накоплен уже весьма значительный. Правда, попытку дать обзор виноделия на азиатской части Боспора предпринимал Н.И.Сокольский (1970). Однако этот обзор вызывает ряд вопросов.

Первый из этих вопросов касается утверждения, что виноградарство и виноделие в азиатской и европейской частях Боспора начинают развиваться еще в VI в. до н.э. (Сокольский 1970: 92). Ни из исследования В.Ф.Гайдукевича, ни из собственного обзора никаких данных в пользу этого утверждения Н.И.Сокольский не приводит. Напротив, при подведении итогов обзора памятников, сообщается, что на территории азиатс-

кого Боспора ко времени написания работы было исследовано и обнаружено 29 виноделен, относящихся только к римскому времени.

Простое сопоставление цифр — 29 виноделен азиатского Боспора, среди которых не было ни одной винодельни эллинистического времени, и 25 виноделен европейского Боспора, почти половина (десять) из которых были построены и эксплуатировались в эллинистическое время — казалось бы со всей очевидностью свидетельствуют о принципиальных отличиях зарождения и развития виноделия как отрасли сельского хозяйства по разные стороны пролива. Однако Н.И.Сокольский отметил лишь, что с I в. до н.э. “центр тяжести в производстве вина переместился в азиатской Боспор” (Сокольский 1970: 92).

Со времени написания статьи Н.И.Сокольского прошло около четверти века. За это время корпус памятников значительно расширился, но общая картина не претерпела принципиальных изменений. В связи с открытием двух более ранних виноделен в Нимфее, несколько удревнилось производство вина на европейском Боспоре, переместившись к рубежу V-IV вв. до н.э. (Грач 1979). Общее число введенных в научный оборот античных виноделен Керченского полуострова достигло 41 (Приложение), при этом 17 виноделен были сооружены и эксплуатировались в классическое и эллинистическое время. Что касается Таманского полуострова, то общее число найденных и исследованных здесь виноделен достигло 35. Все винодельни азиатского Боспора были построены и эксплуатировались в римское время. Лишь одна из них — небольшая храмовая винодельня (Приложение: Таманский полуостров, № 1) относится ко второй четверти III — середине II вв. до н.э. Это — то самое исключение, которое лишь подтверждает правило, так как культура и агротехника возделывания храмового виноградника были скорее всего на ступень выше культуры и агротехники доступных рядовому земледельцу. Храмовая винодельня, являясь памятником обособленным, не может свидетельствовать о широком внедрении в эллинистическое время в сельское хозяйство азиатского Боспора виноградарства. Иными словами, на азиатском Боспоре виноделие, как отрасль сельского хозяйства, возникло и получило широкое распространение лишь в римское время, то есть — почти на четыре века позднее, чем на европейском Боспоре, причем — сразу в высокоразвитых промышленных формах и практически повсеместно. Об этом свидетельствуют такие памятники, как незаурядная по размерам и техническому совершенству винодельня “Фанагория-1” (Приложение: Таманский полуостров, № 35), винодельни Кеп, Гермонассы, Патрея и др. Говоря об азиатском Боспоре, необходимо добавить, что все винодельни Горгииппии¹ также относятся к римскому времени (Алексеева 1990: 42).

Причины отмеченного несоответствия в развитии виноградарства и виноделия на европейском и азиатском Боспоре могли иметь различный характер — от сокращения торговли со Средиземноморьем, что привело к уменьшению импорта вина и необходимости² более усиленного развития собственного виноградарства и виноделия, до выведения новых, более устойчивых сортов винограда, а также до незначительных климатических изменений, позволивших виноградной лозе распростра-

1 Исследовано 11 памятников; в Приложение не включены.

2 На это особое внимание обращает Н.И.Сокольский (Сокольский 1970: 92)

ниться и на азиатскую сторону Боспора. В четвертичный период климат степной зоны юга России, куда входит и Таманский полуостров, характеризуется как континентальный (аридный), в южной зоне пригодный для выращивания винограда. Принято считать (Борисов 1965: 71; 1967: 256), что в течение этого периода он не претерпел существенных изменений (если не учитывать ритмических колебаний). Но если согласиться с общепринятым мнением, согласно которому в местах оседания древнегреческих переселенцев виноградарство появлялось всюду, где только позволяли природные условия (Грач 1979: 93), мы должны признать, что более раннему появлению виноградарства и виноделия на азиатском Боспоре могли препятствовать и климатические отличия его от европейского Боспора — недостаток тепла или солнечного света, ночные похолодания и туманы в конце лета и ранней осенью и т.д. Эти отличия по абсолютной величине могли быть незначительными, однако достаточными для того, чтобы оказаться пороговыми для виноградарства. На рубеже эпох произошло потеплением климата, и именно с этого времени в сельском хозяйстве азиатского Боспора значительное место заняло виноградарство и виноделие.

-
- Алексеева Е.М. 1990. Античный город Горгинии // Автореф. дисс. ... докт.ист.наук. М.
 Блаватский В.Д. 1953. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
 Борисов А.А. 1965. Палеоклиматы территории СССР. Л.
 Борисов А.А. 1967. Климаты СССР. М.
 Винокуров Н.И. 1994. Винодельческие комплексы Боспора // Автореф.дисс. ... канд.ист.наук. М.
 Винокуров Н.И., Масленников А.А. 1993. Виноделие на хоре Европейского Боспора // СА. № 1.
 Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.-Л.
 Гайдукевич В.Ф. 1958. Виноделие на Боспоре // Боспорские города. II. МИА. № 85. М.-Л.
 Грач Н.Л. 1979. Древнейшие винодельческие сооружения на Боспоре // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху Л.
 Долгоруков В.С. 1976. Фанагорийская винодельня I-II вв. н.э. // КСИА. № 145.
 Кобылина М.М. 1959. Новые данные о фанагорийских винодельнях // КСИИМК. № 74.
 Корovina А.К. 1987. Виноделие Гермонасы // КСИА. № 191.
 Сокольский Н.И. 1970. Виноделие в Азиатской части Боспора // СА. № 2.
 Сокольский Н.И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиса. М.

Приложение

Перечень и датировка виноделен Боспора³

Таманский полуостров

1. "За Родину 4. Румынское. Таманский толос" — 1. Вторая четверть III — середина II вв. до н.э. (Сокольский 1976: 27).
2. "Ильч I" — 1. I-IV вв. н.э. (Сокольский 1970: 79).

---

3 Названия виноделен даны по памятникам, на которых они открыты. В этом сохранен принцип номенклатуры виноделен Боспора, введенный В.Ф.Гайдукевичем и поддержанный Н.И.Сокольским, В.С.Долгоруковым, Н.И.Винокуровым и А.А.Масленниковым. Шифры авторов приведены в скобках. В двух случаях (Керченский полуостров. NN 1, 2) в целях сохранения общей номенклатуры было необходимо дать винодельням двойное название: первое — в общей системе, второе — авторское. Это связано с тем, что Н.Л.Грач или не посчитала необходимым опубликовать свои винодельни по номенклатуре В.Ф.Гайдукевича, или упустила из вида, что в 1954. г. в Нимфее была раскопана винодельня, введенная В.Ф.Гайдукевичем в свою сводку под шифром Н1.

3. "Ильич I" — 2. Позднеримское время (не опубликована, устное сообщение Э.Я.Николаевой).

4. *Кены* — 1. Первая половина I в. н.э. (Сокольский 1970: 79,80).

5. *Кены* — 2. II в. н.э. (Сокольский 1970: 82).

6. *Кены* — 3. Первая половина I в. н.э. (Сокольский 1970: 82).

7. *Кены* — 4. III в. н.э. (Сокольский 1970: 85, 86).

8. *Кены* — 5. I-III вв. н.э. (Сокольский 1970: 87).

9. *Кены* — 6. Предположительно, I в. до н.э. — III в. н.э. (Сокольский 1970: 87).

10. "Вышестеблиевская 1,2" — 1. Без даты (Сокольский 1970: 87).

11. "Батарейка I" — 1. III-IV вв. н.э. (Сокольский 1970: 87).

12. "Батарейка I" — 2. I в. н.э. (Сокольский 1970: 88).

13. "Батарейка I" — 3. I в. до н.э. — IV в. н.э. (Сокольский 1970: 91).

14. "Батарейка I" — 4. I в. до н.э. — IV в. н.э. (Сокольский 1970: 91).

15. "Батарейка I" — 5. I в. до н.э. — IV в. н.э. (Сокольский 1970: 91).

16. "Батарейка I" — 6. I в. до н.э. — IV в. н.э. (Сокольский 1970: 91).

17. "Батарейка I" — 7. I в. до н.э. — IV в. н.э. (Сокольский 1970: 91).

18. "Батарейка I" — 8. I в. до н.э. — IV в. н.э. (Сокольский 1970: 91).

19. "Батарейка I" — 9. I в. до н.э. — IV в. н.э. (Сокольский 1970: 91).

20. "Береговой 3. Каменная батарейка" — 1. Первые века н.э. (Сокольский 1970: 91).

21. "Береговой 3. Каменная батарейка" — 2. Первые века н.э. (Сокольский 1970: 91).

22. "Береговой 3. Каменная батарейка" — 3. Первые века н.э. (Сокольский 1970: 91).

23. *Патрей* — 1 (ПТ1). II-III вв. н.э. (Гайдукевич 1958: 355; Сокольский 1970: 75).

24. *Патрей* — 2 (ПТ2). II в. н.э. (Гайдукевич 1958: 359; Сокольский 1970: 75).

25. "Тамань I. Пятиколдезное" — 1 (ПК1). III в. н.э. (Гайдукевич 1958: 457;

Сокольский 1970: 75, 76).

26. *Гермонасса* — 1. II — середина III вв. н.э. (Коровина 1987: 62).

27. *Гермонасса* — 2. II-III вв. н.э. (Коровина 1987: 65).

28. *Фанагория* — 1. Не ранее II в. н.э. (Кобылина 1959; Гайдукевич 1958: 360, 361;

Долгоруков 1976: 78).

29. *Фанагория* — 2. I-IV вв. н.э. (Долгоруков 1976: 78).

30. *Фанагория* — 3. I-IV вв. н.э. (Долгоруков 1976: 78).

31. *Фанагория* — 4. I-IV вв. н.э. (Долгоруков 1976: 78).

32. *Фанагория* — 5. I-IV вв. н.э. (Долгоруков 1976: 78).

33. *Фанагория* — 6. I-IV вв. н.э. (Долгоруков 1976: 78).

34. *Фанагория* — 7. I-IV вв. н.э. (Долгоруков 1976: 78).

35. *Фанагория* — 8. I-II вв. н.э. (Долгоруков 1976: 79-83).

Керченский полуостров

Конец V — середина IV вв. до н.э.

1. *Нимфей* — 2. *Винодельня № 1* (Грач 1979: 94-98).

2. *Нимфей* — 3. *Винодельня № 2* (Грач 1979 98, 99).

IV-III вв. до н.э.

3. *Генеральское-Западное-1* — ГЗ-1 (Винокуров, Масленников 1993: 39)

4. *Генеральское-Западное-2* — ГЗ-2 (Винокуров, Масленников 1993: 39).

5. *Генеральское-Западное-3* — ГЗ-3 (Винокуров, Масленников 1993: 39).

III-II вв. до н.э.

6. *Мирмекий-1* — М1 (Гайдукевич, 1958, с.363),

7. *Тиритака-1* — Т1 (Гайдукевич 1958: 363).

8. *Усадьба-1* — У1, в районе Карантинной слободки (Гайдукевич 1958: 363).

9- *Усадьба-2* — У2, в районе Карантинной слободки (Гайдукевич, 1958: 363).

10. *Усадьба-3* — У3, в районе Карантинной слободки (Гайдукевич 1958: 363).

11. *Партизаны-1* — ПР1 (Гайдукевич 1958: 363).

12. *Мирмекий-5* — М5 (Гайдукевич 1958: 451).

13. *Мирмекий-6* — М6 (Гайдукевич 1958: 451).

14. *Сююрташ-1* — Срт-1 (Винокуров, Масленников 1993: 39).

15. *Сююрташ-2* — Срт-2 (Винокуров, Масленников 1993: 39).

II-I вв. до н.э.

16. *Мирмекий-4* – *М4* (Гайдукевич 1958: 451).
17. *Мирмекий-7* – *М7* (Гайдукевич 1958: 451).

I в. до н.э. – I в. н.э.

18. *Тиритака-2* – *Т2* (Гайдукевич 1958: 363).

I в. до н.э. – VI в. н.э.

19. *Сиреневая бухта-1* – *Сб1* (Винокуров, Масленников 1993: 39).

I-II вв. н.э.

20. *Темир-гора-1* – *ТГ1* (Гайдукевич 1958: 363).
21. *Мирмекий-1* – *М1*⁴ (Гайдукевич 1958: 363).
22. *Мирмекий-2* – *М2* (Гайдукевич 1958: 363).
23. *Мирмекий-3* – *М3* (Гайдукевич 1958: 363).

II в. н.э.

24. *Пантикапей-3* – *ПЗ* (Гайдукевич 1958: 457).
25. *Пантикапей-4* – *П4* (Гайдукевич 1958 : 457).

II-III вв. н.э.

26. *Тиритака-3* – *ТЗ* (Гайдукевич 1958: 363).
27. *Тиритака-4* – *Т4* (Гайдукевич 1958: 363).
28. *Пантикапей-1* – *П1* (Гайдукевич 1958: 363).
29. *Пантикапей-2* – *П2* (Гайдукевич 1958: 363).
30. *Нимфей-1* – *Н1* (Гайдукевич 1958: 363).
31. *Савроматий-1* – *С-1*, у с. *Ново-Николаевка* (Винокуров, Масленников: 1993: 39).
32. *Куль-Тепе-1* – *Кит-1* (Винокуров, Масленников 1993: 39).
33. *Куль-Тепе-2* – *Кит-2* (Винокуров, Масленников 1993: 39).

III-IV вв. н.э.

34. *Тиритака-5* – *Т5* (Гайдукевич 1958: 363).
35. *Тиритака-6* – *Т6* (Гайдукевич 1958: 364).
36. *Тиритака-7* – *Т7* (Гайдукевич 1958: 364).

Первые века н.э.

37. *Зенонов Херсонес-1* – *ЗХ-1* (Винокуров, Масленников 1993: 39).
38. *Зенонов Херсонес-2* – *ЗХ-2* (Винокуров, Масленников 1993: 39).
39. *Зенонов Херсонес-3* – *ЗХ-3* (Винокуров, Масленников 1993: 39).
40. *Зенонов Херсонес-4* – *ЗХ-4* (Винокуров, Масленников 1993: 39).
41. *Артезиан-1* – *Арт-1*, у с. *Чистополье* (Винокуров, Масленников 1993: 39).

---

4 В данное время была перестроена, см. № 6)

Двучастная икона с изображением преподобных и Спасо-Геннадиева монастыря

В 1997 г. в мастерскую реставрации темперной живописи Эрмитажа поступила икона с заданием укрепить красочный слой и уточнить толстый, неравномерно лежащий слой сильно потемневшей олифы, закрывающей все изображение¹. В процессе снятия олифы были удалены пятна темной краски каплевидной формы, лежащие на золоченых, частично поновленных фонах. Поновления открылись также на одеждах и полях. Поля полностью прописаны вследствие многочисленных старых утрат грунта и красочного слоя, видимо, относящихся, как и поновления, к XIX в.

По окончании работы представилась возможность сделать описание сюжета и композиции (рис.1). Средник иконы обрамлен охристыми полями с зеленой и коричневой опушкой. Он поделен на две равные части: в верхней части изображен преподобный Геннадий Костромской перед монастырем в молении Христу в облаках; в нижней части представлены в рост, прямолично, преподобные Ефрем Сирин (христианский подвижник и писатель IV в.), Герман (сподвижник основателей Соловецкого монастыря), Зосима и Савватий (основатели Соловецкого монастыря, XV в.). Все преподобные в монашеских одеждах, над головами помещены надписи, обозначающие святых.

Наиболее интересна верхняя часть композиции (рис.2). Геннадий Костромской и Любимоградский — постриженник и любимый ученик Корнилия Комельского, как отмечает “Житие”, был юноша “красен зело” (Будовниц 1966: 291). Когда однажды Корнилию пришлось покинуть основанный им монастырь и перейти в Костромские леса на Сурское озеро (близ г.Любима), он захватил с собой несколько человек братии, в их числе был и Геннадий (Будовниц 1966: 292). В 1529 г. преподобный Корнилий возвратился в Комельскую обитель, вместо себя на Сурском озере он оставил Геннадия. Прилагая “труды к трудам”

---

1 Инв.№ ЭРИ-96. 53,5 x 43,5. Доска липовая, шпонки дубовые: две торцевые и две встречные с тыльной стороны. Над верхней шпонкой типографская этикетка с вписанным от руки номером “Собрание Успенских № 15”; таким образом, икона найдена на территории Санкт-Петербургской губернии (см. статью А.С.Косцовой в настоящем сборнике). Красочный слой и грунт иконы дважды укреплялись в мастерской реставрации станковой живописи Эрмитажа: в 1956 г. — Ю.Шаблыкиным (с мастиковкой утрат). в 1965 г. — Т.Чижовой.

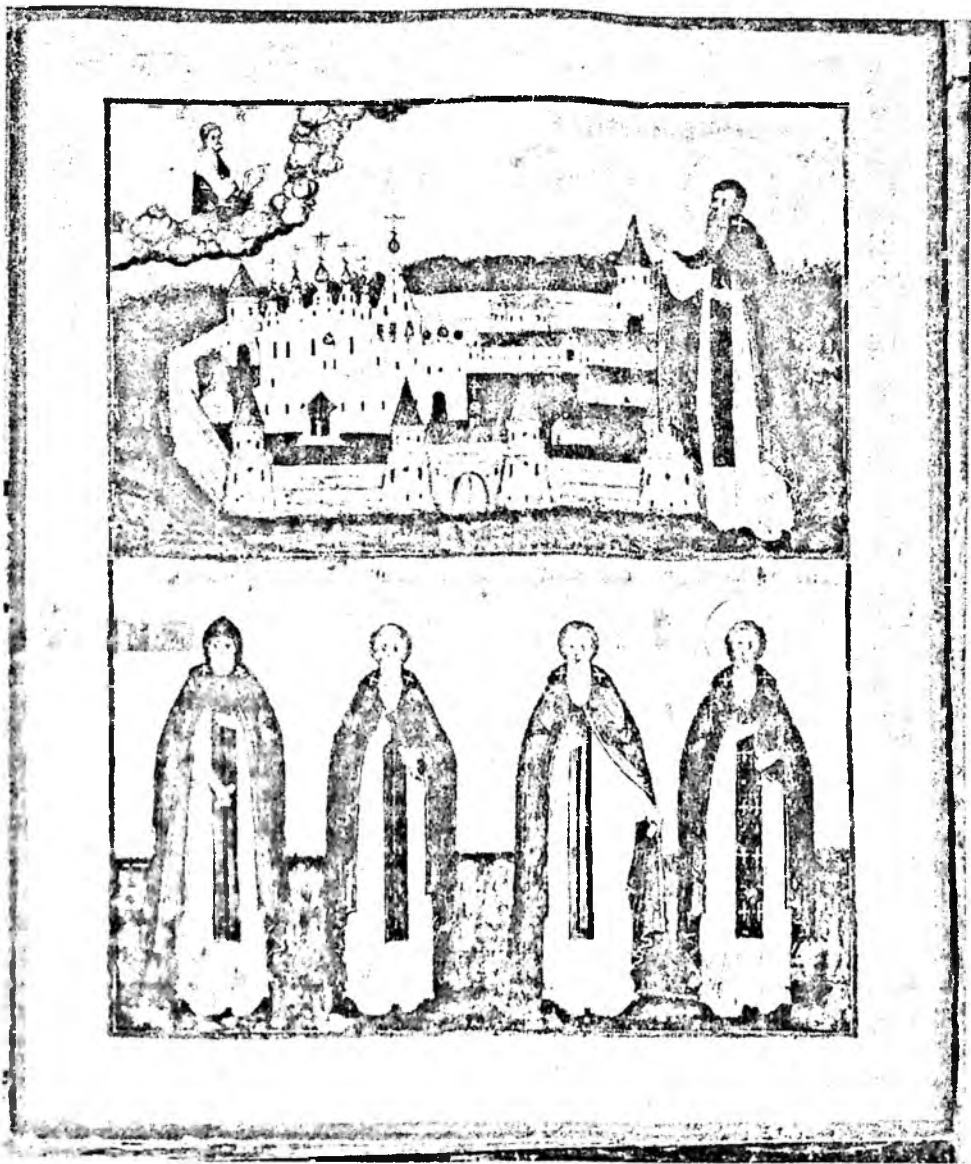

Рис. 1 Двухчастная икона с изображением преподобных и Спасо-Геннадиева монастыря из собрания Эрмитажа.

(Будовниц 1966: 292), Геннадий добился того, что скоро пустынь превратилась в процветающее монастырское хозяйство. Он построил церковь Преображения, а затем соорудил вторую церковь — во имя Сергия Радонежского, и жилища для монахов. Как отмечает "Житие", Геннадий "милостью Бога и молитвами преподобного Корнилия" "создал монастырь чуден" (Будовниц 1966: 293). Какую-то помощь, как предполагают, он получал от Костромского Ипатьевского монастыря. Кроме того, он побывал в Москве, где сблизился с боярыней Ульяной Федоровной, матерью будущей царицы Анастасии Романовны, а затем, когда Анастасия стала женой Ивана Грозного, крестил ее дочь Анну (Будовниц 1966: 293). Это содействовало успеху монастыря. Любимым занятием Геннадия, по преданию, было писание святых икон, и он своими трудами украшал свои храмы (Филарет 1900: 346, примеч). Геннадий

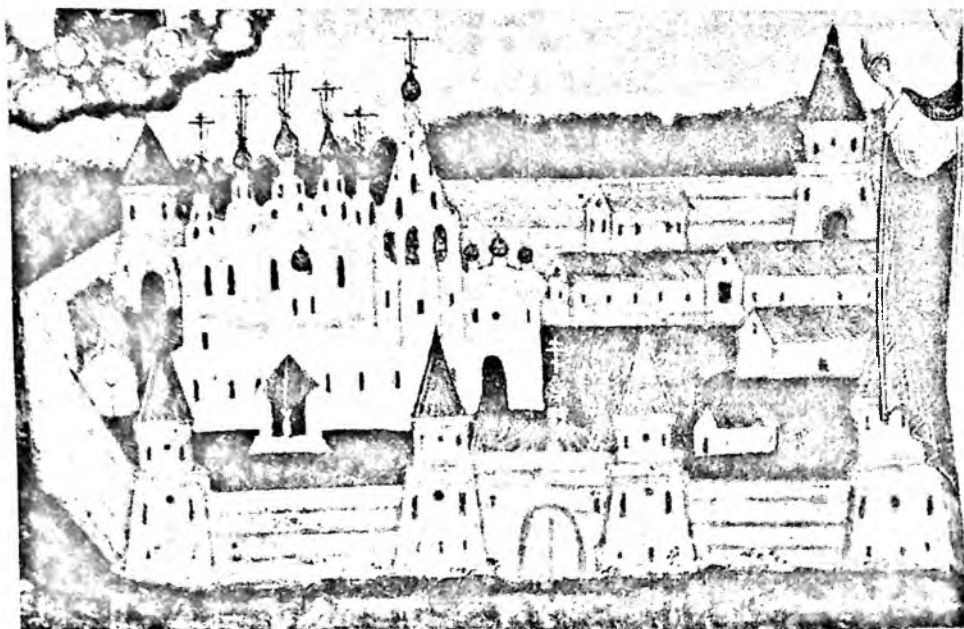

Рис. 2 Двухчастная икона с изображением преподобных и Спасо-Геннадиева монастыря из собрания Эрмитажа (фрагмент).

скончался в 1565 г. Мощи его найдены нетленными при копании рвов для каменного храма в 1646 г. и покоятся в пределе храма (Филарет 1900: 250).

Таким образом, каменный храм в Геннадиевом монастыре был сооружен только в середине XVII в., а монастырь изначально был деревянным. На иконе представлены коричневатые монастырские стены с шатровыми башнями, с надвратной церковью. Центром монастыря является изящный белоснежный пятиглавый Преображенский храм с одноглавым приделом, с крыльцом; рядом высокая легкая колокольня с примыкающим к ней трехглавым храмом (рис.2). Вокруг Преображенского храма размещены жилые и хозяйственные постройки. Одна из построек обозначена небольшим крестиком на двускатной кровле. Архитектура собора представляется более ранней, чем предварительная датировка иконы XVIII в. (с поновлениями XIX в.), но анализ архитектуры монастыря и уточнение датировки иконы еще предстоит выполнить.

Публикуемая икона с изображением преподобного Геннадия и Спасо-Геннадиева монастыря, безусловно, хорошо пополняет интересную группу эрмитажных икон с изображением монастырских комплексов².

Будовниц И.У. 1966. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV-XVI веках (по "житиям святых") М.

Косцова А.С., Побединская А.Г. 1996. Русские иконы XVI – начала XX вв. с изображениями монастырей и их основателей. СПб.

Филарет (Гумилевский). 1900. Жития святых. Январь. СПб.

2 В 1996 г. в Эрмитаже была выставка русских икон XVI – начала XX вв. с изображениями монастырей и их основателей, сопровождавшаяся каталогом (Косцова, Побединская 1996).

Древнерусские печати Шепетовского городища и поиски его летописного имени

При раскопках Шепетовского городища¹ (нач. экспедиции М.К.Каргер) были найдены четыре древнерусские печати (рис. 1, 1-4)².

1. Л.с.: поясное (?) изображение архангела в молении (?). О.с.: погрудное (поясное ?) изображение святого воина с копьем (?) над правым плечом и щитом, прикрывающим левую половину груди. Д.: 15-20 мм (фрагм., не менее 22-24 мм). В.: не взвеш. Пр.: раскопки 1959 г., кв. Г-48, гл. 0.4 м., в составе клада IX. Хр.: ОИРК ГЭ, инв. № ГП-59/6537. Не изд. Уп.: (Миролюбов 1983: 20; Пескова 1988: 23-24).

Печать оттиснута на крупной заготовке, поля печати с трех сторон обрублены, так что реальные размеры буллы были несколько большими, чем сохранившиеся (не менее 24-25 мм). Изображения выполнены в низком рельефе. К сожалению, рядом с изображениями нет надписей, так что остается только гадать, кто из святых воинов и архангелов изображен на печати. Впрочем, о последнем можно высказать некоторые предположения. Изображение архангела на печати нетрадиционно: он изображен не анфас, как это было принято (Янин 1970, т.1: № 37, 42, 74-77, 140-142, 152-156 и др.), а в повороте налево. Если предположить, что образцом для торевта послужила икона деисусного чина, на которой архангелы Михаил и Гавриил изображены в молении Спасителю, то в повороте налево изображался архангел Михаил, помещенный в чине 'справа от Христа'³.

- 1 Речь идет о большом городище, расположенном на южной окраине с.Городище близ Шепетовки (Хмельницкая обл., Украина). На его северной окраине в урочище Высокое есть еще одно небольшое круглое городище, синхронное рассматриваемому: оно, по-видимому, играло роль сторожевого пункта для большого городища.
- 2 По определению М.П.Сотниковой, две из этих печатей — № 3 и 4 — являются т.н. "дрогичинскими пломбами".
- 3 Ошибку торевта, вырезавшего матрицы без учета на оттиск, можно исключить: изображение святого воина вырезано совершенно правильно. Возможно альтернативное объяснение: архангел, помещенный на печати № 1 чрезвычайно близок по своему положению изображению архангела Гавриила в композиции "Благовещение" (Янин 1970, т.1: № 133-139). Если так, то речь должна идти о помещении на печати не изображения архангела, а изображения композиции на тему церковного праздника. Однако вероятность этого чрезвычайно мала: если предполагать, что на печати №1 была помещена композиция Благовещения, то размеры матрицы должны были превысить 45-50 мм, что решительно невозможно.

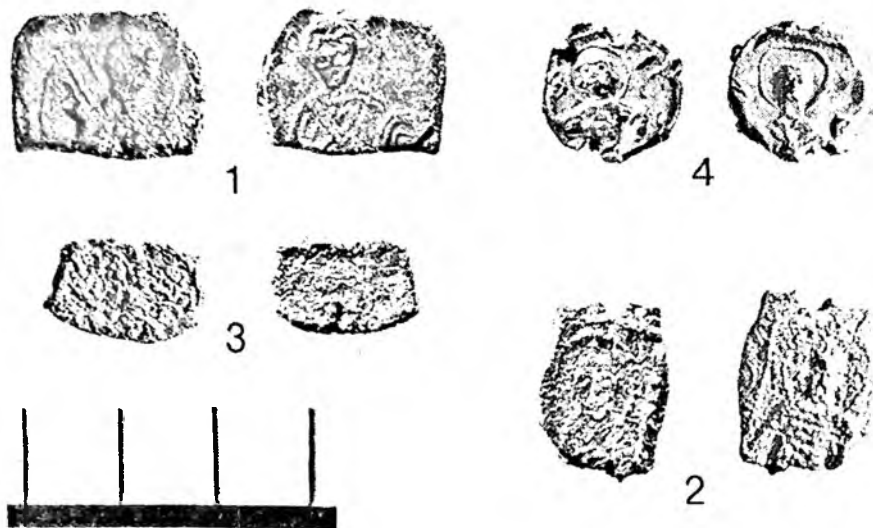

Рис. 1 Печати из раскопок Шепетовского городища. Номера соответствуют номерам в тексте статьи.

Поясные или погрудные изображения святых воинов на печатах древней Руси преобладали на памятниках XI — начала XII вв. (Янин 1970, т.1: № 6-9, 14, 24, 35). Уже на печатах XII в. святые воины (как, впрочем, и подавляющее большинство других изображений святых)⁴ изображены в рост. Можно думать, что датировка печати № 1 вряд ли выйдет за пределы начала XII в. Таким образом эта печать принадлежит к числу древнейших известных печатей рассматриваемого разряда. Если же учесть, что нижняя дата формирования разряда печатей с изображениями святых на обеих сторонах отчетливо не устанавливается, нельзя исключать, что формирование разряда уходит в более раннее время, чем вторая четверть XII в. (рубеж XI-XII вв. ?).

2. Л.с.: изображение святого (святителя ?) погрудно, нимб точечный. О.с.: изображение святого воина в рост с копьём в правой руке, нимб точечный. Д.: 21 мм (фрагм., не менее 25-26 мм). В.: не взвеш. Пр.: раскопки 1959, кв. Г-48, гл. 0.4 м., в составе клада IX. Хр.: ОИРК ГЭ, инв. № ГП-59/6538. Не изд. Уп.: (Миролюбов 1983: 20; Пискова 1988: 23-24).

Печать сильно стерта, поэтому изображения на ней скорее угадываются, нежели читаются отчетливо. Изображение святого воина, впрочем, позволяет фиксировать не только копьё в правой руке, но и схематично переданную фактуру кольчужной ткани на груди. Рядом с изображением святителя, как будто бы угадываются (над левым плечом) фрагменты букв, но сохранность буллы такова, что вопрос о надписях на этой печати оставляем открытым до новых находок. Крупные размеры фигур свидетельствуют о значительных размерах матриц (не менее 25-26 мм), при этом булла с трех сторон обрублена, поэтому часть изображений

4 Кроме, может быть, изображения Св. Николая Мирликийского, традиционно изображавшегося на русских печатах погрудно (Янин 1970, т.1: 10-13, 141, 241).

осталась за пределами дошедшего до нашего времени фрагмента оттиска. Датировать печать пока можно в пределах XII-XIII вв., но не исключено, что речь может идти о конце XII — начале XIII вв.

3. Л.с. и о.с.: стерты. Д.: фрагм., не менее 25 мм. В.: не взвеш. Пр.: раскопки 1959, кв. Г-48, гл. 0.4 м., в составе клада IX. Хр.: ОИРК ГЭ, инв. № ГП-59/6539. Не изд. Уп.: (Миролюбов 1983: 20; Пискова 1988: 23-24).

4. Л.с.: изображение святого воина в рост с копьем в правой руке, опирающегося на щит левой рукой, нимб эсгугиковый. Слева от святого буквы СТ под титлом, ниже фрагмент буквы W (?). О.с.: поясное (?) изображение святителя, благословляющего правой рукой, в левой руке кодекс, нимб линейный. Д.: 15-16 мм. В.: не взвеш. Пр.: раскопки 1959 кв. И-41, гл. 0.4 м. Хр.: ОИРК ГЭ, инв. № ГП-59/6540. Не изд. Уп.: (Миролюбов 1983: 20; Пискова 1988: 25).

Печать оттиснута на заготовке, имевшей несколько меньший диаметр, чем диаметр матриц, поэтому часть изображений осталась за пределами оттиска. К сожалению, как и в случае с печатью № 1, имена святых нам не известны: рядом с изображением святителя надписи отсутствуют, надпись рядом с изображением святого воина не может быть прочитана как остатки имени Ст(епанъ), поскольку над буквами СТ имеется титло, свидетельствующее о сокращенном написании слова (святой?), а расположенная ниже буква сохранилась фрагментарно⁵. Печать может быть датирована в пределах XII — начала XIII вв., хотя с большим вероятием ее следовало бы относить, может быть, к середине — второй половине XII в.

Таким образом, из четырех, найденных на Городище печатей, одна (№ 3) совершенно не читается и к тому же сильно корродирована. Три другие печати принадлежат к наиболее распространенному в древней Руси сфрагистическому разряду — печати с изображением святых на обеих сторонах. Такие печати появляются, по мнению В.Л.Янина, во второй четверти XII в., а употребляются еще в начале XIV в. (Янин 1970, т.1: 125, табл. В; т.2: 13, 14). Смысл изображений на этих печатях был установлен Н.П.Лихачевым: святые, изображения которых помещены на печати, в символической форме передавали крестильные имена владельца печати и его отца, то есть — крестильное имя и отчество владельца (Лихачев 1928: 12-54; Янин 1970, т.1: 88). Такие печати принадлежали князьям.

Оставляя открытым вопрос о персональной принадлежности печатей из раскопок Шепетовского городища, отметим: печати рассматриваемого разряда, скрепляли, вероятнее всего, грамоты, связанные с княжеской перепиской (Белешкий 1990: 10-14). Если это так, то можно с большой степенью уверенности предполагать, что в XII — первой половине XIII вв. на Шепетовском городище было кому получать послания, скрепленные печатями русских князей. Существование здесь особого кня-

5 Отметим, впрочем, что слово "святой" в форме "ст" для памятников русской сфрагистики XII-XIII вв. и более раннего времени не характерна: в это время слово "святой" передавалось на печатях с изображением святых на обеих сторонах либо в виде надписи ОАГИОС, либо в сокращении до первой буквы этого слова. В более позднее время слово "святой" в сокращении до "ст" ("стыи", "стого" и др.) фиксируется только в многострочных надписях, но не в виде пояснений к изображению (Янин 1970, т.2: 762-764, 767, 768, 771).

жеского стола маловероятно. Адресатами посланий, скрепленных публикуемыми печатями, могли быть княжеские наместники. Во всяком случае, серийность находок печатей с изображениями святых на обеих сторонах свидетельствует, что документы, скрепленные этими печатями, попадали на Городище не случайно, а были вполне целенаправленно адресованы лицам (лицу ?), постоянно проживавшему в этом населенном пункте.

Печати № 1-3 были найдены в составе клада IX (рис.2) среди женских, преимущественно серебряных украшений, а печать № 4 в 15 м к северо-востоку от этого клада на той же глубине — 0.4 м (Піскова 1988: 23-25). Место находки печатей представляло собой площадку свыше 100 м² у внутреннего вала, отделяющего детинец от окольного города, расположенную на максимальной для городища высоте — 10 м (минимальная высота — 5 м). Сохранность культурного слоя здесь наихудшая. Интенсивная многовековая распашка существенно снивелировала древний рельеф, способствуя оползанию верхних гумусированные слоев с высот в более низкие места. Возможно, именно поэтому на самой площадке не сохранилось следов каких-либо строений: все сооружения расположены по периметру площадки.

С этой площадкой связаны находки 6 кладов (II, III, IV, VIII, IX, XIII), из них четыре клада найдены на расстоянии 5-12 м друг от друга на северном краю площадки внутри или около реконструируемых здесь жилищ (рис.2). Клад IX, в состав которого входили публикуемые печати (очевидно — документы, скрепленные этими печатями) найден примерно в 30 м к югу от кладов II и IV, а печать № 4 была найдена на участке между кладами II и IV с одной стороны, и кладом IX, с другой. Иными словами, эти находки топографически являются одной достаточно компактной группой. В составе клада II привлекает внимание серебряный перстень-печатка с изображением птицы (Миролюбов 1983: №206; Піскова 1988: 16-18). На основе планиграфии находок церковной утвари и предметов культового назначения, концентрирующихся вокруг рассматриваемой площадки, можно предположить, что где-то здесь располагалась и древняя церковь. Единственная на городище находка фрагмента круглого оконного стекла также происходит отсюда (в 2 м от места находки печати № 4). Клад с печатями немного богаче других кладов городища, но ни по составу входящих в него украшений, ни по материалу или по уровню их изготовления он особенно не выделяется. В то же время, вряд ли случайным является включение в состав одного клада трех из четырех документов, засвидетельствованных на поселении находками печатей. Владелец клада по имущественному положению почти не отличался от других состоятельных жителей этого городка, однако именно он являлся лицом, хранившим в домашнем архиве письменные документы, скрепленные княжескими печатями, чего нельзя сказать о владельцах других кладов, найденных на поселении. Может ли идти речь о принадлежности клада лицу, отправлявшему административные обязанности княжеского представителя на Шепетовском городище, или же нет — судить не беремся, однако концентрация документов в руках одного лица (одной семьи ?) представляется очевидной.

Публикуемые печати побуждают вернуться к вопросу об отождествлении М.К.Каргером Шепетовского городища с летописным Изяславлем, оказавшемся в 1241 г. на пути движения полчищ Батыя в западно-русские земли. Гипотеза Каргера была основана на летописном упоминании Изяславля и близости к современному Изяславлю (12-15 км) ис-

ледовавшего городища (рис.3). Предполагалось, что Изяславль на Горыни возник после разгрома “первоначального Изяславля” (Шепетовского городища). При этом, М.К.Каргер не считал предложенное им отождествление достаточно надежным: “Для того, чтобы высказанная гипотеза превратилась в научно обоснованное положение, необходимы дополнительные археологические исследования на территории современного Изяславля” (Каргер 1957: 16-17). Летописец называет на пути Батыя несколько городов: Колодяжин, Каменец, Изяславль, Кременец, Данилов. Сразу же после взятия обманом Колодяжина Батый “приде Каменцю Изяславлю взят я” (ИЛ: 786). В настоящее время Колодяжин уверенно отождествляется с городищем близ с. Колодежного на правом берегу р. Случи (Юра 1962: 57-123). В современном г.Изяславле на р.Горынь также обнаружены городские слои XII-XIII вв., подтверждающие локализацию здесь летописного Изяславля (Никитенко, Осадчий, Полегайлов 1985: 270-274; Полегайлов 1987: 131-132). Упомянутый между Колодяжином и Изяславлем Каменец М.С.Грушевский приурочивал к “с.Каменка на р. Цветохе (в 15 в. от Заслава)...: эти два города как будто стояли в ближайшем соседстве” (Грушевский 1891: 43-44, прим. 5). Другие немногочисленные упоминания Каменца в этом регионе большинством исследователей связываются с с.Каменка на левом берегу р.Случь, расположенным несколько севернее Колодяжина. Однако обе Каменки не имеют в округе городищ: ближайшее к Каменке на Случи древнерусское городище расположено на противоположном берегу близ Мирополя⁶, а ближайшим к Каменке на Цветохе является Шепетовское городище, раскопанное М.К.Каргером. Городище находится в верхнем течении р.Гуска, а с.Каменка – при ее впадении в р.Цветоху (правый приток Горыни).

Почти все летописные упоминания Каменца связаны с военными конфликтами, в которых он предстает надежным укрепленным пунктом на восточной окраине владений сначала Романа Мстиславича, затем Даниила Романовича. В 1196 (6704) г. Роман Мстиславич посылал своих людей в Полоный, чтобы оттуда совершать набеги на волость Давида и Ростислава Рюриковича. В ответ на это Ростислав Рюрикович “с Володимеричи и с Черным Клобуком ехавше и повоеваша волость Романову около Каменца” (ИЛ: 698). Позже в Каменце находят пристанище малолетние Василько и Даниил Романовичи с матерью-княгиней Анной (ИЛ: 728-729). Н.Ф.Котляр склонен связывать сообщение 1213 г. с современным городом Камнем Каширским, расположенным к северу от Ковеля, опираясь на то, что “Лестько же поя Данила ис Каменца, а Олександра из Володимера, а Всеволода из Белза, когождо их со своими вои” (Котляр 1985: 149). Однако, следующие города, которые получают, находясь в Каменце, малолетние Романовичи, это Тихомль (в верховьях Горыни) и Перемиль. В 1228 г. Владимир Рюрикович с Михаилом Всеволодичем Черниговским и ханом Котяном собрал “вои”, среди которых были “и половцы, и куряне, и пиняне, и новгородцы, и туровцы” и “обседоша Каменец” (ИЛ: 753). Чтобы сохранить город и выиграть время, Даниилу пришлось “мир створити с ними”. Под 1234 г. летопись сообщает о набеге на Камен-

6 В географическом указателе южнорусских городищ у П.А.Раппопорта оно обозначено как “городище у с. Мирополь (см. Каменка)” (Раппопорт 1967).

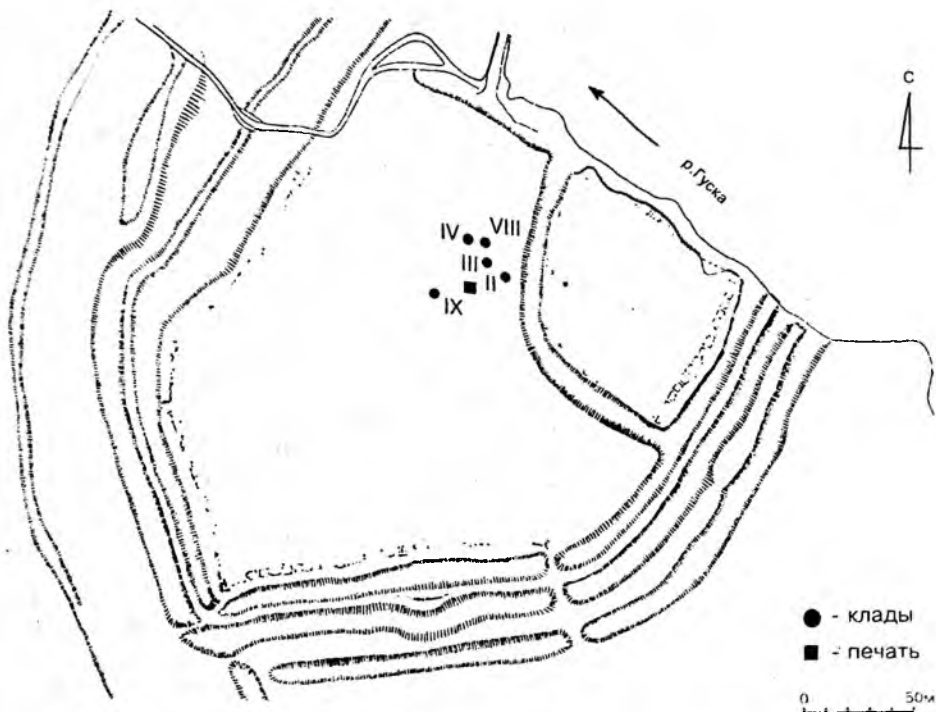

Рис. 2 План Шепетовского городища с обозначением места находок печатей.

нец галичан и болоховских князей, которые, не взяв город, видимо пограбили его окрестности — “повоеваша по Хомору”, “вземши полон велик”. Но бояре Даниила, получив подкрепление от Владимира Рюриковича, выехали из Каменца, настигли галичан и болоховцев, пленили их князей и привели к Даниилу, после чего “лету же начавшу, и нача посылати Михаил (Черниговский) и Изяслав (Смоленский), грозяча: дай нашу братью”(ИЛ: 774-775). В 1238 г. в Каменце оставалась сестра Даниила, бывшая женой Михаила Черниговского, бежавшего из Киева в Венгрию. Этим обстоятельством воспользовался Ярослав Всеволодич, вытесненный незадолго до этого Михаилом из Киева — он взял город Каменец вместе с княгиней Михаила и боярами и отпустил княгиню к брату только по просьбе Даниила (ИЛ: 782-783). Последнее сообщение о взятии Каменца Батыем в одном контексте с Колодяжином и Изяслав-лем, как уже указывалось, относится к 1241 г. (ИЛ: 786). Таким образом в Каменце, расположенном на границе Волынской и Киевской земель, а также в непосредственной близости от Болоховской земли⁷ летопись постоянно отмечает бояр, служащих Роману Мстиславичу или его детям.

По-видимому, город был хорошо укреплен, если для нападения на него противник собирал значительные силы. Находясь в непосредствен-

7 Галичане и болоховцы, придя к Камену, “повоеваша по Хомору” (ИЛ: 774), признаваемую большинством исследователей за северную границу летописной Болоховской земли.

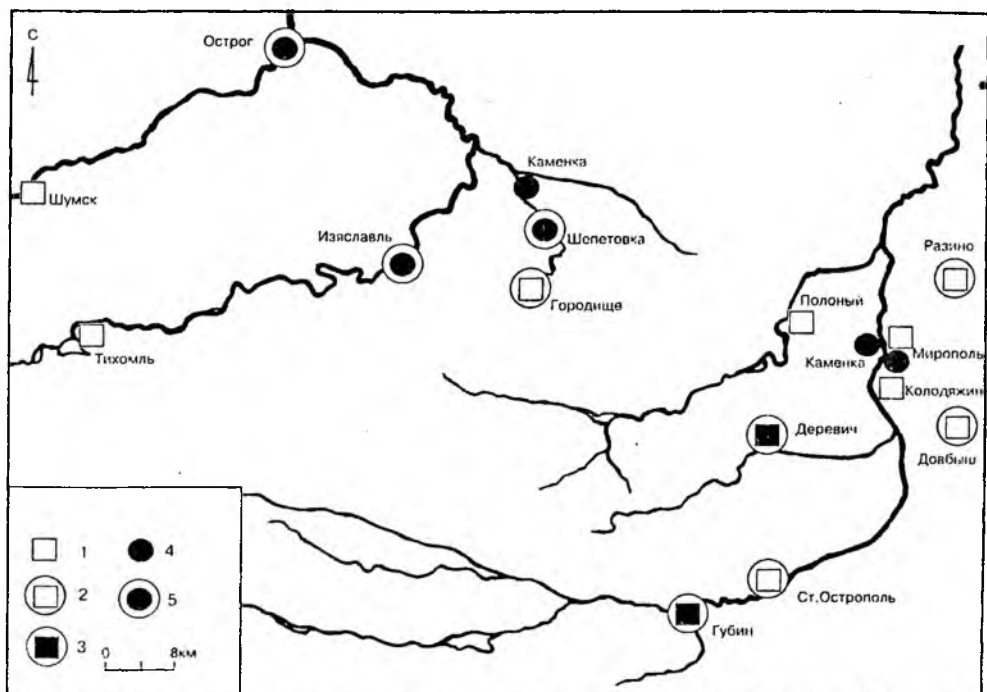

Рис. 3 Карта древнерусских городов и городищ в верховьях рек Горынь и Случь. 1 — городище; 2 — городище с болоховской системой укреплений; 3 — летописный болоховский город; 4 — современные населенные пункты (4 — село; 5 — ранцентр).

ной близости к Болоховской земле, он сыграл немаловажную роль в подавлении в 1234 г. Болоховской оппозиции (взяты в плен и переданы Даниилу все болоховские князья). С приходом Батыя Каменец не вошел в протатарское объединение городов и был разрушен. Позиция, занятая жителями Каменца, для этого региона не типична и свидетельствовала не только о желании и надежде выдержать нападение, но, судя по всему, о прочных связях с Даниилом. С приходом монголо-татар поречье Случи от истоков до Возвягля в ее среднем течении так же, как и верховья Южного Буга, постепенно выходили из-под контроля Даниила Романовича. Летописец называет население этого района «люди татарская», «города, седашие за татары» (ИЛ: 838-839). В середине XIII в. это уже не только болоховцы, нетронутые татарами, поскольку они «орють пшеницу и проса» татарам (ИЛ: 971-972), но и города, далеко отстоящие к северу и востоку от пределов Болоховской земли первой половины XIII в. — такие как Городок, Семочь, Городеск, Возвяль, города по Тетереву. К югу эта территория доходила до Бакоты на Днестре. Население этих земель, максимально удаленных как от Киева, так и от Владимира, Галича, вероятно по примеру болоховцев, вступало с монголо-татарами в прямые данические отношения, не рассчитывая на помощь из центров и не особенно опасаясь карательных мер за это. Однако последовала жесточайшая расплата. В итоге земля эта хранит десятки городков со следами тотального уничтожения: одни были сожжены Батыем (как Колоджин, Каменец, Изяславль), другие уничтожены карательными экспедициями Даниила с сыновьями. Попытки отличить одни от других по следам разрушения не всегда приводят к успеху.

Городище на Случи, отождествляемое с Каменцем, археологически пока не исследовано. Известен лишь Миропольский клад, обнаруженный в 1938 г. при строительных работах (Корзухина 1954: 134, №137, табл. LVII, 1-4). Шепетовское же городище, расположенное в 12-15 км от Каменки на Цветохе, раскопано почти полностью в пределах внутреннего вала (3,6 га). Анализ полученных в результате раскопок материалов приводит к выводу, что это был город вполне отвечающий летописным характеристикам Каменца. Древнерусский слой на нем датируется с XI в. (единичные находки) по XIII в., расцвет жизни на поселении приходится на конец XII — первую половину XIII в.: именно в это время были возведены оборонительные сооружения. Незначительная группа находок, время бытования которых выходит за пределы XIII в., свидетельствует о том, что отдельные очаги жизни возникали здесь и после тотального уничтожения города в середине этого столетия. Огромное количество находок, связанных с вооружением (около 1500 единиц), указывает на специфически военный характер поселения, что не исключает достаточно развитого ремесленного производства, а также занятий земледелием и животноводством.

Основные направления активных контактов населения городка, устанавливаемые на основе анализа материальных остатков, это, с одной стороны, все междуречье Случи и Горыни, особенно болоховские города, и восточные районы галицких земель⁸, а с другой — порубежные укрепленные центры, расположенные в верховьях Тетерева, Ирпени, в Поросье вплоть до Канева. Опосредствованно сюда же входят Чернигово-Северские и Муромо-Рязанские земли (возможно через взаимодействия с болоховскими городками), как, впрочем и галицкое направление, поскольку болоховские “князья” постоянно ориентировались на галицкое оппозиционное боярство). С болоховскими городами Шепетовское городище связывает единство плановой схемы укреплений, предпочтение определенных видов женских украшений и приемов их изготовления, с порубежными крепостями в верховьях Тетерева, по Роси — общие конструктивные особенности оборонительных сооружений, пряжки, предметы мелкой культовой пластики (главным образом — энколпионы).

Болоховская плановая схема укреплений Шепетовского городища, а также территориальная близость к летописной Болоховской земле позволяют некоторым исследователям, хорошо знающим этот регион, включать Шепетовское городище в состав городов Болоховской земли (Якубовский 1987: 1-22; Кучера 1979: 69-72). Однако, этому препятствует давно установленная по летописным данным северная граница Болоховской земли, проходящая водоразделу рек Деревички и Хоморы. А Шепетовское городище находится севернее Хоморы примерно на 15 км. По сравнению с болоховскими городами, оно очень большое, и если бы входило в их число, то могло бы быть только самым городом Болоховом, до сих пор не имеющим убедительной локализации. А для города такого ранга окраинное положение (даже, если отодвинуть границу от Хоморы к северу) маловероятно.

---

⁸ Особенно поразительна общность материальной культуры со Звенигородом на Збруче (Русанова, Тимошук 1993).

Небольшие болоховские городища содержат единичные, но, зачастую, очень богатые (до 270 предметов) клады; вместе с другими необходимыми признаками, это определенно характеризует памятники как феодальные замки (княжеские?, боярские?). На Шепетовском городище много кладов (16) примерно одного уровня, рассредоточенных по всему поселению. Большой процент найденных здесь импортных изделий выделяет исследуемое городище не только в своем регионе, но даже среди больших стольных городов Древней Руси. В числе предметов, составлявших клады, есть монеты из Византии и Херсонеса, христианские реликвии из Иерусалима, попавшие в Южную Русь с миссионерами или крестоносцами. Из Западной Европы происходят бронзовая чаша с аллегорическими изображениями, мечи, геральдическая нашивная бляшка, ножи с дамаскированными клинками (выделены Г.А. Вознесенской). Отчасти такое обилие импортных вещей можно объяснить расположением поселения на средневековом пути, проходившем из Киева во Владимир Волынский и Галич, а далее — в Европу. Но возможно и другое объяснение, на которое наталкивает присутствие на городище таких вещей, как бусы так называемого минского типа, два ромбошпигтовых височных кольца, цепедержатель от ливского женского украшения, наконечник ножен меча из земли куршей: все они могли попасть сюда вместе с пленными или как награбленная в военных походах добыча. По определению А.Н. Кирпичникова, на городище представлены все виды вооружения профессиональных воинов, известные в древней Руси. Поэтому появление на городище христианских наломнических древностей можно связывать как с миссионерской деятельностью монахов-домениканцев, так и с участием воинов, жителей городища, в отвоевании в 1237 г. Даниилом Дрогичина, занятого крестоносцами (ИЛ: 776; Пануто 1950: 20).

Многие древнерусские городища отождествляются с летописными городами благодаря небольшим одноименным поселениям в их округе, иногда — на расстоянии 3-4 км. Расстояние между современным с. Каменка в нижнем течении р. Гуска и городищем в ее верховьях — гипотетическим Каменцем — значительно больше (в 3-4 раза) обычного в таких ситуациях расстояния. Поэтому предположение о том, что уцелевшая часть жителей разрушенной крепости переселилась на 12-15 км к северу и обосновалась там, сохранив, таким образом, хотя и в измененном виде, название городка, следует рассматривать пока только как рабочую гипотезу. Возможно, новые сфрагистические находки в южно-русских землях помогут в дальнейшем персонифицировать владельцев печатей Шепетовского городища и их адресатов, а это, в свою очередь, может внести коррективы в предложенную гипотезу.

Белецкий С.В. 1990. О функциях домохозяйских печатей с изображениями святых на обеих сторонах (к пересмотру историографической традиции) // *Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения*. М.

Грушевский М.С. 1891. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев.

Каргер М.К. 1957. Отчет о раскопках Галицко-Волынской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1957 году. РА ИИМК РАН

Корзухина Г.Ф. 1954. Русские клады. М.-Л.

Котляр Н.Ф. 1985. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Київ.

Кучера М.П. 1979. Дослідження городищ на Волині й Поділлі // *Археологія*. № 29. Київ.

Миролюбов М.А. 1983. Древнерусский город Изяславль. Каталог выставки. Л.

- Никитенко М.М., Осадний Е.И., Подегайлов А.Г. 1985. Дрепнерусское жилище в г. Изяславль Хмельницкой обл. // СА. № 1
- Пашуто В.Т. 1950. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.
- Піскова Г.О. 1988. Скарби стародавнього Изяслава // Археологія 61. Київ.
- Подегайлов А.Г. 1987. Свинцовая гирька из г. Изяслава и ее взаимосвязь с различными весовыми единицами древней Руси. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Тезисы докладов VI республиканской конференции молодых археологов. Киев.
- Рашинов П.А. 1967. Военное зодчество западно-русских земель X-XIV веков. МИА. № 140.
- Русанова И.П., Тимощук Б.А. 1993. Языческие святилища древних славян. М.
- Юра Р.О. 1962. Древний Колодежик // Археологічні пам'ятки УРСР. № XII. Київ.
- Якубовский В.И. 1984. Дрепнерусские памятники XII-XIII вв. верхнего течения рек Юж. Буга и Случи. // Автореферат. ... канд.ист.наук. Киев.
- Янин В.Л. 1970. Актовые печати древней Руси. Т.1.2. М.

Древнерусские шлемы с полумасками

В Скандинавии шлемы с полумасками известны уже в эпоху венделя. Они представлены в древностях эпохи викингов, зафиксированы в западноевропейских изображениях XII в., найдены в половецких захоронениях второй половины XIII в. Древнерусские шлемы с полумаской, согласно классификации А.Н.Кирпичникова, выделены в особый тип IV (Кирпичников 1971).

То что шлем X в. из Гьёрмунда (рис.1,1) в Норвегии (Grieg 1947: abb.28-33), а также обломки полумасок из раскопок в Локруме на Готланде (рис.1,3) и с усадьбы Десятинной церкви (рис.1,2) в Киеве (Каргер 1950), датирующиеся тем же временем, составляют один тип и восходят к шлемам вендельского времени, очевидно (Кирпичников 1971: 24). В то же время шлемы с полумасками относящиеся к древнерусскому времени воспринимаются как нечто самобытное, внезапно появившееся в середине XII в. и к шлемам эпохи викингов а тем более к вендельским боевым наголовьям никакого отношения не имеющие. Виной тому в равной степени является как то, что между обломком полумаски из Киева и древнейшей полумаской развитого типа из Вишижа лежит сто пятьдесят лет, так и то что полумаски XII-XIII вв. относятся уже к совершенно иной художественной традиции.

В 1968 г. при раскопках в Слониме обнаружен шлем с полумаской (рис.1,4) относящийся к XI — началу XII вв., (Зверуго 1972: 273, рис.22), который служит связующим звеном между шлемами предыдущей эпохи и развитым типом IV эпохи феодальной раздробленности. Корпус этого шлема склепан из четырех частей, прикрытых сверху большой выпуклой пластиной. Полумаска почти плоская. Эти две особенности — клепаный корпус и плоское прикрытие верхней части лица — сближают слонимский шлем с шлемом из Гьёрмунда. В то же время размеры шлема (диаметр 23 см) аналогичны стандартным размерам более поздних образцов. находка из Слонима доказывает что развитие шлемов с полумасками, во всяком случае — на территории древней Руси, не прерывалось, а эволюционировало параллельно с другими типами шлемов X-XI вв. Изображение шлема, очень похожего на слонимский, есть на миниатюре из "Прекрасных комментариев Апокалипсиса" находящихся в мадридском археологическом музее и датированных началом XII в. (Pierce 1993: 262, fig.6).

Дальнейшее рассмотрение древнерусских шлемов с полумасками удобнее всего начать с определяющего признака то есть с самой полумаски. Полумаска из Вишижа (Рыбаков 1953: 104) достаточно надежно датируется серединой XII в. и является самой древней известной на сегодняшний день полумаской развитой формы (рис.1,5). Подобное же прикрытие лица имеет и знаменитый шлем из Лыково (рис.1,6), который датируется второй половиной XII — началом XIII вв. и приписы-

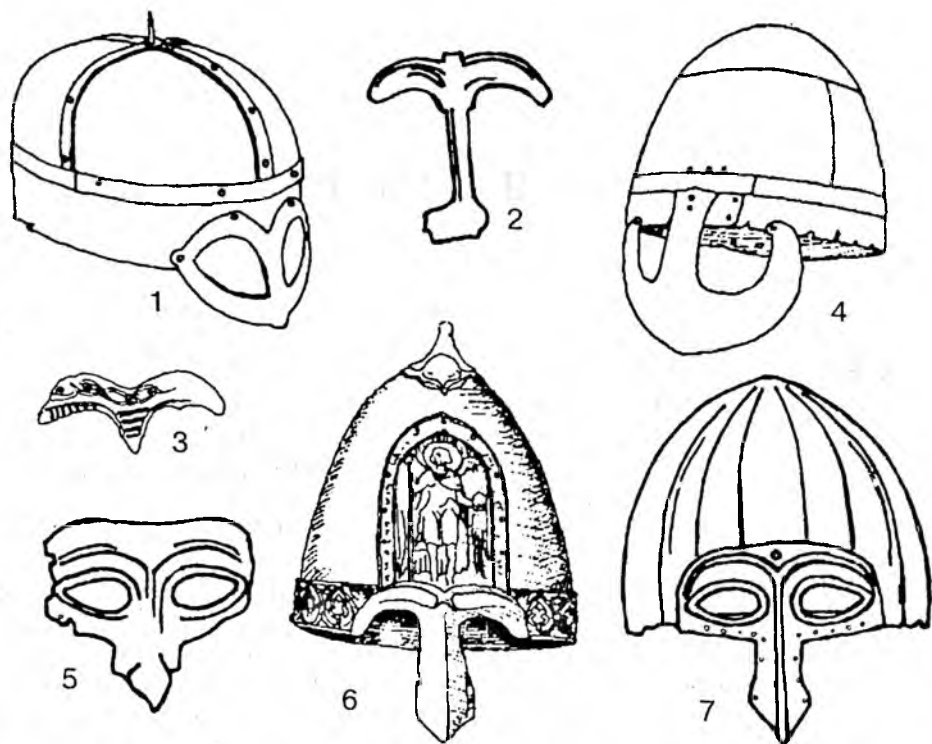

Рис. 1 1 — Гьёрмунд; 2 — Киев; 3 — Локруме; 4 — Слоним; 5 — Вишиж; 6 — Лыково; 7 — Никольское

вается князю Ярославу Всеволодичу. Обе полумаски устроены так, что довольно плотно прилепали к лицу.

Полумаски прикрепленные к двум идентичным корпусам (рис.1,7, 2,1) происходящим из Никольского (Кирпичников 1971: табл.XVI,1) и Моску (Румыния) не имеют надежной даты, но, по всей видимости, они несколько моложе шлема из Лыково и наглядно показывают дальнейшее развитие классической полумаски. Если образец из Никольского всего лишь утратил анатомическую точность предыдущих образцов (рис.1,7), то полумаска из Моску (рис.2,1) уже значительно отличается от них, так как у нее отсутствуют подглазничные дужки и наносник стал значительно уже.

Следующие по времени экземпляры (рис.2,2,3) происходят из Киева (Кирпичников 1971: табл.XVI,2) и Чингульского кургана (Отрошенко, Рассамочкин 1986). Время утери киевского шлема достаточно надежно датируется временем разгрома города монголами. Как и предыдущая пара, эти шлемы настолько схожи, что наводят на мысль о серийном производстве, хотя для таких дорогих вещей это выглядит не вполне естественно. Полумаски здесь так же лишены нижних дужек. Подобный вид имела и полумаска шлема из Изяславля, хотя брови у нее прочеканены не так рельефно, это упрощение конструкции несомненно связано с желанием улучшить обзор (рис.2,4). Ради этого же последний владелец шлема из кургана Хургишца (Румыния) — великолепного инкрустированного золотом боевого наголовья явно русской работы (Spinei 1982: 195, f.36), вообще удалил со своего шлема наносник оставив только декоративные брови (рис.2,6).

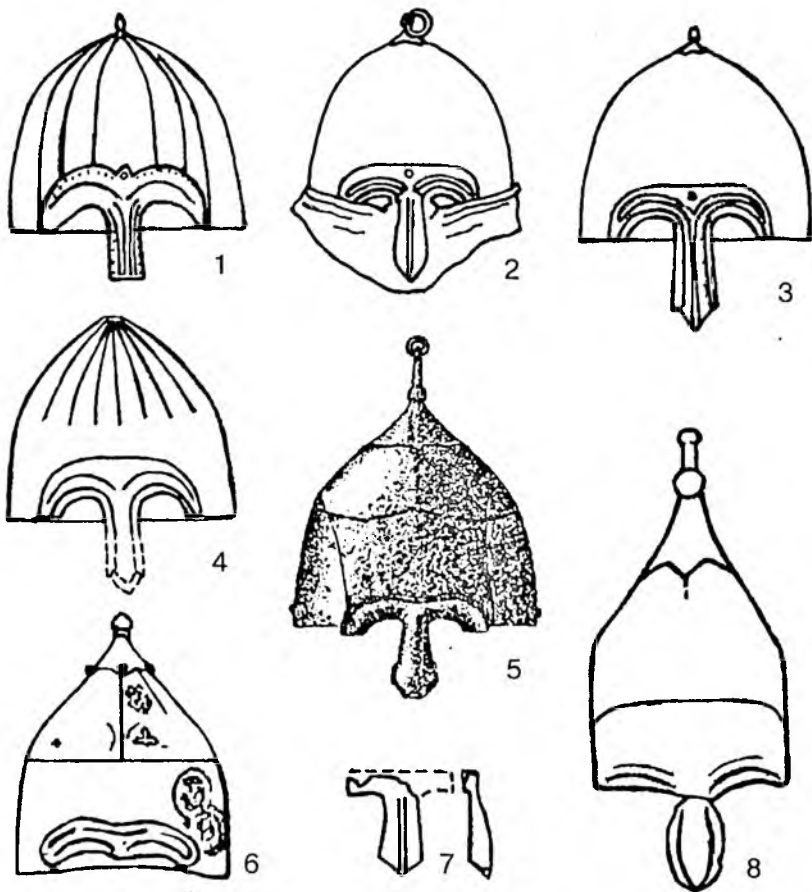

Рис. 2 1 — Москву; 2 — Чингул; 3 — Киев; 4 — Изяславль; 5 — Таборовка; 6 — Хургишна; 7 — Изборск; 8 — Дорогобуж

Следующий шлем происходит из половецкого погребения второй половины XIII в. в кургане у села Таборовка (рис.2,5). Его полумаска еще сохраняет традиционную рельефность но в отличие от классических образцов не имеет четко обозначенных граней бровей и носа что свидетельствует о дальнейшем упрощении если не сказать о деградации типа (Горелик, Дорофеев 1990: рис.2). В Дорогобуже в слое монгольского нашествия также найден шлем с примитивной полумаской (Прищепа, Никольченко 1996: 109, рис.27), у которой не только брови слабо прочеканены но и глазницы едва намечены (рис.2,8). У шлемов из Таборовки и Дорогобужа наносник опять становится достаточно объемным, как это уже наблюдалось у образцов из Вщижа и Лыково. С чем это связано сказать трудно: возможно такой возврат произошел под влиянием распространившихся в XIII в. полных лицевых масок.

Последнее упрощение полумаски привело к тому что она превратилась в примитивный наносник с налобной пластиной подобный тому что найден в Изборске (рис.2,7) в слое второй половины XIII в. (Артемьев, Лопатин 1994: 200, рис.1,4), который с классической полумаской уже не имеет ничего общего но несомненно от нее происходит.

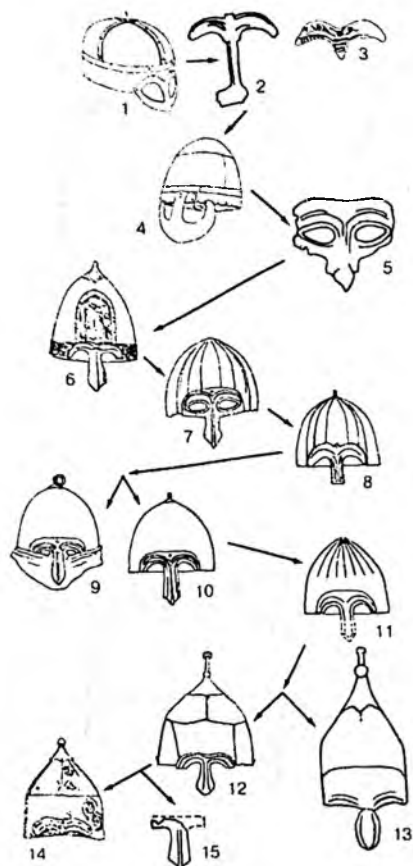

Рис. 3 Схема развития шлемов с полумасками на Руси. 1 — Гьёрмунд; 2 — Киев (1); 3 — Локруме; 4 — Слоним; 5 — Вишиж; 6 — Лыково; 7 — Никольское; 8 — Москву; 9 — Чингул; 10 — Киев (2); 11 — Изяславль; 12 — Таборовка; 13 — Дорогобуж; 14 — Хургишца; 15 — Изборск.

Подводя итог краткого обзора полумасок как отдельного типа защиты лица можно прийти к выводу о непрерывности развития этого типа от вендельских образцов украшенных с варварской роскошью до древней Руси когда в XII в. русские оружейники переосмыслили его, взяв за образец чуть ли не живописный канон. Позднее этот тип упрощался до тех пор пока после татарского нашествия полностью не деградировал (рис.3). Последний раз он достоверно фиксируется в тебризской миниатюре 1330 годов, и это свидетельствует о том, что от русских воинов данный тип шлема проник не только к половцам но и к ордынским воинам.

Что же касается известных по изображениям XII в. западноевропейских шлемов с полумасками и происходящими от них полными масками, то подобные шлемы встречены в Англии, Франции, Испании и на территории норманнских государств Сицилии и Южной Италии. За исключением Испании, речь идет о местах наибольшей активности норманнов, что так же косвенно свидетельствует о скандинавских корнях шлемов с полумасками.

В заключение следует сказать несколько слов о корпусах рассмотренных шлемов. Обращает на себя внимание следующая их особенность: вендельские шлемы имели невысокий крутобокий купол. Та же особенность наблюдается у шлемов из Гьёрмунда и Слонима. Шлемы такого типа сохраняют рассмотренные черты и позднее. Только на времена татарского нашествия, одновременно с упадком стиля оформления полумасок появляются шлемы с приостренным и даже высоким гра-

ненным корпусом. Сознательно ли только невысокие шлемы снабжались полумасками или же была сильна традиция оформления, сказать трудно.

У многих шлемов рассмотренного типа в конструкции корпуса авторы публикаций отмечали одну особенность — то что они сварены из трех частей. Это мне было непонятно так как качественно выполненная горновая сварка обнаруживает шов только при протравливании, подозревать же что все эти шлемы (каждый из которых является великолепным произведением оружейного искусства) имели плохо проваренные корпуса, было невозможно. При осмотре в Государственном Эрмитаже обломков шлема из Изяславля¹ я обнаружил проходящий по краю одного из обломков, характерный уступ сделанный для пайки в нахлест и остатки серебряного припоя в нем. Это дает основание утверждать что все шлемы у которых отмечены т.н. “сварные” швы (Никольское, Киев, Таборовка, Дорогобуж, Изяславль, Москву ?, Чингул ?) на самом деле имели паяный корпус². Видимо эта технология — трехчастный паяный корпус, имитирующий цельнокованное изделие, применялась только русскими мастерами и только в XII-XIII вв., во всяком случае, все эти шлемы происходят либо из древнерусских памятников, либо из половецких курганов, куда шлемы попадали с территории Руси в результате торговых операций либо в качестве военных трофеев. В других регионах мне подобная технология не встречалась. Замечу, что паяный корпус почти не уступает по прочности сварному и намного превосходит клепаный³.

Артемьев А.Р., Локатин Н.В. 1994. Предметы вооружения из раскопок въезда на Изборское городище // РА, № 2.

Горский М.В., Дорофеев В.В. 1990. Погребение золотоордынского воина у села Таборовка // Проблема военной истории народов Востока. Вып.2. Л.

Зверуго Я.Г. 1972. Археологические работы в Словиме // Беларуская старажытнаасці. Мінск.

Картер М.К. 1950. Археологические исследования древнего Киева. Киев.

Кириличков А.Н. 1971. Древнерусское оружие. Вып.3. // САИ, Е1-36. Л.

Огородченко В.В., Рассамочкин Ю.А. 1986. Половецкий комплекс Чингульского кургана // Археология. № 53.

Прищепа Б.А., Никольченко Ю.М. 1996. Лигонский Дорогобуж в период Киевской Руси. До истории населения Западной Волги в X-XIII ст. Ривне.

Рыбаков Б.А. 1953. Столыпин город Чернигов и удельный город Вишиж // По следам древних культур Древней Руси. М.

Grig S. 1947. Giermund bu Finnet // Norske Oldtum. VIII. Oslo.

Petrie I. 1993. The Knight, his Arms and Armour. 1150-1250. // Anglo-Norman Studies. XV. Wootbridge.

Spinei V. 1982. Moldova in secole XI-XIV. Bucuresti.

---

1 ОИРК ГЭ, инв.№ Г.п.-59/9348(4). Благодарю С.В.Томенинского (Эрмитаж), оказавшего содействие в осмотре находки.

2 Применение серебряного припоя в изяславльском шлеме объясняется тем что корпус не был покрыт позолотой и для того что бы на шлифованном металле не было заметно шва мастер применил припой белого металла. В случае если шлем должен был покрываться позолотой припой мог быть и медным.

3 Для подтверждения этого мною совместно с петербургским кузнецом Семеновым Ю.А. был произведен опыт: из листа стали толщиной 2 мм был свернут конус высотой 20 см и диаметром основания 22 см при этом длина шва составила 23 см он был пропаян веток латунным припоем после чего пневматическим молотом с массой падающих частей 200 кг по нему был нанесен удар смявший его до высоты приблизительно 7 см. При этом шов лопнул на протяжении 15 мм. При силе удара, в десятки раз превосходящей силу удара ручным оружием, это можно считать свидетельством высокого качества пайки.

Металлические украшения в погребальном обряде сету

Траур по умершим родственникам запрещал сетуским женщинам носить серебряные украшения. Это длилось в течении срока дней, а для вдов — до года.

Рано умершей девушке или — по особой просьбе — умершей более старшей женщины оставляют на груди одну или несколько простых, без шумящих подвесок, цепочек. В начале XX в. они сменились на украшения из серебряных монеток — kaalakõrd. Но ещё в XIX в. украшениям отводилась в похоронном обряде более существенная роль. По воспоминаниям М.Пыллумезс (1898-1979), будучи 5-6-летней девочкой, она вместе с бабушкой была на похоронах в одной из деревень в северной Сетумаа (земли сету). Особенно ярко запомнился ей громкий шепот женщин, которые, увидев въезжающего во двор священника шептали: “Снимите украшения”. Тогда она обратила внимание, что с груди умершей убрали украшения и сложили в нагрудную большую фибулу, suug sõlg. Конусом вниз, т.е. в опрокинутом виде, suug sõlg завязали в белый льняной платок и положили на скамью в головах умершей.

Среди очень пожилых сетуских женщин общеизвестно, что священники мешивались в некоторые сферы обрядности сету. Например, священники не разрешали надевать нагрудную большую фибулу (suug sõlg) в церковь, а во время похорон в гроб запрещалось класть “лишние” предметы. Это относилось и к украшениям. Известно, что старообрядцы тоже запрещали оставлять украшения на умерших, так как считалось, что иначе они не обретут покоя (Pentikäinen 1969: 92). И всё же, вплоть до середины XX в. у сету существовал обычай оставлять на умершей женщине простые цепочки и некоторое количество украшений.

Имеются данные, что как хозяйке дома, так и повитухе, как людям, помогающим при начале новой жизни, полагалось быть захороненной с многочисленными перстнями и кольцами на пальцах, в белых шерстяных перчатках с незаделанными концами, что считалось признаком новой (неношенной) вещи. Очевидно это древний обычай, что подтверждают находки в могильниках. Вероятнее всего, обычай следует связывать с “особенностями” рук и повитухи, и хозяйки дома — и та, и другая принимают участие в начале новой жизни: повитуха находится у начала жизни людей, хозяйка — у домашних животных.

Данные о захоронении женщин в полном комплекте украшений возрастной группы фертильного (детородного) возраста у сету не сохранилось. Но, как редчайшее исключение, в конце 1970-х годов на одном из кладбищ в Сетумаа была захоронена замужняя женщина в полном комплекте украшений женщин фертильного возраста. По рас-

сказам мужа, у них не было детей, и поэтому он “вернул” жене украшения, которые она когда-то “в дом принесла”, и которые принадлежали ей как личная собственность.

В гроб обычно опускали также поминальные монеты, которые должны были быть “белого цвета” для “возвеличивания души”, “hinge ülendada”. Монетки опускают в гроб или у плеча умершего или в ногах. Делают это и сейчас. Деньги, которые близкие или односельчане оставляли на груди умершего, предназначались для покупки в церкви свечей. В Южной Эстонии и среди сету считалось, что это были деньгами “на дорожку”, т.е. нужны для путешествия в мир иной. В Сетумаа считали, что женщинам деньги служили для покупки булок или “места” на том свете. Понятие о “покупке” места широко распространено у славян, этот обычай считается заимствованным у них. В таком виде он был известен также православным води и ижоре. По археологическим материалам монеты являются наиболее частыми находками в могильниках южной Эстонии XIII-XVII вв. (Valk 1992: 144). Их находят при захоронениях в разных местах: у плеча, головы, у ног. Количество монеток в захоронениях невелико и обычно это мелкие монетки. В Мальском могильнике, в кургане с каменными конструкциями, оставленными предками сету, имеются также находки перстня и монет у плеча захороненного (Седов 1972: 41). И сейчас этот обычай широко распространен среди сету.

После захоронения, в старину, на время поминальной тризны, все металлические украшения рано умершей девушки-невесты или замужней женщины фертильного возраста подвешивали к надмогильному кресту, а у его основания клали яйцо (Väisanen 1926: 152). Вероятно оставление яйца мыслилось как символ начала, появления из яйца, то есть, нового рождения на другом свете. Сету считали, что душа прощалась со всеми родственниками и затем отправлялась в иной мир, где её уже ждали ранее умершие родственники. Там душа материализовывалась и жила вечно, рядом и вместе с ранее ушедшими предками.

Металлические украшения покойницы во время 40-дневного траура считались “умершими”. Их не надевали, даже не трогали, и никому не отдаживали. В этот период украшения “сопровождали” и “охраняли” умершую на сложном пути “перехода” в мир иной. Их неиспользование в мире реальном связано с активным использованием в мире ином. Украшения вместе с умершей женщиной прощались, сопровождали и охраняли её перед входом в мир предков, маркируя таким образом уход из “реальной” жизни, повторяя судьбу их владелицы. В фольклоре сету мы встречаем поэтическое наименование украшений как соучастников траура по ушедшим. У листовидных подвесок спрашивают: “отчего ты в трауре, листочек?”, и в ответ: “в трауре по ушедшей” (Sibul 1927: 104-105). Мысленный временный уход металлических украшений из реальной жизни заканчивался с окончанием траура. Сороковой день почитался как очень важный поминальный день. Считалось, что душа определилась, закончив свои странствия, и навсегда простилась с оставшими на Земле родственниками. После 40 дней ритуальная смерть металлических украшений заканчивалась, они могли вновь использоваться во время праздников и на свадьбе.

В обозримом прошлом у сету неизвестны случаи, чтобы с нагрудной фибулой *suug sõlg*, символом фертильного возраста, хоронили. Представляется, что этого не было и в древности. Сколь реальным для сету не был бы мир иной, с продолжающими там жить родственника-

ми, мир, где влюбляются и даже выходят замуж, для этого мира характерна определённая неполнота: продолжающие там жить люди не рожают, то есть иному миру чужды плодородие и развитие. И поэтому *suug sõlg*, большая фибула, как символ фертильного возраста, деторождения и продолжения рода, в мире ином просто не нужна. Можно также предположить, что ранее существовал особый обряд уничтожения такого символа со смертью женщины, или прекращением фертильного возраста. И только появление серебряных фибул, сменивших матерчатые и кожаные нагрудники, заставило изменить обряд и сделало *suug sõlg* передаваемой по наследству.

Седов В.В. 1976. Мальский кургано-жальничный могильник близ Изборска // КСИА, № 146.

Pentikäinen J. 1969. The dead without Status // *Temenos*. № 4. Turku.

Sibul A. 1927. Register setukeste lauludest. Riided ja ehted. Tartu.

Valk H. 1992. Lõuna-Eesti matmiskombestik ja selle uskumuslikud tagamaad. 13/17-18 sajandil // *Magistritöö*. Tartu.

Väisänen A.O. 1924. Syntymä, lapsuus ja kuolema // *Kalevalanseuran vuosikirja*. 4. Helsinki.

Об одной попытке уточнения методов в русской археологии (по материалам журнала «Человек» за 1928 год)¹

История археологической мысли 1920-х годов в СССР до сих пор не изучена и не оценена подобающим образом. Ведущие исследователи того времени, по большей части, не успели дописать своих главных книг, не успели самостоятельно подвести итоги своих комплексных исследований. В отдельных случаях им удалось сделать это, но уже тогда, когда возможность “свободного теоретизирования” в археологической и этнологической литературе оказалась закрыта наглухо. Поэтому все, что относится к области теоретико-методологического поиска 1920-х годов, приходится ныне восстанавливать по крупицам, извлекая их порою из самых неожиданных источников. В связи с этим мне хочется обратить особое внимание коллег на две небольшие книжки журнала “Человек” за 1928 г.

Обе книжки должны быть хорошо знакомы археологам: именно в них увидели свет две классические работы по палеолиту — П.П.Ефименко (“Некоторые итоги изучения палеолита СССР”, кн.1) и Г.А.Бонч-Осмоловского (“К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий”, кн.2/4). Сам факт публикации важнейших работ 1920-х годов по археологии камня именно здесь стоит отметить, ибо этот журнал носил отчетливый программный характер.

Первый том “Человека” вышел в апреле 1928 г. Издание было начато Комиссией АН СССР по изучению племенного состава под общей редакцией акад. С.Ф.Ольденбурга. В редакционный комитет, помимо Ольденбурга, вошли акад. В.В.Бартольд, проф. Л.С.Берг, проф. Д.А.Золотарев, проф. Н.П.Иванов, акад. Н.Я.Март, акад. В.Л.Омелянский, акад. И.П.Павлов, проф. С.И.Руденко, проф. В.П.Тянь-Шанский, проф. Ю.А.Филиппченко. Такое созвездие имен, представлявших собой, однако, различные области науки о человеке, собралось здесь не случайно. Официально учреждался первый в России печатный орган, призванный сблизить эти области, сделать их достижения взаимно доступными и понятными и тем способствовать разработке новых путей и методов изучения человека. В поле зрения журнала попадали эмбриология, физиология, морфология, генетика, гигиена, этническая антропология, палеоэтнология, материальная и духовная культура, языкознание, география,

---

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ (проект 96-01-00125).

демография и статистика.

Душою всего дела, несомненно, являлся С.Ф.Ольденбург, тогда еще непреременный секретарь АН СССР. Только его трудами могло быть “пробито” в 1928 г. такое издание, и он же дипломатично постарался связать новое направление с давними традициями российской науки, умолчав о новейших традициях науки зарубежной. Между тем развитие “комплексного человековедения” в СССР и первые шаги “новой” социальной антропологии на Западе представляли собой в 1920-х годах грани одного процесса. Впрочем, можно понять С.Ф.Ольденбурга, апеллировавшего в 1928 г. к авторитету покойного акад. К.М.Бэра, а отнюдь не к опыту современности. Напиши он всю правду, “Человек” не просуществовал бы и дня.

Основное кредо нового журнала было сформулировано во вступительной редакционной статье (“Человек”, 1928, № 1: 1-2). По мнению учредителей, изолированное изучение человека науками гуманитарными, с одной стороны, биологическими и физико-химическими, с другой, создало “нежелательное и вредное раздвоение”. “Представителям наук гуманитарных человек как особь животного мира был чужд, — читаем мы далее, — они... почти совсем не обращали внимания на его жизнь. вне исследования продуктов его мозговой деятельности... Получалось представление о человеке как о каком-то особом существе, живущем обособленной духовной жизнью...” Между тем, значительные успехи антропологии в изучении первобытного человека выявили, что “его так называемая животная природа продолжает иметь огромное влияние на его жизнь и деятельность. Стало ясным, что без ее изучения немыслимо научное понимание человеческой особи и объединения человеческих особей. Успехи естественных наук дали и новые методы, и новые орудия работы. Изучение человека стало на новые пути — антропобиологические в широком смысле этого слова” (выделено мной — Н.П.). Освещение этих новых путей для широких научных кругов и признавалось главной целью нового журнала.

Первый том открывался статьей С.Ф.Ольденбурга “К.М.Бэр и изучение человека”. В ней, сочувственно излагая взгляды Бэра и отмечая тонкое понимание им сложной зависимости между физической жизнью человека, окружающей его природой и всковой традиционной культурой, Ольденбург прямо советовал перечитать Бэра тем “гуманитариям”, которые только на словах признают важность увязки своих работ с данными естествознания. Основным же препятствием на пути сотрудничества естественных и гуманитарных наук автор статьи считал несоответствие точности методов их исследований: “Естествоиспытатели не считают возможным удовлетвориться той приблизительностью, которая одна еще пока доступна гуманитариям” (“Человек”, 1928, № 1: 3-9). Так, Ольденбургом была поставлена проблема уточнения методов. И, надо отметить сразу, проблемные статьи, помещенные в журнале, дают обильную пищу уму в данном направлении. Объем моей заметки не позволяет подробно охарактеризовать все эти материалы. Остановлюсь лишь на одном сообщении из раздела “Хроника”, которое имеет, на мой взгляд, совершенно исключительное значение.

Заметка озаглавлена “Антропологические исследования в экспедициях особого комитета Академии наук по исследованию союзных и автономных республик” (“Человек”, 1928, № 1: 77-79). Подписана она С.Р. За этими инициалами без труда угадывается С.И.Руденко. Из содержания ее сразу становится ясно, что “антропологическими” автор

называет комплексные антрополого-археолого-этнографические исследования окраин СССР, проводившиеся в середине — второй половине 1920-х годов в широком масштабе. Особый упор в заметке делается на практическую полезность (по сути — прикладной характер) этих работ: “С перемещением административных и экономических центров, с изменением границ... нынешние республики представляют организмы, не всегда в надлежащей мере себя осознавшие и хозяйственно сложившиеся. Правительства республик испытывают настоятельную потребность возможно быстрее получить сводку... того, что известно о природе и населении их страны, ... с тем, чтобы наметить пути наиболее правильного хозяйственного и культурного строительства... Наметить путь дальнейшего развития народного хозяйства возможно только тогда, когда... известно прошлое и установлена причинная связь и зависимость между прошлым и настоящим...” (“Человек”, 1928, № 1: 77,78).

Данный пассаж отражает собой вполне реальную ситуацию, сложившуюся в русской науке в эпоху НЭПа. На короткий период советская администрация была вынуждена в делах управления руководствоваться разумом. Это сразу стимулировало поиск средств анализа социальной действительности и социальных прогнозов. Тогда и нашлись деньги (в послереволюционном СССР!) на исследования такого масштаба, какие ни разу не были финансированы в лучшие времена правительством Российской империи. Ученые постарались воспользоваться случаем и “отработать” свое. Приведенный выше текст — это прямая декларация лояльности и готовности сотрудничать с новоявленной “колониальной администрацией”, но... в обмен на полную свободу действий в собственной области. Какие же чисто исследовательские задачи ставит перед “антропологами” С.Р., руководитель крупнейшей комплексной экспедиции?

В первую очередь, это “изучение сочетания отдельных элементов быта” или, выражаясь современным языком, выявление и исследование хозяйственно-культурных комплексов — охотничьего, скотоводческого, земледельческого. Но особого внимания заслуживает, по мнению автора, “динамика бытовых форм под влиянием внешних воздействий и внутренних факторов” (выделено мной — Н.П.). Такими факторами могут служить культурные влияния соседей, переселения, изменения быта в новой обстановке. Отчетливо видно, что для С.Р. обширные полевые исследования отнюдь не являются самоцелью. Они важны как источник полноценного сырого материала для эмпирического выведения закономерностей развития культурной и этнической общности. Отсюда вытекает особый интерес автора к процессам вымирания народностей и законам наследования антропологических признаков. “Только по выяснении законов наследования признаков, — отмечает С.Р., — можно с уверенностью говорить об их устойчивости, уяснить генезис отдельных этнических групп и результат скрещивания различных типов”. На практике это достигается путем широкой постановки посемейного антропологического исследования с составлением генеалогических таблиц на 2-4 поколения.

От выяснения закономерностей эволюции живых этнических групп автор столь же закономерно переходит к проблемам эволюции древних общностей. Прошлое и настоящее исследуемого края представляют собой неразрывное единство. “Отсюда понятно, — пишет он, — устремление антропологических отрядов в область палеоэтнологии, причем здесь они обычно от практических вопросов переходят в область разрешения науч-

ных проблем и эволюции культур в пределах данной области”.

Можно констатировать, что небольшая хроникальная заметка С.Р. в журнале “Человек” заключает в себе продуманную и частично уже воплощенную в жизнь исследовательскую программу. Археологические исследования лишь часть этой программы, но они неразрывно связаны с остальными. Так же и теоретико-методологические задачи тесно увязаны здесь с проблемами практической работы, что, пожалуй, непривычно для современного археолога, для которого теория — это одно, а практика — совсем другое. Однако у С.И.Руденко в 1928 г. одно органично вытекало из другого. Закономерности развития культуры должны были выводиться непосредственно из динамики живой культуры, чтобы использоваться затем а) для практических рекомендаций, б) для палеоэтнологических реконструкций.

Эта установка, подкрепленная конкретной методикой изучения живой культуры, производившегося в широком масштабе и дававшего обильный материал, пригодный для статистической обработки, была для своего времени, безусловно, свежа и нова. Впрочем, и в наше время ресурсы ее далеко не исчерпаны. Комплексные палеоэтнологические экспедиции 1920-х годов открывали для археологии новые горизонты. Не случайно совершенствование полевой методики, воспринятой затем “советской” археологией (впрочем, воспринятые далеко не полностью), происходило именно в них и в эти годы. Данный подход был напрямую связан с установкой на “комплексное человековедение”, которую начертал на своих знаменах журнал “Человек”. Конечно, не случайно С.И.Руденко вошел в редакционный комитет этого журнала.

Добавить осталось немного. Осенью 1928 г. развернулась кампания “предвыборного шантажа” АН СССР советским правительством, в ходе которой ставился вопрос о самом существовании АН и возможной замене ее Коммунистической Академией. На плечи С.Ф.Ольденбурга легла “грязная” работа, и он спасал Академию с обреченностью человека, знавшего, что спасибо ему не скажут ни те, ни эти (Перченко 1991: 195-206; Жебелев 1993: 202). Журнал “Человек” в этот период не выходил. Только в мае 1929 г. появился “строенный” том 2/4 за 1928 г. Он и стал последним. 30 октября С.Ф.Ольденбург был отстранен от должности постоянного секретаря АН СССР в ходе “чистки” ее аппарата (Жебелев 1993: 201).

Эпоха НЭПа кончилась, и в услугах “социоантропологов” советское правительство более не нуждалось. Кому нужны социальные исследования и прогнозы, если в стране пошли в ход массовые высылки? Всякое беспристрастное исследование того, что теперь стало происходить с народом, следовало немедленно запретить, удушить, заклеить навеки. Логика отрицания передовой русской этнологии, развившейся в эпоху НЭПа (в археологии — борьба с палеоэтнологией), вытекала из новых исторических условий совершенно однозначно. Попытка вывести законы развития эмпирически, непосредственно из материала, без априорного приложения к нему марксистской догмы, являлась теперь грехом непрестительным, и за него исследователям приходилось платить. Чем точнее становились их методы, тем объективно опаснее они считались. Ведь истина и практический результат никого уже не интересовали. Весной — летом 1929 г. началось изгнание палеоэтнологов с университетских кафедр.

11 октября того же года состоялось выступление группы археологов в социологической секции Общества историков-марксистов (докладчик

А.В.Арциховский), содержащее ярые нападки на палеоэтнологическое направление (Новые методы 1929: 322-325). Положительная часть доклада была признана неудачной, а вот за критику палеоэтнологии похвалили. В прениях было отмечено, что для “новой археологии” очень важно “решительно отмежеваться от этнологии как буржуазного суррогата марксистской социологии” и от палеоэтнологии как “суррогата в квадрате” (Новые методы 1929: 325). Все это представляло собой лишь многообещающее начало репрессивной кампании по отношению к целому научному направлению

С.И.Руденко был арестован одним из первых, в конце лета 1930 г. (ПФА РАН. Ф. 1004. Оп. 1. ед.хр. 375. Л.150.) Методологические поиски в области палеоэтнологии не нашли прямого отражения в его печатных работах тех лет. Пусть же бросит на них свет маленькая заметка в академическом журнале, издание которого стало яркой страницей в истории отечественной науки.

Жебелев С.А. 1993. С.Ф.Ольденбург // ВДИ. № 3/206 (публ. И.В.Тункиной).

Новые методы в археологии. Доклад А.Арциховского // Вестник Коммунистической академии. Кн. 35-36. 1929

Перечень Ф.Ф. 1991. Академия наук на “Великом переломе” // Звенья: Исторический альманах. Вып. I. М.

Псковское судоходство и судостроение в XIX в.

Этнокультурные и этносоциальные процессы пронизывают жизнь общества, проявляясь в повседневных делах, в том числе — в крестьянских промыслах. С созданием Псковского наместничества (1777) и губернии (1796) намечилось оживление промыслов, которые давали крестьянскому хозяйству денежные средства для покупки недостающего хлеба и уплаты различных денежных повинностей в пользу государства, общества и помещика. Особенности местных промыслов определялись природными условиями и экономической спецификой уездов.

В северо-восточном Причудье и псковском Обозерье с низовьями р.Великой, по р.Шелони, в бассейне р.Ловати и по ее притокам, в бассейне р.Западной Двины получили значительное развитие промыслы, связанные с судоходством. Сведения XIX в. о них довольно многочисленны. Через Псков, Холм и посад Сольцы шла значительная торговля. В отчете псковского губернатора за 1854 г. указано, что судовым промыслом занято свыше 15000 человек (Статистические сведения 1842: №17, 18; Дейч: 1957: 27,28).

Судовой промысел включал в себя владение судном, наемный труд по погрузке, перегрузке, выгрузке и тяге судов и был распространен в местностях вдоль судоходных путей. Судостроение, как разновидность деревообрабатывающих промыслов, получало развитие там же, но при условии наличия значительных ресурсов строевого леса.

Реки внутри Псковской губернии и Гдовского уезда считались, как и ныне, несудоходными. Но от границ региона отходили водные пути. Они связывали: Псков и Глов — через Псковское и Чудское озера — с Нарвским портом на Балтике и с Дерптом; Холм на р.Ловати и посад Сольцы на р.Шелони — через озеро Ильмень, р.Волхов, обводной канал между Новой Ладогой и Шлиссельбургом, р.Неву — с Петербургом; Торопец и Устьинскую пристань при впадении р.Торопы в Западную Двину, Усвяты на р.Усвяча, Себеж при системе озер, связанных с р.Свольня — через р.Западную Двина — с Ригой.

Судоходство по Западной Двине, рекам бассейнов озер Ильмень и Ладожского, а также Псковско-Чудскому озеру известно со времен пути “из варягв греки”. Оно продолжалось и в более поздние времена. Развитию псковского судоходства несомненно способствовало активное развитие портов на Балтике (Петербург, Нарва, Рига) и устройство систем речного сообщения и каналов, ведущих к Петербургу, начатое Петром I и продолженное при его преемниках.

В описании Псковской, Великолукской и Новгородской провинций по состоянию на 1760 г. отмечено судоходство по рр.Торопе и Западной Двине — между Торопцем и Рижским портом и судоходство

по р.Ловати — от Великих Лук и Холма до Новгорода и Петербурга, которые осуществлялись судами-водовиками грузоподъемностью до 400 пудов (Топографические сведения 1772: 387,388,392). Водовики это мелкие суда типа паузков (павозков), большие лодки с одним прямым парусом, используемые для перегрузки товара при проходе речных мелководий. В псковском Обозерье и на Талабских островах также называли большие сани для укладки и вывоза невода (Даль 1994, т.1: 537: ПОС, вып.4, 1979: 77). Известны были и хлебные барки, плывшие в Петербург из внутренних губерний.

По мелким рекам и притокам р.Великой в Пусторжевском, Вревском, Дубковском, Выборском, Островском, Изборском уездах, по р.Шелони выше Сольцов в Порховском уезде суда не ходили. Кое-где отмечен лесосплав и мелкие лодки. По р.Великой суда с товарами ходили нерегулярно из-за многочисленных препятствий и мелководья в летнее время (Топографические известия 1772: 338, 344, 350, 352, 353, 356.357, 359.)

В XIX в. по водным путям, соединявшим города Псковской губернии с Петербургом, Нарвой и Ригой, плавали многочисленные речные и озерные суда, которые обслуживались местными жителями (крестьянами, мещанами и наемными рабочими) и сооружались крестьянами из местного строевого леса или закупались в соседних губерниях у таких же крестьян. Суда эти были разных типов и грузоподъемности, имели различные местные названия. Судовой промысел и судостроение этого периода подробно охарактеризованы в военно-статистических обозрениях и историко-географических описаниях региона, в отчетах представителей местной администрации, в статистических исследованиях и периодической печати, в справочных изданиях.

Псково-Чудской водоем и низовья р.Великой (Псковский и Гдовский уезды)

Сулоходство между Псковом, Дерптом, Нарвой и Гловом было оживленным. В нем участвовали Псковская, Петербургская, Эстляндская и Лифляндская губернии. Оно осуществлялось бударами, полубударами, лальями, повозскими судами (павозками), лодками и ладейками. С 1841 г. началось развитие пароходного сообщения.

В середине прошлого века по озерам ежегодно проходило от 300 до 400 судов. В 1863 г. через низовья р.Великой прошло 340 судов и 150 лесных плотов, на которых было 970 судовых рабочих (Сомов 1927: 57). В 1889 г. по р.Великой прошло свыше 120 судов с грузом (ЭС 1892: 749)

Волное сообщение Пскова с Нарвой осуществлялось по р.Великой и озерам с перегрузкой товаров на якорной стоянке в с.Сыренец, в истоке р.Наровы, перед Омутскими порогами с грузовых будар на плоскодонные павозки. Сыренец, расположенный на месте ливонского и шведского укрепления Нейшлот, неоднократно разорывшегося русскими войсками, был важным перекрестком водных путей. Псковские грузы везли на павозках по р.Нарове до пристани в д.Кульги, перед Нарвским водопадом, где перегружали на подводы, поставляемые по старинной привилегии д.Ювала, и везли для складирования в Нарве посуху, в объезд водопада. На купеческие корабли, стоявшие на рейде Нарвского порта, их доставляли местные жители своими лодками. При благоприятной погоде плавание до Сыренца занимало двое суток, а вся доставка до Нарвы около семи суток. При противном ветре или сильном

волнении сроки доставки грузов могли значительно затянуться (Жуковский 1851: 106, 123; Семека 1852: 91-93).

Из Пскова через Псковское и Чудское озера, р.Эмбах (Эмайыги) плавали также в Дерпт. С гдовского берега на лифляндский были устроены две переправы на бударах: из д.Пнево через самое узкое место Теплового озера и из д.Островцы через о.Желачек (д.Желачко на о.Пийри-саар), жители которого содержали перевоз (Жуковский 1851: 123).

Судовые грузы нарвской торговли были представлены значительными объемами льна, пакли, строевого и дровяного леса, алебаstra из Пскова и других прибрежных мест, английской солью в кулях, английскими и норвежскими сельдями в бочках, хлебом и другими товарами, развозимыми из Нарвского порта. В Дерпт водою везли различные товары из Петербурга. Общий оборот судоходства, пароходной навигации и лесосплава по р.Великой составлял в середине XIX в. от 1140000 до 1580000 руб. серебром (Семека 1852: 95).

В первой половине – середине прошлого века вся торговля водным путем из Пскова производилась псковским купечеством, но оно не имело собственных судов. Суда, плававшие между Псковом, Дерптом и Нарвой, были наемные и принадлежали жителям д.Сыренец и д.Скамьи, расположенным в истоке р.Наровы, на ее эстляндском и петербургском берегах. Жителей этих селений называли “ладейщиками”. Псковские купцы нанимали их вместе с судном, платя от 40 до 45 коп. с берковца льна, с куля соли 8 пудов весом, с бочки сельдей за доставку в Нарву или обратно, причем все затраты по перегрузке товаров ладейщики оплачивали сами.

Ладейщики из Скамьи и Сыренец сами строили суда: будары, полубудары, ладьи, павозки (повозские суда), ладейки, разной величины лодки. Они использовали строевой лес из Сорокового бора (Жуковский 1851: 256; Семека 1852: 92). Этот крупный лесной массив между Гловом и Середкой был знаменит преданиями о разбойниках и корабельной сосной, которую сплавливали к Чудскому озеру по р.Черная и р.Желча. Мелкие суда и лодки строились также в других прибрежных селениях Подлипье, Мтеж, Осотно на гдовском побережье, Александровский посад на о.Талабск, в Вейсенбергском уезде Эстляндской губ.

К концу века стали широко известны судостроители с.Подлипье, где этим промыслом занималась большая часть мужского населения. Ежегодный заработок на одного работника составлял в среднем около 100 руб. (меньше заработков судостроителей Новолодожского уезда Петербургской губ., но все же довольно значительная сумма). В с.Подлипье издавна строили и строят весь набор чудских лодок, различавшихся размерами в сажнях: троенки, пятеренки, гдовки, двуключинки. На них развозили грузы и товары в прибрежные и островные деревни, забирали сено с покосов, собирали урожай во время наводнений. В конце прошлого века в Подлипье строили специальные суда в виде барок: без палубы для дров и скрышей для перевозки хлеба (Семенов 1900: 175)¹.

К середине XX в. в с.Подлипье выросла судовой верфь колхоза “Наша жизнь”, где работало свыше 100 человек. Строили суда, сухогрузы, баржи, парусники. После Великой Отечественной войны восста-

1 Гловский р-н. д.Яктушино. 1959 г.: “У нас фсе большы барки делали” (ПОС, вып.1, 1967: 119).

новили весь рыболовецкий флот Псково-Чудского водоема. Затем промысел захирел. В 1980-х гг. остались всего два судоплотника: Анатолий Иванович Гулятьев и Сергей Матвеевич Волков, мечтавшие найти учеников для передачи секретов мастерства. (Мартынова 1986; ПОС, вып.1, 1967: 119)

Будары (пск. бударя, бударье) представляли собой деревянное парусное грузовое судно грузоподъемностью 6-10 тысяч пудов, иногда до 15 тысяч пудов. В других областях словом этим обозначали небольшие лодки. Псковские будары строились с палубой, имели киль, мачту и прямой парус, управлялись пятью ладейщиками. Стоило такое судно 1500-2000 руб. серебром. На этих судах осуществлялся основной объем грузовых перевозок по озеру (Семека 1852: 92; Даль 1994, т.1: 331; ПОС, вып.2, 1973: 195).

Полубудары и лады имели ту же конструкцию, но меньшие размеры. Грузоподъемность полубудар 2,5 – 4 тысячи пудов, до 6 тысяч пудов, экипаж – три ладейщика, цена – 750-1500 руб. серебром. У ладей грузоподъемность свыше 2 тысяч пудов, они управлялись двумя ладейщиками и стоили 200 -500 руб. серебром.

Для плавания по мелководью, по порожистой р.Нарове строились открытые плоскодонные лодки, называемые павозками (павозские суда), имевшие длину до 70 фут., ширину 15-18 фут. Грузоподъемность 1500-2250 пудов. Стоимость от 100-150 до 285-315 руб. серебром. Ладейки (грузоподъемность 900-1800 пудов, стоимость 160-300 руб. серебром) и лодки (грузоподъемность 450-600 пудов, стоимость 70-125 руб. серебром) отличались от павозок только меньшими размерами и ценой (Жуковский 1851: 106; Семека 1851: 92; Даль 1994 т.2: 679; т.3: 3,4).

В 1841 г. была выдана семилетняя привилегия дерптскому купцу Вегенеру на пароходство (Семенов 1900, т.III: 221) Он не выполнил условие по очистке р.Наровы от камней. После его смерти, с 1848 г. пароходство стало свободным. Пароход мощностью 30-35 л.с. перевозил ежегодно от 100 до 200 пассажиров и буксировал 4 грузовых (ластовых) баржи между Псковом, Дерптом и истоком р.Наровы. К 1880-м гг. по озеру плавало уже три парохода: “Dogpat” (мощность 60 л.с., длина 110 фут., ширина 23 фут.), “Peipus”, “Magia” (Случевский 1897: 154).

В Александровском посаде на о.Талабск, центре снетового промысла, также в небольших размерах занимались судостроением. Во время летнего лова там использовали рыбацьи лодки: мутницы и подъезды (или водовицы). Подъезды (водовицы) служили для вывоза больших запасов-неводов, имели грузоподъемность 60-150 пуд., стоимость 20-60 руб. серебром, изготавливались из сосновых досок. Обычно их покупали в Гдовском уезде, у судостроителей из д.Мтеж, Осотно, Сыронец, но часть их делали местные жители из привозного леса. Большие сани для укладки и перевозки невода назывались водовиками (Семека 1852: 102; Даль 1994, т.1: 537; т.3: 562; ПОС, вып.4: 77).

Кроме того, имелись ладейки грузоподъемностью 400-1000 пудов для перевозки дров, строевого леса, плиты, кирпича, соли, снетков и пр. На них везли из Гдовского уезда 4-4,5 тысячи кв.саж. дров для снетосушильных печей и корзины из сосновой щепы для снетков.

Судоходство и судостроение продержались в бассейне Псково-Чудского озера до середины XX в., хотя в статистической отчетности 1910-1920-х гг. они уже не упоминаются. Пароходы с причальными баржами постепенно вытесняли суда традиционных типов. Под влиянием

индустриализации традиционный промысел утратил значение.

Бассейн р.Ловать (Холмский и Великолукский уезды)

Вторая крупная зона развития судового и судостроительного промыслов располагалась на юго-востоке Псковской губернии, в бассейне р.Ловать. Центром ее была пристань г.Холма, при впадении р.Кунья в р.Ловать, и прилегающие волости Холмского, Великолукского и Торопецкого уездов.

Р.Ловать считалась судоходной от пог.Марьино, р.Локня — выше пог.Локно, р.Смота — от слияния Б. и М. Смот при дер.Серки, р.Кунья — от пог.Галибицы, р.Сережа — ниже пог.Волок. Судоходство было возможно только во время половодья, в течение примерно трех недель после вскрытия рек.

В Холме нагружали и сплавляли в Петербург барки и другие суда с хлебом, льном, дровами, строевым лесом. В течение всего прошлого века помещичьи и прочие лесные дачи по берегам Ловати и ее притоков хищнически истреблялись на дрова для столицы. Довершившие дело беспощадные порубки времен гражданской войны, когда дрова вновь стали единственным видом топлива для бытовых, транспортных и производственных нужд региона и Петрограда, окончательно изменили окрестный ландшафт.

По данным начала 1850-х годов, по этим рекам ежегодно отходит до 500 барок, в том числе 250-300 барок с дровами, 30-40 барок с лесоматериалами, около 100 барок с сеном, 40 барок с яровым хлебом, 3 барки с озимой рожью, 2 барки со льном, 1-2 барки с древесным углем, 50-60 порожних барок на продажу в посад Сольцы. С учетом сплава строевого леса (10-20 тысяч бревен на сумму около 15000 руб.), стоимости отправляемых в Петербург в сентябре фруктов (около 6000 руб.) и выручки от продажи на слом барок в Петербурге (около 15000 руб.) вывоз товаров по р.Ловать составлял около полумиллиона руб. серебром (Семека 1852: 64,65).

По данным 1863 г., прошло: по р.Ловати — 227 судов при 970 рабочих, по р.Кунья — 272 судна при 872 рабочих, по р.Локня — 7 судов при 36 рабочих, по р.Сережа — 32 судна при 178 рабочих. Общая стоимость груза превысила 1000000 руб. (Сомов 1927).

Вот как описывает судовой промысел г.Холма и его пристани в начале 1840-х гг. уездный деятель и автор краеведческих публикаций А.Война-Куринский: “Со вскрытием Ловати нагружается и сплавливается в С.-Петербург ежегодно купеческих барок с хлебом, льном, дровами, разного рода лесом до 250, ценностью груза на 300000 руб.сер.; помещичьих и других промышленников барок с дровами такое же количество и приблизительно на такую же сумму. Сверх барок, покупаемых у помещиков, в городе заготавливается и продается потребное количество мелких судов. Барка, поднимающая от 1000 до 1200 кулей хлеба девятипудового веса, стоит в покупке 145 руб. серебром; полубарка, поднимающая тяжесть от 4000 до 5000 пудов, — 115 руб. серебром. Сплав крупного леса производится большею частью в плотах. Лоцман за сплав судна от Холма до С.-Петербурга получает 40, а хороший работник 30 руб. серебром.” По словам Война-Куриновского, весной погрузка судов осуществляется вольнонаемными рабочими, причем мешане и окрестные крестьяне зарабатывают в месяц от 8 до 12 руб. серебром (Война-Куринский 1842: 163-166).

В судоходстве использовались суда различных наименований и

величины. Барки, полубарки, сеннухи, а также челны и лодки сооружались местными крестьянами. Барки, как сравнительно крупные суда, не могли вернуться в Холм по низкой воде. В Петербурге их продавали на слом за 1/5 цены. Возвращались с товарами только мелкие суда, закупавшиеся в Тверской и Новгородской губерниях. Поэтому требовалось ежегодное обновление основной части флота (Семека 1952: 60-62; Затеишиков-Второй 1895: 31-33).

Барки, сплавные плоскодонные грузовые суда для рек и каналов, имели длину до 17 саж., ширину до 3,5 саж., высоту до 3 арш. Грузоподъемность составляла до 15 тысяч пудов, осадка до 2,25 арш. Строили их из елового леса, который, по крестьянским представлениям, наименее подвержен гниению. Все связи делали на деревянных гвоздях. Барочный снаряд (якоря, снасти, паруса, канаты и веревки) доставляли водою из Петербурга. Работы производились, в основном, в зимнее время, чтобы успеть к началу навигации. Примерные трудозатраты на одно судно: 10 человек за две недели. Барки, специализированные для разных грузов, имели свои названия: дровянки, овсянки и другие. Стоимость барок определяется разными авторами от 125-180 до 200-250 руб. серебром.

Строительство барки от устройства клетки (городни) до спуска на воду, с перечислением вариантов названий всех судовых деталей детально описано В.И.Далем (Даль 1994, т.1: 124,125; ПОС, 1967, вып.1: 119).

Управлялась барка лоцманом и судовыми рабочими. Для прохождения порогов нанимали 30-40 рабочих за поденную плату в 20-30 коп., которые использовали багры и заднее рулевое весло. По чистой воде барка шла под парусом, управляемая экипажем до 6 человек. На каждой барке было спасательное средство — осиновый челн-долбушка.

Полубарки имели длину 12-13 саж., ширину 3 саж., высоту 2,5 арш., грузоподъемность 4-8 тысяч пудов при осадке в 1,5 арш. Они управлялись лоцманом, рабочими (20-25) при прохождении порогов и экипажем (3-5) по чистой воде. Стоимость составляла 100-125, до 170 руб. серебром.

Сеннухи — крупные лодки, перевозившие до 2 тысяч пудов сена. Они имели длину до 8 саж., ширину 3,25 саж., высоту 2 арш., осадку до 0,75 арш. Примерные трудозатраты на одно судно: 4 человека за две недели. Управлялись лоцманом и 12 рабочими.

Для судовых и хозяйственных нужд, организации переправ через реки местные крестьяне изготовляли также челны-долбушки (по-псковски долбанцы) длиной 2-5 саж. из осиновых бревен диаметром 12 верш., подымавшие до 5-6 человек. Стоимость их составляла 3-6 руб. Катамараны, составленные из таких челнов, назывались камяги и использовались вплоть до 1960-х гг.

Строили и более крупные лодки с килем, подымавшие до 20 человек и стоившие свыше 10-15 руб.

Использовались также мелкие речные суда, изготовлявшиеся в Тверской и Новгородской губернии: тихвинки или сомины, а также осташевские лодки, которые, в отличие от барок, имели возможность возвращаться из Петербурга осенью с необходимыми для жителей Холмского и соседних уездов грузами: солью, барочным такелажем, товарами для лавочной торговли (Семека 1852: 63, 64; Даль 1994, т.4: 385, 769).

Тихвинки или сомины имели длину в 8-12 саж., поднимали до 3 тысяч пудов груза при осадке 0,75 арш., управлялись лоцманом и 2 рабочими. Стоимость составляла 80-100 руб. Ежегодно из Холма отплы-

вало и возвращалось с обратным грузом до 50 таких судов. Тихвинками их называли по Мариинскому сообщению, соминами — на р.Шексне.

Осташевские лодки имели длину 3-5 саж., поднимали 30-75 девятипудовых кулей (270-650 пудов) при осадке 0,5-0,75 арш., управлялись 1-2 судовщиками. Стоимость их от 20-30 до 60-70 руб. серебром. Ежегодно, в сентябре яблочные промышленники скупали в Холмском, Великолуцком и Торопецком уездах фрукты, свозили их к берегам р.Ловати ниже Лабынских порогов и отправляли несколько осташевских лодок, груженных яблоками, в Петербург.

Объемы барочного промысла в бассейне р.Ловать были значительны и в натуральном, и в денежном выражении. В середине века здесь сооружалось до 300 больших, ценою до 250 руб., 150 средних, ценою около 115 руб., 50 малых, ценою около 85 руб., судов общей стоимостью до 65000 руб. серебром. В конце века стоимость готовой барки составляла 180-200, до 250 руб. серебром. Судостроительством занимались десятки деревень и сотни крестьян. Из 500 барок 25-30 сооружались в Великолуцком уезде, остальные в Холмском (Семека 1852: 299; ПГВ 1860)

Барки строили на р.Ловати — в Черпесском приходе Лосевской волости (Великолуцкий уезд), в приходах Немчиновском, Троице-Хлавицком, Темноборском и Макаровском, на р.Локня — в приходах Локонском и Троице-Хлавицком, на р.Смоте — в д.Серки, на р.Кунье — в приходах Галибицком, Спас-Прилуцком и Зуевском, на р.Сережа — в приходах Волоцком и Зуевском (все — Холмского уезда). Сеннухи строили на р.Локня, в Зезюлинской волости Холмского уезда.

В Троице-Хлавице-Зуевской волости барочным промыслом занимались 310 крестьян в 62 селениях, в Макаровско-Темноборской волости — 110 (включая 20 женщин) в 13 селениях, в Галибице-Немчиновской волости — 18 в 3, в Медовской — 5 в 3. Лес для строительства покупали у местных землевладельцев по ценам от 50 до 70 руб. для одной барки, а при собственной рубке — от 30 коп. до 1 руб. за пень.оборотный капитал для закупки материала был только у зажиточных крестьян “барочников”, которые заключали договора с местными купцами и другими владельцами, получали задатки 25-50 руб. под расписки, организовывали всю работу. При срыве поставки дело доходило до выплаты неустойки или судебного разбирательства (Затейщиков-Второй 1895: 31,32).

Расцвет судоходства и барочного промысла, существовавших здесь издревле, приходится на период 1850-1860-х гг., когда здесь ежегодно сооружалось и отплывало от Холмской пристани до 500 судов. К концу века его объемы уменьшились до 300 судов. В XX в. его окончательно вытеснило развитие железнодорожного сообщения.

Бассейн р.Шелонь (Порховский уезд)

Судоходство по Шелони осуществлялось от пристани посада Сольцы. Его развитие связано с торговлей льном и хлебом, скупавшимися в Порховском и смежных уездах солецкими, порховскими и опочецкими купцами для продажи в Петербург. В середине века от Сольцов ежегодно отправлялось до 50 полубарок, 30 тихвинок (сомин) и осташевских лодок с грузом льна или пакли на сумму 800-1000 тысяч руб. серебром. В 1863 г. прошло 150 судов и 4 плота с 534 рабочими (Семека 1852: 72,73; Сомов 1927: 57).

Суда отправлялись весной, в половодье. За сутки, под парусом

добирались до Новгорода, а к концу июня — началу июля до Петербурга. При противном ветре мелкие суда выжидали, полубарки спускались по течению с помощью заднего весла. Полубарки не могли вернуться в Сольцы по низкой воде и продавались в Петербурге на слом.

Судопромышленники составляли вторую по численности после льноторговцев группу жителей посада. Псковский статистик С.П.Бочков сообщает, что судовладельцев более ста. Они имеют длинные, узкие, невысокие лодки грузоподъемностью от 1 до 5 тысячи пудов для плавания по Ладожскому каналу. За доставку грузов в Петербург берут до 250 руб., причем владельцы более мелких судов успевают сделать за весну, лето и осень два-три оборота. По его словам, порядочный доход ведет к разгульному образу жизни. Получив в Петербурге плату, многие пропиваются по трактирам до закладывания лодок, другие, вернувшись домой, гуляют всю зиму. Вокруг судопромышленников в Сольцах кормится много наемных работников: лоцман за сплав до Петербурга получает 15-20 руб., рабочий — 10-15 руб. (Бочков 1864: 80, 81).

Берега Шелони, плотно заселенные еще словенцами новгородскими, безлесны, поэтому все суда были покупными. Полубарки грузоподъемностью до 5 тысяч пудов заказывали в Холмском уезде, тихвинки (сомины) и осташевские лодки закупали в Тверской и Новгородской губ.

Пережив расцвет в середине XIX в., местный судоходный промысел захирел вместе с ловатским судоходством, вытесненный развитием железнодорожного транспорта.

Бассейн р. Западная Двина (Торопецкий уезд)

Западная Двина считалась судоходной от впадения р. Каспли и р. Межи до г. Риги в ее устье. По ней плавали довольно крупные парусные суда: шкуты, струги, барки. Из уездного г. Велижа близ устья р. Межи шли суда с грузом 8-10 тысяч пудов. Судостроительством и работой на судах в Витебской губ. было занято до 15 тысяч человек. Строительство барок, стругов и шкутов было главным промыслом витебских мещан. В 1860 г. им занималось 50 мастеров в 7 мастерских. Барки и лайбы строили также на р. Меже, в Велижском уезде. Но большие суда не могли подниматься в верхнюю часть течения Западной Двины и по ее притокам (Семенов т.1, 1863:474-477).

Торопецкое судоходство начиналось от пристани Устье, при впадении в Западную Двину р. Торопы. Торопецкие купцы отправляли водным путем в Ригу продукцию своего уезда: хлеб, льняное семя, полосное железо, сырые кожи, деготь, мездриной клей. В первой трети XIX в. в Ригу отправлялось до 8 полубарок грузоподъемностью 7-8 тысяч пудов, в 1840-е гг. их число упало до 1-2. Затем торопецкое судоходство прекратилось из-за полного упадка торговой деятельности местного купечества. В 1863 г. на Западной Двине в пределах Торопецкого уезда был зафиксирован только лесосплав (стоимость леса 28000 руб.): 650 плотов при 1300 рабочих (Семяка 1952: 43, 44; Сомов 1927: 57)

Судоходство осуществлялось полубарками, которые сооружались помещичьими крестьянами из д.Абросковой и д.Щелкиной, Пожогского прихода, на р.Торопе, в 20 в. от Устья. Крестьяне покупали лес из помещичьих дач, строили полубарку вдесятером за 14 дней, продавали ее купцам по цене около 150 руб. серебром. Купцы нанимали из торопецких крестьян лоцмана и 20-25 человек рабочих, выплачивая за сплав до Риги лоцману 50-60 руб., рабочему 8-12 руб.

Готовые полубарки спускались порожняком до Устья, где их нагружали товаром, доставленным сухим путем из Торопца, и отправляли в Ригу. Они плыли по течению, используя парус, руль и большие весла “дрыгалки”. При благоприятных условиях путь от Устья до Риги занимал 12 дней, обыкновенно — 12-15 дней. В Риге полубарки продавали на слом, так как они не могли вернуться назад по низкой воде из-за порогов.

Бассейн р. Западная Двина (Себеж и Усвяты)

Уездные города Невель и Себеж, а также мест. Усвят (пос. Усвяты) относились до 1924 г. к Витебской губ. Выдвигались проекты строительства каналов для их более активного участия в торговле по Западной Двине. В 1705 г. Петр I, будучи в Невеле, предлагал устроить канал между р. Еменкой и Езеришем, для соединения р. Оболи с Западной Двиной. В 1811 г. проектировался канал Себеж — Западная Двина. Но все проекты остались неисполненными.

Жители Усвят вели значительную торговлю с Ригою, строили лайбы и лодки. Весною, в половодье они сплавливали по р. Усвяче до г. Сураж на больших лодках кожи и зерновой хлеб, лен и льняное семя, а также лес в плотах. Фрахт на 1000 пуд. хлебного груза по Западной Двине от Усвят в Ригу стоил 10,51 коп. Суражские мешане гнали суда по Западной Двине в Ригу. В 1899 г. с пристаней на р. Усвяче ушли 54 судна с грузом 152 тыс. пуд. и 301 плот (Семенов 1905: 326, 332, 465; ЭС 1902: 956).

Себеж был связан через оз. Ороно и Себежское — р. Угоринку — р. Свольня — р. Дриссу с Западной Двиной, причем р. Свольня соединялась с Себежским оз. целой системой озер и речных протоков между ними. Себежское купечество поддерживало фарватер для прохода озерными протоками в Свольню (Географическое 1888: 18).

Купцы и промышленники вывозили из Себежского уезда чесаный лен в полупудовых пучках, льняное семя, зерновой хлеб и муку в мешках или кулях. Из Риги везли соль, селди, бакалейные товары и прочее.

Себежское судоходство осуществлялось наемными лодками — “лайбами”, принадлежавшими латышам. Латвийская или финнская лайба (новгородская лойва) — большая парусная лодка с одной-двумя мачтами, иногда с палубою. Этим же словом в северных губерниях называли крестьянские сани (Даль т.2: 605)

Лайбы имели длину от 3 до 4 саж., ширину 2-2,5 арш., грузоподъемность от 40 до 100 пудов или до 10 берковцев льна. Вверх по Двине лайбы плыли артелью. Большие лодки тянули бечевою, малые плыли на веслах или баграх. При попутном ветре устанавливали парус с шестом. При перемене ветра устраивали стоянки на несколько дней в ожидании благоприятной погоды. Лодки привязывали к колям, вбитым в землю. Кладь укрывали навесами из парусины. На кострах готовили горячую пищу. Обратный путь вниз по течению был менее трудоемким. При понижении уровня воды на Двинских порогах товар перегружали в телеги и доставляли в пункты назначения посуху (Без-Корнилович 1854: 141, 142)

Несмотря на огромные трудозатраты, опасные валуны и пороги двинская торговля была делом выгодным. Например, в Торопецком уезде хлеб покупали по 3 руб. 50 коп. — 3 руб. 75 коп. за четверть, а продавали его в Риге по 5 руб. — 5 руб. 50 коп. Резкое сокращение

оборотов речной торговли связано со строительством железных дорог. Так, себежское судоходство прекратилось после постройки Динабургско-Витебской железной дороги.

Этнокультурные традиции в судовом промысле и судостроении

В судовом промысле и судостроении Псковского региона отчетливо прослеживаются зоны озерного судоходства в Псково-Чудском водоеме с низовьями рек Великая, Эмайыги и Нарва и речного судоходства в бассейнах рек системы оз.Ильмень и р.Западная Двина, различающиеся типами судов и их названиями. В этих различиях, очевидно, проявились природные особенности и хозяйственная целесообразность. В то же время, наличие локальных особенностей этого традиционного промысла может восходить к историко-этнографическому своеобразию земель, составивших территорию Псковской области.

Северо-восточное Причудье и псковское Обозерье с низовьями р.Великой, соответствующие Гдовскому уезду Петербургской губ. и Псковскому уезду Псковской губ., входили в состав Псковской земли, выделенной из новгородских владений в XIII-XIV в. и присоединенной к Москве в 1510 г.

Бассейны р.Ловать и р.Шелонь, входящие в систему оз.Ильмень, соответствуют Холмскому, Великолуцкому и Порховскому уездам Новгородской земли, объединенным с Псковом в качестве административного центра только в конце XVIII в. Между ними существовала прямая связь через оз.Ильмень. Наверное, не случайно в их судоходстве одинаковые типы судов и их названия.

Верхнее течение р.Западная Двина и ее приток р.Торопа относились в прошлом к Торопецкому княжеству, южной границей которого служила р.Межа. Торопчане XIX в. строили и использовали те же полубарки, что их соседи из Холмского и Великолуцкого уездов. Однако торопецкое судоходство прекратилось на полвека раньше, в связи с упадком торговли и городского купечества. Различия прослеживаются на уровне исторических судеб края.

Усвяты, с XII в. принадлежавшие Полоцкой земле и оказавшиеся с XIV в. под властью Великого княжества Литовского, и Себеж, выросший на русско-литовском пограничье и неоднократно переходивший из рук в руки, использовали лодки, характерные для двинской торговли.

Независимо от локальных особенностей, традиционный судовый промысел и судостроение в регионе пришли в упадок в результате индустриализации России. Во второй половине XIX — начале XX вв. их постепенно вытеснило развитие сети железных дорог, а также пароходства в Псково-Чудском водоеме и по Западной Двине. Железнодорожное сообщение было более дорогим, но быстрым и удобным. Оно не требовало таких огромных трудозатрат для перемещения грузов. Сначала пришло в упадок вместе с древним торгово-ремесленным центром торопецкое судоходство, затем исчезло себежское, захирели холмское и солецкое. Псково-Чудское судоходство продержалось до 60-х гг. XX в., но также разделило общую судьбу традиционных промыслов.

Без-Корнилович М.О. 1854. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VIII. Ч.1. Витебская губ. СПб.

Бочков С.П. 1864. Историко-статистические очерки Псковской губернии. Памятная книжка Псковской губернии на 1864 год. Псков.

- Война-Куринский А. 1842. Хозяйственное положение Холмского уезда Псковской губернии. // Псковские губернские ведомости. Прибавления. № 31 от 29.07.
- Географическое, сельскохозяйственное и этнографическое описание Себежского и Невельского уездов // Памятная книжка Витебской губернии на 1888 год. Витебск. 1888.
- Даль В.И. 1994. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-4. М.
- Дейч Г.М. Крестьянство Псковской губ. в конце XVIII и в первой половине XIX вв. Псков. 1957.
- Жуковский 1851. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.III. Ч.1. Санкт-Петербургская губ. Сост. Жуковский. СПб.
- Затейников-Второй Н.В. 1895. Кустарные промыслы сельского населения Новоржевского и Холмского уездов Псковской губ. // Памятная книжка Псковской губернии на 1895 год. Псков.
- Мартынова Е. 1986. Лодочных дел мастера // "Псковская правда" от 3.08.1986.
- ПГВ 1860 – Псковские губернские ведомости. № 6. 1860.
- ПОС – Псковский областной словарь. Вып. 1. Л. 1967; Вып.2. Л. 1973; Вып. 4. Л. 1979.
- Семека 1852. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.III. ч.1, 2. Псковская губ. Сост. Семека. СПб.
- Семенов В.П. 1900. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т.III. Озерная область. СПб.
- Семенов В.П. 1905. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, т. IX. Верхнее Поднесье и Белоруссия. СПб.
- Семенов П. 1863. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т.1. СПб.
- Случевский К.Н. 1897. По северо-западу России. Т. II. СПб.
- Сомов А.А. 1927. Псковская губерния (материал для использования в работе учреждений народного образования) // Псковское губернское методическое бюро. Бюллетень. № 2-3.
- Статистические сведения о Псковской губернии за 1840 и 1841 гг. // Псковские губернские ведомости. № 17-18. 1842.
- Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Т. II. СПб. 1772.
- ЭС 1882 – Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон. Т. 10 (Va). СПб. 1892.
- ЭС 1902 – Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон. Т. 68 (XXXIVa). СПб. 1902.

Северо-западная граница ареала культуры длинных курганов: некоторые проблемы расселения и хронологии

Разработка по-возможности точной, достоверной хронологии является одной из наиболее острых проблем в раннесредневековой археологии северо-запада России. Специфика раннесредневековой археологии Северной Руси заключается в том, что “хронологическая информативность” исследованных памятников минимальна. Очевидно только, что в середине I тысячелетия н.э. на северо-западе лесной зоны Восточной Европы появляется новое население, археологическими памятниками которого являются могильники с характерными валообразными насыпями — так называемые “длинные курганы”, давшие название самой культуре. Соотносящиеся с могильниками поселения были открыты и исследованы в большинстве своем лишь в последние десятилетия.

Одной из наиболее ярко выраженных черт культуры длинных курганов на Северо-Западе является приуроченность их к боровым ландшафтам, соответствующим, как правило, озерно-ледниковым отложениям. По В.В.Седову, население, продвинувшееся из районов Среднего Повисленья в середине I тысячелетия н.э. вследствие неблагоприятных климатических условий на северо-восток, вплоть до бассейнов озер Псковского и Ильменя, предпочитало селиться на возвышенных местах, безопасных при наводнениях (Седов 1994: 127-137). Вряд ли такое объяснение достаточно. В последние годы на северо-западе Псковской области открыт и изучен целый ряд поселений второй половины I тысячелетия н.э. с соответствующими им могильниками. Поселения занимали в подавляющем большинстве случаев первую боровую или луговую (но не пойменную) террасу, то есть — располагались на сухом песчаном месте в непосредственной близости от воды (реки, озера или ручья). Таковы селища Крапивно, Горка, Каменка, Щепец, Подоспа, Забельское, Залахтовье и др. И в настоящее время эти места представляются вполне пригодными для поселения. По-видимому, заметных колебаний уровня вод на севере Псковской области со второй половины I тысячелетия н.э. не наблюдалось, в отличие от юга области, где в большинстве случаев из-за составляющих материк глинистых и суглинистых отложений преобладает иная гидрологическая ситуация.

Открытые поселения культуры длинных курганов были сравнительно небольшими — площадью в среднем около 2 тыс.м², хотя известны

и более крупные поселения — до 8 тыс.м² и даже до 13 тыс.м². Культурный слой на селищах невелик — 0,1-0,4 м. Его составлял, как правило, слабо- или среднегумусированный песок. Могильники, входящие в единый комплекс с селищами и расположенные в большинстве случаев рядом с ними, содержали от нескольких до 2-3 десятков (в ряде случаев и более) курганов. Большинство могильников все же не удается пока связать с соответствующими им селищами, так как первые располагались чаще всего на некотором расстоянии от водоемов — как правило, у дорог, идущих по бору. Причем, наиболее ранние валообразные насыпи вытянуты в подавляющем большинстве случаев вдоль дороги, хотя бывают и исключения.¹

Вероятно, уже на раннем этапе колонизации Северо-Запада у носителей культуры длинных курганов сформировались определенные представления о культурном и территориальном единстве. Наиболее ярко это выражается в том, что на крайних рубежах ареала распространения культуры создаются городища, контролирующие границы и основные пути, ведущие в земли длинных курганов. В целом граница распространения памятников культуры длинных курганов на Северо-Западе совпадает с границей распространения хороших песчаных почв с соответствующей боровой растительностью. Представляется, что некоторые городища (напр.: Сторожинец и Сорокина Горка в Восточном Причудье) были специально вынесены как форпосты за пределы привычных носителям культуры сплошных боровых ландшафтов.

Хронология культуры длинных курганов традиционно опирается на датировку немногочисленных предметов погребального инвентаря. В.И.Сизов, раскопавший в 1892-1903 гг. несколько десятков курганов в Смоленской губернии, отнес их к славянским памятникам VII-VIII вв. на основе найденных в них эмалевых украшений (Сизов 1902: 81-82). А.А.Спицын, отмечая, что вещи из раскопок Сизова находят аналогии в литовских курганах и люцинском могильнике, отнес смоленские длинные курганы к VIII-IX вв. (Спицын 1903: 196). Отмечая идентичность обряда, устройства насыпей и погребального инвентаря в псковских длинных и круглых курганах с сожжениями, Спицын отнес их к древностям западных кривичей X в., а смоленские длинные курганы датировал IX-X вв. (Спицын 1903: 198-199). Н.Н.Чернягин, раскапывавший могильники культуры длинных курганов в Восточном Причудье, датировал наиболее ранние насыпи в могильнике Городня, Безьва-III и Володи V-VI вв. (Чернягин 1938), а время существования культуры длинных курганов в целом определял в пределах VI-IX вв. (Чернягин 1941). С.А.Тараканова попыталась перенести начальную дату культуры длинных курганов в II-III вв. н.э. (Тараканова 1954: 77-110), однако датировки отдельных памятников и культуры в целом, предлагавшиеся Таракановой подверг справедливой критике В.В.Седов (1960: 49-51; 1974: 8). П.Н.Третьяков расширил границы бытования культуры длинных курганов, определяя их в пределах от IV-V до IX-X вв. (Третьяков 1953: 233). В.В.Седов (1974) определял хронологию культуры VI-X вв., отмечая, что курганы VI-VII вв. известны только на Псковщине, а в Смоленской и Полоцкой землях обычай сооружать длинные курганы

---

¹ Иногда поселение, связанное с могильником, находящимся вдалеке от воды, удастся найти, пройдя от него кратчайшим путем по древней дороге к водоему.

возникает только в конце VII — начале VIII вв. Позднее Седов опустил раннюю дату культуры длинных курганов в первую половину I тысячелетия н.э. (Седов 1994: 127-137).

Независимую от субъективных мнений исследователей картину расселения носителей культуры длинных курганов на Северо-Западе дает радиоуглеродный метод. За 10 лет в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН было датировано 195 образцов из раскопок памятников раннего железного века и культуры длинных курганов. Датированием было охвачено 32 поселения и городища: относящихся к раннему железному веку — 15 (количество датировок — 35), к культуре длинных курганов — 21 (количество датировок — 65). Датировано 43 кургана и грунтовых погребений в 24 могильниках культуры длинных курганов (всего 95 датировок). Для памятников такого масштаба, как Псковское и Труворово городища, также впервые были получены серии из 27 и 15 радиоуглеродных датировок соответственно.² Радиоуглеродный метод и археологические данные позволили не только выделить ряд ранних комплексов культуры длинных курганов псковско-новгородской группы, но и дали основание для уточнения процесса освоения носителями культуры длинных курганов Нижнего Повеличья и Причудья — будущего ядра средневековой Псковской земли.

Перечислю полученные радиоуглеродным методом ранние датировки памятников культуры длинных курганов. Верхний ярус оборонительных сооружений на городище Сторожинец (Попов, 1989) датируется серединой — концом VI в. Жилая срубная постройка на том же городище датирована серединой — первой третью VII в. Погребения № 1 и 2 под насыпью длинного кургана № 18 в могильнике Березно (раскопки С.Л.Кузьмина) были совершены в интервале 550-580 гг. Подпрямоугольный в плане курган № 231 в могильнике Залахтове с одним детским впускным погребением (раскопки автора) датируется 500-525 гг. Курган в могильнике Заозерье с наибольшим вероятием относится к первой трети VI — началу VII вв. Несколько более поздним временем датируются: погребальная площадка № 1 с подсыпкой в могильнике Надозерье-1 (первая треть — середина VII вв.); постройка на селище Заозерье (первая половина VII в.); комплексы, связанные с железодельным производством, на селище Горка, (начало — третья четверть VII в.). К раннему времени относятся также: курган № 3 в могильнике Гринино-1 Тверской области (вторая половина V — первая треть VI вв.), в котором были найдены две В-образные пряжки; ряд

---

2 Отработанная в ИИМК РАН методика датирования памятников раннего средневековья, проведенное сопоставление серий радиоуглеродных определений для дендрохронологически датированных древесных образцов VIII-X вв. из раскопок Древнего Новгорода, Старой Ладogi, Пскова и поселений Латвии с современными калибровочными данными способствуют созданию четкой хронологической картины в рассматриваемом регионе (Попов С.Г., Зайцева Г.И. 1994. с. 164-183). Модернизированная калибровочная программа (Groningen 20.0, 1995 г.) позволяет проводить все хронологические построения на календарной временной шкале. Серии калиброванных датировок ряда систематически изучавшихся раскопками погребальных и поселенческих памятников позволяют вести сопоставление их археологических комплексов, обладая независимой информацией о их достоверной календарной атрибуции. Программные средства позволяют получить суммарный календарный интервал для серий калиброванных радиоуглеродных датировок, относящихся к одному и тому же археологическому комплексу. Таким образом, анализ серийных результатов позволяет сузить календарный диапазон функционирования объекта датирования.

погребальных памятников, раскопанных на северо-восточной границе ареала длинных курганов (V-VI вв.).

Таким образом, радиоуглеродные датировки ранних памятников культуры длинных курганов не опускаются, за редким исключением, ниже середины V — начала VI вв., что в целом подтверждает нижние хронологические рамки культуры. Учитывая достаточно редкие находки в длинных курганах В-образных рифленых пряжек (Полибино, датированный курган Гринино-1) можно предполагать либо возможность удревления культуры до первой — третьей четверти V в. (Бажан, Каргапольцев 1986: 129-138), либо запаздывание попадания в комплексы находок таких пряжек.

Данные о ранней хронологии отдельных длинных курганов не могут свидетельствовать о местном, сугубо неславянском происхождении культуры. Радиоуглеродные датировки и археологические наблюдения на некоторых городищах и поселениях свидетельствуют о хронологическом разрыве между их заселением в раннем железном веке и во второй пол. I тысячелетия н.э. Так, на городище Сторожинец радиоуглеродные датировки оборонительных сооружений раннего железного века укладываются в интервал III(II)-I вв. до н.э., в то время как носители культуры длинных курганов обитали на городище в третьей четверти I тысячелетия н.э.³ Результаты многолетних раскопок на Псковском городище позволяли считать, что здесь сетчатая керамика раннего железного века доживала до середины I тысячелетия н.э., то есть — до времени длинных курганов. Но две радиоуглеродные датировки настила в черном слое над предматериком (620-685 гг.) и сгоревших бревен на предматерике (275-470 гг.) с достаточно высокой долей вероятности дают разрыв величиною примерно в два столетия.⁴

Значительно большее количество радиоуглеродных датировок получено для памятников культуры длинных курганов более позднего времени. Большие серии датировок относятся к курганам. Наиболее ранний из раскопанных в могильнике Сторожинец (составляет один археологический комплекс с городищем) длинный курган № 25, суммарно датируется 670-725 гг., причем датировку подтверждает сравнительно многочисленный погребальный инвентарь (Попов 1992а). Круглый курган № 7 в том же могильнике, по данным радиоуглеродного анализа, был возведен в последней четверти IX — конце X вв., удлиненный курган № 2 — в 890-1000 гг. Курганы № 1, 7 и 8 в могильнике Которск-XII были сооружены, по данным радиоуглеродного анализа, во второй половине IX — первой трети XI в., что хорошо подтверждает датировка предметов погребального инвентаря. Датировки образцов с поселения Которск, на котором преобладают материалы культуры сопков (Кузьмин 1991), укладываются в календарный диапазон от конца IX до начала XI вв. Календарные интервалы радиоуглеродных датировок дендроспиллов из раскопа 1992 г. на Псковском городище хорошо соответствуют порубочным датам: 860 и 938 гг. Радиоуглеродные датировки поздних трупосожжений из раскопов на ул. Ленина в Пскове (погр. № 70: конец X — начало XI вв.; погр. № 60: 1040-1104 гг.)

3 Замечу, что один из образцов угля из нижнего яруса оборонительных сооружений Сторожинца был датирован в целом ряде лабораторий, и результаты независимо проведенных анализов совпали.

4 Материалы раскопок В.Д. и С.В. Белецких 1992 г.

уверенно совпадают с датировками комплексов по инвентарю (Попов 1996: 178-181).

Замечу, что никаких лакун в освоении территории между ранними памятниками V-VI вв. и поздними памятниками VII-X вв. не наблюдается.

Датировки отдельных комплексов фиксируют стадии перехода от обряда сожжения к обряду трупоположения. Таков курган № 3 могильника Сторожинец, в котором поздние сожжения сочетаются с тремя впускными женскими погребениями: богатый погребальный инвентарь подтверждает суммарный интервал функционирования всего комплекса 1050-1220 гг. В курган № 11 с двумя сожжениями, ранняя стадия сооружения которого датируется радиоуглеродным методом 976-1026 гг., было впущено мужское погребение в яме, прорезавшей насыпь кургана и материк; по инвентарю впускное погребение датируется временем не позднее XII в. В насыпи кургана встречены крестопрорезные бубенчики и сердцевидные поясные бляшки, относящиеся, очевидно, к полностью разрушенному трупоположению, по которым оно могло бы быть датировано временем около 20-40-х годов XII в.⁵ Таким образом, два трупоположения в Сторожинском могильнике оказываются одними из самых ранних среди раскопанных к настоящему моменту погребальных комплексов в Восточном Причудье.⁶

Итак, радиоуглеродный метод подтверждает археологические датировки ранней стадии развития культуры длинных курганов и определяет хронологический разрыв на отдельных поселениях между слоями с соответствующими ей материалами и слоями с керамикой раннего железного века. Массив датированных памятников позволяет конкретизировать во времени тенденции в изменении погребального обряда, форм насыпей, проследить непрерывность развития культуры длинных курганов вплоть до включения ее в единую, формирующуюся с учетом воздействия местных традиций, древнерусскую погребальную культуру. Полное картирование памятников второй половины I тысячелетия н.э. с учетом данных их серийного радиоуглеродного анализа позволяют выделить наиболее ранние группы и сделать наблюдения о путях расселения в это время. Наиболее вероятно, что носители культуры длинных курганов, осваивая территорию восточнее Псковско-Чудского водоема, продвигались с юга и юго-востока на север и запад. Расселение шло по таким рекам, как Желча, Плюсса, Толба и др. и их притокам, начиная с верховьев (где концентрируются наиболее ранние памятники), вниз по течению. Первый этап колонизации происходил, вероятно, достаточно быстро. Волна переселения, докатившись до естественных границ боровых ландшафтов на севере и западе, очевидно, плавно откатилась назад, началось внутреннее расселение и более детальное освоение пригодных для жизни участков. Зачастую осваивались даже сравнительно небольшие боровые массивы, разделенные пойменными и заболо-

---

5 Датировка Ю.М.Лесмана.

6 Возможно, это не случайность: близ могильника расположено городище, на котором, помимо ранних слоев, исследованы напластования середины XII — середины XIII вв. Именно в это время городище представляло собой оборонительно-административный центр на рубежах новгородской земли — “сторожницу”. Возможно, определенным влиянием официальной новгородской идеологии и объясняется появление столь ранних трупоположений в могильнике, на позднем этапе соответствующем двум древнерусским селищам и обустроенной в сер. XII в. “сторожнице”.

ченными пространствами. Сравнительно высокая концентрация памятников встречается и в местностях, оторванных за счет своего географического положения от основных транзитных путей.⁷ В целом до последних веков I тысячелетия н.э. развитие культуры длинных курганов на северо-западе Псковщины шло обособленно от других частей ареала. Лишь в конце I — начале II тысячелетий н.э. носители культуры длинных курганов были вовлечены в процесс формирования древнерусской культуры. Под воздействием переселенческих импульсов из центральных районов Новгородской земли началось освоение территорий с землями более плодородными с точки зрения ведения сельского хозяйства, но более тяжелыми при обработке. Пошел процесс вторичного внутреннего расселения.

-
- Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. 1986. Хронология В-образных пряжек в Европе (к проблеме нижней датировки длинных курганов) // Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар.
- Кузьмин С.Л. 1991. Когорский погост — локальный центр конца I — начала II тыс.н.э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской Земли. М.
- Попов С.Г. 1989. Городище Сторожинец // КСИА. № 198.
- Попов С.Г. 1992а. Работы Гдовского отряда в восточном Причудье, бассейнах рек Плюссы и Желчи // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Попов С.Г. 1996. Комментарии к радиоуглеродным датировкам Псковского некрополя // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967-1991). Материалы и исследования. Том 1. Псков
- Попов С.Г., Зайцева Г.И. 1994. Ранние этапы заселения новгородской округи и нижние ярусы Новгорода по данным радиоуглеродного анализа // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.
- Седов В.В. 1974. Длинные курганы кривичей // САИ. вып. Е1-8. М.
- Седов В.В. 1994. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород.
- Сизов В.И. 1902. Длинные курганы в Смоленской губернии // Труды XI АС. Т.2. М.
- Спицян А.А. 1903. Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА. Т.V. Вып. 1. СПб.
- Тараканова С.А. 1954. Длинные и удлиненные курганы // СА. № XIX.
- Третьяков П.Н. 1953. Восточнославянские племена. М.
- Чернягин Н.Н. 1938. Отчет о раскопках в Псковском округе за 1938-1940 гг. // РА ИИМК РАН. ф. № 2. № 70, 70а.
- Чернягин Н.Н. 1941. Длинные курганы и сонки // МИА. № 6.

---

7 Таков, например, микрорегион в верховьях р.Желча (могильники Жеребятино, Безьва и др.). Естественно, что в подобных регионах развитие археологической культуры происходило несколько иными темпами и несло с собой некоторые архаические черты со своеобразной "местной окраской".

Многоцветие верхнепалеолитической эпохи

В истории развития мировой культуры особое место занимает эпоха верхнего палеолита, длившаяся около 30 тыс. лет. Она начинается в середине последнего ледникового периода примерно около 40 тысячелетия и заканчивается около 10 тыс. лет тому назад, когда континентальный ледниковый покров полностью покинул Восточно-Европейскую равнину и остался только в горах Скандинавии. Заключительный отрезок этого последнего вюрмского оледенения считается наиболее суровым в истории земли по своим климатическим характеристикам. Однако именно в этот период наблюдается бурный расцвет культуры охотников на мамонтов в пределах Евразии. Уже в самом начале верхнего палеолита возникает более усовершенствованная техника расщепления камня, направленная на получение правильных удлиненных тонких пластин, из которых можно было изготавливать более совершенные и разнообразные орудия труда: скребки, резцы, острия, проколки, ножи, наконечники копий и стрел и т.д. Широкое развитие получает обработка бивня и кости. Наряду с костяными орудиями труда появляется мелкая пластика, представленная самыми разнообразными предметами искусства — женскими статуэтками и фигурками животных, диадемами, браслетами и другими украшениями. Многие изделия утилитарного плана несут на себе богато орнаментированные рукояти, что свидетельствует о высоком эстетическом уровне их изготовителей. Тогда же появляются монохромные и полихромные наскальные росписи, а также гравировки, полные образности и символизма.

В эту же эпоху фиксируется резкое обогащение цветовой гаммы в палитре первобытных “художников”. Если в мустьерскую и ашельскую эпохи фиксируются лишь единичные редкие случаи использования красной краски, то в верхнем палеолите трудно найти хотя бы один памятник, где бы не было следов краски. Одним из характерных признаков культурного слоя становится его окрашенность в красноватый, розоватый или сиреневый цвет благодаря обилию красной краски в виде порошка, смешанного с суглинком и мелкими частицами древесного или костного угля. Судя по постоянному присутствию красной краски, можно полагать, что она играла значительную роль в жизни первобытного человека, причем не только в различного рода культовых обрядах, но и в искусстве, не связанном напрямую с магической семантикой.

Интенсивное распространение краски на широких площадях поселений указывает, по-видимому, на то, что она постоянно использовалась и в быту — люди раскрашивали свои тела и одежды, различные вещи. Об этом, к сожалению, можно судить только по косвенным

данным из этнографии, поскольку органические материалы в плейстоценовых отложениях в большинстве случаев не сохраняются. По этой же причине не осталось следов и органических красителей, которые, вероятно, широко использовались наряду с минеральными. Теоретически такое предположение допустимо. Еще до недавнего времени для получения различных красителей люди использовали более 60 видов растений, обитающих в пределах Евразии (Вахелайд 1972). Органические красители растительного происхождения до сих пор употребляются народами, оставшимися за пределами большого мира современной химии.

Но даже отбросив предположения и оставаясь на почве конкретных фактов, сейчас можно с уверенностью утверждать, что уже в эпоху верхнего палеолита охотники на мамонтов, носорогов и бизонов употребляли практически весь основной спектр красок (Праслов 1992). И более того, накопившиеся факты указывают на то, что путем смешения основных минеральных красителей в самых различных пропорциях, палеолитические люди научились получать различные тона и полутона.

При раскопках второго жилого комплекса Костенок I нами особенно пристальное внимание уделялось краскам. Собрано огромное количество образцов и установлено, что здесь использовались красные краски полного спектра, начиная от темно-вишневого и до светло-алюго, несколько вариантов черного, желтые, а также белая, зеленая и голубоватая. Красная краска выжигалась из железистых конкреций и представлена огромным количеством. В одной из небольших ямочек сохранилось около 3 кг очень чистой краски, не смешанной с суглинком. На дне другой более крупной по размерам ямки собрано более 25 кг краски, правда, уже не такой чистой. А в одной из аналогичных ям нами было выявлено 3 тонких прослойки, лежавшие в середине заполнения непосредственно друг над другом. Поверхность их была не ровной, а образовывала складки, аналогичные складкам на ткани или на тонкой коже. Прослойки очень четко очерчивали края и складки, сами по себе были очень тонкими и имели отчетливый розовый цвет, полученный смешением красной и белой красок в виде тонкого порошка или пудры. Положение этой розовой краски с фиксированными складками указывает на то, что она была нанесена, скорее всего, на тонкую кожу. Доказать это сложно, так как современными методами органические материалы не улавливаются.

Смешение красок широко применялось художниками в знаменитой французской пещере Ляско. Благодаря тщательному сбору образцов и всестороннему их исследованию в различных лабораториях, включая Смитсониевский институт в Вашингтоне и центр ядерных исследований в Гренобле, установлено, что здесь использовалось 12 красок, начиная от бледно-желтой до интенсивно черной. Почти все они состояли из минералов, измельченных до состояния порошка или пудры и обычно смешивались для достижения определенного тона. В качестве связующего вещества использовали пещерную воду, сильно обогащенную солями кальция, благодаря которой краски хорошо соединялись и давали большую стойкость. Совершенно неожиданным открытием для исследователей явилось то, что художники Ляско не только смешивали краски, но и искусственно получали необходимые тона. Например, компонентом одной из красок является фосфат кальция, который получается путем нагревания кости животного до 400°. Фосфат кальция затем смешивали с кальцитом, снова нагревали и получали четырехкальцитовый фосфат (Leroi-Gourhan 1982). Белая краска в Ляско, кажущаяся на первый взгляд

красноватой из-за загрязнения поверхности красной краской, получалась не из чистой фарфоровой глины, а из смеси глины (10 %), порошкового кварца (20 %) и порошкового кальцита (70 %). Подобным образом изготавливалась черная краска. В основе лежал измельченный порошок двуокиси марганца, который смешивался с древесным углем и железистой глиной. Все эти смешения минеральных красителей давали существенные варианты черных, желтых и красных красок. Например, черные краски варьировали от очень черного до серого оливкового цвета. Желтые краски давали тональность от ярко желтого до красновато-коричневого, а красные — от темно-красного до алого оттенка.

В Институте палеонтологии человека в Париже мне удалось изучить некоторые образцы минеральных красок из пещеры Ляско. Это в основном черные и желтые кусочки разной величины. Среди образцов черной краски имеются очень легкие, тонкие по структуре, на многих из них сохранились следы использования. Думаю, что это порошковидная краска на связующем веществе. Но здесь же имеются и крупные тяжелые куски со следами потертости, с вороненым оттенком. Они напоминают железисто-марганцовистые конкреции, которые являлись первичным сырьем для изготовления порошка. На одном из кусков (4 x 3 см) отчетливо видны следы соскабливания порошка, а на выступающей боковой грани — следы работы им в качестве своеобразного “карандаша”. На всех фрагментах желтой краски имеются следы скобления и обрезания их по контуру. Крупный кусок прямоугольной формы размерами 5 x 3,5 x 2 см имеет на поверхности следы замятости пальцами и тончайшие следы красной краски, перешедшей с нечистых рук.

В процессе работы над проблемой использования красок в палеолите приходится сталкиваться с большими трудностями. Во-первых, большей частью не удастся установить связующее вещество. Во-вторых, некоторые краски легко выделяются, например, красные и желтые, а некоторые — черные и белые — установить крайне трудно, так как они имеют большое сходство со многими естественными образованиями. Особенно это касается памятников на открытом воздухе. Мы долго не фиксировали присутствия черной краски из-за того, что она неотличима от угля или естественных марганцовистых натечков на костях, образовавшихся в процессе почвообразования. И только в 1976 г. при раскопках нижнего культурного слоя в Костенках 21 обратили внимание на то, что ребро мамонта с тонкими насечками густо покрыто красной краской, а под ней имеются следы черной краски. Красной краски рядом не было, следовательно она была нанесена обитателями стоянки, а черная краска не могла быть естественной — она тоже нанесена искусственно. Тогда же следы черной краски в виде узких полос по краям диадемы из бивня мамонта были установлены в Костенках 1.

Эти факты заставили по-новому пересмотреть искусство малых форм, встреченное на палеолитических стоянках. И хотя ревизия имела эпизодический характер, наблюдения оказались довольно интересными. Так, в верхнем культурном слое Костенок 1 имеются костяные и каменные изделия, окрашенные в красный или в черный цвет. Женские статуэтки, изготовленные из камня, окрашены красной краской. Они, как правило, разбиты еще в древности обитателями стоянки. Статуэтки из бивня мамонта сохранились лучше, и окрашены они в черный цвет.

Следы черной краски сохранились на многих женских статуэтках из Авдеева. Благодаря помощи М.Д.Гвоздовер, мне удалось просмотреть коллекцию костяных изделия из Авдеева, и на многих из них обнаружи-

лись следы окрашенности. Особенно выразительны следы черной краски на одном из обрубленных бивней. Четкие полосы шириной в палец вычерчивают сложную фигуру в виде тамгообразного знака.

В Костенках I имеется много случаев, когда красной и черной краской раскрашивались не только предметы искусства, но и бивни и плоские кости мамонта, входившие в конструкции кровли землянок. Например, в землянке на кв. 0469-70 бивни были окрашены красной краской, а в землянке бивни были окрашены в черный цвет.

Не менее выразительная картина наблюдалась в Мезинской стоянке. Там собрано много окрашенных красной и черной красками костей и костяных изделий, причем планиграфически они не совпадают по цвету. В комплексе, раскопанном в 1908-1914 гг., собраны замечательные фигурки из бивня мамонта, трактуемые разными исследователями по-разному: как фигурки птичек или женские изображения (Шовкопляс 1965). Они все окрашены в черный цвет. Здесь же найден браслет из бивня мамонта с резным орнаментом, окрашенный в черный цвет. Комплекс, раскопанный И.Г.Шовкоплясом в 1954-1961 гг., дал серию костей мамонта с росписью красной краской (Бибиков, 1981). Налицо планиграфическое несовпадение использования двух типов красок, которые всеми народами мира употребляются для противопоставления.

Серии окрашенных красной и черной красками изделий обнаружены также в коллекциях из Гагарино, Хотылево, Юдиново, Елисеевичи, Тимоновка на Русской равнине, а также в сибирской стоянке Мальта.

Мальтийские статуэтки окрашены в черный цвет двуокисью марганца. Особенно выделяется одна из них с хорошо моделированным черным лицом. На многих костяных изделиях из Мальты сохранились не только следы черной, но и красной краски, причем в качестве красящего пигмента здесь использовалась киноварь, а не железистые соединения. На основании изучения структуры красной краски на одном из предметов А.И. Косолапов (Эрмитаж) пришел к выводу, что краска претерпела искусственную обработку.

Приведенные факты далеко не исчерпывают всего разнообразия использования красок в верхнепалеолитическую эпоху. К сожалению, в большинстве публикаций такие сведения отсутствуют, и только в последнее время исследователи начинают пересматривать старые коллекции под эти углом зрения. Большинство народов мира придает большое значение семантике красок. Несомненно это относится и к палеолитической эпохе. Однако мы не можем напрямую интерполировать семантику того или иного цвета на палеолит, поскольку значение красок у разных народов сильно варьирует. Во многих случаях цветовая символика соотносится с противопоставлением полов и имеет социальную обусловленность. Для эпохи палеолита такие реконструкции представляются очень далекими и сложными, хотя и не бесперспективными. Особую роль в этой проблеме может сыграть детальный планиграфический анализ расположения окрашенных изделий.

Бибиков С.Н. 1981. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Киев.

Вахелайд Э. 1972. Окраска растениями. Рукоделие. Альбом 8. Таллин.

Праслов Н.Д. 1992. Использование красок в палеолите // КСИА. № 206.

Шовкопляс И.Г. 1965. Мезинская стоянка. Киев.

Legoi-Gourhan. 1982. The Archaeology of Lascaux Cave // Scientific American. V.246. № 6.

Дорогобуж на Горыни в X-XIII вв.

Я не был близко знаком с Василием Дмитриевичем Белеским. Встречались с ним на разных конференциях и на семинарах в Пскове в 1980-е годы. С тех пор не раз вспоминал его. Василий Дмитриевич из тех людей, которые притягивали к себе добротой, человечностью и громадными знаниями. Пусть земля ему будет пухом.

Городище древнего Дорогобужа находится в черте одноименного села Ровенской области Украины. Оно занимает северо-западный мысовидный выступ высокого коренного левого берега реки Горыни при впадении в нее ручья¹. На краю мыса расположен детинец площадью 1,7 га. С юга, с напольной стороны, он был защищен валом и рвом. Несколько параллельных валов защищали въезд на детинец с северо-востока (Раппопорт 1967: 65,66). С юга и востока к детинцу примыкает окольный город площадью 1,5 га. Он был укреплен валом высотой до 4-5 м и рвом шириной около 10 м. Южнее отмечены следы еще одной оборонительной линии: она ограничивала участок поселения (второй окольный город) площадью около 2 га. Посадские районы города занимали береговую возвышенность на юг и восток от городища (рис.1). С запада и севера естественным рубежом поселения была речная пойма, с востока — глубокий овраг и лишь с южной, напольной стороны, посадские районы на протяжении 300-350 м не имели естественной защиты.

Первые укрепления детинца Дорогобужа были сооружены в первой половине или середине X в. на месте славянского поселения VIII-IX вв. Новый поселенческий организм состоял из крепости и неукрепленного поселения. О том, что это была княжеская крепость, свидетельствуют некоторые ее характерные особенности. Укрепление имело значительные размеры (площадь 1,7 га) и было защищено мощным земляным валом, высотой 2,5 м на восточном участке. Застройка площадки осуществлялась в соответствии с определенным планом. Полуземляночные жилища располагались вдоль вала с интервалом 26-28 м и были ориентированы по линии оборонительных сооружений (рис.2). Такое же планирование застройки по периметру главной укрепленной линии имела княжеская крепость Ревне 1Б на Пруте (Тимошук 1982: 46). В жилищах и возле них отсутствуют ямы для зерна и других продуктов питания. Вероятно, гарнизон новой крепости снабжался всеми необходимыми продуктами централизованно. Находки глиняных сопел и железных шлаков в засыпке некоторых жилищ на детинце свидетельствуют о

¹ Археологические раскопки Дорогобужского городища проводятся экспедицией Ровенского краеведческого музея с 1972 г. (Прищепа, Никольченко 1996).

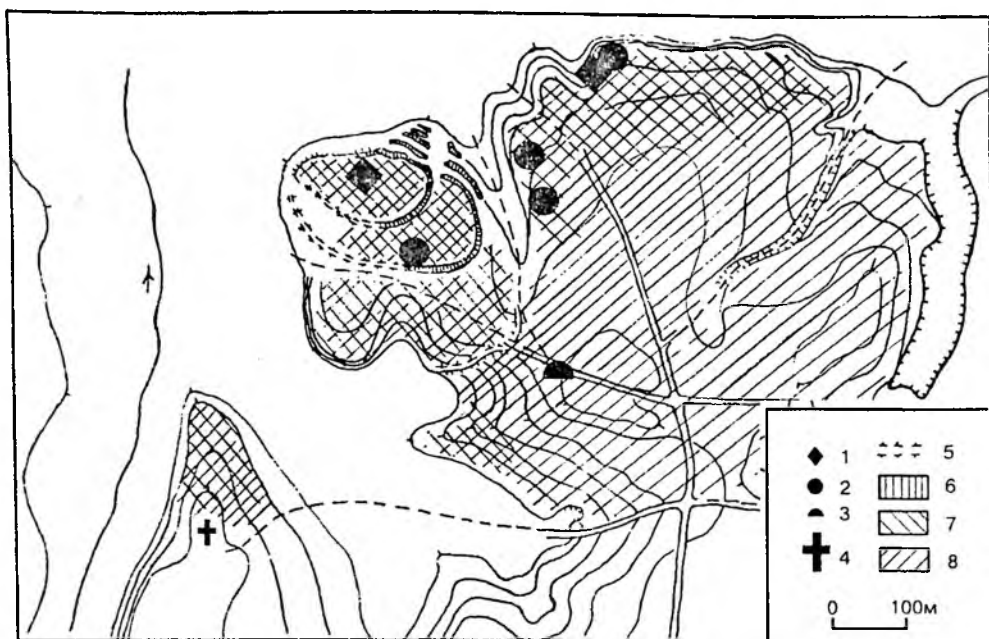

Рис. 1 Дорогобуж в X — первой половине XIII в. 1 — находки лепной славянской керамики VIII-IX вв.; 2 — постройки X в.; 3 — предположительное месторасположение курганного могильника; 4 — Успенская церковь; 5 — реконструированные участки вала; 6 — вал; 7 — участки с культурным слоем XI в.; 8 — участки, с культурным слоем XII — первой половины XIII в.

том, что среди жителей крепости были мастера, занимавшиеся железо-обрабатывающим ремеслом.

Рядом с крепостью, на юг и восток от нее, находилось значительное по площади поселение. На различных его участках, расстояние между которыми около 200 м, исследованы полуземляночные постройки с нишевидными печами, вырезанными в стенке, за пределами котлована. Собранные здесь находки свидетельствуют о существовании железообрабатывающего ремесла и пребывании в составе жителей поселения торговцев.

Крепость в Дорогобуже была построена в то время, когда активно проходили процессы формирования государственной территории Киевской Руси. Ядром нового политического образования была "Русская земля" в узком значении слова — земли между Десной на севере, Сеймом и Сулой на востоке, Росью и Тясмином на юге, Горынью на западе (Насонов 1951: 29), Именно здесь процесс строительства новых городов проходил наиболее активно (Толочко 1989: 67). Одним из таких центров установления власти киевских князей становится крепость в Дорогобуже, в которой пребывали представители княжеской администрации и воины-дружинники. Вместе с тем, археологические источники свидетельствуют, что в детинце и на посаде жили ремесленники и торговцы, которые вместе с воинами-дружинниками составляли социально активную часть раннегородских поселений раннего средневековья. Княжеская крепость в Дорогобуже была построена в густонаселенном районе, отличающемся плодородием почв. Высокий сельскохозяйственный потенциал округи, а также размещение на важном торговом пути из Киева к Владимиру-Волынскому, создавали необходимые условия для дальнейшего развития поселения.

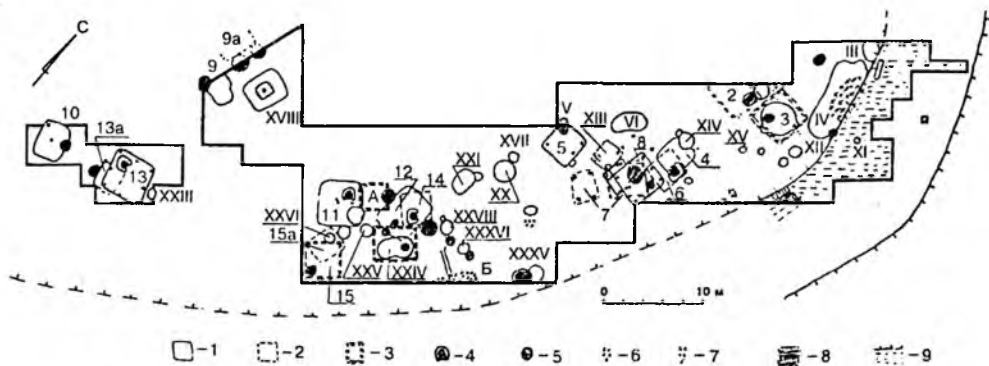

Рис. 2 Сводный план размещения построек в юго-восточном раскопе на детинце. 1 — углубленные в материк постройки; 2 — углубленные в культурный слой постройки; 3 — наземные постройки; 4 — глинобитные печи; 5 — печные поды; 6 — камни; 7 — железные шлаки; 8 — ступеньки, вырезанные в насыпи вала; 9 — исследованный участок вала.

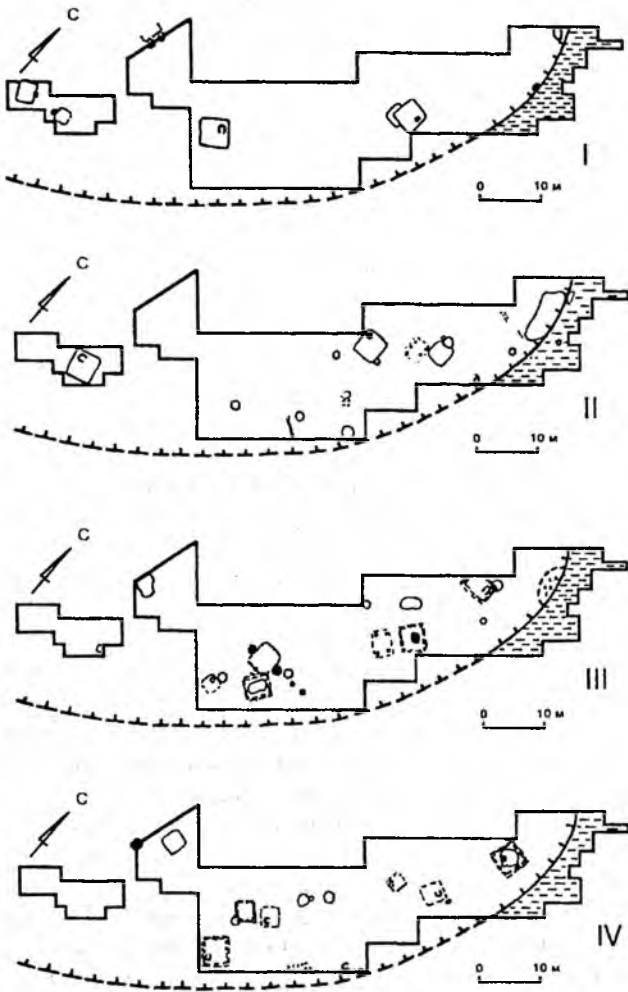
На втором этапе развития Дорогобужа (конец X — третья четверть XI в.) рядом с детинцем застраивается территория окольного города, защищенная с напольной стороны валом и рвом, площадью 1,5 га. Посадские районы расширяются на юг и восток, их площадь достигает 7-9 га. Следы поселения этого времени выявлены также возле Успенской церкви (рис.1). На детинце в начале второго этапа была проведена реконструкция укреплений: высота вала на восточном участке достигла 3 м. На его вершине находились деревянные укрепления. Они были сожжены в конце второго этапа, и их остатки выявлены в виде угольно-золистого слоя, перекрывавшего внутренний склон насыпи вала и отложения нижнего горизонта вблизи укреплений детинца.

Исследования в юго-восточной части детинца показали, что плановая структура застройки этого участка не претерпела существенных изменений. Новые жилища построены на тех же участках вместо более ранних построек (рис.3,1,II). Это полуземлянки каркасно-столбовой конструкции с печами глинобитными или вырезанными в материковом остане, оставленном в углу котлована. В конструкции некоторых печей применялся камень в стенках или для облицовки внутренней поверхности стенок топочной камеры.

На детинце выявлены признаки складывания городского двора. В пределах одной из усадеб исследованы жилище № 5, хозяйственные постройки № 4, 4а и зерновая яма. В отличие от предыдущего этапа, на усадьбах и в жилищах выявлены ямы для хранения зерна и других продуктов, найдены сельскохозяйственные орудия (серпы). Находки в тех же комплексах предметов вооружения и снаряжения всадника (наконечников стрел, гири от кистеня, шпоры) свидетельствуют о том, что владельцами этих усадеб были воины-дружинники. Полученные материалы, вероятно, фиксируют процесс оседания представителей княжеской дружины на землю. На втором этапе Дорогобуж развивается как княжеский замок — крепость, административный центр округа и центр феодального землевладения.

Третий этап развития Дорогобужа датируется последней четвертью XI — серединой XII в. Начало этапа связано с выделением города в удел Давиду Игоревичу в 1084 г. На детинце (деревянные оборонительные сооружения которого и многие постройки второго этапа развития

Рис. 3 Застройка площади юго-восточного раскопа на детинце Дорогобужа (по строительным периодам I-IV). Условные обозначения см. рис.2.

погибли во время пожара) с появлением князя были проведены масштабные работы по реконструкции крепости: усилены оборонительные сооружения, выкопан колодец глубиной около 20 м возведены новые жилые и хозяйственные постройки. Колодец остается одним из немногих ориентиров для определения месторасположения княжеского двора, вблизи которого он, вероятно, находился. Характер древнего рельефа детинца, размещение исследованных усадеб позволяют локализовать княжеский двор на юго-запад от колодца, на высоком участке, который был природно-географическим центром детинца (рис.4).

Исследованные в юго-восточной части детинца усадьбы, возможно, располагались с обеих сторон улицы, которая проходила по внутреннему периметру оборонительных сооружений детинца (рис.3, III). Усадьбы имели площадь 350-450 м², их границы почти не изменились по сравнению с предыдущим этапом. На усадьбах исследованы остатки

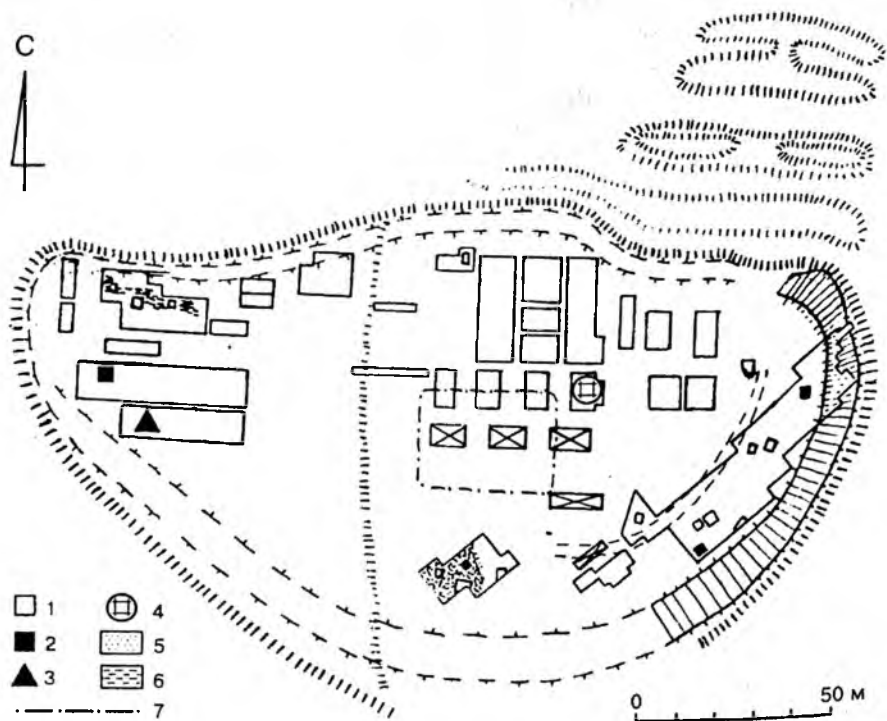

Рис. 4 Детинец Дорогобужа в первой половине XIII в. 1 — постройки; 2 — жилища, в которых выявлены оружие и снаряжение воинов-дружинников; 3 — следы металлообрабатывающей мастерской; 4 — колодец; 5 — подсыпка склона; 6 — скопление камней; 7 — вероятная территория княжеского двора.

жилого дома и двух-трех построек хозяйственного и производственного назначения. Жилища наземные, некоторые имели подклет или подвальное помещение с нишевидными печами. В жилищах и рядом с ними собраны изделия, относящиеся к дружинно-городской культуре: оружие, предметы снаряжения всадника и верхового коня, стеклянная и поливная посуда, стеклянные браслеты, северо-причерноморские амфоры, железные писала и граффити на стенках амфор. О высоком социальном положении владельцев усадеб свидетельствуют также выявленные остатки строительных жертв, при этом жертвенным животным был конь. Полученные данные позволяют определить владельцев усадеб как представителей военно-феодалной знати.

На усадьбах открыты следы развития вотчинного ремесла. В исследованной ремесленной мастерской (постройка № 7) изготавливали ювелирные изделия, готовили поливу, занимались обработкой кости. На окольном городе вместо жилища-мастерской предыдущего строительного периода было сооружено новое жилище-мастерская. Ее владелец занимался обработкой железа и цветных металлов.

На третьем этапе отмечен значительный рост территории Дорогобужа. Укрепленная площадь города достигает 5,5 га, на территории посада культурный слой этого времени отмечен на площади 12 га. В окрестности развиваются поселения возле Успенской церкви и вблизи села Подоляны, в районе вероятной переправы через Горынь.

Материалы Дорогобужа конца XI — первой половины XII в. иллюстрируют большинство рубрик археологической характеристики древнерусского города, разработанных А.В.Кузой (1989: 51). Не выявле-

но лишь богатых изделий, которые принадлежали князю и боярам, а также находок, которые засвидетельствовали бы монументальное строительство. Выделение Дорогобужа в особый удел, положение города как главного политико-административного центра Погорынья, создало благоприятные условия для его развития.

В начале четвертого этапа, вероятно во времена княжения в Дорогобуже Владимира Андреевича (1157-1170 гг.), были проведены значительные работы по реконструкции детинца. Западный склон был подсыпан, при этом увеличилась площадь центрального, возвышенного участка детинца. На исследованных усадьбах кроме главного жилого дома (наземного, отличающегося богатством инвентаря) находились еще одно жилище (с углубленной в грунт основой, содержащее небогатый набор инвентаря) и от двух до четырех построек хозяйственного и производственного назначения. Более четко прослеживается определенная плановая закономерность в застройке усадеб – жилые и хозяйственные постройки расположены по краям усадьбы, а ее центральная часть оставалась свободной от застройки (рис.3,II). Многие находки (разнообразное вооружение и снаряжение всадника, в том числе мечи, боевые топоры, железные и бронзовые булавы, шлем, дорогие украшения и бытовые изделия) свидетельствуют, что усадьбы принадлежали богатым воинам-дружинникам. Жилые постройки с бедным инвентарем, исследованные на усадьбах, вероятно были предназначены для проживания зависимых от владельца усадьбы людей, которые обслуживали хозяйство феодала.

В хозяйственных постройках среди находок встречаются инструменты для обработки дерева и кости, а также разнообразный сельскохозяйственный инвентарь – серпы, косы, детали плугов. Находки земледельческих орудий, а также погребов и зерновых ям свидетельствуют, что главные интересы владельцев усадеб находились за пределами города, в сельскохозяйственной округе, где были размещены их земельные владения.

На четвертом этапе площадь города увеличилась до 30 га. В это время на западной окраине города была построена Успенскую церковь. Следы монументального строительства отмечены на территории городища. На детинце найдены детали хороса, фрагмент колокола, а на околном городе – фрагмент известковой штукатурки с остатками мозаичного изображения.

На раннем этапе развитого феодализма, во второй половине XII – первой половине XIII в. Дорогобуж по археологическим и письменным источникам определяется как классический малый город Руси, который сформировался в русле феодального государственного пути развития.

-
- Насонов А.Н. 1951. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М.
Прищепа Б.А., Никольченко Ю.М. 1996. Літописний Дорогобуж в період Київської Русі. До історії населення Західної Волині в X-XIII ст. Рівне, 1996.
Рапопорт П.А. 1967. Восное зодчество западнорусских земель X-XIV вв. // МИА. № 140.
Тимошук Б.О. 1982. Дашьоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Київ.
Толочок П.П. 1989. Древнерусский феодальный город. Киев.
Куза А.В. 1989. Малые города Древней Руси. М.

Киевская медная ладоница с золотой наводкой

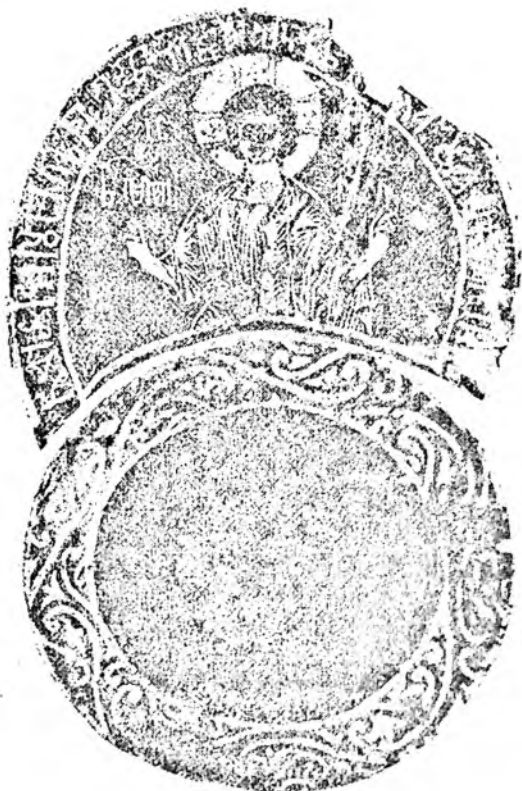
К уже известным образцам искусства золотой наводки в Восточной Европе прибавился еще один. В 1988 г. при археологических раскопках в юго-восточной части детинца Киева (ул. Большая Житомирская, 2) был найден сосуд, интерпретированный как чаша-дискос и датированный 1527 г. (Высоцкий, Боровський 1993: 125-129; Боровський, Калюк 1993: 38, рис.30,31). Сосуд обнаружен в погребении № 63 христианского могильника, лежал у левой ноги погребенного мужчины 45-55 лет. Изделие оказалось в сильно деформированном виде, было покрыто толстым слоем зеленой патины, через которую едва угадывались нанесенные на поверхность рисунок и орнамент¹.

Предмет представляет собой полусферическую чашу овальной формы (17,5 x 19,5 см) с обрамлением шириной 3 см. Снизу прикреплен поддон в виде кольца сложной конфигурации в разрезе; диаметр поддона составляет менее половины диаметра самой чаши. Чаша имела крышку, соединенную с ней посредством шарниров: наложенная на чашу, эта крышка совпадает с ее абрисом, оставляя открытой у своего основания лишь часть орнаментированного обрамления (рис.1). Мотив золотого орнамента — ритмично повторяющиеся завитки плавно изогнутого растительного стебля. На крышке в обрамлении из надписи, изображающей разнообразными лигатурами, помещено поясное изображение Христа-Эммануила, благословляющего обеими руками; надпись представляет собой часть текста кадильной молитвы, и это обстоятельство привело к появлению версии о том, что надпись сообщает о вкладе чаши или кадила Св.Ульяне в 1527 г. (Высоцкий, Боровський 1993: 127-128).

Надпись в виде ленты шириной около 1,5 см образует подковообразную арку, очерченную не совсем правильных очертаний линией, такой же толщины, как и мачты букв кирилловского шрифта, служащих явной модификацией греческого эпиграфического унциала; точно такая же линия проходит по краю крышки. Вследствие того, что в верхней части справа часть металла утрачена, надпись читается с незначительным пропуском, впрочем не оказывающим влияния как на содержание текста, так и на понимание его эпиграфических и фонетических особенностей. Расшифровав лигатуры, придающие надписи цветистый характер, читаем: **КАДИЛО ПРИНОСИМЪ ТѢБѢ ХЕ БЕ НАШЪ**

¹ Реставрация осуществлена Т.З.Минжулной в реставрационных мастерских Музея истории Киева, где ныне хранится находка (инв. № 9251/37).

Рис. 1 Медная ладоница с золотой наводкой из Киева

ВЪ [ВОНЮ БЛАГОУХАНІА ЮЖЕ ПРИИМЪ. В полном объеме эта Молитва кадильная в старой дониконовской редакции русского Служебника читается в следующем виде: КАДИЛО ТИ ПРИНОСИМЪ, ХЕ БЕ НАШЪ, В ВОНЮ БЛАГОУХАНІА. ЕЖЕ ПРИИМЪ В ПРЕНБНЫИ ТВОИ ЖРЪТВЕНИКЪ. НИЗПОСЛИ НАМЪ БДТЬ ПРЕСТАГО ТВОЕГО ДХА. Несущественные разночтения обусловлены как временем, так и локальными особенностями рукописной традиции, к которой восходят приведенные варианты. В современном Служебнике этот же текст представлен в следующем виде: КАДИЛО ТЕБѢ ПРИНОСИМЪ ХРСТЕ БЖЕ НАШ, ВЪ ВОНЮ БЛАГОУХАНІА ДУХОВНАГЪ, ЕЖЕ ПРИЕМЪ В ПРЕНЕБЕСНЫЙ ТВОЙ ЖЕРТВЕННИКЪ, ВОЗНИСПОСЛИ НАМЪ БЛАГОДАТЬ ПРЕСТАГЪ ТВОЕГЪ ДХА.

Эта молитва, как известно, многократно повторяется в литургии (Дмитриевский 1818: 22-23). Но наиболее торжественно ее произносит архиерей перед чтением Евангелия. Весьма вероятно, что в этом следует видеть рудимент практиковавшегося в Константинополе обычая каждения после малого входа императором алтаря, засвидетельствованного текстом Обрядника (Успенский 1981: 106-107).

Но интересующий нас предмет никак нельзя назвать кадилом, хотя бы из-за его достаточно крупных размеров, из-за устройства крышки, не имеющей отверстий, а также из-за отсутствия следов углей на дне сравнительно неглубокой чаши. Известные на сегодняшний день ручные кадильницы (кацеи) небольшие и иного устройства (Банк, Залесская 1995: 80-87, рис.44-56). Нельзя считать изделие и диском, хотя бы по причине формы и наличию крышки. Византийские бронзовые диски обычно имеют вид плоскодонного блюда, диаметром 21-30 см, с гра-

вированным изображением в центре и евхаристической надписью по ободку (Ханенко Б, Ханенко В. 1902: 32, табл. IX, № 249; Ross 1962: 73-74, pl. XLII, № 90; Lazovic 1981: 349-352). На серебрянных дисках раннесредневекового периода в одних случаях представлено гравированное изображение креста в текстовом обрамлении, в других — многофигурная чеканная композиция Евхаристии (Mundel Mango 1986: № 4-6, 34-36, 60, 63, 64, 74, 75). В X-XI вв. в Константинополе употребляли также мраморные диски в ювелирных оправках и с укрепленными в центре медальонами, на которых в технике перегородчатой эмали были изображены образ Христа либо Тайная Вечеря (The Treasury 1984: 168-170). На Руси к XIV-XV вв. дискос (чаще всего серебряный) приобрел вид неглубокой тарели на поддоне, с изображением младенца Христа в обрамлении евхаристической надписи (Николаева 1971: № 38, 83, 86, 99).

Киевская находка никак не вписывается в эту отчасти эволюционирующую традицию, а воспроизведенный на крышке текст весьма определенно указывает на непосредственную связь предмета с каждением. Это — сосуд для хранения ладана, из которого последний непосредственно клали в кадило. Ладоницу определяют как ковчег или коробку на ножке либо поддоне, с шатровой кровлей, имевшей сходство с архитектурными формами храма, а точнее — часовни (Дьяченко 1899: 1032). Примером может служить серебряная ладоница Троице-Сергиева монастыря (1641) в виде укрепленной на стояке с поддоном шестигранной коробочки с шатровым верхом (Николаева 1968: № 132). Не исключено, что ту же функцию выполняли некоторые из византийских серебряных изделий, которые А.Н. Грабар (1983а: 212-219, обр. 132-136, 139) был склонен определять в качестве кадилиц. Рассматриваемый предмет заметно отличается по форме, но вряд ли отличается по назначению, которое выразительно засвидетельствовано уже цитированной надписью. Форма изделия выбрана отнюдь не произвольно, а служит воспроизведением кацеи — в увеличенных размерах и с видоизмененной крышкой (рис. 2). Тем самым устанавливается органическая связь между предметами.

В нашу задачу не может входить рассмотрение истории кацеи и видоизменения ее формы. Однако попутно надо отметить ее более широкое распространение в Византии и позже в южнославянских странах, чем это имело место на Руси. Судя по миниатюрам Радзивилловской летописи XV в., восходящим, как известно, к более ранним оригиналам, и в русском обиходе кацеи не были редким явлением (РЛ: л. 36 об, 196 об, 213), а применялись наравне с кадилом на цепях. Следовательно, заимствование ее формы для ладоницы нельзя считать случайным. Чаша ладоницы и ее крышка явно изготовлены одновременно, так что о каких-либо изменениях функционального назначения предмета не может быть и речи. Золотая наводка на всех частях изделия нанесена в одной манере и явно одной рукой.

При определении времени изготовления предмета следует обратиться к эпиграфическим особенностям надписи. Ее декоративная манера, равно как и "скорописное" начертание Д, вряд ли дают надежные основания для датировки вещи XVI в.: для этой эпохи ладоница выглядит совершенно чуждой, лишенной художественного контекста. На графические формы представленной здесь славянской надписи явно оказала влияние византийская вязь, известная по таким ее образцам, как константинопольский литургический свиток XI в., ныне хранящийся в библиотеки

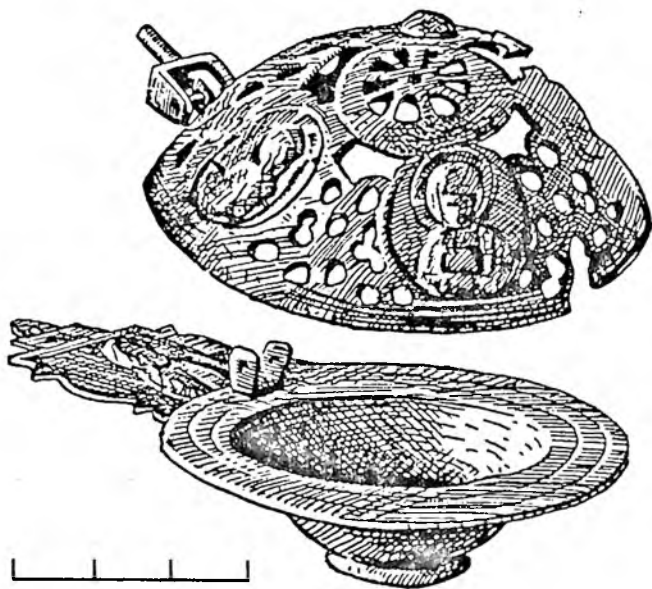

Рис. 2 Кация из Изяславля

Греческой патриархии в Иерусалиме (Грбар 1983б: 104-134, обр.69-74,77,78,80-91). Едва ли где то еще так же близко имитировали это греческое письмо в славянской письменности, как в XIII в. в Болгарии и Сербии. Примерами тому могут служить (Томовић 1974: 38-39, № 13,20; Божков 1985: обр.1) тырновская надпись царя Ивана Асеня II (1230) на мраморной колонне в церкви Сорока мучеников и ктиторская надпись Стефана, сына князя Букана, на мраморной плите над входом в церковь монастыря Морачи (1252). Мастер золотой наводки, украсивший описываемую ладоницу, столь же близко стоял к византийскому источнику, если сам не был по происхождению греком. Употребляемые им лигатуры оказываются довольно необычными для славянского письма, хотя и созданного на основе греческого унциала в его эпиграфическом варианте. Может быть, именно поэтому не все начертания находят параллели в таблицах, составленных на материале русских надписей XI — первой четверти XVI в. (Рыбаков 1964: табл.I-XII; Николаева 1971: табл.70-81).

Поясное изображение Христа-Эммануила на крышке-шитке ладоницы из Киева определенно указывает на популярность данного иконографического образа в эпоху изготовления рассматриваемого предмета церковной утвари. В Византии указанное изображение (Wroth 1908: 566) чеканено на золотой номисме императора Мануила I (1143-1180). Позже оно представлено в оформлении таких лицевых рукописей, как известное Никомидийское евангелие, выполненное около 1200 г.: медальоны с бюстом Христа-Эммануила включены в схему всех четырех заставок (Пуцко 1987: 16-17, рис.2-5). Известны также каменные (большой частью стеатитовые) образки, а также образки, выполненные из кости. Часть их найдена на Руси, где, возможно, эти образки и были изготовлены греческими резчиками в XIII в. (Kalavrezou-Maxeiner 1985: № 17,113,114,А-38,А-41; Николаева 1983: № 9,53,362; Коваленко, Пуцко 1990: 267-269; Пуцко 1996: 381, табл.II). Если особо выделить вариант изображения Христа-Пантократора благословляющего обеими ру-

ками (как на крышке ладоницы), то иконографические параллели ему можно, в частности, указать на ктиторской фреске церкви Св.Ахилия в Арилье (1296), на изображении в тимпане портала наоса ц.Св.Спаса в Дечанах (1328-1335), в резьбе каменной иконки нач.ХІІІ в. с изображениями Св.Никола и архидиакона Стефана из Минска (Николаева 1983: № 355, табл.63; Петковић 1950: 89, сл.231; 1965: II, табл.3). Эти примеры свидетельствуют о том, что данный вариант обусловлен, прежде всего помещением образа над ктиторами или святыми, причем над последними Спас обычно лишь простирает руки, что генетически явно связано с образом Христа-Эммануила, увенчивающего мучеников, в раннесредневековом искусстве, как это можно видеть, например, в мозаиках сер.VІ в. Евфразиевой базилики в Паренцо (Максимовић 1964: 251, сл.6,7). Таким образом, для датировки изображения на крышке ладоницы мы как будто бы получаем косвенный хронологический ориентир — первая треть ХІV в.

По сторонам изображения Христа-Эммануила на ладонице размещены обычные монограммы, а ниже их расположена разделенная на две части сопроводительная славянская надпись, сильно поврежденная справа, но все-таки реконструируемая с достаточной долей вероятности: **ЪММАНУ[ИЛЪ]**. Первый знак не находит себе объяснения, и, скорее всего, поставлен ошибочно, как и титлы над обеими частями слова, написанными без каких-либо сокращений. Все это подкрепляет вероятность предположения о том, что ремесленник не владел славянским языком. В эпиграфическом отношении в указанной сопроводительной надписи обращает на себя внимание начертание **М**, встречающееся в "растительных" инициалах русских рукописей рубежа ХІ-ХІІ вв. (Saint Catherine's Monastery 1978: 70,98,142).

Растительный мотив обрамления чаши рассматриваемой медной ладоницы довольно типичен для византийского декора. В структурном отношении он наиболее близок к орнаментам фресок в Арилье, а также ц.Богородицы Левишкой в Призрене, из которых последние датируются 1307-1310 гг. (Јанц 1961: табл.LXIV).

Стиль исполнения полуфигуры Христа-Эммануила отличается хорошим рисунком, изысканными пропорциями, выдающими руку опытного мастера, неплохо передающего изогнутые в локтях руки в ракурсе, равно как и перстосложение. При сравнительно небольших размерах изделия рисунок и пропорции явно палеологовские, и это обстоятельство, несмотря на замеченные архаизмы начертания надписей, заставляет решительно отбросить возможность изготовления предмета ранее последней трети ХІІІ в. Иконографический тип изображения более развитый, чем изображения на Суздальских золотых вратах, выполненных около 1230 г. (Овчинников 1978; Медынцева 1991: 154-213), но, в то же время, ладоница несколько отличается и от архаизированного изображения на створке панагиара, датируемого второй половиной или концом ХІІІ в. (Малицкий 1928: 32-36). С другой стороны, золотая наводка ладоницы из Киева заметно отличается от сильно вытянутых фигур в композициях, украшающих Васильевские врата 1336 г. (Лазарев 1970: 179-215), а тем более от дверей соборов Московского Кремля и Троицкого собора Ипатьевского монастыря в Костроме, датируемых ХVІ в. (Чернецов 1992). Тем самым датировка изделия 1527 г. исключается.

Почти единственный памятник, с которым изображение на крышке медной ладоницы может быть сближено, это — Царские врата из собрания Н.П.Лихачева, ныне принадлежащие Государственному Русско-

му музею в Санкт-Петербурге. А.И.Соболевский (1914: 58-61) датировал их серединой XIV в. Позднее Царские врата из собрания Лихачева датировали то XII в. (Рыбаков 1971: 49, табл.60,61), то двумя столетиями позднее, связывая их изготовление в последнем случае с мастерской, в которой выполнено золотое письмо Васильевских врат (Лазарев 1970: 209-212). С этим заключением вряд ли можно согласиться безоговорочно, поскольку изображения выделяются иной индивидуальной манерой. Между тем, эта манера, особенно в трактовке лица, ближе всего изображению Спаса на киевской ладонице. Тем не менее, золотую наводку киевской находки трудно отнести к продукции мастеров Лихачевских врат: иной оказывается манера трактовки складок одежды, при которой тонкие линии сливаются в яркие бликующие пятна, отмечающие наиболее выпуклые и, соответственно, наиболее освещенные места. Этот прием хорошо известен благодаря двум псковским иконам (Никола и Деисуса) из ц.Никола от Кожи, датируемым первой половиной XIV в. (Родникова 1991: 293, № 8,9), но, конечно, свойственный не только иконописи Пскова.

Таким образом, результаты наблюдений не позволяют вывести датировку киевской медной ладоницы за пределы первой трети XIV в.

Излишне здесь говорить о технологических особенностях золотой наводки, анализировавшихся в специальных работах (Гальнбек 1929: 22-31; Мишуков 1945: 111-114). Вряд ли возможно установить место изготовления такой портативной и, следовательно, легко перевозимой вещи, оказавшейся исторически связанной с Киевом. Была ли она исполнена здесь на месте или доставлена издалека, — это не влияет, в конечном итоге, на выводы о вероятной причастности к изготовлению ладоницы греческого мастера первой трети XIV в. Ладоница с золотой наводкой может быть отнесена к числу лучших образцов художественного ремесла палеологовского круга, получивших распространение на славянских землях.

-
- Банк А.В., Залеская В.Н. 1995. Капса XII века из Изяслава // У истоков русской культуры. XII-XVII вв. СПб.
- Божков А. 1985. Търновска средновековна художествена школа. София.
- Боронський Я.Е., Калюк О.П. 1993. Дослідження кийського дитинця // Стародавній Київ. Археологічні дослідження. 1984-1989. Збірник наукових праць. Київ.
- Висоцький С.О., Боронський Я.Е. 1993. Визначна знахідка середньовічної торентики з Києва // Археологія. № 4.
- Гальнбек И. 1929. О технике золоченых изображений на Лихачевских вратах в Государственном Русском музее // Материалы по русскому искусству. Т. 1. М.
- Грабар А. 1983а. Византийские реликварии в аахенском кафедрале // Грабар А. Избранные сочинения. Т. II. София.
- Грабар А. 1983б. Един цариградски литургичен свитък и неговите илюстрации // Грабар А. Избранные сочинения. Т. II. София.
- Дмитриевский И. 1818. Историческое, догматическое и таинственное изъяснение на литургию. М.
- Дьяченко Г. 1899. Полный церковно-славянский словарь. М.
- Коваленко И.П., Пуцко В.Г. 1990. Византийская резная иконка из Чернигова // СА. № 1.
- Лазарев В.Н. 1970. Васильевские врата 1336 года // Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись. Статьи и исследования. М.
- Максимовић Ј. 1964. Иконографија и програм мозаика у Поречу // Зборник радова Византолошког института. Т. VIII/2. Београд.
- Малицкий Н. 1928. Створка панагиара Государственного Русского музея с золоченым изображением Троицы // Материалы по русскому искусству. Т. 1. Л.
- Медынцева А.А. 1991. Подписные медальоны древнерусского ремесла. Очерки эпиграфики XI-XIII вв. М.
- Мишуков 1945. К вопросу о технике золотой и серебряной наводки по красной меди в Древней Руси // КСИИМК. № VI. 1945.

- Николаева Т.В. 1968. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л.
- Николаева Т.В. 1971. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. // САИ. Е1-49. М.
- Николаева Т.В. 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI-XIV вв. // САИ. Е1-60. М.
- Овчинников А.Н. 1978. Суздальские золотые врата. М.
- Петковић В.Р. 1950. Преглед црквених споменика кроз повесницу српског народа. Београд.
- Петковић С. 1965. Архиве. Београд.
- Пуцко В.Г. 1987. Заглавная миниатюра Никомидийского евангелия и византийские изображения Христа во славе // *Revue des études sud-est európeennes*. Т. XXV, № 1.
- Пуцко В.Г. 1996. Константинополь и киевская пластика на рубеже XII-XIII вв. // *Byzantinoslavica*. Т. LVII.
- Родникова И.С. 1991. Псковская икона XIII-XVI вв. Л.
- РЛ – Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. СПб.-М., 1994.
- Рыбаков Б.А. 1964. Русские датированные надписи XI-XIV веков // САИ. Е1-44. М.
- Рыбаков Б.А. 1971. Русское прикладное искусство X-XIII веков. Л.
- Соболевский А. 1914. Медные врата // *Русская икона*. СПб.
- Томовић Г. 1974. Морфологија ћириличких натписа на Балкану // *Историјски институт. Посебна издања*. Кн.16. Београд.
- Успенский Н.Д. 1981. Византийская литургия // *Богословские труды*. Т.22. М.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.Н. 1902. Древности Приднепровья. Вып. V. Киев.
- Чернецов А.В. 1992. Золотые двери XVI века. Соборы Московского Кремля и Троицкий собор Ипатьевского монастыря в Костроме. М.
- Јанц З. 1961. Орнаменти фресака из Србије и Македоније од XII до средине XV века. Београд.
- Kalavrezou-Maxeiner I. 1985. Byzantine Icons in Steatite // *Byzantine Vondobonensia*. Bd. IV. Vienna.
- Lazović M. 1981. La patène en bronze du Musée d'art et d'histoire de Genève // *Actes du XVe Congrès International d'études byzantines (Athènes-1976)*. Т. II. Athènes.
- Mundel Mango M. 1986. Silver from Early Byzantium. The Kaper Koron and Related Treasures. Baltimore.
- Ross K.-S. 1962. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Washington. Vol. I.
- Saint Catherine's Monastery, Mount Sinai // *An Early Alavonic Psalter from Rus'*. Ed. by Altbauer and Lunt. Cambridge. 1978
- The Treasury of San Marco, Venice. Milan. 1984
- Wroth W. 1908. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins. Vol. II. London.

Псковские древности в музее древнерусского искусства Академии Художеств в Петербурге

Работая в Эрмитаже, я часто встречался с Василием Дмитриевичем Белецким. Он относился к тому удивительному типу людей, вся жизнь которых проходит под знаком любви и самоотверженной преданности выбранному делу. Для него, бесспорно, это был Псков. При всем романтизме археологических экспедиций, не стоит забывать сколько труда, нервов, времени требует их организация, сколько препятствий приходится преодолевать: терпеть неустранимость, бытовые неудобства, а нередко и унижения. В.Д.Белецкий сумел пройти сквозь все препоны, и судьба щедро наградила его удивительными находками псковской средневековой культуры. Как Псков стал частью жизни этого замечательного человека, так и имя В.Д.Белецкого навсегда стали частью истории и культуры Пскова. Поэтому представляется уместным рассказать об одной малоизвестной странице в истории коллекционирования псковских памятников в Петербурге — городе, в котором многие годы жил и работал Василий Дмитриевич.

В 1856 г. в Академии художеств при “классе православного иконописания” был образован специальный музей христианских памятников. Благодаря энергии вице-президента Академии князя Г.Г.Гагарина и хранителей музея А.М.Горностаева и В.А.Прохорова, музей стремительно пополнялся произведениями византийского и древнерусского искусства. Четко определилось его лицо как одного из первых публичных музеев русского искусства. Активную роль в пополнении музея сыграли регулярные поездки хранителей и преподавателей Академии по древнерусским городам. Возвращаясь в Петербург, они дарили музею собранные ими памятники, в том числе и этнографического характера, а также сообщали о виденных ими любопытных произведениях и коллекциях. Как правило, вслед за этим следовало обращение руководства Академии в соответствующие инстанции с просьбой передать экспонаты для музея Академии (Вздорнов 1986: 116-119; Пятницкий 1995а: 229-241; 1995б: 251-252; Шалина 1996: 56-70; Пивоварова 1996: 71-80). Таким образом в 1860 г. от профессора А.М.Горностаева поступили сведения о хранившихся в Новгороде в Софийском соборе древностях, не использовавшихся в богослужении, в том числе — о коллекции древнерусской деревянной скульптуры XV-XVII вв. Последняя сформировалась вследствие запрещения 1722 г. иметь в храмах резные рельефные иконы, которые и были сложены в кладовых Св.Софии. В феврале 1860 г. князь Г.Г.Гагарин обратился к Обер-прокурору Святейшего Синода графу А.П.Толстому с просьбой передать эти древности в

музей Академии художеств, и, после согласования с митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Григорием, уже к 25 мая 1860 г. вещи были перевезены в Петербург. Сегодня эти памятники составили основу собрания древнерусской деревянной скульптуры Государственного Русского музея (Пивоварова 1996: 73; Плешанова, Лихачева 1985: № 36,51-55,57-59; Мальцев 1975: 271-284).

Менее известен факт, что в это же время, т.е. в 1860 г., Академия художеств обратилась через секретаря императрицы Марии Александровны — П.А.Морица с просьбой выдать древности из Новгорода и Пскова, представив предварительный список просимых вещей. Приведем этот список:

“1. В соборе Св.Софии:

два паникидила

2. В церкви Спаса Преображения:

а) разобранный иконостас на хорах.

б) царские двери, старые, за алтарем.

в) старые свинцовые переплеты икон с стеклами, на хорах.

3. В церкви Лазаря:

старый иконостас, который вынесен из церкви.

4. В церкви на Колтове (где сумашедший дом):

а) старый иконостас

б) много старых образов

в верхнем этаже
же выше церкви

5. В церкви Феодора Стратилата:

а) разобранный иконостас на хорах”.

“Во Пскове:

1. В церкви Богоявления на Бродах:

а) старый царские двери

б) старые образа

в) старые металлические сосуды

на хорах

2. В церкви Пантелеймона (за городом)

старый иконостас в церкви (1 нрзб.)
ныне упраздненной.

3. В церкви Иоакима и Анны:

старый иконостас.

4. В церкви Николая (у раскольников)

а) литые святые, целый ряд

б) резные медные барельефы”

на парадной
входной двери

(РГИА, ф.789, оп.3/1860, д.35, л.48,48об.)

П.А.Мориц обратился с ходатайством к церковным властям, не упустив случая подчеркнуть особую заинтересованность в этом дела императрицы Марии Александровны, как покровительницы музея христианских древностей и особой поклонницы русской старины¹. В ответ на обращение П.А.Морица, церковные власти сообщили, что из Новгоро-

¹ Напомним, что немногим ранее, в апреле 1860 г. митрополит Санкт-Петербургский Григорий составлял по просьбе императрицы записку с описанием древностей Новгорода и особенно св.Софии (РГИА, ф.789, оп.3/1860, д.35, л.36,36об.). Такой интерес к Новгороду, несомненно, был инспирирован закладкой в 1860 г. памятника “Тысячелетию России” в Новгородском Кремле, на котором присутствовали императорская семья и двор.

да и Пскова “могут быть беспрепятственно выданы: вещи, находящиеся в Новгородской Преображенской церкви, древний иконостас подгородной Колмовской церкви” Из вещей св.Софии Духовная Консистерия нашла нужными для собора два старых паникадила. Так же иконы Лазаревской церкви она сочла необходимыми для возобновления храма, а иконы церкви Феодора Стратилата — “неудобными для передачи, по крайней их ветхости”. Однако митрополит Исидор распорядился передать в музей Академии художеств иконостас Лазаревской церкви, но без икон, разобранный иконостас церкви Феодора Стратилата с иконами; остатки паникадила, хранящегося в Новгороде в св.Софии и “именуемого корсунским” (РГИА, ф.789, оп.3/1860, д.35, л.55,56).

Список предметов, которые разрешено было передать из Пскова, сохранился в двух вариантах: один в делах Академии художеств, другой в фонде Канцелярии императрицы Марии Александровны. Взяв за основу “академический список” мы внесли в него разночтения, поместив их в скобках:

“Из Пскова могут быть переданы:

1. Вещи, хранящиеся в Богоявленской церкви на Бродах.

1) Оловянная дарохранительница с изображением Божией Матери и других святых.

2) Оловянный ковчег, для хранения вещей, употребляемых при совершении таинства крещения.

3) Оловянное блюдо, в окружности 1 аршин 11 вершков, с надписью под ним: “Дано сие блюдо в церковь святого Иоанна Архиепископа Новгородского Чудотворца, что на Запсковье бывшего псковского купца Ефима (Еверима) Иванова сына Подезенского (Подстенского) жены его Матрены Григорьевой дочери для поминовения Евфимия, Матрены, Ксении, Иоанна, Григория, Гликерии, Анны, весом Г•Ф•ГЗ А•У•И•Е году (1755).

4) Оловянное блюдо с изображением внутри его Знамения Божией Матери с херувимами, в окружности 1 аршин 1 вершок: круговая надпись на нем “Достойно есть яко во истину и проч...”

5) Трои царских врат. На двух из них нет ничего. На третьих есть резьба, но без икон.

6) Икона Николая Чудотворца, длина 1 аршин 12 вершков, ширина — 1 аршин 6 1/2 вершка.

7) Икона Божией Матери, длина 1 аршин 11 1/2 вершка, ширина — 1 аршин 3 1/4 вершка.

8) Икона Божией Матери, длина 1 аршин 1 вершок, ширина — 12 вершков.

9) Осьмиконечный деревянный крест, обложенный латуною.

II. Иконостас Иакимо-Аннинской церкви недавно возобновлен, и в ней opravляется богослужение, и потому передать его всего в музей не возможно, но что осталось от него не возобновленным, то все с удобностию можно передать в оный, а именно:

1) Трои царских врат.

2) Икона апостола Филиппа, длина 1 аршин 14 1/2 вершка, ширина — 9 1/4 вершка. (7 вершков).

3) Икона Симеона Столпника, длина 1 аршин 14 1/2 вершка, ширина — 7 вершков.

4) Икона Знамение Божией Матери на золотом фоне, обложенная резьбою, покрытую зеленою краскою; с рукоятью для ношения в крестных ходах.

5) Икона св.Иоанна Златоустаго, длина 2 аршина 6 1/2 вершка, ширина – 13 вершков.

6) Икона Великомученика Дмитрия, длина 2 аршина 6 1/2 вершка, ширина -14 1/2 вершка.

7) Икона Иоанна Предтечи, длина 1 аршин 15 1/2 вершка, ширина – 11 1/2 вершка.

8) Икона Иоанна Предтечи, длина 2 аршина 6 1/2 вершка, ширина – 11 1/2 вершка.

9) Икона неизвестного святого, длина 2 аршина 6 1/2 вершка, ширина – 13 вершков.

10) Икона неизвестного святого, длина 2 аршина 6 1/2 вершка, ширина – 13 вершков.

11) Икона Преподобного Сергия, длина 2 аршина 6 вершков, ширина – 13 вершков.

12) Икона Николая Чудотворца,длина 2 аршина 6 вершков, ширина 11 вершков.

13) Икона неизвестного святого с уцелевшим изображением одной главы.

14) Распятие Господне с предстоящими, длина 1 аршин 2 вершка. ширина 12 1/2 вершка.

15) Икона с басменным окладом неизвестного святого, длина 7 вершков ширина 5 1/2 вершка.

16) Рама с изображением Господа Саваофа на резной ея части вверху.

17) Резной с живописными изображениями столбик.

18) Резной небольшой карниз.

19) Деревянный аналой, расписанный цветами (цветочками).

III. С литых святых и медных барельефов Николаевской Единоверческой (а не старообрядческой, как сказано в списке) можно лишь снять копии.

IV. Иконостас церкви св.Пантелеймона возобновлен должен быть, притом церковь не упразднена, в ней совершаются богослужения. Можно лишь снять копию с иконостаса.

V. Надгробных плит с надписями и рисунками, которые имели бы особенный интерес в археологическом отношении, и могли быть доставлены в музей, Епархиальное начальство в настоящее время в виду не имеет” (РГИА, ф.789, оп.3/1860, д.35, л.60,61; ф.540, оп.1 (10/64), д.76, л.43,44).

Для доставки памятников в Псков в ноябре 1860 г. был отправлен В.А.Прохоров. В декабре 1860 г. вещи уже находились в Петербурге, и В.А.Прохоров получал 23 декабря деньги “в возврат употребленных им на поездку в город Псков во возложенному на него поручению касательно перевозки оттуда церковных древностей, поименованных в препровожденном при отношении господина Секретаря Государыни Императрицы от 15 ноября за № 2181 списке.” (РГИА, ф.789, оп3/1860, д.35, л.65; оп.15/1860, д.352, л.35).

В одну из поездок в Псков в начале 1860-х годов В.А.Прохоров обратил внимание на пелену “Св.Никола Великорецкий”, которую он разыскал в кафедральном Троицком соборе среди “старых шитых икон”. Обратившись к Обер-прокурору святейшего Синода графу А.П.Толстому (письмо от 17 февраля 1862 г.) Академия художеств получила этот памятник древнего искусства для копирования. Как только пелена оказалась в музее, князь Г.Г.Гагарин начал хлопоты, чтобы

навсегда оставить ее в музейной коллекции и не возвращать в Троицкий собор. Хлопоты увенчались успехом и 21 августа 1862 г. Статс-секретарь Святейшего Синода князь Н.Г.Урусов сообщал, “что святейший Синод согласно с мнением псковского епархиального начальства не встречает со своей стороны препятствия к тому, чтобы древняя икона Св.Николая Чудотворца, взятая г.Прохоровым для скопирования из Псковского кафедрального собора, оставлена была навсегда в древне-христианском музее” (РГИА, ф.782, оп.2/1859, д.193, л.9). Таким образом, музей Академии художеств пополнился редким произведением древнерусского лицевого шитья.

Однако в документах не было упомянуто, это пелена имеет вкладную надпись и дату. Дата, прочитанная В.А.Прохоровым как 1556 г., фигурирует в первом, (оставшимся в рукописи) каталоге музея, составленном в 1865 г. В разделе “Шитье” указан образ Св.Николая 133Д (1566) из Псковского собора (РГИА, ф.472, оп.19 (118/955), д.38, л.50). Эта запись помогла отождествить памятник с пеленой, упоминавшейся в печатном каталоге музея: “№ 532. Шитый образ св.Николая чудотворца (Великорещского)” (Прохоров 1879: 29). В каталоге выставки древнерусского шитья Государственного Русского музея, составленном Л.Д.Лихачевой, легко опознается интересующая нас пелена: “Никола Великорещкий. 1552 г. Москва. Ниже поэма — вкладная надпись: “Лета 7060 сию пелену приложила Иванова жена Петровича Марья Васильевна” (Лихачева 1980: 35, № 37/ДРТ-40). Ранее памятник был опубликован В.И.Антоновой в статье об иконе Николы Зарайского из собрания ГТГ. Она так же прочитала год, как 1552, но вкладная надпись заканчивалась по иному: “...сию пелену приложила Иванова жена Петровича Марья Васильева дочь” (Антонова 1957: 385, рис.6). Здесь же неверно указано, что пелена происходит из Кирилло-Белозерского монастыря. Последняя неточность была исправлена Л.Д.Лихачевой, однако истинное происхождение пелены установлено не было. Несмотря на разное прочтение даты, воспроизведение пелены и сравнение со старыми фотографиями музея Академии художеств не оставляют сомнения в том, что речь идет об одном и тем же памятнике.

Культ иконы св.Николая Великорещского, прославившейся в XV в. в Вятке (согласно преданиям), получил особую популярность во времена царя Ивана Грозного. Особый всплеск интереса был связан с реставрацией иконы в 1555 г. митрополитом Макарием, для чего икона была принесена в Москву, где оставалась с 1552 по 1556 гг. Именно к этому периоду и относится пелена русского музея. Причем, скорее всего она была исполнена или по привозу иконы в Москву или в связи с ее отпуском из Москвы. Таким образом возможна как дата 1562 г., так и 1556 г. Этот вопрос нуждается в дальнейшем уточнении. Для нас же крайне важно, что данный памятник связан с политическим курсом царя Ивана IV Грозного. Напомним, что в 1552 г. был заложен и в 1555 г. освящен южный придел Покровского собора на рву (собор Василия Блаженного), посвященный иконе Николы Великорещского. Реплика иконы была поставлена в Успенском соборе Московского Кремля, а многочисленные копии вкладывались в московские и провинциальные храмы и монастыри (Антонова 1957: 385, примеч.36; Мнева 1955: 584). Учитывая пристальный интерес Ивана Грозного к Пскову, о чем свидетельствуют как исторические источники, так и памятники искусства (Алпатов, Родникова 1990: № 116), не будет преувеличением связать с политикой Грозного и его интересом к Пскову и наш памятник.

Вкладная надпись не сообщает куда была вложена пелена, поэтому можно предположить, что она попала в Псков вместе с одной из реплик иконы Николы Великорещского. Шитье пелены связано с искусством Москвы, где скорее всего она и была выполнена. Были ли икона с пеленой царским даром псковскому кафедральному собору или икона имеет другую судьбу – покажут дальнейшие разыскания. Но вряд ли можно усомниться в важности приведенных сведений, раскрывающих еще одну страницу в культурной жизни Пскова и его взаимоотношениях с Москвой.

-
- Аллатов М.В., Родникова И.С. 1990. Псковская икона XIII-XVI веков. Л.
- Антонова В.И. 1957. Московская икона начала XIV века из Киева в "Повесть о Николле Зарайском" // ТОДРЛ. Т. XIII. М.-Л.
- Вздорнов Г.И. 1986. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М.
- Лихачева Л.Д. 1980. Дрезнерусское шитье XV – начала XVIII века в собрании Государственного Русского музея. Каталог выставки. Л.
- Млева Н.Е. 1955. Местные школы живописи XVI века // ИРИ. Т. III. М.
- Пиконарова. Н.В. 1996. О составе коллекции Музея христианских древностей Императорской Академии художеств // Погибшие святые. Сборник материалов (сентябрь 1994 – июнь 1995). СПб.
- Плешанова И.И., Лихачева Л.Д. 1985. Дрезнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л.
- Плешанова И.И. 1975. Резные фигуры "старцев" в собрании Государственного Русского музея // ПКНО. 1974. М.
- Прохоров В. 1879. Имп. Академия художеств. Каталог музея дрезнерусского искусства. СПб.
- Пятницкий Ю.А. 1991. Музей дрезнерусского искусства Академии художеств // Византизмоведение в Эрмитаже. Л.,
- Пятницкий Ю.А. 1995а. Один из путей проникновения памятников балканского искусства в Россию // Дрезнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб.
- Пятницкий Ю.А. 1995б. Византийские и поствизантийские иконы в России (часть 2) // ВВ. Т.56 (81). М.
- Шалина И.А. 1996. Забытый музей дрезнерусского искусства // Погибшие святые. Сборник материалов (сентябрь 1994 – июнь 1995). СПб.

О «странной» любви М. Ю. Лермонтова

Этой небольшой заметкой я отдаю дань благодарной памяти Василию Дмитриевичу Белескому, которого впервые увидела на занятиях нашего школьного эрмитажного кружка в 1959 г. На всю жизнь запомнилось его обветренное загорелое лицо и вдохновенный рассказ о хазарской крепости Саркел — Белая Вежа. Через год была встреча на раскопках в Пскове, и с тех пор этот город навсегда связан для меня с его обликом. Когда бы ни попадали мы в Псков — хоть на несколько часов проездом в Пушкинские Горы и обратно — в Довмонтовом городе всегда царствовал В. Д. Белеский. Увидев на раскопе гостя, В. Д. приветливо встречал его и щедро рассказывал о находках сезона. Он целиком принадлежал Пскову, а Псков — ему.

Однако человеческие интересы Василия Дмитриевича не ограничивались только Псковом и Псковской землей. Он любил слово, особенно слово поэтическое. Поэтому я помещаю в этом сборнике заметку о Лермонтове.

Одно из самых известных, программных стихотворений М. Ю. Лермонтова “Родина” (1841) написано незадолго до его трагической гибели. Несмотря на существование серьезной исследовательской традиции, стихотворение все же нуждается в некотором дополнительном комментарии. И хотя гибель поэта была безвременной, но ее ожидание и присутствие темы гибели в лермонтовском творчестве очевидно. Обратимся к тексту¹.

Люблю отчизну я, но странною любовью.
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям.
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,

1 Стихотворения М. Ю. Лермонтова цитируются по: Собр. соч. В 4 томах. М., 1957-1958.

Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно.
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Хрестоматийное стихотворение композиционно четко делится на три части, каждая из которых начинается словом “люблю”, причем первая строфа декларирует “странную любовь” поэта, а в двух следующих подробно раскрывается, в чем же необычность, в отличие от некоего большинства, этой любви. В статье о стихотворении “Родина” известного лермонтоведа В.А.Мануйлова (ЛЭ: 469-470), суммирующего разные его интерпретации, отмечено, что “Лермонтов противопоставляет здесь лирическое раздумье поэта — официальной патриотической оде XVIII в.” и что “не любовь к родине как таковая, но размышление о “странности” этой любви становится пружиной движения поэтической мысли, придавая стихотворению полемический и программный смысл.”

С этим утверждением не во всем можно согласиться, вернее, оно требует уточнения: во-первых, официальная патриотическая ода XVIII в. — явление достаточно сложное и неоднородное, а, во-вторых, что для нас существеннее, В.А.Мануйлов обратил внимание только на одно из многих значений слова “странный” у Лермонтова. Полемика с традицией классицистической оды в стихотворении несомненна, и любовь поэта с точки зрения этой традиции должна выглядеть по меньшей мере странной в современном значении этого слова, то есть необычной. Однако дело усложняется, если мы учтем то, что описание русского пейзажа, русского ландшафта дано Лермонтовым с позиции человека, пересекающего большое географическое пространство. Он как бы оглядывает его с какой-то верхней точки:

Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям.

Но обратимся к наиболее ярким носителям одической традиции XVIII в. — Ломоносову и Державину. Вот Ломоносов:

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполнены твоих чудес.

(Утреннее размышление о Божием величестве, 1747 г., см.: Русская поэзия 1996: 27).

Вот Державин:

Уже в Евксине с полунощи
Меж вод и звезд лежит туман,
Под ним плывут дремучи роши,
Средь них, как гор отломок льдян,
Иль мужа нека тень седая
Сидит, очами озирая

(На взятие Измаила, 1790 г., см.: Державин 1985: 127).

Три совершенно разных поэта, но внешне как будто единый взгляд с высоты. Полемика с патриотической одой ведется поэтом (Лермонтовым), хорошо усвоившим особенности жанра. Важно другое. Лермонтовский взгляд “сверху” возвращает нас в гораздо большей степени, чем Ломоносов и Державин, к традиции древнерусской прозы, к “Повести Временных лет”, к “Слову о погибели земли русской”, к “Слову о полку Игореве”, к “Повести о разорении Рязани Батыем”. Для этих памятников характерна особая позиция их создателей, которую академик Д.С.Лихачев назвал “панорамным”, или “ландшафтным” зрением. Автор “Слова о полку Игореве” словно следит взором за передвижением княжеского войска и одновременно обзирает все огромное пространство Русской земли от северных ее границ до южных и от западных до восточных. Подобно ему и автор “Слова о погибели” строит свой текст на конструкции “от” и “до”, на подробном перечислении всего, что достойно удивления в русской земле.

Лермонтов перечисляет части природного ландшафта во множественном числе: *степи, реки, леса, моря*, причем называются не столько они сами по себе, сколько их свойства, свидетельствующие об этих объектах как о живых — молчанье, колыханье, разливы. Полнота такого перечисления дает представление о масштабе (леса безбрежные) и о природе как о живом организме.² Так создается в лермонтовском стихотворении образ движения. На нем построено все стихотворение.

Именно движение противостоит *полному гордого доверия покою*. Стихи написаны человеком, который движется среди этих степей, лесов, рек, морей. Он путешествует, странствует, он — странник. Давно отмечено исследователями, что путь и движение у Лермонтова — это и тема, и мотив, и образ. Часто конечная цель этого пути неясна самому герою, или же четко ни обозначена. “Мы ехали на перекладных из Тифлис, — так начинается “Герой нашего времени”. “Куда я еду? Зачем?” — неоднократно спрашивает себя Печорин. И, конечно, знаменитое “Выхожу один я на дорогу...”, подхваченное позднее А.Блоком: (“Выхожу я в путь, открытый взорам...”).

Итак, в лермонтовской “Родине” возникает путь, *открытый взорам*, по которому движется странник. Этот странник любит, по собственному признанию, проселок, то есть, не главную дорогу, а ту, что лежит в стороне от нее, по которой идут или едут все. Любовь Лермонтова таким образом странна, прежде всего, потому, что это любовь странника. Слово “странник”, как и “дорога” является одним из

---

2 Ср. со многими примерами в “Повести Временных лет”.

самых значимых в лермонтовской поэтике. Мы встречаемся с ним еще в двух классических примерах:

1

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого Севера в сторону южную.

2

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый изгнанник.
Как он, гонимый миром странник
Но только с русскою душой.

Обратим внимание, что в обоих приведенных примерах слово *странник* Лермонтов рифмует с *изгнанник*, и делает он это, конечно же, не потому, что не нашел другой рифмы. Ему было важно поставить оба слова в сильную позицию, на конец строки. Для Лермонтова *странствие* почти всегда — изгнание, вольное или невольное, и слова *странник* и *изгнанник* в его поэтическом словаре — всегда синонимы.

Вторая ключевая тема поэзии Лермонтова, наряду с темой пути, — это тема одиночества. Поэтому *выходящий один на дорогу гонимый миром* странник с русскою душой не может любить родину так, как любят ее другие. Отсюда и возникает полемика с одической поэзией XVIII в.

Однако затронутая нами тема древнерусской литературной традиции в стихотворении “Родина” имеет свое продолжение. В древнерусском литературном языке слова *странный* и *странник* имели целый спектр значений, уже утраченных не только в современном русском языке, но затененных в конце 30 — начале 40-х годов XIX в. В древнерусском же языке основными значениями этих слов были: *иной, чужой, путешественник, путник*. “Материалы для словаря древне-русского языка” И.И.Срезневского дают нам следующие толкования: “*Страньникъ* (помимо основного) — скиталец, бедняк, дающий приют, пришелец, чужеземец, иноверец, название книги описывающей путешествие. Страньничьскы — чужой, странно — против, навстречу, странныи — сторонний, боковой (вспомним о лермонтовском проселочном пути — М.Р.), в пути находящийся, чужестранный, иноплемненный, чужой, иной области, чуждый, удивительный, необыкновенный, непостижимый” (Срезневский 1912).

Последние три значения слова *странныи*, как кажется, проясняют лермонтовские слова о своей любви к родине: “Не победит ее рассудок мой” и “я люблю, за что не знаю сам”. Рассудок противопоставлен душевному ощущению, покой — движению, одическая традиция — лирике. И все эти противопоставления скреплены трижды произнесенным в начале каждой из трех частей стихотворения словом *люблю*. Итак, любовь, о которой речь, непонятна самому герою.

Наиболее полно, на мой взгляд, значение древнерусского слова *странныи* и производных от него, раскрывается в одном из текстов Иоанна Златоуста, в “Слове о страсти Христове и о положении во гробе”, читаемом в Великую Субботу. В древнеславянском переводе оно известно, по видимому, с середины XII в., если не ранее, так как им, несомненно воспользовался Кирилл Туровский при написании “Слова

4-го о снятии тела Христова с креста, и о мироносицах, от сказания евангельского, и похвале Иосифу в неделю 3-ю по Пасхе". Фрагмент из "Слова Иоанна Златоуста", построенный по анафорической схеме, процитирую по тексту печатного сборника 1647 г., куда "Слово Иоанна Златоуста" вошло. Речь в приведенном отрывке идет о просьбе Иосифа Аримафейского к Понтию Пилату выдать ему для погребения тело распятого Иисуса Христа:

1. Дажь ми сего страннаго, кая ти польза от тела сего страннаго
2. Дажь ми сего Назорея страннаго, от далния бо страны прииде zde, да спасет страннаго
3. Дажь ми сего страннаго, тои бо един есть странен
4. Дажь ми сего страннаго, ею же страны не свемы страннии
5. Дажь ми сего страннаго, ему же место и жилища не свемы страннии
6. Дажь ми сего страннаго, сниде бо в темныя возвести страннаго
7. Дажь ми сего страннаго, ему же отца не знаем странными
8. Дажь ми сего страннаго, жившаго странно житие в странных
9. Дажь ми сего Назорея страннаго, ему же рождества не свемы страннии... и т.д.

У Кирилла Туровского читаем вариант: "Дажь ми тело сего Назорея страннаго, от чюжих стран страннаго". Интересно, что греческий источник слова *страньнии* постоянно дается как *ксенокс*. Это значит, что все многообразие значений и их оттенков оно получило, по-видимому, уже на славянской почве. Иисус у Иоанна Златоуста и у Кирилла Туровского (и, конечно, не только у них) назван *назореем*. Он пришел в Иерусалим из Галилеи, и для Иерусалима он чужой. Но он чужой, чуждый и по вере. Слово "назорей", согласно Библейской Энциклопедии, составленной архим.Никифором (1891), с указанием на источники (Книга Чисел, VI,2; прор.Амоса, II,11,12; Деяния апост., XVIII) означало на древнееврейском *отделять, отлучать*: "До исполнения дней, на которые он посвятил себя в назорей Господу, свят он Господу". Обет назорейства давался на определенное время, до его окончания человек входил в своеобразную секту, подобно пророкам, он показывал пример святой жизни. В восприятии христианских писателей, Иисус был одновременно для иудеев странным в современном значении слова (не таким, как все) и странником — пришельцем из другой земли.

В лермонтовском словоупотреблении оба эти значения оказываются неразрывны (ср. также его повесть "Станный человек"). Таким образом, поэт оказывается в одном ряду с Тем, чье тело просил у Пилата Иосиф Аримафейский. Его одиночество, одиночество странника, оборачивается близостью к Богу.

Стихотворение "Родина", как давно замечено лермонтоведами, построено на постепенном сужении темы от обобщенно-отвлеченных понятий (слава, покой, мир, заветные преданья, темная старина) до более конкретных. Особое чувство, "отраду, многим незнакомую" автор испытывает, видя "полное гумно, избу, покрытую соломой, с резными ставнями окно". Так входит в стихотворение еще один мотив, мотив дома как семейного очага, как места приюта и покоя, которого у Лермонтова по-настоящему никогда не было. Не было этого места и жилища и у Того, о котором говорит Иоанн Златоуст: "Дажь ми сего страннаго, ему же место и жилища не свемы страннии". Если

воспринимать стихотворение Лермонтова в контексте всего его творчества, то станет понятным, что речь идет не просто о приюте, но о приюте последнем. Так тема гибели соединяется с темой одиночества и темой пути³.

В.А. Мануйлов обозначил жанр лермонтовского стихотворения “Родина” как “лирическое раздумье о родине, где мысль о ней нерасторжима с образами русской деревни и природы”. Я добавила бы: и дороги! Синкретизм слова (и понятия!) *странный*, каковой был присущ древнерусскому языку, постепенно разрушался, и многие значения этого слова современным русским языком утрачены, однако для Лермонтова они еще актуальны. Мы же восстанавливаем их лишь в поэтическом языке. Так, на мой взгляд, древнерусский пласт значений отдельных слов помогает расширить или уточнить контекст ряда поэтических текстов Нового времени, и “странная” любовь Лермонтова перестаете таковой казаться.

Державин Г.Р. 1985. Оды. Л.

Лотман Ю.М. 1996. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб.

ЛЭ - Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.

Русская поэзия XVIII века. СПб. 1996.

Срезневский И.И. 1912. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб.

---

³ Здесь уместно вспомнить высказывание Ю.М.Лотмана: “Образ идущего имеет и другой устойчивый смысл: динамика в пространстве — не только знак контакта, но и знак внутреннего изменения. В очень широком круге текстов, создававших для Лермонтова фон, движущийся герой — это герой возрождающийся, или погибающий” (Лотман 1996: 184-185).

Средневековые рисунки-граффити на стенах двух храмов Новгорода¹

Личности Василия Дмитриевича Белецкого, неутомимого исследователя средневекового Пскова и его архитектурных памятников, было свойственно не только научно-историческое, но и художественное восприятие мира, что, впрочем, у настоящего исследователя, как правило, взаимосвязано. С какой радостью первооткрывателя он показывал коллегам и ученикам открытые им при исследовании храмов в Довмонтовом городе Пскова фресковые композиции, как ценил не только средневековую, но и классическую русскую живопись, а в своих собственных живописных работах отзывался на внутреннюю гармонию пейзажа, включавшего в себя и остатки памятников древнего зодчества, и изгиб реки, овеянный пушкинскими строфами.

Не единожды В.Д.Белецкий обращал внимание автора этих строк на надписи и рисунки-граффити, найденные им при раскрытии фрагментов фрескового слоя в храмах Довмонтова города, говорил о необходимости составления свода такого рода рисунков. Данную публикацию я считаю данью памяти моего учителя по школьному кружку Эрмитажа.

Немногочисленные уцелевшие интерьеры древнерусских храмов сохранили не только фрагменты фресковых росписей, элементы внутреннего декора, но и процарапанные на стенах и столбах надписи и рисунки. Эти граффити открыты и расчищены в послевоенные десятилетия благодаря архитектурно-реставрационным работам в Киеве, Новгороде, Полоцке, Старой Ладогe и в других древнерусских городах. Однако если древнерусские надписи публикуются и изучаются как исторические и лингвистические источники и прочно вошли в научный обиход как тексты, содержащие подчас важные и редкие сведения о тех или иных событиях древнерусской истории и быта, древнерусской письменности и языка (Высоцкий 1966; 1976; 1985; Медынцева 1977; Рождественская 1992), то рисунки, сопутствующие надписям или изолированные от них, до последнего времени почти не подвергались систематическому изучению (Никитина 1990: 220-232; Васильев 1996). Сделанные, как и надписи, острым предметом, писалом или иглой на поверхности стен, эти рисунки по своему характеру и

---

¹ Работы по изучению и фотофиксации этого материала осуществляются в рамках проекта РГНФ (96-04-06074). Фотоработы выполнены С.А.Орловым (ц.Спаса на Нередице) и Е.В.Гордюшенковым (ц.Фелора Стратилата на Ручью). Выражаю им, а также И.Ю.Анкудинову (Новгородский государственный музей-заповедник) искреннюю признательность.

Рис. 1

стилю напоминают украшения древнерусских рукописей, но выполнены в иной – графической – манере.

Некоторые из них оставлены обычными прихожанами и не претендуют на “высокое” искусство. Другие же явно свидетельствуют о мастерстве выполнившего их неизвестного мастера. Они выдают руку художника, миниатюриста, книжника, привыкшего к исполнению заставок и инициалов в рукописях, владеющего приемами “плетеночного” орнамента и тератологического (“звериного”) стиля.

Иногда рядом с рисунком, например, человеческого лика с нимбом надписано имя, и в этом случае перед нами изображение святого (слово “агиос” может отсутствовать). Рядом с другими изображениями может быть имя, называющее их автора, или прямое указание на авторство, подобно рисунку процветшего креста в Софийском соборе Киева с надписью “Жадько писалъ хрестъ”, или надписи “а се писалъ Манель”, сделанной по орнаментальному кругу (Высоцкий 1966: № 67; 1976: № 119). В Новгородском Софийском соборе был выявлен целый комплекс надписей-граффити – автографов художников, расписывавших фресками собор в самом начале XII в., и сопутствовавших им рисунков-граффити. Эти рисунки, среди которых есть и искусное изображение геральдического льва, были сделаны софийскими живописцами (Медынцева 1977: 32-61). Так были открыты имена неизвестных ранее древнерусских мастеров. Многие из них легко переходили от одной манеры изображения к другой, от фрески или книжной миниатюры – к графическому рисунку, от кисти – к писалу или игле. В отличие от монументальных росписей это были неофициальные рисунки. Некоторые изображения букв, орнаментов, птиц имеют аналогии в книжных миниатюрах. Расчищенные в последнее десятилетие реставраторами рисунки в лестничной башне Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде служат дополнительным свидетельством того, что на протяжении столетий здесь существовал богатейший монастырский скрипторий, где переписывались книги, велась в начале XII

Рис. 2

Рис. 3

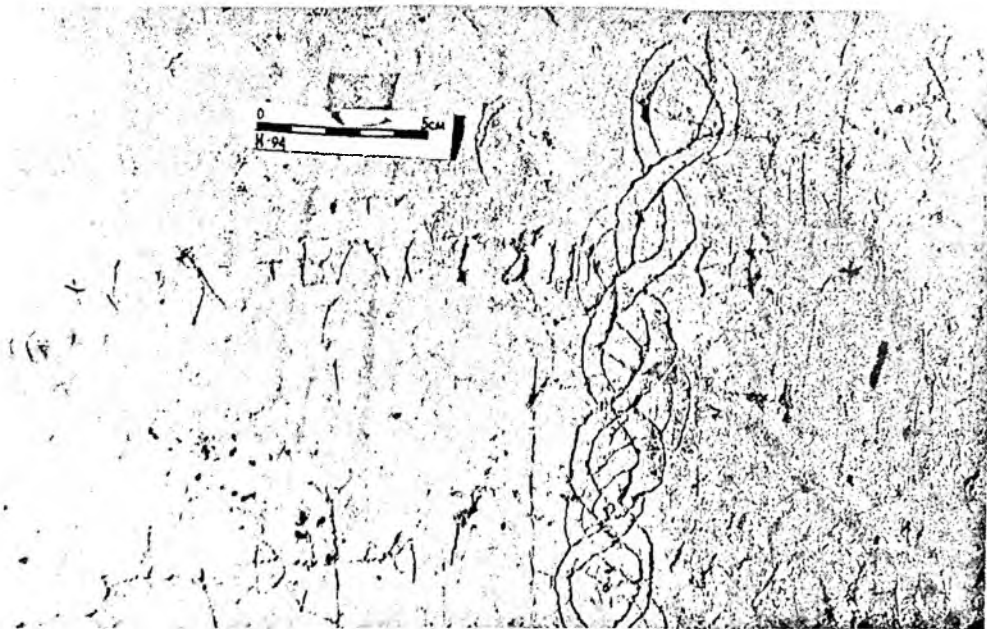

Рис. 4

в. княжеская летопись и, по-видимому, функционировала мастерская книжников-миниатюристов.

Подобные рисунки-граффити украшали стены многих древнерусских храмов. В Новгороде они обнаружены не только в Софийском соборе, но и в церквях Спаса на Нередице, Федора Стратилата на Ручью, Николая на Липне, в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря и др., там, где сохранились древние фрагменты штукатурки. Самые распространенные изображения — это кресты различных форм и типов, классификация которых еще не разработана. Среди них — и скромные, в два взмаха руки, вертикальная и горизонтальная черточки, и “гольфы”, и сложные, орнаментированные рисунки. Обилие крестов на стенах храмов естественно. Они восходят к раннехристианской традиции, к крестам на стенах первых римских катакомб. Древнерусские кресты-граффити не только сопровождаются надписями, но и существуют самостоятельно, подчеркивая сакральность литургического пространства храма, сакральность молитвенного возгласа (“Господи, помози рабу Своему...”, “Спаси, помилуй” и т.п.), обращенного к Богу или святым. Вероятно, изображения крестов вне текста выполняло заместительную молитвенную формулу поминания и покаяния, а те из них, которые не претендовали на изысканную манеру исполнения, были сделаны людьми, не владевшими грамотой.

Многочисленны среди изображений отдельные орнаментированные буквы, человеческие фигуры (голуби, павлины), животные (кони, зайцы), есть и изображения храмов. На стене лестничной башни новгородского Георгиевского собора по сырой штукатурке нарисован корабль. Техника исполнения позволяет предположить, что рисунок сделан в процессе строительства башни, в 20-е годы XII в. Формы корабля и паруса, видимо, повторяют те, какие имели суда, проходившие по Волхову мимо строящегося собора.

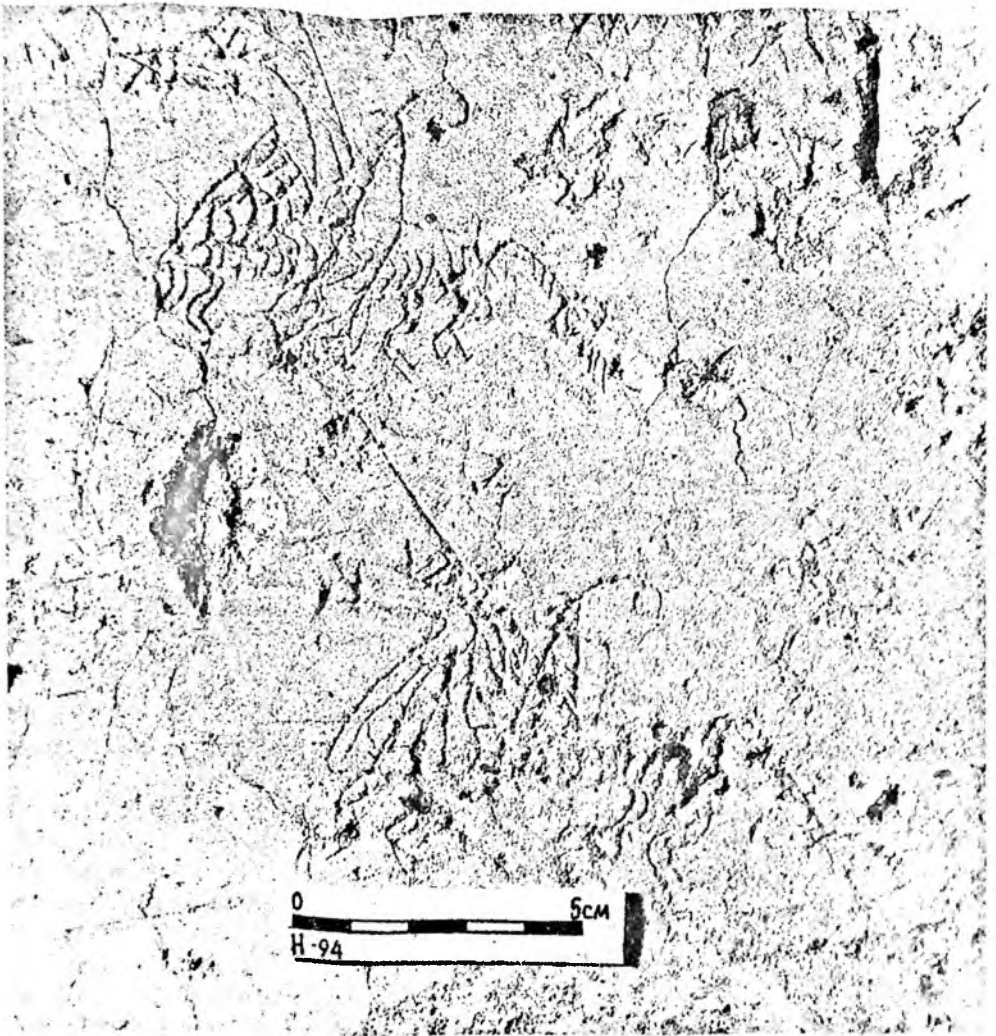

Рис. 5

Комплексное и всестороннее изучение рисунков-граффити могло бы составить особый раздел в изучении древнерусского искусства. Ведь подобные изображения сохранились не только в храмах Киева и Новгорода, но и в храмах Старой Ладого, Пскова, Смоленска, Полоцка, Галича, Ростова Великого, Ярославля, Твери и др. Известны такие рисунки среди эпиграфического материала средневековых построек Болгарии и Сербии, на стенах так называемой Круглой церкви в Преславе, на стенах скальных монастырей и раннемонастырских комплексов IX-X вв. и более позднего времени. Древнерусские графические изображения следует рассматривать в контексте славянского средневекового искусства, уходящего корнями в раннехристианскую византийскую почву. И хотя некоторые из изображений попадают в поле зрения фотообъектива при публикации надписей-граффити либо фресковых композиций, все же задача их самостоятельного искусствоведческого изучения остается актуальной.

На стене лестницы, ведущей на хоры в церкви Федора стратилата на Ручью (1360-1361) нередки изображения орнаментированных, в двойном контуре букв, в частности, букв Б (рис.1) и З (рис.2). Эти

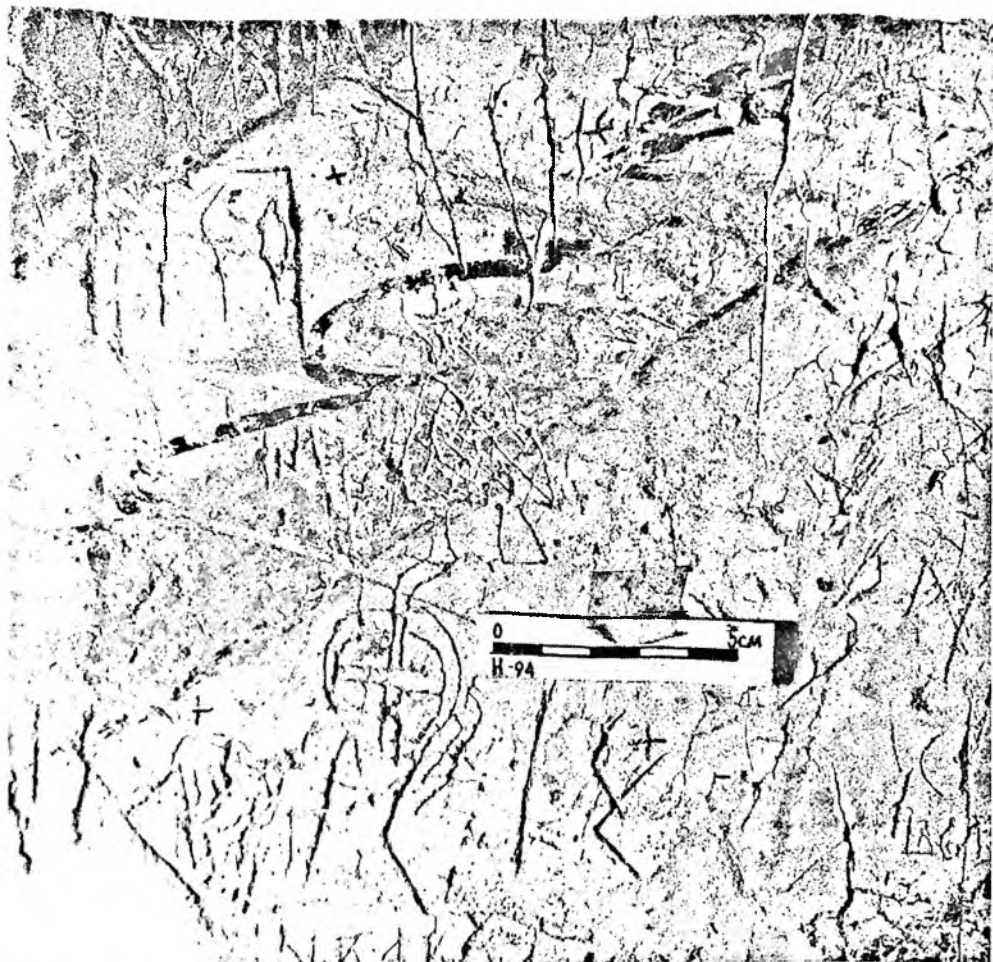

Рис. 6

изображения воспроизводят инициалы рукописных книг. Множественность буквы Б на стенах разных храмов может объясняться ее начальной позицией в словах “Бог”, “Богородица”, “благослови”.

Рис.3 демонстрирует общий вид стены храма Спаса на Нередице (1192), испещренной на уровне человеческого роста надписями и рисунками: они разновременны и часто перекрывают друг друга. Прихожанин, процарапавший графито, включался в уже существующее изобразительно-текстовое пространство, в коллективный монолог, обращенный к Богу, святым, к вечности. Вместе с тем он был читателем и зрителем сделанных до него изображений. Связь между ним и другими авторами — это диалог внутри литургического времени и пространства храма. В левой части фотографии можно увидеть лошадку с изящно выгнутой шеей, правее в круге монограмма Христа, чуть ниже буквы В (написанной зеркально) и Б, многочисленные кресты, надписи с формулой “Господи, помози рабу Своему”.

На рис.4 представлен фрагмент плетеночного орнамента, неоднократно встречающийся на стенах храмов. Этот орнамент пересекает горизонтальная надпись “В ле(то) т(о)ше...”, датируемая по палеографическим признакам не ранее XIV в.

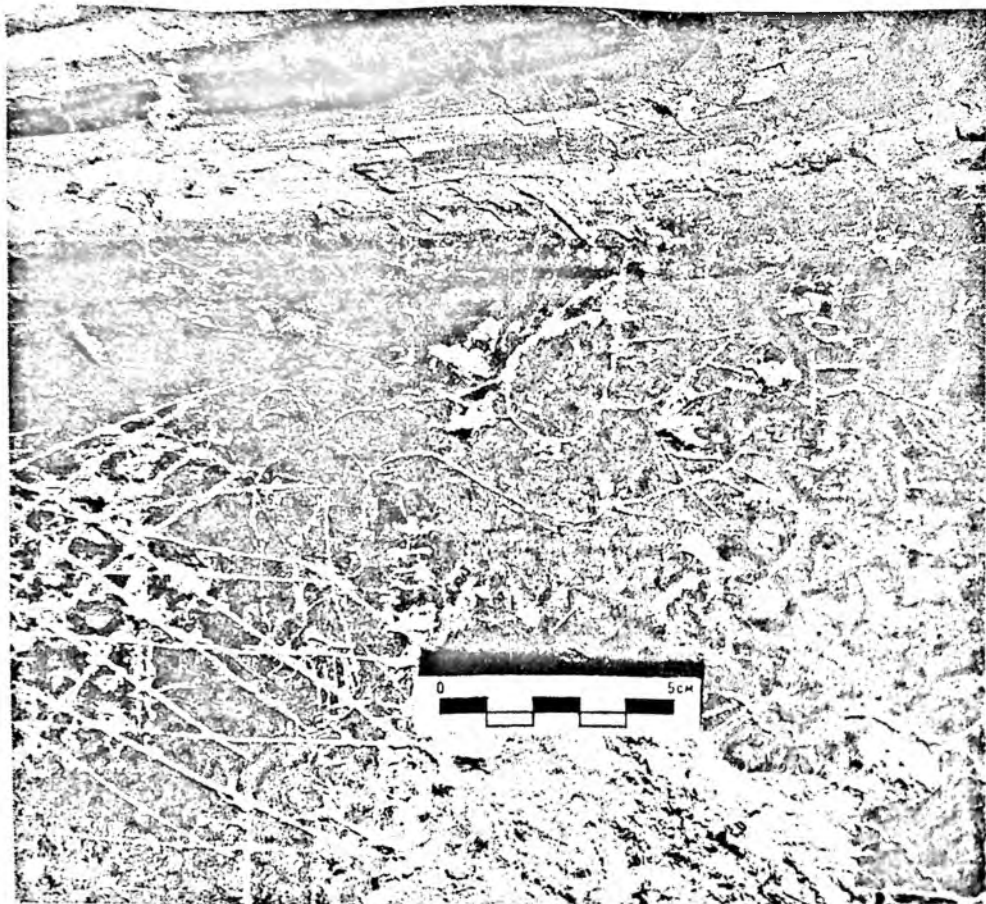

Рис. 7

Особую категорию рисунков составляют изображения человеческих фигур — святых, монахов, воинов, всадников. Они известны во многих храмах Древней Руси, Болгарии, Сербии. В церкви Спаса на Нередице сохранились виртуозно выполненные рисунки вооруженных всадников (рис.5) с копьями, в шлемах с перьями, напоминающих западноевропейские средневековые доспехи. Не случайно эти рисунки обнаружены именно в новгородском храме. Глубокие и интенсивные связи средневекового Новгорода засвидетельствованы и письменными, и археологическими источниками, в Новгороде активно функционировали иноземные (шведский и немецкий) торговые дворы (Рыбина 1986). Рисунки всадников из ц.Спаса на Нередице — новый изобразительный источник, в том числе, и по истории средневекового вооружения.

На одной из стен того же храма имеется человеческое изображение (рис.6). По-видимому, это представитель духовного сословия, в кресчатых ризах и клобуке, с бородой. Изображение правой ноги причудливо соединено с контурным рисунком креста, вписанного в круг.

На столбе дьяконника сохранилась мастерски выполненная фигура удивительной птицы с фантастической звериной головой, держащая в пасти человеческую руку (рис.7). По своему облику голова этой полуптицы-полужверя очень схожа с теми деревянными зооморфными наперщиками на различных бытовых предметах, которыми столь богата

коллекция средневековых находок Новгородской археологической экспедиции (Древний Новгород 1985: 118-122, табл.220,223-226).

Не меньший интерес представляет и целый комплекс рисунков на стенах и столбе лестничной башни Георгиевского собора, в частности, изображения трех фантастических птиц с длинными шеями, изогнутыми клювами. Рядом с ними нет никаких пояснительных надписей. Эти изображения, как и многие другие, также находят аналогии в книжных миниатюрах, в особенности, в рукописях новгородского происхождения и в предметах прикладного искусства Новгорода.

Конечно, во всех этих рисунках не могли найти отражения конкретные впечатления реальной жизни. Однако следует помнить о том, что все они сделаны в храмах. Плоскости стен с надписями и рисунками на них воспринимались как каменные листы единой книги, и каждый прихожанин, независимо от уровня грамотности, мастерства и места на социальной лестнице, мог оставить свою молитвенную просьбу или в форме текста с соответствующей формулой, или имя “раба Божьего”, или рисунок креста, птицы, орнамента. Эти рисунки, помимо явных бытовых черт, несли в себе и глубокое символическое значение. Их нельзя отрывать от архитектурно организованного литургического пространства, от живописных композиций, от звучащих богослужебных текстов и мелодий. Рисунки-граффити являются органической частью синкретичного по своей природе христианского искусства. Существующие в литургическом времени, рисунки-граффити, как и надписи, процарапанные неизвестными прихожанами, какого бы содержания они не были, отражают единую систему символического средневекового мировосприятия. В этом смысле метафора храма как книги получает свое реальное воплощение, возвращая нас к истокам раннехристианской богословской идеи. Совокупность разновременных и разножанровых надписей-граффити вносят в семиотическую интерпретацию храма как текста собственно вербальный аспект. При таком подходе к материалу исследования плоскость стены храма сопоставима с листом рукописной книги, каждую строку которой вписывал новый писец, подчас сопровождая эти строки-высказывания рисунками на полях.

Насущная задача историков древнерусского искусства — сбор, фотофиксация и публикация памятников древнерусской “графики”. Необходимо объединить усилия искусствоведов, реставраторов, эпиграфистов, историков архитектуры, тем более, что этот материал подвержен разрушению времени. может исчезнуть либо в результате разрушений, либо при ремонтно-строительных работах. Публикуемые средневековые рисунки-граффити из двух храмов Новгорода составляют лишь малую часть имеющегося в нашем распоряжении материала. Полная его публикация — дело ближайшего будущего.

Васильев Б.Г. 1996. Рисунки-граффити церкви Св.Георгия в Старой Ладоге // Ладога и Северная Европа. Чт.ПАМ. № 2. СПб.

Высоцкий С.А. 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев.

Высоцкий С.А. 1976. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев.

Высоцкий С.А. 1985. Киевские граффити XI-XVII вв. Киев.

Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985.

Медведева А.А.1977. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М.

Никитина Ю.И. 1990. Рисунки-граффити из Софии Новгородской // СА. № 3.

Рождественская Т.В. 1992. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI-XV вв. СПб.

Рыбина Е.А. 1986. Иноземные дворы в Новгороде. XII-XVII вв. М.

К вопросу о технологии изготовления железных изделий в средневековом Пскове (по материалам Довмонта города)

Более десяти лет назад В.Д.Белецкий передал в Лабораторию естественно-научных методов Института археологии РАН для металлографического исследования 22 железных предмета, найденных при раскопках Довмонта города Пскова. Эта небольшая коллекция, как мне тогда казалось, не представляла интерес для публикации с позиции технологических характеристик, поскольку почти полностью повторяла технологические схемы изготовления изделий из раскопок в Псковском Кремле, проводившихся под руководством С.А.Таракановой (Колчин 1953: 17). Намеченные в ближайшей перспективе масштабные работы по изучению железной металлургии и железообработки средневекового Пскова с привлечением к разработке этой темы металлографических методов, а также вышедшая статья Г.А.Вознесенской (1996: 219-228), посвященная технологии изготовления кузнечных изделий из раскопок в Среднем городе Пскова (раскопки И.Клабутиной), побудили ввести в научный оборот результаты металлографического исследования этой небольшой коллекции.

По стратиграфическим данным все предметы рассматриваемой коллекции обнаружены в нижнем слое Довмонта города, в отложениях, датируемых концом IX-XIII вв. (Белецкий С. 1996: 61). Среди них преобладают ножи – 15 экземпляров, а остальные категории представлены единичными экземплярами – ножницы, два серпа, скребница, кинжал, два наконечника копья. Микроскопическое исследование осуществлялось на основе разработанной Б.А.Колчиным методики на металломикроскопе МИМ-7, измерение микротвердости структурных составляющих на микротвердомере ПМТ-3 при нагрузке 100 г, выявление структур производилось травлением 4% раствором азотной кислоты в спирте. Рассмотрение технологических характеристик дано по категориям. Результаты микроскопического исследования сведены в таблицу (рис.1).

Ножи (рис.2). Представлены как целыми экземплярами, так и обломками. По формальным признакам их можно условно разделить на две группы: одна имеет узкий клиновидного сечения клинок, переходящий в черешок четкими уступами, широкий обушок (4-5 мм), длинный шилообразный черешок; вторая группа имеет широкий клинок,

Технологии									
Категории	а	б	в	г	д	е	ж	з	и
Ножи	2	1		4/3	2/2	5/4	1/1		
Ножницы								1	
Скребницы		1							
Серпы	1		1/1						
Кинжалы		1/1							
Наконечники копий									2

Рис. 1. Распределение изделий из Довмонтова города, прошедших металлографическое исследование, по технологическим схемам. а — целиком из железа; б — целиком из стали; в — пакетирование; г — из трех полос; д — вварка; е — торцовая наварка; ж — V-образная наварка; з — косая наварка; и — сварочный дамаск.

переход от клинка к черешку, как правило, выражен менее четко, толщина обушка составляет 2,5-3мм, черешок короткий.

Микроскопическое исследование выявило пять технологических схем изготовления ножей. Из железа, сильно загрязненного шлаковыми включениями, откованы два ножа (рис.1, ан.2254, 2258), при изготовлении одного из них (ан.2258) использовано железо с повышенной твердостью (микротвердость феррита колеблется от 236 до 297 кг/мм²), другой имел обычную для сыродутного железа твердость — 193 кг/мм². Из сырцової стали с содержанием углерода примерно 0,2-0,4% откован один нож (ан.2264), микротвердость феррито-перлитной структуры — 236 кг/мм². В схеме трехслойного пакета изготовлены клинки четырех ножей (ан.2255, 2256, 2266, 2268). Три ножа термообработаны — закалены на мартенсит (микротвердость 420, 464, 824 кг/мм², микротвердость феррита в железных полосах 160-170 кг/мм²), стальная полоса четвертого ножа (ан.2255) имеет структуру отжига — перлит глобулярного строения. В данном случае отжиг — специальный прием термообработки, применявшийся для улучшения качества металла, не был, видимо, преднамеренным, а возник как результат попадания изделия в огонь (например, в пожар). Микротвердость феррита в железных полосах 236 кг/мм², феррито-перлитной структуры в стальной полосе 221 кг/мм². По технологии вварки стальной полосы в железную основу изготовлены два ножа (ан.2257, 2263). Оба орудия закалены (структурное состояние — мартенсит, троостит, микротвердость 322, 464 кг/мм², микротвердость феррита в железной основе колеблется от 206 до 297 кг/мм²). Клинков с наварными стальными лезвиями оказалось шесть, из которых пять выполнены по схеме торцовой наварки (ан.2253, 2259, 2262, 2265, 2267), один (ан.2261) — в виде латинской буквы V. Термообработку на мартенсит имеют три ножа (ан.2253, 2261, 2265), микротвердость 572, 724 кг/мм², близко к сорбиту отпуска — два ножа, микротвердость 236, 254, 297 кг/мм². В одном случае (ан.2259) термообработка отсутствует: структура на лезвийной части — перлит (содержание углерода 0,7-0,8%, микротвердость 274 кг/мм²). На всех образцах этой технологической группы микротвердость феррита в железной основе составляет 143, 151, 193 кг/мм².

Среди ножей с наварными лезвиями выделяется нож (ан.2265), основа которого сварена из нескольких кусочков разнородного металла.

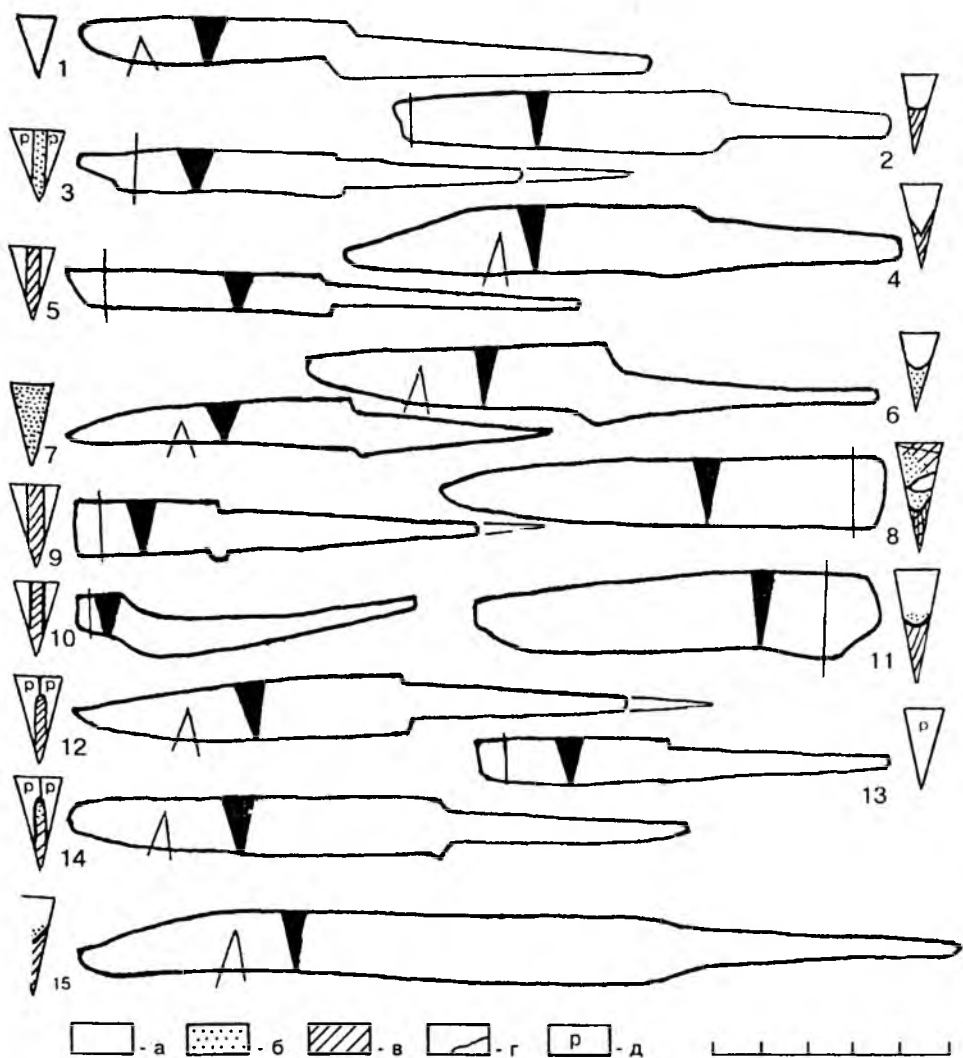

Рис. 2 Ножи и технологические схемы их изготовления. 1 — ан.2254; 2 — ан.2259; 3 — ан.2255; 4 — ан.2261; 5 — ан.2256; 6 — ан.2262; 7 — ан.2264; 8 — ан.2265; 9 — ан.2266; 10 — ан.2268; 11 — ан.2267; 12 — ан.2257; 13 — ан.2258; 14 — ан.2263; 15 — ан.2253. а — железо; б — сталь; в — термически обработанная сталь; г — сварка; д — фосфористое железо.

При этом сварочные швы имеют продольное по отношению к лезвию расположение. Соблазнительно объявить изготовление клинка этого ножа в технике сварочного дамаска, однако при таком исполнении обязательным компонентом подделочного материала выступает твердое (фосфористое) железо. Именно оно после полировки своим ярким серебристым блеском придает клинку красоту и парадность (Mazug, Nosek 1972: 291). Отсутствие такого сорта железа в металле рассматриваемого экземпляра, а также многополосность заготовки, пошедшей на лезвийную часть, не дает права для подобного заключения. Вероятнее всего, перед нами пример использования пакетированной заготовки, то есть соединение нескольких полос металла в единый блок для увеличения объема поковки.

Ножницы. Сохранилась одна половина. Как показало микроскопическое исследование, лезвийная часть выполнена косоугольной боковой наваркой стальной полосы (сталь среднеуглеродистая) на железную основу. Микротвердость феррито-перлитной структуры 274 кг/мм², микротвердость феррита железной основы 151 кг/мм² (рис.3, ан.2273). Сварка проведена неудачно — сварочный шов разошелся по месту сварки.

Скрёбница. Хорошо сохранившееся орудие. Дата находки определена XI-XII вв. (Белецкий В. 1991 49). Технологию изготовления можно рассматривать как сварку двух полос мягкой стали (ан.2272), микротвердость феррито-перлитных участков 151-181 кг/мм².

Серпы. Оба найденных серпа с обломанными лезвиями. Один серп (рис.3, ан.2252) откован в простейшей технологии — целиком из железа, металл сильно загрязнен шлаковыми включениями, микротвердость феррита 206-221 кг/мм². Второй серп (ан.2251), имеющий насечки на лезвии, сварен примерно из шести полос высокоуглеродистой стали и полосы железа, а после отковки закален на мартенсит (микротвердость феррита 181-193 кг/мм², мартенсита 514, 724, 946 кг/мм²).

Кинжал. Исследованный клинок хорошей сохранности. Как показало микроскопическое исследование, он откован из качественной высокоуглеродистой стали, практически не содержащей шлаковых включений (рис.3 ан.2269). Структура — сорбитообразный перлит, микротвердость 322-350 кг/мм². Показатели такой микротвердости свидетельствуют о применении закалки в мягкой закалочной среде (масло, кровь, жир).

Наконечники копий. Исследовано два наконечника. Один — целый линзовидного сечения (рис.3, ан.2270), у второго (ан.2271) сохранилась только часть пера, сечение ромбовидное. У целого экземпляра выпил для исследования составлял 1/2 часть поперечного сечения пера. Металлографическое изучение показало, что основу пера составляли две полосы мягкой сырьевой стали с содержанием углерода 0,1-0,5% сильно загрязненной шлаками (микротвердость ферритных участков 122-128 кг/мм², феррито-перлитных 151-170 кг/мм²). Между ними вставлена тонкая полоска из твердого железа, имеющего микротвердость феррита 236, 254 кг/мм². Сварочные швы расположены поперек сечения. Поскольку выпил взят лишь с 1/2 части поперечного сечения, можно только полагать, что аналогичная картина должна была наблюдаться и на второй его части. Близкий технологический прием обнаружен и на другом копье (ан.2271): основой пера послужили две полосы обычного железа (микротвердость феррита 170 кг/мм²), между ними — вставка, состоящая из двух очень тонких пластинок (толщина каждой не более 1 мм) твердого железа (микротвердость феррита 236, 254, 274 кг/мм²). У обоих экземплярах сварочные швы четкие.

Таким образом, оба наконечника копий демонстрируют образцы изделий из дамасской стали, вызывающие восхищение своими узорами, выступающими на поверхностях пера. В данном случае используется простой линейный узор. Аналогичный технологический стереотип изготовления наконечников копий прослежен в материалах Гнездовского могильника, в курганах с обрядом труположения (Пушкина, Розанова 1992: 211-212), хотя типологического сходства между псковскими и гнездовскими экземплярами не наблюдается.

Обобщая результаты металлографического исследования железных предметов из Довмонтова города Пскова, можно отметить следующее. При отковке изделий использовались разнообразные материалы: обыч-

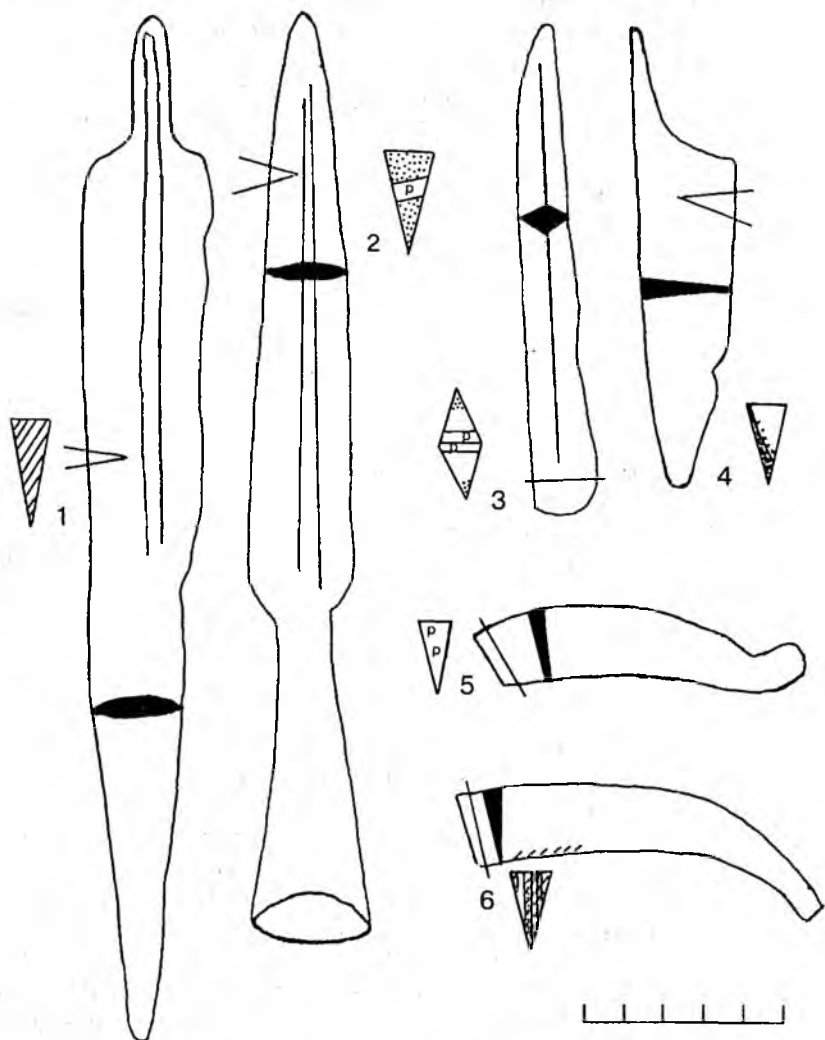

Рис. 3 Кинжал, наконечники копий, ножницы, серпы и технологические схемы их изготовления (условные обозначения на рис.2). 1 — ан.2269; 2 — ан.2270; 3 — ан.2271; 4 — ан.2273; 5 — ан.2252; 6 — ан.2251.

ное железо, твердое железо, сырцовая металлургического происхождения сталь, цементованная специально полученная сталь. Цементованная сталь применялась только в сварных поковках в виде пластин для изготовления рабочей части изделия. Целиком из хорошего стального материала откован лишь кинжальный клинок. В технологиях заметно преобладали прогрессивные, сварные технологии, рационально расходующие дорогостоящий стальной материал. Сварные конструкции зафиксированы у 15 изделий из 22; они представлены наиболее распространенными в древней Руси схемами: трехслойным пакетом, вваркой, наваркой.

В целом по соотношению архаичных технологий (целиком из железа, стали, пакетирование) и прогрессивных, основанных на сочетании железного и стального материалов с выходом стали на рабочую часть, кузнечное ремесло Пскова X-XIII вв. вписывается в северорус-

скую традицию железообработки, характеризующуюся преобладанием сварных технологий.

Судя по металлографическим данным, кузнечное ремесло Южной Руси IX-XIII вв. развивалось в традициях предшествующего времени: преимущественное использование простых технологий — целиком из железа и стали, сохранение такого архаичного приема, как цементация (Вознесенская, Коваленко 1985: 106-108). В сумме эти технологии занимали доминирующее положение. И хотя сварные технологии были известны практически все (наварка, трехслойный пакет, пятислойный пакет, вварка, из двух полос), наиболее употребима была наварка, но и она занимала подчиненное положение по отношению к архаичным технологиям (Розанова 1997: 266-271).

Для выявления технологических особенностей, присущих кузнечному производству того или иного поселения, эталоном всегда служили ножи, являющиеся не только самой массовой находкой среди железного инвентаря, но и наиболее отчетливо отражающие эти особенности. В исследованной коллекции из Довмонтова города при изготовлении ножей чаще применялись прогрессивные технологии — трехслойный пакет, вварка, наварка, в сумме составляющие 80%. В то же время простые технологии — целиком из железа и стали — занимали подчиненное положение, составляя лишь 20%. В Новгороде (Завьялов, Розанова 1990 179) соотношение сварных и простых технологий дает близкие показатели: из 209 экземпляров, относящихся к X-XIII вв., сварные составляют 82,3%, простые — 17,3% .

При сопоставлении типологии псковских ножей с технологией их изготовления обнаруживается четкая зависимость: ножи, выделенные нами в первую группу (узкий клинок с толстым обушком, переход от клинка к черешку обозначен уступами, черешок длинный, шилообразный), откованы в схеме трехслойного пакета (4), вварки (2), целиком из железа (2) и стали (1); ножи второй группы (клинок с широким лезвием, тонкой спинкой и коротким черешком), имели только наварное лезвие.

Тщательно разработанная стратиграфическая хронология в Новгороде позволила установить, что ножи с узкими клинками имели распространение только в нижних ярусах культурного слоя, датируемого X-XI вв. и изготавливались по технологиям трехслойного пакета и вварки. В течение XII в. происходит быстрая смена узколезвийных ножей на широколезвийные, одновременно меняется и технология — господствующей становится наварка (Колчин 1959: 50-52). А.Е.Леонтьев рассматривает ножи с узким клинком и длинным черешком (по его классификации, отдел II, тип 2) как самый распространенный среди древнерусских орудий X-XI вв. и подчеркивает их характерность — трехслойную структуру клинка (Леонтьев 1976: 42). Р.С.Минасян считает, что ножи с узким клинком (группа IV, по его классификации) появляются в Восточной Европе в последней четверти I тысячелетия н.э. из Северной Европы и бытуют до начала XII в., при этом везде, где есть скандинавские материалы, известны и ножи группы IV. С XII в. они уступают место ножам, встречавшихся регулярно на раннеславянских памятниках (Минасян 1980: 13-14). Напомним, что самые ранние ножи с узким клинком и длинным черешком встречены в нижних слоях Земляного городища Старой Ладogi, и выполнены они трехполосовой сваркой (Розанова 1994: 177).

Технологии Районы города							
	а	б	в	г	д	е	ж
Кремль	2	1		2		1	3
Довмонттов город	2	1		4	2	5	1
Средний город	6	4	1	1	1	1	

Рис. 4 Распределение ножей X-XIII вв. в древних частях Пскова по технологическим схемам. Условные обозначения см.: рис.1.

Псковские ножи из Довмونتова города, составляющие в нашей коллекции первую группу, представляют ранний тип древнерусских орудий и выполнены в типичных для них технологических схемах — трехслойного пакета и вварки. Истоки этих технологий восходят к производственным традициям Северной Европы. Обнаруженные в этой технологической группе ножи, откованные в простых технологиях, можно рассматривать как производственный брак, либо подражание увиденным образцам. Ножи второй группы генетически связаны со славянским миром. Наварная технология известна на славянских памятниках в Польше, Чехии и Словакии еще в эпоху раннего средневековья (Пясковский 1972: 69-70; Pleiner 1962: 130).

Исходя из имеющихся на сей день данных можно заключить, что кузнечное ремесло средневекового Пскова складывалось на основе нескольких этнокультурных традиций. Пока наиболее отчетливо проявляются две: скандинавская и славянская.

В заключение нельзя не обратить внимания на парадоксальную ситуацию, сложившуюся при анализе результатов технологического исследования материалов X-XIII вв., происходящих из разных частей древнего города. Сравнивая полученные технологические характеристики кузнечных изделий из Довмонттова города с имеющимися технологическими данными по материалам из Среднего города и Кремля, бросается в глаза сходство технологий при изготовлении таких изделий массового спроса, как ножи, найденных на территории Довмонттова города и Кремля, и очевидное отличие их от технологии изготовления таких же изделий, происходящих с территории Среднего города (рис.4). Основное различие состоит в том, что для Среднего города характерно употребление ножей, выполненных в простых архаичных технологиях (11 экземпляров из 14 исследованных), в то время как для Кремля и Довмонттова города наиболее употребимы сварные технологические схемы (18 экземпляров из 24 исследованных).

Хочется надеяться, что изучение железообработки древнего Пскова с использованием металлографических методов будет продолжено, и накопленные аналитические данные позволят исследователям, в конечном счете, представить более полно и объективно картину развития кузнечного ремесла этого древнерусского города — его истоки, динамику, техническую культуру.

- Белецкий С.В. 1996. Начало Пскова // Белецкий в.Д., Белецкий С.В. Городское ядро средневекового Пскова. Ч.1. СПб.
- Вознесенская Г.А. 1996. Технология изготовления кузнечных изделий в древнем Пскове // Археологическое изучение Пскова. Вып.3. Раскопки в древней части Среднего города (1967-1991). Материалы и исследования. Том 1. Псков.
- Вознесенская Г.А., Коваленко В.П. 1985. О технике кузнечного производства в городах Чернигово-Северской земли // Земли Южной Руси в IX-XV вв. Киев.
- Зашьяков В.И., Розанова Л.С. 1990. К вопросу о производственной технологии ножей в древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Материалы по археологии Новгорода 1988. М.
- Колчин Б. А. 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. № 32.
- Колчин Б.А. 1959. Железообрабатывающее производство Новгорода Великого // МИА. № 65.
- Леонтьев А.Е. 1976. Классификация ножей Сарского городища // СА. № 2.
- Минасян Р.С. 1980. Раннеславянский хозяйственно-бытовой инвентарь и его появление в лесной зоне Восточной Европы // Азгорефдисс. ...канд.ист.наук. Л.
- Пункина Т.А., Розанова Л.С. 1992. Кузнечные изделия из Гнездова // РА. № 2.
- Пясковецкий Е. 1972. Металловедческие исследования древних железных предметов, найденных на польских землях // Вопросы истории естествознания и техники. М.
- Розанова Л.С. 1994. К вопросу о технических приемах изготовления железных изделий из Старой Ладги в докивижский период // Новгородские археологические чтения. Новгород.
- Розанова Л.С. 1997. Пути развития и формирование традиций в кузнечном ремесле Древней Руси // Н.Н.Терехова, Л.С.Розанова, В.И.Зашьяков, М.М.Толмачева. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.
- Mazur A., Nosek E. 1972. Wezsnosredniowieczne noze dzjwerowane z Wroclawie // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. Roc XVII. № 2. Warszawa.
- Pleiner R. 1962. Stare evropske kovarstvi. Praha.

Снаряжение верхового коня из Старой Ладogi

(к истории русско-западноевропейских связей)

в московскую эпоху)

Раскопки Земляного городища в Старой Ладoge, проводившиеся автором в 1973-1975 и 1981-1985 гг. дали интересные данные о культуре, хозяйстве и международных связях населения в конце I тысячелетия н.э. (Рябинин 1985: 27-75; Рябинин, Черных 1988: 72-100), дополнившие и уточнившие картину, полученную раскопками Н.И.Репникова (1909-1913 гг.) и В.И.Равдоникаса (1938-1958 гг.). В процессе работ была вскрыта площадь 330 м² и впервые изучены участки, примыкавшие к западной линии позднесредневековых валов, а, отчасти, залегавшие под самой оборонительной системой (рис.1,А). Раскопками были получены новые данные о наименее изученном позднесредневековом периоде в истории Ладogi, с конца XV в. вошедшей в состав Московского централизованного государства. Некоторым аспектам последней проблемы и посвящена настоящая публикация. Хотя рассматриваемые сюжеты уже получили освещение в журнале бельгийских славистов (г.Гент), они, по существу, остаются недоступными для российских специалистов.

Верхний уровень непо потревоженных культурных отложений на Земляном городище соответствует горизонту В (по В.И.Равдоникасу), традиционно датируемому концом XVI — началом XVII вв. (Равдоникас, Лаушкин 1959: 26). Специфика исследованного участка позволила расширить хронологические рамки горизонта в пределах XV-XVII вв. (Рябинин 1985: 30,31).

Среди древностей этого уровня представительную серию образуют находки военно-дружинного характера. Обращает на себя внимание их концентрация в привальной части — у склона естественного всхолмления, ограничивавшего распространение поселенческой зоны в напольную сторону (рис.1,Б). На уровне 0,00 — -0,18 м от репера¹ встречены свинцовые пули от ручных пищалей. Здесь же обнаружены детали

¹ Общепринятый для Земляного городища репер — условная точка на глубине 0,6 м от поверхности восточной границы раскопа 1938-1959 гг. (Равдоникас 1949: 14).

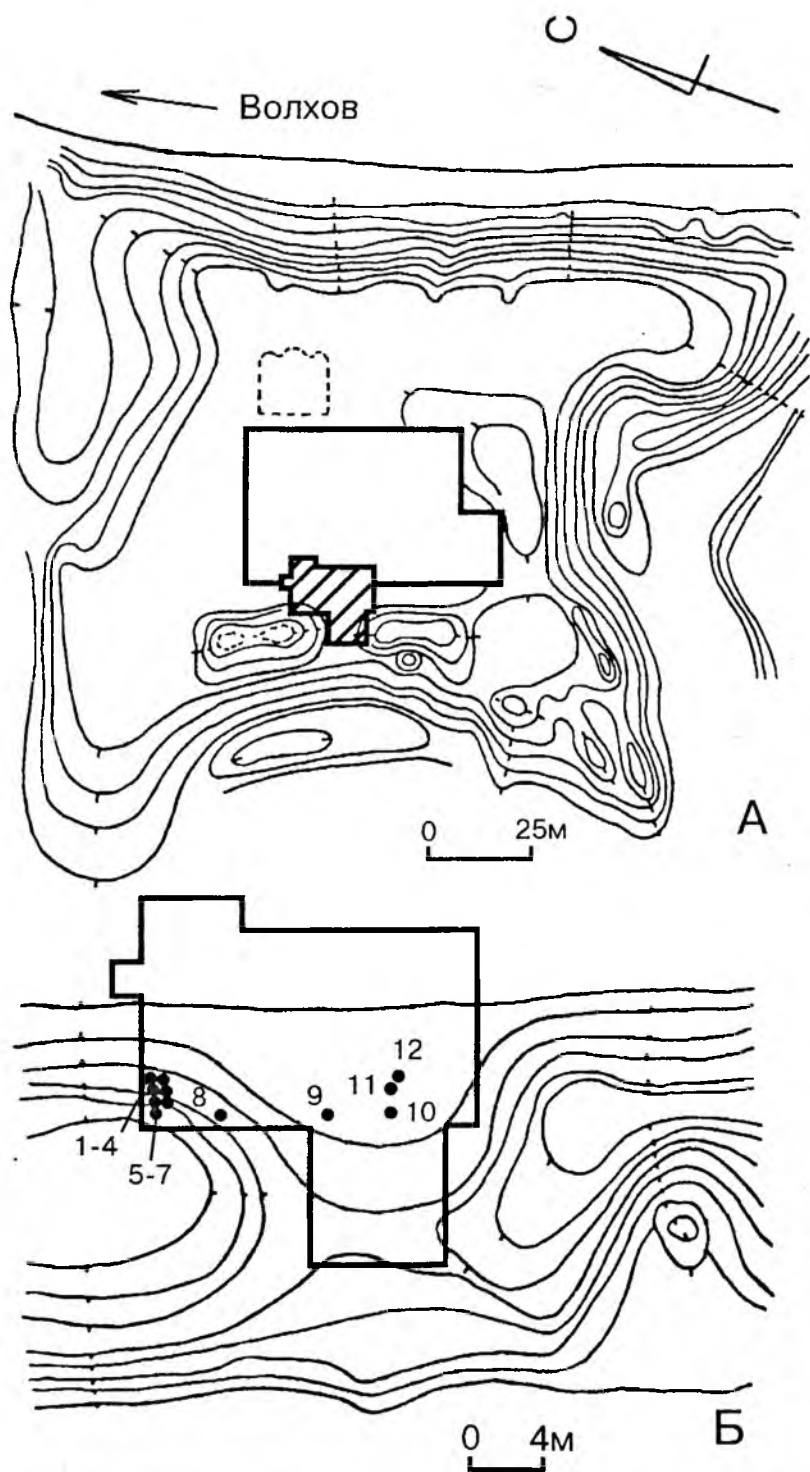

Рис. 1 План Старорадожского Земляного городища с локализацией раскопов (А; раскоп 1973-1985 гг. обозначен косой штриховкой) и план раскопа 1973-1985 гг. с прилегающей частью валов (Б). № 1-12 — локализация находок в площади раскопа (1-3 — рис.3, *1a, 1б, 2*; 4-6 — рис.2, *1-3*; 7 — рис.2, *9*; 8-12 — рис.2, *4-8*)

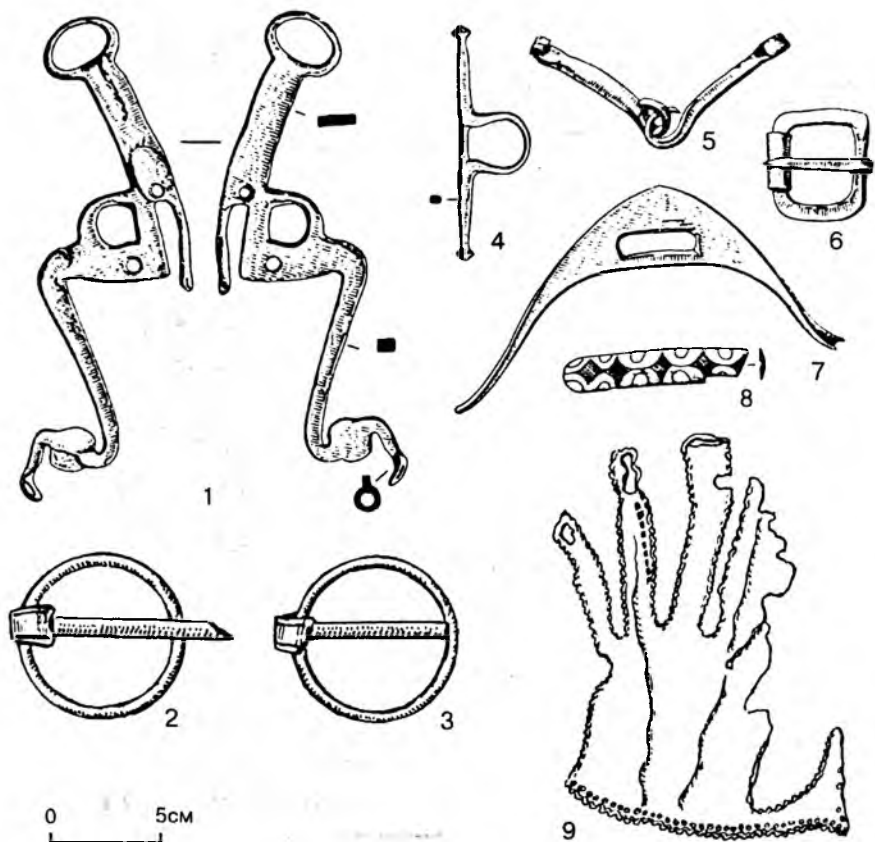

Рис. 2 Находки из горизонта В. 1-7 — железо; 8 — кость; 9 — кожа.

снаряжения верхового коня — фрагмент стремени, удила, псалий, подпружная пряжка.

Стремя (рис.2,7), типологическое определение которого затруднено из-за отсутствия подножки, ближе всего стоит к изделиям типа VII по А.Н.Кирпичникову; модификации последних встречаются вплоть до XVII в. (Кирпичников 1973: 12-16; Никитин 1971: табл.4,11).

Псалий (рис.2,4) относится к типу II по А.Н.Кирпичникову. Конструкция удил этого типа, оказавшаяся весьма рациональной, сохранилась до современности; изделия аналогичной формы имеются среди древностей XVI-XVII вв. (Кирпичников 1973: 12-16; Никитин 1971: табл.4,11).

К элементам снаряжения верхового коня принадлежат также звенья грызла, крепившегося к поводным кольцам (рис.2,5). Железная четырехугольная пряжка (рис.2,6), аналогичная древнерусским подпружным пряжкам X-XIII вв., относится к числу традиционных деталей упряжи, часть которых могла использоваться и для конской сбруи в XVI-XVII вв. (Кирпичников 1973: 76-78, рис.43,2; Никитин 1971: 42, табл.6,15,16).

Верхняя хронологическая дата рассмотренных находок определяется в диапазоне XVI-XVII вв., что предполагает возможность использования некоторых из них уже в период существования земляных укреплений и, соответственно, пребывания здесь служилых людей. Земляной город в Ладоге являлся дополнением к построенной в конце XV в. каменной

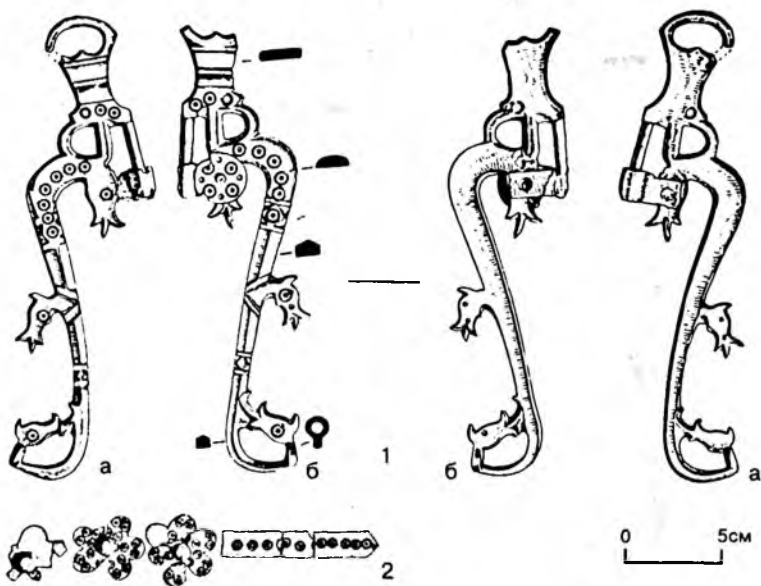

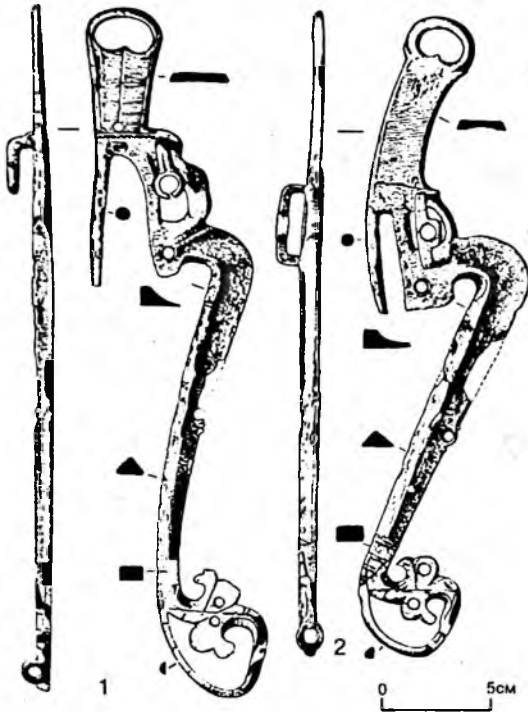
Рис. 3 Находки из горизонта В.

крепости, образуя вместе с ней единую оборонительную систему. По заключению А.Н.Кирпичникова, возведение земляной крепости бастионного типа относится к концу XVI в. Вероятной датой строительства является 1585 г., когда, согласно разрядной книге, “в Ладоге город делал Василий Петров сын Головин” (Кирпичников 1978: 471-472).

Особый интерес представляют древности военно-дружинного назначения, обнаруженные в 1981 г. при прорезке западного вала в его средней части, перекрытые земляными укреплениями и, очевидно, предшествующие времени их сооружения. Можно указать, в частности, на находку костяной орнаментированной накладки — принадлежности ручного огнестрельного оружия (рис.2,8); аналогии последней известны в слоях первой половины XVI в. в крепости Орешек (Кирпичников 1980: 95-97, рис 29,5,6). Но особую историко-культурную значимость представляет комплекс вещей, выявленный под насыпью вала и локализованный на ограниченном участке (рис.1,Б, № 1-7). На глубине -0,27 — -0,34 м от репера здесь встречены три цельнометаллических мундштука, орнаментальные детали конской сбруи и две подпружные пряжки, относящиеся к уникальному для позднесредневековой Руси снаряжению верхового коня.

Парный набор из мундштуков с боковыми щечками (нем. Kandarenseitenstangen), изготовленных из ковanej меди (рис.3,1). Общая длина предметов 23,5 см. Изготовлены из массивной фигурной пластины с коленчатым перегибом в верхней трети. Более короткие уплощенные концы щечек завершены широким овальным отверстием с продольным диаметром 25 мм. Расположенная ниже часть мундштука имеет S-образную форму, украшена на концах и с наружной стороны стилизованными изображениями конских головок. Переход от верхней к средней трети характеризуется наличием полукруглого отверстия (максимальные размеры 15 x 15 мм) и прямоугольной петли (25 x 8-10 мм) в виде

Рис. 4 Аналогии ладожским находкам из Северной Германии (Штуэр).

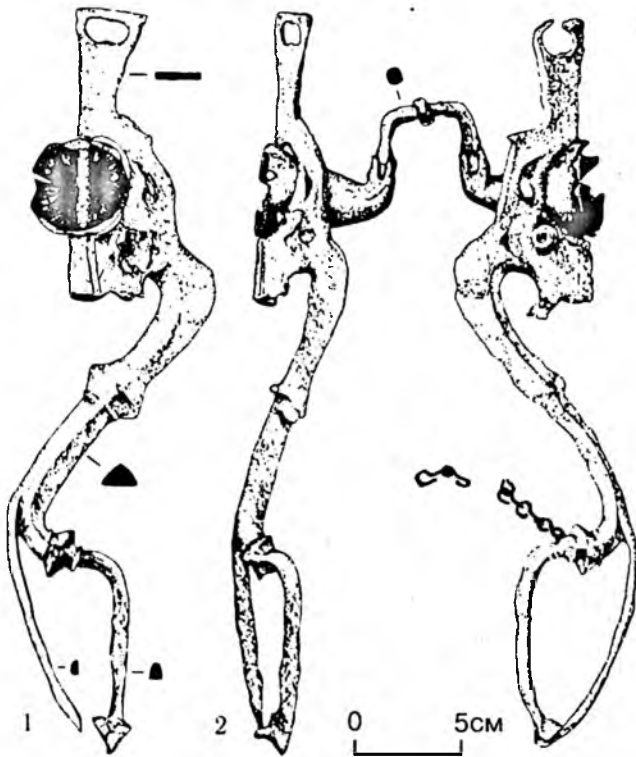

отходящего от пластины стержня, замкнутого на приемник; кроме того, над полукруглой петлей в пластине имеется маленькое круглое отверстие диаметром 5 мм. Нижний зооморфный конец также завершается выгнутой наружу петлей с продольным диаметром отверстия 25 мм. Наружная поверхность мундштуков украшена углубленным циркульным и геометрическим орнаментом. На одной из пластин сохранилась круглая орнаментированная накладка диаметром 25 мм, перекрывающая приемник четырехугольной петли.

Как показывают параллельные данные, кольца на более коротких верхних концах щечек использовались для соединения мундштуков с суголовным ремнем особого мундштучного оголовья (Glossarium armorum 1972: tab.94,4; Glossarium armorum 1981: 40; Гуревич, Роголев 1991: 117-118). Полукруглые петли на известных позднесредневековых мундштуках трактуются в качестве соединителей прижима для языка лошади — грызла (Schoknecht 1983: 141). С этой же деталью конской упряжи связаны, очевидно, и прямоугольные петли с приемником. К нижним концам мундштука за кольца пристегивался провод.

Мундштук с боковыми щечками, изготовленный из железа и значительно более скромный по исполнению (рис.2:1). Длина массивной пластины с коленчатым перегибом в средней части составляет 21 см. Верхний конец также оформлен в виде овальной петли с продольным диаметром 25 мм. На месте перегиба имеются полукруглое отверстие (максимальные размеры 15 x 15 мм) и два мелких круглых отверстия диаметром 5 мм. К самой пластине параллельно линии выступа с внутренней стороны приклепан стержневидный отросток длиной 40 мм, отстоящий от края щечек на расстоянии 8-10 мм и сопоставимый по функциональному назначению с прямоугольной петлей на медных мун-

Рис. 5 Аналогии ладожским находкам из Северной Германии (Розсбург).

дштуках. Нижний конец щечек оформлен в виде стилизованной зооморфной (предположительно конской) головки с поперечным отверстием на своем завершении (диаметр 7 мм).

Набор металлических деталей узды или оголовья (рис.3,2). Найден совместно с медными мундштуками и явно принадлежит к общему с ними комплекту упряжи. При его обнаружении отмечены остатки истлевшего узкого кожаного ремня, к которому крепились бронзовые бляшки и наконечник. Наконечник из тонкой бронзовой пластинки (длина 75 мм, ширина 14 мм) украшен по продольной оси углубленным циркульным узором, аналогичным декору мундштуков. На треугольном конце и в центре некоторых орнаментальных кружков имеются мелкие сквозные отверстия для штифтов, посредством которых эти детали крепились к ременной основе. Судя по сохранившимся накладным бляшкам, часть которых распалась и не поддается количественному учету, они имели форму розеток с шестью лепестками и полым "жемчужным" выступом в центре. Диаметр бляшек около 35 мм, их наружная поверхность также покрыта углубленным циркульным орнаментом.

Пара подпружных железных пряжек (рис.2,2,3) имеющих круглую форму и длинные иглы. Диаметр колец 55 мм, основание иглы по краям украшено линейной гравировкой. По типологическим признакам эти находки существенно отличаются от сходных по назначению изделий древнерусской эпохи (ср.: Кирпичников 1973: 76-78). Тщательность отделки и наличие тонкого декора позволяют отнести подпружные пряжки к парадному снаряжению верхового коня.

Уникальность встреченного набора конской упряжи определяется как целостностью состава и богатством исполнения, так и его характером, особенно при учете датировки самого комплекса. Прежде всего, речь идет о цельнометаллических жестких мундштуках – специального удила, изобретенного, как полагают, в XVI в. и вошедшего в обиход во время расцвета высшей верховой езды (Гуревич, Роголев 1991: 117). В позднесредневековой Руси находки такого рода не встречены, имеющийся круг аналогий уводит в мир западноевропейского рыцарства. Наиболее близкие из известных нам мундштуков происходят из замка Штуэр в Мекленбурге (Schoknecht 1983: 140-144, Abb.2, a, b). Это два непарных изделия, выполненные из железа (рис.4, 1, 2). Их размеры составляют 29-31 см, нижний конец щечек завершается растительным декором. Покрывающие наружную поверхность насечки имеют следы серебряной инкрустации.

По утверждению автора публикации, среди археологического материала позднего средневековья и начала нового времени из Мекленбурга такие мундштуки представлены впервые. Они интерпретируются в качестве деталей очень богатого снаряжения рыцарского коня, использовавшегося на турнирах. Археологическая дата находок, обнаруженных в замковом рве – XVI – возможно начало XVII в. При этом отмечается их близость пышному рыцарскому снаряжению, изготовленному в 1580 г. в Аугсбурге и хранящемуся в Дрезденском Историческом музее.

Еще один сходный по характеру и функциональному назначению комплекс находок (рис.5, 1, 2) происходит из рыцарского погребения XVI в. в Розебурге на территории Шлезвиг-Гольштейна (Muller-Wille 1977: 52, 53, 59, Abb.10). У.Шокнехт отмечает хронологическую близость последнего с древнейшим изображением мундштуков на гравюре А.Дюрера 1518 г. (Schoknecht 1983: 143).

Характеризуя изделия из замка Штуэр, тот же автор заключает, что по качеству исполнения эти находки не уступают дрезденским, свидетельствуя о могуществе и богатстве владельцев Штуэра. При обращении к ладожскому комплексу можно с уверенностью утверждать, что не менее высокая оценка может быть высказана и в его отношении, особенно применительно к выделяющимся своим декором и самим материалом медным мундштукам с боковыми щечками. Своеобразие мотивов орнаментации наших находок не позволяет пока решить вопрос о месте их изготовления. Неясным остается вопрос и о причинах появления в Ладоге XVI в. специфической упряжи, использовавшейся, судя по приведенным параллелям, в обиходе западноевропейских рыцарей. Здесь, однако, следует указать на еще одну интересную находку, обнаруженную в пределах рассматриваемого скопления и на том же уровне – фрагмент перчатки из тщательно выделанной тонкой кожи (рис.2, 9). Насколько нам известно, подобные изделия в позднесредневековых центрах Северо-Западной Руси до сих пор археологически не засвидетельствованы (ср.: Изюмова 1959: 192-222; Оятева 1962: 77-94; 1965: 52-59). В контексте с публикуемым комплексом эта столь же необычная для русского населения XVI в. деталь одежды может служить дополнительным подтверждением далеко не случайного появления в Ладоге уникального снаряжения верхового коня, связанного по происхождению с Западной Европой.

- Изьомова С.А. 1959. К истории коженного и сапожного ремесла Великого Новгорода // МИА. №65.
- Кириичников А.Н. 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Русь X-XIII вв. // САИ. Е1-36. Л.
- Кириичников А.Н. 1979. Крепости бастионного типа в средневековой России // ПКНО-1978. Л.
- Кириичников А.Н. 1980. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л.
- Никитин А.В. 1971. Русское кузнечное ремесло XVI-XVII вв. // САИ. Е1-34. М.
- Оятева Е.И. 1962. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. № 4. Л.
- Оятева Е.И. 1965. Обувь и другие кожаные изделия из Старой Ладogi // АСГЭ. № 7. Л.
- Равдоникас В.И. 1949. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938-1947 гг.) Часть I // СА. № XI.
- Равдоникас Н.И., Лаушкин К.Д. 1959. Об открытии в Старой Ладoge рунической надписи на дереве в 1950 году // Скандинавский сборник. IV. Таллин.
- Рябинин Е.А. 1985. Новые открытия в Старой Ладoge (итоги раскопок на Земляном городище 1973-1975 гг.) // Средневековая Ладога. Л.
- Рябинин Е.А. 1992. Уникальный комплекс снаряжения верхового коня из Старой Ладogi (к истории русско-западноевропейских связей в Московскую эпоху // Slavica Gandensia. 19. Gent.
- Рябинин Е.А., Черных Н.Б. 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладогского Земляного городища в свете новых исследований // СА. № 1.
- Glossarium armorum. Arma defensiva. Tabulae. Graz. 1972.
- Glossarium armorum. Arma defensiva. Graz. 1972.
- Muller-Wille M. 1977. Krieger und Reiter im Spiegel fruh- und hochmittelalterlicher Funde Schleswig-Holsteins // Offa. 34. Neumunster.
- Schoknecht U. 1983. Mittelalterliche Trensenbeschlage von Penzlin, Kr.Waren, und Stuer-Vorwerk, Kr.Robel // Auf. 28/3. Berlin.

К истории русского интерьера петровского времени

(ткани в домах А. Д. Меншикова)

Одним из наиболее характерных материалов, применяемых для отделки жилых помещений в России в допетровское время и в XVIII в. были ткани. Характерным примером использования тканей в интерьере Петровского времени могут служить интерьеры дворцов А. Д. Меншикова. В его домах в Москве применялась сплошная обивка стен яркими цветными тканями. В Петербурге в домах светлейшего князя применялись разнообразные виды тканей: шелк, сукно, бархат, набойка. Ткани использовались в связи с архитектурным решением интерьера: ими обивалась верхняя часть стен, а нижнюю занимали панели, деревянные или оформленные фаянсовыми плитками (Калязина, Дорофеева, Михайлов 1986: 176).

Изучение характера использования тканей в интерьерах дворцов А. Д. Меншикова затруднено тем, что подлинные интерьеры с отделкой такого типа до настоящего времени не сохранились. Основными источниками, позволяющими реконструировать жилые интерьеры Петровского времени, в том числе и интерьеры дворцов А. Д. Меншикова, являются описи имущества. Основная часть описей имущества светлейшего князя была составлена в 1727-1728 гг. при конфискации, после его опалы и ссылки. Конфискация имущества одного из богатейших людей России проводилась тщательно: по каждому его дому составлялась опись, в которой учитывалось все — от обоев и мебели до мелких личных вещей. В большинстве случаев описание домов велось по помещениям. Составители описей переходили из одной комнаты в другую, подробно перечисляя все имевшиеся в помещениях детали отделки и предметы убранства. Исключение составляет самый большой и богатый дом — резиденция генерал-губернатора в Петербурге на Васильевском острове. Имущество этого дома было сгруппировано в нескольких помещениях по типам предметов (отдельно предметы одежды А. Д. Меншикова и членов его семьи, посуда, мебель и т. п.). Каждая группа предметов была перечислена в отдельной описи. Всего по василеостровскому дому было составлено 30 описей (РГАДА, ф. 248, оп. 5, кн. 234, л. 441об.-443). Поэтому мы не имеем точных сведений об отделке интерьеров этого дома. Отдельные упоминания о вещах из дома на Васильевском острове содержатся в других документах, посвященных конфискации имущества А. Д. Меншикова.

Отделке стен в дворцах А. Д. Меншикова уделялось большое внимание. Приобретением обоев для домов светлейшего князя занимались изве-

стные российские представители за рубежом. Так, в 1716 г. А.Веселовский писал из Вены: “И хотя я всемерно старался известные обои до вашего указу удержать, но за дорогим умедлением оной шлахтич продал князю Шварценбергскому; я вместо тех купил здесь иные по белой же земле, токмо не таковы богаты и хороши, а дал за оные 375 червонных не хотел упустить” (РГАДА, ф. 198, д. 449, л. 1-1 об.). С.Л.Рагузинский в 1718 г. в Венеции заказал для А.Д.Меншикова сто аршин тканей на обои “последней моды каковы ныне употребляют в обои” (РГАДА, ф.198, д.464, л.10).

Сведения об обоях содержатся в описях почти всех домов А.Д.Меншикова. Уникальные сведения о цветовом решении интерьера содержит опись 1728 г. дома А.Д.Меншикова в Кронштадте. Составители описи указывали соотношение расцветки обоев и деревянных панелей стен и других элементов интерьера. В прихожей стены были обиты полотняными обоями “по зеленой земле наведено золотом и серебром”. Предпальня была оформлена в бело-синей гамме. Стены были обиты разноцветными шерстяными коврами. Нижняя часть стен, под окнами, была оформлена деревянными панелями, выкрашенными белой и синей красками. Камин был отделан бело-синими голландскими плитками. В спальне А.Д.Меншикова преобладал зеленый цвет. Стены были обиты расписными полотняными китайскими обоями, зеленой краской были выкрашены деревянные панели по периметру нижней части стен. Кровать светлейшего князя стояла под зеленым балдахином с отделкой белым галуном. Следующее помещение в доме было обито желтыми обоями, сочетавшимися с желтой окраской деревянных панелей, желтым были выкрашены сосновые двери, дверные крюки и петли, затворы на окнах (РГИА ф. 467, оп. 2, д. 68-А, л. 213-226). Подобное описание цветового решения интерьера уникально и представляет большое значение для характеристики эстетических представлений Петровского времени.

После конфискации имущества А.Д.Меншикова в 1727-1728 гг. декоративное решение интерьеров было нарушено. Не только предметы убранства, но и обои были сняты со стен и влились в состав императорского имущества. Так, в “Реэстре что взято в Кронштадте ко двору его императорского величества из бывшего Меншикова дома” 1728 г. среди прочего имущества значатся “обои травчатые набивные золотом 7 штук..., обои градусные волнистые..., обои холстинные травчатые..., обои набивные по холстине” (РГАДА, ф. 16, д. 79, л. 1-2 об.). Вероятно, впоследствии эти обои были использованы для обивки стен или нашли иное вторичное применение.

Обои были сняты и со стен дома А.Д.Меншикова в Петербурге. О них можно судить лишь по перечню обоев, отправленных в 1728 г. из Петербурга в Москву среди прочего конфискованного имущества¹. Судя

1 “Обои стенные и с завесом пунцовые камчатые и отласные, по ним травы шиты золотом и шелком, столбы объяринные полосатые щетом 13 штук, мерою длины во 6 штуках по 4 аршина по три четверти, ширины во всех по 17 аршин, в них 15 полотнищ, в них вшито 12 столбов, а в сами штуках мерою длины по 3 аршина по три четверти, ширины во всех 16 аршин с четвертью, в них 16 полотнищ, в них же вшито 14 столбов, да к ним три штуки, которые прибавютца над окнами, мерою длины по 2 аршина, к ним подзор такой же, мерою длины 28 аршин. Обои штофные с золотом и серебром. Обои штофные с золотом и серебром разных цветов, в них 6 штук мерою длины в четырех штуках по 4 аршина, ширины в них

по этому перечню, отделка стен тканями в каждом помещении представляла собой хорошо продуманную композицию с “подзорами” (имитацией бордюра), “столбами” (имитацией пилястр), с занавесами на окна и двери. При снятии тканей со стен комплект тканей, предназначенных для каждой комнаты, сохранялся.

На основании рассмотренного материала можно сделать вывод, что обои были важной и дорогостоящей частью декоративной отделки интерьера Петровского времени. Отделка тканями помещения представляла собой законченную композицию, основанную на сочетании ткани, покрывающей стены, с подзорами, столбами и занавесами, а также с архитектурными элементами интерьера. Ценность тканей в интерьере допускала их вторичное использование вне того интерьера, для которого они первоначально предназначались.

Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В. 1986. Дворец Меншикова. Художественная культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М.

---

13 аршин, а в двух штуках мерою длины по 4 аршина, ширины по 2 аршина, во оных шести штуках 17 полотнищ подложены крашениною зеленою, в них вшито 4 штуки маленьких, что над дверми, в дву штуках по 2 полотнища, а в двух по одному полотнищу, к ним подзор в одном полотнище штофном лазоревом, по нем травы золотные, мерою длины 23 аршина. 5 штук обоев и завесов китайских по таусинной и лазоревой земле шиты золотом и разными шелками с личинами, мерою длины в 2 аршина по три четверти, ширины 11 аршин без двух вершков, все-реди их вшита дверная штука, в других двух штуках мерою длины 12 аршин три четверти, другая мерою 3 аршина три четверти, ширины в обоих 7 аршин без двух вершков, в середину их вшита дверная штука, в штуке мерою длины 3 аршина три четверти, ширины 4 аршина. К ним подзор отласной таусинной шит золотыми и шелковыми травами 5 штук мерою длины 23 аршина, к ним же окошечных 5 штук таких же цветов, мерою длины в четырех штуках по 3 аршина по три четверти, в них по 1 полотнищу, а в пятой штуке мерою длины 6 аршин в пол полотнища. Обои китайские отласные пунцовые травы, шиты золотом и разными шелками, 6 штук без подкладки, мерою длины в двух штуках по 6 аршин по 10 вершков, ширины в обоих по 10 аршин с полуаршином, в них по 6 полотнищ, в двух штуках мерою длины по 6 аршин без 3 вершков, ширины в обоих 8 аршин без 3 вершков, в них по 4 полотнища, в двух же штуках мерою длины по 5 аршин, ширины в обоих по 8 аршин 9 вершков, в них по 4 полотнища, к нему 6 штук бархатных пунцовых, шиты золотом и разными шелками дверных и окошечных, подложены отласом алым мерою длины в четырех штуках по 3 аршина без вершка, ширины по 11 вершков каждая, а в 2 штуках подзоры такими ж бархатными и с каймой отласной черной, длины по полтора аршина, ширины то ж число. 16 штук обоев шиты золотом и серебром и разными шелками с личинами, подложены киндяком зеленым, в них мерою длины по 3 аршина по 12 вершков, ширины по три четверти да по 2 вершка. 28 столбов от обоев обьяринных белых струйчатых, по ним травы нашитые золотом и серебром и разных шелков, мерою длины в 24 столбах по 3 аршина по 8 вершков, а в 4 столбах мерою длины по 5 аршин” (РГАДА, ф. 6, д. 160, ч. 2, л. 252-253 об.).

Русь и Карела

Установлено, что финно-угорские племена, населявшие в древности широкий пояс земель от южного берега Финского залива до Белозерья, приняли активное участие в процессе формирования древнерусского государства. Впоследствии часть этого населения ассимилировалась и влилась в древнерусскую народность, другая же часть развилась в средневековые народности ижору, воть, вепсов, карел со своей самобытной и богатой культурой. Их изучение насчитывает более чем вековую историю.

Карела в этом ряду занимает особое место. Это продиктовано как географическим, пограничным расположением зоны расселения древних карел, так и историей этого народа и его культуры. Основным вопросом является характер связи карел с населением Финляндии и Древней Русью.

Карельские перешеек на протяжении тысячелетий не оставался незаселенным. В настоящее время преемственность населения отчетливо прослеживается на археологическом материале с I-II тысячелетий до н.э. Однако формирование карельской культуры, как и постоянного населения железного века и раннего средневековья фиксируется только с VIII-IX вв., когда появляются первые могильники. Первым звеном в цепочке могил служит захоронение рубежа VIII-IX вв. под каменное насыпью в д.Лапинлахти (совр.Ольховка) на южном берегу оз.Суходольское. Материалы этого исследованного в 1921 г. памятника использовались финскими археологами как доказательство западнофинского происхождения средневекового населения Карельского перешейка (напр.: Хуурре 1979: 138-142). Действительно, и форма погребального сооружения, и инвентарь захоронения имеют прямые аналогии в Западной Финляндии. Однако, между памятниками сравниваемых территорий обнаруживаются и явные несоответствия. Так, обычай погребения под каменное кучей к рубежу VIII-IX вв. сохранялся лишь в центральных и восточных районах страны, но при этом в насыпях практически отсутствуют вещи. В Западной же Финляндии, где имеются аналогии большинству найденных в Лапинлахти вещей, погребальный обряд задолго до этого сменился. В достаточно хорошо освоенных южных областях страны с конца VI в. стал распространяться обряд захоронения на каменной вымостке, ставший ко времени сооружения насыпи в Лапинлахти преобладающим погребальным обрядом в Финляндии. Есть отличия и в самом наборе вещей. Полностью связь с западнофинской культурной областью отрицать нельзя: безусловно — эти памятники принадлежат одной культурной области. Но объяснять ее распространение до берегов Ладоги притоком сюда в эпоху викингов нового населения из Западной Финляндии — значит упрощать процесс становления племен Финляндии и Карелии и игнорировать местное развитие.

Развитие культуры Приладожской Карелии на первом этапе ее становления (VIII-XI вв.) определялось общей ситуацией в Восточной Прибалтике. В первую очередь на нее влияли становление и функционирование Волжского пути и пути “из варяг в греки”. Параллельно и в связи с этим происходит усиление эксплуатации местных ресурсов, развитие земледелия, пушного промысла, ремесла и торговли. Малонаселенные и отставшие в своем развитии, но богатые ресурсами районы вместе с их населением вовлекаются в это развитие. Длительный период промысловых поездок в Карелию охотников из более развитых районов Западной Финляндии и из более южных областей (первая половина — середина I тысячелетия н.э.) сменился эпохой устойчивых контактов, формирования единой области, связавшей между собой население по-разному развивавшихся регионов. С оживлением торговли по Финскому заливу и Неве контакты становятся разнообразнее. Что касается северо-западного Приладожья, то здесь местное население не только становится потребителем вещей иноземного, преимущественно западно-финского (украшения) и западноевропейского (оружие) происхождения, но и вовлекается в более прогрессивные формы хозяйственной деятельности. По мере того, как граница добычи пушнины отодвигалась все дальше на север и восток, повышалось значение таких факторов, как качество земли и удобство водных путей. К концу эпохи викингов в Приладожской Карелии формируется поселенческий центр, сопоставимый с западнофинским и хямесским в Центральной Финляндии по формам материальной и духовной культуры. Именно к эпохе викингов формируется общефинская археологическая культура, для которой характерны единый погребальный обряд (на каменной вымостке или ровной поверхности, при котором вещи и другие остатки сожжения не составляют четких скоплений), а также распространяются общефинские формы украшений. Таким образом, могильники Карелии IX-XI вв. — это не могилы западно-финских переселенцев, а результат развития местного населения в условиях многообразных контактов с соседями.

Рассмотрим еще ряд погребений эпохи викингов на Карельском перешейке. Одна из самых известных находок — могильник, исследованный еще в 1888 г. на южном склоне горы, на вершине которой располагается древнее городище, известное под названием Лопотти в пос. Куркиеки на северном берегу Ладоги. Захоронения совершены по обряду трупосожжения на каменной вымостке. Они сопровождались большим количеством предметов вооружения, украшениями, орудиями труда (Appelgren 1891: 148-151). Из предметов вооружения и снаряжения воина назовем меч и перекрестие другого меча, три ланцетовидных наконечника копий, топор, металлическое кнутовище и трехчленные удила, два ажурных бронзовых кресала, ременные накладки. Все вещи широко распространены в Европе в IX-X вв. Богатством и разнообразием сопровождающего инвентаря отличается и женское погребение — найдены скандинавские черепаховидные фибулы типа 648 по Я. Петерсену, арбалетовидная фибула, круглые выпуклые финские фибулы типа В по Х. Аппельгрёну, гривна с расширяющимися концами, украшенными ложновитым орнаментом, спиральный и литые ладьевидные браслеты, бусы и др. Очевиден смешанный характер инвентаря: черепаховидные фибулы и ладьевидные литые браслеты являются по происхождению скандинавскими, круглые ажурные фибулы — типично финские, арбалетовидные фибулы и спиральные браслеты — прибалтийские, широко распространенные, впрочем, в юго-западной Финляндии. Погребальный

же обряд типично финский — трупосожжение на каменной вымостке. При раскопках были найдены также кусочки кремня и кварца, шлаки, зубы лошади. Эти же сопровождающие элементы, как и орудия труда, характерны для более поздних достоверно карельских могил. С учетом сказанного, нам представляется, что это несомненно погребение финского (карельского) воина, совершенное в соответствии с принятыми в это время обычаями. Предметы воинского снаряжения из данного погребения принадлежат к типам, которые составляют стандартный воинский набор других захоронений X в. на Карельском перешейке. Так, в д. Уосуккала при пахоте были найдены меч типа Н, два наконечника копий типа Е и топор типа С. Меч был воткнут в щель между камнями вымостки, на которой найдены и остальные предметы. Оружие подобных типов найдено в д. Уля-Кууса, Кюреля, приходах Раисяля (совр. Мельниково), Каукола (Севастьяново). Представленный набор дополняется отдельными находками мечей типа Е и их фрагментов. Из украшений, популярных в прибалтийском регионе и широко распространившихся в Финляндии, население Карельского перешейка предпочитало в X-XI вв. ладьевидные браслеты с поперечным рельефным волнообразным орнаментом, скандинавские по происхождению (10 экз.), витые гривны с петлями на концах (не менее 4 экз.), равноплечные фибулы группы 7 по Э.Кивикоски (10 экз.), подковообразные фибулы с ромбическими, гранеными снизу головками и шестигранной в сечении дугой (9 экз.) и подковообразные фибулы с шестигранной в сечении дугой и гранеными, украшенными шипами головками (7 экз.). Кроме этого упомянем три находки литых ладьевидных браслетов, аналогичных изделиям из погребения Лопотти в Куркиеках и распространенных в первую половину эпохи викингов. Наследующие им браслеты с поперечным рельефным орнаментом на Карельском перешейке развились в местный вариант, у которого волна переходит в ломанную угловатую линию. В Карелии в XI в. изготавливали и совершенно местную форму литых массивных браслетов — с полкой, закрывающейся вставкой средней частью. В северо-западном Приладожье и примыкающем к нему районе финской области Саво их найдено 14 экз.

Представляет интерес тот факт, что могильники IX-X (начала XI) вв. находятся в местах, которые не были заселены, то есть — на пустынных берегах (Уосуккала, Уля-Кууса), а также в Коукунниemi, где на участке Лаенмяки были обнаружены вещи из двух могильников с трупосожжениями на каменной вымостке. В одном из этих могильников найдены два наконечника копий типа G по Я.Петерсену (А.Европеус относит второй наконечник к типу M), удила и две косы. Во втором могильнике были найдены меч типа X, по Я.Петерсену (тип V по А.Н.Кирпичникову), наконечник копья, близкий типу G по Я.Петерсену, но с инкрустированной серебром втулкой, топор-секира типа M по Я.Петерсену (тип VII по А.Н.Кирпичникову).

К XI в. зона распространения могильников охватила практически всю ту территорию, на которой развилась карельская культура XII-XIV вв., известная по материалам так называемых карельских могильников и городищ. Это столетие отмечено изменением характера могильников: они становятся более рядовыми, как бы теряя отчетливо воинский характер. По-видимому, применительно к памятникам XI в. следует говорить о могильниках сельского населения, то есть — о семейных или родовых кладбищах. Они отражают становление той структуры расселения, экономики и социально-политической организации, которая существовала и

эффективно функционировала в эпоху средневековья. Могильники XI в. в целом вписываются в рамки общефинской культурной общности; это могильники типа полттокенттякалмисто (поля погребений по обряду трупосожжения). Украшения и предметы вооружения представлены наиболее распространенными в Западной Финляндии типами вещей; последние, впрочем, как правило, имели иноземное, западное (франкское) или североευропейское происхождение. Все это не дает нам оснований связывать данные памятники с западнофинскими переселенцами.

Не вдаваясь здесь в теоретические проблемы соотношения археологической культуры с этнической общностью, продолжим рассмотрение археологических памятников XI в. В уже упоминавшейся деревне Лапинлахти на участке под названием Наскалинмяки Т.Швиндт в 1917 г., исследовал потревоженный распашкой могильник с захоронениями по обряду трупосожжения на каменной вымостке. Аналогичный могильник на соседнем участке Хеннонмяки был раскопан А.Европеусом в 1920 г. Оба могильника располагались в полукилометре от коренного берега оз.Сувантоярви (Суходольское). Инвентарь могильников — меч типа Х, наконечники копий типа М, топор-секира типа М (все по Я.Петерсену), равноплечная фибула группы 7 по Э.Кивикоски, удила, медный котел и обломки бронзового котла, подковообразная фибула, другие целые украшения и их обломки, фрагменты глиняных сосудов, куски шлака и кварца, орудия труда (серб, мотыга) — роднит их с памятниками других районов Карельского перешейка (Куркиеки, Кууппала, Сортавала, Ряисяля). Отличие от памятников Западной Финляндии состоит в величине могильников (что отражает различные формы расселения), составе погребального инвентаря (снаряжение воина и женский убор), а также в деталях погребальной обрядности. Нагляднее всего своеобразие археологического материала X-XI вв. в Приладожской Карелии проявляется в наборах предметов вооружения и украшений. В то время, как в Западной Финляндии одновременно в употреблении могли быть различные типы рассматриваемых изделий, в северо-западном Приладожье их набор был строго определен. На раннем этапе (конец IX-X вв.) набор предметов вооружения состоял из мечей типа Н и Е, наконечников копий типа Е (ланцетовидные) и топоров типа С по Я.Петерсену. В Финляндии же в это время бытовало большее количество различных типов оружия: топоры типов А и G (последние преобладают), а также целый ряд балтийских и местных разновидностей; наконечники копий типа Е (наиболее распространенные), а также ряд производных от них вариантов; мечи типов Н и Е, и, кроме того, типов I, M, S, T, V и производные от мечей типов Н и I вариантов (Kivikoski 1973: 86,112-118 Abb.617,827-843,852-883). Из множества бытовавших в Финляндии вариантов употребляемых в рассматриваемое время украшений, в Карелию попадали и закрепились там только избранные, как правило и в Финляндии наиболее употребительные предметы (Kivikoski 1973: 93,96,97,99,101-103,105, Abb.679,696,701,705,727,736,740,752,767).

Все сказанное относится и ко второму этапу (конец X-XI вв.) развития материальной культуры населения железного века Карельского перешейка. Набор воинских погребений сохраняет свою устойчивость, но комплекс вооружения обновляется, и в употребление входят мечи типа Х, наконечники копий типов G и M, топоры-секиры типа М по Я.Петерсену (по А.Н.Кирпичникову мечи типа V, копья типов III и IV, топоры типа VII). К началу XII в. уже были освоены те районы, где находятся более поздние, достоверно карельские памятники XII-XIV вв.

Характеризуя раннекарельское общество подчеркнем, что к XI в. в северо-западном Приладожье сложилась новая этно-культурная общность. Основой жизнедеятельности населения, как нам представляется, была земледельческо-скотоводческая экономика небольших хозяйств, занимавших удобные земли по берегам рек и озер. Значительную роль играли пушной промысел и торговля. Именно в X-XI вв. карельские промысловики достигли богатых пушниной северных областей Финляндии и Беломорья. Здесь они вошли в соприкосновение с собиравшими дань скандинавами и западными финнами, что породило конфликты, описанные в скандинавских сагах.

На этом этапе мы имеем все основания обратиться к проблеме, вынесенной в заголовок статьи. Древняя Русь была активным участником процессов, разворачивавшихся в восточнобалтийском регионе в IX-XI вв. и оказывала на их развитие существенное влияние. В Карелии это влияние археологически не может быть достаточно заметным по той причине, что речь идет о различных этно-культурных зонах, да и сами процессы в рассматриваемом регионе были сильно интернационализированы. Связь населения двух областей, разделенных озером Ладогой и речкой Невой, наблюдается в более глубинных экономических сферах на примере распространения монетного серебра и предметов вооружения. Представляется, что последние, будучи практически наиболее эффективными и отобранными практикой в столкновениях на международных путях, поступали в Карелию не через Финляндию, а непосредственно от торговцев, контролировавших водный путь по Неве и Волхову. Местом приобретения могла быть Ладога или контролируемые ее населением торговые места в Приладожье. Население северо-западного Приладожья несомненно было втянуто в орбиту международной торговли, а само Приладожье стало одной из питающих ее зон. Об этом красноречиво говорят монетные и монетно-вещевые клады (5 находок), состав монет в которых близок составу монет в древнерусских кладах (Потин 1968: 16,140-141,149,169). В IX-XI вв. Русь и Карелия входили как составляющие в систему международных связей в Восточной Прибалтике, стержнем которой была торговля по трансъевропейским торговым путям. Эти связи способствовали социально-экономическому развитию периферийных областей этой системы, каковой являлась Карелия.

Последующая эпоха — XII-XIV вв. — это время существования так называемой “карельской культуры”, характеризующейся богатыми грунтовыми могильниками с захоронениями внутри деревянных срубов-камер, каменными вымостками над могилами в ряде районов и своеобразными серебряными и бронзовыми украшениями. Ареал распространения культуры охватывает западное и северное Приладожье, а также смежные области Финляндии. Основа карельской культуры, несомненно, была заложена в предшествующую эпоху. Эта преемственность подтверждается расположением могильников конца эпохи викингов в непосредственной близости от могильников XII-XIV вв., а в некоторых случаях и нахождением захоронений обеих эпох на одних и тех же могильниках (напр.: Кууппала в пос. Куркиеки). Есть указания на преемственность и в погребальном обряде. Но, в целом, культура претерпевает резкие изменения, что характерно и для других этно-культурных областей.

Существенные изменения происходят и в целом в регионе, где возникают государства, которые в свою очередь борются за расширение зон своего влияния, опираясь в значительной степени на опыт догосудар-

ственной поры. Так Финляндия стала объектом шведской экспансии, что, естественно, вызвало ответную реакцию Великого Новгорода. Карелия все более становилась пограничной землей, и это не могло не наложить отпечаток на взаимоотношения карел с Новгородом. Шведы и крещенные западные финны стали для язычников-карел на каком-то историческом этапе неприятелями, угрожающими их традиционному существованию. К старому соперничеству за промысловые угодья в межплеменных зонах и на севере Фенноскандии прибавился фактор государственной экспансии. Не случайно первое упоминание в летописи карел под 1143 г. связано со столкновением их с емью (НПЛ: 27). Это известие свидетельствует о повышенном внимании Новгорода к событиям, происходящим на северном приграничье Руси. Существующие издавна торговые отношения новгородцев с карелами дополняются союзом, и эти союзные обязательства касались не только внешней обороны — в 1149 г. карелы участвовали с новгородцами в походе против суздальского князя Юрия Владимировича на стороне киевского князя Изяслава, сын которого Ярослав был в это время князем в Новгороде (Материалы 1941: 64).

Весь XII в. прошел в борьбе новгородцев и карел против еми. Летопись зафиксировала до времени Невское битвы в 1240 г. десять походов, как летних, так и зимних, совершаемых либо новгородцами или новгородцами совместно с карелами в страну еми, либо емью в земли, лежащие на южном берегу Финского залива и в Приладожье (НПЛ: 21,26-28,31,38,39,54,65,230,270,271; ЛЛ: 449). Указания на эту борьбу есть и в западных источниках. Так в письме папы Александра III, которое датируется 1171 или 1172 гг. и было направлено архиепископу Упсалы, подчиненным ему епископам и ярлу Гутторму говорится, что финны обещают сохранить веру Христову лишь в случаях, когда им угрожают неприятельские силы. В более поздних письмах папы Григория IX, адресованных им в 1223 г. епископам Риги, Линчепинга и Любека, а также ряду других лиц, эти силы называются прямо: это русские, которые нападают на недавно обращенных в христианство финнов по той причине, что они приняли католическую веру (Suomen 1989: 24,40-42). В отрядах этих “русских”, как мы знаем из древнерусских источников, зачастую участвовали и карелы. Одно из таких нападений, предшествующее написанию папской буллы и, по-видимому, одно из самых масштабных, было совершено Ярославом Всеволодичем на емь в 1226 г. (ЛЛ: 449; Ник.: 94) или в 1227 г. (НПЛ: 65). Поход был совершен “за море” и принес так много пленных, что часть их была истреблена, а многие отпущены домой. Вероятно в связи с этим походом следует рассматривать и массовое крещение карел этим же князем: тут он, можно сказать, действовал по примеру шведов, ставя предел крестonosной экспансии в Карелии (ЛЛ: 449). Емь уже в 1228 г. предприняла ответный лодочный поход на побережье Ладожского озера, но была разбита ладожанами и добыта карелами и ижорой (НПЛ: 270-271).

Такова была обстановка в Восточной Прибалтике у русского предела, но этим она не исчерпывалась. По-прежнему развивалась торговля, претерпевали изменения сами племена, населявшие берега Финского залива и Ладожского озера. Этому не могли помешать даже мощные противоборствующие стороны. Римские папы были вынуждены посылать на Север буллы с запретом продавать “варварам” продовольственные товары и оружие. Особую активность в это время проявляли на

Балтике северонемецкие и готландские купцы, основными торговыми компаньонами которых в восточной части региона были новгородцы. Не последнее место занимали в этой системе и карелы, в археологических памятниках которых найдено немало иноземных вещей. Помимо импортов, о высокой степени развития торговли у карел говорит и вся их богатая материальная культура XII-XIV вв., в том числе — предметы из серебра и бронзы. Все эти вещи вкуче со значительным количеством предметов вооружения высокого качества, найденных в могилах, свидетельствуют об существенном материальном благополучии древних карел, достигнутом ими в значительной степени благодаря торговле. Участие карел в международной торговле документируется и средневековыми письменными источниками. Несомненно, что карелы были союзниками Новгорода не только во внешнеполитической области, как это явствует из многочисленных летописных известий. Карелы, занимавшие чрезвычайно выгодное географическое положение на ведущих торговых путях, связывающих область Ладожского озера с Фенноскандией, Беломорьем, Финляндией и побережьем Ботнического залива, странами Запада, издавна являющимися важными районами торговых интересов Руси, естественно проводили свою торговую политику в тесной связи с торговлей Новгорода. Последний, в свою очередь, был заинтересован в сильном, обладающем многосторонними связями посреднике, имеющем с ним союзнические отношения. Международная обстановка и внешнеполитические интересы Новгорода давали карелам возможность сохранять до последней четверти XIII в. достаточную самостоятельность. В письменных источниках она выражается в летописной формуле “вся волость новгородская”, которая стала применяться к карелам (кореле), начиная с 1270 г. и обозначала вхождение в состав новгородского государства, новгородское владение (НПЛ: 89; Шаскольский 1987: 22). Об особом статусе Карелии свидетельствует и договор Новгорода с немецкими и готландскими купцами 1262-1263 гг., предусматривавший, что новгородцы не берут на себя ответственности за случившееся с немецкими купцами в Карелии (ГВНП: № 29). Но есть и другая точка зрения, согласно которой карелы издавна находились под властью Руси, а впоследствии, с XII в. — под властью Новгородского государства. При этом новгородцы не ломали местного уклада жизни, не вводили на земле карел своей администрации, не содержали воинских гарнизонов. Наиболее обоснованно такая точка зрения представлена в трудах И.П.Шаскольского (1978; 1987). Нам же представляется, что свидетельством самостоятельности являлся именно местный уклад жизни, выражавшийся в сложившемся территориальном делении на кихлакунты, которые, в свою очередь, подразделялись на более дробные группы из малодворных деревень (Сакса 1984: 112-117). Именно в хорошо налаженной системе управления, позволявшее карелам собирать значительные воинские силы и строить мощные укрепления, в активной внутренней и внешней торговле, в самобытном ремесле и, наконец, в самобытном языческом погребальном обряде, существовавшем до XIV в., и заключалась самостоятельность карел. В целом же вопрос административно-политического подчинения карелы Новгороду до последней четверти XIII в. является чрезвычайно сложным в силу противоречивости источников, что еще осложняется действительно специфическим характером отношений Новгорода с подчиненными ему племенами (Шаскольский 1987: 11). Вероятно, решая этот вопрос, нужно выделять определяющие состояние

этого процесса условия для каждого этапа развития Новгородского государства.

Бесспорно, Карелия, а на раннем этапе также и Финляндия, входили в сферу деятельности и интересов Древнерусского государства. С начала XII в. отношения с емью обостряются; летопись доносит до нас случаи многочисленных стычек и целых военных предприятий. Вскоре начинается шведская экспансия в Восточной Прибалтике, и соперничество за Финляндию обостряется новыми факторами: политическим и религиозным. В это же время происходит сближение карел с Новгородом на основе уже издавна существующих связей и под влиянием новой ситуации в регионе. Карелам это открыло доступ к торговле, которую Новгород вел с немецкими (ганзейскими) городами и Готландом, к совместным с новгородцами походам, к новшествам в социальной и экономической областях. И, видимо, не случайно на XII-XIII вв. приходится эпоха расцвета карельской языческой культуры.

С политико-административной точки зрения все это время Карелия, по-видимому, сохраняла достаточно широкую самостоятельность, поскольку сохранялись племенные границы и своя система управления территорией и ее населением. Лишь с последней четверти XIII в. ряд факторов приводит к полному подчинению карелы Новгороду и ее включению в состав Новгородского государства, которое в связи со шведской экспансией на Балтике и столкновениями с норвежцами на Севере было вынуждено определиться со своими границами и оформить их договорами с соседними странами (договор со Швецией 1323 г. и договор с Норвегией 1326 г.). С конца XIII — первой четверти XIV в. развитие Карелии продолжается уже в иной форме — государственной и феодальной.

Материалы по истории Карелии XII-XVI вв. Петрозаводск. 1941.

Ник. — Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ, т.10, М., 1965.

Потгин В.М. 1968. Древняя Русь и европейские государства в X-XIII вв. Л.

Сакса А.И. 1984. Комплекс археологических памятников у д.Ольховка (Лампилахти) // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.

Шаскольский И.П. 1978. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. Л.

Шаскольский И.П. 1987. Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII — начало XIV вв. Петрозаводск.

Хуурре М. 1979. Концепции финских археологов о происхождении племени карелов и культуры Карелии в эпоху железного века // Финно-угры и славяне. Л.

Appelgren H. 1891. Suomen muinaislinnat // SMYA, 1 12.

Kivikoski E. 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki.

Suomen varhaiskeskiajan Ihteit. Historian aitta. Jyväskylä, 1989.

Комплекс позднесредневековых каменных гражданских построек на ул. Герцена в Пскове

Археологические раскопки на ул. Герцена близ пересечения ее с ул. Труда (комплекс Козмодемьянских раскопов, далее — КД) были начаты в 1988-1989 г. работами К.А.Мержановой и С.В.Белецкого (раскопы КД-I и КД-II), в 1989-1990 гг. работы вела Т.Е.Ершова (КД-III), в 1993 г. — Е.В.Салмина (КД-IV, V, VI, VII, VIII, VIII), в 1995 — Т.Е.Ершова и Е.В.Салмина (КД-IX, X). Многолетние работы дали обширный материал XI-XVIII вв., выявлен ряд памятников гражданской архитектуры, сделаны некоторые выводы относительно времени освоения участка, его хозяйственного использования, эволюции застройки.

Настоящая заметка посвящена одному из самых интересных объектов, исследованных при раскопках на ул. Герцена. Речь идет о компактном комплексе каменных зданий, возможно, представлявшем собой единую усадьбу. Он располагался на возвышенном участке берега р. Пскова и вошел в площадь раскопов КД-III, VI, X (рис.1). Комплекс составлен пятью постройками. С востока он ограничен постройками 1 и 2 раскопа КД-6, фасады которых выходят на средневековый проулок, идущий от Козмодемьянской церкви к набережной (проулок исследован в раскопе КД-VIII), с юга — постройками 2 и 4 раскопа КД-X, с запада — большим зданием из раскопа КД-III. Постройки 2 и 4 раскопа КД-X стояли очень близко друг к другу, почти вплоты. Расстояние между постройками 1 и 2 раскопа КД-VI составляло около 2 м. Там была исследована яма, наличие стока и заполнение которой не позволяют сомневаться в том, что это было отхожее место.

Интересной особенностью комплекса является то, что входы в подвалы зданий устроены изнутри “прямоугольника”, и, таким образом, речь может идти об ограниченном самими зданиями владении. Как этот участок был ограничен с севера и где был вход в него — по археологическим данным установить не удалось.

Постройки довольно схожи по конструктивным особенностям. Сохранились сводчатые прямоугольные подвальные помещения, сложенные из известняковых плит (иногда — с включением валунов) на глинистом или глинисто-известковом растворе. Нередко удавалось отметить следы вычинок и частичных перекладок. В стенах всех построек присутствовали свечные ниши (в одной из построек ниши были заложены мелким плитняком для предотвращения проседания стен), иногда — световые окошки (рис.2). Пол в постройках — плитняковый или материковый (как глиняный, так и представленный известняковой скалой). В

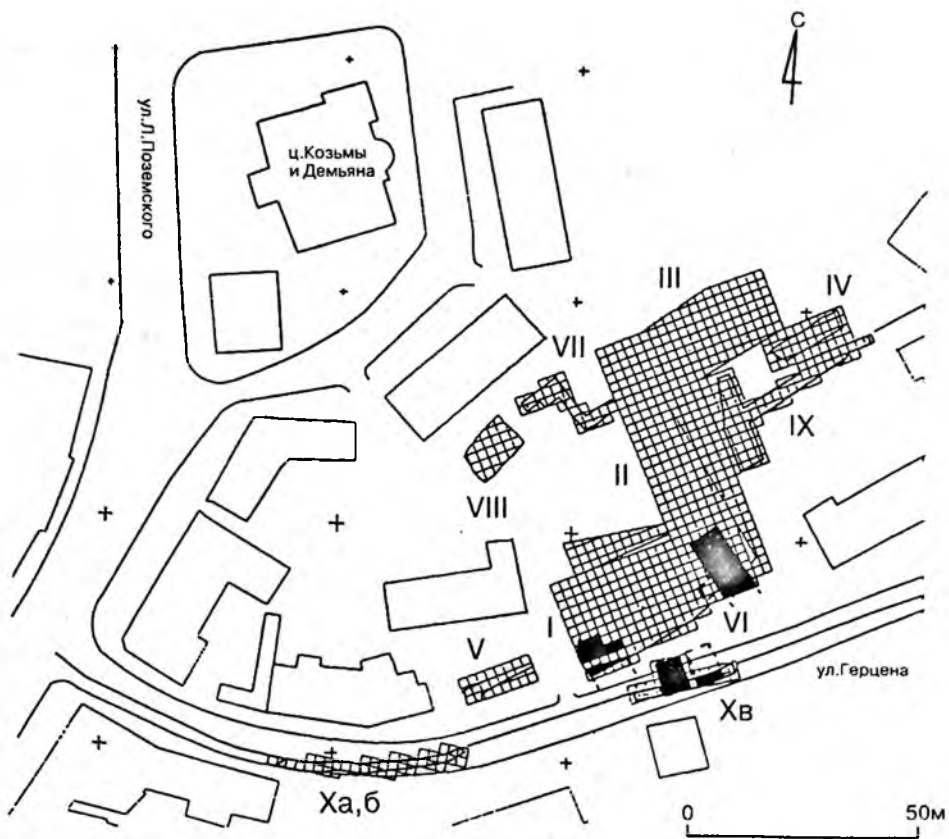

Рис. 1 Козмодемьянские раскопы на ул. Герцена в Пскове. Ситуационный план. а — местоположение каменных построек.

одной из построек пол не был замощен плитами только на небольшом прямоугольном участке в углу (180 x 140 см), то есть так, как будто бы там стоял тяжелый ларь, сундук. Размеры полностью вошедшей в пятно раскопа постройки I из раскопа КД-VI — 4,4 x 5,2 м. Все остальные постройки, помимо большого здания из раскопа КД-III, были приблизительно соотносимы по размерам с вышеупомянутой. Большое же здание значительно превосходило их по размерам и было сложным по планировке. Глубина подвалов от верхней точки свода составляла от 1,2 до 1,65 м. Облик верхних этажей зданий не вполне ясен. С определенной долей уверенности мы можем говорить о каменном верхнем этаже только одной из построек, в остальных верхние этажи могли быть деревянными.

Как уже отмечалось, входы в постройки были устроены изнутри “усадебь”: в одном случае с востока, в другом — с севера. Конструкции входа прослежены в двух случаях. В одной из построек зафиксировано сводчатое перекрытие входа шириной 1,3 м, высотой 1,75 м, выложенное из известняковых плит (рис.2). В другой постройке в подвал вели 6 глиняных вырезанных в материке ступеней, у входа располагался деревянный порог с двумя пазами для установки двери.

Внутри построек исследованы остатки как изразцовых печей, так и небольшой кухонной печи на валунном основании; близ кухонной

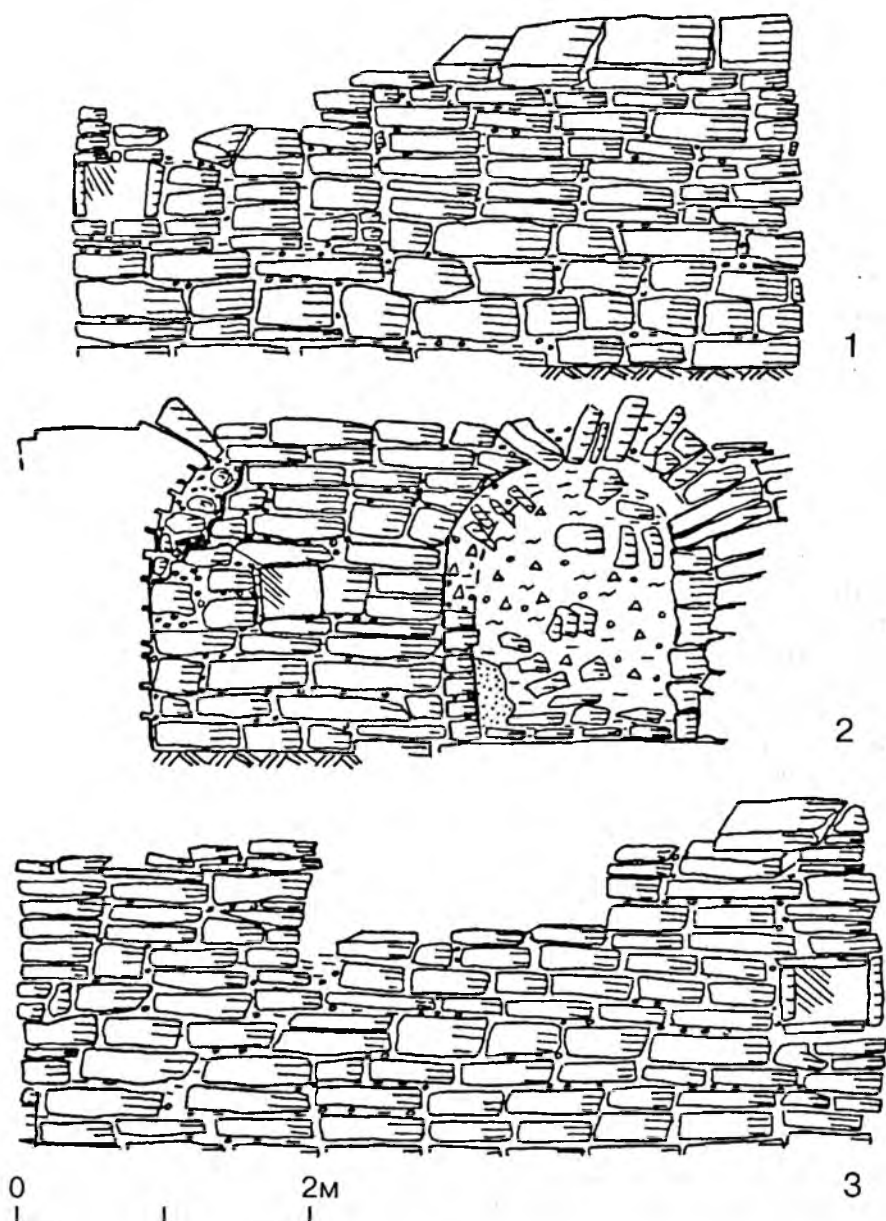

Рис. 2 Раскоп КД-Х. Фасады (1 — западный; 2 — северный; 3 — восточный) постройки 2.

печи собраны остеологические остатки (рыбы семейства осетровых). Печи были сложены на глинистом растворе. В одном случае не исключено, что отопительное устройство располагалось на втором этаже.

Состав находок в постройках довольно разнообразен. Среди них — бронзовая фигурная орнаментированная накладка со следами позолоты, орнаментированный бронзовый предмет с изображениями человека, играющего на дудке, коня, птицы (т. н. “нож для линования пергамента”), бронзовая крестовидная подвеска, железный ключ, каменные жернова, фрагменты оконного стекла и слюды в свинцовой оконнице, строи-

тельная керамика (киоты, кирпичи, дымоходные кольца). Многочисленны (более 40) находки полихромных и бело-голубых изразцов. Керамика из построек относится главным образом к XVII в., но встречаются также материалы XVIII в.

Выявленная на широкой площади Козмодемьянских раскопов угольная прослойка, связываемая с пожаром 1710 г. (Кулакова 1994), оставила следы и на постройках рассматриваемого комплекса. По-видимому, после пожара они не прекратили своего существования, так как вокруг них уголь был расчищен и сброшен в ямы.

Проблема интерпретации раскрытого комплекса в настоящее время остается открытой. На плане 1740 г. на этом месте показаны контуры двора (или здания?), значительно превосходящего по размерам соседние. В процессе компьютерного анализа данных стало очевидным, что различные участки плана 1740 г. выполнялись с привязкой к различным точкам, вследствие чего они иногда оказывались механически совмещенными под углом друг к другу.¹ Стало ясным также, что многие объекты на плане нанесены более крупными при том, что расстояние между ними оставалось соответствующим реальному положению вещей. Так, ширина вышеупомянутого проулка по плану составляла едва ли не 5 м, что вряд ли соответствовало действительности. Иногда наблюдалась неточная ориентация объектов — Козмодемьянская церковь оказалась на плане 1740 г. повернутой не менее чем на 90°, при том, что точка креста была привязана сравнительно точно. Впрочем, следует отметить, что и на современном топоплане были обнаружены некоторые погрешности, которые потребовали проверки ряда данных на местности. Однако, для нашего участка привязка к современному плану была выполнена по кресту Козмодемьянской и кресту и апсиде Богоявленской церкви, и локализовать изучаемый объект удалось вполне успешно. Тем не менее, легенда плана не содержит никаких сведений, которые могли бы помочь в интерпретации комплекса. Известно, что в этом районе располагались некоторые важные комплексы гражданских построек — например, восточнее исследованного участка размещалось подворье Снеогогорского монастыря. Более поздние планы XVIII и XIX вв. констатируют на этом месте наличие каменных зданий и расшифровывают их как “обывательские дома”.

Открытие рассмотренного комплекса построек поставило перед исследователями и ряд других загадок. Так, совершенно неясным оказалось местоположение проезжей улицы, шедшей на этом участке, согласно плану 1740 г. и более поздним планам, по высокому берегу Псковы. Постройки 2 и 4 раскопа КД-Х уходят за южную границу раскопа и оказываются стоящими на самом краю обрыва. На краю обрыва стояло и здание XIX в., зафиксированное при снятии балластного слоя раскопов. Вполне возможно, что высокая часть берега обрушилась, но и на плане 1740 г. низкая, пойменная часть берега уже весьма велика. Там на плане также зафиксированы некоторые постройки. Возможность же объезда по пойме представляется сомнительной.

Вне большого комплекса исследованы еще шесть построек подоб-

---

¹ Автор пользуется случаем выразить благодарность Б.Н.Харлашову за проделанную работу по компьютерному соотнесению данных плана 1740 г. с местоположением построек, открытых в результате археологических раскопок на ул. Герцена.

ной конструкции. Представляется необходимым упомянуть о том, что неподалеку сохранилась каменная подызбица XVII в., на которой в настоящий момент стоит дом ба по улице Герцена, а также выходы других каменных зданий на современную дневную поверхность. В раскопах исследовались подвальные ямы более простых конструкций — вырубленные в материке, иногда — с остатками дощатой или срубной облицовки стен, а также исследованная К.А. Мержановой кузница. Таким образом, в XVII в. здесь существовал квартал с интенсивной деревянной и каменной застройкой, причем данные археологии свидетельствуют о застройке более плотной, чем это можно было бы предположить по планам.

Приведенные данные показывают, насколько важна археологическая информация об этой части Запсковья. К сожалению, строительство нового здания на ул. Герцена, производимое по заказу генеральной дирекции “Псковреконструкция”, привело (вследствие позиции, занятой как заказчиком, так и производителем строительных работ) к разрушению части культурного слоя. Вопрос о консервации построек также остается открытым, так как вышеописанные сооружения из-за недостатка средств не были должным образом законсервированы.

Кулакова М. И. 1994. Пожары в Пскове XIII — XVIII веков // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков.

Подати и повинности как атрибуты государства и феодального строя в славянских странах IX-XII вв.

Изучение государства и существующего в нем общественного строя является одной из наиболее сложных научных задач. Ее решению способствуют, прежде всего, анализ становления государства как целостной системы, а также комплексный сравнительно-исторический анализ, что создает критерии объективности в интерпретации исторических фактов и обобщающих выводов. Искусственное членение исторической действительности на отдельные категории и институты существенно субъективизирует их интерпретацию.

Данная проблема рассматривается в научной литературе около двух с половиной столетий. Понимание ее сущности значительно менялось со времени. Просветители в XVIII в. ясно видели связи между исторически развивающейся системой пожалований и податей (от почетных даров в дружине до налоговых отчислений и денежных пожалований за службу королю) в виде феодалов, что являлось одной из основ "феодального правления". Эти связи между феодальным общественно-политическим строем и податной системой были раскрыты в "Энциклопедии" Дидро и д'Аламбера, где многочисленные податные земельные и неземельные фьефы (французский эквивалент латинского понятия "феод") являлись частью перераспределенных королем налогов. Такие наблюдения позволили установить одну из констант феодального строя — феодал-деньги и феодал-должность за службу королю в их реализации через государственные подати.

Этот подход создавал условия для глубокого научного изучения феодального общественного строя в его прямых и обратных связях с государственной податной системой. Однако он не нашел развития в позитивистском и марксистском (особенно у его эпигонов) подходах с их особым вниманием к экономическим процессам.

В русской исторической науке 30-х годов XIX — начала XX вв. такому подходу препятствовали самые разные теории, от самодержавно-охранительных и славянофильских до народнических, которые противопоставляли историческое развитие стран Западной Европы и России. В этой литературе, особенно с 60-х годов XIX в., для Руси до XIII в. считались свойственными городские волости и вечевого строй, общинность или земство; позднее государство приобретало вотчинный, а с Ивана III или Ивана IV — самодержавный характер (со значительным многообразием в вариантах толкований). При таком подходе подати в древнерусский период объяснялись как форма оплаты вечевыми городо-

выми волостями или городами-государствами, подобными античным, князьям и их дружинам за исполнение административно-судебных и военных функций. При этом социально-политическое и государственное содержание податей скрывалось за их натуральным содержанием *корма*. Как писал один из создателей теории вечевого строя или городских волостей в Древней Руси В.И.Сергеевич, княжеское “намерение” “заключается в желании получать доход, с которого можно было бы быть сыту” (Сергеевич 1867: 274). Н.П.Павлов-Сильванский, восстановивший в русской науке второй половины 90-х годов XIX в. теорию феодального строя Руси (после ее преследования в годы николаевской реакции и отрицания в последующий период), уделял особое внимание социально-экономическим процессам в соответствии с господствовавшими в его время теориями. К тому же феодализм в средневековой Руси он относил только к XIII – первой половине XVI вв. Поэтому в русской литературе XIX – начала XX вв. древнерусские подати рассматривались как часть истории финансовой системы, но крайне ограничено по форме и содержанию (Ю.А.Гагемейстер, Д.А.Толстой и др.).

В советский период изучение податей и повинностей в раннее средневековье, их состава и функций также оказалось весьма ограниченным. Социально-экономическое содержание феодализма было значительно сужено в 30-е – начале 50-х годов сталинскими “указаниями”, в соответствии с которыми крупное землевладение и крепостничество составляли сущность этого строя. Такой ограниченный подход к содержанию феодализма попытался расширить в конце 40-х годов С.В.Юшков, который включил в него систему государственных отношений, отождествив при этом подати и ренту. В поисках выхода из узкого социально-экономического понимания феодализма отождествление подати и ренты продолжил Л.В.Черепнин, но объяснял он их тождество как форму реализации верховной собственности государства на землю, что стало одним из оснований широко распространенной в 50-80-е годы теории “государственного феодализма”.

Такому подходу И.Я.Фроянов противопоставил давнее мнение о вечевом строе городовых волостей или городов-государств на Руси XI-XII вв., при этом сущность и функции государственных податей вновь снижались до оплаты ими князьям и их дружинам за административно-судебные и военные обязанности: “Древнерусские князья на хлебном довольствии стояли каждый в своем княжестве-волости” (Фроянов 1974: 64). По мнению Фроянова, “дружина, сидящая по городам”, за выполнение “судебных и административных дел” получает “за свою работу корм и прочую мзду” (Фроянов 1980: 75).

Историографический анализ свидетельствует, что изучение податей в большой мере предопределялось взглядами исследователей на общественный строй Древней Руси. Становится очевидным, что в исследовании проблемы особое значение приобретает конкретно-историческое содержания происхождения податей и повинностей, установление их функций при определенном общественном строе и в связи с развитием государства¹. Критерием объективности является сопоставление процесса становления системы податей и повинностей в славянских странах, близость их содержания.

---

¹ Ранее мы частично рассматривали данные вопросы, определяя состав древнерусских податей в IX-XII вв. и их функции (Свердлов 1978; 1983: 57-64, 197-199).

Начала податной системы находятся в развитом племенном обществе. Как отметил римский историк Тацит, у германцев “есть обычай — племена и кроме того каждый в отдельности приносят вождям (*principibus*) или скот или плоды, что, приносимое как почесть, служит также необходимым потребностям” (*Tac. Germ., XV*). Тацит не только отметил в племенном обществе добровольные подношения рядовых членов племени “вождям”, видимо, прежде всего “королю” (*rex*) и его дружине, но он пронизательно отмечает также внешнюю форму — “почесть” и содержание — “необходимые потребности”, то есть содержание короля и его дружины в мирное время. В праславянский период (до VI в. н.э.) эта добровольная подать имела, вероятно, название *daǵь, `дар` с древнейшей традицией, восходящей к архаической индоевропейской лексике. Тацит отметил в племенном обществе и начала судебных пошлин — выплата правонарушителем части судебного штрафа определенным количеством лошадей и скота “королю или племени” (*Tac. Germ., XII*). Сущность этой пошлины та же — содержание короля и его дружины в мирное время. Праславянская лексика отразила развитые представления, относящиеся к суду, судопроизводству, к правонарушениям и наказаниям за преступления (Иванов, Топоров 1978; 1981). Особой формой накопления богатства в праславянских племенах стало также взимание контрибуций и откупов с соседних племен и государств — *danь `дань`.

Начала внутри- и внешнеплеменной податной системы в племенном обществе на последней стадии его существования имели ясно выраженную функцию — материальное обеспечение вождя племени (короля, князя) и его дружины, осуществлявшей безопасность племени, в мирное время. Объективно они способствовали имущественной и социальной дифференциации племенного общества.

В период распада праславянского единства и образования западно-, южно- и восточнославянских языков, появления новых социально-политических структур межплеменных союзов, племенных княжений, так называемых “варварских государств”, то есть архаичных государств, имеющих централизованную королевскую (княжескую) систему управления, но включающих в свой состав политические образования, сохранившие племенные структуры, в VII-X вв. форма и содержание податей стали изменяться. Здесь и далее рассматриваются восходящие к единому истоку податные системы славянских государств — Болгарии, Великой Моравии, Руси, Чехии, Польши, Хорватии, Сербии. Причем следует иметь в виду, что темпы их исторического развития были неодинаковы, а письменные источники в неравной мере сообщают о существовавших в них податях.

Понятие *дань*, *дани* из названия внешней подати во всех славянских странах стало названием основного или основных внутренних налогов, которые получал глава государства — царь, князь, король. Данное явление объясняется тем, что племенные союзы и княжения, первоначально завоеванные и платившие дань-откуп, интегрировались в составе “варварских” государств, а с их развитием, с территориальным делением становились элементом податной системы, атрибутом государства. Эта подать (в латиноязычных памятниках Великой Моравии, Чехии, Польши, Хорватии — *tributum*) взималась в натуральной и денежной форме. На Руси IX-X вв., в Первом Болгарском царстве X — начала XI вв. и, позднее, в Польше середины XI — первой половины XIII в., Сербии XIII — первой половины XIV вв. она взималась с дома-дыма (хозяйства

малой семьи) и представляла собой подымную или подворную подать (здесь и далее см.: Васильевский 1880: 369-370; Божић 1956: 19-53; Литаврин 1960: 26-27, 309-351; Горина 1972: 66-72; Цанкова-Петкова 1964: 91-94, Свердлов 1978; 1983: 57-64, 197-199; Флоря 1981: 108-109; Ostrogorsky 1927: 53-54; 1954: 311-312; Łowmiański 1970: 131-132; Havlík 1978: 50, 74-78; Bardach, Leśnodorski, Pietrzak 1970: 74; Zajda 1979: 97; Bardach 1983:235; Modzelewski 1987: 64-9).

Древнейшее по происхождению натуральное подношение — *дар* — отмечается уже как государственная подать в Хорватии XI в., а в Польше и на Руси в первой трети XII в. На начальной стадии формирования государства существовала особая натуральная подать на содержание княжеского административного аппарата — *оброк* (Великая Моравия IX в.; Сербия XIII — начала XIV в.; упоминается на Руси в середине X в., но функции не ясны). Особый налог — *урок* — поступал в княжескую казну от городов (на Руси IX — начала XI в. — в денежной форме). Специальные подати и повинности — *полюдьё* — осуществляются в государстве для содержания его главы (князя, царя, короля) и его административно-судебного аппарата во время объезда им своих владений для сбора податей, кормления и исполнения административно-судебных обязанностей. Такое полюдьё существовало на Руси в X-XII вв. В Новгородской земле, где полюдьё перестало осуществляться, оно трансформировалось в особую денежную подать. В Польше XI-XIII вв. объезды-полюдьё были связаны с системой княжеских (королевских) резиденций-постоев. В Хорватии XI в. королевский объезд известен под названием *залазина*. В Сербии XIII — первой половины XIV в. такой вид объезда и источников не упоминается, но здесь существовала развитая система связанных с полюдьём-объездом повинностей (*дорожная повоз, понос*).

Позднее, с развитием государственности, у славян, основу экономики которых составляло земледелие, появляется податное обложение пахотной земли. На Руси, вероятно, в X в. стала облагаться единица пашни, обрабатываемой одним ралом, сохой или плугом. В Первом Болгарском царстве X — начала XII в. и позднее паровой налог с плуга — упряжки или земли, которая ею обрабатывалась — назывался византийским термином *зевгарий*. В Польше с XI в. известно аналогичное *поральное*. В Хорватии и Сербии налогом облагалось пользование землей, а не единица пахотной площади: в Хорватии XI в. за пользование землей уплачивались первые плоды и десятина, тогда как в Сербии XIII — первой половины XIV в. осуществлялась выплата зерна или денег за землю *сок*.

Одновременно с такой очень близкой по содержанию податной системой во всех славянских странах сложились аналогичные повинности, которые обеспечивали существование государства и функционирование государственного аппарата: воинская повинность, обязанность строить города или пограничные укрепления (городовая повинность или погородное), обеспечение перевозок лошадьми, транспортными средствами (включая водные) и трудовыми усилиями — повоз, понос, провод, подвода (Болгария, Русь IX-X вв. и позднее, Чехия и Польша X-XI вв. и позднее, Сербия XIII — первая половина XIV в.).

В XI-XII вв. на Руси, в Болгарии (в составе Византийской империи) и Польше отмечаются также судебные штрафы, которые в виде вир и продаж отходили главе государства, а также судебные пошлины и отчисления, которые отходили членам административно-судебного ап-

парата за исполнение им должностных обязанностей. Генетически эти штрафы и пошлины восходили к племенному периоду, и существовали они, вероятно, все время, но возрастало значение их функций материального обеспечения административно-судебного аппарата.

Таким образом, в процессе становления и развития славянских государств, первоначально “варварских”, а позднее развитых государств, характеризующихся публичной властью — в виде княжеской (королевской, царской) династии и княжеского административно-судебного аппарата, — территориальным делением, податной системой и т.д., подати и повинности развивались в своем составе в очень близких, иногда тождественных формах. В XII-XIII вв. их различия становятся более значительными, что объясняется разными местными особенностями, темпами развития, отличающимся характером государственно-политических и культурно-исторических связей с соседними государствами.

В Болгарии, в составе Византийской империи и в независимом Втором Болгарском царстве, помимо ранее названных податей отмечаются также налог с рыбных угодий, отрочина (подать с землевладельцев за владение зависимыми дулопариками), а также древние по происхождению повинности — обеспечение чиновников и обслуживание дорог. В Хорватии XI в., до утраты ею независимости, отмечается такая форма материального обеспечения королевского административно-судебного чиновника как *descensus*, аналогичный ссадной гривне на Руси X-XII вв. В Сербии XIII — первой половины XIV в. в виде дополнительных повинностей отмечаются обслуживание царских виноградников и охоты. В Польше XI — первой трети XIII в. также существовали налоги и повинности, совпадающие или отличающиеся от других славянских стран: подать скотом (*нарез*), зерном (*сен*), подать с общины (*ополе*), а также особые налоги за охоту, рыболовство, помол муки, за речной транспорт, торговлю солью, за собственное рыночную торговлю, за содержание корчмы, и пошлины: охрана городов и границ, подать князю за охрану, постоя, за “мир”. На Руси первой половины XII в. помимо ранее названных податей и повинностей, отмечаются *гостинная дань* с купцов, *торговое* за право торговли, *мыт* за провоз товаров, *корчмиты* за содержание корчмы, *перевоз* за перевоз через водные преграды, *погородье* и *почестье* — налоги с города.

Значительная близость формирования и развития податной системы во всех славянских странах, включая многоэтничную Русь, где славянский этнос определял историческое развитие страны, свидетельствует об аналогичном по форме и содержанию становлении данного атрибута государства на всей его территории. Формы распределения и перераспределения этих податей свидетельствуют о том, что они свойственны феодальному государству, отражая все стадии его становления и развития.

Польская хроника Галла Анонима сохранила предания о древнейших феодах в виде почетных княжеских даров — вооружение, деньги, одежда “рыцарям” и вассалам за службу (Gall., I, 15,16), что свойственно дружинной организации служилой части господствующего класса. Более развитой формой феода стала передача дани с завоеванных племенных княжений или союзов как материального обеспечения за службу (Свенельд на Руси в X в.). Развитием этой формы материального обеспечения в виде феода-денег и феода-должности за службу князю (королю, царю) и исполнении административно-судебных должностей стало отчисление одной трети взимаемых податей, тогда как две трети отправлялись главе государства. Подобные отчисления чиновникам отмечаются в Великой Моравии в IX в.

На Руси Ярослав в качестве новгородского наместника до 1014 г. ежегодно отправлял в Киев Владимиру Святославичу две тысячи гривен, оставляя на содержания своих гридей-воинов и административно-судебного аппарата огромную сумму в тысячу гривен, что, вероятно, продолжало предшествующую практику X в. В Хорватии XI в. одна треть собираемых налогов отходила жупану, а две трети — королю. Так сложилась повсеместно распространенная в славянских странах XI-XIII вв. феодальная система материального обеспечения — в натуральной и денежной форме, в виде феодалов-должностей и феодалов-денег, через княжескую (королевскую, царскую) казну или в виде непосредственных податных отчислений от населения в виде корма-кормлений и судебных пошлин. При этом раскрывается двойственная природа податной государственной системы при феодализме: одна часть податных поступлений использовалась в общегосударственных целях (содержание войска, строительство городов, пограничных укреплений и т.д.), другая их часть становилась феодалами — материальным и денежным обеспечением за службу, средством обогащения и одновременно государственной эксплуатации, т.е. — феодальной рентой. Таким образом, понимание податной системы только как ренты или только как налоговой системы является следствием представлений, не учитывающих особенности феодального строя.

- Божиф И. 1956. Доходак царски (Поводом 198 члана Душановог законика Раковачког рукописа). Белград.
- Васильевский В. 1880. Материалы для внутренней истории Византийского государства // ЖМНП. Ч.200.
- Горина Л.В. 1972. Социально-экономические отношения во втором Болгарском царстве. М.
- Зеленская Н.И. 1982. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1978. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1981. Древнее славянское право. Арханские мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.
- Лебедев Г.С. 1977. Археологические памятники Ленинградской области. Л.
- Лебедев Г.С. 1982. О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.
- Лебедев Г.С. 1993. Русь Рюрика как объект археологического изучения // С.С.С.Р. ПАВ. № 6.
- Литаврин Г.Г. 1960. Болгария и Византия в XI-XII вв. М.
- Свердлов М.Б. 1978. Из истории системы налогообложения в древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М.
- Свердлов М.Б. 1983. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.
- Сергеевич В.И. 1867. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. Исторические очерки. М.
- Флоря Б.Н. 1981. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.
- Фроянов И.Я. 1974. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.
- Фроянов И.Я. 1980. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.
- Цанкова-Петкова Г. 1964. За аграрните отношения в средновековна България XI-XIII вв. София.
- Bardach J. 1983. La formation et les structures de l'état polonais du Xe jusqu'au XIIe siècle // Settimana di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. Spoleto.
- Bardach J., Leśnodorski B., Pietrzek M. 1979. Historia państwa i prawa polskiego. Warszawa.
- Havlík L.E. 1978. Morava v 9.-10. století. K problematice politického postavení, sociální a vládní struktury a organizace. Praha.
- Łowmiański H. 1970. Początki Polski z dziejów słowian w I tysiącleciu n.e. T.IV. Warszawa.
- Modzelewski K. 1987. Chłopi w monarchii wczesnopiastowskiej. Wrocław.
- Ostrogorsky G. 1927. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd.XX, H.1-2. Stuttgart.
- Ostrogorsky G. 1954. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles.
- Zajda A. 1979. Nazwy staropolskich powinności feudalnych danin i oplet (do 1600 roku). Warszawa-Kraków.

Заслонки и печная дуга XVII в. из Дисны

В 1988 г. во время археологических раскопок в п.г.т.Дисна в одном из шурфов был открыт развал печи XVII в. Среди других, не менее интересных и столь же мало известных ранее по материалам раскопок в Беларуси элементов, были найдены фрагмент печной дуги, декорированный штампом-сеточкой, несколько фрагментов массивной округлой крышки с ручкой и фрагменты керамического изделия прямоугольной формы. Объединяют эти предметы два признака — совместное нахождение в слое и характер глиняного теста. Показалось возможным попытаться восстановить по этим находкам печной приклад, представлен дугой печного устья и несколькими заслонками различного назначения.

Все предметы изготовлены с большим количеством средних и крупных примесей — толченый кварц белого цвета. Внутренняя часть глиняного массива серого цвета. Поверхности обмазаны жидкой красной глиной, вероятно, для уменьшения шероховатости из-за большого количества крупных примесей. Дуга печного устья (рис.1) имеет высоту тычковой поверхности 6,5 см и ширину ложковой — 5-5,5 см. Тесто слоистое, с большим количеством средних и крупных примесей. Болванка для дуги сформована путем свертывания глиняного листа мощностью 6-7 мм. На внутренней стороне дуги заметны поперечные пальцевые вдавливания в виде четырех бороздок, направленных с тыльной поверхности по направлению к лицевой, но не достигающих до нее. Эксперимент, проведенный в процессе реконструирования, свидетельствует о том, что это отпечатки левой руки гончара, захватывающей дугу снизу. На внешней стороне дуги проведены две продольные пальцевые бороздки, они обрываются там, где конец дуги имеет завершение на угол (противоположный конец дуги сколот). Трассологический анализ позволяет предположить, что срезание происходило сверху вниз. Длина верхнего луча угла 7,5 см, нижнего — 6,0 см. По лицевой стороне дуга украшена прямоугольными рельефными штампами размером 2,2 x 1,6 см, орнаментальная решетка составлена из квадратов со стороной 3 мм, имеет 4 горизонтальных и 5 вертикальных рядов. Подобные штампы были выявлены на кирпичах, находящихся в кладке центральной башни Мирского замка, и относятся к началу XVI в. (Калнин 1986: 9). Эти штампы определяются как цеховые клейма (Трусов 1988: 97, 116, рис.51,20). Однако, использование штампов на печных дугах несомненно имело декоративную функцию. Расстояние между клеймами 2,7 см, в двух случаях 2 см по нижней линии и 3 см, соответственно в двух случаях 2,5 см по верхней линии. Лицевая поверхность самого угла завершения дуги теперь сколота, поэтому нельзя

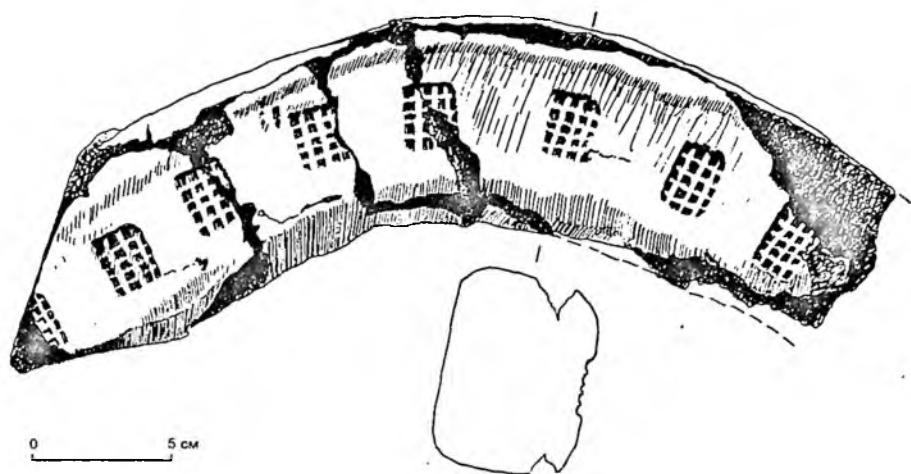

Рис. 1. Фрагмент печной дуги XVII в. из Дисны.

с уверенностью сказать, полностью или нет поместился там штамп. На лицевой поверхности дуги заметны следы копти, причем они становятся интенсивнее по направлению к предположительному центру дуги (правая часть ее не сохранилась).

Из сохранившихся фрагментов заслонок можно выделить, по меньшей мере, обломки от трех. Первая из них представляет собой заслонку с ручкой (рис.2,1). Толщина заслонки 1,7-2 см, по краю лицевой стороны проходит бордюр шириной 2,5-2,7 см и высотой 0,5 см. Заслонка имеет дугообразную верхнюю часть, расстояние от верха ручки до верхнего края заслонки 12 см. Тесто слоистое, включает примеси средних размеров. Внешняя поверхность и ручка обмазаны жидкой красножгущей глиной, внутренняя — обмазки не имеет. Внутренняя поверхность заметно закопчена. Ручка овальная в сечении, размерами 5,2 x 3-4 см, по внешней стороне проходит желобок шириной 2 и глубиной 1 см, тесто ручки отличается большим количеством примесей.

Вторая сохранившаяся заслонка представлена 3 фрагментами, из которых один сохранил основание ручки, а другой следы крепления второго ее конца. Толщина заслонки 1-1,4 см. Тесто слоистое, содержит большое количество примесей, в том числе достаточно крупных, среди примесей замечена слюда. Внешняя поверхность и остатки ручки несут следы обмазки. Сохранившиеся следы позволяют утверждать, что ручка была овальная в сечении 4 x 3 см, расстояние между точками крепления по внутренней поверхности равнялось 8 см. Внутренняя поверхность закопчена.

Третья сохранившаяся заслонка представлена двумя фрагментами, которые показывают прямоугольное завершение одного из углов (рис.2,2). Толщина заслонки 1,7-2 см, причем мощность увеличивается по направлению к одной из сторон, завершающейся в виде скоса под углом примерно в 15°. По краям внешней поверхности проходит бордюр шириной 1,7 см и высотой около 1 см. Тесто слоистое, содержит довольно большое количество крупных примесей. Большая часть внутреннего пространства глиняного массива серого цвета, что особенно явственно наблюдается по краям, где он заполняет практически все прос-

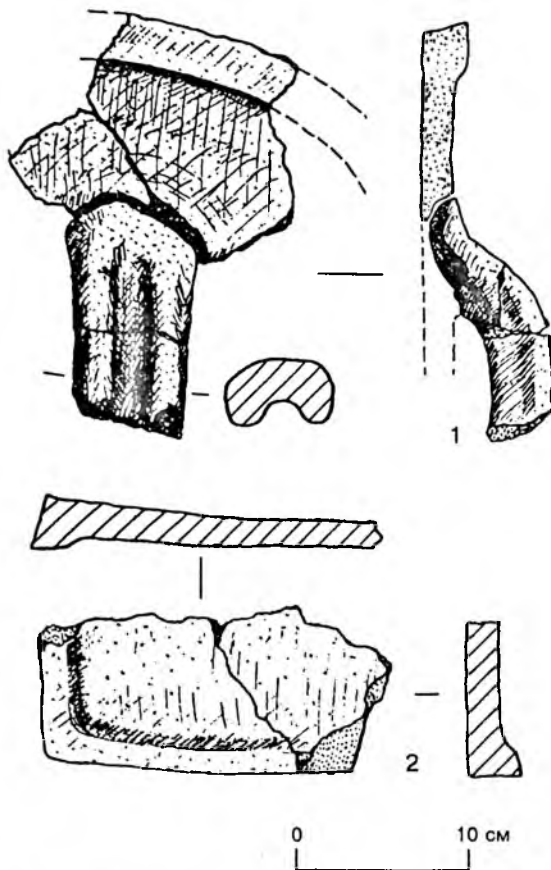

Рис. 2. Фрагменты печной заслонки XVII в. из Дисны.

транство. Внутренняя и внешняя поверхности обмазаны жидкой красножгушей глиной. Следов копоти нет. Гипотетические следы крепления ручки прослеживаются на расстоянии 12-13 см от нижнего края и 9 см от бокового. Сохранилась также ручка, которая может быть частью третьей заслонки, однако надежно она не монтируется; ручка овальная в сечении размером 3 x 2,5 см расстояние между основаниями дуги по внутренней стороне 8 см, высота дуги по внутренней стороне 3,7 см. Тесто слоистое с большим количеством примесей, в том числе крупных, замечена слюда. Ручка обмазана жидкой красножгушей глиной.

Печные дуги и заслонки XVII – первой половины XVIII вв. изредка встречаются во время археологических раскопок в восточной и центральной Белоруссии (Левко 1984: 26-27, рис.15; 1992: 45, рис.39; Соболев 1984: 13, рис.39,5, 40,4,5; Пазняк, Соболев, Саганович 1987: 41; Соболев, Ганецкая 1984: 15, рис.13:1-3, фото 38; Чернявский 1984: 31, табл.28, № 2-4, фото 68; Чернявский 1985: 25, табл.27, № 6; Чернявский 1986: 16, табл.6, № 1, фото 21; Сінчук 1988: 42, рис.27,64; 1989: 35; 1990а: 103; ф. 51; 1990б: рис.87:1-8; Зайцева 1988: рис.37,1-2,4; Здановіч, Сінчук 1993: 4-5). Однако такие находки в комплексе найдены впервые, и это позволяет предложить вариант реконструкции топчанного устья (рис.3).

Анализ многочисленных изображений европейских печей XV-XVIII вв. позволяет принять вывод М.Домбровской о размещении топки печи

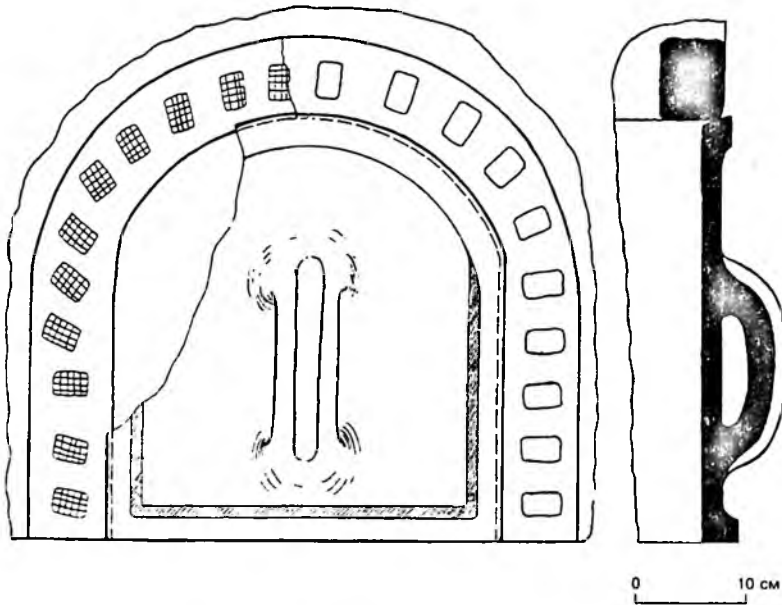

Рис. 3 Реконструкция устья печи XVII в.

вне интерьера жилой комнаты в специальном помещении, что и привело к "исчезновению" этого элемента на современных рисунках печей (Dabrowska 1987: 155). Судя по грубости теста дуги и заслонки, это наблюдение верно и для предлагаемой реконструкции.

Печная дуга имеет штампы и следы копоти на стороне со штампами. Декорирование указывает, что это был элемент вмурованный в печь, но одна из сторон была обращена к зрителю. Следы копоти указывают, что место сохранившейся части дуги — в верхней части обрамления топки. Позволительно предположить, что топка закрывалась заслонкой большего либо совпадающего с дугой размера. Сохранившиеся фрагменты толстой крышки с большой грубой ручкой могут быть частью этой заслонки. Внешний край крышки является частью окружности радиуса 18-18,5 см, что близко к размерам внутренней поверхности печной дуги — дуга радиуса 18 см.

Дуга специально изогнута на высоте $1/3$ от острого конца сохранившейся части.¹ Можно утверждать, что сгибание было произведено после нанесения клейм, поскольку один из отпечатков пальцев мастера смазывает клеймо, а на выпуклых линиях самой решетки есть следы пальцев, которые при обратном порядке были бы уничтожены штампом — давление штампом было настолько сильным, что рельефные линии решетки расположены ниже уровня поверхности пластины на глубине от 1 до 3 мм. Неправильная форма дуги вынуждает предполагать, что печная заслонка не имела характера полукруга, а была более сложной формы. Можно предполагать не искажение правильной дуги дополни-

¹ О сознательности произведенного действия свидетельствуют отпечатки на обожженной глине папиллярных линий пальцев и ладоней именно в районе изгиба.

тельным изгибанием ее в нижней трети, а получение дуги из прямого бруска-заготовки, причем нижние части остались прямыми.

Толстая крышка с ручкой (заслонка), сделана на подсыпке; следы подсыпки зафиксированы со стороны, обратной ручке, что позволяет догадываться об использовании гончарного круга. Догадку укрепляют, во-первых, профилированный бортик, внутренний край которого достаточно правилен, а, во-вторых, концентрические правильные (имеющие общий центр с окружностью внутреннего края бортика) неглубокие неровности в поле между бортиком и ручкой, напоминающие оттиски пальцев на цегле-пальчатке, чем они, вероятно, и являются. Дуга и прямоугольные фрагменты сделаны на досках, размокшая древесина которых дала легко читаемый оттиск на внутренней стороне обоих деталей. Это тоже косвенно свидетельствует в пользу использования круга для изготовления деталей со следами подсыпки. Вполне возможно, что диаметр рабочей площадки круга был равен диаметру крышки (равен удвоенному расстоянию между большим и указательным пальцем человека — двум малым пядям).

Искусственная изогнутость печной дуги, изменяющая простую ее форму, описываемую лишь дугой определенного радиуса, превращает обрамление топки печи в некое подобие арочного дверного либо оконного проема. В то же время это позволяет предположительно определить место сохранившегося фрагмента печной дуги — его место в верхней части, что уже было допущено по наличию копоти. Поскольку в таком случае частью окружности является лишь верхняя часть обрамления топки, то можно определить положение комплекса фрагментов называемых крышкой с ручкой, т.е. ориентировать ручку, которая могла идти как вдоль, так и поперек. Остается только одна возможность — ручка была ориентирована вертикально; в противном случае крышка не подошла бы по размерам к печным дугам, расстояние между которыми по горизонтали было, вероятно, меньше, чем радиус дуги печного свода (сохранившийся фрагмент дуги изогнут вовнутрь).

Прямоугольные фрагменты могли бы быть основанием заслонки, верхняя часть которой — круг с ручкой. В пользу этого говорит наличие у прямоугольной части бортика (правда, несколько меньшего, чем бортик крышки). Против — разный характер внутренней поверхности (подсыпка и оттиск доски). Это препятствие устраняется, если допустить, что после изготовления на гончарном круге диска, необходимого для формирования верхней округлой части, он обрезался с боков и долепливался той же глиной по углам. Как для этого, так и для формирования декоративного бортика нужна была некая рабочая поверхность, которой вполне могла послужить доска после снятия диска с гончарного круга. На защищенной подсыпкой поверхности диска доска не оставляла отпечатков, на долепливаемой части, не имевшей подсыпки, оставались оттиски волокон.

Изложенного выше достаточно, чтобы попытаться определить размеры заслонки. Ее ширина несколько меньше диаметра диска-заготовки и задается обрамлением из печных дуг, место плавного перехода дуги напрямую известно по фрагменту печной дуги. Кстати, срезание от диска полоски всего лишь в полтора сантиметра по горизонтали дает почти пятнадцать сантиметров ровной линии по вертикали. Высота заслонки в некоторой степени определяется ее ручкой. Положение ручки от верхнего края известно точно — 17 см до верхнего края внутреннего отверстия ручки. Тяжесть заслонки (ее толщина 1,9 см) предполагает, что

в отверстие ручки просовывались все четыре пальца ладони, то есть оно было не менее 10 см. Толщина ручки известна — 3,6 см, значит для крепления нижнего края ручки требовалось минимум 4,5-5 см. Все вместе это составляет 32 см, т.е. высота заслонки была не менее этой цифры плюс некоторое расстояние между нижним краем ручки и основанием заслонки.

Небольшой, но заметный наклон (около 5°) заслонки вовнутрь показывает, что распределению сил, действующих на заслонку, было уделено при ее изготовлении некоторое внимание. Можно ожидать, что ручка крепилась с некоторым смещением вниз от центра, чтобы понизить центр тяжести, и увеличить устойчивость. Действительно, середина ручки смещена вниз от центра диска-заготовки на 6 см. Соображения устойчивости — еще один аргумент в пользу вертикального расположения ручки. В предлагаемой реконструкции допущено, что место крепления ручки находится не на нижнем декоративном бортике заслонки, который является также ребром жесткости и увеличивает площадь основания, а несколько выше. Поскольку бортик и скос от него к полю заслонки составляют 3 см, то минимальная высота заслонки определяется при таком допущении в 35 см. Принятая в реконструкции высота 37,5 см предполагает, что между бортиком и ручкой должен свободно входить большой палец, которым, скорее всего, и прилепливалась ручка. Замечательно, что принятая путем таких расчетов величина хорошо согласуется с диаметром диска-заготовки (наружный несколько больше 37 см) и практически совпадает с ней.

Несколько неожиданной, но легко объяснимой деталью конструкции печной дуги является косой срез в нижней части сохранившегося фрагмента. Брусок-заготовка печной дуги явно был длиннее, поскольку срез проходит через декоративный штамп. Это доказывает, что готовая заготовка расчленилась после нанесения декоративных штампов. Изгибаться прямой брусок заготовки мог как до, так и после разрезания. Скорее всего, разрезание было произведено до изгибания. В пользу этого свидетельствует долепленный с наружной стороны среза тонкий пласт глины в 2 мм, поскольку деформация бруска с целью сгибания в дугу могла вызвать появление щели на месте стыка-разреза, причем — именно с наружной стороны. Разрезание тяжелого бруска сырой глины (сечение 5,4 x 7,3 см) на части позволяло с большим удобством проводить с ним технологические операции (формовка, сушка, обжиг) и последующий монтаж в печи (подгонку к заслонке). Специфика материала не давала иной возможности подогнать керамические детали в случае их неодинаковой усадки либо деформации во время обжига.

Предполагается, что прямые части печной дуги были на некоторую глубину запущены в тело печи, чтобы обеспечить прочное закрепление дуги. Это обезопасило бы дугу на случай неожиданного удара изнутри при попытке достать что-либо из топки. Следовательно, дуга должна была располагаться выше опасной зоны, т.е. — выше уровня в 12-15 см. Наличие заслонки автоматически ведет к допущению наличия площадки перед топкой, что подкрепляет изложенное выше предположение о закреплении вертикальной части печной дуги в теле печи.

Конструктивные особенности печей как функциональных конструкций для Беларуси до сих пор не восстанавливались и можно было ориентироваться только на аналогии (Спегальский 1968: 74-77; Kozera 1994: 50-97, гус.79,97). Единственная работа, коротко оговаривающая устройство печей, опирающаяся на материалы раскопок Витебска, появилась

в 1984 г.: “В 1981 г. на территории Заручавья... удалось собрать несколько целых фигурных кирпичей с сильно закопченной поверхностью, имеющих своеобразную форму. Эти кирпичи, судя по их профилировке, могли применяться для выкладки лицевой поверхности печного свода. Кирпич имел площадь лицевого полотна 20 x 8 см, высоту с внутренней стороны 9 см, с внешней — 3 см. Внешний край кирпича слегка закруглен и заглажен, как и лицевая поверхность. Реконструкция показала, что печной свод выкладывался из семи таких кирпичей, имел ширину основания 0,9-1 м, высоту около 0,6 м... Следовательно, в витебских печах XIV-XV вв. лицевая поверхность печного свода выкладывалась заглаженным фигурным кирпичом, который мог быть орнаментированным” (Левко 1984: 26-27; 1992: 45). В подписи под иллюстрацией приведена иная датировка — XV-XVI вв. (Левко 1984: рис.15; 1992: рис.39). Несмотря на разницу в терминологии и датировках, ясно, что речь идет о тех же элементах конструкции, что и публикуемые. Витебские находки не имеют стратиграфической датировки, поэтому следует опираться на датированные культурным слоем дисненские находки, минские находки из закрытого комплекса с датой не позднее 1605-1615 гг. и полоцкой находке, имеющей датировку *post quem* по оттиску российской монеты, использованной как клеймо — вторая половина XVII — первая половина XVIII вв. Из имеющего в распоряжении материала следует, что все топливники имели закругленный свод-перекрытие, скорее всего цилиндрический. Это вполне соответствует традициям недеревянного зодчества, избегавшего опоры сводов на поперечные балки. Другие обобщения пока преждевременны. Не ясно, на каком расстоянии от заслонки находилось хайло и существовало ли оно, как конструктивный элемент печи. Не исключено, что фиксируемые иногда как случайный развал кирпичи — это остатки горизонтальных дымоходов. Обращает внимание отсутствие находок колосниковых решеток, что может указывать на отсутствие в конструкции печи поддувала.

В таком виде кафельные печи, удивительно напоминают в миниатюре печи типа *huroscaustum*, которые не имеют зольников, но имеют арочные своды-аккумуляторы тепла (см. напр.: Busko 1995: 155, 169, гус.4, 17). Топливник в терминологии польскоязычных инвентарей начала XVIII в. определяется как “челюсти” (Kozera 1994: 50-97). Польская исследовательница М.Домбровская пользуется термином “челюсть” (Dabrowska 1987: 155, 158-159), белорусский исследователь И.М.Чернявский употребляет определение “челесник” для обозначения свода печи (Чернявский 1986: 16), в первой трети XX в. на Витебщине бытовало в этом же значении слово “чало”, возможно, восходящее к определению “челюсти” (Каспярович 1928: 45).

Предложенная реконструкция заслонки и печной дуги — внешних элементов топливника — частично решает проблему воссоздания конструкций кафельных печей XVII — первой половины XVIII вв.

Зайцева О.Е. 1988. Отчет о раскопках в г.п.Друя, гг.Дисла и Верхнедвинск в 1987 г. // Архіў ІГ АНБ, № 950.

Здановіч Н., Сінчук Я. 1993. Плянная засланка, што датуецца расейскай манэтай // Полацк, № 1.

Калиш В.В. 1979. Замок в Мире. Минск.

Калиш В.В. 1986. Мирский замок. Минск.

Каспяровіч М.І. 1928. Як сабраць і укладзі слоунік мовы свайго краю // Наш край, № 1.

Левко О.Н. 1984. Витебск XIV-XVIII вв. Минск.

Левко О.Н. 1992. Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии. Минск.

- Пазняк З.С., Собаль В.Е., Сагановіч Г.М. 1987. Справаздача аб археалагічных раскопках архітэктурных рэштак Мінскага касцёла Дамінікашцаў // Архіў ІГ АНБ, № 969.
- Сінчук І. 1988. Эскізы праект 9-69. Помнік архітэктурны – б. касцёл Станіслава е Магілёве. Комплексныя навуковыя даследаванні. Археалагічныя даследаванні. Т.2, кн.8 // Архіў БРПІ. Аб'ект 9-69. Інв. № 48.
- Сінчук І. 1989. Эскізны праект рэстаўрацыі 383-88. Памятник архитектуры XVIII в. дом № 11 по ул. Ленинской в г.Могилеве. Комплексные научные изыскания. Археологические изыскания.Т.2, кн.4 // Архив БРПИ. Аб'ект 383-88. Інв. № 18.
- Сінчук І. 1990а. Справаздача аб археалагічных даследаваннях уістарычнай частцы г.Магілёва у чэрвені-ліпені 1989 г. // Архіў БРПІ. Аб'ект 6-89. Інв. № 7. Кн.1.
- Сінчук І. 1990б. Справаздача аб археалагічных даследаваннях уістарычнай частцы г.Магілёва у чэрвені-ліпені 1989 г. // Архіў БРПІ. Аб'ект 6-89. Інв. № 8. Кн.2.
- Собаль В.Е. 1984. Отчет об археологических исследованиях на Татарском предместье г.Минска в 1983 году и работах на территории дома-усадьбы художника Ваньковича // Архіў ІГ АНБ.
- Собаль В.Е., Гаецкая І.У. 1994. Помнік архітэктурны XVII ст. – б. базыліянскі манастыр (вул.Энгельса, 1, г.Мінск). Археалагічная справаздача аб раскопках б. базыліянскага манастыра у Менску ўліпені-жніўні 1994 г. // Архіў ІГ АНБ. Спр.1515.
- Спегальскі Ю.П. 1968. О некоторых приемах устройства отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове) // КСИА. № 113.
- Трусон О.А. 1988. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI-XVII вв. Архитектурно-археологический анализ. Минск.
- Чернявский И.М. 1984. Памятник архитектуры XVII в. – ратуша в г.Могилеве. Отчет о проведенных археологических исследованиях в мае-июне и августе-сентябре 1984 года. // Архіў БРПІ. Аб'ект 152/7. Інв. № 28.
- Чернявский И.М. 1985. Памятник архитектуры XVII в. – Никольская церковь. Отчет о проведении археологических раскопок в июне 1984 г. // Архіў БРПІ. Аб'ект 12/69. Інв. № 32.
- Чернявский И.М. 1986. Комплекс б. Никольского монастыря в г.Могилеве. Археологический отчет о проведении раскопок в августе 1985 г. // Архіў БРПІ. Аб'ект 12/69. Інв. № 35.
- Busko S. 1995. Sredniowieczne pesty typu hypocaustum na Slasku // Archeologia historica Polona. T.1. Materiały z I sesji naukowej Uniwersyteckiego Centrum Archeologii Sredniowiecza i Nowozytnosci. Torun, 21-22 listopada 1992 roku. Torun.
- Dabrowska M. 1987. Kafele i piece kaflowe w Polsce do konca 18 wieku // Studia i materiały z historii kultury materialnej. T. LVIII.
- Kozera M. 1994. Kościół parafialny i zamek królewski w Niepolomicach. Dzieje znane i nieznanne. 1340-1990. Krakow.

О реставрации и датировке Порохового погребца в Псковском кремле¹

Руины “Порохового погребца” у восточной стены Псковского Кремля (рис.1), хорошо известные по планам Пскова XVIII-XIX вв., археологически обследовались в 1966 и 1972 гг. При раскопках установлено, что памятник сохранил подлинные кладки до уровня сводов цокольного этажа (рис.2-8). Время строительства сохранившихся остатков и внешний облик здания оставались неясны.

Предметом изучения Пороховой погреб стал в связи с подготовкой А.В.Воробьевым эскизного проекта реставрации и приспособления здания, разработанном в научно-исследовательских проектных мастерских (НИПМ) ВПНРК. Эти работы явились продолжением разработки проекта реставрации Псковского кремля, утвержденного в 1955 г. Управлением по делам архитектуры СМ РСФСР. Пороховой погреб датирован в этом проекте XV в., а само здание представлено двухэтажным. После нескольких обсуждений и незначительных доработок² этот про-

1 Статья подготовлена в рамках проекта “Городское ядро средневекового Пскова”, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (грант 96-01-00013).

2 Первоначально проект А.В.Воробьева был разработан в двух вариантах, но оба эти варианта были в конце 1972 г. отвергнуты на научно-техническом совете НИПМ ВПНРК, как не отвечающие основным принципам методики реставрации памятников архитектуры. На повторном заседании Совета 27 ноября 1972 г. был рассмотрен третий вариант, учитывающий высказанные замечания и предложения. На заседании было принято решение одобрить возведение двухэтажного здания и опять таки был высказан ряд замечаний. 1 декабря 1972 года третий вариант был рассмотрен и в основном одобрен на заседании научно-технического совета Псковской СНРПМ. После этого был разработан четвертый вариант реставрации и восстановления Порохового погребца с учетом высказанных замечаний. Этот вариант реставрации, несмотря на спорный характер решения основных архитектурных объемов, и был реализован. После завершения основных каменных работ в октябре 1973 г. Управление культуры Псковского облисполкома обратилось в ВПНРК с письмом с просьбой “уточнить проект”. В апреле 1974 г. Центральный совет ВООПИК организовал комиссию, которая ознакомилась с имеющимися в Управлении культуры материалами по реставрации Порохового погребца, произвела натурное обследование памятника. После работы комиссии Центральный совет ВООПИК прекратил финансирование работ по Пороховому погребу, поскольку, “продолжение финансирования может быть продолжено только после утверждения полного проекта реставрации и приспособления данного памятника”. Однако, решением комиссии МК РСФСР и ЦК ВООПИК от 1-3 декабря 1986 г. к исполнению был рекомендован разработанный в 1981 году седьмой вариант реставрации и в этом же году над возведенным зданием была выполнена наконец временная кровля.

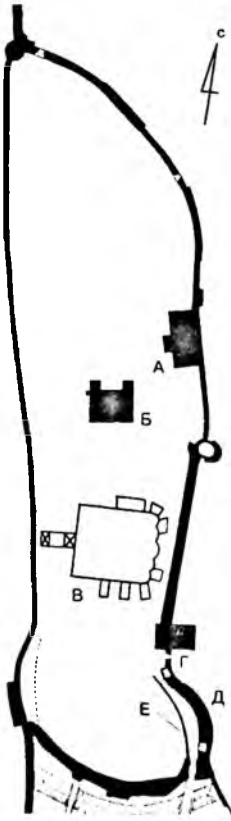

Рис. 1 План-схема Псковского кремля. А — Пороховой погреб; Б — “Дом причта” XIX в.; В — Троицкий собор; Г — “Малые ворота”; Д — прясло стены между Великими и Малыми воротами; Е — погреб в стене 1452 г.

ект реставрации был реализован, и на месте подлинных руин выросло двухэтажное каменное здание с окнами-бойницами.

Необходимость повторного обращения к имеющимся источникам продиктована тем обстоятельством, что в реализованном проекте реставрации Порохового погреба ряд существенных вопросов остались открытыми:

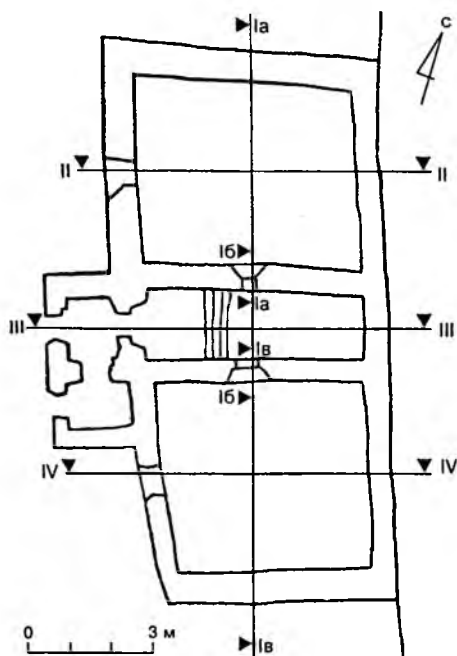
1. Не выяснена датировка Порохового погреба и, соответственно, остался открытым вопрос о том, на какой период существования здания следует разрабатывать проект его реставрации.

2. Не нашел своего окончательного решения вопрос о примыкании к Пороховому погребу с севера и с юга прясел крепостной стен и история возникновения данного, в современном его виде странного по архитектуре, соседства.

3. Не выяснена окончательно этажность Порохового погреба и характер связывающий этажи лестницы.

Первое упоминание о погребах в Псковском кремле, на основании которого руины датировались XV в. относится к 1452 г. В Псковской Первой летописи под 6960 г. отмечено: “Псковичи оурядиша стену камени в городе на Креому от Персей, от Великих ворот, возле всхода, до Малых ворот, и в той стене оучиниша пять погребов” (П1Л: 50). То же самое сообщение содержится и в Псковской Третьей летописи (ПЗЛ: 139). Псковская Вторая летопись уточняет топографическую привязку погребов в крепостной стене: “Поставлена бысть стена новая на Крому в охабни, и оучиниша в ней погребни от Пскове mezi ворот” (П2Л: 48; курсив мой — Е.С.). При этом, летопись не называет погреба в “охабне” “пороховыми”.

Рис. 2 Пороховой погреб 1636-1644 гг.
План.

Определяя топографию указанного места нетрудно заметить, что речь идет о совершенно другом участке Псковского кремля — о восточной стене Троицкого (Темного) захаба, расположенной между Великими и Малыми Троицкими воротами. Обращает на себя внимание огромная толщина этой стены (почти 7 м в основании), а также обнаруженные при раскопках следы двух погребов на южной и северной оконечностях прясла; возможно, здесь были и другие внутрисканальные погребы, оставшиеся невыявленными из-за недостаточно хорошей сохранности кладки, исследованной при археологических раскопках. Со строительством именно этого прясла стены связывает сообщения Псковских летописей от 6960 г. И.К.Лабутина (1985: 51).

Первое упоминание о “пороховых погребах” в Псковском кремле относится к 1560-м годам. Псковская Третья летопись сообщает о взрыве “зелья” в кремле под 7070 г.: “Того же лета, апреля в 28 день, загореся в Пскове... И Кром выгорел, и житницы великого князя, и церковь огоре живоначальная Троица, и все церкви в Домантовой стене, и колоколы по колоконицам сваялися... И зелье было в Крому в погребах, и как загорелися и стену вышибло к Рыбникам, и много людей побило” (ПЗЛ: 242). Хотя указание на то, что взорвавшуюся стену “вышибло к Рыбникам” топографически с местом Порохового погреба не вполне соотносится (на этом участке берега Псковы необычайно крутые и собственно Рыбный торг размещается значительно южнее — под стенами Темного захаба кремля и у стен Довмонтова города), теоретически, сообщение Псковской Третьей летописи можно было бы с известной гипотетичностью соотнести с Пороховым погребом у восточной стены Кремля. Однако такому отождествлению противоречат сведения о том же пожаре в Псковской Первой летописи, помещенные, правда, под 7073 г.: “Погоре Псков весь, и кремль, и зелье в полате у Святых врат, и на обе стороны стене вынесе, где ныне владычен двор” (П1Л: 113). Местоположение владычного двора — в пространстве

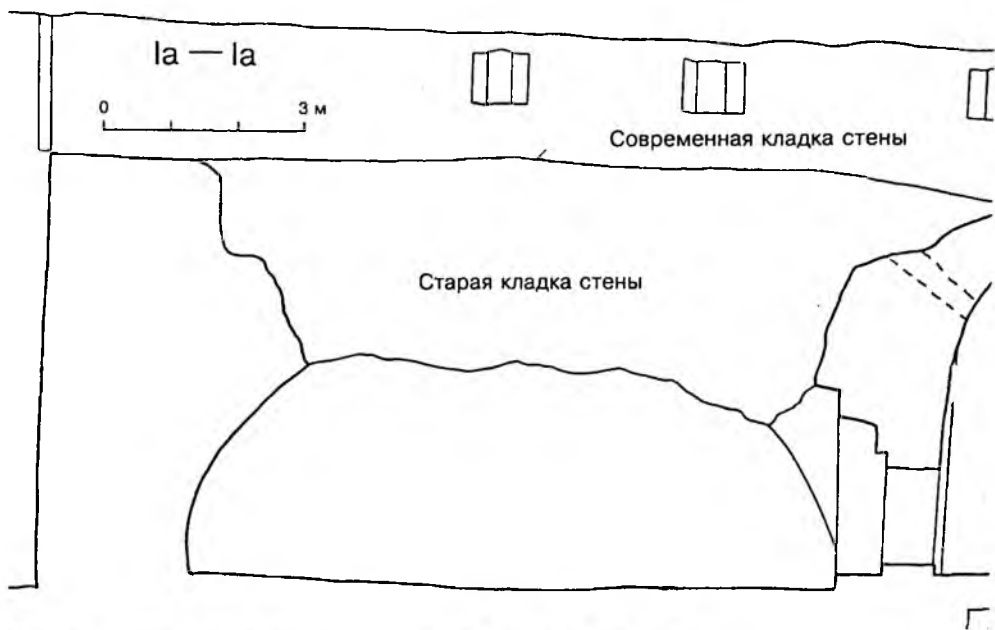

Рис. 3 Профиль 1a — 1a (местоположение профиля см. рис.2).

Рис. 4 Профиль 1б — 1б (местоположение профиля см. рис.2).

прежней вечевой площади Пскова — не оставляет сомнений в том, что речь идет о взрыве зелья в южной части Кремля. Учитывая то, что взрывом вынесло стену “на обе стороны”, то есть, и к владычному двору, и к реке (“к Рыбникам”, согласно ПЛ), можно думать, что речь идет о взрыве тех же внутристенных погребов в стене Темного захоба, о которых сообщалось под 1452 г., хотя в сообщении Псковской Первой летописи говорится о “полате”, а не о “погребах”.

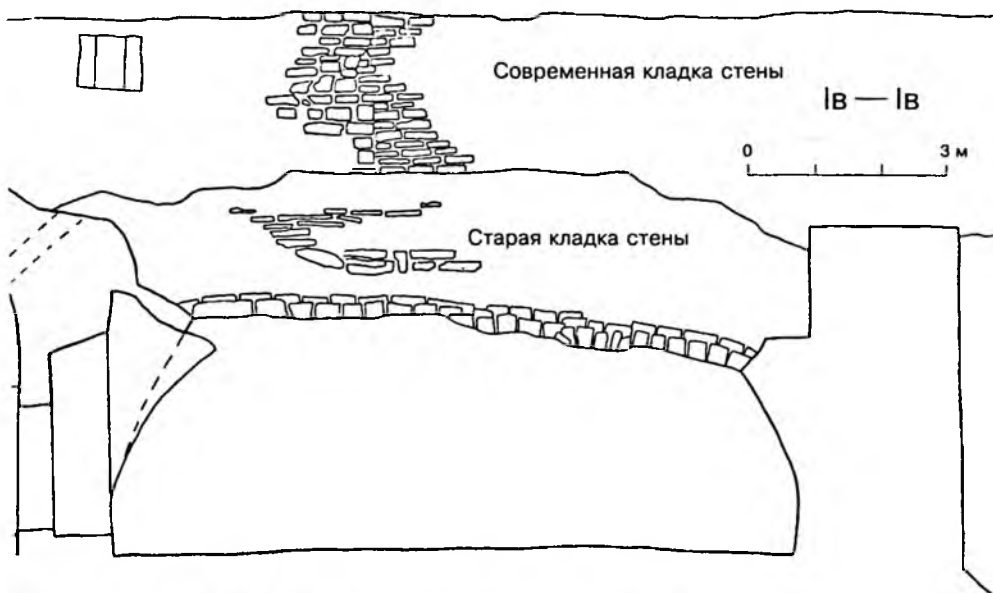

Рис. 5 Профиль Iв — Iв (местоположение профиля см. рис.2).

Таким образом, приведенные сообщения вряд ли имеют отношение к интересующему нас зданию Порохового погреба у восточной стены Псковского кремля.

Первое упоминание, которое можно уверенно соотносить с рассматриваемым сооружением, относится к 1608 г.: “Лета 7117. Маиа в 15 день ... учинился пожар во Пскове ... и весь град выгорел, и живоначалная Троица в Крему ... и государева казна зелье и наряд, и вырвало кремскую стену на Великую реку и на Пскову по шестидесят сажен на обе реке, и много людей прибило камением” (ПІЛ: 114). То, что здесь идет речь именно об участке возле Порохового погреба подтверждается сведениями росписного списка 1644 и сметной книги 1655 гг., где участки стен, вырванные в пожар зелейною казной, привязываются точным расстоянием, измеренным в сажнях от башни в куту Крома (Псков и его пригороды 1914: 90,126). Таким образом, к 1608 г. пороховой погреб уже реально существовал.

О пороховом погребе, существовавшем в псковском Кремле до 1608 г., сведений крайне мало. В отписке псковского воеводы князя Федора Куракина и дьяка Григория Лукина о ветхости церкви Воздвижения Честного креста и Апостолов Петра и Павла, в подвалах которых хранится зелейная и свинцовая казна сообщается, что “под теми... церквами погребы каменные ж, а в тех... погребах стоит твоя государева зелейная и свинцовая казна со псковского пожару со (7)117 году... А наперед... сего до псковского пожару твоя государева зелейная казна стояла в Кремле-городе в полате, а полата, государь, зделана была каменная, и под нею погребы зелейные, и во псковской... пожар от зелейные казны рассыпалась. А иных... таких палат и под иными церквами погребов во Пскове в Кремле и в Середнем городе нет”. (Псков и его пригороды 1914: 80). Из этого упоминания следует, что здание Порохового погреба в Кремле имело два яруса: нижний ярус — собственно пороховой погреб, верхний — палата.

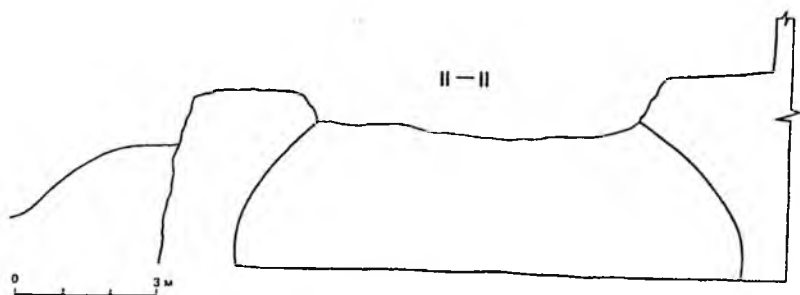

Рис. 6 Профиль II – II (местоположение профиля см. рис.2).

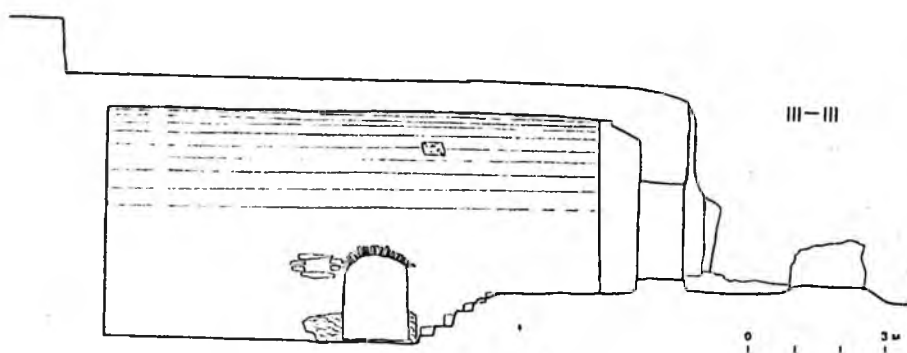

Рис. 7 Профиль III – III (местоположение профиля см. рис.2).

Раскопки возле Порохового погреба в Кремле проводились дважды – в 1966 и 1972 г. Установлено, что сохранившиеся руины постройки возведены на слое пожара, содержащем находки XVI-XVII вв. (в том числе – многочисленные замки с вырванными дужками)³. Очевидно, что слой пожара может быть достаточно определенно соотнесен именно со взрывом 1608 г., и, следовательно, существующее здание Порохового погреба возведено уже после этого взрыва. При раскопках 1966 г. (раскопки М.Х.Алешковского) были раскрыты центральная и северная камеры погребов, а для уточнения размеров постройки были заложены дополнительно три шурфа. Установлено, что нижние 3-4 ряда кладки плитняка относятся к более раннему строительному периоду, нежели верхние ряды кладки: об этом свидетельствует более мелкий и однородный по толщине размер плитняка, а также отсутствие перевязок и несовпаде-

³ Этот слой зафиксирован в шурфе 1972 г., заложенном в южной камере постройки; аналогичный слой прослежен к юго-западу от постройки в раскопе 1991 г. (раскопки В.Д. и С.В.Белешких, при участии автора статьи).

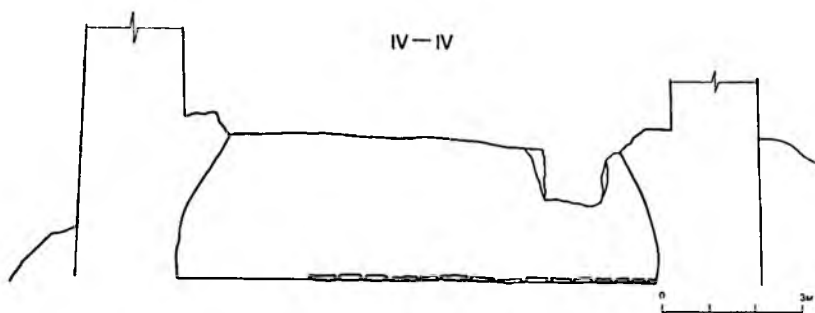

Рис. 8 Профиль IV – IV (местоположение профиля см. рис.2).

ние в плане нижней и верхней кладки. Северная стена Порохового погреба у нижней кладки продолжается далее западной стены погреба, а западная стена погреба не перевязана с южной поперечной стеной пристройки и между ними фиксируется широкий слой извести в то время как у верхних рядов кладки такая перевязка имеется. Все это дает основания отнести нижние 3-4 ряда кладки к раннему строительному периоду, предшествующему сохранившимся руинам. Из того, что ранние погреба не совпадали в плане с ныне существующими, следует, что они могли иметь и скорее всего имели иную в плане планировку, во многом, возможно, не совпадающую с современным трехчастным планом, характерным для построек XVII в.

Сохранившиеся руины Порохового погреба, как отмечалось, принадлежат зданию, возведенному после взрыва 1608 г. Есть возможность уточнить время строительства. В отписке псковского воеводы князя Федора Куракина и дьяка Григория Лукина 1636 г. отмечено: “В нынешнем... во (7)144 году мая в 14 день, в твоей, государь, грамоте из Новгородские чети за приписью дьяка Максима Матюшкина... велено во Пскове в Кремле-городе старую каменную палату и под нею зелейный погреб поделати и устроити на твою, государь, зелейную и свинцовую казну накрепко ис твоей государевы казны изо псковских изо всяких доходов. и для сбереженья от пожаров тое палату покрыть черепицею... И по смете, государь,... от полатного места от расчистки и на полатное дело надобно камению, и извести, и песку, и воды, и на связи, и на двери, и к окнам на затворы железа и уголья, и на кружала досок и на подвези всякого лесу... по смете 2668 рублей 6 алтын. И на то, государь, полатное дело денег во Пскове в твоей государевы казне нет, делати тое полаты нечем...”. Из приведенной выдержки очевидно следует, что речь, судя по расходу материалов и сметной стоимости, идет о крупном новом строительстве, а не о починке, причем место, на котором будут строить, нуждается в “росчистке”, следовательно там существует груда обломков от взорвавшегося ранее здания. Таким образом, к 1636 г. Пороховой погреб еще не был перестроен.

В Сметной книги Пскова за 1644 г. зафиксировано: “От того места подле казенные зелейные полаты, что зделана внове. башня круглая ото Псковы реки” (курсив мой — Е.С.). К 1644 г., таким образом, здание Порохового погреба уже безусловно существовало, причем — было “зделано внове”. Именно это здание датирующееся 1636-1644 гг., и сохранилось до нашего времени.

Новая зелейная палата лишь частично сохранила старые фундаменты и получила трехчастный план, характерный для времени ее строитель-

ства. Никаких данных о том, что она была “зделана внове” в два этажа (по образцу раннего сооружения), нет. Напротив, в предварительной сметной стоимости строительства отмечено: “ на то, государь, полатное дело денег во Пскове в твоей государевой казне нет, делати тое палаты нечем”. Кажется вероятным, что в ситуации отсутствия средств на строительство, с одной стороны, и царского указа о необходимости строительства, с другой, было решено ограничиться одноэтажной палатой. Одноэтажный характер новой зеленой палаты засвидетельствован ее единственным графическим изображением: на профиле 1740 г. (рис.9)⁴ хорошо читаются одноэтажный характер постройки и устройство боевого хода стены прямо по восточной стене палаты над сводчатым перекрытием. На то, что палата имела один этаж, косвенно указывает и еще ряд фактов. Во-первых, пазухи свода, что хорошо видно из разреза, наглухо заполнены камнем. Принимая во внимание функциональное назначение погребов, такое конструктивное решение очень рационально с точки зрения противопожарной безопасности. Кроме того, это было удобно и для навески черепицы⁵, производство которой было начато в Пскове именно для этого сооружения (Псков и его пригороды 1914: 82). Во-вторых, возле шельги свода находится воздуховод, который никак не мог существовать в таком месте при наличии над палатой второго этажа; сам изломленный профиль воздуховода является достаточно типичным конструктивным решением, исключая попадание внутрь атмосферных осадков. Встречается такой излом обычно именно при выходе на крышу здания и именно в толще кладки. Над боевым ходом в разрезе показана конструкция земляного бруствера для стрельбы с колена.

Сохранившиеся участки кладки, поднимающиеся над пятами сводов, не могут свидетельствовать о наличии второго этажа, поскольку скорее всего являются остатками конструкций каменного перекрытия, изображенного на представленном разрезе.

Что касается восточной стены Порохового погреба с остатками окон-бойниц, то этот вопрос требует отдельного рассмотрения. Первоначальная кладка после сразу же проведенной “реставрации” и надкладки до уровня соседних стен, была скрыта под современной реставрационной кладкой, и должным образом составленная документация подлинных остатков отсутствует: нет обмерных чертежей, фиксирующих состояние “окон-бойниц” до реставрации, фотофиксация в надлежащем объеме проведена не была, нет никаких сведений о том, имелась ли перевязка этой части стены с кладкой погреба, характер кладки крепостной стены не соотнесен с характером кладки самого погреба. Этот факт, а также полное отсутствие исполнительной и обмерной документации по всему пряслу стены от башни Кутекрома до Средней башни затрудняет решение вопроса о принадлежности проемов.

Разобраться в этом вопросе помогает строительная история крепостной стены в XVII в. До 1608 г. существовало прясло кремлевской стены, возле которого находилась Зеленая палата с пороховыми погребками. Скорее всего в этот период вопроса о примыкании палаты к

---

4 Плоскость профиля (рис.9.Л) проходит через шельгу свода северной палаты (рис.9.2).

5 Черепица XVII в., была в изобилии найдена при археологических раскопках 1966 и 1991 гг.

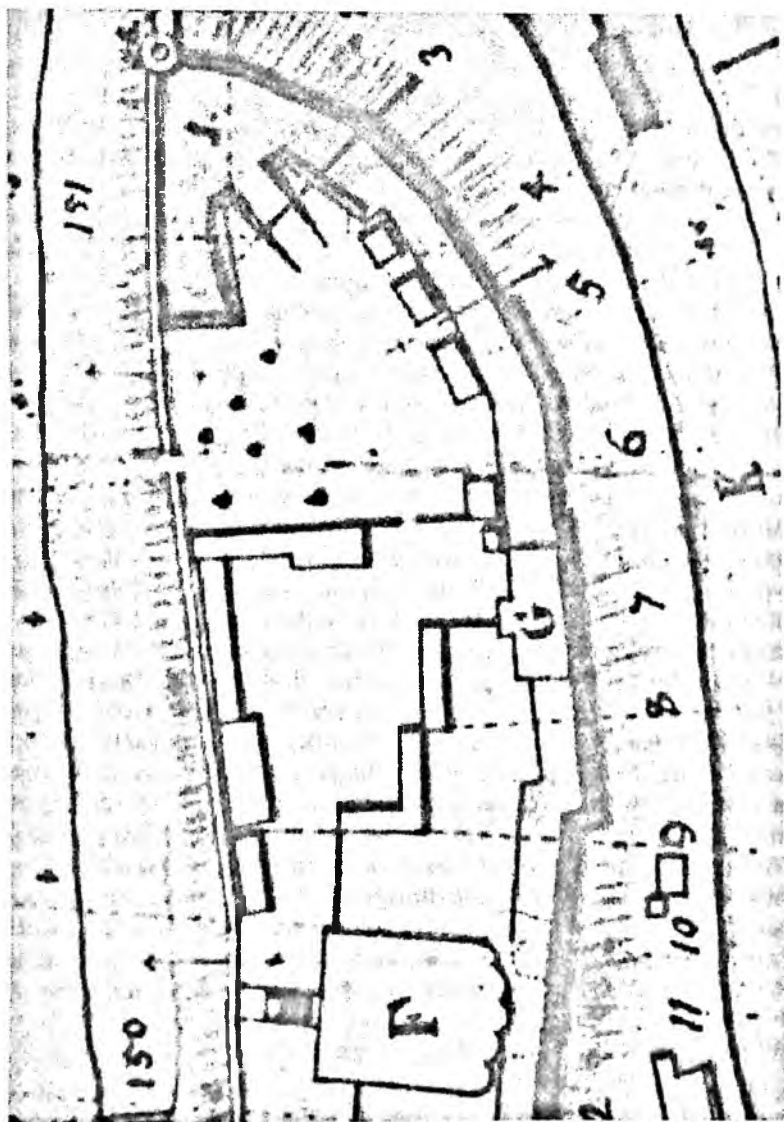
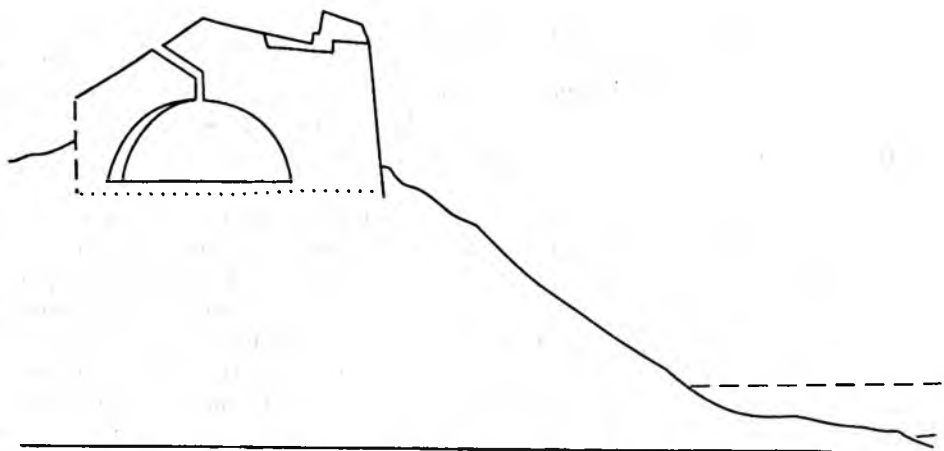

Рис. 9 Псковский кремль на плане 1740 г. (2) с обозначением местоположения Порохового погреба (G) и профиль через погреб (1, на плане обозначен под № 7).

пряслу стены просто не существовало, и палата XVI в., являясь вторичной по отношению к фортификациям второй половины XV в., либо стояла с некоторым отступом от стены, либо была приложена к ней. После взрыва 1608 г. приблизительно 30 сажен стены было вырвано, и с южной стороны от Порохового погреба уцелело лишь 5,5 сажен стены возле Средней башни (Псков и его пригороды 1914: 90). Между 1636 и 1644 гг. возникает новое одноэтажное здание зеленой палаты, которое ставится частично на новые фундаменты, в том числе и на фундаменты взорванной стены, вплотную и в линию с сохранившимся участком прясла стены. В таком виде это место существует значительный промежуток времени, поскольку в сметной книге Пскова 1655 г. читаем: "От той наугольной башни городской каменной стены подле Псковы-реки до вырванного места 85 сажен, зубцы свалились и стена на обе стороны сыплетца. А вырванного места, что вырвано порохом городской стене во псковской старой пожар, 35 сажен; и то место заделано было тыном стоячим, и тот тын подгнил, а от того места до Средние башни городские стены 6 сажен" (Псков и его пригороды 1914: 126). В условиях, когда часть прясла не существовала вообще, а другая часть прясла не использовалась, вряд ли вставал вопрос о необходимости перехода с южного участка прясла на крышу Зеленой палаты, тем более что идти было некуда — южнее стена не существовала. На изначальное отсутствие прохода по крыше Зеленой палаты указывает и воздуховод, сохранившийся в южной части восточной стены палаты, который не мог выходить непосредственно на площадку боевого хода.

Со временем вырванный участок стены был восстановлен. Можно предположительно связать эти работы с крупным строительством конца XVII в., когда перестраивается Троицкий собор, возводится колокольня, Благовещенская церковь и церковь Сорока Мучеников на митрополичьем дворе. Возможно, что в этот же период была надстроена и стена "2-го этажа" Порохового погреба, которая по толщине (2,13 м) соответствует толщине парапета с бойницами вновь восстановленной северной части прясла: его общая ширина 3,6 м, ширина боевого хода около 1,47 м, ширина парапета 2,13 м. Современное "расположение" окон-бойниц в плане соответствует трехчастному делению объема здания, но, к сожалению, не соответствует подлинному расположению этих бойниц, так как было изменено в процессе "реставрационных работ" по возведению второго этажа здания.

В качестве оборонного сооружения стены кремля в XVII в. уже не использовались, поэтому вполне возможно, что перехода с северного на южный участок прясла, имеющего перепад высоты 1,26 м, не существовало, тем более, что вскоре после этого, в 1701 г. Пороховой погреб стал частью палатки вдоль восточной стены кремля, устроенной по указу Петра I в связи с началом Северной войны. В описи Пскова за 1701 г. (РГАДА, Боярские и городские книги, ф.137, д.43) есть сведения о том, что "недоделано той куртины (куртина у восточной стены кремля — Е.С.) посередине девятнадцать саженей без аршина за прежнюю зеленую палата" На плане 1740 г. Пороховой погреб изображен как функционирующее сооружение (рис.9,2).

Возможно, что по крайней мере однажды, Пороховой погреб подвергался перестройке или ремонту. Под 1694 г. в столбцах Новгородского стола есть запись о том, что "в прошлых годах в Кремле городе зеленою казною одну башню взорвало" (РГАДА, ф.210, д.223, л.51). В то же время в Росписных книгах Пскова за 1683 г. (РГАДА, ф.137,

оп.2, д.290. л.15-19об.) имеется упоминание о грандиозном пожаре 1662 г. и запись о том, что “наряд с того пожара ныне на казенном дворе”. Вполне вероятно, что в 1682 г. взорвались Пороховые погреба вместе с расположенной рядом Средней башней, которая к тому времени была уже (судя по Сметной книге 1655 г.) в ветхом состоянии.

После 1740 г. Пороховой погреб продолжал ветшать и никаким перестройкам более не подвергался. На плане 1840 г. он, сохраняя прежний план, именуется “разрушенными погребами”, на плане же 1855 г. Пороховой погреб вовсе не указан, и близ этого места (возможно даже частично над ним) возведено деревянное строение Дома соборного духовенства.

Лабутина И.К. 1985. Историческая топография Пскова XIV-XV вв. М.

Псков и его пригороды // Сборник Московского архива министерства юстиции. Т.6. М. 1914.

Иконография двух заставок в русских рукописях XIV века

Проблематика русской культуры XIV в. занимала большое место в трудах В.Д.Белецкого. Обращаясь в этой заметке к тератологическому орнаменту, мы стремимся продолжить общую направленность работ Василия Дмитриевича, всегда опиравшихся на конкретный фактический материал.

Тератологический орнамент русских рукописей XIV в., в том числе композиции с человеческими фигурами, давно привлекал внимание исследователей¹. Как нам представляется, анализ отдельных мотивов рукописной тератологии, а также монографическое исследование наиболее значительных рукописей с подобной орнаментикой способны помочь изучению этой замечательной страницы в истории русского книжного искусства. Настоящая заметка рассматривает две заставки, очень сходные по структуре и мотиву, в рукописях разного происхождения.

Первая рукопись — Евангелие тетр, так называемое Микулино Евангелие (по имени писца Микулы, оставившего запись на л.2 об.). БАН. 34.5.20 (Пергаменные рукописи 1976: 97-99). Палеографический лингвистический и исторический анализ рукописи показал, что она создана в пределах северо-восточной Руси, в конце XIV в. (Лифшиц 1995: 184,185). Запись XVII в. сообщает о вкладе Евангелия в какой-то храм Николы Чудотворца, возможно, в Переславле Залесском, а запись XVIII в. говорит о написании рукописи якобы в 1392 г. Микулино Евангелие содержит разнообразные тератологические инициалы, в том числе с антропоморфными мотивами, часто воспроизводящиеся в научной литературе, а также пять тератологических заставок: перед Предисловием (л.1) и перед каждым из Евангелий (лл.4, 54, 88, 142). Исключительное художественное качество исполнения орнамента, богатство его иконографии, где стандартные основные схемы обогащены дополнительными формами, заставляют предположить, что Микулино Евангелие создано в одной из крупных книгописных мастерских.

Вторая рукопись — новгородский Пролог 1400 г., ГИМ, Син.240, на мартовскую половину года (Шепкина, Протасьева, Костюхина, Голышенко 1965: 178, 179). Он переписан пицом Фомой для церкви Кузьмы и Демьяна “на Кузмодемьяну улице” в Новгороде, по заказу

¹ Интерес к русской рукописной тератологии вспыхнул с выходом труда В.В.Стасова (1884). Среди относительно недавних исследований см.: (Ильина 1978; Голейзовский 1983: 197-247; Даркевич 1988).

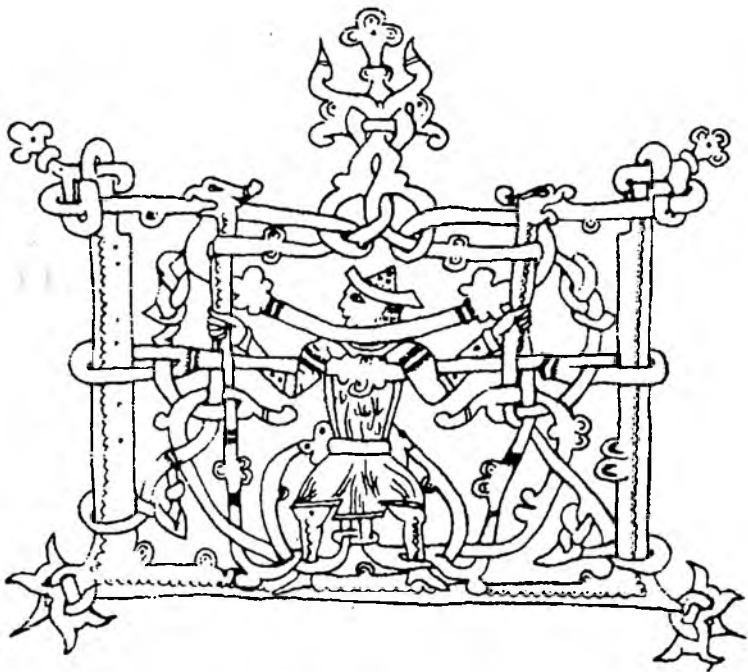

Рис. 1 Микулино Евангелие. Конец XIV в. БАН, 34.5.20. Заставка л.142. Прорись.

“боголюбивых бояр Юрья Онисифоровича, Дмитрия Микитинича, Василья Кузминича, Ивана Даниловича, и всех бояр и всей улицы Кузмодемьяне”. Прологи декорировались скупо, и в данной рукописи только одна заставка — на л.1 об., и один тератологический инициал “П” там же. Относительная редкость Прологов, требовавших особой эрудиции при их составлении, а также высокое социальное положение знаменитых новгородских бояр-заказчиков заставляет утверждать, что создание Пролога 1400 г. было связано с наиболее образованными кругами новгородских книжников.

В Микулином Евангелии, на л.142 — заставка (рис.1) прямоугольная, довольно высокая. На центральной оси представлена фронтальная фигура юноши в островерхой шапке. Голова повернута в профиль, влево (от зрителя). Его ступни расставлены, колени слегка согнуты, так что он кажется приседающим. Разведенными в стороны руками он стискивает длинные шеи двух змей, запутанных плетением. Контуры плетения слегка напоминают силуэты птичьих тел, которые имеют змеиные головы на длинных шеях. Мотивы плетенья не вполне симметричны, особенно различается заполнение нижних углов заставки. Персонаж одет в короткую, чуть выше колен, рубаху, отороченную желтой каймой у ворота, подола, на запястьях. На плечах широкие обручи, синие с желтым. Рубаха в цвет пергамента, с красными и желтыми штрихами, которые внизу напоминают складки ткани, а выше пояса — пластины доспехов. Линия подола зигзагообразная. Сапоги в цвет пергамента. Фигура трижды пересечена лентами плетенки: на уровне шеи (лента чуть провисшая, на ее концах — розетки); на уровне груди, где лента пропущена подмышками, а розетка вызывает отдаленные ассоциации с деталью доспехов; третье перечесение — на уровне пояса. Плетенка вокруг нижней части туловища образует округлую сердцевидную форму. Фон заставки синий, Ленты плетенки и рама — в цвет

Рис. 2 Пролог на мартовскую половину. 1400 г. Из церкви Кузьмы и Демьяна в Новгороде. ГИМ, Син.240. Заставка л.1 об. Прорись.

пергамена, контур красный, детали желтые. По углам — некрупные пальметы, над центром — стилизация храмового купола или процветшего креста.

В Прологе Синодального собрания заставка (рис.2) отличается лишь деталями, которые, однако, свидетельствуют, что исполнялись обе заставки не по кальке. Ее пропорции чуть шире, чем в Микулином Евангелии, рама более массивная, пальметы на углах — более сложного рисунка, причем верхняя левая — оборвана, а нижняя правая — не сделана, поскольку не поместилась. Ленты и узлы плетенки заполняют композицию более плотно, змеиные шеи изгибаются, контуры плетения образуют две округлых сердцевидных формы — вокруг всей фигуры и вокруг ее нижней части. Отличается и сама фигура. У нее более удлиненные пропорции, голова юноши как бы раздвигает раму. Шапки нет, волосы спускаются почти до плеч. Штрихи на рубахе утратили сходство с пластинами доспеха, на плечах нет обручей, поперечная лента на груди изображена без розетки. Сапоги красные.

Кажется, что фигура в заставке Пролога подверглась некоторому, хотя и небольшому упрощению, по сравнению с заставкой Микулина Евангелия, а орнаменту, напротив, уделено больше внимания. Вряд ли можно сомневаться, что обе заставки восходят к общему оригиналу, и не исключено, что аналогичная композиция была повторена и в других рукописях — не сохранившихся или пока не выявленных.

Декор русских рукописей, включая такую значимую его часть, как заставки, никогда не был случайным набором декоративных мотивов, что показывает даже чисто растительный орнамент византийского типа, создающий образ книги, наполненной райским блаженством божественной Премудрости. Роль заставок может сравниться с ролью тимпана храмового портала, это ввод в сакральное пространство, “эпиграф”

Рис. 3 Резьба деревянной ритуальной повозки. IX в. Оссберг, Норвегия. Прорись.

к нему. Примечательно расположение заставок в обоих рассмотренных рукописях: перед Евангелием от Иоанна, то есть непосредственно перед его начальными словами “Искони бе слово”, и перед мартовской, то есть пасхальной половиной Пролога.

Заставки Микулина Евангелия и Пролога 1400 г. неоднократно воспроизводились, с небольшими комментариями (напр.: Савва 1863: табл.34; Буслаев 1863; 1879; переиздание см.: Буслаев 1930: 32, 154, 156, рис.155; Стасов, 1884. Табл.59-1, 73-22; Соболевский 1908: 64, рис.4; Арциховский 1954: 291, рис. на с.295; Шепкина 1974: 232, илл. на с.234; Голейзовский 1983: 223, илл. на с.204), но их содержание интерпретировалось лишь изредка. Так, по Ф.И.Буслаеву, фигура человека, завязшего в ременных плетениях, — “символическое представление того стесненного, мрачного состояния духа, в каком находилось человечество в ту суровую эпоху, запутанное разными страшилами и опутанное суевериями” (Буслаев 1930: 154). По новейшей трактовке, человек в плетении — это, по выражению апостола Павла, “узник Христа”, один из тех, кто освободился от рабства греху и стал “рабом праведности”. Плетенка в заставке Пролога 1400 г. — это ветви “древа жизни” (Голейзовский, 1983: 223.).

Уяснению смысла заставок может способствовать поиск образительных аналогий, тех формул, которые несли в себе ассоциации, достаточно емкие для людей средневековья. Для интересующей нас композиции таких аналогий несколько. Надо полагать, что в древности имела значение не какая-либо одна из них, а сумма нескольких параллелей, и содержащиеся в них намеки формировали глубокую, полифоничную символику композиции.

В 1930-х годах немецкий исследователь В.Борн указал на сходство ряда мотивов русской тератологии со скандинавским орнаментом IX-XI вв. (Börn 1932: 63-95; 1933:89-108). К числу совпадений отнесется и мотив человека в плетении. Изображение борьбы героя со змеями известно в скандинавских сагах, оно встречается и в пластике, например, в

Рис. 4 Каменный рельеф с изображением Христа. XI в. Йеллинге, Дания. Прорись.

резьбе деревянной ритуальной повозки IX в. (рис.3) из Осеберга, Норвегия (Мелетинский, Гуревич 1980: илл. на с.291), где поза героя, изображенного фронтально, но с головой в профиль, и как бы присевшего, очень похожа на позу в русских заставках. Изображение борьбы с оплетающими героя змеями переходит и в христианское искусство Скандинавии, отражаясь, например, в резьбе знаменитого камня в Йеллинге, Дания (рис.4), где представлен оплетенный змеями распятый Спаситель (Tuulse 1970: ill.18). Скандинавские мотивы были, как известно, достаточно широко распространены в прикладном искусстве Новгорода. Но утверждению о прямой зависимости русских рукописных заставок от скандинавского мира препятствуют, во-первых, глубокое отличие их стиля, с более округлыми и спокойными плетениями, во-вторых, большой — в несколько веков — хронологический интервал, и в-третьих, тот факт, что мотив присутствует не только в новгородском Прологе, но и в среднерусском Микулином Евангелии.

Второй круг аналогий связан с античными мотивами героя-змиеборца, а именно Геракла, побеждающего Лернейскую гидру (рис.5), мотивами, которые, как известно, были широко восприняты христианским миром, культурой Европы и Византии.² Композиции русских заставок, кажется, больше похожи — своим фронтальным построением и напряженностью — на изображения Геракла в романской скульптуре, чем в византийском искусстве. В любом случае, иконографический мотив Геракла-змиеборца мог быть известен русским мастерам книжного ис-

² Ср., напр., капители в церквах Сан Джованни ин Борго и Сан Пьетро и Чель д'Оро в Павии (Daplein 1865-1882: Tav.66, I). Примеры легко умножить.

Рис. 5 Резная капитель. Церковь Сан Джованни ин Борго в Павии, Италия.

куства через посредство портативных произведений, типа резных шкапулок-пиксид (Даркевич 1962: 90-104). Важное отличие русской композиции от обеих иконографических линий, византийской и западноевропейской, состоит в том, что борющийся герой изображен в одежде-рубаше и обутым в сапоги, а в первой рукописи — даже в шапке.

Третий круг аналогий — “Вознесение Александра Македонского”. Эта сцена, исключительно популярная в средневековье, включала фронтальное изображение царя, до пояса погруженного в корзину, которая возносится двумя крылатыми фантастическими, симметрично изображенными животными-грифонами. В поднятых руках Александр сжимает двух других, маленьких зверей, а иногда — нанизанные на палки куски мяса — приманку для грифонов. В русских заставках изображены не грифоны, не мелкие животные и не мясо, а змеи, хотя и с намеками на птичье туловище. Сходство же заключается в общей схеме композиции, в одетости героя, у которого в одном случае — даже шапка, соответствующая царскому венцу Александра, и, что важно, в наличии округлой формы вокруг нижней части фигуры — намек на корзину или повозку, в которой сидит царь.

Сцена “Вознесение Александра Македонского”, библиография которой огромна³, была широко известна и в русском искусстве, ее изображения встречаются на золотой диадеме с перегородчатой эмалью, киевского происхождения (Макарова 1975: 109, кат.69, табл.12), а также на южном фасаде Дмитриевского собора во Владимире (рис.6), около 1195-1196 гг. (Вагнер 1969: 260, илл.188 на с.307). Основное значение этой сцены в искусстве византийского круга — триумф властителя,

³ Из русских исследований до сих пор остается ценным: (Павловский 1890: 206-215, илл. 93 на с.204). Обзор литературы см.: (Demus, Tigler 1995: cat.65, p.69-72). Современные наблюдения на русском материале см.: (Этингоф 1996: 76).

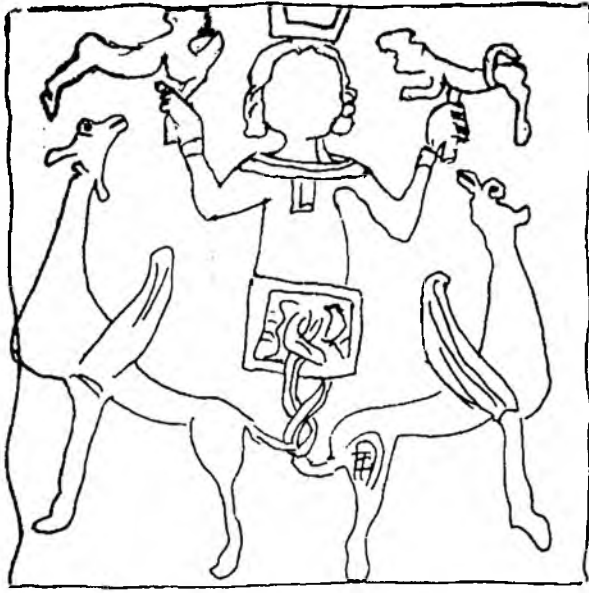

Рис. 6 Вознесение Александра Македонского. Рельеф южного фасада Дмитриевского собора во Владимире. 1190-е годы. Прорись.

апофеоз светской власти. Расположение рельефа Дмитриевского собора на восточном прясле южного фасада, то есть вблизи алтарной части храма, аналогично рельефу с портретом князя Всеволода и сыновей на восточном же прясле северного фасада, говорит о наличии в этой сцене не только светского, но и сакрального, христианского акцента, с изобразительной параллелью “Вознесению Христа”.

Каждая из приведенных параллелей наполняет композицию из русских рукописей глубоким символическим содержанием, сопрягает ее с большими категориями европейской культуры. Аналогия с “Вознесением Александра Македонского” кажется нам наиболее существенной.

Однако ни одна из намеченных параллелей не является исчерпывающей, ни одна не соответствует рукописной композиции полностью, но лишь по основным схематическим признакам. Композиция в рукописях является контаминацией нескольких мотивов, она воспроизводит их архетип. Ее условность, неконкретность, с одной стороны, размывает смысл, абстрагирует его, а с другой — его расширяет, способствует возникновению ассоциаций.

Символический смысл композиции — это прежде всего, идея победы добра над злыми силами, причем, осмелимся предположить, не без намёка на образ Христа, его Распятие и Вознесение, то есть на триумф христианства. Но, кроме того, и наряду с тем, композиция заставок имела и апотропеическую функцию, обозначала защиту книги, ее божественного содержания, точно так же как изображение над порталом служило защитой храма.

Многоуровневый смысл образа в византийском искусстве, разное его восприятие в народных слоях в зависимости от культурных связей и традиций недавно с большой яркостью были показаны В.Н.Залесской (1997). Контаминация мотивов и смысловых оттенков в русской тератологии XIV в. закономерно возникала еще и вследствие того, что это искусство принадлежало эпохе позднего средневековья, когда некоторые

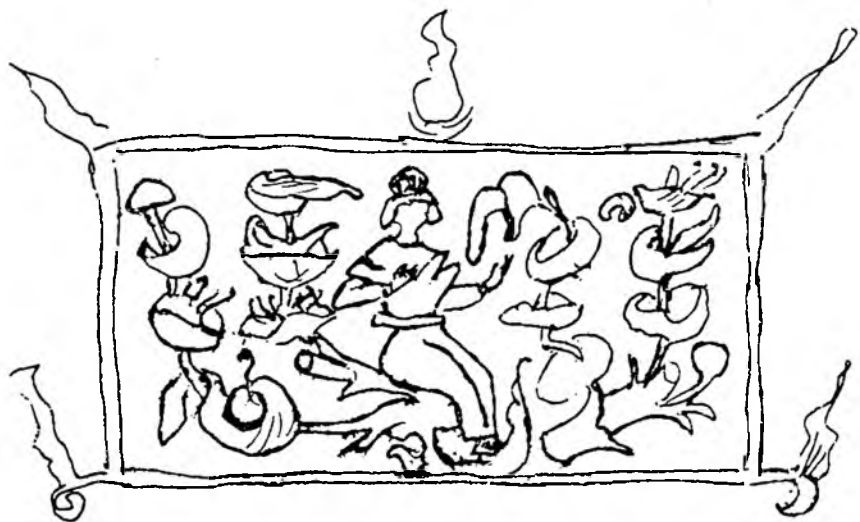

Рис. 7 Евангелие. 1480-е годы. Гос.архив Тверской области, № 1533.. Заставка л.235. Прорись.

подробности иконографической генеалогии уже стирались из памяти, а нюансы смысла получали размытые очертания и объединялись в сложных семантических переплетениях.

Полисемантизм, равно как и переходы из одного смыслового уровня в другой, обнаруживаются и в иных мотивах русской рукописной тератологии. Образ пророка Давида-псалмопевца соединяется с образом скомороха-гусяря. Сцены борьбы со зверем перекликаются не только с подвигами Геракла и Самсона, но и с рыцарской охотой, а иногда, может быть, и со скоморошьими забавами, а аллегии месяцев — с композициями из средневековых Бестиариев. Анализ этого явления — дело будущего.

Человеческая фигура в окружении “пейзажа” вновь появляется в заставках русских рукописей в конце XV в.: в Буслаевской Псалтири, РГБ, ф.304, Троицк., № 308, л.41, в Словах Григория Богослова, принадлежавших князю Дмитрию Пожарскому, РГБ, ф.304, Троицк., № 137, л.381, в Евангелии тетр, Гос.архив Тверской области, № 1533, л.235 (Буслаев 1930: 188, 189; илл.186 на с.188; Кучкин, Попов 1974: 138, 139, илл. на с.139; Попов 1975: 47, табл.50, 51; 1983: 172, 174, илл. на с.177). Этот мотив, явно родственные мотивам готического европейского искусства, столь же многозначен, как его предтеча в тератологии. При этом его символика меняет оттенки, в зависимости от состава рукописи, в которой помещается заставка. В Псалтири это, по мысли Ф.И.Буслаева, Соломон, либо, по предположению Г.В.Попова, “блажен муж”, аллегорическая фигура, которая держит зеркало — символ самопознания, и кубок — символ жизненной чаши, В Словах Григория Богослова — это “друг верен паче злата”: у юноши вместо зеркала в руке свиток с этим текстом из Четырнадцатого слова Григория Богослова, которое как раз и предваряется этой заставкой. В Евангелии из Твери заставка помещена перед Евангелием от Иоанна, то есть соотносится с темой Логоса (как, напомним, и тератологическая заставка в Микулином Евангелии БАН).

Композиции тератологических заставок с человеческой фигурой

родились не в среде книжности, а попали туда из другой сферы, как, наверное, и заставка с юношей в рукописях конца XV в. Весьма возможен западный элемент в их происхождении: для памятников XIV в. — романика, а для XV в. — готика. Попав в рукопись, эти композиции приобрели новую содержательную функцию и “скользящую” символику. Оттенки смысла зависели от контекста, но в основе лежали тема борьбы и победы героя, аллюзия на триумф Христа, апофтеическое значение композиции.

-
- Арциховский А.В. 1954. Прикладное искусство Новгорода // ИРИ. Т.2. М.
- Буслав Ф.И. 1863. Новости русской литературы по церковному искусству и археологии // Современная летопись, № 9.
- Буслав Ф.И. 1879. Русское искусство в оценке французского ученого // Критическое обозрение. № 2. 5.
- Буслав Ф.И. 1930. Сочинения. Т.3 Л.
- Вагнер Г.К. 1969. Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбово. М.
- Голейзонский Н.К. 1983. Семантика новгородского тератологического орнамента // Древний Новгород. История, искусство, археология. Новые исследования. М.
- Даркевич В.П. 1962. Подлиги Геракла в декорации Дмитриевского собора во Владимире // СА. № 4.
- Даркевич В.П. 1988. Народная культура Средневековья. Суетская праздничная жизнь в искусстве IX-XVI вв. М.
- Залеская В.Н. 1997. Прикладное искусство Византии IV-XII веков. СПб.
- Ильина Т.В. 1978. Декоративное оформление древнерусских книг. Новгород и Псков. XII-XV вв. Л.
- Кучкин В.А., Попов Г.В. 1974. Государев дьяк Василий Сасырев и лицевая Книга пророков 1489 года // ДРИ. Рукописная книга. Сб.2. М.
- Лифшиц А.Л. 1995. К вопросу о центрах книгописания Древней Руси. Рукописи начала XV века из Переяславля Залеского // Архив русской истории. Вып.6. М.
- Макарова Т.И. 1975. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.
- Мелетинский Е.М., Гуревич А.Я. 1980. Германско-скандинавская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.1. М.
- Павловский А.А. 1890. Живопись Палатинской капеллы в Палермо. СПб.
- Пергаментные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI-XVI веков / Сост.: Н.Ю.Бубнов, О.П.Лихачева, В.Ф.Покровская. Л., 1976.
- Попов Г.В. 1975. Живопись и миниатюра Москвы середины XV — начала XVI века. М.
- Попов Г.В. 1983. Новый памятник круга Буславской Псалтири (из истории деятельности великокняжеской рукописной мастерской 1480-х годов) // ДРИ. Рукописная книга. Сб.3. М.
- Самца, архиепископ. 1863. Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М.
- Соболевский А.И. 1908. Славяно-русская палеография. СПб.
- Стасов В.В. 1884. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб.
- Щепкина М.В. 1974. Тератологический орнамент // ДРИ. Рукописная книга. Сб.2. М.
- Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Гольишенко В.С. 1965. Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея // АЕ за 1964 год. М.
- Эттингер О.Е. 1996. Античные традиции в древнерусской художественной культуре X-XV веков // Античное наследие в культуре России. М.
- Born W. 1932. Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalerei // Seminarium Kondakovianum. Praha, Vol.5.
- Born W. 1933. Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalerei // Seminarium Kondakovianum. Praha Vol.6.
- Dartein F., de. 1865-1882. Architettura romanica a Pavia // Dartein F., de. Etude sur l'architecture lombarde et sur les origines de l'architecture romano-byzantine. Paris, (reprint et traduction, a cura di A.Arecchi, s.l.,s.d.).
- Demus O., Tigler G. 1995. Le sculture esterne di San Marco // Saggio di O.Demus. Caal. di G.Tigler. Milano, 1995.
- Tuulse A. 1970. Skandinawia romanska. Warszawa.

О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли

Среди погребальных сооружений камерные погребения всегда привлекали особое внимание исследователей. Обряд захоронения в камерах — значительных по размерам погребальных сооружениях — традиционно связывается со скандинавской погребальной традицией IX—X вв. Камерные погребения на Руси принято датировать временем не позднее конца X — начала XI в., то есть — до распространения христианства. Однако сейчас можно констатировать, что традиция камерных труположений продолжает существовать и в древнерусское время. Христианизация населения повлекла за собой смену погребального обряда — на севере и северо-западе Руси появляются подкурганые труположения в могилах и на горизонте. Для ранних погребений в целом характерны могилы больших размеров. Среди захоронений в больших могильных ямах выделяется группа погребений в ямах почти правильной прямоугольной формы, с отвесными стенками, часто со следами деревянных конструкций; такие захоронения открыты в Пскове, Удрае, Залатовье, Струйско, в Березовецком могильнике, в Избрижье, Пекуново, Челмуже, Карасенке и др. (Колосова, Харлашов 1983; Платонова 1992: 102-104; Успенская 1980; Архив ИА РАН, р.1, д.4234; 5583; 6354; 6853; 8565; РА ИИМК РАН, ф.2, оп.1, д.342; материалы раскопок Н.В.Хвошинской и Е.А.Рябининой¹ и др.).

Одно из таких погребальных сооружений было исследовано в 1996 г. в кургане № 8 могильника Рапти-Наволоки II (раскопки Е.Р.Михайловой). Курганная группа расположена в 15 км к югу-юго-востоку от г. Луга Ленинградской области, в урочище Боровское Купалище, в основном лесу, на второй надпойменной террасе, в 100 м от берега Череменицкого озера. Полученные при раскопках материалы позволяют датировать время функционирования могильника XI — началом XII вв.

До раскопок курган 8 представлял собой овальную в плане насыпь размером около 5.5 x 6.5 м и высотой около 0.4 м. Он был сооружен из розоватого оподзоленного слабо гумусированного песка (рис.1-2). Рыхлый кварцевый песок, из которого сложены насыпи всех курганов, за счет своей хорошей промываемости представляет собой крайне агрессивную биохимически среду, чем объясняется очень плохая сохранность органических веществ во всех исследованных курганах: дерево и кость сами по себе не сохраняются, но оставляют яркие отпечатки, хорошо

¹ Благодарю Н.В.Хвошинскую и Е.А.Рябининой за возможность ознакомиться с материалами их раскопок.

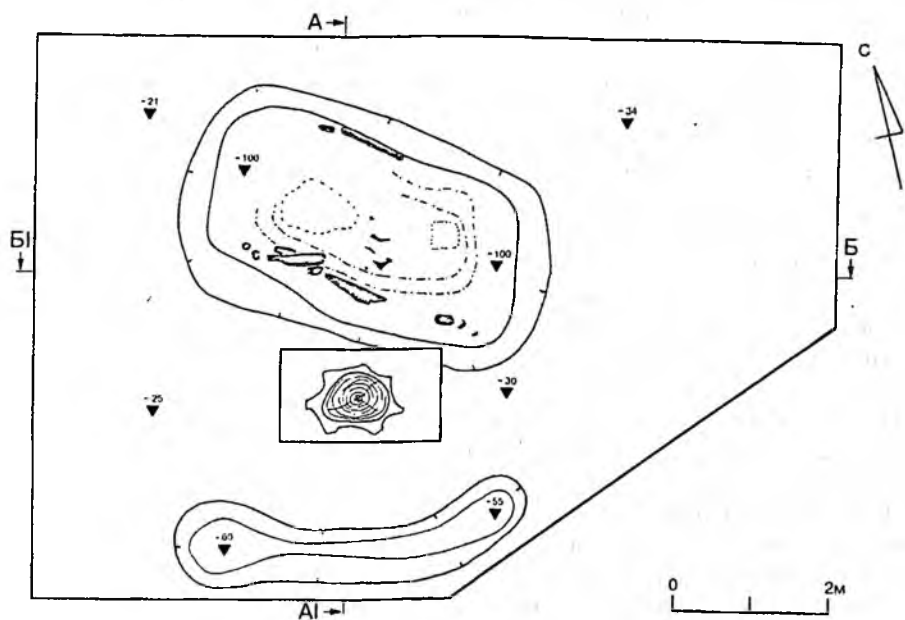

Рис. 1 Курган № 8 могильника Рапти-Наволоч II. План

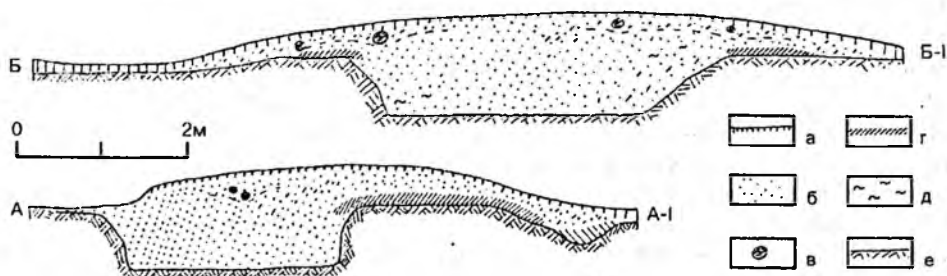

Рис. 2 Курган № 8 могильника Рапти-Наволоч II. Профили. а — дерн; б — песок; в — дерн; г — зола; д — погребенный дерн; е — материк

заметные на белом материковом песке. Это позволило реконструировать погребальное сооружение.

В ходе раскопок было установлено, что первоначально была сооружена овальная в плане насыпь размером 6 x 5 м. Границы подкурганной площадки прослеживались по неширокой полосе погребенного дерна — прослойке серого гумусированного песка мощностью 0.10-0.12 м. В центре этой площадки была расчищена погребальная камера. Она имела неправильно прямоугольную форму (4.8 x 2.9 м, глубина — 0.8-0.9 м). Длинной осью камера была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Дно камеры плоское, стенки имели перелом примерно посередине своей высоты: сверху они были наклонными, ниже перелома — отвесными. На уровне погребенной почвы остатки камерной конструкции фиксировались в виде прямоугольника размером 4.5 x 2.3 м, ориентированного по линии северо-запад — юго-восток.

Края прямоугольника представляли собой полосу желтого мелкозернистого песка (окрашенного древесным тленом?), в центре прямоугольник был заполнен оподзоленным и слабо гумусированным белым песком. По продольной оси камеры выявлены два округлых пятна оподзоленного песка, перемешанного с древесным тленом, диаметром 0.27 и 0.31 м. По периметру верхнего уровня заполнения камеры прослеживались округлые пятна древесного тлена диаметром до 0.12 м, часто сдвоенные — остатки вбитых в грунт деревянных столбиков, также входивших в конструкцию перекрытия камеры (рис.3). Остатки камерной конструкции были расчищены также на дне камеры — основания столбов, вбитых вдоль стен ямы, и упавшие доски обшивки, сохранившиеся вдоль южной, частично западной и северной стенок камеры. По всей вероятности, стенки камеры были обшиты досками, крепившимися к вбитым в ее дно столбам вплотную к стенкам ямы (рис.4).

На дне камеры были расчищены остатки захоронения. От костяка сохранилась лишь часть правой бедренной кости и неясных очертаний ожелезненный отпечаток на дне. Погребенный был положен головой на северо-запад. Справа в районе пояса найден железный нож (рис.5,5) в кожаных ножнах (от которых сохранилась маленькая бронзовая скобочка—наконечник, рис.5,2) с остатками деревянной рукоятки. Вероятно, здесь же находилось и полностью разрушившееся корродированное кресало. Несколько выше остатков кресала в заполнении ямы был встречен кусочек темно-серого кремня (рис.5,3). С левой стороны остатков костяка была найдена бронзовая лировидная пряжка с остатками кожаного ремня (рис.5,1). Под ней сохранились остатки луба, возможно, пояс имел лубяную основу, а сверху был обтянут кожей. У правой ноги погребенного, в районе колена, обухом к нему, рукоятью к руке, лежал боевой железный топор (рис.5,4). В косом освещении просматривалась еще одна деталь внутреннего убранства погребальной камеры — контур прямоугольного пятна серого органического тлена.

Погребальное сооружение можно реконструировать следующим образом. Дно вырытой в песке могильной камеры было выстлано перед совершением погребения соломой, а стены обшиты досками. Поверх соломы на толстом плаще или ковре был уложен покойный. По аналогии со скандинавскими материалами можно предположить, что на стенах и в свободном пространстве камеры располагались какие-либо предметы из органических материалов, например, стенные ткани, подушки и т. п., не дошедшие до нас. Камера имела двускатную дощатую крышу, конек которой покоился на двух крупных столбах, противоположные коньку концы досок крыши удерживались на земле двойными столбиками. Конек крыши, видимо, лишь незначительно возвышался над поверхностью земли. Перекрывшая камерное захоронение низкая насыпь позднее была реконструирована. К ее южной поле была сделана досыпка из чистого белого песка, незначительно отличающегося по цвету от основного объема насыпи. С юга окончательная насыпь была оконтурена дугообразным ровиком шириной 0.8-1.2 м и глубиной 0.50-0.55 м.

На основе новгородской хронологической шкалы погребение может быть датировано 1006-1197 гг. (Лесман 1990: 79). На мой взгляд, эта датировка может быть сужена до середины — второй половины XI в. на основании общей хронологии могильника, самого камерного обряда захоронения и наличия в погребении боевого топора еще не

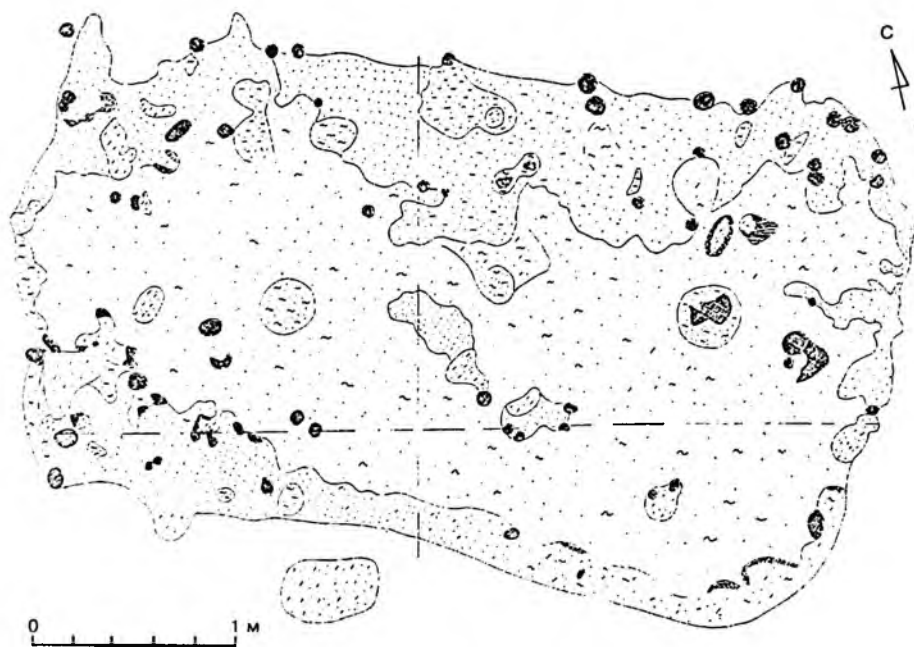

Рис. 3 Курган № 8 могильника Рапти-Наволоок II. План по матерiku

выработанной серийной формы, сочетающего в себе признаки IV и VI типов по А.Н.Кирпичникову (1966).

На Северо-Западе Руси можно выделить несколько основных районов распространения камерных погребений: Юго-Восточное Приладожье и бассейн Верхней Волги, Верхнее Полужье и восточный берег Чудского озера. В могильнике у д.Залахтовье на берегу Чудского озера наблюдается наиболее высокая концентрация камерных захоронений в составе одного могильника (около 20 мужских погребений).

Камеры древнерусского времени имеют ряд общих конструктивных особенностей. В первую очередь это отношение длины к ширине. Длина камеры относится к ее ширине как 3:2; высота часто практически отвесных стенок обычно колеблется от 0.6 м до 1 м. В отличие от камер более раннего времени, непосредственно связанных со скандинавской традицией, в древнерусское время практически не встречаются сооружения, стенки которых были бы сделаны из досок или плах, вертикально вбитых в землю, стенки всех камер выполнены из горизонтально уложенных досок, укрепленных столбами, несколько реже встречаются срубные бревенчатые стенки и конструкции с угловыми столбами. Очевидно, строителям камер была менее знакома и привычна техника сооружения стен из вставленных в пазы досок: при обшивке стенок камер они пользовались приемами более привычной срубной техники. Крыша могла быть как двускатной, так и плоской. Сверху погребальные камеры перекрывались невысокой насыпью, по своим размерам не выделяющей их среди остальных курганов (исключением является лишь могильник Удрай II). Сходен и обряд погребения в камерах, и набор находимых в них вещей. В мужских погребениях, как правило,

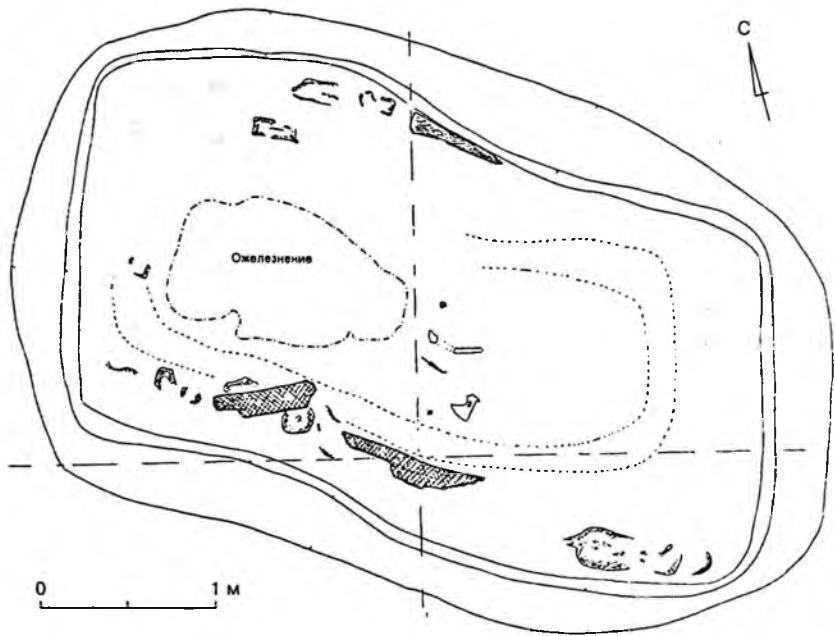

Рис. 4 Курган № 8 могильника Рапти—Наволоч II. План погребальной камеры

это пояса с металлической пряжкой, иногда и с поясными бляшками, и оружие — топор или топор и копье. На этом фоне выделяются камерные погребения под удрайской каменной насыпью, где встречено снаряжение всадника и западноевропейские мечи. Набор женских украшений, встреченный в камерных захоронениях, выделяется обычно лишь количеством вещей и пышностью убора, не отличаясь от прочих «богатых» женских захоронений.

Необходимо отметить, что камеры, как правило, единичны в составе могильников. Среди всех древнерусских камерных погребений особенно выделяются захоронения в могильниках Удрай II и Залахтовье, как типами найденных вещей, так и многочисленностью камер в составе одного некрополя.

Можно предполагать, что в русском обществе XI в. сохраняется представление о камерах как престижном типе погребений. Генетически связанные со скандинавской погребальной традицией, погребальные камеры XI в. уже являются частью сугубо местной христианской погребальной обрядности. Они сооружались населением, мало знакомым с деталями «оригинальной» традиции, отсюда и различия в технике и приемах их сооружения. Наряду с собственно камерными, известны столь же выделяющиеся в конкретных могильниках преимущественно мужские захоронения в могилах с перекрытиями, в целом находящиеся в русле той же традиции. Так, например, в кургане 2 группы Которск IX (раскопки С.Л.Кузьмина) в могиле с устроенным на лагах перекрытием из жердей и дерна, был похоронен мужчина, на поясе которого был найден железный ключ, а рядом с ним — дротик. Особенности погребального сооружения и найденными в могиле вещами это погреб-

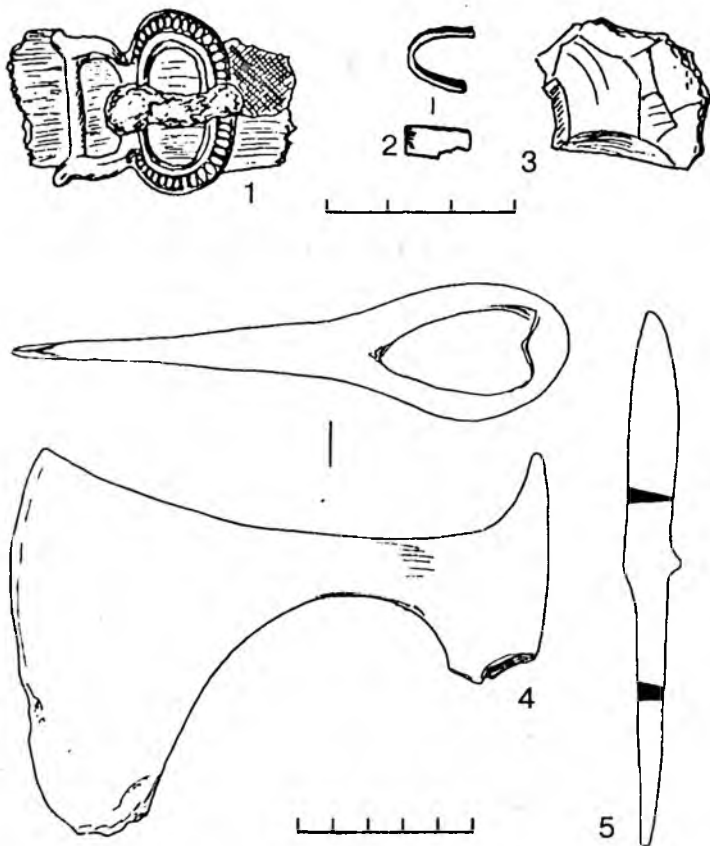

Рис. 5 Курган № 8 могильника Рапти-Наволок II. Инвентарь

бение резко выделялось на фоне синхронных ему подкурганых захоронений. Провести четкую границу между такими погребениями и собственно камерными не всегда возможно.

Относительно общественного положения людей, погребенных в камерах, можно предположить, что в них похоронены представители центральной администрации, по всей видимости, не местного происхождения, присланные в ключевые точки Новгородской земли, и их ближайшие родственники.

Киричников А.Н. 1966. Древнерусское оружие // САИ. Вып. Е1-36. М.

Колосова И.О., Харлашов Б.Н. 1983. Дружинное погребение псковского могильника // СА. № 4.

Лесман Ю.М. 1990. Хронология ювелирных украшений Новгорода (X – XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.

Платонова Н.И. 1992. Камерное погребение в кургане у д. Удрай Новгородской обл. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород.

Успенская А.В. 1980. Курганы близ деревни Пекуново на Верхней Волге // Тр. ГИМ. Вып. 51. М.

О принципах оформления фасадов у церквей второй половины XIV-XV вв. в Новгороде, Пскове и Москве

Любая постройка имеет две основные части: объемное построение внутреннего пространства и внешнюю оболочку — фасады. Последние, как правило, наиболее доступны для восприятия. В трудах отцов церкви фасады храмов, в отличие от интерьера, практически не получили толкования, а потому в их оформлении допускалась значительная свобода творчества.

Принципы оформления фасадов у храмов второй половины XIV-XV вв. на Руси можно установить только для трех земель — Московской, Новгородской и Псковской. В Москве и Московской земле археологически изучено достаточно много построек (Беляев 1994; Выголов 1988), но о системе архитектурного декора можно судить только по четырем сохранившимся храмам: Успенскому собору в Звенигороде (ок.1400), Рождественскому собору Саввино-Сторожевского монастыря (ок.1404-1405), Троицкому собору Троице-Сергиевой лавры (1422-1423) и Спасскому собору Андроникова монастыря (1410-1425). Три первых составляют достаточно однородную группу: их наружный облик формируется за счет наследования строительных традиций Владимиро-Суздальской Руси (одноглавие, трехапсидность, деление фасада лопатками на три части, расположение окон и порталов) и творческой переработки этих традиций (наличие высокого цоколя и повышенных подпружных арок, килевидные закомары и кокошники у основания барабана, завершение окон и порталов, горизонтальное членение в виде тройной ленты каменной резьбы вместо архитектурно-колончатого пояса). В результате сложился облик храма, напоминающий владими́ро-суздальские постройки и, одновременно, отличающийся от них. В первом ярусе, решенном очень лаконично и отсеченном от остального фасада поясом резьбы, главным декоративным элементом являлся портал. Второй ярус оформлен богаче и гораздо “беспокойнее”: этому ощущению способствует сохранение поля прясла за счет двух уступов лопаток (в первом ярусе лопатки одноуступные), узких высоких окон, неправильной формы поля у каждого прясла за счет килевидного завершения. Эта же напряженность облика развивается в трех рядах закомар и кокошников, а барабан, напротив, решен очень спокойно.

Однако уже в Спасском соборе Андроникова монастыря эта схема

сильно изменена за счет понижения угловых компартиментов по отношению к центральным, что дало возможность увеличить количество закомар и кокошников, украсить церковь уже четырьмя их уровнями. Лопатки у храма одноступенные, вынесены не сильно, резной пояс на фасадах отсутствует, а барабан и апсиды украшены жгутами-полуколонками. “Традиции владими́ро-суздальской архитектуры в соборе Андроникова монастыря чувствуются достаточно явно, но уже в сильно переработанном виде” (Рапполорт 1993: 132). Спасский собор — это еще один вариант решения характерной для Руси темы башнеобразного храма: церковь являет собой гору из килевидных кокошников и закомар, из которых вверх и на восток выступают глава и апсиды, а с севера, запада и юга части “срезаны” плоскостями стен, на которых главными декоративными акцентами по-прежнему остаются порталы.

В Новгороде и Новгородской земле во второй половине XIV — XV вв. возводились храмы разных типов (Петров, Седов 1988: 51), однако после 1360 г. внешне они были оформлены практически одинаково. Это были одноглавые одноапсидные постройки с трехлопастным покрытием (Рапполорт 1993: 136), а шестнадцатискатное покрытие начало применяться только в 1460-е годы (Дмитриев 1963). Исключением являлись церкви “на старой основе” второй половины XV в., воспроизводившие тип домонгольских построек. Основным средством формирования индивидуального облика церквей оказывался архитектурный декор и его взаимодействие с композицией фасада — это, во многом, и определило увеличение числа декоративных элементов во второй половине XIV и XV вв., по сравнению с предыдущим периодом.

Во второй половине XIV — XV вв. в новгородском зодчестве можно выделить два этапа развития стилистики фасадов. Первый (вторая половина XIV — начало XV вв.) характеризуется большим разнообразием декоративных деталей, которые подчиняются схемам, заданным расположением окон, и дополняют эти схемы (ц.Федора Стратилата на Ручью, Спаса на Ильине, Петра и Павла в Кожевниках). Для второго этапа (середина — вторая половина XV в.) характерно широкое участие в создании облика фасада наряду с окнами и порталами также декоративных элементов. Для этого времени зафиксирован ограниченный набор средств: практически это только орнамент поясков поребрика-бегунца (ц.Дмитрия на Славне, Воскресения на Мячине, Симеона Зверина монастыря).

В Пскове и Псковской земле активное храмовое строительство началось в последней трети XIV в. Самые ранние сохранившиеся памятники относятся только ко второй половине XV в., однако зодчество этого времени представлено в городе достаточно полно: известно почти два десятка построек (см.: Седов 1992; Комеч 1993). В целом, для псковской архитектуры характерно использование при возведении храмов разных планов и конструкций: бесстолпные (ц.Воскресения в с.Пустое Воскресенье), с пониженными подпружными арками (ц.Варлаама Хутынского), со слитыми сводами (ц.Георгия со Взвоза), с повышенными подпружными арками (ц.Богоявления с Запсковья). Не было и единого варианта решения конструктивных деталей, влиявших на внешний облик зданий. Все церкви были одноглавыми, четырехстолпными, но могли иметь одну (ц.Воскресения в с.Пустое Воскресенье) или три апсиды (ц.Никола в Устье), причем в последнем случае боковые апсиды могли быть полукруглыми (ц.Старое Вознесение) или прямоугольными (ц.Козьмы и Дамиана с Примостья). Разнообразны были и

формы покрытия: шестнадцатискатное (Троицкий собор) и применявшееся чаще восьмискатное (напр.: ц.Богоявления с Запсковья). Часто с западной стороны у храмов был притвор.

По сравнению с новгородскими постройками архитектурный декор псковских храмов был очень беден. Окна делались некрупными, бровками не обрабатывались (за исключением окон в барабанах), стены членились лопатками и украшались только обязательной ползучей аркой. На апсиде помещались 2-4 пояса поребрика и бегунца и, относительно редко, валиковые разводы. На барабане размещались пояса — перспективный арочный (в отличие от Новгорода, здесь он сохранялся и в XVI в.), поребрика, бегунца, керамических плиток (в Новгороде ему аналогий нет). Закладные кресты в архитектуре Пскова использовались редко. Фактически, все декоративные детали в псковской архитектуре этого времени были заимствованы из Новгорода и оказались достаточным для псковских зодчих набором. Можно думать, что это заимствование произошло одновременно — в последней четверти XIV в., при сложении псковской архитектурной школы.

Сравнивая московскую, новгородскую и псковскую архитектурные традиции нельзя не отметить, что во второй половине XIV — XV вв. формирование облика храмов в этих центрах происходило по-разному: в Москве — за счет противопоставления спокойной плоскости стен и динамичного завершения, в Пскове — за счет форм конструкции, в Новгороде — за счет многообразия архитектурного декора.

С московской архитектурной новгородскую роднит принцип наследования и частичного повторения домонгольских традиций. В Москве это прослеживается не только для XIV-XV вв., но и для последующего времени. В Новгороде же домонгольские традиции в конце XIII — первой половине XIV вв. были переработаны так основательно, что обращение к ним в середине XV в. (евфимиевские “реставрации”) выглядело уже чем-то необычным.

Псковские и новгородские храмы сходны по своему типу: четырехстолпные, одноглавые, с завершением, вписанным в треугольник, вершинами которого являются пяты полуарок, завершающих боковые прясла, и зенит арки центрального прясла или накладки над ним. Сходны и некоторые декоративные элементы. Однако во Пскове основой для творчества была конструкция здания, а декор оставался неизменным. В Новгороде же сложилась иная ситуация: разные типы зданий имели внешне одинаковую конструкцию, но различались по архитектурному декору.

Беляев Л.А. 1994. Древние монастыри Москвы (конец XIII — начало XV вв.) / МИАМ. Т.6, М.

Вягидлов В.П. 1988. Архитектура Московской Руси середины XV в. М.

Дмитриев Ю.Н. 1963. О форме покрытия в новгородском зодчестве XIV-XV вв. // Древнерусское искусство XV — начала XVI вв. М.

Комеч А.И. 1993. Каменная летопись Пскова XII — начала XVI вв. М.

Петров Д.А., Седов Вл.В. 1988. Конструктивная типология новгородских крестовокупольных храмов XVI в. // Земля Псковская, древняя и социалистическая. Псков.

Раппопорт П.А. 1993. Древнерусская архитектура. СПб.

Седов Вл.В. 1992. Псковская архитектура XIV-XV вв. Происхождение и становление традиции. М.

Великокняжеские патрональные и памятные по священия храмов Новгорода в начале московского периода его истории

До недавнего времени было принято считать, что в продолжение почти половины столетия, начиная с 1460-х гг. и включая первое десятилетие XVI в., в Новгороде не велось строительство новых храмов. На этом суждении основывалась широкая датировка Семисоборной росписи Новгорода. Предполагалось, что она была составлена после 1463 г., когда возник храм Сергия Радонежского на Владычном дворе, позднейший из включенных в нее, но прежде того, как в 1508 г. во избавление от морового поветрия была построена деревянная “заветная” церковь Похвалы Богородицы, — самая ранняя из церквей, не учтенных в этом источнике (Янин 1976: 108-109).

Исторические исследования свидетельствуют о том, что как раз в 1462-1463 гг., когда строилась упомянутая церковь на дворе новгородского архиепископа, произошло резкое ухудшение отношений между Новгородом и Москвой. Противостояние, на фоне осложнившейся внутривнутриполитической ситуации в Новгороде, продолжалось до 1471 г., когда произошла битва на Шелони, положившая конец его суверенитету. Острейшие внутренние противоречия в новгородском обществе и конфликт с Москвой (Алексеев 1989: 75-97), очевидно, разрушали основы, необходимые для созидательной деятельности. Почти четыре десятилетия после шелонской катастрофы, прошедшие без храмоздательной активности и лишь отчасти заполненные крепостным строительством, служили яркой иллюстрацией того, во что обошлась Новгороду утрата политической самостоятельности (Гладенко, Красноречьев, Штендер, Шуляк 1964: 224).

Представления о культурно-исторической ситуации в Новгороде этого периода остаются неясными и слишком суммарными. Некоторые важные конкретные детали содержат недавно изданные работы Д.А.Петрова. Он показал, что в Семисоборной росписи учтена церковь Симеона Богоприимца в Зверине монастыре, построенная из дерева в 1467 г., и тем самым сузил ее датировку на четыре года (Petrov 1987: 85). Возникновение этого источника исследователь связал с известием Псковской Первой летописи о том, что осенью 1485 г. архиепископ Геннадий “присла в Псков Боярина своего Безсона и с ним игумена Еуфимия, иже прежде был в Пскове ларником; ... И мысляще того

владыка Геннадии вместити архимандритом в себе место правителем Пскову; и того ради посла его с своим боярином и веляше описати по всеи земли Псковской церкви и монастыре и колико престолов и попов и всех в число написати” (ПІЛ: 68). В этом отрывке повествуется, что Геннадий поручил игумену Евфимию и владычному боярину Безсону провести в Псковской земле перепись церковей и монастырей, с их клиром. Перепись должна была служить целям управления псковской частью Новгородской епархии, в связи с намерением архиепископа возложить некоторые властные полномочия в данной части епархии на названного игумена. Исходя из того, что данный не дошедший до нашего времени документ должен был очень напоминать Семисоборную роспись, Д.А.Петров высказал предположение, что последняя возникла в результате инициативы архиепископа, аналогичной той, о которой сообщается в Псковской летописи, и, следовательно, тогда же, когда проводилась указанная перепись в Псковской земле, то есть в 1485 г. (Petrov 1987: 85-87). Заметим, что Семисоборная роспись все-таки не является полным подобием тому “числу” псковских храмов, о котором говорится в приведенном отрывке, хотя бы потому, что ни один из ее списков не содержит сведений о клирошанах. Тем самым, предложенная Д.А.Петровым точная датировка Семисоборной росписи выглядит недостаточно обоснованной.

Собрав из летописей и других источников сведения о проводившихся в названный промежуток времени ремонтах храмов в самом Новгороде, о возведении новых храмов за его пределами, о ремонте и модернизации старых и строительстве новых крепостей в Новгороде и Новгородской земле, Петров показал, что каменное строительство и различные ремонтные работы, требовавшие привлечения профессиональных строителей, велись тогда без сколько-нибудь длительных перерывов и, следовательно, не может быть речи о том, что с гибелью Новгородской республики там пресеклась местная строительная и архитектурная традиция (Петров 1993а: 96-100).

Однако проанализированными Д.А.Петровым известиями не исчерпываются сведения, проливающие свет на строительство данного периода. Привлекают внимание посвящения некоторых новгородских храмов, хотя время их возникновения неизвестно и упоминаются они в сравнительно поздних источниках. К началу XVII в. в Загородском конце Новгорода на Чудинцеве улице находилась церковь апостола Тимофея¹. в Гончарском или Людином конце на улице Новинке — церковь Василия Парийского². Первая из них соименна “ангелу” покорителя Нов-

---

1 “Тое ж Чудинцеве улицы церковь деревянная апостол Тимофей разорено от немци” (Опись 1984, ч.1: 82). В Росписи новгородских монастырей и церковей 1615 г. этот храм не упомянут, но в ней пропущена вся Чудинцева улица, а описано только Чудинцевское заполье (Опись 1984, ч.2: 325).

2 Этот храм не следует путать с церковью Василия Кесарийского на Новинке (или в конце Ерышевы улицы), как это сделал архимандрит Макарий (1860, т.1: 167; т.2: XLVIII). Оба Васильевских храма в начале XVII в. существовали одновременно. В Описи Новгорода 1615 г. церковь Василия Парийского числится как деревянная, а Василия Кесарийского — как каменная: “На Новинке: Василей Парийский дрянн. Василий Кесарийский камен” (Опись 1984, ч.2: 324), в Описи 1617 г. — наоборот: “Церковь Василия Парискаго камена с Новинки. ... Церковь Василия Кесарийского с Новинки ... была деревянная, сожгли немцы.” (Опись 1984, ч.1: 83,84.). Кажется, более достоверны сведения 1617 г., поскольку документ 1615 г., краткий, чисто регистрационного характера, и имеет большее число дефектов, чем документ 1615 г. Но реша-

города великого князя Ивана III Васильевича, вторая — небесному покровителю его сына Василия. Приведем описание событий, происходивших в 1479 г. в Москве: “Марта 25, ... противу дне собора архангела Гавриила, родися великому князю Ивану Васильевичю сын от царевны Софьи и наречен бысть Василеи Парииский”; в июне Иван III закладывает “церковь камену Иоанна Златаустаго..., а преже бывшую древяную разобрав. Бе же та изначала церковь гости московских строение, да уже и оскудевати начят монастырь той. Князь же велики учини игумена у тоя церкви в сборе под Воскресенским игуменом загородцких попов преже сего, егда обет положи, понеже бо имя его наречено бысть, егда бывает праздник пренесение Иоанна Златаустаго, генваря 27. А в застенке тоя церкви повеле церковь другую учинити, Тимофея апостола, в той бо день родися” (Иосаф.: 118; СЦ: 160). К мысли об аналогичном происхождении посвящений обоих упомянутых новгородских храмов склоняет то, что они возникли в московский период истории города, после составления Семисоборной росписи, в которой они не числятся. Согласно списку новгородских ружных церквей, датируемому 1580-ми годами, церковь Василия Парийского имела придел Усекновения главы Иоанна Предтечи (Запись 1856: 30; Макарий 1860: 227), в воспоминание о котором был наречен сын Василия III Иван Васильевич, что заставляет отбросить сомнения в патрональности и ее главного престола. Если предположить, что придел возник вместе с церковью, то наиболее вероятное время ее основания — 1530-1533 гг. (после рождения Ивана IV, но еще при Василии III). Однако строительство этих лет как раз сравнительно полно отражено летописцами, и потому логичнее считать, что Васильевская церковь была построена либо после того, как 21 марта 1499 г. Василий Иванович стал соправителем своего отца и был провозглашен князем Новгородским и Псковским³, либо в связи с занятием им в 1505 г. московского великокняжеского стола. Однако не исключено, что посвященная его патрону церковь возникла в Новгороде уже вскоре после его рождения. Тимофеевская же церковь построена скорее до возведения церкви Василия Парийского, чем после.

Привлекает внимание и редкое посвящение еще одного храма — стоявшей в начале XVII в. за посадом, в конце Алексеевской улицы Гончарского конца, церкви апостола Акилы⁴, тоже не существовавшей в момент составления Семисоборной росписи⁵. Ее наименование живо напоминает о сражении 1471 г. на Шелони, решившем судьбу Новгорода: “Бысть же бои сеи июля 14, в неделю, по рану, святого апостола Акилы”, — тогда в память о победе “обещася князь велики поставити на Москве церковь святого апостола Акилу, еже и бысть (то есть: что и было сделано. — В.С.), а воеводы князь Данило и Федор другую церковь Воскресение”. Этими храмами были два новых деревянных

ющие аргументы здесь остаются за археологами.

3 Под 7007 г.: “Марта 21 ... пожаловал князь великий Иван Васильевич... сына своего князя Василья Ивановичя, нарекл его государем великим князем и дал ему Великий Новгород и Псков, великое княжение” (Иосаф.: 138; Зимин 1962: 181-182).

4 “На Шипачеве два храмы древяны: Аким (sic! — В.С.) Апостол и Преподобная Ксения” (Опись 1984, ч.2: 326).

5 В данном документе фиксируется только находившаяся за городом “мирьская” церковь “Алексей святой” — Алексея человека Божия (Янин 1976: 110).

придела, поставленных вплотную к стенам каменного Архангельского собора Московского Кремля. При тушении пожара, случившегося 2 октября 1475 г. “в Москве внутри града близ врат Тимофеевских ... два застенка Архаггелских (древяных; в изданном тексте восстановлено по Московскому своду конца XV в. — В.С.) разметаша, Воскресение да Акилу Святого” (Иосаф.: 70,90). Событию, запечатленному данными памятными посвящениями, придавалось столь большое значение, что через шесть лет оба придела было отстроены в камне⁶.

В новгородской топографии храмы с “промосковскими” посвящениями выделялись расположением довольно близко друг к другу. Для строительства новых церквей требовалась свободная земля, по-видимому, в конце XV в. как раз имевшаяся южнее Детинца, на что указывает название проходившей там улицы — Новинка, в более раннее время неизвестной, где и была поставлена церковь Василия Парийского. В эту часть города был проложен Новый мост, по которому в декабре 1499 г. туда направлялась торжественная процессия из Софийского собора. Возглавляемая Геннадием, она прошла в Гончарский конец “к Олексею святому г деревенной церкви”, отсюда — “спольем”, то есть, можно полагать, мимо церкви Акилы на Щипачеве, к Духову монастырю. Одним из конечных пунктов на обратном пути к Софийскому собору была “Чудинская” улица (ВлЛ: 152-154.)⁷, где, вероятно, тогда уже стояла церковь апостола Тимофея.

Строительство и освящение таких храмов могло быть приурочено к посещениям Новгорода великим князем. Первый визит Ивана III в Новгород после Шелонского сражения состоялся в ноябре 1475 — январе 1476 г. (Иосаф.: 91-94; С1Ц: 160-161). В январе — феврале 1478 г. он пребывал там во время военного похода, предпринятого для закрепления власти Москвы (Иосаф.: 105-116; ВлЛ: 136; С1Ц: 160). В конце 1479 — начале 1480 г. состоялся его мирный визит в Новгород (Иосаф.: 119; 119; С1Ц: 160-161). С 17 ноября 1490 г. по 10 марта 1491 г. он находился там вместе с внуком Дмитрием в связи с русско-шведской войной. Патрональная великому князю церковь могла быть построена в Новгороде и после удачных походов новгородских и псковских сил на Ливонию в 1481, а также в связи с участием новгородцев в походе 1485 г. на Тверь (Иосаф.: 122,123,125,130-131) или в связи с походом против шведов под Выбор в 1495 г. (Иосаф.: 190; ВлЛ: 138).

Кроме самого великого князя, ктиторами подобных храмов могли быть новгородские владыки, а также представители московской администрации, поскольку храмоздание этого рода вписывалось в ряд мероприятий общегосударственного значения, таких, как реконструкция крепостей в Новгороде и Новгородской земле. Наконец, в нем могли участвовать сторонники московского правления из числа коренных новгородцев.

---

6 “В лето 6990 (1481). Сентября 8 заложены быша две церкви, оу Архангела в приделах, Воскресение Христово да Акила апостол” (С1Ц: 162).

7 Ранние известия об улице Новинке не были замечены Д.А.Петровым, ошибочно отнесшим ее основание к 1580-м гг. (Петров 1993б: 230). Свободные участки в районе этой улицы оставались и позднее, благодаря чему при Иване IV там разместились царский “приезжий двор” и иные заведения, в частности, “в Ярышеве закулке (то есть — близ церкви Василия Парийского — В.С.) по обе стороны огород царя и великого князя” (Майков 1911: 166), а также государственные учреждения (Майков 1991: 231).

Обзор патрональных и памятных посвящений начала московского периода истории Новгорода будет неполон без еще одного храма. Рядом с церковью апостола Акилы стояла церковь преподобной Ксении (Опись 1984: 326). Смысл этого посвящения, на наш взгляд, раскрывает псковская летопись, где в повествовании о походе на Псков, предпринятом в 1510 г. для окончательного подчинения его Москве, говорится: “И церковь постави кня[зв] великии святую Оксенью, которой день Псков взял, на Пустой улице в Ермолкине садники Хлебников” (ПІЛ: 96). Как видим, Василий III считал датой включения Пскова в состав Московского государства 24 января, день памяти преподобной Ксении, когда он въехал в этот покорный его воле город. Князь оставался там всего 4 недели (ПІЛ: 96; Иосаф.: 157), и потому можно не сомневаться, что данный псковский храм был деревянным. Строился он на свободном месте, о чем свидетельствует название улицы — “Пустая”.

То, что соименная церковь в Алексеевском заполье Новгорода была поставлена рядом с церковью Акилы, подтверждает предлагаемую интерпретацию посвящений обоих новгородских храмов и свидетельствует о близости дат их возведения к тем датам, о которых они должны были напоминать. Повеление о создании новгородской церкви Ксении также могло исходить от великого князя, остановившегося в Новгороде на обратном пути из Пскова (Иосаф.: 157). Примечательно, что с Алексеевской улицы начиналась дорога, соединявшая Новгород с Псковом, и потому именно там в XVI в. возникла связанная с этой дорогой ямская слобода (Петров 1993б: 231).

Деятельность по утверждению в Новгороде власти великого князя путем введения в его застройку храмов с рассмотренными посвящениями могла сознательно замалчиваться местными летописцами, но о внимании к этим церквям правительства свидетельствует то, что они получали “ругу”, то есть состояли на государственном довольствии (Запись 1856:30,31; Макарий 1860, т.1: 227,228⁸).

Если выявленные вновь сведения о ряде новгородских храмов интерпретированы верно, и эти храмы действительно построены в конце XV — начале XVI в. в честь патрональных святых членов московского великокняжеского дома и в память о датах, которые были решающими в истории присоединения северо-западных русских земель к Московскому государству, то мы получаем аргументы в пользу ранней датировки Семисоборной росписи. Ведь если церкви апостолов Акилы и Тимофея возводились в период, близкий ко времени Шелонской битвы, то Семисоборная роспись должна была возникнуть еще раньше. Правомочна постановка вопроса, не составлен ли данный документ для регистрации церквей и монастырей Новгорода при переходе его в московскую юрисдикцию, подобно тому, как была написана соответствующая опись после ухода из Новгорода шведов в 1615 г. Как ни скудны эти сведения, они должны приниматься во внимание для более верной оценки не только архитектурно-строительной деятельности, но и в целом культурно-исторической ситуации в Новгороде начала московского периода его истории.

Алексеев Ю.Г. 1989. Москва и Новгород накануне Шелонского похода // Новгородский исторический сборник, 3 (13). Л.

8 Здесь Макарий забыл упомянуть Тимофеевскую церковь на Чудинцеве улице.

- Гладенко Т.В., Красноречьев Л.Е., Штендер Г.М., Шуляк Л.М. 1964. Новые открытия в новгородской архитектуре // Новгород. К 1000-летию города. М.
- Запись о ружных церквах и монастырях в Новгороде и в Новгородских пятинах, составленная в XVI веке при Новгородском архиепископе Александре (1577-1589) // Временник МОИДР. Кн. 24. М., 1856.
- Зимин А.А. 1962. Россия на рубеже XV-XVI столетий. М.
- Опись Новгорода 1617 года // Памятники отечественной истории. Вып. 3. М., 1984. Ч. 1,2
- Майков В.В. 1911. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб.
- Макарий. 1860. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Т.1-2. М.
- Петров Д.А. 1993а. О непрерывности строительства в Новгороде и его земле в 1468 — 1510 гг. // Новгородские древности. Общество историков архитектуры. Архив архитектуры. Вып. IV. М.
- Петров Л.А. 1993б. Мероприятия московского правительства по реконструкции Новгорода в 1478-1611 гг. (по летописным и актовым материалам) // Новгородские древности. Общество историков архитектуры. Архив архитектуры. Вып. IV. М.
- П1Л — Псковская Первая летопись // Псковские летописи. Вып.1. М.-Л., 1941.
- ВлЛ - Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30, М., 1965.
- С1Ц - Софийская первая летопись по списку И.Н.Царского // ПСРЛ. Т. 39. М., 1994.
- Petrov D.A. 1987. The possible date of the compilation of the "Semisobornaja rospis" of Novgorod // *Russia mediaevalis*. Т. VII, 1, München.

О некоторых особенностях судового дела в Древней Руси

Вопросы общего и индивидуального в культуре восточнославянских племен в рамках Древней Руси неоднократно затрагивались в историографии. С накоплением археологических материалов по средневековому судовому делу возникает проблема характеристики древнерусской судостроительной традиции — ее общих черт и локальных особенностей. Предварительный анализ средневековых письменных источников и терминологии традиционного судостроения показывает, что некоторые из конкретных типов судов: ушкуй, учан, паузок — встречаются только в Северном регионе, а струг, напротив, не упоминается на Северо-Западе. Другая их часть: различные виды лодей, челн, насад — находят повсеместное распространение на территории Древней Руси.

Большинство исследователей, касавшихся проблемы судоходства на Черном море в средневековье, склонялись к выводу о том, что единственным типом судов, которые использовались для этого русскими, были однодеревки с наращенными бортами. Основой для таких выводов являются византийские хроники, прежде всего — подробное описание плавания руссов в Византию у Константина Багрянородного (1989), где русские суда называются *моноксилами* т.е. — однодеревками, говорится о сложности преодоления днепровских порогов и необходимости переноса судов по суше, чтобы миновать наиболее сложные из них. В качестве косвенного свидетельства исключительного использования здесь судов на однодеревной основе, обычно, называют челны казаков XVII в. — однодеревки с набойными бортами пригодные для морского плавания.

В древнерусских летописях называются два типа судов, ходивших в Византию — *лодья* и *корабль*. Оба этих термина несомненно принадлежат к категории общеродовых, но если первый обозначал в древнерусское время как речные и озерные, так и морские суда, то второй — почти исключительно морские. При этом *лодьями* назывались, преимущественно, различные варианты судов с однодеревной основой. Почти все случаи употребления термина *корабль* в летописях по отношению к русским водным средствам сообщения были связаны с военными походами Олега, Игоря, Владимира Ярославича в Византию. Кораблями также называли морские иноземные суда на Балтике.

В описании похода Игоря 941 г. назван еще один тип судов — *скедши*, которые можно было бы по созвучию принять за скандинавские скейды — большие килевые дощатые суда. Однако, сам контекст их упоминания — в сообщении болгар византийцам о приближении русского флота — свидетельствует о том, что речь шла о кораблях южных морей, известных и из византийских источников. Суда, ис-

пользовавшиеся для черноморских плаваний, выделяются в ряде миниатюр Радзивилловской летописи дробной обшивкой, доски которой соединены в одном поясе при помощи заклепок, гвоздей или нагелей, а также мачтой и парусом, что было, вероятно, связано со стремлением автора миниатюр не только проиллюстрировать текст, но и показать эти суда более крупными по сравнению с остальными, изображенными в рукописи судами.

Как письменные так и археологические источники свидетельствуют о посещении Северной Руси, морским портом которой на протяжении всего раннесредневекового периода была Ладога, большими скандинавскими дощатыми судами, вероятно, сопоставимыми по размерам с такими археологическими находками как судно Скульделев-1 (16,3 x 4,5 x 2,1 м) и Гокстадский корабль (24,2 x 5,1 x 2,1 м). Основными археологическими находками, свидетельствующими об этом, являются железные заклепки¹ длиной до 9 см, соединявшие доски обшивки скандинавских судов в клинкер, а также некоторые другие детали — фрагменты досок обшивки, стойка корабельного навеса, днище, элементы такелажа. Вверх по Волхову, к Новгороду поднимались, судя по размерам найденных заклепок (ок. 5 см.), небольшие вспомогательные суда, имевшиеся на больших кораблях (рис.1Б), а большие корабли (рис.1А), неспособные преодолевать Волховские пороги (особенно после X в., с понижением уровня воды), останавливались в Старой Ладоге (Сорокин 1997: 49-51).

Массовые находки заклепок представлены в погребальных памятниках Днепровского бассейна — в Гнездове и в Шестовицах. Наибольшее их количество, в гнездовском некрополе, было обнаружено в больших курганах с трупосожжениями середины X — рубежа XI вв. (курган 24 Оль-1 не менее 200 заклепок, кострище 16 x 8 м; курган 18 — более 50 заклепок, кострище 23,5 x 12,8 м; курган 16 — 234 заклепки, кострище 10,5 x 10,5 м; несколько меньшее количество заклепок в курганах 7 и 20). Длина заклепок была от 2 до 6,5 см (Булкин 1975: 136-138). Уже А.А.Спицын обращал внимание на форму и размеры гнездовских заклепок. Так 234 заклепки из кургана 16 были подразделены им на четыре группы, в зависимости от размеров: первая (длина до 1,5 см) включала 21 экземпляр, вторая (длина 2,5-3 см) — 155 экз., третья (длина 3,5-4 см) — 48 экз. и четвертая (длина 6 см) — 10 экз. (Спицын 1902, 29). Эти группы заклепок демонстрируют нам толщину типовых соединений деревянных конструкций сожженного судна. Единичные заклепки имелись и в малых курганах (Авдусин

---

¹ Возникает вопрос, а могут ли все железные заклепки, найденные в погребении или на поселениях, считаться принадлежностью остатков судна. Известно, что заклепки использовались для крепления умбона шита и для соединения досок сундуков или погребальных камер. Однако, во всех этих случаях они характеризуются, преимущественно, небольшими и одинаковыми размерами. Там же где в одном комплексе представлены различные по размерам типы заклепок, вероятно, следует говорить об остатках судна. Поэтому мы склонны связывать большую часть заклепок из погребальных комплексов и поселенческих слоев с судами, при изготовлении которых они находили массовое применение. При этом необходимо отметить, что понятие "сожжение в ладье", распространенное в археологической литературе, нельзя всегда понимать буквально. Судя по незначительному количеству заклепок в погребениях, происходящих с территории Древней Руси, правильнее будет называть их сожжениями с частями ладьи. Не исключено, что здесь, в погребальном обряде, использовался принцип "часть вместо целого".

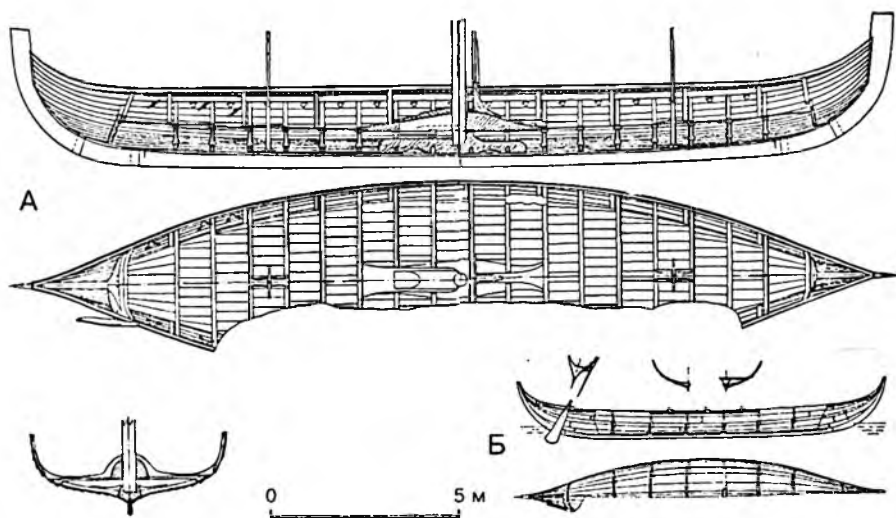

Рис. 1 Сравнительная величина большого корабля викингов и находившегося на нем вспомогательного судна (на примере находки из Гокстада). По Ф. фон Фирксу.

1952). В Шестовицком могильнике железные заклепки в значительно меньшем числе были найдены в курганах № 9, 21, 22 и 26. Длина заклепок из Шестовиц варьировала от 4 до 6 см (Блифельд 1977: 117,125). Из кургана № 9 происходит 11 целых и несколько обломков железных заклепок с ромбическими клинкершайбами, на заклепке же из кургана № 26 была зафиксирована шайба размером 5,5 см в поперечнике. Известны заклепки (в основном единичные) и в бассейне Волги — в погребениях Тимеревского и Михайловского могильников IX-X вв. (Ярославское Поволжье 1963; Дубов, Седых 1992: 117).

Заклепки, происходящие из Днепровского и Волжского бассейнов в целом характеризуются более мелкими размерами, чем в Приладожье. По-видимому, по водно-торговым путям ходили небольшие суда с клинкерной обшивкой. Заметим, что в культурных слоях городов южной и северо-восточной Руси (за исключением Тимерева), в отличие от центров северной и центральной Руси (Ладога, Рюриково городище, Новгород, Псков, Белоозеро, Полоцк, Гнездово) судовые заклепки пока не известны.

Вероятно, клинкерные суда попадали на юг и восток с севера, со скандинавскими дружинами, и составляли незначительную часть объединенных славянско-варяжских флотов, включавших преимущественно суда построенные на однодеревной основе. Разделение это прослеживается в летописном сообщении о походе Олега в 907 г., когда в требованиях, предъявленных им византийцам по оснащению флота парусами, называются русские и славянские суда — первые из которых, вероятно, были дощатыми клинкерными, а вторые однодеревками с наращенными бортами. Некоторая информация о дощатых судах содержится и в сообщении о походе Игоря 941 г., где упоминаются скедии. В описании морского похода Владимира Ярославича в 1043 г. в качестве плавс-

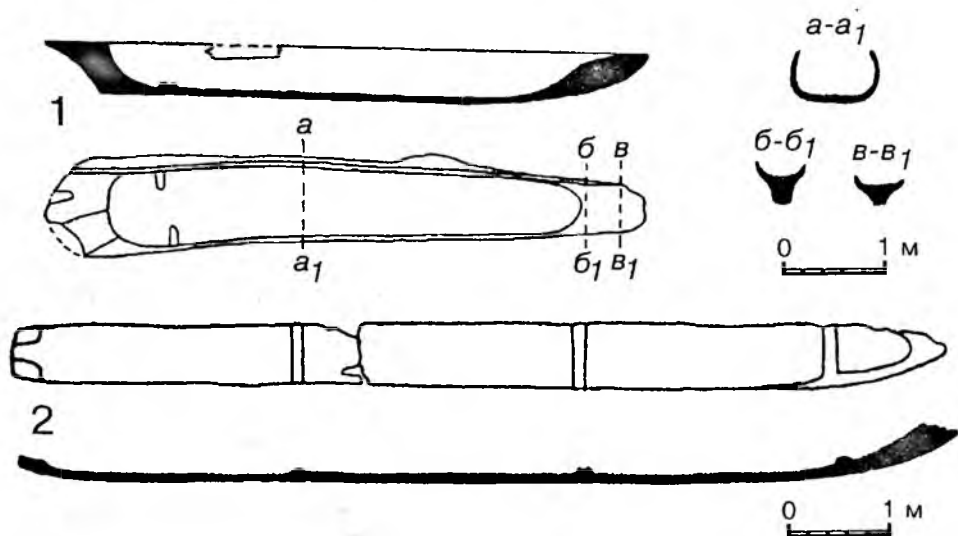

Рис. 2 Однодеревные судна древнерусского времени из Запорожья. По Г.П.Шаповалову.

редств первоначально называются лодьи, однако в описании бури помимо них упоминаются и корабли, причем в связи с варягами.

Лодьи-однодеревки, использовавшиеся как для речного, так и для морского плавания, были известны славянам с древнейших времен, что неоднократно упоминалось византийскими авторами, описывавшими события VI-VII вв. на Балканах. Так, согласно Пасхальной "хронике" в 626 г. славяне на своих долбленых судах совместно с аварами принимают участие в осаде Константинополя, а еще раньше, под 585 г. славянские однодеревки, вмещавшие 20 воинов, упоминаются Феофилактом Симмокатой на Дунае. Известны однодеревки и в археологических материалах славянских земель южной и центральной Европы. Небольшие долбленки VI-VII вв. с перегородками были обнаружены на территории Болгарии (История на България 1981: 30). Еще три однодеревки происходят из великоморавского центра Микульчицы VI-X вв. (Poulik 1974). И те, и другие относятся к типу простых долбленок, характерными чертами которых являются внутренние переборки, массивные борта и днища. Именно этот тип долбленок распространен и в этнографии южных и западных славян. В Боснии такие суда, вмещавшие до 20 человек, носили название *кораб*. Такого же типа однодеревки представлены в археологических и этнографических материалах Польши (Stepien 1986, Moszinski 1929), за исключением единичных находок однодеревки со шпангоутами из Польского Поморья (Filipowiak 1962). Тот же тип обычных однодеревки в средневековье был характерен и для южной Руси, о чем свидетельствуют два дубовых челна X-XI и XIV-XV вв., найденные в Днепре в районе Запорожья (рис.2): оба имели массивный корпус и внутренние переборки (Шаповалов: 1991).

Простыми долбленками с набитыми бортами были челны запорожцев XVII в., описанные Бопланом: "челны сии без кия, дно их состоит из выдолбленного бревна ивового или липового", длиной 45 футов, которое обшивается "в вышину досками длиной 10-12 футов, а шириной 1 фут и приколачиваются одна к другой (в клинкер — П.С.),

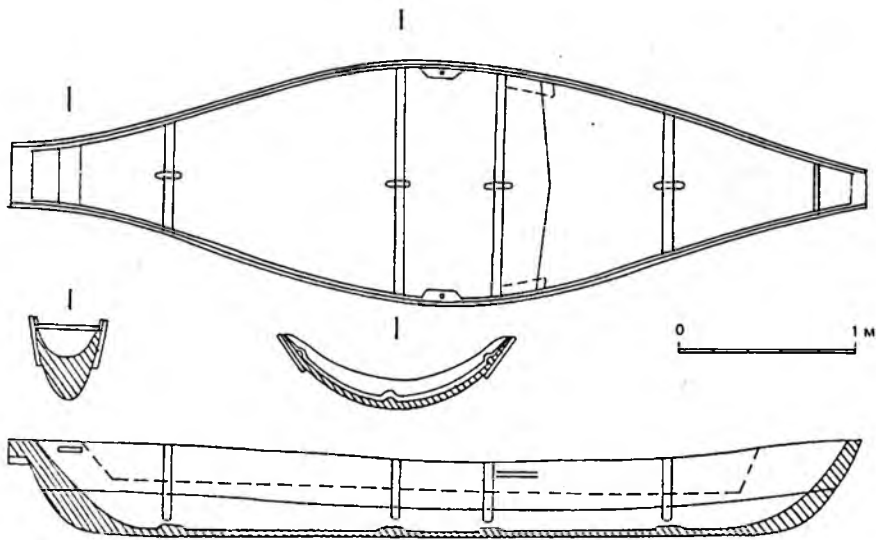

Рис. 3 Этнографическая лодка, расширенная в результате термической обработки, с набойным бортом. Хвойненский район Новгородской обл.

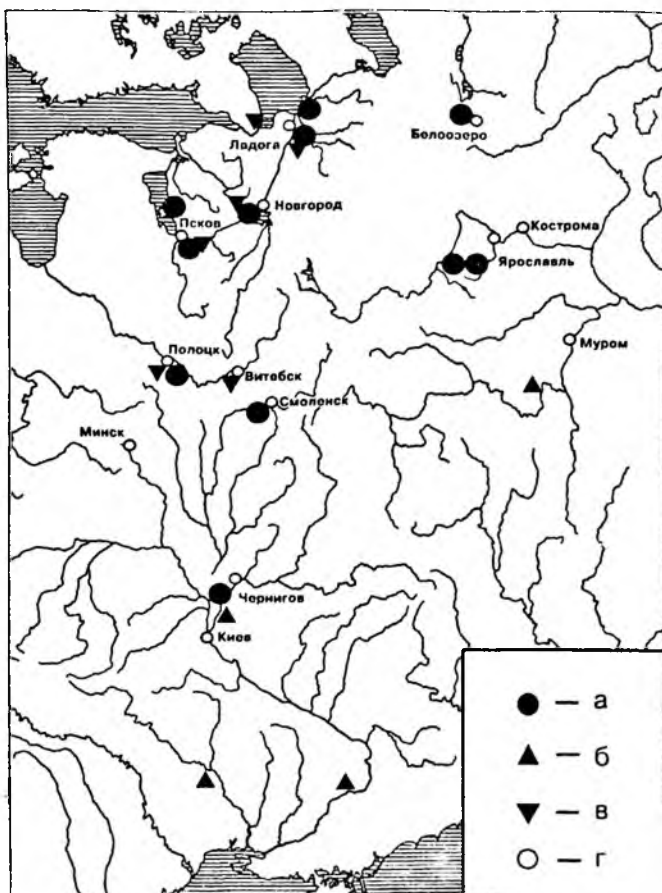
как при постройке речных судов до высоты 12 футов и длины 60 футов”, при ширине 10-12 футов (соответственно — 3,6, 18 и 3-3,6 м). Достоверность высоты этого челна вызывает сомнение, вероятно эта цифра не превышала 1,5 м. Два рулевых весла, установленные в корме и на носу, позволяли успешно маневрировать, а мачта и парус и 10-15 весел по каждому борту делали их быстрееходнее турецких галер (Боплан 1832: 27,62).

Суда донских казаков — челны, описанные в начале XVIII в. Крюйсом, были аналогичной конструкции. Они имели длину около 15-21 м., ширину — 5,4-6 м (более правдоподобной в данном случае представляется в 1,5 — 2 раза меньшая ширина, так как и в их основе было долбленое бревно). Челны оснащались двумя рулевыми веслами и, в зависимости от размеров, 8-20 парами гребных весел, а также мачтой и парусом.

Прототипом казачьих челнов² являются древнерусские набойные лоды и насады. В описании насада, имеющемся под 1151 г. в Лаврентьевской летописи, говорится: “Исхитрил Изяслав лоды дивно: беша бо в них гребыми гребуть невидимо, токмо весла видети, а человек бяше невидети, бяхуть бо лодье покрыты досками, бяхуть же борци стояше горе во бронях и стреляюще, а кормника два беста, один на корме, а другой на носе”. Исследования Саботиновского челна, вошедшего в историографию как судно середины I тысячелетия до новой эры, показало, что эта датировка, основанная на химическом анализе состояния древесины (Орбели 1947: 251-263), была ошибочной. Согласно радиоуглеродной датировке, сделанной в лаборатории ИИМК РАН, челн относится к средневековому времени (1248-1308) и, таким образом, является

2 Именно этот термин, а не *чайка*, упоминаемый только у Боплана, и судя по всему, случайно попавший в литературу, был применим к судам этого типа.

Рис. 4 Распространение различных судостроительных традиций на территории Руси по данным археологии. а — судовые заклепки; б — обычные однодеревки; в — однодеревки с расширенными бортами; г — города.

связующим звеном между набойными лодьями Киевской Руси и челнами казаков. Челн был обнаружен на Южном Буге, по которому проходил водный путь из юго-западной Руси в Черное море. Длина его достигает — 6,81 м (около половины длины однодеревной основы челнов описанных Бопланом), ширина — 0,72-0,80 м, глубина — 0,86 м. Имеющиеся вдоль верхнего среза каждого из бортов по 14 равномерно расположенных, отверстий служили, вероятно, для крепления набойных досок. Таким образом мы имеем еще одну набойную лодью средневекового времени.

Другой тип однодеревок с расширенными в результате термической обработки бортами, со вставными шпангоутами и банками, вероятно, получает распространение только у северной части восточных славян, судя по ареалу находок их частей и деталей, обнаруженных до настоящего времени в Новгороде, Пскове, Ладоге, Орешке (Сорокин 1994), Полоцке (Штыхов 1975: 57), Витебске (Колединский 1988). Широкое распространение традиции изготовления этих судов на Евразийском Севере — в архаичном варианте у финского населения от Ботнического залива до Западной Сибири, и в модифицированном, известном уже с первых веков нашей эры, у скандинавов — дает основание связывать эту технологию с названным регионом (рис.3). Распространение данного типа лодок в северной части Днепровского и Волжского бассейнов, на Западной Двине и в некоторых районах Восточного Полесья, причем в основном на крупных реках, позволяет предполагать

более позднее появление здесь этой традиции по сравнению с русским Северо-Западом. Начало ее распространения на юг и восток восточнославянских территорий, вероятно, следует связывать со временем интенсивного использования Волжско-Балтийской и Днепровско-Балтийской водных магистралей. Легкие однодеревные суда, которые без особых затруднений могли переволакиваться на волоках, а в случае необходимости значительно увеличивали свою грузоподъемность за счет изготовления набойных бортов, находили широкое применение в грузоперевозках на средневековых водных путях.

Описание Константина Багрянородного не дает ответа на вопрос, к какому из двух вышеописанных типов принадлежали моносилы росов, плававших в Константинополь; возможно в их числе были и те и другие, поскольку, изготавливались они, как на юге, так и на севере Руси. Тем не менее в южной Руси изготовление однодеревок с расширенными бортами не получило распространения о чем свидетельствует отсутствие находок их деталей и частей в археологических комплексах южнорусских городов и среди подводноархеологических находок.

Таким образом можно говорить о том, что русские морские походы на Царьград в IX-XI вв. осуществлялись на двух типах судов – скандинавских дощатых с клинкерной обшивкой и славянских однодеревках с наращенными бортами, которые имели в своей основе, преимущественно, простые долбленки. Количественное соотношение при этом, несомненно, было в пользу однодеревных судов, что, вероятно, и послужило причиной того, что для византийских авторов все русские суда были моносилами.

По археологическим материалам прослеживаются определенные различия в судостроительной традиции Древней Руси (рис.4). Если на Севере ее развитие происходило с использованием опыта местного финского населения и в непосредственном контакте с балтийской судостроительной традицией (с заимствованием из нее определенных технологических элементов и адаптацией их к местным условиям), то на юге в значительно большей степени сохранялись древнеславянские черты.

Багрянородный Константин. 1989. Об управлении империей. М.

Блфелд Д.И. 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Киев.

Боллан 1832. Описание Украины. СПб.

Будкин В.А. 1975. Большие курганы Гнездовского могильника // СС. № XX. Таллин.

Дубов И.В., Седых В.Н. 1992. Новые исследования Тимеревского могильника // Древности славян и финно-угров. СПб.

История на България. Т. II. София. 1981.

Коледницкий Л.В. 1988. Транспортные средства Витебска XII-XVII вв. // Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс.

Орбели Р.А. 1947. Исследования и изыскания. М.-Л.

Сорокин П.Е. 1994. Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в средневековье // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 1994.

Сорокин П.Е. 1997. Природные условия и судовое дело Северо-Западной Руси // Древности Поволжья. СПб.

Шаповалов Г.И. 1991. Подводные исследования судов X-XI и XIV-XV вв. у острова Хоргинца // Древности степного Причерноморья и Крыма. Т. II. Запорожье.

Штыхов Г.В. 1975. Древний Полоцк IX-XIII вв. Минск.

Ярославское Поволжье. М. 1963.

Filipoviak W. 1962. Wolinianie // Czczeckinske towarzystwo naukowe. IV. Szczecin.

Moszynski K. 1929. Kultura ludowa slowian. Cz. I. Krakow.

Poulik J. 1974. Mikulcice velkomoravske mocenske ustredi. Praha.

Stepien W. 1986. Z badan nad czolnem Drazonym w Polsce // Nautologia. Rok XXI.

Черты византийского сфрагистического канона на русских актовых печатях XI-XIII вв.

Сенсационное открытие в 1960-1962 гг. огромного комплекса русских актовых печатей XIV-XV вв. (более 550 экз.) при археологических раскопках в Довмонтовом городе Пскова увековечило имя Василия Дмитриевича Белецкого в истории русской сфрагистики. В настоящее время собрание печатей псковского происхождения насчитывает почти 800 экз. и включает памятники от конца XI до начала XVI вв. Комплекс "архива" из раскопок в Довмонтовом городе подготовлен к изданию совместно В.Д. и С.В.Белецкими (1995: 93-96). Однако ранних булл в его составе нет. Историки Древней Руси с особым нетерпением ожидают издания найденных во Пскове печатей XI-XIII вв. Ряд этих печатей был издан В.Д.Белецким (напр.: Белецкий В. 1978: 25-27, № 1; Белецкий В., Белецкий С. 1988: 105-110), а сводная публикация подготовлена С.В.Белецким в отдельном выпуске его труда "Сфрагистика средневекового Пскова" (1994а; 1994б). Интересно, не изменят ли древнейшие русские буллы из Пскова сложившихся в науке представлений о начальном периоде русской сфрагистики?

Многие древнейшие русские печати X-XIII вв. внешне неотличимы от византийских. Именно поэтому объединены материалы византийской и русской сфрагистики в двухтомном основополагающем труде Н.П.Лихачева (1928; 1930) И именно поэтому главной задачей византийской части своего Сфрагистического Альбома (ЛСА: табл.58-82) Н.П.Лихачев считал издание ряда печатей Византии для сравнения с типами старейших русских печатей с целью хронологического определения последних (Лихачев 1991). Особенно наглядно и убедительно сходство русских сфрагистических памятников с византийскими выявляется по Корпусу актовых печатей Древней Руси X-XV вв., изданному четверть века назад В.Л.Яниным (1970, т.1-2).

Многие типы русских булл XI-XIII вв. сходны с византийскими по материалу, размеру, изображениям и даже по легендам, так как имеют греческие надписи. Случаются и такие загадочные печати, которые могут быть отнесены как к России, так и к Византии. В свете современных научных представлений о русско-византийских связях средневековья сходство это и использование русскими византийских образцов вполне естественны и объяснимы. Ведь сама практика употребления печати, судя по договорам Руси с греками (945, 971), возникла на Руси в X в. в процессе дипломатических отношений именно с Византией.

Старейшие из известных русских печатей — Святослава Игоревича и Изяслава Владимировича (№ 1,2)¹ — относятся к дохристианской поре второй половины X в. Поэтому они еще не несут христианских символов, а имеют только княжеские тамгообразные знаки. При этом обращают внимание греческие окончания имен в неразборчивых, но по-гречески же расположенных по кругу надписях обеих булл: “Изяславос” и “Святославос”.

В конце X — начале XI вв. византийские сфрагистические оригиналы послужили образцами для изготовления монетных штемпелей первоначального русского чекана. Изображения Пантократора на золотниках и сребрениках Владимира Святославича повторяют соответствующие изображения на солидах и печатях Василия II и Константина VIII (976-1025). На монетах Святополка имеется изображение апостола Петра с греческой пояснительной надписью “Петрос”. Изображение св.Георгия на сребрениках Ярослава Владимировича (около 1015 г.) восходит к каноническому изображению этого святого на византийских печатях и также сопровождается греческой надписью. Относящиеся к последней четверти XI в. редчайшие монеты Олега-Михаила Святославича Тмутараканского с изображением архангела Михаила (святого патрона князя) и вотивной надписью — также повторяют композиционную схему определенного типа византийских монет и печатей, известную с VII по начало XII в. (Лихачев 1928: 103-104; Laurent 1981: № 799)

Общую картину развития вислой печати в Древней Руси X-XIII вв. нарисовал В.Л.Янин. Подобно современным им древнейшим русским монетам первые русские печати сочетают княжеский знак и условный портрет князя — владельца печати. С принятием христианства появляется печать киевского митрополита, оформлявшаяся уже в чисто византийских традициях сочетания патронального изображения патриарха или митрополита и греческой строчной надписи, содержащей имя и титул владельца. В середине XI в. этот тип печати с многострочной греческой надписью самоуничижительного или благопожелательного содержания проникает и в княжескую сфрагистику. В Византии X-XI вв. подобные буллы с вотивными легендами были, как известно, наиболее распространенным сфрагистическим типом (Лихачев 1928: 103-104).

В самом конце XI в. на церковной печати вместо патронального изображения обязательным становится изображение Богоматери в качестве общецерковной эмблемы, а во второй половине XII в. греческая надпись заменяется русской. В дальнейшем эта композиция во владычной сфрагистике оставалась неизменной до начала XV в.

На светских печатях русские надписи появились в последней четверти — конце XI в. После 1113 г. в сфрагистике Владимира Мономаха возникает тип печати с русской благопожелательной надписью того же содержания, что в прежней греческой. Постепенно этот тип буллы стал настолько общепринятым, что в начале XII в. распространился не только на всю княжескую сфрагистику, но и на посадничьи печати. Это, в свою очередь, привело к резкому изменению княжеской буллы: появился тип печатей с изображением двух святых, что обозначало имя и отчество владельца. Он просуществовал до первой четверти XIV в.

---

¹ Здесь и далее: номера в тексте соответствуют номерам печатей по корпусу В.Л.Янина (1970, т.1-2).

В комментариях к своему Альбому Н.П.Лихачев отмечает около десятка случаев повторения на русских печатях XI-XIV вв. типов изображения некоторых святых и отдельных сюжетов, известных по византийским печатям X-XII вв. Н.П.Лихачев обнаружил греческие прототипы для изображения Пантократора, Богоматери, Николая Чудотворца, Ильи, Мины, Прокопия. Попутно он указал аналогию даже для традиционного изображения в русской иконописи сюжета "Сошествие во ад". Она нашлась на латинской, времени крестовых походов печати с византийской композицией (ЛСА: табл. LX, 2, LXI, 1, LXIII, 16, LXIV, 1-2, LXVI, 12, LXIX, 13, 17, LXXIX, 1).

Действительно, прямые аналогии изображениям на русских печатях всего домонгольского периода обнаруживаются в византийской сфрагистике X-XIII вв., причем почти всегда на соответствующем каждой данной русской печати хронологически близком отрезке времени: поясное изображение Дмитрия Солунского (№ 6,9: Изяслав Ярославич, Киев, 1054-1078) находим на византийских печатях второй половины XI в. (Laurent 1981: № 848,869,1139); поясное изображение св.Георгия (№ 24, 35: Ростислав Владимирович или Мстислав Изяславич, 60-е годы XI в.) — на византийских печатях начала XI в. (Laurent 1981: № 1019); то же изображение в рост (№ 43: митрополит Георгий, 1068-1073) — на византийских печатях второй половины XI в. (Laurent 1981: № 818, 940); поясное изображение Николая Мирликийского (№ 10-13: Святослав Ярославич, 1054-1076) — на византийских печатях от рубежа X-XI до рубежа XI-XII вв. (Laurent 1981: № 79, 119, 123, 144, 159, 179, 379, 406, 1076); изображение Андрея Первозванного (№ 15-21: Всеволод Ярославич, 1054-1093; № 23: княгиня Мария, 1054-1067) — на византийских печатях X-XI вв. (Laurent 1963-1972: № 264,1754; погрудное изображение Василия Кессарийского (№ 25-28, 38, 97-112: Владимир Мономах, 1076-1125) — на византийских печатях XI в. (Laurent 1981: № 338); изображение архангела Михаила в рост и поясное (№ 29: Олег Святославич, вторая половина XI в.; № 74-77: Святополк Изяславич, 1093-1113) — на византийских печатях X-XI вв. (Laurent, 1981, т.II: № 68, 97, 196, 320, 336, 345, 820); изображение Иоанна Крестителя (№ 44: митрополит Иоанн, конец XI в.) — на византийской печати рубежа XI-XII вв. (Laurent 1981: № 1191), Иоанна Предтечи (№ 84: Ярослав Изяславич, 1100-1118) — на византийских печатях X-XI вв. (Laurent 1981: № 85,138,397,455,868,1127); изображение св.Феодора в рост (№ 80-84,117-121: Мстислав Владимирович 1096-1113; № 72: новгородский посадник Завид, 1088-1094) — на византийской печати XI в. (Laurent 1981: № 855); изображение апостола Петра (№ 316: анонимная печать XI в.) — на византийской печати X-XI вв. (Laurent 1981: № 84).

Складывается впечатление, что русские и византийские сфрагисты-современники имели возможность пользоваться одними и теми же образцовыми подлинниками...

Традиционное изображение Богоматери "Знамение" (поясное или в полный рост), бывшее общецерковной эмблемой Константинополя, появилось на русских церковных печатях в начале XII в. и продержалось более века (№ 46-48, 50, 51, 53-58, 60-66, 92). Оба его варианта несомненно восходят к тем же типам изображений в византийской сфрагистике XI и рубежа XII-XII вв. (Laurent 1981: № 8, 96, 130, 174, 254, 329, 346, 438, 671, 672, 1046, 1086, 1113).

Некоторые изображения, по-видимому, и исполнены византийскими мастерами, или, если русскими, — то под сильным греческим влияни-

ем. В данной группе печатей особенно интересна булла новгородского архиепископа Или (1165-1186; № 58). Поясное изображение Богоматери “Знамение” на этой первой по времени владычной печати с русской легендой поражает скульптурной лепкой фигуры и прямо-таки античной монументальностью образа. Высокий рельеф крупных погрудных изображений, объемных и обобщенных одновременно, присущ византийским печатям именно XI в. (Соколова 1983: 84-85,90). “Знамение” в полный рост на русской почве получило дальнейшее развитие в церковной сфрагистике Новгорода XII-XV вв. (№ 454-472,479-520). К XV в. изображение становится все более плоским, почти сугубо графическим и сильно орнаментированным, в чем, по-видимому, проявляется влияние уже иконописного канона. Единственным признаком, уцелевшим от византийского сфрагистического оригинала, осталось положение рук с раскрытыми ладонями и выразительно отставленными большими пальцами².

Та же эволюция наблюдается и в изображении сцены Благовещения: в XII в. новгородский сфрагист (№ 133-137) добросовестно повторяет греческий образец XI-XII вв. (Laurent 1963-1972: № 1972), а в XV в. (№ 765) вдохновляется иконописным подлинником. Совершенно справедливо замечание В.Л.Янина, что история русской церковной буллы не может быть не связанной изначально с византийской традицией в чистом виде, поскольку на протяжении всего XI в. сами иерархи присылались из Константинополя, где, должно быть, обычно изготавливались и матрицы их печатей (Янин 1970, т.1: 15,156).

Греческим же мастером исполнены в 1054-1057 гг. матрицы двух, по определению В.Л.Янина, сфрагистических близнецов (Янин 1970, т.1: 16) – печатей сыновей Ярослава Мудрого, князей Вячеслава-Меркурия Смоленского (№ 14) и Андрея-Всеволода Переяславского (№ 15). Все остальные печати Всеволода Ярославича являются русскими воспроизведениями этого греческого образца, причем на протяжении всей самостоятельной деятельности князя – с 1054 до 1093 г. – В.Л.Яниным отмечено постепенное искажение образцового типа буллы греческой работы (№ 16-22).

Тот же переход от грамотного и изящного образца к неумелым и небрежным подражаниям наблюдается среди трех разновидностей печатей Давида Игоревича Волынского, внука Ярослава Мудрого (1085-1112, № 26-28) В 1975 г. прекрасный экземпляр этой печати был найден во Владимире Волынском при археологических раскопках под руководством П.А.Раппопорта. Печать передана из ЛОИА АН СССР в Отдел нумизматики Эрмитажа (Сотникова 1987: 160, № 3). На лицевой стороне ее греческая надпись “Господи, помози рабу своему Давиду, архонту России.” На оборотной стороне – изображение пророка Дави-

---

2 При описании одной из панегий первой половины XIV в. с изображением Спаса-Вседержителя (Николаева 1983: 77, № 119) П.А.Флоренский обращает внимание на характерную отогнутость большого пальца левой руки Христа, державшей Евангелие, и указывает, что в древнем (христианском) изобразительном искусстве положение большого пальца было символом близости к потустороннему: “степень отвернутости наружу большого пальца соответствует степени внутренней открытости, тогда как пригнутие большого пальца в сторону кисти указывает на самозамкнутость” (Флоренский 1923: 30-31). В свете данного наблюдения подобный хирогномный смысл может быть заложен и в изображение ладоней Богоматери, хотя в Новгороде XIV-XV вв. значение этого жеста едва ли помнили и понимали.

да в полный рост, со свитком в левой руке, на котором видна русская надпись в четыре строки, передающая по-видимому пророчество царя Давида, сокращенное до первых букв: **ЄД - НЄ - НУ - ТЄ**.

Вполне естественно изготовление греческим мастером матриц для печатей “благороднейших” Владимира Мономаха и его матери — “грекини” (№ 23, 25; вторая половина XI в.). Оно также очень вероятно и для печатей Олега-Михаила Тмутараканского и его супруги Феофано Музалон (№ 29,30; конец XI — начало XII вв.). Но прочная греческая традиция еще в начале XII в. наблюдается и на Вольтыни, где явно грек резал матрицы и русскоязычной печати типа “Днѣѣслово” с изображением Иоанна Предтечи для князя Ярослава Изяславича (№84: 1100-1118). Изображение это так пластично, что печать напоминает античную монету, а надпись — вполне греческая по буквенному составу и начертаниям (греческие открытая бета и омега вместо русских **В** и **О**) — содержит 3-4 орфографические ошибки в русском слове, состоящем всего из 10 букв.

Ошибки, выдающие руку грека, обнаружил Н.П.Лихачев на русскоязычной вотивной печати Владимира Мономаха в важнейшем для науки добавлении к имени владельца титула “князя русского” (№ 97). Кроме явного грецизма в употреблении открытой беты вместо русского **В** Н.П.Лихачев обращает внимание на необыкновенную форму буквы **З** (земля) и на употребление родительного падежа вместо дательного после слова “помози”. Оказывается, именно по-гречески такой родительный падеж нередок, но по-русски он безусловно является искажением, свидетельствующем о не вполне достаточном знании русского языка (Лихачев 1928: 109).

Русские вотивные легенды на печатях XII в. являются переводом самоуничижительных и благопожелательных греческих надписей на буллах XI в. Переведенная с греческого формула “Господи помози” навсегда запечатлелась в сознании верующих. Вотивные надписи известны по многим русским эпиграфическим и рукописным памятникам и более поздней поры — XIV-XVII вв.

В греческих легендах на печатях русских митрополитов XII в. впервые прозвучало важное политическое понятие “Всея России”: *Ρῶσιαισ Πᾶσης* (№ 49,52). В.Л.Янин показал, что этот термин не тождественен понятию “Киев” или “Киевское княжество”, а подразумевает всю Русь в целом и церковную власть митрополита над нею (Янин 1970, т.1: 58). В середине XV в. понятие “Всея Руси” вошло в титул Ивана III “Осподарь всея Руси”, а в XVI в. — в титул Ивана IV “Царь и великий князь Всея Руси”, что зафиксировано в надписях на монетах этих правителей.

Титул “великий князь”, широко распространившийся на Руси в XIV-XV вв., тоже впервые прозвучал для русских по-гречески — на печати князя Андрея-Мстислава Всеволодовича Смоленского в начале XII в. (№ 31), что, по наблюдению В.Л.Янина, вовсе не означало всеобщности власти над Россией, а всего лишь “склонность к пышному самотитулованию” (Янин 1970, т.1: 22). Любопытно, что само слово “князь” всего однажды встречено на старейших русских печатях, а именно — на той самой печати Владимира Мономаха, в надписи которой Н.П.Лихачев увидел руку грека. Нет слова “князь” и на древнейших русских монетах. В греческих же надписях в этом значении употребляется термин “архонт”. Князья, владевшие разными землями и находившиеся в равноправном друг к другу положении, одинаково ти-

тулуют себя архонтами России, обозначая тем самым свою принадлежность к княжеской семье (Янин 1970, т.1: 22,58) Владимир Мономах и его мать, княгиня Мария, добавляют при этом к своему титулу греческие эпитеты “благородная” и “благороднейший”, указывая на свои династические связи с византийским императорским престолом (№ 23,25).

Вместе с христианством Россия восприняла и отдельные элементы церковно-административной системы Византийской империи. Первые митрополиты второй половины XI-XII вв. имеют звание протопроедра (№ 42: Ефрем, 1054-1068), синкелла (№ 43: Георгий, 1068-1073) или проедра России (№ 45: Николай 1096-1104; № 49: Константин, 1156-1159). В Византии X-XII вв. эти титулы принадлежали высшим придворным или духовным чинам, особо отличившимся в служении императору и составлявшим частный, неофициальный совет при государе или патриархе (Schlumberger 1884: 478-571; Diel 1924: 105-117; Laurent 1963-1972: 148,602; Янин 1970, т.1: 45-47). В.Л.Янин доказал, что митрополит Ефрем (1054-1068) был советником князя Святополка-Михаила Святославича, а митрополит Георгий (1068-1073) — членом совета константинопольского патриарха (Янин 1970, т.1: 47-48). В конце XI в. титул протопроедра (т.е. советника при князе Мстиславе-Феодоре Владимировиче) имел и новгородский посадник Завид (№ 72, 73). При переходе к русскому письму эти греческие титулы не привились. Переведены на русский язык они не были, как и греческий титул митрополитов (№ 48,52: Михаил, 1131-1147; Никифор II, 1182-1198). Лишь в русских легендах новгородских владычных печатей конца XII в. навсегда уцелел титул епископа и архиепископа (№ 58,60-62).

В.Л.Янин отмечает, что переход к русскому языку происходил в русле республиканских преобразований в церковной организации Новгорода XII в., выразившихся, между прочим, и в избрании владыки впервые из среды местного, т.е. русского, духовенства (Янин 1970, т.1: 57). Именно с новым республиканским обычаем избрания владыки, возникшим в 1156 г. после смерти архиепископа Нифонта, связано, оказывается, и появление очень редкого для Руси греческого слова *ύτην* — пастырь в греческих еще надписях двух анонимных булл владычного круга XII в. На это выражение обратил внимание еще сам Н.П.Лихачев (ЛСА: LX,2). Анонимным пастырем новгородским были названы на этих печатях владыки Аркадий и Григорий в промежутках от избрания каждого из них до хиротонисания, пока владыка не имел еще официального права именоваться епископом (№ 56, 59: 1156-1158 и 1186 — 1187 гг.).

Еще одно редкое греческое слово — эпитет *η ίερᾶ* в значении “Пресвятая Богородица” — поясняет изображение Богоматери в полный рост на митрополичьей печати Кирилла I (№ 53: 1225-1233). В корпусе В.Л.Янина зафиксировано два экземпляра этой печати, оба происходящих с городища Княжа гора (Черкасский у., Киевская губ.). Третий экземпляр был передан в Отдел нумизматики Эрмитажа из Отдела Востока в 1984 г. как незаинвентаризованная булла неизвестного происхождения с рабочего стола покойной А.В.Банк.

Очень долго — до третьей четверти XIII в. — держалось на русских печатях греческое написание именных надписей при изображении святых. Так пишутся имена Андрея (№ 175), Василия (№ 225,227), Георгия (№ 158,221,230), Иоанна Предтечи (№ 130,144), Павла (№ 208,235), Петра (№ 208), Прокопия (№ 223), Феодора (№ 117, 144, 145), Иакова (№ 131). Пришедшие к русским вместе с поясняемыми

образцами изображений святых, эти написания оказались так прочно усвоены, что, вероятно, и произносились-то с сигмой на конце.

Почти до конца XIII в. по-гречески писался на русских печатях и эпитет "святой" (№ 117, 121, 154, 161, 167, 170, 178, 199, 217, 225, 229, 242). Только, во второй половине XIII в. это написание постепенно упрощается: сначала опускается артикль (№ 382), потом слово не дописывается (№ 381, 382), а потом, наконец-то, появляется русский эквивалент (№ 384).

Следуя общевизантийской художественной традиции в иконографии и типологии, русские сфрагисты XI — начала XIII вв., естественно, осваивают и саму графику греческого письма. В течение всего домонгольского периода шрифты русских печатей постоянно соответствуют общепринятым в Византийской империи нормам. Особенно выразительны такие соответствия в начертаниях греческих букв на печатях XI в., где независимо от конкретной территории и социального положения владельца употребляются одни и те же характерные начертания отдельных букв: открытая бета, дугообразная омега, особым образом написанный дифтонг оу — в виде перевернутой альфы (№ 14-30, 97).

Влияние византийских шрифтовых норм чувствуется и в русскоязычных надписях: в начертаниях отдельных букв (а, д, т, р, ω), их размере и пропорциях, даже в величине просветов между буквами (№ 69-71).

Не приходится удивляться, что русские мастера XI-XII вв. всегда были в курсе, так сказать, последних сфрагистических новинок. Судя по находкам византийских печатей в Киевской области, в Крыму, на Тамани византийские образцы были вполне доступны русским мастерам в течение нескольких веков. Поэтому превосходно систематизированные в Корпусе В.Л.Янина печати безусловно могут быть использованы для атрибуции и датировки отдельных неопределенных печатей византийского круга. Позднее, как только в середине XIII в. связи с Византией были нарушены монгольским нашествием и почти прекратились, русские печати неузнаваемо огрубели и художественно деградировали почти на целый век.

-
- Белецкий В.Д. 1978. Пять актовых печатей XII-XV вв. из Пскова // СГЭ. № 43.
Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1988. Печать князя Игоря // Древности славян и Руси. М.
Белецкий В.Д., Белецкий С.В. 1995. "Архив" из раскопок в Довмонголом городе Пскова (состав, хронология, атрибуция) // Древности Северо-Запада России. СПб.
Белецкий С.В. 1994а. "Печати Псковские..." // ССП. № 1. СПб.
Белецкий С.В. 1994б. Вечные печати Пскова // ССП. № 2. СПб.
Лихачев Н.П. 1928. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. I. Л.
Лихачев Н.П. 1930. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. II. Л.
Лихачев Н.П. 1991. Молибдоулы греческого востока. М.
ЛСА — Лихачев Н.П. Сфрагистический альбом // РА ИИМК РАН, ф.35, оп.2, № 444.
Николаева Т.В. 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня, XI-XV вв. // САИ. Е1-60. М.
Соколова И.В. 1983. Монеты и печати византийского Херсона. Л.
Сотникова М.П. 1987. Новые сфрагистические материалы XI-XV вв. в собрании Эрмитажа // Нумизматика в Эрмитаже. Л.
Флоренский П. 1923. Опись напечатан Троице-Сергиевой Лавры XII-XIX веков. Изд. Сергиевского Госуд. историко-художественного музея. Сергиев Посад.
Янин В.Л. 1970. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. 1,2. М.
Diez Ch. 1924. De la signification du titre de "proedre" a Byzance // Melanges offerts a M.G.Schlumberger. V.I. Paris.
Laurent V. 1981. Le Corpus des sceaux de l'empire Byzantin. Tome II. L'administration centrale. Paris.
Laurent V. 1963-1972. Le Corpus des sceaux de l'empire Byzantin. Tome V, v.1-3. L'administration centrale. Paris.
Schlumberger G. 1884. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris.

Крест с надписью о стяжании из Звенигорода

(Археологический комментарий

к московско-новгородскому конфликту 1392-1393 гг.)

Наверно, ни один из древних малых городов Северо-Восточной Руси не привлекал столь пристального внимания историков культуры, как Звенигород. Небольшой укрепленный городок времени Юрия Долгорукого, ставший в конце XIV — начале XV в., при деятельном и мятежном князе Юрии Дмитриевиче, неприступной крепостью, соперничавшей с близкой Москвой, почти в полной неприкосновенности дошел до наших дней. Городок — так называется средневековый звенигородский кремль — неоднократно изучался археологами.

Так случилось, что прежние археологические работы, давшие интереснейшие данные о стратиграфии, системе застройки, укреплениях, жилых и производственных комплексах Звенигорода в XII—XVII вв., не принесли ничего экстраординарного с точки зрения историка древнерусского искусства. Все добытые артефакты были совершенно обычны, заурядны для древнерусского города, что не очень вязалось с бытующими представлениями о Звенигороде как о блестящей столице крупного удельного княжества с каменным Успенским собором, расписанным Андреем Рублевым.

И лишь спустя почти восемьдесят лет после прославившей Звенигород находки икон рублевского Деисуса средневековый Городок явил взорам исследователей новое, пока единственное в своем роде и, что чрезвычайно важно, точно датированное произведение древнерусского искусства.

В день празднования Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1995 г. неподалеку от древнего въезда на Городок, в его северной части, на пашне было обретоено произведение древнерусской мелкой пластики, не имеющее прямых аналогий среди многих сотен известных, — отлитый из медного сплава наперсный крест (рис.1) с Распятием на лицевой, изображением Богоматери и датированной надписью на оборотной стороне.

Крест отлит в форме, изготовленной по восковой модели. Его размеры (с оглавием) — 62 x 36 x 6,5 мм, масса — 40,7 г. Тип креста — четырехконечный с симметричными прямоугольными выступами-расширениями на концах древа — является весьма редким в произведениях древнерусской мелкой пластики; единственная близкая аналогия —

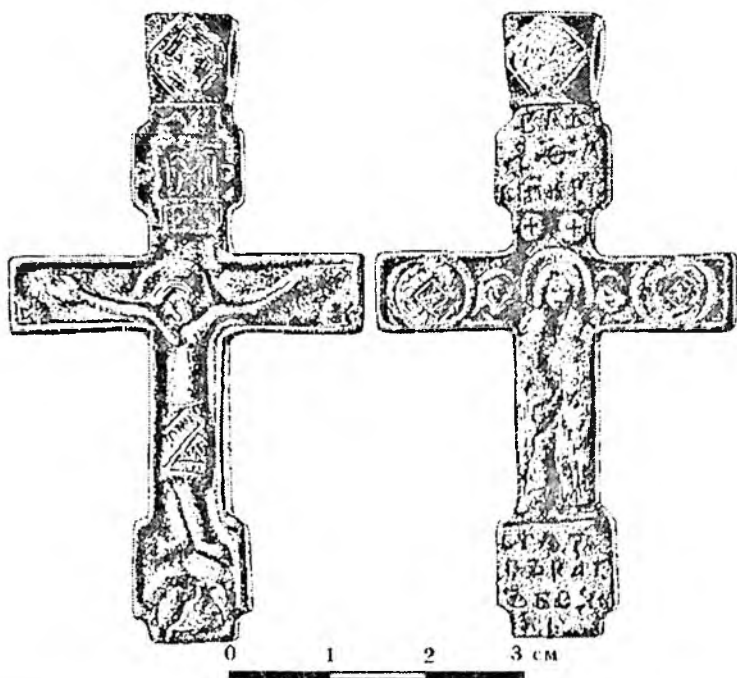

Рис. 1 Звенигородский крест. Лицевая и оборотная стороны.

гравированные кресты на лицевой (Рындина 1978: 170, рис. 68) и оборотной (Рындина 1994: 80, рис. 3) сторонах новгородского серебряного мощевика-квадрифолия XIV в. из собрания Оружейной Палаты.

По всему периметру лицевой стороны собственно креста идет узкий выпуклый бортик. В образованном им ковчеге — центр композиции, фигура распятого Христа, выполненная в технике высокого рельефа (рис. 1). Над головой Христа помещена табличка с нечетко отлитыми обронными инициалами **ICXC** в выпуклой прямоугольной рамке. Спаситель показан как бы стоящим, голова Его склонена к правому плечу. Нимб крещатый. Длинные, моделированные неглубокими штрихами волосы расчесаны на прямой пробор, а на затылке собраны в пучок, лежащий на левом плече. Тело Христа прямое, как на киевских энколпионах XII—XIII вв. (Даркевич, Пуцко, 1981: 226). без характерного для более поздней иконографии изгиба. Рельефно выделяются грудные мышцы. Плавный изгиб рук, почти не согнутых в локтях, следует дуге окружности. На деснице заметен стигмат, показанный вдавленной точкой.

У кистей рук Христа, в нижних углах концов поперечной перекладины, к рельефному бортику примыкают выпуклые круговые сегменты. В композициях Распятия такие кружки, чаще с изображением личин, обычно обозначают солнце и луну и иллюстрируют новозаветные повествования о втором пришествии Христа: “солнце померкнет, и луна не даст света своего” (*Мф. 24. 29; Мк. 13. 24*); “Солнце превратится во тьму, и луна в кровь” (*Деян. 2. 20*); “и солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась как кровь” (*Откр. 6. 12*); “Четвертый ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца, и третья часть луны” (*Откр. 8. 12*). Если подразумевать под данными элементами композиции солнце и луну, то они, действительно, показаны как бы

затмившимися, зашедшими за край контура креста. Тем не менее на них находятся углубленные буквы *п* (начертано зеркально, как *и*) и *к*, сокращенная надпись *ника*, то есть “победа”, обозначающая победу Христа над смертью (*1 Кор. 15. 54, 57*).

Ноги Христа слегка согнуты в коленях влево. Расположенные в нижнем расширении древа стопы разведены в разные стороны и как бы повторяют контур находящейся ниже Голгофы, которая изображена в виде округлого холма с показанной в профиль схематичной Адамовой главой в недрах.

В целом фигура Христа близка изображениям на каменной иконке второй половины XIII—XIV в. “Распятие с Предстоящими” из Новгорода (Рындина 1978: рис. 54) и клейме створки складня московского мастера Лукиана 1412 г. (Николаева 1968: рис. 41). В первом случае весьма сходно также изображение Голгофы. Различия заметны лишь в некоторых пропорциях фигур и чрезвычайно своеобразном препоясании Спасителя на звенигородском кресте. В отличие от известных авторам древнерусских Распятий, на которых повязка на чреслах Христа обычно завязана и падает свободными складками, в данном случае чресла и ноги Христа до колен туго обернуты гладким квадратным платом с широкой каймой, покрытой мелкими косыми штрихами. Подобную разделку одежд мы видим на каменной иконке Дмитрия Солунского из собрания ГИМ, которую Т.В. Николаева относит к XI—XII вв. (Николаева 1968: рис. 2), и в некоторых произведениях новгородской пластики XIV—нач. XV в., в частности на уже упоминавшемся серебряном моневике-квадрифолли, каменной иконке с Деисусом, двусторонней каменной иконке “Спас на престоле, Петр, Никола и Никита” и в изображении Богоматери на серебряном чеканном окладе выносного креста (Рындина 1978: рис. 23, 28, 34, 68).

Выше таблички с титлами Христа, в верхнем расширении древа, в “небе” расположено рельефное изображение Престола Господня. По сторонам Престола на выпуклых кружках — углубленные буквы *п* (видна только верхняя переключина) и *г*.

Изображения Этимасии, или Престола, уготованного для второго пришествия Иисуса Христа (Ты возсел на престоле, Судия праведный — *Пс. 9. 5*) хорошо известны на памятниках византийской пластики XI—XIII вв., где Престол представляет собой богато украшенный трон, на который возложены ризы Христа и Евангелие и установлены орудия страстей — крест с терновым венцом, копьё и трость с губкой (Средневековые перегородчатые эмали 1984: 46, 80, № 45, 106—109). Этимасия на некоторых иконах, фресках и произведениях лицевого шитья XII — нач. XVI в. также изображена как трон¹.

На серебряном чеканном окладе новгородского выносного креста нач. XIV в. и меднолитом кресте Евфимия Суздальского сер. XIV в. ризы и орудия страстей просто помещены на табличке с титлами Христа над Распятием (Рындина 1978: рис. 28, 29; Стерлигова 1993: рис. 2, 3). На некоторых древнерусских энколпионах XII—XIV вв.

¹ Например, в “небе” над Богоматерью Великой Панагией на фреске Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде (Кондаков 1916: рис. 43), на верхних полях ранних новгородских икон (Novgorod Icons 1983: № 18, 21), в верхнем ряду композиции “Похвала Богоматери” на шитой пелене 1505—1510 гг. из Волоколамска (Николаева 1971: 80, табл. 48, № 76.).

Престол схематичен и представляет собой четырехугольный стол или куб, на который наброшены ризы Христа и водружены орудия страстей (Ханенко 1900: табл. XVIII, 220 б; Гнутова 1990: 129—130, рис. 4). Именно так Этимасия обычно изображалась и в композициях Страшного суда, например, на рублевской фреске 1408 г. в Успенском соборе во Владимире (Лазарев 1966: рис. 46).

На кресте из Звенигорода Престол также представляет собой куб, целиком укрытый ниспадающей складчатой тканью, под которой, очевидно, следует понимать не ризы Христа, а на престольную пелену (индитию). Вместо орудий страстей на нем изображен Святой Дух в облике голубя, обращенного влево. Иконографически близкий голубь как символ Святого Духа, пребывающий в небе над главой Иерусалимского Храма или сидящий на ней, присутствует на новгородских каменных иконках XIV—XV вв. с предстоящими у Гроба Господня (Рындина 1978: рис. 40, 44; Николаева 1960: 38,39; 1983: табл. 27, 2).

По-видимому, “сокращенная” Этимасия со Святым Духом в “небе” звенигородского креста обозначает не только или же не столько Престол Уготованный, Небесный престол Страшного суда (“и вот престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий” — *Откр.* 4. 2), сколько евангельское Небо, являющееся “престолом Божиим и Сидящим на нем” (*Мф.* 23. 22)².

Если поставить знак равенства между Небесным престолом и символом непостижимого, а потому не имеющего зрительного образа Бога Отца (Исх. 20. 4; 33. 23), то следует вспомнить композиции “неба” на некоторых поздних литых киотных крестах. Над Распятием там обычно изображены голубь (Святой Дух) и облачный Саваоф (Покровский 1909: табл. V, № 3, 4, 13, 15, 16). Эта параллель убеждает, что Престол Господень звенигородского креста, действительно, олицетворяет Бога Отца, Саваофа поздних произведений металлопластики.

Иными словами, на звенигородском кресте фактически изображена Святая Троица. Как верно подметил В. Н. Лазарев (Лазарев 1966: 34—35), начиная с второй половины XIV в. резко увеличивается количество икон, изображающих Троицу. Исследователь объясняет это деятельностью преподобного Сергия Радонежского и его последователей, а также борьбой Церкви с учением антитринитариев, возникшим в 1380-х гг. в Ростове. Некоторые исследователи связывают особую популярность темы Святой Троицы во второй половине XIV — начале XV в. с объединительной политикой Московской Руси (Муратов 1995: 121—147).

Таким образом, помимо уточнения времени создания креста, мы

---

2 В композициях Этимасии голубь наряду с обычными атрибутами изображен, например, в церкви Успения в Никее VII в. (Языкова 1995: 73), рельефе Георгиевского собора XIII в. в Юрьеве-Польском (Русская скульптура 1966: рис. 7) и на фреске 1598 г. в церкви Св. Петки в болгарском селе Вуково (Прашков 1981: рис. 12). В свою очередь, Престол Господень в виде куба, покрытого, как на звенигородском кресте, складчатой пеленой, но с орудиями страстей и без голубя, находится в небесной сфере выше солнца и луны на каменном кресте Степана Бородатого 1458 года (Николаева 1971: 93, табл. 66 № 100). На миниатюре новгородского “Апостола” рубежа XV—XVI вв. Престол с ризами и Евангелием, но без орудий страстей, стоит на развернутом свитке небес, украшенном звездами (Смирнова 1994: 393, № 16).

приходим к пониманию многозначности, многоплановости символики композиции его лицевой стороны. Здесь присутствуют не только схема Райского древа (крест в целом), не только Распятие, где Спаситель объединяет верх и низ, духовное и материальное, Небо (Престол Господень) и Землю (Голгофа) и своей искупительной жертвой торжествует над смертью (глава Адамова, надпись **НИКА**). Здесь же и символический образ Святой Троицы — Бог Отец (Престол), Бог Сын (распятый Христос) и Бог Дух Святой (голубь). Здесь же и напоминание о Страшном суде (Этимасия, солнце и луна), и даже предостережение дающему клятву (“А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; Ни землею, потому что она подножие ног Его” — Мф. 5. 34, 35).

Композицию лицевой стороны венчает гравированное изображение херувима на граненом оглавии, имеющем широкое отверстие для гайтана. Изображение схематично, как на многих произведениях металлопластики. У херувима традиционный для иконографии XIV—XVI вв. ромбовидный лик и шесть крыльев, едва намеченных штрихами.

По периметру оборотной стороны креста идет такой же, как и на лицевой стороне, узкий выпуклый бортик, хорошо различимый на перекладине и средокрестии и слившийся с прочими элементами композиции в других местах. В образованном им ковчезце находится рельефное изображение Богоматери. Поскольку оборотная сторона исполнена значительно хуже лицевой, о некоторых деталях иконографического образа Богоматери приходится догадываться. Богоматерь в длинных одеждах, у которых заметны контуры мафория и складки туники, изображена стоящей в рост в трехчетвертном повороте вправо, но почти прямолично. Голова Богоматери слегка склонена, руки (левая поднята до уровня головы, правая, вероятно, согнута в локте и находится на уровне груди) показаны в молитвенном или просительном положении. Несмотря на фрагментарность изображения, здесь без труда узнается образ Богоматери Агиосоритиссы, иконографический тип, происходящий из Халкопратийского храма в Константинополе (Кондаков 1916: 294—297, рис. 162—164).

Изображения Богоматери Агиосоритиссы изредка встречаются на нижних (оборотных) створках древнерусских энколпионов (Ханенко 1899: табл. X, 123; Каталог 1908: рис. 161, с. 184; Русское медное литье 1993: рис. 4). Большинство известных русских и византийских воспроизведений этого иконографического типа, датируемых XII — XVI вв., ранее проанализировал В.Г.Пуцко (Пуцко 1988: 209—225), указавший на константинопольско-киевский генезис Агиосоритиссы в первоначальной композиции иконы Богоматери Боголюбской (ок. 1158 г.) и ранней иконографии Покрова Богородицы типа изображения на пластине врат Рождественского собора в Суздале (1230-е гг.).

В округлых клеймах, размещенных в боковых карманах перекладины креста симметрично относительно фигуры Богоматери, рельефно изображены четырехкрылые херувимы с такими же, как на лицевой стороне оглавия, ромбовидными ликами. В качестве параллели приведем хорошо известные иконографические схемы Богоматери Знамение с херувимом и серафимом по сторонам. Небесные силы здесь иллюстрируют (Языкова 1995: 93—94) текст Похвалы Богородице: “Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим... величаем”.

Между херувимами и Богоматерью под дугообразными титлами расположены выполненные в обронной технике инициалы **МР** (слева)

и ♀ (справа; полагающееся там же ♀ отсутствует), причем МР начертано в виде монограммы, которую мы рассмотрим подробнее.

Изучение корпуса известных произведений мелкой пластики позволил выявить точно такую же, или с небольшими вариациями, монограмму, в которой буква Р написана над буквой М и пересекает ее посередине, на семи произведениях, датируемых исключительно XIV — первой половиной XV в. Наиболее ранний памятник из имеющих точную дату — потир новгородского архиепископа Моисея 1329 года (Рыбаков 1964: 42, табл. XXXV, № 46), наиболее поздний — складень московского мастера Лукиана 1412 года (Николаева 1971: 171, №3). Остальные пять произведений, каменные иконки XIV в. и серебряный мошевик-квадрифолий кон. XIV в., частично происходят из Новгорода, частично — с территории Северо-Восточной Руси (Николаева 1983, 75—76, 107, 125, табл. 216, 515, № 113, 232, 291; 1960: 114—115, № 14; Седова, Мухина, 1995: 206—209). Таким образом, монограмма является надежным датирующим признаком для произведений мелкой пластики XIV — нач. XV в.

Над нимбом Богоматери расположены два одинаковых выпуклых кружка с углубленными равноконечными крестиками на них. Их значение осталось бы неясным, если бы не удалось выявить два других произведения древнерусской металлопластики, восходящих к том же прототипу, что и обратная сторона звенигородского креста.

Это две створки энколпионов из собрания Музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (МиАР). Первая створка (Инв. № КП 2296) датируется XIV в., вторая, расцвеченная светло-зеленой эмалью (Инв. № КП 1062), отлита в начале XVII в. по иконографии XIV в.³ Форма — типологически та же, что у звенигородского креста, но пропорции иные. Несмотря на плохую читаемость всех трех отливок, можно утверждать, что изображения Богоматери (вместе с инициалами) на створках и звенигородском кресте чрезвычайно схожи. В расширениях верхних частей створок над Богоматерью в обоих случаях изображен херувим с ромбовидным ликом, держащий крыльями два таких же, как на кресте, кружка. В одном случае кружки гладкие, но во втором в кружках различаются рельефные буквы С и Л. Очевидно, кружки обозначают солнце и луну. На обеих створках хорошо видно также, что Богоматерь стоит на четырехколончатом подиуме, причем на отливке XVII в. подиум чрезвычайно напоминает киворий. На четырехколончатом подиуме мы видим Богоматерь Оранту, олицетворяющую новозаветную Церковь в композициях “Вознесение” на панагиях кон. XIV—кон. XV вв., в том числе на изготовленной в Москве панагии Симона монастыря, предположительно, вкладе князя Василия Дмитриевича (рубеж XIV—XV вв.), панагиях из ризниц Новодевичьего (1483 г) и Кирилло-Белозерского (70-е гг. XV в.) монастырей (Николаева 1968: рис. 38, 48; 1960: 49—50, рис. 11; 1971, № 8, табл. 8, № 41, табл. 30). На подиуме, напоминающем престол, стоит Аггисоритисса на каменной новгородской (или тверской) иконке кон. XIV—нач. XV в. с ранней иконографией Покрова из собрания МиАР

3 Датировка С.В.Гнутовой. Авторы пользуются случаем выразить благодарность С.В.Гнутовой и Е.Я.Зотовой за предоставленную возможность ознакомиться с коллекцией металлопластики МиАР и использовать найденные аналогии в настоящей работе.

(Николаева 1983: табл. 38,1; Пуцко 1988: 211, рис. 8; Рындина 1993: 39—41, рис. 7).

На звенигородском кресте от подиума осталась лишь горизонтальная черта под стопами Богоматери. Ниже этой черты, равно как и выше кружков над нимбом, в расширениях древа, на плоских поверхностях, заменивших херувима и подиум, расположены строки семистрочной надписи, к анализу которой мы обратимся далее.

Некоторые дополнительные сведения о сюжете композиции оборотной стороны креста и ее аналогий дают “лишние” складки ткани, заметные в изображениях на створках и напоминающие плат, идущий от правого плеча к груди и рукам Богоматери. В совокупности с подиумом-кивorieм (символ храма) они вызывают определенные ассоциации с сюжетом о чудесном явлении Покрова Богородицы во Владимирском храме в 910 г.

Как отмечает В.Г. Пуцко, начиная с третьей четверти XII в. византийский образ Богоматери Агиосоритиссы (Халкопратийской) в различных изводах приобретает популярность на территории Руси в целом, а в Северо-Восточной Руси в особенности, в связи с установлением здесь праздника Покрова Богородицы и почитанием иконы Богоматери Боголюбской (Пуцко 1988: 217—219). Действительно, образ Богоматери Агиосоритиссы как нельзя лучше соответствует тексту акафиста Покрову Пресвятой Богородицы: “стоиши бо пред лицем олтаря Господня воздвигши руце Твои, и молишися” (кондак 4); “Ты же, о Богомати, воздевши руце Твои на умоление” (кондак 5); “молебнии руце к Сыну и Богу простирающую” (икос 5). Вероятно, один из таких изводов и был некогда воплощен в произведении мелкой пластики, к которому восходят общие элементы композиции оборотной стороны звенигородского креста и створок из собрания МиАР.

Здесь следует отметить, что в иконографии Богоматери, в том числе Покрова, такой композиционный элемент, как херувим, держащий солнце и луну, нам не известен. Возможно, что он восходит к “Слову на Успение Пресвятой Богородицы” византийского императора Льва Философа (IX в.), который, ссылаясь на апостольское “Иная слава солнца, иная слава луны” (*1 Кор. 15. 41*), объясняет, что “Пречистая Мать возимела и славу солнца, — избрана, яко солнце, и славу луны — добра, яко луна”. Заметим, что супруга Льва Философа, императрица Зоя, получила чудесное исцеление от пояса Богоматери, хранившегося именно в Халкопратийском храме (Сказания, 1904: 206, 226).

В целом иконография и стилистика композиций лицевой и оборотной сторон не выходят за рамки, очерченные известными в настоящее время произведениями древнерусской мелкой пластики. Для лицевой стороны это в основном каменная пластика XIV—нач. XV в., причем по большей части новгородского происхождения, хотя некоторые черты облика распятого Христа (положение тела, длинное, до колен, препоясание) достаточно архаичны и напоминают произведения XII—XIII вв. Композиция оборотной стороны менее выразительна, хотя основные ее детали находят параллели в каменной и металлической пластике XIV—XV вв. как Новгорода, так и Северо-Восточной Руси (Владимир, Суздаль, Москва).

Не будем здесь владаться в подробности микроскопического и химико-технологического изучения креста (готовится специальная публикация). Укажем лишь на причину смещения в одном произведении стилистических черт, свойственных нескольким региональным школам: при

изготовлении креста из Звенигорода использовалось не менее трех разнородных прототипов. Изготовив восковые клише, мастер спаял их в единое целое — восковую модель. Следующей операцией было изготовление глиняной, вероятно, разъемной литейной формы и отливка готового изделия. Окончательная отделка лицевой стороны изделия включала гравировку и дополнительную проработку некоторых изображений. На оборотной стороне мастер проработал штихелем начертания букв в трех верхних строках надписи. Нижние строки остались в том виде, в каком получились при отливке. Несмотря на начатую отделку готового изделия, оно, по-видимому, все же является пробной или бракованной отливкой, не дошедшей до заказчика.

Отметим также, что по соотношению основных элементов материал креста является одним из известных средневековых сплавов состава Cu-Zn-Sn-Pb, причем концентрация олова превышает концентрацию свинца. Эти сплавы особенно характерно для Московской земли, где изделия из них известны в довольно большом количестве еще в домонгольское время. (Коновалов 1972: рис. 1, 3, табл. 1, 2).

Прочтение семистрочной надписи на оборотной стороне креста, состоящей из трех строк над нимбом Богоматери и четырех строк под ее стопами (рис. 1, 2), не вызывает особых затруднений:

в(ъ) лѣ(то) ты з.о.а ты снѣ кр(ъ)с(тъ) ты с(ъ)тѣж(а)лъ равътъ
божъни

Это так называемая “летописная” надпись, говорящая о “стяжании” данного креста неназванным лицом в з.о.а году. Тем не менее ей присущи некоторые особенности, требующие пояснений. Первой особенностью является диалектальная мена ж/з: “сѣтѣжалъ” вместо “сѣтѣжалъ”. Глагол “сѣтѣжатн” в значении “приобрести”, “получить”, “снискать”, “дать средства на устройство, сооружение чего-либо”, хорошо известный по летописным текстам, встречается в древнерусских надписях подобного типа с древнейших времен. Например, на книгах — в записи писца Остромирова Евангелия (1057 г.): “Анога же лета дарѹи Бог сѣтѣжавшоуѹмоу Евангеліе се” (Срезневский 1903: стлб. 857) и в записи новгородского книгописца Добра на “Апостоле” кон. XII в., хранящемся в монастыре Св. Екатерины на Синае: “Господи помози равѹ своеѹ Георгіевѹ с(ъ)тѣжав(ш)е книги снѣ” (Шапов 1985: 375—376). В подобном же смысле это слово употребляется в “летописных” надписях на предметах прикладного искусства — на знаменитом кресте Евфросинии Полоцкой (1161 г.): “Офросинѣя же рава Христова сѣтѣжавъши крест снѣ примет вечнѹю жизнь” (Рыбаков 1964: 33) и на так называемом Гильдесгеймском кресте рубежа XIII — XIV вв.: “Господи помози равѹ своеѹ Илиѹ сѣтѣжавъшемоу крест снѣ” (Медынцева 1995: 63—66).

Заметим, что названными памятниками перечень известных нам надписей “о стяжании” ограничивается, все они представляют собой уникальные и драгоценные произведения книжного и прикладного искусства, тогда как крест из Звенигорода отлит из сравнительно недорогого медного сплава и, по-видимому, не в единственном экземпляре.

Приведенных примеров достаточно, чтобы не сомневаться в смысловом значении надписи в целом и слова “с(ъ)тѣж(а)лъ” в частности. Подобная мена, “шепелявость”, является типичной особенностью псковских (русских северо-западных) говоров, зафиксирована она и в

псковских эпитафических памятниках XIV в.⁴ Но исследователи отмечали наличие “шепелявости” и в некоторых уездах Тверской губернии, предполагая в этом проявление древнего “кривичского” произношения (Филин 1972: 270—271). Звенигород находится почти у самой границы расселения древних кривичей и вятичей, поэтому эта диалектальная особенность может отражать произношение не только псковского или тверского, но и местного мастера.

Приведенные выше примеры надписей о стяжании позволяют заметить еще одну особенность звенигородской — отсутствие имени “стяжавшего” крест, в то время как упоминание имени для вкладных и молитвенных надписей было обязательным. В общехристианских изображениях на кресте также трудно видеть патронов заказчика, иногда присутствующих на реликвиях подобного рода.

Объяснение “анонимности” надписи можно найти в технологии производства креста и расположении самой надписи. Она прочерчена мастером по восковой модели, дающей возможность изготовить серию отливок. Кресты из этой серии могли быть приобретены различными людьми. Последняя строка надписи сдвинута влево, оставляя место для двух-трех букв, где при желании можно написать имя, пусть в сокращенном варианте, на уже готовом изделии.

Второй особенностью надписи является передача даты: “в(ъ) лѣ(то) с.ѡ.а”. Титла над буквами-цифрами отсутствуют, проставлены лишь точки, отделяющие буквы-цифры друг от друга. В числовом обозначении это соответствует $6000 + 9 + 1$. Последние две буквы-цифры относятся к разряду единиц и в дате не могут находиться рядом. Если предположить, что последняя буква а не является цифрой и означает окончание (ѡ.аго), тогда дата должна читаться как 6009 год от сотворения мира, то есть, за вычетом 5508 лет, соответствовать 501 г. от Рождества Христова. Если допустить, что ѡ написано по ошибке вместо о = 70 или ф = 500, то дата должна быть с.о.а — 6071/561 год, либо с.ф.а — 6501/993 год. Все три даты не могут быть приняты, поскольку, как показано в предыдущих разделах работы, крест-иконографически соответствует значительно более позднему времени: XIV—XV вв. Возможно также, что мастер допустил ошибку в обозначении тысяч, написав по привычке с (зело) вместо з (земля), что случалось иногда в начале седьмой тысячи летосчисления от сотворения мира. Тогда, если считать а окончанием, получаем дату 7009/1501 год. Остается еще одна вероятность: мастер ошибочно написал ѡ = 9 вместо ѡ или ц, обозначавших 900. Тогда это 6901/1393 год.

Обе последние даты в принципе соответствуют иконографической и стилистической датировке креста. При этом следует учитывать технику его изготовления по модели, созданной на основе более древних произведений мелкой пластики, что может “омолодить” саму отливку по сравнению с прототипами. Поэтому из-за спорности прочтения даты окончательным критерием должна быть палеография, так как именно надпись, прочерченная мастером по модели, соответствует дате отливки самого креста, какого бы времени прототипы ни использовались.

Палеографические наблюдения несколько затруднены краткостью

---

4 Например, в слове “межа” (межа) на лапидарной надписи XIV в. (Седов 1974: 262—264).

Рис. 2 Надпись на оборотной стороне креста (прорись).

надписи и сравнительной неизученностью, несистематизированностью эпиграфики XV в. Но некоторые выводы все же можно сделать. Первое, что бросается в глаза, — невыдержанность, некрасивость самого почерка: ровная линия строки, разные расстояния между буквами, разный наклон букв (рис.2). Это может говорить как о “малограмотности” мастера, отсутствии у него выработанных приемов письма, так и о хронологии: особенно часто такие почерки отмечены на рубеже XIII—XIV вв. Но это, разумеется, не может быть строгой хронологической приметой. Датирующей особенностью являются крупные, занимающие больше половины общей высоты буквы петли Ѡ и Ѡ (рис. 2), что указывает на время не ранее кон. XIII—XIV в. (Щепкин 1967: 116—117).

Форма буквы р — с изогнутой спинкой и треугольной головкой — типична для рукописей, надписей и берестяных грамот XIV в., хотя встречается и в XIII, и в XV вв. (Арциховский, Борковский, 1958: 58). О том же времени говорит в с заходящими одна на другую петлями. Сохраняется архаическое (XI—XII вв.) начертание и с горизонтальной перекладиной, расположенной посередине буквы. Но в надписях такая форма не является датирующей и может сохраняться довольно долго.

Из отдельных начертаний обращает на себя внимание характерное з, где крупная верхняя половина буквы сопровождается небольшим, невыразительным, почти прямым хвостиком, направленным вниз. Такое начертание среди датированных надписей встречено на потире архиепископа Моисея (1329 г.), в надписях на Евангелии Симеона Горлого (1343/44 г.), ковчеге-мошевице суздальско-нижегородской княгини Марии (1410 г.), ковчеге Ивана Даниловича (1414 г.), потире Ивана Фомина (1449 г.) (Рыбаков 1964: 42, табл. XXXV; Николаева 1971: 171—172, № 1, 4, 34).

Подводя итоги наблюдениям над палеографией надписи, отметим, что, несмотря на отсутствие типичных, ярко выраженных “датирующ-

ных” начертаний, она укладывается в хронологический интервал от второй половины XIV в. до первой половины XV в., хотя теоретически ее дату можно продлить и до конца XV в. Но этому препятствует полное отсутствие начертаний и орфографии, связанных со “вторым южнославянским влиянием”, в то время как в рукописях они становятся господствующими начиная со второй четверти XV в. (Щепкин 1967: 129—132). Отдельные начертания южнославянского типа проникают и в надписи, и в берестяные грамоты уже с конца XIV в. и особенно часто — с начала XV в. В надписи на звенигородском кресте их нет; кроме того, здесь используется русская орфография: дважды употреблено сочетание *ni* в конце слов вместо правильного, южнославянского *in* (Щепкин 1967: 131).

Таким образом, из двух возможных дат — 1393 г. и 1501 г. — палеография заставляет отдать предпочтение первой.

Полностью убеждает в правильности трактовки даты *с.о.а* как 6901/1393 г. объяснение, почему в надписи появилось “ошибочное” написание *о* для разряда сотен лет.

В кон. XIV—нач. XV в. в “летописных” записях на произведениях прикладного искусства изредка встречается смешанное — цифровое и буквенно-звуковое — обозначение даты, где буквами пишется окончание числа. Именно так переданы даты на ковчеге Ивана Даниловича (1414 г.): “лѣто *Сное.Ф.сотъ.КВ.ѣ*” и на новгородском панагиире 1435 г.: “лѣ(то) *Сное.Ф.сотное.М.Де*” (Николаева 1971, 34, 39—41, № 4, 11). Эти два случая объясняют появление “неправильного” обозначения даты на звенигородском кресте: мастер был знаком с такой системой написания дат, но, поскольку места для правильного полного написания на кресте было недостаточно, он сократил окончания, оставив только буквы-цифры. Так появилась дата “лѣ(то) *с.о.а*”, что полностью должно читаться, как “лѣто *Сное.Ф.сотное.А*”, то есть 6901/1393 г. Типологические особенности креста, стилистические и иконографические особенности композиций на нем, палеография надписи не оставляют в этом сомнений.

Конец XIV — начало XV в. весьма примечательны в истории Звенигорода. Вскоре после Куликовской битвы здесь учреждается епископия. В 1389 г. по духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича город, традиционно бывший за московскими князьями, “со всеми волостями и с тамгою и с мыты, и з бортью и с селы и со всеми пошлинами” (Духовные и договорные грамоты, 1950: 33—37, № 12) отходит в удел его второго сына Юрия, крестника Преподобного Сергия Радонежского. В первые же годы долгого звенигородского княжения начинается бурная деятельность Юрия Дмитриевича по укреплению города и украшению его каменными храмами. В 1399—1400 гг. на Городке строится княжеский Успенский собор. Позже его расписывает Андрей Рублев. В 1404—1405 гг. строится Рождественский собор Саввино-Сторожевского монастыря. Известно, что княжеские ювелирные мастерские на Руси существовали еще в X в. (Орлов 1984: 92—94). В XIV—нач. XV в. такие мастерские были и у некоторых удельных князей. В духовной грамоте 1410 г. дяди Юрия Дмитриевича, серпуховского и боровского князя Владимира Андреевича Храброго, встречается упоминание о вотчинном серебролитейном производстве: “А жоне своеи, княгине Олене, дал есмь свою треть тамги московские, и восьмечее. и гостиное, и весчее, и пудовое, и пересуд, и серебряное литье и все пошчины московские” (Духовные и договорные грамоты, 1950: 46, № 17).

Звенигородский крест, отлитый из традиционного для Подмосковья

сплава, является пробной или бракованной отливкой и никогда не был в употреблении. Городской облик этого оригинального произведения металлопластики, отразившего многие черты изделий новгородской и других региональных школ XIV столетия, но не имеющего среди них прямых аналогий, не вызывает сомнений. Вероятнее всего, крест изготовлен в Звенигороде. Можно предположить, что Юрий Дмитриевич имел на Городке литейную мастерскую, располагавшуюся там же, где это производство было налажено еще в XIII в. (Рыбаков 1949: 130—131), — в северной части города, месте находки креста. В этой мастерской и мог быть изготовлен крест.

Исходя из данной гипотезы, попытаемся объяснить, почему на кресте появилась датированная 1393 годом анонимная надпись о “стяжании”, беспрецедентная для произведений древнерусской меднолитой пластики. При этом мы вступаем в область догадок, которые, впрочем, представляются нелишними правдоподобия.

Год отливки креста знаменателен в истории Звенигорода тем, что Юрий Дмитриевич принял активное участие в военных действиях против Новгорода. Возникший еще в 1392 г. московско-новгородский конфликт из-за неуплаты Новгородом ордынского выхода вылился в то, что в феврале 1393 г. “великий же князь Василеи Дмитриевичь посла дялю своего князя Володимера Андреевича и брата своего князя Юрья Дмитресевича ратию на Торжек и много поведоваша новгородских волостей, а сами седоша в Торжькоу” (СЦ: 133). Военные действия продолжались до середины ноября и закончились тем, что Новгороду пришлось выполнить все требования Москвы⁵. Для восемнадцатилетнего князя Юрия это была первая (но не последняя) крупная победа.

Участие звенигородцев во взятии Торжка и других событиях 1393 г. не вызывает сомнений. За семь лет до этого московская, коломенская, звенигородская, можайская и другие рати участвовали в аналогичном походе на Новгород Дмитрия Донского (Н4Л: 344-347).

Такое совпадение дат для удельного Звенигорода вряд ли случайно. Есть все основания предполагать, что существует прямая связь между изготовлением в местной мастерской серии одинаковых, именных по замыслу крестов и военными операциями князя Юрия. Возможно, кресты были заказаны какой-либо группой звенигородцев перед началом похода на Торжок в качестве оберегов или благословений⁶. Не исключено, что они были изготовлены после похода для тех, кто благополучно вернулся в конце 1393 г. в Звенигород. Если вспомнить византийский этикет⁷, не покажется невероятным и предположение, что кресты изготовлены по заказу самого Юрия Дмитриевича в его собственной мастерской для звенигородцев из княжеского окружения, особо отличившихся, стяжавших славу в бою и за это “стяжавших” от князя именной наград-

5 Подробному разбору этой и сходных коллизий в московско-новгородских отношениях посвящена специальная работа В.Л. Янина (Янин 1983: 103—104).

6 “Изображение Распятия Христова с Этимасией в верхней части креста и Главой Адама в основании Голгофы было наиболее кратким и емким образом христианской веры, суммой христианского богословия и одновременно поклонной иконой... Подобные предметы... были моленными крестами в пути и военном походе” (Стерлигова 1993: 5).

7 По свидетельству Константина Багрянородного, император раздавал в Ильин день серебряные кресты высшим придворным чинам (Кондаков 1896: 181).

- Арциховский А.В., Борковский В.И., 1958. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1955 г.). М.
- Глутова С.В., 1990. Кресты-энколпионы домонгольской Руси // Православие в Древней Руси. Л.
- Даркевич В.П., Пунко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани // СА. № 3.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., 1950. М.
- Каталог собрания древностей гр. А.С. Уварова, 1908. Отд. VIII—IX. М.
- Кондаков Н.П., 1896. Русские клады. Т. I. СПб.
- Кондаков Н.П., 1916. Иконография Богоматери. Т. II. Пг.
- Коновалов А.А., 1972. Характеристика медных сплавов украшений из кривичских курганов у дер. Каблуково // Новое в археологии. М.
- Лазарев В.Н., 1966. Андрей Рублев и его школа. М.
- Медведева А.А., 1995. Древнерусский крест-мошеник из Хильдесегайма // Материалы первой всерос. конф. "Церковная археология". Ч. 2. Псков.
- Муратов Н.Е., 1995. Тема Святой Троицы в общежитийной реформе игорной колонии XIV века // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 6. М.
- Николаева Т.В., 1960. Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея. Загорск.
- Николаева Т.В., 1968. Древнерусская мелкая пластика XI—XVI вв. М.
- Николаева Т.В., 1971. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. // САИ. Вып. Е1—49. М.
- Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI—XV вв. // САИ. Вып. Е1—60. М.
- Орлов Р.С., 1984. О времени возникновения государственных ювелирных мастерских // Древнерусский город. Киев.
- Покровский Н.В., 1909. Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской духовной академии. СПб.
- Пранков Л., 1981. Стенна живопис в България — IX—XIX век. София.
- Пунко В.Г., 1988. Киевский крест-энколпион с Книжьей горы // Slavia Antiqua. XXXI.
- Русская скульптура. Избранные произведения, 1986. Л.—М.
- Русское медное литье, 1993. Вып. I. М.
- Рыбаков Б.А., 1949. Раскопки в Звенигороде (1943—1945 гг.) // МИА. № 12.
- Рыбаков Б.А., 1964. Русские датированные надписи XI—XIV вв. // САИ. Вып. Е1—44. М.
- Рындина А.В., 1978. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV—XV веков. М.
- Рындина А.В., 1993. Каменное "Успение" из Звенигорода и литургическая тема в древнерусской пластике XIV — первой половине XV века // Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции. Ч. I. М.
- Рындина А.В., 1994. Древнерусские паломнические реликвии. Образ Небесного Иерусалима в камнях иконах XIII—XIV вв. // Иерусалим в русской культуре. М.
- Седов В.В., 1974. Межелой камень XIV в. из Изборска // СА. № 3.
- Седова М.В., Мухина Т.Ф., 1995. Каменная иконка из Владимира. // РА. № 1.
- Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы, 1904. М.
- Смирнова Э.С., 1994. Лицевые рукописи Великого Новгорода. XV век. М.
- Средневековые перегородчатые эмали из собрания государственного музея искусств Грузии, 1984. Тбилиси.
- Срезневский И.И., 1903. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб.
- Стерлигова И.А., 1993. Крест из Херсонесского музея и русские меднолитые кресты XII—XIV вв. // Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции. Ч. I. М.
- Филин Ф.П., 1972. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л.
- Ханенко Б.И. и В.Н., 1899. Древности русские. Вып. I. Киев.
- Ханенко Б.И. и В.Н., 1900. Древности русские. Вып. 2. Киев.
- Щапов Я.Н., 1985. Новое о русском книгописце Добре, современнике "Слова о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве" и его время. М.
- Щепкин В.Н., 1967. Русская палеография. М.
- Языкова И.К., 1995. Богословие иконы. М.
- Янин В.Л., 1983. "Черный бор" в Новгороде XIV—XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М.
- Novgorod Icons 12th — 17th Century, 1983. Leningrad.

Раскопки в Примостье

На протяжении конца 1980-х и начала 1990-х годов я неоднократно встречался с Василием Дмитриевичем Белецким во время археологических раскопок в Пскове. Бывал у него на раскопах, слушал рассказы о последних находках и открытиях, консультировался. В 1992 году, в последний раз работая в городе Пскове, Василий Дмитриевич неоднократно находил в себе силы дойти до моего раскопа. Приходилось спускаться и подниматься по лестницам и трапам, ходить по косогору, что при больных ногах Василия Дмитриевича и частых сердечных приступах было нелегко. Василий Дмитриевич не просто интересовался работами на раскопе, но оказывал мне действительную помощь и в методике раскопок, и в осмыслении результатов, и в историко-археологической атрибуции находок. Поэтому я предложил в сборник статей, посвященный памяти В.Д.Белецкого, краткое изложение результатов работ на том самом раскопе.

В начале 1990-х годов по заданию Гендирекции “Псковреконструкция” разрабатывался проект реконструкции застройки правого берега р.Пскова напротив Псковского Кремля. Здесь предполагалось разместить гостиничный комплекс. В 1992 г. были впервые начаты археологические исследования непосредственно прибрежной части района Запсковья проводившиеся на протяжении двух полевых сезонов 1992-1993 гг. (Степанов 1992: 74,75; 1994: 14-17)

Раскоп площадью 390 м² находился на первой надпойменной террасе р.Пскова в 25 м от ее русла сразу же за существующим мостом через Пскову (рис.1). В исторической топографии города эта территория, вероятно, именовалась Примостьем. Название впервые встречается в псковских летописях под 1462 г., хотя известия о существовании моста через Пскову датируется 80-ми годами XIV в. с уточнением, что мост “новый” (ПЗЛ: 150). Вероятно, местоположение последующих мостов через Пскову, о строительстве которых неоднократно упоминают псковские летописи XV-XVI вв. остается неизменным. По свидетельствам источников XV-XVI вв. территория правого берега р.Пскова от Примостья до устья реки именовалась “немецким берегом”: здесь располагались корчемные дворы, а позднее — приезжий двор (Лабутина 1985: 142). Сам топоним Запсковье впервые употребляется летописями в первой четверти XIV в. (П2Л: 23). Археологические исследования околобереговой территории на Запсковье (Козмодемьянские раскопы) дают основание говорить об освоении ее уже с XI в., хотя характер освоения остается пока не понятным (Белецкий, Мержанова 1989: 95-96; Белецкий, Кильдюшевский, Плоткин, Мержанова 1990; Яковлев 1994: 3; Ершова, Салмина 1996: 119-121). Вероятно, это были небольшие околгородские поселения, возможно — однодворки, следы которых неоднократно фиксировались раскопками на территории Пскова, и которые, как правило, находятся или по берегам рек, или же привязаны к дорож-

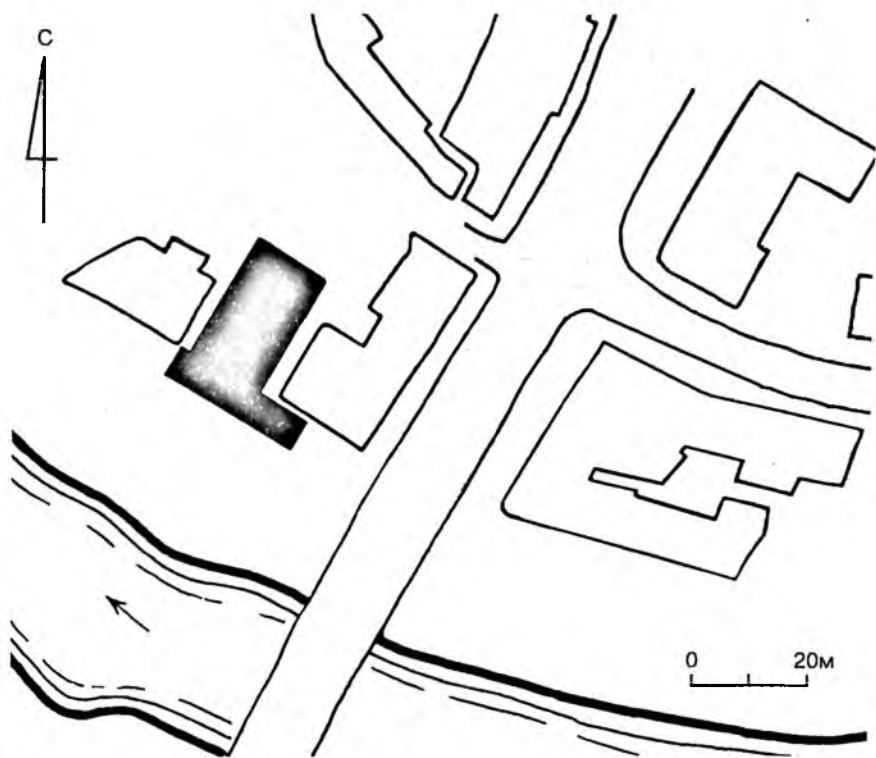

Рис. 1 Лубянский раскоп. Ситуационный план.

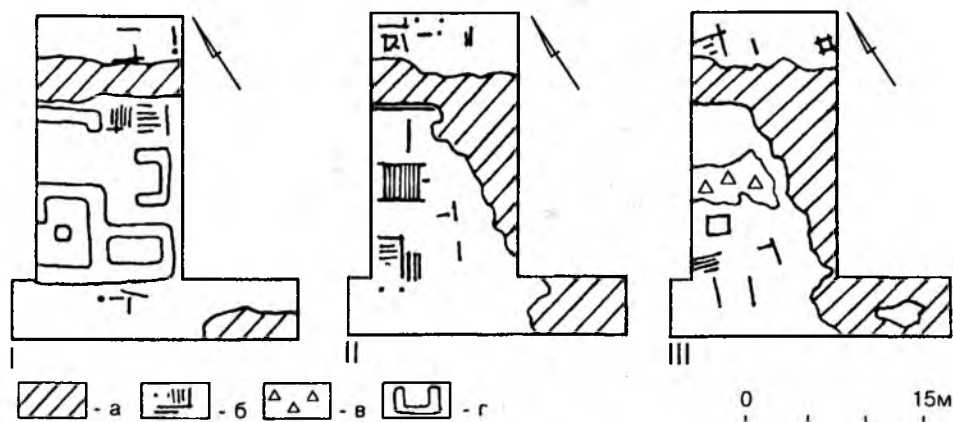

Рис. 2 Лубянский раскоп. I-III яруса. а — участки щебеночного замощения; б — остатки деревянной застройки; в — скопления щебня; г — фундаменты построек XVIII-XIX

ным сетям. Можно предполагать появление наиболее ранних из них на внегородских территориях, но — максимально приближенных к Псковскому городищу. Таким местом и является территория раскопа 1992-1993 гг.

Современная дневная поверхность перед началом работ имела перепад высот в 1 м в сторону понижения к Пскове. Отложения культурного слоя, характеризующиеся темно-коричневым и черным цветом, были открыты на глубине 1-2 м с тем же перепадом высот, что и по современной поверхности. Уже в самом начале работ были открыты остатки деревянных и каменных построек, верхний ярус которых датиро-

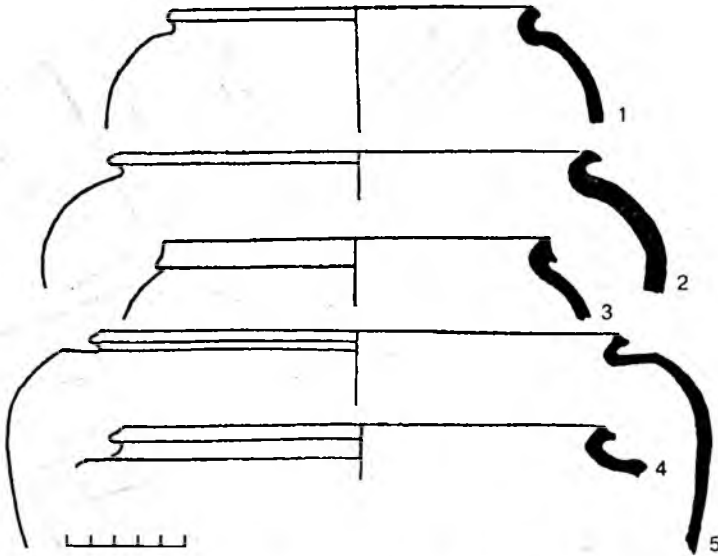

Рис. 3 Лубянский раскоп. Керамика, собранная при разборке замощения II яруса.

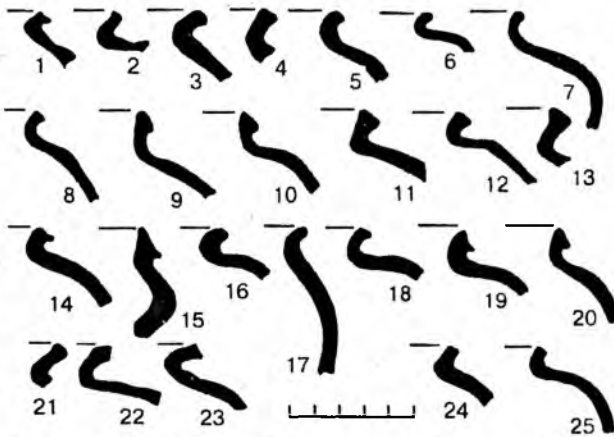

Рис. 4 Лубянский раскоп. Керамика, собранная при разборке замощения II яруса.

вался XVIII в. Всего же за период работ выявлено 6 ярусов деревянной застройки XV-XVII вв.

В северной части раскопа на глубине 0,9-1,2 м открыт проулок, замощение которого выполнено плотно утрамбованным известняковым щебнем (рис.2,1). Его ширина около 3 м, ориентация — вдоль берега Псковы. В южной части раскопа на глубине 1,8-2 м фиксируется также небольшой сильно разрушенный участок щебневого замощения. При зачистке замощения, а также под ними найдены фрагменты керамики XVIII в. с желтой и коричневой поливой.

На глубине 1,1-2,6 м расчищен участок замощения второго яруса. Здесь также фиксировался перепад высот до 1,5 м с понижением в сторону Псковы. Замощение, ориентированное с севера на юг, имело максимальную ширину до 7,8 м и было также устроено из утрамбованного мелкого и среднего известнякового щебня, уложенного слоем от 0,12 до 0,4 м (рис.2,2). В северной части раскопа фиксируется поворот в северо-западном направлении; поворот маркирован уложенным по

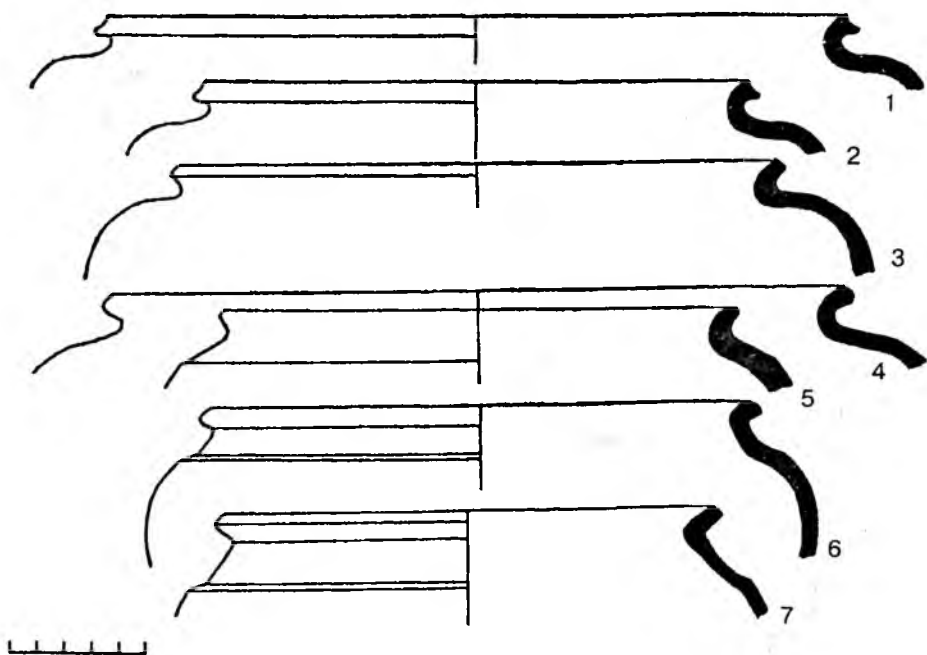

Рис. 5 Лубянский раскоп. Керамика, собранная в слое между II и III ярусами замощения.

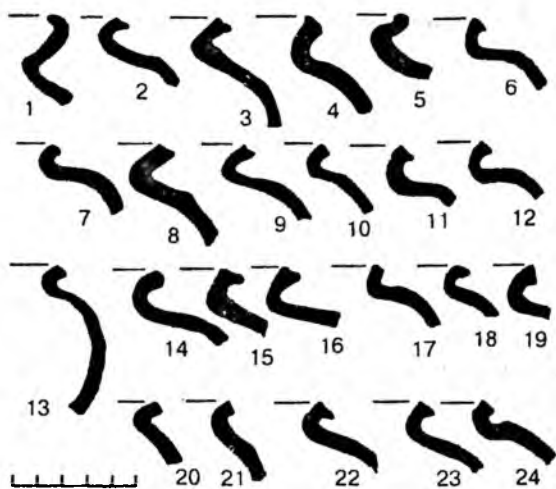

Рис. 6 Лубянский раскоп. Керамика, собранная в слое между II и III ярусами замощения.

южной границе бревном. Керамический материал, взятый из слоя щебня, в целом может датироваться XVI-XVII вв., хотя преобладает керамика XV-XVI вв. (рис.3). Выявленная деревянная застройка ориентирована не относительно прохождения замощения, а соответствует квадратной сетке. В слое заполнения между первым и вторым ярусами собрано большое количество костных остатков, представленных, в основном, коровьими и свиными челюстями.

Третий ярус замощения (глубина от -149 до -292) повторяет направление предыдущего (рис.2,3). Расчищенные остатки деревянных построек ориентированы относительно замощения. Керамический комплекс,

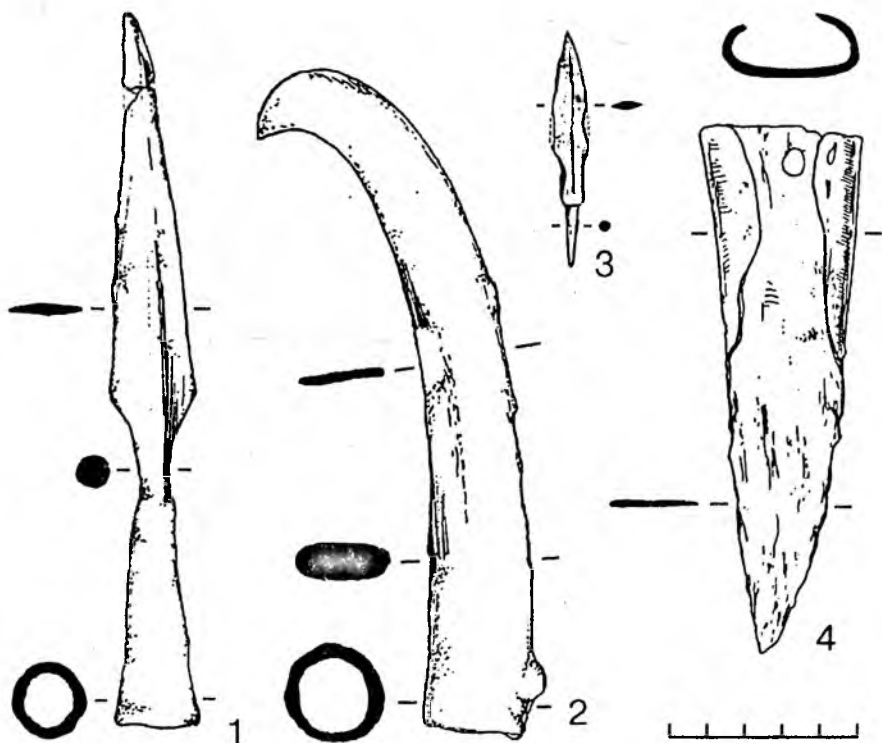

Рис. 7 Лубянский раскоп. Находки из слоя между II и III ярусами замощения. 1-4 – железо.

взятый между мостовыми второго и третьего ярусов характеризуется преобладанием форм XV – первой половины XVI вв. (рис.4).

Открытое замощение второго и третьего ярусов можно связывать с Лубянским всходом, впервые упоминаемым летописью под 1487 г. (ПЛ: 80). Исследуя топографию города и посада, И.К.Лабутина определяет местонахождение Лубянского всхода на правом берегу Псковы напротив южной части Крома (Лабутина 1985: 145), но локализует его западнее участка раскопа. На мой взгляд, открытые участки замощения, учитывая крутизну подъема на коренной берег Псковы и характер покрытия (плотно утрамбованный щебень), представляли достаточную трудность для подъема, особенно зимой, и могли носить название “Лубяного”. Об этом косвенно свидетельствуют большое количество железных обувных подковок, найденных как вблизи, так и на самом замощении. Среди находок присутствуют также ледоходные шипы, пара которых была найдена на самом замощении.

За два сезона работ раскоп был углублен до 3,5 м, что близко к уровню современного зеркала воды в реке Пскове, мелководной в настоящее время. Вместе с тем, по данным инженерно-геологического бурения, мощность культурных отложений здесь достигает 8 м.

За время работ на Лубянском раскопе собрано 340 индивидуальных находок, среди которых отмечу значительное количество кожаных из-

делий, предметы украшения, декоративно-строительную керамику XV-XVII вв. Предметы вооружения представлены несколькими наконечниками стрел, пик и копья, боевым топором, пластиной доспеха, петлей от колчана, а также двумя ножами-косарями (рис.5,1-3). Наиболее ранние находки – фрагмент бусины с гладкой глазковой инкрустацией, пряслица розового шифера, привеска-денарий, сердоликовая призматическая бусина, железный сошник (рис.5,5) – происходят, вероятно, из локальных перекопов нижележащих отложений, и позволяет предполагать их датировку не позднее XII в.

К сожалению, из-за сокращения, а впоследствии и полного отсутствия финансирования, археологические исследования на Лубянском раскопе пришлось приостановить. Завершение исследований здесь в ближайшие годы проблематично.

-
- Белецкий С.В., Мержанова К.А. 1989. Козмодемьянский раскоп // АИП, (вып. 10). Псков.
- Белецкий С.В., Кильдошевский В.И., Плоткин К.М., Мержанова К.А. 1990. Занские средневековые Пскова // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торонто.
- Ершова Т.Е., Салмина Е.В. 1996. Козмодемьянские IX и X раскопы в Пскове // АИП, (вып. 16). Псков.
- Лабугина И.К. 1985. Историческая топография Пскова XIV-XV вв. М.
- Степанов С.В. 1992. Раскопки в Примостье // АИП, (вып. 13). Псков.
- Степанов С.В. 1994. Раскопки в Примостье // АИП, (вып. 14). Псков.
- Яковлев А.В. 1994. Раскопки Псковского археологического центра в 1993 г. // АИП, (вып. 14). Псков.

Перо писца

(к вопросу о технике письма в Древней Руси XI-XIV вв.)

Источники, свидетельствующие о социальном составе древнерусских писцов, условиях и приемах их труда, инструментари и утвари, организационных формах, которые в XI-XIV вв. приняло древнерусское книгописание, весьма скупы и отрывочны. Незаработанность методики кодикологического анализа применительно к древнейшим пергаменным рукописям русского извода обусловила практически полное отсутствие представлений об особенностях техники письма в Древней Руси XI-XIV вв. Более или менее подробными сведениями об организации книгописных мастерских, рецептуре изготовления чернил и красок, способах очинки перьев и т.п. мы располагаем только от конца XV и особенно XVI-XVII вв. (Симони 1906; Свод 1995). Тем не менее, определенные данные о технике письма в XI-XIV вв. можно получить, исследуя изображения пишущего человека, содержащиеся в древнерусских книжных миниатюрах этого времени. Они дают некоторые представления о том, каким образом писцы располагали пергамен при письме, как держали перо, каким инструментарием пользовались в процессе работы и т.п. Если иконография писцов раннесредневековых латинских и греческих кодексов достаточно хорошо изучена в зарубежной (Martin 1910: 534-544; Prohno 1929; Fichtenau 1946: 166,167; Metzger 1958: 354-362; Friend 1927a: 115-147; 1927b: 3-29; Weitzmann 1935) и отчасти отечественной (Мажуга 1979: 265-286; 1981: 297-312; 1982: 272-293) историографии, то подобные исследования памятников изобразительного искусства Древней Руси XI-XIV вв. еще не предпринимались. Ни в коей мере не претендуя на всестороннее освещение данной темы, мы попытаемся обрисовать положение правой руки писца при письме и охарактеризовать особенности изображения орудий для письма в древнерусских источниках XI-XIV вв.

Изображения древнерусскими миниатюристами правой руки с зажатым в ней инструментом в целом находится в рамках раннесредневековой иконографии пишущего человека, выработанной в латинских и греческих кодексах VIII-XI вв. Схематичность изображений орудий для письма затрудняет их идентификацию. А. Мартен (1910: 540), а впоследствии Ж. Буссар (Boussard 1951: 242) пришли к выводу, что отличительным признаком пера является изображение его изогнутым, по форме слегка напоминающим серп. В ряде случаев перо изображалось тонким вверху, утолщающимся книзу и завершающимся характерным расщепом. О.А. Добиаш-Рождественская полагала, что обязательным признаком пера в латинских изобразительных источниках является наличие в его верхней нерабочей части оперения (опахала) (Dobiache-Rojdestvensky 1925: 698-699). Добиаш-Рождественская считала, что птичье перо появилось в ико-

нографии ирландских евангелий VII-IX вв. в изображениях евангелиста Иоанна. Остальные евангелисты вплоть до XI в. изображались пишущими каламом (Добиаш-Рождественская 1987: 50) Согласно каллиграфическим трактатам эпохи Возрождения, опахало пера могло срезаться (Мажуга 1982: 274). Не исключено, что такая практика имела место и в более раннее время (Мажуга 1982: 274). Поэтому наличие опахала не является безусловным признаком, позволяющим отличать изображения пера от калама. Как правило, калам изображался в виде прямой полой палочки, равномерно утолщенной по всей длине.

Б.Бишов показал, что наиболее ранние упоминания птичьего пера как орудия для письма относятся к VII-VIII вв. (Bischoff 1979: 32). Однако вплоть до XIV в. византийская иконография евангелистов не знала иных, кроме калама, изображений орудий для письма (Мажуга 1982: 274), что вряд ли соответствовало реальной практике книгописания.

В древнерусских миниатюрах XI-XIV вв. орудия для письма изображены весьма условно: как правило, в виде прямой или слегка изогнутой палочки, наклоненной под углом 30-45° к поверхности писчего материала, находящегося у писца на коленях. Ни в одном из изображений XI-XIV вв. орудия для письма не имеют следов опахала. Наиболее ранние известные нам изображения пера с опахалом датируются концом XVII в.

Считается, что калам для письма текстов в Древней Руси не употреблялся, и все сохранившиеся кодексы и грамоты XI-XIV вв. были сделаны птичьим пером. Впрочем, И.А.Шляпкин (1913 г.) допускал, что древнерусские уставные тексты могли быть написаны тростниковым пером с тупым расщепом, сразу дававшим верхние горизонтальные утолщения. Птичье же перо нужно было еще повернуть, вследствие чего утолщения бывали заметны с двух сторон (Шляпкин 1913: 95-9). Отсутствие опахала на перьях, зажатых в правой руке евангелистов вообще пишущих персонажей древнерусских миниатюр вряд ли является признаком изображения на них калама. Мы не знаем никаких свидетельств XI-XIV вв. о существовании в Древней Руси практики ликвидации волосистой части пера. Однако позднейшие (второй четверти XVII в.) источники сообщают о срезании опахала вместе с верхней частью ствола и заполнением образовавшейся полости пера чернилами: "И верх у него (у пера. - Л.С.) творить пол. И чиненый конец занем, с верхняго накладывает чернило до верха. И потом на верхний конец наложит перстом вторым правые руки, и пишет страницу всю. И как последнее слово, на последней строце напишет, и в пере чернило изойдет все, и не останется ничто ж" (Свод 1995: 97).

Как дань иконографической традиции калам (в виде прямой равномерно утолщенной палочки) изображен в правой руке Прохора миниатюр Остромирова 1056-1057 гг. и Мстиславова ок. 1095-1117 гг. евангелий, евангелистов Марка Остромирова евангелия, Иоанна Университетского евангелия первой половины XIII в., Матфея и Марка новгородского евангелия середины XIV в., Матфея и Марка евангелия XIV в. Подобно раннесредневековым изображениям птичьего пера в латинских и греческих кодексах, древнерусские миниатюристы придавали ему едва выраженную серповидную форму, утолщали ствол пера книзу и изображали его конец расщепленным (миниатюры "Евангелист Иоанн" Милятина евангелия, "Евангелист Лука" Добрилова евангелия 1164 г., "Евангелист Лука" Спасского евангелия XIII в., "Царь Давид" Хлудовской псалтири конца XIII в., "Евангелист Матфей" новгородского

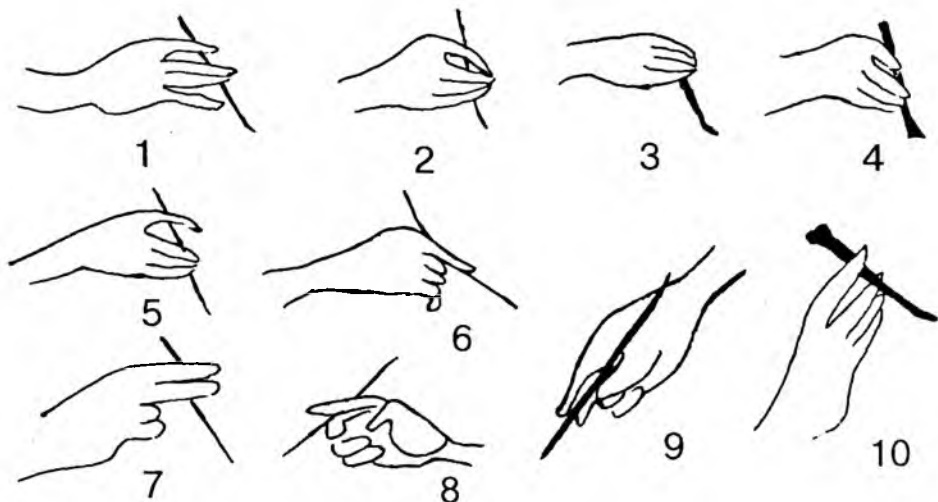

Рис. 1

евангелия XIV в.). Орудие для письма в правой руке Прохора миниатюры “Евангелист Иоанн и Прохор” Федоровского евангелия трудно идентифицировать, т.к. оно изображено весьма условно. Это тоненькая палочка без признаков утолщения в верхней или нижней части, без расщепления внизу. Однако его серповидная форма наталкивает на мысль, что это, скорее всего, не калам, а птичье перо.

Упоминания пера встречаем в многочисленных дневниковых записях писцов XIII-XIV вв., в которых содержатся жалобы на плохо приготовленный инструментарий. Так, писец Филипп Михалев (1343/44 г.) недоволен негодным пером: “Погибель перья сего” (ГИМ. Син. № 932. Л. 39 об.). Один из новгородских владычных писцов (середина XIV в.) сообщил: “Лихои перо, неволно им писати рабу многогрешному Леониду Офонасовичу” (ГИМ. Син. № 70. Л. 97 об.). Писец Лаврентьевской летописи 1377 г. сомневался “добро ли перо” (РНБ. Ф.п.IV. 2. Л. 92 об.). Орудия и средства для письма – “перо” и “чернила” – наиболее часто упоминаются в записях, составленных в виде пробы пера: “Покушаю пера и чернила”, “Покушати пера, и чернила, и руще”, “Покушаю пера и черниль, добро ли будет перо съ” (РГАДА. Ф. 381. № 67. Л. 70 об.; № 174. Л. 89; № 51. Л. 101, 120; № 90. Л. 105; № 48. Л. 61; № 51. Л. 15, 101; № 55. Л. 122 об.; № 77. Л. 84, 90 об; № 75. Л. 108; ГИМ. Воскр. № 17. Л. 1 и др.). В историографии принято мнение, что в XI-XIV вв. для письма в Древней Руси употреблялись преимущественно гусиные перья. В записи псковского писца Домида 1307 г. отмечен случай использования павлиньего пера: “Псал есмь павымь перомь” (ГИМ. Син. № 722. Л. 37 об.). Впрочем, неясно, насколько приведенное замечание отражает реальную практику. Не исключено, что упоминание экзотического инструмента преследовало единственную цель: поразить воображение доверчивого читателя (см.: Калугин 1995: 115).

Самостоятельный интерес представляют изображения пальцев правой руки евангелистов и других персонажей в момент письма. Древнерус-

ские миниатюры XI-XIV вв. демонстрируют шесть способов “перстосложения”:

1) перо удерживается четырьмя пальцами: большим снизу, полусогнутым указательным сверху, средним и безымянным сбоку; мизинец опирается на писчий материал (Прохор и евангелист Марк миниатюр Остромирова евангелия). Подобный способ удерживания пера (рис.1.1) наиболее удобен для письма прямых, перпендикулярных строке линий (т.е. мачт букв);

2) перо удерживается шепотью: согнутый большой палец находится снизу, полусогнутый указательный — сверху, полусогнутые средний, безымянный и выпрямленный мизинец — сбоку (евангелисты Лука Добрилова и Спасского евангелий, Матфей новгородского евангелия XIV в., царь Давид Хлудовской псалтири). Письмо шепотью (рис.1.2-4) наиболее удобно для фиксации коротких тонких горизонтальных линий;

3) перо удерживается четырьмя пальцами: напряженным большим снизу, средним сверху, безымянным и мизинцем сбоку. Указательный палец в письме не участвует и поднят вверх (рис.1.5). Письмо в таком положении пальцев технически возможно, однако оно отражает сугубо индивидуальные особенности пишущего, его специфическую привычку определенным образом складывать пальцы, держа инструмент. Впрочем, не исключено, что такое изображение сложенных пальцев весьма условно (евангелист Иоанн Университетского евангелия);

4) перо удерживается тремя пальцами: согнутым большим, полусогнутым указательным и почти прямым средним. Безымянный палец и мизинец согнуты и прижаты к ладони (рис.1.6-8). Этот способ удержания пера при письме является наиболее привычным сегодня. Он позволяет наносить как прямые, так и изогнутые линии, легко манипулировать орудием для письма при изображении округлых и угольчатых линий (Прохор Мстиславова евангелия, евангелисты Матфей и Марк двух новгородских евангелий середины XIV и XV в.);

5) перо удерживается двумя пальцами: почти прямым большим и указательным. Пальцы средний, безымянный и мизинец прижаты к ладони (рис.1.9). Такой способ письма малоудобен. Не исключено, что он мог применяться для письма тонких наклонных линий. Наиболее вероятно, что такое положение пальцев при письме не отражает реальной практики и скорее является условным изображением пишущей руки (Прохор Федоровского евангелия);

6) перо удерживается двумя пальцами, будучи зажатым между указательным и средним пальцем. Безымянный палец и мизинец свободны от пера и слегка согнуты. Большой палец в письме не участвует (рис.1.10). Такое положение пальцев правой руки при письме технически невозможно и, скорее всего, является условным (евангелист Иоанн Милятинаевангелия).

Думается, что в изображениях руки и пера писца лишь в некоторой степени отразились технические особенности книжного производства в Древней Руси. Степень же зависимости древнерусских миниатюр от раннесредневековой иконографии пишущего предстоит еще выяснить.

Добинин-Рождественская О.А. 1987. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. М.

Калугин В.В. 1995. Отношение к книге в Древней Руси (По материалам неконских записей XIV в.) // Записки Отдела рукописей. Вып. 50. М.

- Мажуга В.И. 1979. Изображение писцов в искусстве раннего средневековья (конец VIII-XI в.) // ВИД . № 11. Л.
- Мажуга В.И. 1981. О технике средневекового латинского письма (конец VIII-XI в.). I. // ВИД. № 12. Л.
- Мажуга В.И. 1982. О технике средневекового латинского письма. II. // ВИД. № 13. Л.
- Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV-XIX вв. / Сост., вступит. статья и примеч. Ю.И.Гренберга. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1995.
- Симонов П.К. 1906. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконописца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV-XVIII столетий. Тексты и переводы. Вып. I СПб.
- Шляпкин И.А. 1913. Русская палеография по лекциям, читанным в С.-Петербургском Археологическом институте. СПб.
- Bischoff B. 1979. Paläographie des römischen Altertums und der abendländischen Mittelalters. Berlin.
- Boussard J. 1951. Influences insulaires dans la formation de l'écriture gothique // Scriptorium. Vol. V.
- Dobiache-Rojdestvensky O. 1925. Quelques considérations sur les origines de l'écriture dite "gotique" // Mélanges d'histoire du Moyen âge, offerts à M.F.Lot. Paris.
- Fichtenau H. 1946. Mensch und Schrift im Mittelalter. Wien.
- Friend A.M. 1927. Portraits of the evangelists in Greek and Latin manuscripts. P. I-II // Art Studies. Vol. V.
- Friend A.M. 1929. Portraits of the evangelists in Greek and Latin manuscripts. P. I-II // Art Studies. Vol. VII.
- Martin H. 1910. Notes sur les écrivains au travail // Mélanges offerts à M. Emile Châtelain. Paris.
- Metzger B.M. 1958. When did scribes begin to use writing desks // Akten des XI Internationalen Byzantinisten kongresses. München.
- Prohno J. 1929. Das Schreiber- und Dedicationsbild in der deutschen Buchmalerei. I. Teil. Bis zum Ende des 11. Jahrhunderts. Leipzig-Berlin.
- Weitzmann K. 1935. Die byzantinische Buchmalerei des IX und X. Jahrhunderts. Berlin.

Национально-романтическое направление в русском мебельном искусстве рубежа XIX-XX вв.

Обращение к национальному художественному наследию — одна из характерных черт декоративно-прикладного искусства Европы второй половины XIX в. Именно в нем находился один из главных источников модерна. Идеи Д.Рескина и У.Морриса, проповедовавших возрождение ремесел и видевших в постижении духа средневековой культуры средство обновления искусства и слияния его с повседневной жизнью, получили широкое распространение в европейских странах. Искусство мебели, являющееся важнейшим связующим звеном между архитектурой и декоративно-прикладным искусством, стало в России рубежа веков одной из тех областей, где особенно ярко выразились поиски нового стиля и выработка самостоятельного пути.

Интерес к отечественной истории, сокровищам древнего и народного искусства, фольклору возник в России еще во второй половине XVIII в. В конце XIX в. стремление освоить открытые к этому времени богатства национальной культуры сливается с поисками нового стиля в архитектуре и искусстве. К 1880-м годам это движение вступило в качественно новую фазу, что было связано с деятельностью абрамцевского художественного кружка.

Значение деятельности абрамцевских столярных мастерских на рубеже XIX-XX вв. трудно переоценить. По существу, именно здесь зародилось национально-романтическое направление русского модерна в искусстве интерьера. Впитав в себя опыт, накопленный за предшествующие годы развития “русского стиля”, абрамцевские художники сделали значительный шаг вперед. Были расширены использовавшиеся источники, что стало возможным благодаря глубокому изучению древнерусского и народного искусства. От простого использования неисчерпаемого богатства орнаментики и форм национального искусства они перешли к более глубокой их переработке, к стремлению постичь их сущность. Переосмыслена была и роль предмета в интерьере. В соответствии с требованиями модерна, деятельность абрамцевских мастерских все чаще направлялась не просто на производство отдельных элементов обстановки, но и на создание целостной бытовой среды, единства архитектурного решения и предметного наполнения.

Успехи абрамцевских мастерских вдохновили М.К.Тенишеву на создание не менее известных мастерских в имении Талашкино под Смоленском. Их деятельность относится к началу 1900-х годов и принадлежит уже новому этапу национально-романтического направления в

русском искусстве, лежащему целиком в русле модерна. Значительно расширился круг источников, вдохновлявших художников. Подчас они обращаются к древнейшим пластам русского искусства, уходящим в языческую архаику. В их произведениях порой очевидны мотивы, заимствованные в искусстве Востока, западноевропейского средневековья, Скандинавии. В этом сказалось многообразие точек зрения на истоки происхождения русского искусства. Представляя в целом одно стилистическое направление, выполненные в талашкинских мастерских предметы как подлинные произведения искусства несут на себе печать яркой индивидуальности создавшего их автора — С.В.Малютина, Н.Л.Рериха, А.П.Зиновьева и др.

Деятельность абрамцевских и талашкинских мастерских довольно часто привлекает внимание исследователей и неоднократно освещалась в специальной литературе. Однако, не следует считать ее уникальным явлением. Это были всего лишь наиболее заметные проявления характерного для рубежа веков движения. Среди аналогичных мастерских можно назвать учебно-столярную мастерскую в д.Семеновка Курской губ., просуществовавшую с 1893 по 1903 г. Ее организатором, руководителем и автором проектов был художник Н.Д.Бартрам. В Дмитровском уезде Московской губ., в с.Надеждине, с 1901 г. существовала учебная столярная мастерская Н.Л.Поливанова. Список примеров можно продолжить.

Заложенное в абрамцевском и талашкинском кружках направление получило развитие в творчестве многих художников-живописцев. Одним из таких художников является С.И.Вашков, принадлежащий к числу наиболее ярких представителей национально-романтического направления русского модерна. Его творческое наследие богато и разнообразно. Так, им был создан ряд архитектурных проектов (дачи и церковь в Клязьме под Москвой, доходный дом на Чистопрудном бульваре). Его имя мы встречаем в числе преподавателей Строгановского художественно-промышленного училища. В 1904 г. здесь были образованы столярно-мебельные и резчицкие мастерские, характер продукции которых в основном определялся деятельным участием С.И.Вашкова. Мастерские выполняли заказы на полные обстановки комнат и изготовление отдельных предметов. Тогда же открылся и специализированный магазин по продаже этих изделий на Рождественке.

Большое число предметов декоративно-прикладного искусства было выполнено по эскизам С.И.Вашкова на московском предприятии "Оловянишникова сыновья", специализировавшемся на производстве ювелирных изделий и церковной утвари. Художник в течение многих лет заведовал его художественной частью. Там же был выполнен ряд предметов домашней обстановки, два из которых находятся в коллекции ГИМ. Оба предмета — стол и ларец — с полным правом можно отнести к васнецовскому направлению, заложенному в Абрамцево. В предисловии к каталогу изделий фирмы Оловянишниковых Вашков сам указывал на помощь и советы, полученные от В.М.Васнецова. Вашков черпал вдохновение преимущественно в древнерусском искусстве — в его архитектурных проектах заметно влияние владими́ро-суздальского зодчества. В оформлении стола из ГИМа это выразилось в резном мотиве лежащего льва. А декор крышки ларца практически повторяет одно из резных клейм на Царском месте из Успенского собора Московского Кремля, выполненном в середине XVI в. Именно XVI в. художник считал периодом наивысшего расцвета древнерусского искусства. Прямые заимствования с образцов прошлого в произведениях

С.Вашкова органически сочетаются с пластикой этих предметов, целиком лежащей в русле модерна.

Национально-романтический вариант русского модерна в мебельном искусстве получил распространение и в Петербурге, хотя в меньшей степени, чем в Москве. Еще в период историзма ряд мастерских здесь производили мебель с использованием национальных традиций. В числе этих мастерских была и мастерская А.Г.Штанге, впоследствии — преподавателя художественно-промышленного училища барона Штиглица. При участии Штанге на рубеже XIX-XX вв. возникло Товарищество торговли артельными и кустарными товарами “Союз”. Мебель, выполненная кустарями, объединившимися в этой фирме, изготавливалась по рисункам художников Н.Н.Богатова, Курдюмова, Н.Н.Дивова. Судя по сохранившимся изображениям, эта мебель принадлежала к числу наиболее ярких образцов национального направления модерна: было использовано все богатство художественных средств — резьба и роспись по дереву, тиснение и инкрустация по металлу, ручная роспись тканей, вышивка шерстью и шелком. Вещи отличались богатством фантазии и красотой колорита.

Этого же направления придерживался и Петербургский кустарный музей, возникший в 1889 г. Наиболее активным его деятелем являлся А.Н.Дурново. В настоящее время творчество этого художника как представителя национально-романтического направления в русском искусстве рубежа XIX-XX вв., практически неизвестно. Однако, в свое время его деятельность, как творческая, так и организационная, была весьма заметным явлением. Подобно своим московским собратьям, Дурново выполнял архитектурные проекты (напр.: русский павильон на Миланской выставке 1906 г.). А.Н.Дурново был одним из организаторов “международной художественно-промышленной выставки мебели, декоративных работ и принадлежностей домашней обстановки”, состоявшейся в 1908 г. в Петербурге. В каталоге этой выставки сообщается о том, что художник получал награды на многих международных и всероссийских выставках — в Париже (1904), Милане (1906), Бордо (1907), “на выставке “Детский мир” 1903-1904 гг. в Петербурге. Деятельность А.Н.Дурново была направлена и на повышение художественного уровня фабричной мебели. В частности, им был сделан ряд проектов для крупнейших петербургских мебельных фабрик А.Г.Васильева и И.П.Платонова.

О творчестве А.Н.Дурново можно судить по ряду дореволюционных публикаций. В некоторых его произведениях заметна определенная тенденция к простоте и ясности формы, что сочетается с некоторым влиянием “северного” модерна. Однако, большинство предметов, созданных по эскизам А.Н.Дурново, отличает декоративная насыщенность, что выражается в усложненности форм мебели, в обилии и разнообразии резьбы, в сочетании орнаментальных мотивов с большими сюжетными панно, выполненными в технике резьбы с росписью. Ощутимо воздействие на художника абрамцевских, сергиево-посадских, талашкинских изделий, в некоторых произведениях заметно сильное влияние творчества С.В.Малютина. Это позволяет сделать вывод о ведущей роли московской школы в формировании национально-романтического направления в области русского мебельного искусства. Если в конце XIX в. лидером в этого направления можно считать В.М.Васнецова, то в начале XX в. огромное влияние на художников, работавших в этой сфере оказал С.В.Малютин.

В этой связи уместно упомянуть еще одного художника, проектировавшего мебель — М.М.Аммосова, выпускника Петербургской Академии художеств, работавшего в Москве. В музее-усадьбе “Царицыно” имеются два подписных гарнитура этого автора. Работам С.В.Малютина близка не только архитектоника многих предметов из этих гарнитуров — очевидно сходство и орнаментальных мотивов.

За время своего существования русское национально-романтическое направление в мебельном искусстве периода модерна выступило в самых разных вариантах, отразив тем самым общие тенденции декоративно-прикладного искусства. Один из путей, по которому шло развитие русского стиля в интерьере начала XX в., иллюстрирует “Терем”, созданный А.Я.Головиным для выставки “Современное искусство”.¹ Мебель, потолок и стены “Терема”, перегруженные рельефной резьбой, заимствованной в народной архитектуре Поволжья, лежанка из цветных изразцов, страшные совы с электрическими лампочками вместо глаз переносили посетителей в мир русской сказки. Этот интерьер по своей сути театрален. С одной стороны, в нем отразилась театрально-декорационная направленность творчества художника Головина, с другой стороны, он аккумулировал в себе наиболее характерные черты одного из магистральных направлений русского национального романтизма раннего модерна — иррационального, элитарного по своей сути, в отличие, например, от абрамцевского направления. Отсутствие функциональности у этого образца, сложность исполнения из-за большого количества трудоемких резчицких работ, невозможность использования в повседневной жизни придавали интерьеру характер уникального выставочного экспоната. Такое понимание русского стиля было, естественно, бесперспективным с точки зрения серийного производства.

Попытки примирить художнические поиски в области нового русского стиля с бытом прослеживались на протяжении всего рассматриваемого периода. Рационалистические тенденции, усилившиеся в начале XX в., не могли не оказать влияния и на характер национально-романтического направления в декоративно-прикладном искусстве рубежа веков. Показательны в этом отношении экспонаты выставки “Новый стиль” (1903), также опубликованные журналом “Мир искусства”. Эта мебель была выполнена мастерами Абрамцева и Сергиева Посада по проектам И.Ф.Фомина и К.В.Орлова. Гарнитур столовой из серого клена, спроектированный И.Ф.Фоминым, продемонстрировал одно из тех направлений по которым пошло дальнейшее развитие национального романтизма в мебельном искусстве России начала XX в. Выполненный абрамцевскими мастерами, он, тем не менее, уже значительно отличался от предметов, непосредственно продолжавших традиции, заложённые В.М.Васнецовым, Е.Д.Поленовой и другими художниками абрамцевского кружка в 1880-х годах. Массивность мебели И.Ф.Фомина, устойчивость и монументальность ее форм, широкое использование геометрической резьбы — характерные черты мебели в “русском стиле” рубежа веков — сочетаются здесь с признаками, присущими уже другому — рациональному направлению модерна. Стремление уйти от предшествующих образцов национального романтизма сказалось и в выборе

---

1 Экспонаты выставки были опубликованы в журнале “Мир искусства” за 1903 год, том 9.

материала — серого клена, чрезвычайно характерного для мебели интернационального варианта модерна. В том виде, в каком эта мебель была представлена на выставке (то есть — в единстве с архитектурно-художественным решением всего интерьера), она могла существовать только в наиболее зажиточных домах. Однако, отдельные подобные предметы распространялись в быту достаточно широко.

Большую роль в распространении национально-романтического направления в интерьере сыграл “Музей образцов”, образованный в 1910 г. при Московском Кустарном музее. Одной из его задач являлось экспонирование предметов, которые можно было заказать в мастерских кустарного музея. Таким образом тиражировались и распространялись в быту как лучшие работы прошлых лет, в частности абрамцевские и талашкинские изделия, так и специально созданные для музея проекты велуших художников и архитекторов.

К числу последних относится буфет из собрания ГИМ, выполненный по рисунку Апполинурия Васнецова. Время его изготовления — 1910 г. Это уже период развитого модерна, в том числе и его национально-романтического направления, для которого характерно усиление ретроспективных тенденций и определенный возврат к эстетике историзма. Двухъярусная композиция буфета напоминает поставленные друг на друга сундуки, причем это впечатление усиливается за счет ручек на боковых сторонах буфета. За образец художник взял, очевидно, тот тип западно-европейского шкафа, который ведет свое происхождение от сундука-крепленцы, имеющего высокие ножки и являющегося переходной формой от сундука к шкафу. Сходство со средневековым шкафом подчеркивает наличие широкого карниза, сплошь покрытого свободно трактованным растительным орнаментом — резным с подкраской (варианты подобных карнизов просуществовали в мебели разных стран Западной Европы вплоть до раннего барокко). Русские шкафы подобной конструкции не дошли до наших дней. Однако возможность их существования была подсказана художнику всей логикой развития мебели западноевропейского средневековья и раннего Ренессанса. В основе же декоративного решения этого буфета лежит понимание автором русского стиля как вневременной категории, наиболее полно выразившегося, по его убеждению, в московской каменной архитектуре конца XVII в., когда “народный характер архитектуры твердо стоял на своих ногах”, еще не входя в противоречие с проникавшими европейскими влияниями (Васнецов 1986: 136).

Использование элементов архитектуры XVII в. в декоре буфета очевидно — оно проявилось, прежде всего, в мотиве окон, где для большего сходства с оригиналом, вместо стекол вставлена слюда. Следует отметить, что разработку оконных обрамлений А.М.Васнецов считал одной из наиболее самобытных черт в русской архитектуре. Разнообразием и изысканностью наличников русский человек подчеркивал значение окна как источника света.

Однако “русский стиль” в буфете А.М.Васнецова получил законченное выражение не в конкретных орнаментальных мотивах и не в ретроспективном характере конструктивного решения. Важнейшее значение имеет сознательно сделанный акцент на богатстве и разнообразии элементов орнаментации, а главное — на гармонию и согласие целого: то и другое художник считал наиболее важными особенностями русской архитектуры XVII в., а следовательно и русского стиля в целом.

Анализ произведений мебельного искусства, выполненных в конце XIX — начале XX вв. с использованием традиций древнерусского и народного искусства, убеждает нас в том, что художественное направление, часто характеризующееся как “неорусский стиль” — явление достаточно сложное и многоплановое. Его нельзя однозначно причислить к стилю модерн. С одной стороны, именно в рамках этого направления зародился русский модерн в области декоративно-прикладного искусства. Принадлежность таких вещей именно к модерну как стилю ощущали сами современники. Недаром изделия абрамцевских и сергиевпосадских столов, выполненные по рисункам И.А.Фомина, И.Е.Бондаренко, Н.Я.Давыдовой, К.В.Орлова и других архитекторов и художников, представленные на выставке “Новый стиль” в Москве в 1903 г. указывались в каталоге как произведения “ново-русского стиля”, что сразу же отделяло их от произведений “русского стиля” предыдущего периода.

С другой стороны, на протяжении всего рассматриваемого периода обнаруживалась жизнеспособность предметов, безусловно, относящихся к историзму, и их производство не прекращалось.

Именно на рубеже XIX-XX вв. резко возрастает интерес к русскому искусству на Западе. Во многом именно изделия в духе национального неоромантизма определяли там восприятие национального своеобразия и самобытности русского искусства в целом, как и понимание “русского стиля”. Важную роль в этом сыграла и мебель. Успех этих изделий стал особенно заметен после Парижских выставок 1900 и 1904 гг., когда московский кустарный музей завязал отношения с крупнейшими торговыми фирмами Германии, Франции, Австрии, Бельгии, Голландии, Дании, Америки (Кустарное дело 1909).

Васнецов А.М. 1986. Архитектура Москвы и Московской области в XIV-XVIII вв. // Москва в творчестве А.М.Васнецова. М.

Кустарное дело Московского земства. М., 1909.

Староладожская неолитическая стоянка

В 1979-1982 гг. на территории Староладожской крепости при архитектурно-археологических раскопках были обнаружены остатки неолитической стоянки (Стеценко 1980: 35). Крепость расположена на мысу при впадении Ладожки в Волхов. Размеры мыса 175 x 85. Покатая к северу площадка возвышается над урезом воды на 6-7 м. Слой с находками неолитического времени зафиксирован в шурфе, заложенном в месте примыкания северо-западного прясла к Стрелочной (северной) башне с внешней стороны под культурным слоем средневекового времени. Неолитический культурный слой представлен песчанистым гумусом темно-серого цвета с включениями угольков. Средневековые и неолитические отложения разделял стерильный слой суглинка зеленовато-серого цвета (мощность около 1 м). В шурфе отмечены остатки кострища (0,7 м в поперечнике), вокруг которого и были, в основном, сосредоточены находки. Аналогичные отложения неолитического времени, но менее насыщенные находками, были выявлены также на территории крепости при исследованиях южного основания Стрелочной башни. Здесь неолитический слой залегал на глубине более 2,5 м от современной поверхности и был также перекрыт метровой толщей зеленовато-серого стерильного суглинка, который является материковым основанием для напластований культурного слоя IX-X вв. (Стеценко 1981: 33). По данным геологических исследований и раскопок на южных участках территории крепости, отложения суглинка значительной мощности занимают лишь северную оконечность мыса.

Большинство находок составляют фрагменты неолитической керамики (307 фрагментов от 6-7 сосудов). Керамика относительно хорошего обжига, прочная, довольно тонкостенная (0,8-0,9 см). Тесто плотное, компактное, с добавлением примеси кварцевого песка, иногда с включением слюды. Количество примеси, как правило, невелико. цвет фрагментов варьирует от темного до светлого, светло-желтого. Внутренняя поверхность фрагментов относительно гладкая, выровненная, иногда на участках ее заметны следы параллельных расчесов, сделанных инструментом наподобие гребенчатого штампа.

Абсолютное большинство фрагментов (табл.1)¹ украшено ямками неправильно-округлых или подовальных очертаний, оставленных, видимо, концом приостренной палочки, поставленной под прямым или

---

¹ При составлении таблицы не учитывались очень мелкие фрагменты (размерами менее 1,5 см²). всего 52 фрагмента.

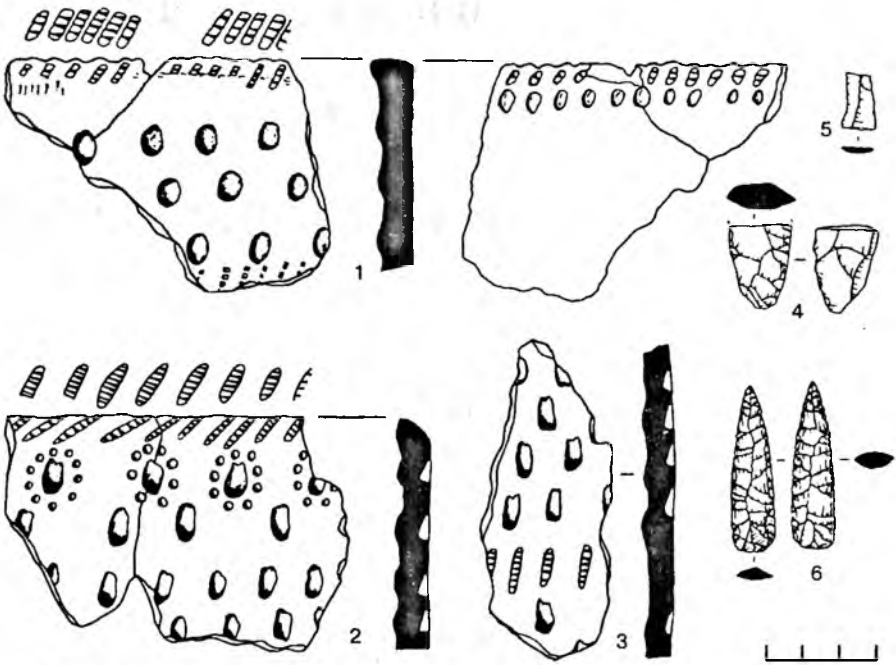

Рис. 1 Староладожская неолитическая стоянка. Фрагменты сосудов (1-3) и изделия из кремня (4-6).

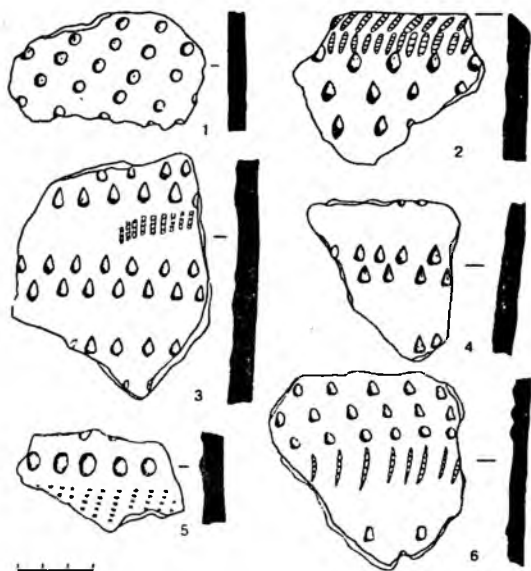
острым углом к поверхности сосуда. Ямки, обычно, довольно глубокие, оставляющие более или менее выраженные негативы на внутренней поверхности. Доля украшения сосудов применялись, кроме того, глубокие оттиски “веревочки, намотанной на палочку” и зубчатый штамп с довольно широкими зубцами.

Таблица 1

Тип орнамента	Количество фрагментов
Ямки неправильно-округлой формы	171
Оттиски “веревочки, намотанной на палочку”	12
Сочетание ямок и зубчатого штампа	19
Сочетание ямок и “веревочки, намотанной на палочку”	41
Без орнамента	12
ВСЕГО:	255

Большинство фрагментов керамики принадлежит трем сосудам — крупным горшкам с диаметром по венчику 40-50 см. Один из сосудов имел прямой венчик с ровным, выровненным срезом края с небольшим “наплывом” на внешнюю и внутреннюю стороны. По срезу края сосуд украшен короткими, широкими оттисками крупного зубчатого штампа, расположенными слегка наклонно и почти вплотную друг к другу (рис. 1, 1). По поверхности тулова сосуд был украшен параллель-

Рис. 2 Староладожская неолитическая стоянка. Фрагменты сосудов (1-6).

ными горизонтальными рядами крупных довольно глубоких (оставляющих негативы на внутренней поверхности сосуда) овально-удлиненных ямок. Ряды ямок чередовались с редкими поясками наклонно поставленного зубчатого штампа. Орнаментирован был и прилегающий к венчику участок внутренней поверхности сосуда: здесь нанесен ряд коротких оттисков зубчатого штампа, ниже которых расположен ряд зубчатых вдавлений.

Второй сосуд имел прямой венчик с заостренным, треугольной формы краем, скошенным на внешнюю сторону (рис.2,2). Сосуд был орнаментирован по срезу венчика и под венчиком рядами коротких оттисков “веревочки, намотанной на палочку”, ниже расположены ряды ямок овально-вытянутой формы, близкой ромбической. Ямки иногда оставляют слабые негативы на внутренней поверхности сосуда. Ряды ямок разделены полосами свободного пространства или полосками коротких оттисков “веревочки, намотанной на палочку”.

Третий сосуд имел заостренный и скошенный наружу край. По краям венчика с внешней и внутренней стороны сосуд орнаментирован наклонными рядами оттисков “веревочки, намотанной на палочку”. Ниже размещались ряды глубоких, неправильно-округлой формы ямок. Ряды ямок, покрывавшие, очевидно, всю поверхность сосуда, в средней-нижней части тулова чередовались с редкими поясками коротких оттисков “веревочки, намотанной на палочку” (рис.1,2). Интересно, что в верхнем ряду ямок, расположенном прямо под краем венчика, каждая ямка была оконтурена мелкими ямчатыми вдавлениями правильной округлой формы, расположенными по кругу. Этот орнаментальный мотив весьма оригинален и не находит аналогий в материалах неолитических памятников смежных районов.

Обнаружено также несколько предметов, изготовленных из светло-серого и голубоватого кремня со следами патинизации. В их числе наконечник стрелы, фрагмент кремневого орудия (по-видимому, наконечника), обломок неправильной формы пластинки (рис.1,4-6), два отщепы с ретушью, отщеп и три осколка серого кремня невысокого качества. Наконечник (рис.1,6), изготовленный из розоватого кремня,

относится к числу лавролистных, со сплошной двусторонней обработкой и усеченным основанием, размеры его 1,3 x 4,8 см. Находки подобных наконечников характерны для комплексов второй половины неолита северных районов европейской части России.

В слое отмечено также небольшое количество обломков костей, принадлежащих, по определению Н.М.Ермоловой, бобру (в том числе, молодой особи), туру или лосю, а также рыбе (окуню или щуке). На фрагменте пястной кости тура или лося заметны следы продольного надреза.

В целом, Староладожская стоянка несомненно входит в круг неолитических памятников с ямочно-гребенчатой керамикой. В то же время, преобладание в орнаментике сосудов ямок, сочетающихся с оттисками "веревочки, намотанной на палочку", отличает керамический комплекс этой стоянки от эталонного памятника культуры гребенчато-ямочной керамики в южном Приладожье — Усть-Рыбежна I (Гурина 1961: 330 сл). Те же черты сближают рассматриваемый комплекс с сосудами относительно ранних неолитических памятников Северо-Запада (Гурина 1961: 255 сл). Однако характерность неправильной формы ямок (овальных и близких ромбическим) указывает на относительно поздний возраст стоянки. Появление сосудов с подобной орнаментацией уже во второй половине развитого неолита прослеживается на материалах восточной Эстонии (Яните 1959: 136). Сходные сосуды встречаются и на энеолитических (с признаками знакомства с обработкой меди) памятниках Карелии (Журавлев 1977: 273, рис.7). На относительно поздний возраст стоянки может указывать и ее топография (Гурина 1961: 85,102,193).

Таким образом, есть основания относить Староладожскую неолитическую стоянку к поздней фазе неолита, наименее известной в южном Приладожье. Стоянка входит в круг неолитических памятников карельского облика, находясь на периферии общности, занимавшей обширные территории, лежащие к северо-востоку. По низовьям Волхова в развитом и позднем неолите, по-видимому, проходила граница между ареалами комплексов культуры типичной гребенчато-ямочной керамики, характерной для Восточно-Прибалтийского региона, и памятников с неолитической керамикой карельского типа (Тимофеев 1993: 26, рис.3, карта 3).

Гурина Н.Н. 1961. Древняя история северо-запада Европейской части СССР // МИА. № 87.

Журавлев А.П. 1977. К изучению энеолита Карелии // СА. № 3.

Стеценко Н.К. 1980. Исследование памятников архитектуры в Приладожье // АО-1979. М.

Стеценко Н.К. 1981. Архитектурно-археологические исследования в Ладожской крепости // АО-1980. М.

Тимофеев В.И. 1993. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга, и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб.

Яните Л.Ю. 1959. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р.Эмайыги. Таллин.

К вопросу о существовании поселения дьяковской культуры на территории Угличского кремля

Ко времени начала планомерных археологических исследований Угличского кремля в 1985 г. культурный слой этого интереснейшего памятника, особенно в древнейшей, прибрежной его части, был уже сильно разрушен. Площадь подтреугольного в плане мыса, образованного Каменным ручьем и ручьем Шелковкой при впадении в Волгу и отделенного от коренного берега двумя руслами оврага (засыпан в 1780-е годы), неуклонно сокращалась оползнями и размывами берега. В письменных источниках первые сообщения об этих разрушениях относятся к XVII в. Непоправимый ущерб памятнику нанесло строительство системы верхневолжских водохранилищ. Береговые террасы мысовой площадки оказались затопленными, а на некоторых участках кремля и прилегающей части посада появились мощные нивелировочные подсыпки. Наконец, в 1955 г. берег Волги был укреплен бетонными плитами, скрывшими остатки культурного слоя разрушенных береговых террас. О масштабах разрушений красноречиво свидетельствует сопоставление современных топографических планов кремля с планами, фотографиями, акварелями и гравюрами XIX – начала XX вв. (Кириков 1984: 21, 22, 29, 32).

Материалы раскопок 1985-1993 гг. дополнили общую картину важными подробностями. Шурфовка 1988 г. показала, что именно на затопленных береговых террасах мысовой площадки с особой интенсивностью отлагался культурный слой в эпоху раннего средневековья. Под бетонными плитами набережной зафиксированы остатки этого слоя, нижний горизонт которого представлен метровой толщей навоза с остатками хозяйственных сооружений (Томсинский 1990: 232; 1991: 10-11). По данным раскопок, древнерусское поселение на мысовой площадке кремля в конце X – первой половине XI вв. уже существовало. Возможно, оно возникло в IX в., в период сокрытия известного угличского клада арабского серебра, но однозначных подтверждений этому предположению пока нет. Индивидуальные находки и керамика из раскопов и шурфов 1985-1990 гг., заложенных на мысовой площадке, дают основание предполагать, что среди обитателей раннесредневекового Углича Поля были выходцы с Северо-Запада, в том числе – скандинавы (Томсинский 1990: 234-235; 1991: 395-399; 1993: 30). Эти находки вполне согласуются с предположениями о включении Угличского Поволжья в сферу политической и торговой активности Верхней Руси.

Для суждения о топографии древнерусского поселения на мысовой площадке Угличского кремля в настоящее время данных немного, особенно если учесть, что раскопки большой площадью на территории расположенного здесь музея-заповедника производиться не могут. И уж тем более трудно определить размеры находившегося на этой площадке поселения эпохи раннего железа. Впервые предположение о существовании на мысу городища дьяковской культуры высказал И.В.Дубов. Ко времени выхода в свет его монографии, посвященной городам северо-восточной Руси, никаких находок, подтверждающих это предположение сделано не было. Исследователь исходил из того, что "по своим размерам и облику это городище вполне соответствует укрепленным поселениям дьяковской эпохи" (Дубов 1985: 132). Даже учитывая соответствие предположения И.В.Дубова концепции развития системы расселения обитателей Верхнего Поволжья, разработанной в свое время П.Н.Третьяковым и Е.И.Горюновой, оно могло показаться слишком смелым хотя бы по той причине, что никаких следов укреплений на мысовой площадке кремля не зафиксировано. Следовательно, именовать гипотетическое поселение эпохи раннего железа "городищем" достаточных оснований нет.

В 1986 г., через год после публикации И.В.Дубова, архитектурно-археологическая экспедиция ЛГУ под руководством Вал.А.Булкина продолжила начатые в 1985 г. раскопки на остатках дворца удельных князей XV в., расположенного на верхней террасе мысовой площадки угличского кремля. Одновременно у алтарных апсид Спасского собора был заложен небольшой раскоп (№ 2, 36м²), прирезанный к траншее 1983 г. (Иоаннисян 1984: 57-58). Нижний горизонт раскопа № 2, отложившийся непосредственно на песчаном материке, дал немногочисленные индивидуальные находки. Эти предметы, как и фрагменты лепной и гончарной керамики, датируются X-XIII вв. и типичны для памятников лесной зоны эпохи раннего средневековья.

Исключением явилась хорошо сохранившаяся бронзовая крестовидная фибула с обломанной железной иглой, обнаруженной отдельно. Размеры фибулы — 8,4 x 2,4-0,6-2,4 см. Фибула покрыта тонкой патиной, в верхней части щитка небольшое сквозное отверстие. Ближайшая аналогия угличской фибуле обнаруживается в погр.52 Борковского могильника на Оке (Спицын 1901: табл.14.9). Это — третья крестовидная фибула, найденная на памятниках Верхнего Поволжья, однако фибулы с Дудневского городища и Попадынского селища принадлежат к иному типу (Третьяков 1941: 81; Горюнова 1961: 92). С учетом расхождений в датировке комплексов рязанских могильников, по П.П.Ефименко и А.К.Амброзу, фибулу можно предварительно датировать в пределах VI-VIII вв. (Амброз 1971: 112-115; Ефименко 1926).

Поскольку в раскопе № 2 не было обнаружено других предметов, равно как и фрагментов керамики, датирующихся серединой — третьей четвертью I тысячелетия н.э., возникло предположение о вторичном использовании фибулы обитателями раннесредневекового поселения. Однако в 1988 г. при архитектурно-археологических работах у портика Спасского собора был заложен шурф (2 x 1,2 м) для уточнения глубины залегания фундаментов. Общая мощность слоя на этом участке береговой террасы 4 м, а мощность предматерикового слоя достигает 1,8 м. Верхние горизонты предматерикового слоя были представлены прослойками глины и навоза (0,8 и 0,6 м), отложившимися в период существования древнерусского поселения. Нижний горизонт слоя, мощностью

до 0,4 м, представлен углистой супесью, насыщенной дрсевой и мелкими фрагментами обожженного камня. Из этого горизонта происходят четыре фрагмента стенок грубого лепного сосуда и сильно корродированная кольцевидная фибула с ромбической вставкой на шитке и круглыми гнездами для эмали с рельефными выступами в виде звездочек на концах¹. По аналогиям на памятниках эпохи раннего железа, фибула должна быть отнесена к древностям III в. н.э. (Гороховский 1982: 26-32).

Таким образом, материалы шурфа 1988 г. подтвердили существование поселения I тысячелетия н.э. на мысовой площадке угличского кремля. Появилась уверенность в том, что на периферии мысовой площадки под отложениями древнерусского времени могли сохраниться остатки слоя раннего железного века.

1988 год принес еще одну находку, подтверждающую, хотя и косвенно, существование поселения I тысячелетия н.э. В шурфе, заложенном на тальвеге засыпанного в 1780-е годы оврага, отделявшего мысовую площадку от коренного берега, вместе с фрагментами позднесредневековой гончарной керамики был найден грузик дякова типа (тип 10-а, по классификации К.А.Смирнова) IV в. до н.э. — I в.н.э. (Смирнов 1974: 64). Грузик наверняка был найден угличанином где-нибудь на берегу Волги в размывах береговых террас. Скорее всего, он какое-то время служил детской игрушкой, а затем был выброшен в овраг.

Определить вероятное первоначальное местонахождение грузика позволяет еще одна находка 1988 г. На мысу близ церкви царевича Дмитрия "на крови" под бетонными плитами берега был найден фрагмент баночного лепного сосуда с сетчатой поверхностью, хронологически сопоставимый с грузиком из заполнения оврага. По классификации керамики москворецких и верхневолжских городищ, разработанной И.Г.Розенфельдт, это фрагмент сосуда типа 2, аналогии которому известны в нижнем горизонте слоя III Шербинского городища, а также в нижних слоях Троицкого и Михайловского городищ (Розенфельдт 1974: 163).

Возможно, к рассматриваемому кругу находок следует отнести еще нож с прямой спинкой, происходящий из предматериковых отложений в раскопе 1985 г. Ножи с прямой спинкой, как известно, бытовали в Волго-Окском междуречье с середины I тысячелетия н.э. до XI в. (Смирнов 1974: 38; Леонтьев 1976: 33-34; Минасян 1980: 72-73).

Подведем итоги. Материалы археологических исследований подтвердили предположение И.В.Дубова о существовании на территории Угличского кремля поселения эпохи раннего железа. Топография этого поселения пока остается неясной. Не исключено, что оно не имело укреплений, подобно исследованному Е.И.Горюновой Попадьинскому селищу, будучи надежно защищено со всех сторон водными преградами. Во всяком случае, и Попадьинское селище, и поселение на территории Угличского кремля располагались на пологих береговых террасах Волги (Горюнова 1961: 82-94). Однако, поселение на территории Угличского кремля, возможно, имело и более сложную топографию. Поскольку фрагмент сетчатой керамики обнаружен на мысу, образованном

---

¹ Пресыщение в насыщенном влагой слое почти полностью изменило структуру металла: к моменту находки фибула на 90% состояла из окислов меди. Тем не менее, реставрация этого предмета оказалась возможной.

Волгой и Каменным ручьем, а более поздние фибула (и нож?) найдены юго-западнее, у оконечности мысовой площадки, можно предположить, что первоначально здесь существовало мысовое поселение, а затем застройка распространилась в сторону устья ручья Шелковка. Это предположение кажется тем более основательным, что, судя по планам Углича XVIII в. мыс при впадении в Волгу Каменного ручья еще двести лет назад значительно больше выдавался к северу. Учитывая интенсивность разрушения береговых террас кремля можно с уверенностью предполагать, что уже ко времени возникновения древнерусского поселения мыс значительно изменил свою конфигурацию по сравнению с первыми веками н.э.²

Датировка поселения эпохи раннего железа на территории Угличского кремля устанавливается перечисленными выше находками. Уместно вспомнить, что верхняя дата верхневолжских поселений — середина I тысячелетия н.э. — установлена не столько наличием датирующих находок на сильно разрушенных поселениях, сколько отсутствием на последних выразительных комплексов и отдельных предметов, которые можно было бы определенно отнести к третьей четверти I тысячелетия н.э. Предпринимавшиеся попытки изменить датировку памятников, установленную еще в 1930-е годы, нельзя признать удачной (Розенфельдт 1980; 1982; Краснов 1980). Однако, сам по себе факт полемики по вопросу о датировке такого памятника, как городище Березняки, давно уже ставшего эталонным, благодаря хорошей сохранности и тщательной фиксации материалов раскопок, представляется показательным. Лакуна в половину тысячелетия, образуемая отсутствием на верхневолжских памятниках находок, относящихся к периоду, предшествующему древнерусской колонизации края, явно требует заполнения, ибо в противном случае трудно объяснять причины исчезновения населения. А это значительно сложнее, нежели простая констатация отсутствия находок третьей четверти I тысячелетия н.э. на разрушенных поселениях. Представить себе верхневолжские земли, как и бассейн р.Москвы, незаселенными в VI-IX вв. трудно, несмотря на отсутствие датированных этим временем комплексов (Смирнов 1974: 77-78; 1982: 3-4).

Что касается конкретно Угличского Поволжья, то в этом регионе, по нашему мнению, еще предстоит поиски памятников I тысячелетия н.э., как предстоит и поиски раннесредневековых поселений и могильников в зоне "археологической пустоты" на левом берегу Волги, в бассейне Корожечны. Это — одно из ополей Русской равнины (название "Угличе поле", известное с 1149 г., достаточно выразительно), плодородные земли которого не могли не привлекать население, ведущее комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство. "Зона археологической пустоты" здесь образовалась по вполне объективным причинам: с конца прошлого века внимание археологов приковано, главным образом, к памятникам, расположенным на террасах Волги. На археологических картах в бассейне Корожечны показан только один памятник, датируемый VI-IX вв. — городище у д.Чернятино (Горюнова 1961: 251). Между тем, нет никаких оснований относить это прямоугольное в

---

2 Разрушения мысовой площадки в значительной степени определялись геологическим строением холма, на котором расположен кремль: толща аллювиальных песков мощностью 6-9 м здесь залегает на юрской глине с уклоном к Волге (Ерохин 1993: 40).

плане городище, расположенное над бродом на Корожечне, к I тысячелетию н.э. — это, скорее всего, памятник эпохи позднего средневековья. По-видимому, остатки укрепленных поселений в этом районе обнаружены не будут.

Иное дело селища, локализация которых возможна только в процессе тщательных разведок. До тех пор, пока такие исследования не проведены, вопрос о населении Угличского Поволжья в третьей четверти I тысячелетия н.э. приходится оставлять открытым. Не исключено, что дальнейшие раскопки на территории Угличского кремля что-нибудь дадут для его решения. Пока же приходится ограничиваться нанесением на археологическую карту еще одного, хотя и разрушенного, но достаточно интересного в общем контексте древностей этого периода, памятника эпохи раннего железа.

-
- Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. № 2.
- Гороховский Е.Л. 1982. Підкопюподібні фібули Середнього Подніпров'я з візмчатою емаллю // Археологія. № 33.
- Дубов И.В. 1985. Города, величием сияющие. Л.
- Ерохин В.И. 1933. О первоначальной планировке Угличского кремля // Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. № 3. Углич.
- Ефименко П.П. 1926. Рязанские могильники // Материалы по этнографии. Т. 3/1. Л.
- Иоаннисян О.М. 1984. Раскопки в Ярославле и Угличе // АО-1983. М.
- Кириков Б.Н. Углич. Л.
- Краснов Ю.А. 1980. О дате Березняковского городища // КСИА. № 162.
- Леонтьев А.Е. 1976. Классификация ножей Сарского городища // СА. № 2.
- Минасян Р.С. 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. № 21.
- Розенфельдт И.Г. 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.
- Розенфельдт И.Г. 1980. Еще раз о дате Березняковского городища // КСИА. № 162.
- Розенфельдт И.Г. 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья. М.
- Смирнов К.А. 1974. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.
- Смирнов К.А. 1982. Предисловие // Розенфельдт И.Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья. М.
- Спицман А.А. Древности бассейна рек Оки и Камы // МАР. № 25.
- Томсинский С.В. 1990. Результаты изучения культурного слоя кремля г.Углича в 1985-1989 гг. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Горький.
- Томсинский С.В. 1991. Углич и округа в XII-XIII вв. // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново.
- Томсинский С.В. 1993. Угличе Поле в X-XIII вв. // Исследования и материалы по истории Угличского Верхневолжья. Углич.
- Трегляков П.Н. 1941. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н.э. // МИА. № 5.

Аланец-еланец

Моя заметка посвящена той же теме, что и статья В.И.Абаева (1968: 244-246). Просматривая первый выпуск “Словаря русских народных говоров (М., 1965; далее — СРНГ), Абаев обратил внимание на слово *аланец* и отмечал: “Из материалов М.Н.Макарова “Опыт русского простонародного словотолковника” (1846) приводится фраза: “Аланец-еланец, непоседа, места не согреет, все вскачь да вскачь”. Места, где записана эта фраза у Макарова, к сожалению, не указано.¹ В высшей степени вероятно, что в *аланец* скрывается этнический термин *алан*. Под этим названием были известны в прошлом предки современных осетин ... Другим их названием было *ас*. Это последнее название в форме *яс* было хорошо известно русским и неоднократно упоминается в русских летописях” (Абаев 1968: 245).

В древнерусских летописях этноним *алан(ы)* не засвидетельствован, что признает тут же сам Абаев, однако догадка показалась ему столь соблазнительной, что он, не в силах от нее отказаться, прибегает к вовсе курьезной аргументации: “Значение ‘непоседа’ на редкость метко схватило характернейшую национальную черту алан: их необыкновенную подвижность. Еще Аммиан Марцеллин... писал о них: аланы ... очень подвижны вследствие легкости своего вооружения... Эта особенность алан не укрылась от их соседей, русских, и их название стало синонимом ‘непоседы’” (Абаев 1968: 245 сл.)².

Если бы Абаев заглянул в труд Макарова, а не ссылаясь на него по СРНГ, то, надо думать, он бы оставил мысль о связи *аланец* с аланами. Вот что говорится в “Словотолковнике” Макарова под словом *алань*: “... если бы проснулись Баер, Миллер, Шлёцер, при этом слове (т.е. *алань* — С.Т.), что бы они сказали о наших аланах — лужечниках, пригорных полевиках, о которых и до сей поры в приговорке некоторых рязанцев есть еще какой-то характеристических укор: Аланец-еланец...”. Готтлиб Теофил Ба(й)ер (Bayer), Герард Фридрих Миллер (Muller), Август Людвиг Шлёцер (Schlözer) — российские академи-

1 На самом деле, указано: Рязанская губерния.

2 Еще одним следом знания на Руси этнонима аланы В.И.Абаев считает термин *аланя* — ‘пиво’ в офенском аргю (Абаев 1959: 346; 1958: 131; 1968: 245); кроме созвучия, он ссылается на развитие и, вероятно, древние традиции пивоварения у осетин. Между тем, несомненно, что аланы и здесь ни при чем, и речь идет о том же корне *alu-, который сохранился в осет.*аелутон* (из германского), и.слав. *оль* (др.-русс. *оль, олуй, оловина*, англ. *eal* и т.д. (материал см.: Абаев 1958: 130; Фасмер 1987: 135). То, что *-аня* в *аланя* является лишь русским уменьшительным формантом (-аня), видно из параллельных офенских же форм: *алаха, елаха, елашка, олаха* (Даль 1981/1880: 10; s.v. *алань*, 518, s.v. *елаха*; 1981/1881: 671, s.v. *оловина*). Скорее всего, как полагал еще Даль (1981/1881: 671 s.v. *оловина*, правда, не привлекая сюда *аланя*), они происходят из др.-русс. *олуй*.

ки XVIII в., приглашенные из Германии, в разной степени касавшиеся истории ясов в связи с русской историей. В словах Макарова проскальзывает, если я правильно понимаю, неуместная по содержанию и довольно несуразная по форме ирония в их адрес (или просто безобидная, пусть и неудачная, шутка?). Как видим, Абаев имеет в лице Макарова своего рода предшественника; но Макаров связывает слово *аланец* также и с русским диал. *алань, елань, ялань* 'поляна, дуг в лесу', которые, как показал в свое время Ф.И. Корш, заимствовано из тюрк. (j)alan/(j)alan (Фасмер 1986: 13; 1987: 554; Севортян 1974: 134 сл.; Мурзаев 1980: 73 сл.; 1984: 44 сл., 198). Словами 'лужечники', 'пригорные полевники' (не знаю, что должно было реально означать здесь "пригорные") он, стало быть, просто калькирует слово *аланец*, как бы контаминируя при этом обе этимологии. Не может быть сомнений, что эта калька-разъяснение идет от информаторов.

Итак, формально-этимологически слово понятно, но что обозначает оно реально? Ответ на этот вопрос, впрочем, далеко не исчерпывающий, находим в словаре Даля (1981[1880]: 518, s.v. *елань*): "Еланщик м. крестьянин, у которого пашня в лесу, на елани, куда и он иногда самостоятельно выселяется". В числе источников для *елань* Даль указывает "иск. ряз. тмб. ... сиб."³: для *еланщик* специальные указания такого рода, к сожалению, отсутствуют, но для нас достаточно и совпадения данных Даля с данными Макарова хотя бы в одном пункте ("ряз.").

Аланец отличается от *еланщик* только анлаутом и суффиксацией. Чередование [a]:[e] идет от такого же чередования в производящей основе *алань/елань*, которое, в свою очередь, или восходит к аналогичному чередованию еще в тюркском, или развилось на славянской почве (протегический j- перед e-; в татарском, наиболее вероятном источнике русских слов, начального j- нет; см.: Севортян 1974: 134 сл.), и, понятно, не может препятствовать реальному отождествлению обоих терминов, тем более, что в приведенной Макаровым фразе *аланец* стоит в паре с аллитерирующим *еланец*⁴. Такого рода гомеотетичные, иначе — рифмованные выражения, часто бессмысленные во втором члене (реже в первом) типичны для фольклора (Мокиенко 1980: 248 сл), но не только русского. Чтобы не ходить далеко за примерами приведу выражение из осетинских сказок *аллон-биллон* (так людоед называет человека, именно — осетина), где *аллон* *alan др.иран.*arīana- 'арий/и, арийский', а *биллон* не означает ничего (Абаев 1949: 246 с другими примерами; 1958: 47). Занятно, что в уральских говорах существует созвучное сочетание того же типа но с совершенно отличным значением: аланцы-баланцы, 'пустыки, болтовня' (Мокиенко 1980: 35)⁵.

3 В действительности, само слово *елань*, а также образованные от него топонимы вроде *Еланный Ржавец*, распространены гораздо шире.

4 Едва ли можно сомневаться в правильности эмендации составителей СРНГ: у Макарова — *сланец*, очевидная опечатка.

5 На первый взгляд, это выражение, принадлежавшее тому же — пейоративному — кругу фразеологии, в первом члене в конечном счете имеет то же самое происхождение. Это нельзя было бы исключать, если бы не явный его параллелизм с рязан. олень-болени, 'болтовня' (Мокиенко 1980: 33). В обоих выражениях первые члены состоят в отношении звуковой симметрии со вторыми, которые восходят к экспрессивному корню *bol- *bal- 'болтать' (см. подробнее: Мокиенко 1980: 33-38); первые же, по-видимому, этимологически бессмысленны (как в *шалтай-болтай*) и уж, во всяком случае, не имеют отношения ни к аланам, ни к олсян, ни к нашему аланцу-еланщи-

Легко объяснима и разница в суффиксальном оформлении. Взаимозаменяемость *-щик* и *-ец* в *nomina agentium* в русском, в особенности простонародном языке и диалектах — не редкость, ср., напр.: *красноде-ревщик* и *краснодеревец*⁶.

Обратимся вновь к тексту Макарова: “Аланец-еланец, непоседа...” Составители СРНГ на основании этой фразы дают Аланцу значение ‘непоседа’, полагая, что *аланец* как бы глоссируется словом, стоящим вслед за ним. Но ведь Макаров подает его, как будто, лишь в составе “приговорки некоторых рязанцев”, а не в качестве значения; с другой стороны, и “лужечники, и ”пригорные полевики” также не похожи на собственно значения. Как говорилось, это просто кальки. Как примирить эти данные, да еще с учетом данных Даля? Фраза об аланце (как и комментарии Макарова) двусмысленна: из нее не следует с отчетливостью, что она вообще не обращена к некоему конкретному лицу, крестьянину-аланцу, которого здесь характеризуют как непоседу. Однако приведенные ниже свидетельства позволяют заключить, что для *аланец*, действительно, можно принять значение ‘непоседа’ или подобное, но несомненно и то, что Макарову говорили (но он это не вполне понял) об исконном, собственном, а не переносном значении слова: ‘крестьянин, имеющий гесп. обрабатывающий пашню на алани, лесном лугу’ Так у Макарова контаминировались оба значения (употребления) слова, а приплетение сюда еще и алан сделало картину еще менее ясной.

Реальность значения ‘непоседа’ подкрепляется данными того же СРНГ. В I-м выпуске (с.336) находим слово еланистый, которому дается значение ‘имеющий франтовской вид’⁷. Или другое выражение: *елань шатать* ‘скитаться, болтаться, бродить без определенных занятий, лодырничать’ (с.337).

Как же могло получиться, что термин, обозначающий крестьянина особой категории, очевидным образом инициативного и, надо думать, трудолюбивого (разрабатывать под пашню непаханные земли — дело легкое), стал чуть ли не ругательным словом и дал жизнь уже однозначно ругательным фразеологизмам? К сожалению, никаких реальных данных об аланцах/еланщиках, помимо данных Даля, мне отыскать не удалось, а причины подобных семантических переходов и сдвигов всякий раз заключаются в деталях, которых мы в данном случае совершенно не знаем.⁸ Возможно, главная причина как раз и заключается в том, что аланцы/еланщики обязаны были этим именно своим положительным свойствам: нищее крепостное крестьянство, по большей части лишенное подлинного интереса к труду и элементарной предприимчивости, относилось с завистью к удачливым и относительно богатым выходцам из собственной среды. Можно представить себе, как гуляли — всем на зависть — по окончании осенней страды, или

ку. Не исключено, впрочем, что они представляют собой варианты одной и той же лексемы, происхождение которой затемнено вследствие вхождения в сферу фразеологии; альтернатива *а-о-* (протеза, как в *болтус* : *оболтус* ?) отражает, соответственно, *аканье* и *оканье*.

6 Последнее употребляет Горький (1933: 133); только оно у Даля (1981 [1881]: 188).

7 Не очень удачно, как видно из приведенной тут же фразы: “В рабочее время пойдут одет как в праздник, вот и пальцем укажут, еланистый какой” (Свердловская обл.).

8 Как не знаем даже того, каким образом очевидно крепостной мог *самовольно* высесться на слань.

сева, или по праздникам аланцы/еланшики, возвратившись в родные деревни, беря пример с русского купечества (Лукулловы пиры после заключения удачных сделок, получения барыша и т.п.).

Инициативный, предприимчивый, энергичный человек естественным образом подвижен; в глазах костного большинства это едва ли самое положительное свойство⁹. Не всегда примерное поведение аланцев/еланшиков усиливало элемент отрицательных эмоций по отношению к ним, и эти эмоции становились со временем преобладающими, заслонив, наконец, собою все положительное, чем отличались аланцы/еланшики от основной массы крестьян.

-
- Абаев В.И. 1949. Осетинский язык и фольклор. I. М.-Л.
Абаев В.И. 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. М.-Л.
Абаев В.И. 1968. Из истории слов. Русск.(диал.) аланец 'непоседа' // Этимология, 1966.
Горький М. 1933. Детство // Соч., изд.2, М.-Л.
Даль В.И. 1981 [1880-1881]. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1-2. М.
Мокшенико В.М. 1980. Славянская фразеология. М.
Мурзаев Э.М. 1980. Избранная тюркская географическая лексика // Ономастика Востока. М.
Мурзаев Э.М. 1984. Словарь народных географических терминов. М.
Севортян Э.В. 1974. Этимологический словарь тюркских языков. I. М.
Ткаченко О.Б. 1979. Сравнительная историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев.
Фасмер М. 1986-1987. Этимологический словарь русского языка. Т.1-2. М.

---

⁹ В этой связи стоит, пожалуй, вспомнить о сформировавшемся в народе образе "нового русского", или, что еще ближе, об отношении значительной массы колхозно-совхозного крестьянства к фермерам.

Археологические исследования средневекового Тарту

Благодарю псковских и петербургских коллег, пригласивших меня написать статью для сборника в память известного и почетного члена данного коллектива, Василия Дмитриевича Белецкого. Мне хочется подчеркнуть весьма примечательный вклад В.Д.Белецкого, внесенный им в архитектурно-археологическое изучение средневековых памятников. Его работы можно рассматривать в качестве образца для специалистов во многих других соответствующих областях, в том числе и в Эстонии. Поэтому написать статью в данный сборник — большая честь для автора.

Тарту принадлежал в средневековье к числу ганзейских городов и являлся, наряду с Ригой и Таллином, одним из наиболее оживленных торговых центров в Прибалтике. Это установлено не только по письменным источникам, но и по результатам археологических исследований. Итоги археологических раскопок 1960-1970-х годов в Тарту были легко доступны для коллег из различных научных центров в СССР, позднейшие по времени работы эстонских археологов, по всей вероятности, менее известны в России. Это результат того, что целесообразный обмен научной литературой между Эстонской и Российской Федеративной республикой официально, к сожалению, крайне плохо организован. Целесообразным, поэтому, предоставляется вкратце ознакомить российских коллег с результатами исследований в средневековом Тарту, проводившимся в последние годы.

Систематические археологические раскопки освещающие образование и развитие как протогородского поселения, так и средневекового города в Тарту, проводились начиная с 1966 г. (Trummal 1974: 3-37). К настоящему времени проведено изучение более 30 объектов. Объем исследовательских работ вырос в особенности в течение последних 20 лет. По площади и результатам самые большие раскопки были произведены в центре средневекового города (Р.Мэтсалик, В.Труммал, А.Мяэсалу, М.Аун, Р.Виссак), а также архитектурно-археологические работы по изучению церкви (К.Алттоа и У.Тийрмаа). Местоположения раскопок обозначены на плане (рис.1): на ул.Лосси (2050 м²); в VII квартале города, между улицами Юликооли и Рюютли (VII квартал, 1400 м²); на территории Ботанического Сада Тартусского университета (1900 м²); на Ратушной площади и вблизи от нее (400 м²); по длине трассы улиц Рюютли и Кююни (880 м²). На остальных объектах вскрытые площади были меньше, все вместе ок.8500 м². К тому же можно добавить опубликованные еще до 1980-х годов результаты более ранних раскопок В.Труммал и А.Мяэсалу на Тартуском городище, а также не полностью опубликованные результаты изучения 1980-1990-х годов,

деревянных срубов до средневековых кирпичных зданий готического стиля, а среди находок представлены готические строительные детали, фрагменты арок и стрел сводов, изразцы разного периода, оконное стекло в оловянных переплетах XIV-XV вв., бытовые предметы из известняка (напр.: умывальники, редкостные в Тарту), памятные камни и разные декоративные архитектурные дополнения, три большие ручные мельницы и т.д.²

Вопросы возникновения и развития Тарту из маленького древнеэстонского поселения до становления его в средневековый город впервые рассматривались в некоторых работах самого автора (Trummal 1989: 3-26; 1992: 5-28; 1996: 531-540). Над этой темой продолжали работать на основе результатов новых раскопок и молодые исследователи — ученики автора и выпускники-археологи Тартуского университета. Самая большая часть этих раскопок, в частности, охранные работы, проведены под руководством Р.Мэтсаллика (Metsallik, Tiirmaa 1982: 392-398; 1983: 319-324). Последние итоги по изучению Тарту подведены в его работе “Об археологическом исследовании Тарту” (Metsallik 1995: 15-37). Оба названных автора придерживаются общего мнения, что о возникновении постоянного протогородского поселения в Тарту, на правом берегу р. Эмайыги, можно говорить на основе археологического материала с конца X — начала XI вв. (Trummal 1996: 531-540; Metsallik 1995: 15-37). Анализ стратиграфии культурного слоя и вещественного материала делает возможным обозначить в развитии города, по мнению автора, три этапа: 1) начальный, или протогородской этап — с X-XI вв. до второй четверти XIII в.; 2) этап образования средневекового города — с середины XIII до начала XIV вв., 3) этап дальнейшего развития средневековых социально-экономических и культурных отношений вместе с возведением в городе кирпичных зданий — закрал- и профанпостроек — характерных для готической архитектуры от конца XIII — начала XIV до XVI вв. (Trummal 1989: 3-26). На основе имеющихся данных можно констатировать, что самые ранние следы протогородского поселения располагались в северной и северо-восточной части подножия Тартуского городища, а отчасти и на плато (рис.1, № 2). В самой восточной болотистой части территории древнего города на берегу реки пока не обнаружено находок этого времени. Эта береговая часть была проходима лишь в двух наиболее высоких местах — на северо-востоке города, где с XIV в. находились Русские ворота (рис.1, № 12) и на юго-востоке — на восточном краю позднейшей Ратушной площади, на месте Немецких ворот XIV в.

Нижние горизонты культурного слоя первого периода в истории Тарту содержали хорошо датируемый материал, в частности, фрагменты керамики, как лепной (т.н. “рыугеский тип” и лошенная посуда), так и ранней гончарной посуды X-XI вв., некоторые монеты западного

---

2 Стратиграфия культурного слоя, а также большой объем археологического материала (кроме материалов раскопок 1990-х годов в районе Ботанического сада) рассмотрены в ряде статей, опубликованных как на эстонском, так и на иностранном языках, в большинстве своем — в научных изданиях Эстонской республики, но отчасти и в иностранных сборниках. Большинство публикаций на эстонском языке, приведенные в списке литературы к данной статье, снабжены резюме на немецком языке. Сводное монографическое исследование по истории и археологии средневекового Тарту пока не написано.

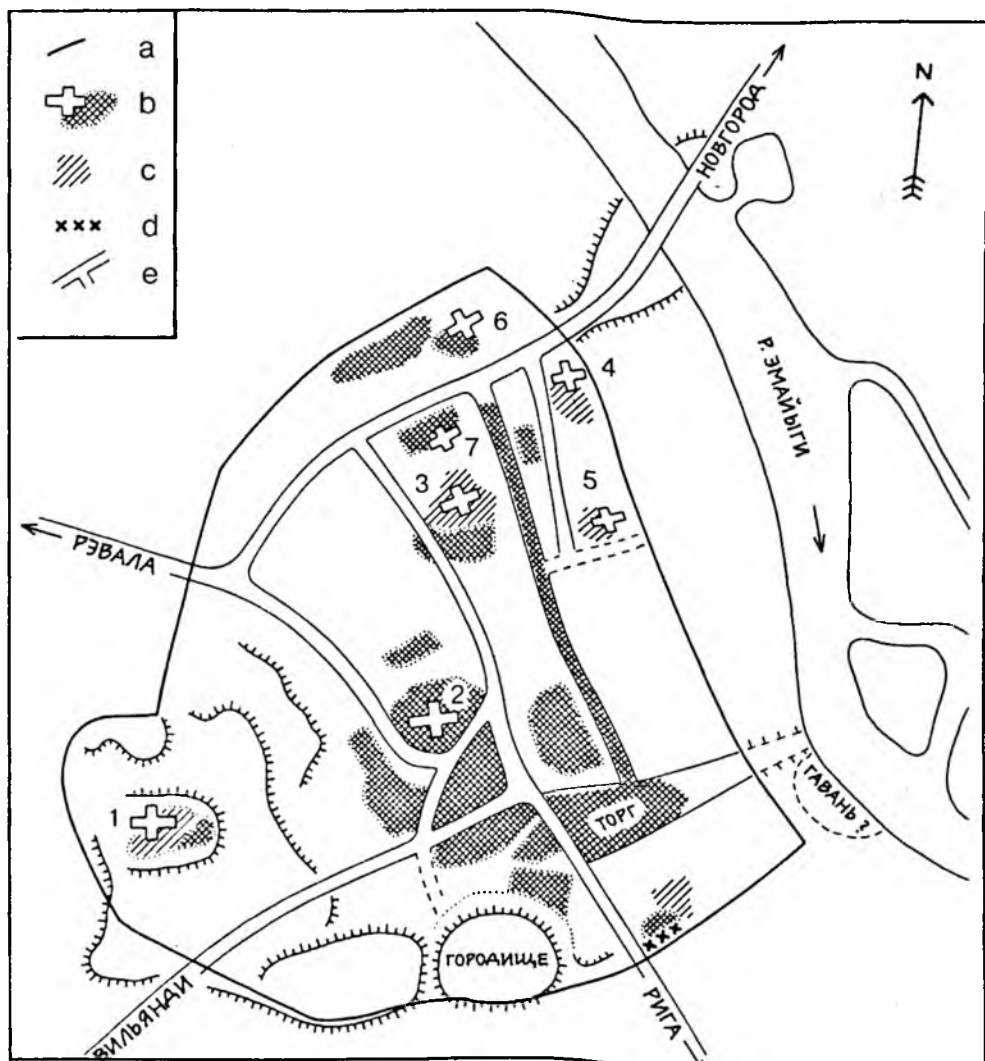

Рис. 2 Схема протогородского поселения Тарту конца XII – начала XIII вв.: а – линия фортификаций XIV-XV вв.; б – следы поселения XII-XIII вв. на местах позднейших готических храмов (1 – Домский собор; 2 – ц.Св.Марии; 3 – Яановская церковь; 4 – ц.Св.Духа; 5 – Доминиканская церковь; 6 – ц.Св.Георгия; 7 – ц.Св.Николая); с – следы поселения, не содержащие находок XI-XII вв.; d – остатки деревянных фортификаций, существовавших до возведения каменных стен; е – древние улицы и дороги, соединявшие Тарту с окружающими землями.

происхождения (соесты XI в.), остатки костяных и кожаных предметов, деревянной посуды, следы металлообработки и т.д. (Trimmel 1989: 3-26; 1992: 5-28; Metsallik 1995: 15-37). Сохранилось очень мало остатков деревянных срубных построек, зато хорошо известны многие следы уличных мостовых. Древнейшие из них, аналогичные по конструкции древнеэстонским “деревянными мостам” на болотах (замощение из деревянных плах на лагах), конструктивно сходны с деревянными мостовыми в Новгороде и Пскова XI-XII вв.

Численность и разнообразие находок более поздних горизонтов периода заметно увеличились. Бросается в глаза многообразие типов круговой керамики, среди которой преобладают черепки с линейно-волнистым орнаментом новгородско-псковских типов XII – первой

половины XIII вв. Появляются и древнейшие типы рейнской посуды из так называемой “каменной массы” (“Steizeug”), возрастает число находок деревянных сосудов, следов металлообработки, остатки плавильных печей и т.д., говорящие о более интенсивном развитии ремесла, а также обмене и торговле с окружающими землями (Trummal 1992: 5-28; Metsallik 1995: 15-37; Metsallik, Tiirmaa 1982: 392-398).

Эти явления постепенно станут преобладать в жизни и быту горожан в течение второго этапа развития средневекового города, когда Тарту стал, бесспорно, одним из наиболее важных центров торговли не только на юго-востоке Эстонии, но и на западе. Это время в развитии Тарту связано с совершенно новой политической ситуацией — с второй четверти XIII в. в Прибалтике начинается период немецкой колонизации с вытекающими из этого последствиями. Не затрагивая политических вопросов, следует, однако, отметить, что эта ситуация оказывает сильное влияние на весь процесс образования города — на планировку его застройки, структуру его кварталов, уличную сеть, не говоря уже об общественной жизни.

Таким образом, со второй половины XIII — начала XIV вв. в культурном слое древнего города и обнаруженном в нем археологическом материале появляются совершенно новые приметы, свидетельствующие о влиянии названных политических изменений. Раскопки на главных улицах древнего города (ул. Лосси, Юликооли, Рюютли, VII кв., на Ратушной площади) предоставили достаточно богатый материал о дальнейшем развитии деревянной застройки в XIII — первой половине XIV вв. Здесь были обнаружены многослойные остатки деревянных построек как срубной, так и рамной и фахверковой конструкций. Они более подробно рассматриваются вместе с богатым вещественным материалом в статьях Р.Мэтсаллика, У.Тийрмаа и М.Аун (Metsallik, Tiirmaa 1982: 392-398; Metsallik 1995: 15-37; Аун 1990: 452-455). Обнаруженные в южной части Ратушной площади постройки, в частности характеризуются как постройки с ремесленными и торговыми функциями, мастерские и лавки на древней площади торгова. Приведенная схема (рис.2) показывает, что все главные пути сообщения³ в Тарту направляются к центру — к торгу и к речной гавани, располагавшейся поблизости⁴. Простые деревянные мостовые, покрывавшие древние улицы, постепенно заменяли, начиная с последней четверти XIII в., новыми — также деревянными, но более крепкой и сложной конструкции (ул. Лосси, Юликооли, Ботанический сад). В течение XIV в. обновили настилы главных улиц и тогда же возвели церкви и парадные здания (Trummal 1989: 3-26; 1992: 5-28; Metsallik 1995: 15-37). Кроме того, во всех раскопках обнаружены деревянные остатки труб и колодцев от водоотводной системы. Это свидетельствует о благоустройстве раннего города. По данным раскопок М.Аун, эта система характерна и для упомянутого предместья (Trummal 1992: 5-28; Аун 1989: 354-359).

При изучении Тартуских улиц заметно дополняет эти данные так называемая “археология клоак”. Обнаруженные многочисленные остатки таких “клоак” (помоек), представляющих собой маленькие но все-же

3 Возможные другие интерпретации древних путей на месте Тарту см.: (Altoa 1995: 141-150).

4 Место гавани пока археологически не изучено.

разных размеров деревянные срубы. В них сохранилась прекрасная стратиграфия находок, в том числе остатки редкостных и уникальных предметов (кроме стеклянных бокалов и рейнской посуды отсюда происходят находки различных семян, остатки растений, овощей, фруктов, бактерий и т.д.). Анализы указанных находок опубликованы А.Мяэсалу, Р.Виссаком и автором этой статьи, а результаты ботанического анализа — Ю.Силласоо (Sillasoo 1995: 115-129). Вместе с тем, дискуссия о начальных функциях названных “клоак” еще продолжается и у нас, и в Западной Европе, где подобные ящики также известны во многих средневековых городах.

Расположение археологических находок начального периода образования города показывает скопление более густо заселенных очагов в определенных местах при главных улицах. В этих местах, с конца XIII — начала XIV вв. были построены готические кирпичные церкви с их кладбищами (рис.2). На территории последних были найдены и некоторые более ранние погребения, а под каменным полом Яановской церкви (Trummal 1996: 531-540) были погребены и остатки более древнего деревянного святилища⁵.

Раскопки на вышеуказанных главных улицах открыли перед нами ряд примечательных комплексов, отражающих развитие застройки и строительной техники деревянных построек более позднего средневековья (XIV-XV вв.). Обнаружились там же и новые материалы по кирпичной застройке города (помимо храмов). Богатый и разнообразный вещественный материал, связанный с этими комплексами, содержит много импортов, в большинстве своем западного (германского) происхождения (Metsallik 1995: 15-37; Trummal 1996: 531-540).

На ул. Лосси, в VII кв. и у Ботанического сада были раскрыты каменные фундаменты нескольких зданий готического типа, где частично сохранились и стены сложенные из кирпича на известковом растворе. Эти здания можно причислить к парадным домам (Ботанический сад, ул.Лосси) с производственными кирпичными постройками. Обнаружены руины их сводчатых подвалов с лестницами, оконными и осветительными нишами, с подпольной системой отопления (детали из гипокауст, калориферных плит и т.д.). Итоги изучения названных построек пока опубликованы лишь предварительно (Metsallik 1995: 15-37; Trummal 1992: 5-28; 1996: 531-540). Ждут дальнейшей обработки и опубликования также остатки деревянных построек, открытых при раскопках в VII кв. и у Ботанического сада. По мнению А.Мяэсалу и Р.Виссака, эти остатки деревянных срубов на каменном цоколе и с кирпичной печью, по обыкновению помещенной в центре, относятся к периоду с конца XIII до XV вв. Такие деревянные постройки и печи по своей конструкции отличаются от традиционных древнеэстонских срубов и их печей, однако материалы нуждаются в более подробной обработке и датировке.

Заканчивая краткий обзор результатов раскопок в Тарту, следует указать на письменные источники, а также археологические данные, характеризующие структуру средневековой уличной сети, а также свой-

5 Данная схема была приведена в статье автора 1996 г., где, к сожалению, по вине автора в комментарии вкралась неточность, а именно: якобы при всех готических церквях Тарту найдены остатки более ранних деревянных святилищ. Это положение остается не доказанным, за исключением случая с Яановской церковью

стенную Тарту т.н. парцельную систему участков средневековых кварталов. По топографии (по планам города XVII в.) эти участки располагались при главных улицах и принадлежали местному бюргерству, т.е. владельцам немецкого колонизаторского происхождения. Их фамилии известны нам по ревизионной книге Бартоломеуса Вибера (1582-1656). Таким образом, вышеназванные парадные кирпичные здания со своими производственными помещениями, мастерскими и т.д., принадлежали по всей вероятности этим владельцам. Это не значит однако, что в Тарту не было местных ремесленников. Напротив, глиняная и деревянная посуда, металлические и костяные орудия, предметы обихода были местного происхождения. Данные о развитии ремесла в Тарту имеются в приведенной литературе (Trummal 1992: 5-28; 1996: 531-540; Metsallik 1995: 15-37; Piirits 1995: 99-115).

-
- Aun M. 1990. O raskonках в VII квартале города Тарту // ENSV Tead. Akad. Toim (TAT). 4.
 Aun M. 1989. Исследования на территории средневекового пригорода Тарту // TAT. 4.
 Altoa K. 1995. Tartu keskaegsetest kaitsemuuridest ja peamisest muinasteest // Tartu Ülikooli Arheoloogilise Kabineti Toim (TÜAKT). 8.
 Aun M. 1995. Tartu keskaegse eeslinna kultuurikihist Kuuni t. Atheoloogilise materjali põhjal // TÜAKT. 8.
 Mäesalu A. 1986. Unikale Glasfunde aus Tartu // TAT. 35/4.
 Mäesalu A. 1990. Sechs Hdzkonstruktionen in Tartu (Lossi- Strasse) // TAT, 4.
 Metsallik R. 1995. Tartu arheoloogilisest uurimisest // TÜAKT. 8.
 Metsallik R., Tiirmaa U. 1982. Über die archäologische Forschung der Tartuer Altstadt // TAT. 1/4
 Metsallik R., Tiirmaa U. 1983. Über die älteste Besiedlung am Fusse der Tartuer Burg // TAT. 32/4
 Phrits P. 1995. Tartu orbed ooglised luu- ja sarvkannid // TÜAKT. 8.
 Sillasoo U. 1995. Tartu 14. Ja 15. Sajandi taimelidudest // TÜAKT. 8.
 Trummal V. 1974. Lisandeid Vana-Tartu ajalode // Tartu Riikiiku Ülikooli Toim (TUT). V.340.
 Trummal V. 1989. Tartu atheoloogiline aines vanalinna keskaegsete tanavate uurimise allikana. Allikaopetuslikke uurimusi // TUT, v.851.
 Trummal V. 1992. Arheoloogiauringutest Tartus Lossi t. // Stilus. 2. Eesti Atheologia Seltsi Teated. Tallinn.
 Trummal V. 1996. Über die Entstehung und Herausbildung der Stadt Tartu auf der Grundlage arheologischen Untersuchungen // Congressus Primus Historiae Fenno-Ugricae. 1-2. Oulu.
 Vlssak R. 1994. Der Fundstoff aus den Holzkasten des VII. Quartals in Tartu // TAT. 1.

Борисоглебская церковь XII в. из Новогрудка

Впервые восточнославянские города возникли на территории Гродненщины в конце X — первой половине XI в. Это древние Городень (Гародня, Гродна), Услоним (Слонім), Новогородок (Навагрудак) и Волковыск (Ваукавыск). Кроме кривичей в славянской колонизации бассейна Немана принимали активное участие дреговичи, а иногда и вольшяне. Каменные памятники архитектуры здесь стали возводиться в XII в. Одним из первых монументальных храмов Гродненщины является Борисоглебская церковь в Новогрудке. Возведена она недалеко от Замковой горы (древнего детинца) на территории бывшего посада.

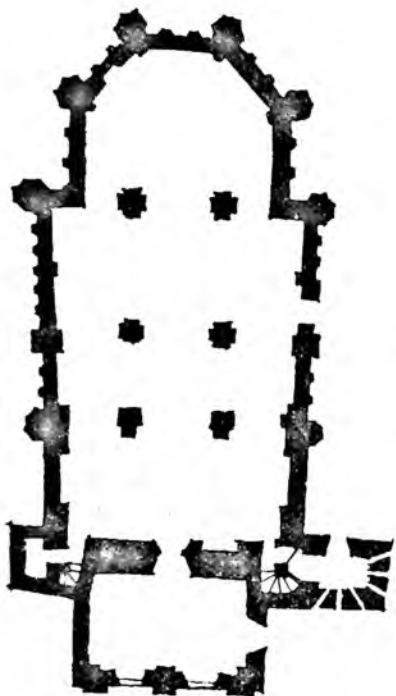
Нам не известны письменные источники, в которых называлась бы дата постройки храма, имя фундатора или автора строительства. Одна из наиболее известных легенд говорит о том, что христианский храм построен на месте языческого капища, другие легенды связывают строительство храма с великим русским князем Ярославом Мудрым, с великим литовским князем Миндовгом, или же с Ромунтом, сыном великого литовского князя Тройдена. Известно, что в Новогрудке в 1416 г. состоялось посвящение в сан первого митрополита Великого Княжества Литовского Григория Цамблака. Поэтому существует мнение, что храм возник в XIV в., когда после захвата Киева татарами в 1240 г. киевские митрополиты стали перемещаться по разным епархиям и оказались в Новогрудке, где проводили богослужения.

Белорусский историк С.Адамович обнаружила новый архивный документ под названием “Памятка о Борисоглебской церкви”, в которой называется дата постройки церкви — 1519 г. Эту дату называет в своих работах и московский исследователь архитектуры Беларуси Е.Квитницкая (1967). Интересно, что одним из самых богатых фундаторов Борисоглебского храма был известный Константин Острожский. Возможно, именно он финансировал перестройку храма в начале XVI в.

После Брестской унии 1596 г. храм становится униатским. Есть письменные сведения о ремонте храма в 1633 г. Именно в это время к западному фасаду здания пристроили дополнительный объем с двумя башнями и шипцам между ними. Церковь также получила высокую кровлю, покрытую поливной черепицей. В результате перестройки XVII в. помещение храма увеличилось в два раза и получило форму вытянутого прямоугольника с двухбашенным фасадом, украшенным декоративными контрфорсами.

Первые археологические исследования древнего Борисоглебского храма произвел в 1964 г. М.К.Каргер. Раскопки были проведены возле северной, южной и восточной стен существующей постройки. Обнару-

Рис. 1 Графическая реконструкция плана Борисоглебской церкви XVII-XIX вв. (архитектор А.И.Каптюг)

жены остатки древних стен храма, сложенные из больших известняковых блоков с отдельными прослойками плинфы. Техника кладки напоминала кладку витебской Благовещенской церкви XII в. Найдены остатки северного и западного притворов, сделанных из плинфы. Сохранился также северо-восточный угол северного притвора, оформленного лопатками с полуколонками. В 1965 г. раскопки продолжались как снаружи, так и внутри храма. В северном и среднем нефах церкви в нескольких местах нашли остатки древнего пола из керамических поливных плиток. Возле северной стены найдена северная галерея первоначального храма. М.К.Каргер считал, что древняя Борисоглебская церковь возведена в середине – второй половине XII в., причем строительство шло в два этапа: вначале возвели основной объем здания из известняковых блоков, а затем с трех сторон из плинфы пристроили галерею в технике кладки с “утопленным рядом” (Каргер 1977: 81).

В мае 1988 г. исследования Борисоглебской церкви продолжил автор. Выяснилось, что территория вокруг церкви длительное время (очевидно, с XII в.) использовалась как кладбище, и культурный слой здесь полностью перемешан. Материк находится на глубине 2,5-2,6 м от современной дневной поверхности. Раскрыты остатки галереи XII в., обнаруженной ранее Каргером. Стены сохранились на высоту 60-80 см. Они сложены из плинфы в технике кладки с “утопленным рядом” и датируются XII в. Ширина стен около 80 см. Средние размеры плинфы – 3,5-4 x 19,5-20,5 (21,5) x 26,5-27,0 (28,0) см. Интерес представляет фрагмент кладки основного объема церкви XII в., сложенной из туфовых блоков, которые иногда чередуются плинфой. Прослежены остатки полуколонки шириной 1,1 м. Ширина наиболее выступающей полукруглой части 70 см. От уровня фундамента полуколонка сохранилась на высоту 1-1,3 м. Выше идет перестроенная стена второй половины XVI – первой четверти XVII в. Эта кладка сложена со

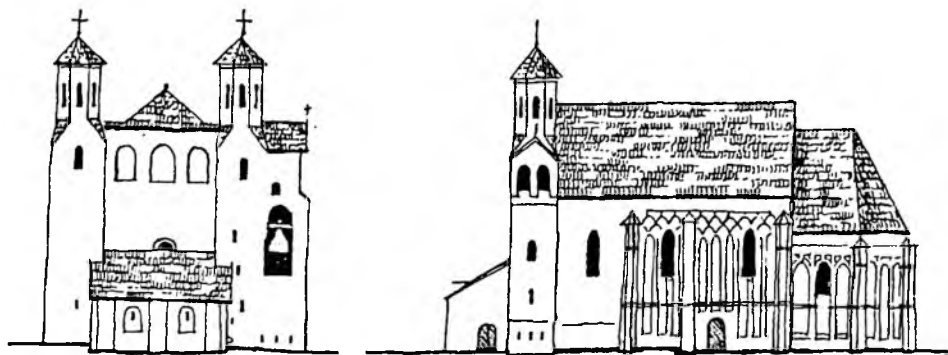

Рис. 2 Графическая реконструкция фасадов Борисоглебской церкви 1630-1860 гг. (архитектор А.И.Каптюг)

старых туфовых (известняковых) блоков, плинфы и более позднего кирпича размером 7-8 x 16 x 27 см, что подтверждает версию полной перестройки храма в XVII в.¹

В шурфе около старой части храма также прослежена древняя кладка церкви XII в., сохранившаяся на высоту 1-1,2 м. Ширина уцелевшей части полуколонки — 70 см. Фундамент здания XII в. сложен из небольших камней без раствора и залегает на глубину 75-80 см. Он впущен в черный культурный слой XI-XII вв., толщиной 70 см и прорезает его до материкового суглинка. На уровне верхнего среза фундамента зафиксирован отесанный известняковый блок размером 25 x 110 см. Он мог использоваться как древняя отмостка. В шурфе, заложенном к югу от храма, на глубине 1,2-1,3 м найдены два больших куса известнякового туфа, похожие на блоки из которых сложен основной объем храма XII в. Они треугольные, плоские, толщиной до 15 см. На глубине 1,6-1,8 м обнаружены следы древней ямы для гашения извести. Во время раскопок собрана большая коллекция различных строительных материалов. Это значительное количество поливных плиток XII в. (62 фрагмента и 11 целых экземпляров). Их форма различная (близкая к квадрату 9 x 9,5 см; 8,5 x 9,5 см; длиной 12,5 см; треугольная 8,5 x 8,5 x 12,5 см с прямым углом), а толщина варьирует от 1,5 до 2,2 см. Плитки покрыты поливой желтого, зеленого, коричневого цветов. Очевидно, что в орнаментальных композициях пола Борисоглебской церкви доминировал трехцветный шахматный набор. Судя по тому, что эмалевый слой большинства плиток практически стерт до основания, они прослужили не одно столетие, возможно — вплоть до перестройки храма в XVII в. Обнаруженный кирпич разделяется на несколько групп. К первой группе относится плинфа, которая датируется XII в. Она сделана из хорошо промешанного теста. Клейма и знаки отсутствуют. Встречаются прямоугольные плинфы различных форматов. Средние размеры плинфы 3,5-4 x 19,5-20,5 x 26,5-27 см, но есть экземпляры шириной 16 и 17 см. Одна плинфа нестандартная (5 x

¹ Сведения о том, что в XVII в. храм при перестройке был расширен за счет того, что западную стену прорубили и превратили в дополнительную пару столбов содержатся и в одной из публикаций П.А.Раппопорта, который исследовал Борисоглебский храм в начале 60-х годов XX в. (Раппопорт 1963: 35).

Рис. 3 Эскизный проект реставрации Борисоглебской церкви (архитектор А.И.Каптюг)

22 x 26 см). Собрано много фигурной плитки: трапециевидная 29 x 17 (23) x 5 см; различные типы полукруглой плитки шириной 16 и 25 см; плитка-зубчик для наружного декора шириной 7,5 – 8 см и толщиной 5,5 см.

Другая группа представлена кирпичом начала XVI в. Он имеет темно-коричневый цвет, тесто перемешано с различными примесями. На кирпичах есть слабые отпечатки пальцев на широкой стороне (три борозды) и отпечатки пальцев кирпичников на торцах. Ширина кирпичей 13-14 см, толщина 9-10 см. Весь обнаруженный кирпич фигурный, один край его скошен.

Найдено много кирпича первой половины XVII в. Это “пальчатка”, которая имеет шесть ровных канавок на “постели”. Средние размеры 6,5-7,5 x 13-14 x 27-28 см. Есть также фигурный кирпич XVII в. с одним скошенным концом толщиной 7 см, фрагмент фигурного поливного кирпича XVII в. для мощения пола (толщина 5 см, ширина 11 см). Подобные кирпичи квадратной (22 x 22 x 5 см) и шестиугольной формы были найдены ранее М.К.Каргером (РА ИИМК РАН, ф.35, оп.1/1965, д.80, л.3).

К первой половине XVII в. относится большое количество поливной черепицы. Она плоская, имеет один полукруглый конец и треугольный крепежный шип высотой 4,5-5 см. Толщина черепицы 1,5-2 см. Она покрыта поливой зеленовато-коричневого цвета. Встречалась и неполиванная черепица этого же времени, но в меньшем количестве, ширина ее 16 см, толщина 2 см.

Во время раскопок нашли несколько десятков мелких фрагментов стенок голосников XII в. Их толщина колеблется от 2,5 см около днища до 1 см в верхней части. Стенки голосников ровные, без орнамента. Собрано много небольших фрагментов фресок XII в. Обнаружены также туфовые блоки из кладки XII в. размерами от 29,5 x 10,5-11,5 x 40 x 16 см, 11,5 x 13 x 52-53 см до 32 x 76 см. Найдено несколько больших кованых гвоздей XII в. (длина до 11 см, диаметр шляпки около 4 см); на гвоздях сохранились остатки цемяночного ра-

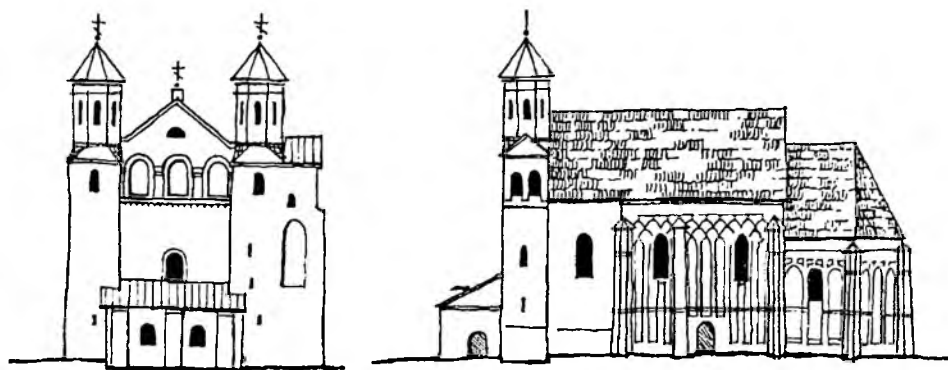

Рис. 4 Графическая реконструкция фасадов Борисоглебской церкви 1860-1882 гг. (архитектор А.И.Каптюг)

створа, так что, возможно, ими прибавались свинцовые листы на кровле храма XII в.

В результате анализа письменных и археологических источников, а также химической датировки строительных материалов можно выделить следующие периоды строительства и перестройки Борисоглебской Церкви в Новогрудке. Основной объем храма возведен в середине — второй половине XII в. строительной артелью, приглашенной из Витебска. Немного позднее, в последней четверти XII в., полоцкие мастера пристроили к храму боковые притворы и галереи в технике кладки с “утопленным рядом”. Следующая перестройка церкви состоялась в начале XVI в., когда Константин Острожский и другие православные белорусские магнаты ремонтируют старые и строят новые храмы на территории всего Великого княжества Литовского, в том числе и в Вильно. Поскольку найден только фигурный кирпич этого времени и в культурном слое отсутствует черепица начала XVI в., можно предположить, что кровля и купол церкви, а также пол остались без больших изменений. Кстати, в кладке XVII в., кирпич XVI в., как вторичный материал также отсутствует. Очевидно, что фигурный кирпич XVI в. использовался для перестройки верхних частей фасадов здания, как это было и в случае с ремонтом Борисоглебской церкви в Гродно.

После того, как храм перешел к униатам, в начале XVII в. состоялась его капитальная перестройка. Старые стены разобрали почти до фундаментов, ликвидировали притворы и галерею, достроили новую абсиду и две башни на главном фасаде храма (рис.1-3). Церковь получила новый пол, выложенный из фигурного поливного кирпича и высокую, крутую кровлю, покрытую плоской поливной черепицей желто-зеленого цвета. Похожей черепицей был также покрыт и доминиканский костел в Минске, построенный в начале XVII в. Поздние ремонты (рис.4) только испортили внешний облик здания.

Книгицкая Е.Д. 1967. Малоизвестные каменные сооружения Белоруссии конца XV — начала XVI вв. // АН. № 16.

Картер М.К. 1977. Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА. № 150.

Рашипорт П.А. 1963. Археологические и архитектурные заметки // КСИА. № 96.

Трусов О.А. 1988. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI — XVII вв. Архитектурно-археологический анализ. Минск.

Терминология древнеэстонских укреплений в средневековых письменных источниках

Основным источником при изучении истории эстонских городищ являются археологические данные. Вместе с тем большое значение имеют и сведения письменных источников, среди которых особое место занимает Хроника Генриха (ХЛ 1938; НСЛ 1955; НЛК 1962; НЛК 1982; ИК 1993), написанная по всей вероятности в 20-е годы XIII в. Автор этой хроники, священник Генрих, известный в исторической литературе как Генрих Латвийский, прибыл в Прибалтику, как полагают, в 1205 г. и оказался очевидцем происходивших здесь военных событий первых десятилетий XIII в. Он принимал участие в походах немцев и собственными глазами видел многие древнеэстонские замки. Особую ценность представляют его описания осады и завоевания Вильянди, Тарту, Лыхавере (Леолэ), Муху (Монэ) и некоторых других замков. Эти описания отличаются многочисленными подробностями, которых не найти ни в одном другом источнике, и поэтому представляют большой интерес для археологов. Данные Хроники Ливонии отчасти дополняются сведениями других источников, например древнерусских летописей. Нам кажется, что информационное наследие письменных источников для изучения древних укреплений до сих пор еще далеко не исчерпано.

При чтении Хроники Генриха можно сделать вывод, что укрепления в Эстонии, как и по всей Прибалтике, не вызвали у ее автора особенного внимания и удивления. Напротив, он относился к ним как к обычному явлению, с которым уже был хорошо знаком. Во всяком случае, автор Хроники обозначает древнеэстонские укрепления без каких-либо дополнительных замечаний тем же самым словом *castrum*, которым обозначали и замки в Центральной Европе. Как *castrum* в Хронике Генриха названы 15 древнеэстонских укреплений, большинство из которых можно идентифицировать с определенными городищами. Среди них такие хорошо известные укрепления как Тарту (Tharbata, Tharbete, Darbete — НСЛ 1955: XV-7, XIX-3 и др.), Вильянди (Viliende — НСЛ 1955: XIV-10 и др.), Отепя (Odenpe, Odempe — НСЛ 1955: XII-6, XIII-5 и др.), Варбола (Warbole — НСЛ 1955: XV-8 и др.).

Слову *castrum* по значению частично соответствует *город*, *градъ* древнерусских летописей. Как *город*, *градъ* в Эстонии летописи называют Тарту (Юрьев — ПВЛ: 101; НПЛ: 23, 40), Отепя (Медвежья Голова — ПВЛ: 201; НПЛ: 20, 40), Варбола (Воробын, Воробьев Нос — ХЛ 1938: 288, примеч.129), а также датский замок в Таллинне (Колывань

— НПЛ: 61). Диапазон значений древнерусского слова *город*, *градъ* все же несколько отличается от латинского *castrum*. Слово *город*, *градъ* в летописях стало обозначать не только укрепление-замок, но и город (ср.: Рыбаков 1985: 94). Интересно отметить, что в первоначальном значении — укрепленное, огороженное место — *город*, *градъ* вполне аналогичен эстонскому слову *linn*. Последнее этимологически связано с финскими *linnoita* (укреплять) и *linnoitus* (укрепление). Как древнерусское *город*, *градъ*, так и эстонское *linn* стали названиями средневекового и современного города. Финское же слово *linna* сохранило древнее значение укрепления, крепости, дворца до сих пор.

В древнерусских летописях *городами* в Эстонии называли, возможно, прежде всего наиболее важные и крупные укрепления. Характерно, что в летописях кроме общего названия древнеэстонских укреплений встречается и другое слово, а именно *осек*¹. Этим словом, очевидно, подчеркивается и деревянный характер оборонительных сооружений этих укреплений. В одном случае как *осек* упомянуто конкретное укрепление. Это осек Кедипив в древней земле Харью, завоеванный Изяславом Ярославичем в 1054 г.² Упомянутый осек идентифицируется с городищем Кеава³ в современном Рапласком уезде, в 60 км к югу от Таллинна. Это относительно небольшое укрепление с площадкой примерно 900 м², защищенной валами и рвом с обоих концов.

В отличие от древнерусских летописей, в Хронике Генриха понятия укрепление-замок и город четко отличаются друг от друга. Город в этой хронике обозначается словом *civitas* (HCL 1955: 244): как *civitas* обозначены Висби (Wusby), Любек (Lubek), Рига (Riga), Ерсика (Gersike), а также Новгород (Nogardia), Псков (Plescekowe), Полоцк (Ploceke). Характерно, что на территории древней Эстонии в Хронике Генриха не упоминается ни одного города. Кроме замков единственным типом поселения здесь отмечается только *villa*, т.е. деревня или хутор. Применяемая Генрихом терминология во всяком случае свидетельствует об отсутствии в Эстонии в начале XIII в. поселений, сравнимых с городами в соседних восточных и западных странах. Тем не менее археологические данные дают все же основания предполагать существование поселений типа посада с местом торга у некоторых наиболее важных замков (Моора, Лиги 1969: 25; Tõnisson 1996: 541-551).

Два древнеэстонских укрепления упомянуты в Хронике Генриха как *castellum* (HCL 1955: XV-7, XXIV-1) — Сомелинде (Somelinde) и Риоле (Riote) Остается непонятным, что заставило автора хроники назвать эти укрепления данным термином вместо слова *castrum*. Можно лишь отметить, что оба они находились на территории Восточной Эстонии к северу от р.Эмайыги, но точное место их расположения неизвестно. Мнение некоторых комментаторов о том, что в терминологии Хрони-

1 При описании похода князя Мстислава на Варбола в летописи сказано: "...Том же дне иде князь Мстислав съ новгородьци на Чюдь на Ереву, сквозе землю Чюдскую къ морью; села их потрати и осеки их възьма; и ста съ новгородци подь городом Воробийномь и Чюдь поклонишася ему..." (НПЛ: 52).

2 Поход Изяслава Ярославича в Эстонию в 1054 г. - "Изяслав иде Чюдь и взя осекъ Кедепива, сиречь солнца рука" - упомянут в ряде летописей (Vonnell 1862, с.4). "Солнца рука" является прямым переводом древнего эстонского названия, искаженной формой которого является Кедепив (Кетепив, Декипивь).

3 Кеава, ранняя форма Kedenpäih, переводится на русский язык все же не как "солнца рука", а как "солнце руки".

ки Генриха *castellum* не отличается по значению от *castrum*, не вполне убедительно. Добавим, что кроме двух восточноэстонских укреплений в качестве *castellum* в Хронике упоминаются некоторые замки, построенные немцами в начале XIII в. на территории Латвии (HCL 1955: 243): Сигулда (Sugewalde), Цесис (Wenden) и Турайда (Vredelande).

Особо следует отметить два древнеэстонских укрепления, названных в Хронике Генриха не только *castrum*, но параллельно и термином *urbs* (HCL 1955: XXX-4,5): Вальяла (Waldia) и Муху (Mone) на островах Сааремаа и Муху. Оба они были хорошо укрепленными, но ни по размерам, ни в других отношениях не представляли собой исключительного явления. К тому же слово *urbs* использовалось в Хронике и как общее название сааремааских укреплений.

По мнению издателей Хроники Генриха Л.Арбузова и А.Бауэра, *urbs* не отличается по значению от слова *castrum* (HCL 1955: 30, примеч.2). Приблизительно такую же точку зрения выразил в эстонском переводе Хроники ее комментатор Э.Тарвел (HLK 1982: 53, примеч.10). Автор более раннего эстонского перевода, Ю.Мягисте полагал, что слово *urbs* обозначало укрепление, имевшее постоянное население (HLK 1962: 276, примеч.35). В русском издании Хроники Генриха *urbs* в отличие от *castrum* переведено С.А.Аннинским не как замок, а как город (ХЛ 1938: IX-8 и др.). В Центральной Европе, в частности на западнославянских территориях, термин *urbs* применялся для обозначения расположенного у замка города (Anderson 1971: 31). По мнению Э.Мугуревича, слово *urbs* в Хронике Генриха обозначало не только замок с примыкающим к нему форбургом и поселением, но и окружающую их территорию (IK 1993: 362), которую, очевидно, следует понимать как территориальную единицу, соответствующую замковой общине. Можно также добавить, что и слово *castrum* обозначало во многих случаях не только замок, но и территорию, центром которой являлось данное укрепление, т.е. замковую общину (ср.: HCL 1955: 243). Прозвища "Варбольцы" (Warbolenses) или "Вальдийцы" (Waldienses) в Хронике Генриха подразумевают не только жителей замков Варбола и Вальяла, но и население окружающих эти укрепления территорий. Вполне аналогично значение слов "медвежане" или "юрьевцы" в древнерусских летописях (НПЛ: 77).

В Хронике Генриха также иногда встречается слово *tunicio*, обозначающее укрепления в широком смысле, без указания на конкретный замок. Кроме того, термин *tunicio* имел в Хронике и более узкое значение. Анализ текста Хроники позволяет прийти к выводу, что словом *tunicio* в ней обозначено более высокое башнеобразное сооружение, построенное для защиты воротного проезда и ведущей к нему дороги. Аналогичное значение имел и термин *summitas castri* (Tõnisson 1985: 174-181; НК 1982: 113, примеч.40), переведенный С.А.Аннинским на русский язык как "верхушка замка" (ХЛ 1938: XV-1). При осаде замков немцами и их союзниками, например Вильянди, борьба концентрировалась именно вокруг этого сооружения (ср. HCL 1955: XIV-11). Подобные башнеобразные сооружения в Хронике Генриха упомянуты в Лыхавере, Соонтагана, Тарту и ряде других замков в Эстонии и Латвии. Вместо *tunicio* или *summitas castri* они иногда обозначались и словом *arx* (HCL 1955: XIX-8).

Прослеживаемое по данным Хроники Генриха появление башнеобразных сооружений свидетельствует о значительном усовершенствовании оборонительной системы древнеэстонских замков в первые десяти-

летия XIII в. Эти изменения были, безусловно, вызваны военно-стратегическими и политическими причинами. Следует отметить, что сооружение оборонительных башен начиная с XII в. и особенно в XIII в. было характерным явлением и в древнерусской военной архитектуре (Раппопорт 1956: 137).

После вторжения в Эстонию в начале XIII в. немцев и датчан для установления их власти началось сооружение замков. В Хронике Генриха эти новые укрепления называются уже известным нам термином *castrum*. В более поздних прибалтийских хрониках XIII-XIV вв. для их обозначения употреблялись различные слова, самым распространенным из которых было *burc*, *burg*, соответствующее по значению латинскому *castrum* в Хронике Генриха. Встречаются также слова *vestung* и *hus*. Нижненемецкое *hus*, соответствующее верхненемецкому *Haus*, является переводом эстонско-латышского слова *maja*, *maja*.⁴ Слово *maia*, *maya* несколько раз встречается в Хронике Генриха. Автор Хроники объясняет его значение как сборное место войск. Нам кажется, что это место представляло собой в какой-то мере укрепленный военный лагерь, что очевидно послужило поводом использовать слово *maja* для обозначения укреплений. Слово *maja* употреблялось в языке прибалтийских немцев до XVI в. (HCL 1955: 94. примеч.7; Johansen 1933: 256).

Для обозначения укреплений местного населения в поздних прибалтийских хрониках употреблялось слово *hag* (*hac*). Так, в Старшей Ливонской рифмованной хронике этим термином обозначается укрепление в Каарма на острове Сааремаа (*Hag Carmele*), которое в 1261 г. стало центром военных событий (LR 1876: 140-145). Слово *hagen* встречается также в Младшей Ливонской рифмованной хронике. При описании восстания 1343-1345 гг. в ней упоминается о строительстве двух укреплений в Харьюмаа и одного на острове Сааремаа; оба укрепления обозначены этим термином (LNR 1960: 90).

Нижненемецкий *hag* переводится на верхненемецкий как *Verhau* (засека) или *Einfriedigung* (ограда). Применяя этот термин, хронисты отмечают не только деревянный характер этих укреплений, но, очевидно, подчеркивают также их отличие от немецких и датских замков. Можно полагать, что по значению слово *hag* близко к названию *осек* древнерусских летописей.

Упомянутые в ранних письменных источниках различные термины для обозначения замков указывают на некоторую дифференциацию этих укреплений как в строительном, так и социальном отношениях. Нет сомнения в том, что они заслуживают пристального внимания при осмыслении результатов археологических исследований городищ.

Мюора, Х., Лиги, Х. 1969. Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII века. Таллин.

Раппопорт, П.А. 1956. Очерки по истории военного зодчества X-XIII вв. // МИА. № 52.

Рыбаков, Б.А. 1985. Замок. // Древняя Русь. Город, замок, село. Археология СССР (т.15). М.

ХЛ 1938. - Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарий С.А.Аннинского. Предисловие В.А.Быстрицкого. 2-е изд. М.-Л.

Anderson, H. 1971. Urbanisierte Ortschaften und lateinische Terminologie. // Acta regiae societatis scientiarum et litterarum Gotheburgensis, Humaniora, 6. Göteborg.

---

4 На современных эстонском и латышском языках *maja*, *maja* обозначает дом, хутор.

- Bonnel, E. 1862. Russische-livländische Chronographie. Vom der Mitte des neuen Jahrhundert bis zum Jahre 1410. St.Petersburg.
- HCL 1955. – Henrici Chronicon Livoniae. Edito altera. Recognoverunt Leonid Arbusow et Albertus Bauer. Hannoverae.
- HLK 1962. – Henriku Liivimaa kroonika. Ladina keelest tõlkinud Julius Mägiste. Stockholm.
- HLK 1982. – Henriku Liivimaa kroonika. Tõlkinud Richard Kleis. Toimetanud ja kommenteerinud Enn Tarvel. Tallinn.
- IK 1993. – Indriķa kronika. A.Feldhūna tulkojums. E.Mugurēviča priekšvards un komentari. Riga.
- Johansen, P. 1933. Die Estländliste des Liber Census Daniae. Kopenhagen, Reval.
- LNK 1960. – Liivimaa noorem riimkroonika (1315-1348). Tallinn. (Väljaandja Sulev Vahre).
- LR 1876. – Livländische Reichchronik mit Anmerkungen. Namenverzeichnis und Glossar herausgegeben von Leo Meyer. Paderborn.
- Tõnisson, E. 1981. Summitas castrī tähendusest Henriku Liivimaa kroonikas. // Eesti ajaloo probleemid. Tallinn.
- Tõnisson, E. 1996. Zum Problem der frühgeschichtlichen Handelsplätze in Estland (800-1200 n. Chr.). // Congressus Primus Historiae Fenno-Ugricae. Historia Fenno-Ugrica 1:2. Oulu.

О некоторых работах из перламутра прошлых веков

Искусство резьбы по перламутровым раковинам до сегодняшнего дня продолжает оставаться мало исследованным. За последние годы повышается интерес к этой сфере деятельности мастеров, делаются попытки разграничения основных центров производства и определения стилистических особенностей изделий, связанных с этими центрами. Предметы из перламутра — как культовые, так и светские — за редким исключением, не имеют точных датировок, не имеют паспортных данных, которые помогли бы установить происхождение предметов. Публикаций памятников также крайне мало, чтобы была возможность выстроить более или менее полный ряд с характеристикой художественного своеобразия включенных в этот ряд предметов.

Напомним, что перламутровые раковины как поделочный материал в европейском искусстве стали использоваться с XVI в. (Фелькерзам 1911; Уханова 1982: 25-27; 1992: 44-47; 1996: 154-161). Мореплаватели привозили их из-за морей, а художники оценили нежную красоту нового материала. Не случайно перламутровые изделия соединялись с драгоценными металлами, и, таким образом, работа мастера резьбы по перламутру естественно соединялась с работой ювелира. Известно, что перламутр привлекал внимание А.Дюрера.

В числе русских сокровищ XVI-XVIII вв. имеются уникальные произведения, хранящиеся в музеях Пскова, Москвы, Петербурга. Одной из редких работ по перламутру является панагия из собрания Псковского музея-заповедника. Это небольшая круглая пластина, на одной стороне которой помещено изображение Ветхозаветной Троицы с надписью по кругу “Благословен еси, Христе Боже наш премудрый”, а на другой стороне — изображение Распятия с предстоящими и апостолами (Родникова 1981: № 32). Гравировка утонченная, искусно выполненная, что свидетельствует о большом мастерстве исполнителя и прекрасном понимании художественного стиля XVI в. Можно предполагать, что автором работы по перламутру мог быть гравер по серебру¹ или резчик по кости, владевший профессиональной техникой работы с твердым материалом. Фигурная оправа выполнена из тончайшей золоченой серебряной скани с включением в нее драгоценных камней. Не случайно

¹ Следует принять во внимание мнение М.М.Постниковой-Лосевой о том, что псковским мастерам, в первую очередь — серебрянникам, был свойственен линейный графический стиль, получивший признание и оказавший воздействие на творчество широкого круга мастеров Русского Севера (Постникова-Лосева 1974).

такого типа произведения введены в круг уникальных памятников псковской школы XVI-XVII вв.²

Другое уникальное произведение — также перламутровая панагия первой половины XVI в. — хранится в собрании музеев Московского кремля (Tesori 1993: № 14). Для ее изготовления были использованы две достаточно крупные раковины (18 x 15 см), украшенные резными изображениями: на внутренних сторонах — изображения Богоматери Знамение и Троицы с сопутствующими надписями; на наружных сторонах — изображения Распятия с предстоящими и Отцов Церкви; по кругу нанесен геометрический орнамент из крюков, пластично обрамляющий композиции. Работа выполнена искусными граверами, владевшими как иконографическими изводами, так и техникой нанесения рисунков на поверхность, где невозможны исправления и переделки. Двустворчатая панагия имеет тончайшей работы оправу из серебряной золоченой скани. Это — великолепное произведение русских мастеров XVI в. Ее исключительность заключается в том, что мастера сумели создать прекрасное произведение декоративно-прикладного искусства, предназначенное для особо торжественных церемоний.³

К перламутру подходили с несомненным уважением как к материалу незаурядному, обладающему пленительной красотой. Интересно сообщение тверского архиепископа Саввы (1863: 8, № 6, табл.IV,21) и Н.П.Кондакова (1915: 121, рис.48) о панагии, приписываемой московскому патриарху Иову⁴: перламутровая панагия “чашееу”, в серебряной золоченой оправе с камнями по краям; на панагии в низком рельефе было представлено изображение Богоматери Знамение в окружении херувимов, а в нижней части помещено изображение круга с шестью точками и неопределенным знаком в центре (Кондаков 1915: рис.48). Этой панагией Иова благословил на патриаршество цареградский патриарх Иеремия II. С панагией связана романтическая история, о которой повествуют путешественники, посещавшие Афонские монастыри. Наиболее обстоятельно легенда отражена в записках В.Барского, побывавшего в святых местах на Афоне и посетившего, в частности, монастырь Св.Николая, ранее именовавшийся Ставро-Никитским. Основателем обители в 1553 г. был патриарх цареградский Иеремия I. Ему весьма понравился крутой берег моря, где обычно ловили рыбу местные жители. Однажды рыбаки в присутствии патриарха выловили из моря древнюю мозаичную икону с изображением Св.Николая⁵. Образ оказался

-
- 2 Панагия происходит из ризницы Иоанновского Предтеченского женского монастыря Пскова; неоднократно отмечалась особая художественная ценность этого произведения.
  - 3 Панагия происходит из Благовещенского собора Московского кремля: она использовалась в обрядах при царском дворе, связанных с поминовением предков.
  - 4 Иов, тверичанин, воспитывался в стариком монастыре, был монахом, с 1571 г. стал настоятелем Симонова монастыря. Он много внимания уделял просветительской деятельности. В 1586 г. Иов занял место московского митрополита, а с 1589 г. стал первым московским патриархом.
  - 5 Мозаичный образ Св.Николая стал главной достопримечательностью монастыря, в котором было множество серебряных кадил, светильников и различной утвари. Икона была вставлена в золоченый киот, украшенный драгоценными камнями. По мнению русских путешественников, она представляла собой образец премудрости и тщания древних иконописцев. Неоднократно отмечалась особая ценность данной иконы-мемории, а также свособразие иконографии Св.Николая, характерной по стилистике для критской школы иконописания XV-XVI вв. Интересно, что легенда о чудесном улове рыбаков оказалась запечатленной на одной из икон греческого письма XVII в.:

поврежденным: в трещине на лобной части лица застряла перламутровая раковина. Раковину извлекли, и патриарх сделал из одной половины малое блюдо, на котором выносят часть Богородичной просфоры, а из другой половины — ту самую панагию, которой был благословлен московский патриарх. Как записал Барский, “на маргаритной оной чаше, яже бяше верьху лица иконы, изобразиша искусным художеством панагию” (Барский 1778: 144).

Использование перламутровых раковин для изготовления культовых предметов со временем становится привычным. В XVI-XVII вв. резьба по перламутру еще была редкостью, тогда как в XVIII-XIX вв. технологией резьбы овладели настолько, что появилась массовая продукция, а, наряду с уникальными произведениями, стали изготавливаться и расхожие изделия. Именно такого рода реликвии можно встретить в российских и зарубежных коллекциях. Резные произведения имеют свои стилистические особенности, свидетельствующие о том, что мастера вносили в предметы нечто, свойственное тому или иному центру. Но интересно отметить особую склонность к созданию культовых реликвий из перламутра теми мастерами, которые работали в монастырях. Ассоциативная связь между древним образом Св.Николая, перламутровой раковиной и последующими изображениями на аналогичных раковинах указывает на устойчивость контактов между русскими и греческими мастерами, объединяемыми общими основами духовной культуры православного мира.

(Барский В.Г.) 1778. Пешехода Василия Григорьевича Барского Плаки Албова, уроженца киевского, монаха Антиохийского. Путешествие к Святым местам в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писанное, ныне же на издешем Его Светлости, князя Григория Александровича Потемкина... СПб.

Ковдаков И.А. 1915. Иконография Богородицы. Т. II. Пгр.

Родникова И. 1981. Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. М.

Савва. 1863. Указатель для обозрения московской Патриаршей ризницы. М.

Уханова И.Н. 1982. Из истории резьбы по перламутру // СГЭ. № XLVII.

Уханова И.Н. 1992. Резьба по перламутру // Афонские древности. Каталог выставки из фондов Эрмитажа. СПб.

Уханова И.Н. 1996. Перламутровый крест из собрания Эрмитажа // Византия и византийские традиции. СПб.

Фельккерман А. 1911. Перламутр и его применение в искусстве // Старые годы. ноябрь.

Tesori dal Cremlino Arte e la storia. Catalogo della Mostra. Mosco-Vienna. 1993.

на ней представлены рыбаки, лодки на море, сети, на горе — Ставро-Никитский монастырь, над стенами которого возвышается образ Св.Николая с рассеченным ликом. Кстати, обретение иконы в море — не единственная легенда афонских монастырей. Известна история обретения иконы Богородицы, ставшей святыней Иверского монастыря на Афоне; в XVII в. с нее был сделан список и прислан в Москву, а патриарх Никон в 1656 г. поместил эту икону в Иверский монастырь на Валдае.

Культурное наследие «Зарубежной России»

Среди множества “открытий” российской исторической науки последнего времени наиболее значимым, но, к сожалению, до конца не понятым, стало открытие “Зарубежной России” — явления неоднородного и неординарного даже для нашей полной парадоксов и неожиданных зигзагов истории. И теперь, спустя десять лет после того, как стало возможным заниматься проблематикой российского зарубежья, мы не слишком приблизились к знанию, а, соответственно, и к пониманию его истории и культуры.

Элементы эмиграции фиксируются в русских летописях раннего периода и связаны с внутривосточной борьбой в Древней Руси. Удельные князья неоднократно “бегали” за рубеж, использовали иностранную военную силу для достижения своих целей — достаточно вспомнить Святополка Окаянного и Александра Невского. Польские, чешские, венгерские войска, возглавляемые русскими удельными князьями, помогали им возвращать утраченные “стола”. Однако наиболее известным и наиболее придаваемым проклятию (кстати, и поныне), политическим эмигрантом стал князь Курбский, бежавший от притеснений Ивана Грозного в Литву. В знаменитых письмах царю Курбский обосновал свою “измену” так: “Если кто во время прелютного гонения не бегаёт, тот сам себе убийца, противящийся слову Господню... Аще гонят вас во граде, бегайте во другой”. Интереснейшие свидетельства о невозвращенцах дошли до нас от XVI в.: четыре человека из группы молодых дворян, посланной царем Борисом Годуновым за границу для обучения языкам, решили не возвращаться дамой. Один из них — Никифор — стал священником в Лондоне, другой секретарем в Ирландии, двое других оказались в Индии. Более того, Никифор молил Бога за английских купцов, которые его вывезли из России.

В XVIII-XIX вв. в эмиграции возникают новые “потоки” — религиозный и экономический. Первый связан с расколом Православной церкви 1654 г.: приверженцы древнеправославной церкви, наряду с бегством в глубь страны, переходили также и за рубеж. Позднее, под давлением властей к ним присоединились члены различных толков и сект — некрасовцы, духоборы, молокане, толстовцы. Гои общины существуют и поныне. Второй поток составили, в основном, крестьяне, бежавшие от тягот крепостного права. На протяжении XVII-XIX вв. старообрядцы представляли существенную опасность как для официальной церкви, так и для власти, виду своей сравнительной многочисленности и поддержки населения во многих областях России, Остроту проблемы иллюстрирует записка писателя Мельникова Великому князю Константиону Николаевичу: “Что если в случае разрыва с Австрией впереди

австрийских войск пойдет Кирилл (Белокриницкий митрополит), осе­нением своего восьмиконечного креста он причинит России во сто крат больше вреда, чем штуцера и пушки австрийские...”

Основы культуры и традиций “Зарубежной России” закладываются в XVIII в.: значительные изменения в отношении эмиграции и Запада приходится на годы правления Петра I. Большая открытость с миром способствовала быстрому вхождению России в общеевропейскую цивилизацию, приобщению к мировым культурным ценностям: тысячи россиян обучаются за границей наукам и военному мастерству, происходит расширение династических связей с королевскими домами Европы, с этого времени начинает складываться российская зарубежная диаспора.

XIX в. ускорил и закрепил эти тенденции. В это время уже никого не удивляли россияне в Германии, Франции, Италии. Русские ученые, художники, писатели, путешественники наводнили Европу, многие из них достаточно долго проживали за границей, а некоторые оставались там навсегда. Только во Франции в 1851 г. постоянно проживало около 10 тысяч россиян, причем их число к концу XIX — началу XX вв. постоянно возрастало (1901 г. — 16000, 1911 г. — 35800 чел.). Чехов, Тургенев, Ковалевская, Белинский, Чаадаев, Карамзин, Фонвизин, Гоголь и многие другие известные деятели российской науки и культуры жили и творили в Европе¹.

XX в. в истории эмиграции стал определяющим в формировании ее нового места как в истории России, так и всего мира. Октябрьский переворот, гражданская война в России, последующий коммунистический террор заставил покинуть Родину более 3 млн. российских граждан. Трудно описать всю трагедию “российского исхода”. “Из России ушла не маленькая кучка людей... ушел весь цвет страны, все те, в руках кого было сосредоточено руководство ее жизнью, какие бы стороны этой жизни мы не брали. Это уже не эмиграция русских, а эмиграция России...”, — писали парижские “Последние новости”. В ходе “пролетарской революции” из РСФСР-СССР были изгнаны сотни тысяч россиян, ее интеллектуальная элита — И. Бунин, Б. Зайцев, Б. Поплавский, А. Бенуа, К. Сомов, Г. Иванов, В. Зеньковский, П. Ульянов, Г. Вернадский, И. Сикорский, Н. Черепнин, С. Рахманинов, В. Ходасевич, Н. Осоргин, Л. Бакст, К. Коровин, И. Репин, М. Добужинский... Удар нанесенный культуре России большевиками оказался столь существенным, что Россия не оправилась от него до сих пор.

Не менее полноводной была “волна исхода” 1941-1947 гг., связанная со Второй мировой войной. Сейчас уже перестал быть “государственной тайной” факт уникальной, когда более 1 млн. советских граждан служили в немецких частях, сражались о оружием в руках против советской власти — “Власовская армия” (РОА), казачьи добровольческие части, “Русский корпус” в Югославии, “хиви” и т. д. Включая “остарбайтеров”, вне пределов “советского государства” сказались более 12 млн. человек, из которых репатрировано в СССР лишь немногим более 8 млн., а остальные предпочли не возвращаться в “социалистическое отечество”, пополнив многомиллионную армию “изменников”.

---

¹ Особое место в среде русской диаспоры занимали политэмигранты (Герцен, Лавров, Кропоткин, Плеханов, Ленин и др.), однако эта немногочисленная группа не играла существенной роли, как собственно и последующая социал-демократическая эмиграция.

В результате “Зарубежная Россия” окончательно оформилась как некое противостоящее СССР государство, жившее по законам свободного мира. В 1928-1960 гг. в Европе были основаны русские университеты, факультеты, гимназии, научные центры, созданы общественные, религиозные и политические организации, профессиональные союзы офицеров, инженеров, медиков, ученых. Многочисленные культурные центры в Париже, Праге, Берлине, Белграде, Софии, Нью-Йорке завершили формирование ныне существующей культурно-исторической среды обитания российской диаспоры.

Возвращаясь к истории эмиграции нельзя не остановиться на ее культурной основе — памятниках, свято чтимых в “Зарубежной России”. Только в Центральной и Западной Европе более 1000 памятников церковной и гражданской архитектуры “Зарубежной России”, более 2000 памятников мемориального и монументального искусства (включая военные мемориалы), более 2300 воинских захоронений и памятников, около 1500 памятных мест, связанных с жизнью и деятельностью известных русских ученых, военных, общественных и религиозных деятелей, центров духовной жизни, союзов, обществ, около 150 крупных русских некрополей, отдельных русских участков на национальных кладбищах. На американском континенте — в Северной Америке — около 500 памятных мест, 50 памятников монументального и мемориального искусства, более 50 русских некрополей и участков, более 400 православных храмов и 4 монастыря. Есть памятники “Зарубежной России” в Австралии, Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии, отдельные памятники встречаются в казалось бы таких неожиданных местах как Шри-Ланка, Тунис, Египет, Южно-Африканская Республика.

Наиболее интересными с архитектурной, а иногда и с мемориальной точек зрения представляются православные храмы. Начало им было положено строительством в 1565 г. церкви Святого Георгия, основанной в г. Нейдене (Норвегия) Святым Трифоном — “просветителем саамов”. Наиболее значительное строительство развернулось в XIX-XX вв. и связано, в первую очередь, с расширением российской диаспоры за рубежом и событиями в России после октябрьского переворота 1917 г. В Германии до сих пор существуют такие храмы и постройки XIX в. как ц.Равноапостольной Марии Магдалины (1804, Ваймар), Воскресения Христова (1837, Берлин), Святого Александра Невского (1829, Потсдам), Преображения Господня (1882, Баден-Баден). В часовне церкви Велико-мученицы Екатерины (1824, Штутгарт) похоронена королева Вюртембергская Екатерина, третья дочь Павла I. В Висбадене, в часовне при церкви Святой Елизаветы похоронена великая княжна Елизавета, племянница Николая I, супруга герцога Адольфа Нассауского. Кстати, храм в Висбадене по праву считается одним из красивейших в Европе. Построен он был в 1861 г. на земле, специально привезенной из России. Во внешнем облике храма читаются мотивы собора Василия Блаженного. Внутри до сих пор сохранились росписи и барельефы, дополняющие великолепный иконостас XIX в. Надгробие княжны Елизаветы — саркофаг белого мрамора с фигурой почившей — один из известнейших мемориальных памятников не только в Германии, но и в Европе.

Во Франции замечательнейшим из более чем 300 православных церквей памятником по праву считается собор Святого Александра Невского в Париже. Построенный в 1859-1861 гг. тщанием посла России во Франции графа П.Киселева, собор быстро стал не только религиозным, но и культурным центром российской диаспоры. Побывать в

соборе стремились практически все россияне, когда-либо посещавшие Париж: здесь бывали император Александр II, художник Полонов, писатель Тургенев и многие другие. После гражданской войны собор приобрел значение памятника “белым воинам” — 35 тысячам офицеров, погибших в братоубийственной сече. В этом соборе отпевали Шаляпина, Кандинского, Бунина, Лифаря, В.Некрасова, А.Тарковского, В.Максимова. И поныне собор Св. Александра Невского сохраняет свое религиозное и культурное значения для россиян в Европе.

Другим не менее интересным памятником европейского значения являются храмы Святого Николая (1857 и 1897) в Ницце. В одном из этих храмов торжественно отпевали наследника престола, великого князя Николая Александровича, умершего в Ницце в 1865 г. Оба храма построены в древнерусском стиле, традиционном для практически всех православных храмов за рубежом. В храме Св.Николая в Ницце еще Н.Тургеневым была основана русская библиотека, составляющая ныне 13000 томов. Кстати сказать, состояние ее далеко не лучшее, что связано с невозможностью ее достойного хранения и использования. Среди православных храмов Франции особое место занимают храмы-памятники в Мурмеллоне, Сент-Илер ле-Гранд, Сен-Женевьев де Буа, построенные в память умерших или погибших за границей россиян. Интерес представляют православные храмы в Италии, прежде всего — ц.Рождества Христова во Флоренции, построенная в 1899 г. по проекту М.Преображенского. Средства на иконостас и мраморную отделку были пожертвованы Николаем II. Интереснейшие с архитектурной точки зрения храмы в Хельсинки (Финляндия) и Биргер Ярл (Швеция) были построены в конце XIX — начале XX вв.

Нельзя не упомянуть о храме-памятнике Успения Богородицы в Праге, воздвигнутом на русском участке старинного Ольшанского кладбища. Созданный “приношением и трудами сыновей и дочерей земли русской, братской помощью народа чешского, долею участия народа сербского” храм изначально был замыслен как памятник. “В память русских воинов за веру, царя и отечество и за свободу народов словенских живот свой положивших, а также в междусобной брани за Россию смерть обреченных. Память их из рода в род”, — гласит надпись на фасаде церкви. Такое же значение для россиян имеет и храм в Белграде, в котором хранятся знамена и ордена “белых” полков, покинувших родину в 1920 г. Многие православные храмы Европы имеют значение памятников российскому исходу.

В США в отличие от Западной Европы подавляющее большинство храмов (за исключением небольшого числа миссионерских церквей) построены во второй половине XX в. Тем не менее замечательнейшим памятником православной архитектуры можно назвать комплекс Свято-Троицкого монастыря. Здесь причудливо смешались древнерусские традиции и современная американская архитектура. Тем не менее, посещая монастырь, каждый раз оказываешься в России: те же монахи, те же паломники, тот же размеренный быт, присущий русским обителям. Среди церквей в США особое место занимают соборы в Сан-Франциско и Лос-Анжелесе, комплекс женского монастыря в Ново-Дивеево, близ Нью-Йорка.

Начиная с XIX в. вокруг многих православных церквей возникают русские кладбища, как дань древней традиции. Одновременно открываются и русские участки на национальных кладбищах. Могилы русских людей разбросаны во всем мире, в самых неожиданных местах встре-

чаются православные кресты — как безмолвные памятники россиянам, нашедшим свой последний приют в чужой земле. Российские некрополи за рубежом — это мартиролог старой России, ее истории и культуры. Всем известно кладбище Сен-Женевьев де-Буа под Парижем — крупнейший некрополь россиян за рубежом. Здесь покоятся Альберт Бенуа, А.Амальрик, А.Богаевский, С.Булгаков, И.Бунин, А.Галич, О.Глебова-Судейкина, Г.Иванов, Н.Кедров, К.Коровин, Л.Ланской, С.Лифарь, Н.Лосский, С.Маковский, Д.Мережковский, В.Некрасов, З.Пешков, О.Преображенская, Б.Поплавский, А.Ремизов, К.Сомов, П.Спасский, А.Тарковский, В.Зеньковский и многие другие. Здесь же устроены и памятники военной славы “белых” войск — Кадетский участок, Галлиполийский участок, Участок донских артиллеристов, Казачий участок. До сих пор на могилах служат панихиды по “усопшим борцам за Россию”. Менее известны русские могилы на других кладбищах Франции: в Париже на кладбище Пер-Лашез похоронены prima-балерина императорских театров Андреевна, декабрист Н.Тургенев, Н.Махно, художники А.Бенуа и Л.Бакст, П.Лавров, чемпион мира по шахматам А.Алехин; на кладбище Батиньоль погребен Петлюра; на кладбище Монмартр — художник К.Богданов, декабристы П.Голицын и Я.Толстой, танцовщик В.Нижинский. В Сель-сен-Клу похоронена княгиня М.К.Тенишева, воссоздавшая там же “малое Талашкино”: на ее могиле установлен крест по эскизу Билибина. Во Франции похоронены В.Ходасевич, В.Кандинский, Б.Суварин. Значительное русское кладбище находится в Ницце — старинном центре русской эмиграции. На кладбище “Кокад” похоронены Г.Адамович, В.Безобразов, Т.Малявин, А.Меллер-Закомельский, А.Раевский, Н.Юденич, О.Пантюхов. На городском кладбище “Шато” похоронены княгиня Юрьевская, многие представители рода Толстых. Здесь же погребен А.Герцен; на его могиле установлен памятник работы П.Завелло, к сожалению, находящийся сейчас в неудовлетворительном состоянии.

В Германии мы находим несравнимо меньшее количество русских кладбищ-некрополей. Многие из них не описаны и не изучены, имеют случаи сноса памятников, на некоторых царит запустение. Наиболее известны такие крупные русские некрополи как “Братское кладбище” в Берлине, кладбище “Русские Фридрихс-Бокела” в Хейншвенвальде, кладбища в Ингольштадте, Лерте, Штукенброке, Висбадене (захоронения с XVIII в.). Интерес представляют такие памятные места как кладбище русских воинов времен Суворовских походов в Вайнгартене (сохранилась книга актов о смерти суворовцев) и в Равенсбурге (в “Русском лесу”). Среди захоронений известных россиян сохранились могилы проф. И.Четверикова в Штутгарте, И.Васильчикова в Беден-Балене, историка М.А.Миллера, О.В.Виноградова, публициста и писателя Т.Степуна в Мюнхене, художника, иконописца и писателя Сабашниковой-Волошиной (первой жены М.Волошина).

В США наиболее крупные некрополи россиян — это кладбища при монастырях: Новое Дивеево, Новая Коренная Пустынь, Свято-Троицкий. Русские участки находятся при бывшей ферме РООВА в Лейквуде, на “Сербском кладбище” в Сан-Франциско, в Голливуде. Могилы россиян есть на национальных кладбищах по всей территории США. Среди всемирно известных и почитаемых ученых, таких как Сикорский и Зворыкин, на территории США похоронены ученый-изобретатель высоко-октанового бензина — В.Комаровский (Чикаго), изобретатель метода звукового обнаружения подводных лодок, кавалер ордена Почетно-

го Легиона К.Шиловский (Брукфилд), проф.Спекторский (Пассейк), философ и историк проф. Г.Вернадский, политические деятели старой России — Б.Бахметьев (профессор Санкт-Петербургского университета, Политехнического института, с 1917 г. посол Временного правительства России в США, с 1931 г. профессор Колумбийского университета на кафедре механики, в 1951 г. избран почетным профессором Колумбийского университета, похоронен в Брукфилде), В.Чернев (Нью-Йорк), художники Д.Бурлюк, М.В.Добужинский.

Интересен жизненный путь таких известных деятелей как А.Тамиров и С.А.Больш. А.Тамиров — один из выдающихся деятелей американского кино, снялся более чем в ста фильмах, в том числе — вместе с Г.Купером “(Генерал умирает на рассвете)”, с Г.Гарбо (“Королева Кристина”), с К.Хепберн (“Семь драконов”). Артист балета А.Больш учился у таких известных мастеров как Иогансон, Карсавина, Легат, с 1903 г. выступал в Мариинском театре, гастролируя с собственной труппой, он принимал участие в Дягилевских русских сезонах в Париже. В 1911-1914 г. у Дягилева солировал в балетах “Петрушка”, “Жар-Птица”, “Шахерезада”. В его труппе выступала А.Павлова. В США выступала в Метрополитен Опера.

На кладбище Йельского университета находится могила Н.И.Ульянова (1905-1985) — выпускника Петроградского университета, профессора русской истории в Архангельском университете и ЛГУ. Историк Русского Севера, сотрудник Института истории АН СССР, Николай Иванович Ульянов был в 1936 г. арестован, прошел соловецкий и норильский лагеря, с 1941 г. был на фронте, а в 1947 г., после германского плена, оказался в Марокко. В 1955 г. он перебрался США и с 1956 по 1973 г. являлся профессором русской истории и литературы Йельского университета. Н.И.Ульянов — автор работ “Происхождение украинского сепаратизма”, “Влияние иностранного капитала на колонизацию русского севера в XVI-XVII вв.”, сотрудничал в журналах “Возрождение”, “Новый журнал”, “Русская мысль”, работал на радиостанции “Освобождение”. На могильном камне — стихи Г.Иванова:

“За пределами жизни и мира
Все равно не расстанусь с тобой
И Россия, как белая лира
Над засыпанной снегом судьбой.

В США похоронены такие известные деятели революционного движения как анархист, глава Анархистского интернационала А.Шапиро, бывший участник коммунистического движения, сотрудничавший в бухаринском “Новом мире” Браиловский. Среди военных в США обрели последний приют такие герои как генералы Елецкий и Деникин, полковник С.В.Болдырев, подполковник В.А.Гамалий (участник похода в Персию, кавалер ордена Св.Георгия и Английского военного креста, командор 2 Уманского полка генерала Врангеля), капитан Б.В.Сергиевский (летчик, герой Первой мировой войны, сбивший 11 немецких самолетов, награжденной чуть ли не всеми орденами Российской империи). В США на кладбище Ново-Дивеевского монастыря похоронена дочь Л.Н.Толстого А.Л.Толстая — крупный русский общественный деятель, основательница “Толстовского Фонда”. На кладбище. “Кенсико” близ Нью-Йорка, среди чисто американских памятников находится могила С.Рахманинова с православным крестом. В Нью-Йорке в 1959 г.

скончалась Л.Галанчикова-Филиппова, жена Б.Филиппова — владельца известных всем москвичам булочных. Увлечшись авиацией, она поехала учиться летному делу в Германию и в 1911 г. стала первой женщиной получившей диплом летчика. В Германии она испытывала самолеты Фоккера, позднее поставила несколько рекордов продолжительности и высоты полета. По примеру европейских русских мемориалов на православном кладбище в Ново-Дивеевоком монастыре был сооружен аналогичный мемориал, связанный с событиями Второй мировой войны: на центральной аллее кладбища установлен общий памятник погибшим воинам Русской Освободительной армии, напротив — часовня-памятник Русскому корпусу воины которого, в основном из числа старой эмиграции в Югославии, сражались на стороне Германии против коммунистов-партизан Югославии. В 1955 г. там же был сооружен памятник кадетам. Ежегодно возле этих памятников происходят многолюдные торжества с богослужением. Менее известны русские кладбища и памятники в Египте, Марокко, Чили, Аргентине, Парагвае, Бразилии, Уругвае, в “черной” Африке.

Наиболее значительный пласт исторического наследия для большинства стран мира, в том числе и для России — воинские захоронения и памятники. Активное участие России во многих европейских конфликтах XVII-XX вв. не прошло бесследно, и свидетельством славы российского оружия стали могилы. Первые четко читаемые российские воинские захоронения относятся к концу XVII — началу XIX вв. и связаны с альпийскими походами А.В.Суворова в Северную Италию и Швейцарию, действиями российского флота под командованием Ф.Ф.Ушакова в Южной Италии (Бриндизи, Бари, Анкона, Неаполь) и, конечно, с зарубежными походами Русской армии в 1813-1815 гг. В частности, в г.Троя до сих пор существует так называемый “Казачий крест” на братской могиле более 2000 русских воинов Кавказского отряда Васильчикова, погибших в 1814 г. в г.Тер-Шаменуа в бою с арьберггардом французской армии². На парижском кладбище Мо сохраняется памятник поручику лейб-гвардии конно-гренадерского полка Д.С.Богданову, погибшему в марте 1814 г. под Парижем. Могилы участников тех событий сохранились у Лейпцига, Висбадена, в Праге, где производились массовые захоронения погибших в битвах русских воинов. События русско-турецкой войны 1878 г. оставили могилы русских солдат в Румынии и Болгарии. Русско-японская война оставила захоронения погибших русских моряков-военнопленных в Японии — в городах Оки, Такасаки и, конечно же, в Порт-Артуре. До сих пор стоит огромный мраморный крест на братской могиле 14631 солдата (из 20 тысяч погибших), перенесенных сюда после войны с бастионов и линий обороны³.

Самыми значительными по количеству памятников стали Первая и Вторая мировые войны. За пределами России русские воинские захоронения Первой мировой войны находятся в основном в Польше, Сербии и Франции, в последние двух — это могилы воинов русских экспеди-

2 Кетати, об этих же событиях напоминает указатель (ок.1816 г.) у г.Рекрой с надписью на русском языке “До города Мабе 85 верст”.

3 Последний раз крест реставрировался в 30-х годах нашего века казаками из эмигрантского Донского хора Платова. Частичные работы проводились и позднее — в период деятельности здесь Советской Военно-морской базы.

ционных корпусов, погибших в 1915-1918 гг. Во Франции сохраняются и почитаются могилы солдат экспедиционного корпуса. Уход за ними осуществляется как французскими властями и патриотическими организациями, так и русскими эмигрантами, В г. Мец раскинулось целое поле белых крестов, поставленных над могилами 1278 солдат и офицеров корпуса, а рядом расположена братская могила еще 2000 воинов. Большое кладбище корпуса находится также в Мурмеллон-ле-Гранд, где захоронено более 1000 воинов. В храме-памятнике при кладбище на стене расположены 3 мемориальные мраморные доски с именами 34 офицеров и 4000 унтер-офицеров и солдат корпуса, погибших на чужбине. Это кладбище самое почитаемое во Франции: до сих пор здесь собираются потомки участников боев корпуса. Город Сент-Илер-ле-Гран — место захоронения 908 русских воинов корпуса, погибших во Франции. При кладбище в 1936-1937 гг. по проекту А. Бенуа возведен храм-памятник в честь участников боев на французских и македонских фронтах, строительство храма финансировал С. Рахманинов. Небольшое кладбище бойцов корпуса, умерших в апреле-мае 1917 г. в местном госпитале, находится в Сент-Ло под Шербуром. Останки бойцов Русского экспедиционного корпуса, погибших на македонском фронте, покоятся в Белграде на русском кладбище. В самом неожиданном месте — в г. Пенанг на острове Цейлон — стоит памятник 8 русским морякам, погибшим в 1914 г. в бою русского крейсера “Жемчуг” и немецкого крейсера “Энден” в акватории порта. Крест здесь поставлен казаками хора Платова в 1938 г. Большие русские военные кладбища I и II мировых войн, расположенное в Австрии в городах Галльгам и Гредаче в районе Зальцбурга, объявлены заповедными. Тщанием архиепископа Стефана в 1964 г. здесь поставлен памятник с поистине символической надписью: “Потерявшие Родину русские своим воинам”.

В течение 70 лет советскому правительству не было дела до жертв “империалистической бойни” до “серых скотинок, одетых в солдатские шинели”. Представители департамента охраны памятников в Страсбурге рассказывали, что примерно в 1975 г. сюда приезжали русские военные. Посетив кладбище советских граждан в Страсбурге, они отказались посетить кладбище русских солдат I мировой войны, заявив: “Нам до него нет дела, хоть сносите”. Думаю, что многочисленные правительственные и думские делегации, столь часто посещающие Страсбург, не нашли времени отдать долг погибшим россиянам — сомневаюсь что они вообще знают об этом месте.

В Германии большинство военных кладбищ являются местом захоронений русских военнопленных. Всего за 1914-1918 гг., на территории Германии в заключении находилось более 2 млн. российских военных. Лагеря были разбросаны по всей стране. Наиболее крупные из них — Мюнхеберг, Кассель, Шнейдемюлле, Бранденбург, Кюстрин. Всего — более 40 лагерей, не считая филиалов. К сожалению, кладбища военнопленных в большинстве своем находятся в заброшенном состоянии либо вообще исчезли. Исследовательская работа здесь не проводилась никогда, не было и работ по увековечению памяти защитников Отечества, что, впрочем, уже не удивляет.

Однако, наибольшее возмущение вызывает состояние русских кладбищ I мировой войны в Польше, в частности — в Белостокском воеводстве. Можно назвать лишь несколько мест — Оржеховичи, Шумки, Августово, Гродек, Турна Дужа, Хорошег, Бела Гора. Печально

смотреть на сваленные в груду надгробия, заросшие могильные холмы, убогие покосившиеся и полностью сгнившие кресты. Понятно, что Польше нет дела до русских могил, но возмутительно то, что нет дела и России и, в частности — российскому посольству. Близ г.Бела Гора существуете кладбище 56 русским и 15 немцам, погибшим в боях 1915 г.: памятник на этих могилах тогда же установлен немцами и стоит до сих пор, а Россия так и не удосужилась отдать дань уважения памяти своих воинов.

Нет необходимости останавливаться на военных памятниках II мировой войны. Огромное количество памятников и мемориалов разбросано по всей Европе (всего более 5000 памятников). Однако, лучше всего они сохранились и сохраняются в западных странах. Так, по закону “О вечном покое” в Германии такие памятники вообще не подлежат сносу. В отличие от Запада, в Восточной Европе к памятникам погибшим советским солдатам относятся достаточно индифферентно, а часто и враждебно: их воспринимают как символ коммунистического порабощения. Необходимо отметить, что более 20% всех военных памятников II мировой войны нуждаются в реставрации, либо полной реконструкции. Особенно активная деятельность в этом направлении ведется российским посольством в Румынии и в Финляндии.

Несколько особняком стоят памятники советским военнопленным и “остарбайтерам” в Западной Европе. В качестве примера возьмем Францию: такие захоронения сохраняются в городах Мец, Страсбург, Нойер-Сент-Мартин, Омец, Сент-Илер-ле-Гран, Валерой, Вальперинжелле-Мин, Векрен, Верни. Но внимания им часто не уделялось, а некоторые могилы и памятники находятся в неудовлетворительном состоянии. Неудивительно, что Россия была не в курсе эксгумации и переноса останков российских воинов в 1970-х годах. Впрочем, систематизация памятников не проведена и поныне.

В заключение обзора российских памятников “Зарубежной России” коротко остановлюсь на памятниках, связанных с историей Российского Зарубежья. Это — памятные места, организации, школы, культурные центры, библиотеки. Значительное количество таких памятников сконцентрировано в Европе, и, в первую очередь, во Франции, но немало памятных мест есть и в Чехии, Сербии, Германии.

Во Франции действовала русская гимназия, консерватория им.С.Рахманинова, курсы Головина при союзе Галлиполийцев, “Русский литературный клуб писателей”, литературный кружок “Коченье”, библиотека им.Тургенева, музеи русского искусства, русские культурные центры. В аббатстве Сент-Оинсент в г.Сенлис почитается основательница аббатства (ныне колледжа) Анна Ярославна — дочь Ярослава Мудрого и королева французская, здесь же установлена ее статуя.

В Германии до сих пор существуют удивительные памятники российской старины. Всеобщие известна деревня Александровка, не есть и другие места. У г.Иевер, принадлежавшего русским императорам в 1793-1818 гг., еще в начале XIX в. установлен памятник с изображением русского герба и надписью “В честь бракосочетания Их Императорских Высочеств Великих княжон Александры Павловны и Елены Павловны. 1801 г.” Близ города сохранилась колонна с русским гербом и надписью на русском языке “Княжество Иевер. До города I мля”. Большинство других достопримечательностей связано с послереволюционное эмиграцией: в Германии активно работала русская религиозно-философская академия, русский научный институт, детская библиотека,

русская библиотека Толстовского Фонда, издательства, выходили газеты и журналы. Дома, связанные с деятельностью этих и других организаций, сохранились до сих пор. В Польше наибольший интерес представляет комплекс крепостных сооружений в Подлине, дом и могила М.И.Кутузова в Болеславце, комплекс императорских охотничьих угодий в г.Беловеже. Здесь находится уникальная православная церковь с керамическим иконостасом, подаренном, по легенде, японцами как знак извинения за известное покушение на наследника Николая Александровича, будущего Николая II. К сожалению часть иконостаса была разрушена в результате попадания бомбы во время войны и до сих пор не восстановлена.

“Зарубежная Россия” — объективный факт, понимание которого в равной степени зависит от понимания современной истории России во всем ее многообразии. К сожалению, система ценностей российской диаспоры за рубежами СССР, жившей по законам свободного мира, настолько отличается от системы ценностей, сформированных в СССР и постсоветской России, что сближение во взглядах как было невозможно ранее, так невозможно и теперь. Отмечу некоторые *точки взаимонепонимания* В отношении гражданской войны, подавляющее большинство российского общества до сих пор считают своими “красных”, а эмиграция — “белых”; в постсоветском российском обществе сильны коммунистические настроения, в эмиграции же преобладают настроения “зоологического антикоммунизма”; подавляющее большинство зарубежной диаспоры считают “власовцев” борцами с коммунизмом, в СССР и постсоветской России их называют изменниками; в экономических взглядах российское общество в большинстве придерживается социалистических взглядов, а в эмиграции — капиталистических. Никакие декларации нынешнего правительства России не в состоянии что-либо изменить, по крайней мере в ближайшие несколько десятилетий. Остается верить в то, что на смену *взаимонепониманию* постепенно придет *взаимопонимание* — осознание того, что у всех у нас одни корни, одна история, одна Россия.

О некоторых типах бронзовых подвесок из могильника Залахтовье

В начале II тысячелетия н.э. на западных окраинах Новгородской земли среди древнерусских погребальных памятников выделяется могильник у дер. Залахтовье, расположенный на восточном побережье Теплого залива Чудского озера. Его материальная культура XI-XII вв. имеет ярко выраженный финский характер, который особенно проявляется в деталях одежды и украшений погребенных (Хвоцинская 1990: 10-13).

Одним из важнейших индикаторов финской культуры в частности являются различные бронзовые подвески-амулеты, входящие в состав комплекса женских и детских украшений. В залахтовских погребениях встречены редкие для Новгородской земли образцы бронзовых зооморфных подвесок и амулетов-гребешков, которые были представлены, как в ранних захоронениях XI в. (№ 23 грунтовое трупосожжение, № 128 трупосожжение в дерево-земляном сооружении, № 103 грунтовое трупоположение), так и в погребениях XII вв. (№ 195, 208, 245 трупоположения в подкурганых грунтовых ямах; № 2 из раскопок К.Д. Трофимова курган с трупоположением на горизонте земли).

Всего в залахтовских погребениях было найдено 4 плоские зооморфные фигурки. Одна зооморфная подвеска зафиксирована в детском погребении (№23), три в женских захоронениях (№ 2, 128, 245).

Подвески из погребений № 23, 128, 245 представляли собой плоские изображения водоплавающих птиц (рис.1, 1-3). Реконструировать их местоположение в погребениях не представляется возможным, так как две из них происходят из захоронений, совершенных по обряду кремации, а одна найдена в разграбленном погребении в переотложенном состоянии. По классификации Е.А.Рябинина, подвеска из грунтового погребения № 23 относится к типу I, причем к наиболее раннему классическому его варианту (Рябинин 1981: 12-15). Это прорезное изображение водоплавающей птицы со сложенными крыльями, выпяченной грудью, заостренным клювом и расширяющемся на конце хвостом (рис.1, 2). По данным Е.А.Рябинина из общего числа найденных на территории Руси подвесок такого типа 81% сосредоточен в курганах Юго-Восточного Приладожья, поэтому не случайно этот тип иногда называют приладожским. В отличие от приладожских экземпляров ноги залахтовского изображения соединены перемычкой, в то время как у приладожских фигурок они оформлены в виде отдельных пластинчатых лапок. Туловище, ноги и хвост залахтовской подвески были украшены циркульным орнаментом, а голова пуансонным. Любопытно, что шесть птицевидных фигурок, украшенных циркульным орнаментом из Приладожья, были найдены исключительно в ранней группе погребений на р.Ояти, поэтому

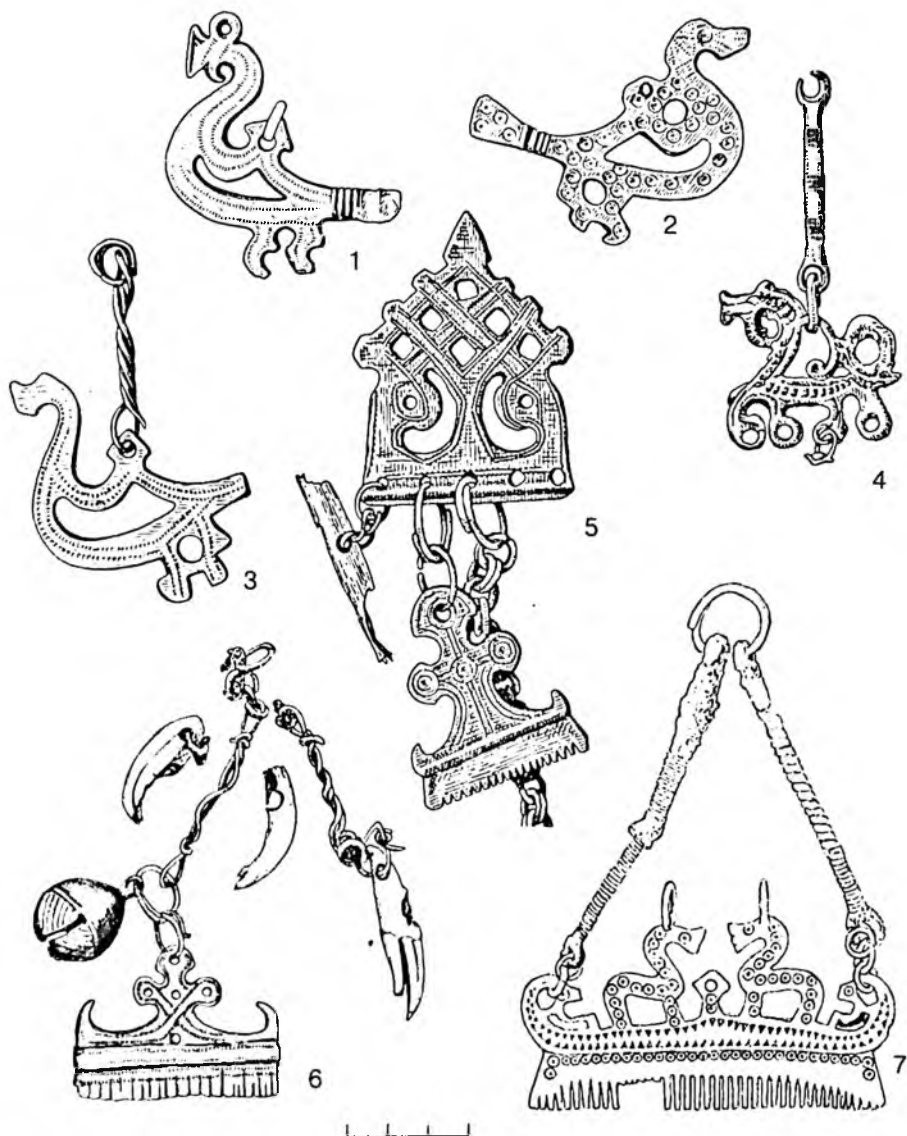

Рис. 1. Бронзовые зооморфные подвески и подвески-гребешки из могильника Залахтовы (Псковская обл.)

С.И.Кочкуркина предполагает, что эти изображения первоначально появились в культуре населения Ояти, а затем распространились по всей территории Приладожья (Кочкуркина 1973: 36). Время появления данного типа фигурок в Приладожье Н.В.Тухтина относит к концу X в. (Тухтина 1971: 180). В свою очередь общие хронологические рамки бытования этих украшений Л.А.Голубева определяет второй половиной X — началом XII вв. (Голубева 1973:44).

Зооморфные подвески из залахтовских погребений № 128 (рис.1,3) и 245 (рис.1,1) в общем облике композиции близки к рассмотренному нами классическому образцу. Здесь так же изображены водоплавающие птицы как бы в момент ходьбы. По классификации Е.А.Рябинина подвеска из погребального сооружения № 128 (XI в.) в единственном экземпляре представляет в его каталоге тип II (Рябинин 1981: 16-17). К

одному из несколько более поздних вариантов этого же типа можно отнести и фигурку из кургана № 245 (XII в.). От типа I они отличались тем, что на тулове этих изображений имелась только одна удлиненная прорезь, напоминающая по форме крыло птицы, клюв у фигурок был сделан в виде широкой, прямо срезанной трапециевидной пластины, а петля для подвешивания имела ромбовидное очертание. Ноги одной птицевидной подвески были соединены перемычкой, а у другой оформлены в виде двух пластинчатых лапок. Головка подвески из кургана № 245 увенчана круглой петелькой, внизу же имелся загнутый внутрь выступ-бородка (рис.1, /). Оба изображения были украшены пуансонным орнаментом. В отличие от фигурки из погребения № 23, подвески данного типа в основном локализируются в памятниках ливов и эстов и их прибалтийско-финское происхождение не вызывает сомнения (Bähr 1850: Taf. IX:1; Latvijas 1974: tab. 53:24; Лиги 1982: табл. XIV:2; Мандель 1986: табл. IX:4; Тыниссон 1984: 184, рис.2:7). При этом, как справедливо отмечает Е.А.Рябинин, птицевидные подвески данной группы не отличаются полным единообразием деталей (Рябинин 1981: 17). Действительно, среди серии этих подвесок нет двух абсолютно одинаковых изделий, каждая имеет свои специфические особенности, так как они изготавливались индивидуально способом литья по восковой модели.

Плоская коньковая подвеска из кургана № 2 (Трофимов 1909: 5,6 табл. курган №2) была прикреплена с правой стороны к нагрудным цепям (типа рис.1,4). Е.А.Рябинин интерпретирует подобные подвески (тип XIII, вариант I) как изображения коньков с раскрытой пастью и свисающей уздечкой (Рябинин 1981: 17,27, табл. XI-1). По типологии А.Э.Зариня эти подвески относятся к группе I и названы исследовательницей ажурными коньками (Zarina 1974:242, 1 att.:3, 2 att.: 1-3). Основная концентрация находок таких подвесок фиксируется в памятниках прибалтийских финнов ливов и эстов; правда, отдельные редкие изделия встречаются и вдали от Прибалтики.

К следующей группе бронзовых подвесок относятся привески-амулеты в виде бронзовых моделей гребешков (4 экз.). Три гребешка были обнаружены в женских захоронениях XII в. (погребение № 17 из раскопок К.В.Кудряшова; курганы с погребениями в грунтовых ямах № 195, 208) и один в детском погребении XI в. (№ 103 грунтовое труположение). К сожалению, от подвески в кургане № 195 при раскопках были зафиксированы только остатки в виде окислов бронзы, причем находящиеся в таком влажном состоянии, что сохранить их не удалось. Однако, по форме этот бронзовый гребешок был полностью идентичен подвеске из детского погребения (рис.1,6). Общими признаками для трех изделий (из погребений № 103, 195 и 208) являлись вытянутые вверх и загнутые во внутрь боковые края гребня, а также крестообразное навершие. В тоже время по размерам и пропорциям украшения из захоронений №103 и 195 отличались от подвески, найденной в кургане № 208. Они имели достаточно значительные размеры (ширина гребешка из погребения № 103 5 см, высота 3,7 см), основную часть этих изделий составлял сам гребешок, который был увенчан небольшим навершием. В составе древнего костюма они играли роль самостоятельных украшений, подвешенных к поясу погребенных. В детском захоронении помимо бронзового гребешка в состав амулета входили три кабаньих клыка и бронзовый бубенчик (рис.1,6). В свою очередь подвеска из кургана № 208 имела вытянутые пропорции (ши-

рина 4,2 см, высота 5,1 см) и ее вытянутое крестовидное навершие, украшенное циркульным орнаментом, по размерам значительно превосходило собственно нижнюю гребешковую часть изделия. Подвеска была прикреплена к ажурному пятиугольному цепедержателю, являясь, таким образом, частью комплекса нагрудных украшений (рис.1,5). По общему облику и пропорциям последняя подвеска напоминает украшение из ливского захоронения могильника Саласпилс-Вейстури (Zariņa 1987: 27-28, 16 att.:11). Вообще следует отметить, что в ливских погребениях встречается целая серия миниатюрных подвесок, которые можно рассматривать как стилизацию подвесок-гребешков с крестообразными навершиями (Bähr 1850: Taf.X:1, XXI:16; Latvijas 1974: tab. 53:11).

Достаточно редкая подвеска-гребень была обнаружена в Залахтовье К.В.Кудряшовым в кургане № 17 (Кудряшов 1913: 257-258). Бронзовый гребень достаточно значительных размеров был увенчан интересной композицией, состоящей из изображений двух коньков смотрящих друг на друга, между ними располагался небольшой ромбический столбик, а за ними по краям морды каких-то животных (рис.1,7). В литературе высказывались различные мнения относительно интерпретации данной композиции (Шноре 1961:123). Наиболее развернутое объяснение всей композиции дал в своих работах Б.А.Рыбаков. В статье 1948 г. он усматривает в изображениях коньков и ромба, украшенного солярными знаками, сильную стилизацию языческого сюжета, связанного с изображением богини и животных (чаще коней). Со временем, как считает автор, женское божество стали заменять столбиком с ромбическим навершием (Рыбаков 1948: 102-103). Впоследствии Б.А.Рыбаков вновь обратился к сюжету залахтовской подвески. Характер орнаментации подвески, по мнению Б.А.Рыбакова, делит ее на две зоны: нижнюю водяную, которая завершается с боков двумя головами ящеров и верхнюю надводную, где коньки в солярных знаках символизируют небо с дневным солнцем, а небольшой ромбический знак между ними уже не богиню плодородия, как автор думал прежде, а саму землю. По мнению Б.А.Рыбакова на данной подвеске изображена картина мира, характерная для северных племен (Рыбаков 1987: 544-545).

В результате исследований прибалтийско-финских памятников на территории Латвии и Эстонии, в настоящее время выявлена целая серия подвесок близких залахтовской по сюжету изображения и композиционному исполнению. Однако, каждая из этих подвесок своего рода уникальное изделие. Кстати залахтовская подвеска отличается от прочих своим изяществом, пропорциональностью и тщательностью изготовления. Наиболее близкая аналогия ей найдена в могильнике Лаукскола (Latvijas 1974: tab.53:19). Кроме того, бронзовые массивные подвески гребни с изображением двух смотрящих друг на друга животных встречены на Асотском городище, в эстонских могильниках Саваствере и Майдла, а также на территории Финляндии (Шноре 1961: 37,38,123, рис.52; Мандель 1986: 359, Taf. IX: 8,9; Kivikoski 1973: Abb. 789).

Таким образом, рассмотрение бронзовых зооморфных подвесок и амулетов-гребешков из могильника Залахтовья показывает, что основным круг их аналогий, за небольшим исключением (в частности зооморфная подвеска из грунтового погребения № 23), восходит к украшениям прибалтийских финнов — древних эстов и ливов, что вполне соотносится с общим обликом материальной культуры обитателей Залахтовья и что, главным образом, и отличает этот памятник от близлежащих древнерусских могильников западной окраины Новгородской земли.

- Голубева Л.А. 1973. Вещь и славяне на Белом озере. X-XIII вв. М.
- Комкуркина С.И. 1973. Курганы Юго-Восточного Приладожья в X-XIII вв. М.
- Кудряшов К.В. 1913. Отчет о раскопках 1911 года в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии // ЗОРСА. Т.IX СПб.
- Лиги П. 1982. Об исследовании поделок курганов в Йюуга // Известия АН ЭССР. Т.31 (обществ. науки). № 4.
- Мандель М. 1986. Могильник в Маййла // Известия АН ЭССР. Т.35 (общественные науки). № 4.
- Рыбаков Б.А. 1948. Древние элементы в русском народном творчестве. Женское божество и всадники // СЭ. №1.
- Рыбаков Б.А. 1987. Язычество Древней Руси. М.
- Рыбишин Е.А. 1981. Зооморфные украшения Древней Руси // САИ. Вып. Е1-60.
- Трофимов К.Д. 1909. Раскопки курганов при д. Залахтоше-Кувшиново С.-Петербургской губернии Гдовского уезда. М.
- Тухтина Н.В. 1971. Этническая принадлежность погребенных в курганах Юго-Восточного Приладожья // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
- Тынянен Э.Ю. 1984. Некоторые вопросы идеологии и этнические традиции в Эстонии в XI-XIII вв. (по материалам городища Лыхавере) // Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 11-15 мая 1981 года. Л.
- Хвоцкая Н.В. 1990. Население восточного берега Чудского озера // Финны в Европе. VI-XV века. Прибалтийские народы (историко-археологические исследования). Вып. 2. М.
- Шноре Э.Д. 1961. Асотское городище. Рига.
- Bähr J.-K. 1850. Die Gräber der Liven. Dresden.
- Kivikoski E. 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Latvijas PSR arheologija. Rīga. 1974.
- Zariņa A. 1974. Dažu Mārtinsalas kapsetas kapu senlietu kompleksi ar stilizētu dzīvnieku figūru piekariniem // Arheologija un etnogrāfija, XI. Rīga.
- Zariņa A. 1987. Sakaspils Vejsūru kapulauki // Arheologija un etnogrāfija, XV. Rīga.

О двух наперсных реликвариях из раскопок в Твери

В последние годы в результате археологических работ расширен круг памятников древнерусского прикладного искусства, связанных с Тверью. В 1994-1996 гг. в восточной части Тверского кремля были проведены крупномасштабные исследования средневекового слоя, датируемого от рубежа XII-XIII и до конца XIV в., в котором зафиксировано 9 тыс. индивидуальных находок (Лапшин и др. 1997: 46). В их числе — немногочисленные памятники культового прикладного искусства.

I

В 1995 г. был найден фрагмент кованого золотого креста-энколпиона (рис.1) со сканным орнаментом на лицевой и гравированной кириллической надписью на оборотной стороне (Лапшин 1996: 156). Фрагмент представляет собой нижнюю часть креста с сохранившимся шарниром для соединения створок. Исходя из обычных форм и пропорций древнерусских энколпионов, можно предположить, что крест имел высоту около 6 и ширину около 5 см. Стратиграфическая дата находки — середина XIV в. Палеографически он датируется рубежом XIII-XIV — серединой XIV в., на смысловом уровне текст не восстановлен¹. Надпись, вероятно, была нанесена на энколпион изначально, о чем свидетельствует то, что его оборотная створка была лишена каких-либо изображений и украшений и, следовательно, подготовлена для надписи при изготовлении креста. Таким образом, временем создания энколпиона может являться нижняя палеографическая дата — рубеж XIII-XIV вв. и, следовательно, период бытования энколпиона мог составить около полувека. За это время энколпион был поврежден и починен. В результате починки, в нижней части креста на месте соединения створок появилась розетка и стебель с трилистником, вероятно, закрывающие повреждение на металле. Они выполнены из золота, несколько отличающегося по цвету от золота самого энколпиона.

Редкий и дорогой золотой энколпион, разумеется, мог принадлежать только представителю светской или духовной элиты. Т.В.Николаева отмечает, что, согласно духовным грамотам XIV в., наряду с прочим, княжич получал в наследство от отца и наперсный крест на

¹ Консультация Т.В.Рождественской (СПбГУ).

Рис. 1. Фрагмент энколпиона. Рубеж XIII-XIV вв. Золото. Тверь.

дорогой цепи. Именно золотым крестом “дарил князь великий” Иван III своего внука Дмитрия при его венчании на великое княжение (Николаева 1976: 136), а Соломония Сабурова передала золотой энколпион в Ипатьевский монастырь в качестве великокняжеского вклада (Русское золото 1987: 18,32). В Тверском кремле фрагмент золотого креста-энколпиона найден на территории усадьбы, отличающейся разнообразием и богатством находок, среди которых костяная княжеская (?) печать-матрица.

Характер повреждений энколпиона свидетельствует о том, что крест был рассечен — обе его створки были найдены вместе в правильном порядке. При этом никаких признаков реликвий внутри створок обнаружено не было, хотя энколпион происходит из слоя с органикой прекрасной сохранности. То, что дошедший до нас фрагмент не был использован позднее как золотой лом и не попал в дальнейшую переработку, свидетельствует, что он был утерян сразу же после того как крест был разрушен.

Среди древнерусских памятников прямых аналогии тверскому энколпиону найти не удалось. Наиболее близка ему стилистически серебряная золоченая створка со сканным орнаментом наперсного креста-реликвария XIII-XIV в. (Декоративно-прикладное 1996: 192-193) Этот крест атрибутируется как новгородский на основании наличия на нем и характера его сканного декора (Декоративно-прикладное 1996: 192-193; Николаева 1976: 52). Но, в отличие от новгородского креста, тверской крест имеет не полукруглые, а прямоконечные завершения; эта форма, как и форма новгородского реликвария, находит аналогии среди киевских энколпионов XII в. Тверской энколпион отличается от новгородского и характером декора — рисунком и приемом исполнения скани. Новгородские памятники украшаются в XIII-XIV вв. сдвоенной сканной нитью, на тверском она одинарная; излюбленный орнаментальный мотив новгородской скани S-образные завитки (Декоративно-прикладное 1996: 81-82), на тверском кресте — волоты, располагающиеся в двух комбинациях на орнаментируемом поле. В нескольких случаях мотив сканной

волюты встречается на новгородских памятниках XIV в., но здесь волюты стилизованы, усложнены по рисунку или являются второстепенным дополнением S-образного раппорта (Декоративно-прикладное 1996: 201, 221). Нельзя не отметить и такую деталь в декоре тверского энколпиона как сканная нить, оконтуривающая створку; такие сканные контуры широко использовались новгородскими мастерами в XIV в., но, вместе с тем, этот прием рельефного оконтуривания был известен еще в домонгольское время.

Возможно, тверской крест был выполнен под влиянием западноевропейской скани. Близок к нему по рисунку и системе расположения сканных волют серебряный золоченый крест-реликварий XIII в. из Архиепископской капеллы в Зальцбурге (Декоративно-прикладное 1996: 133).

Уникальность тверского золотого энколпиона состоит и в отсутствии на нем изображений: дошедший до нас фрагмент, составляющий почти половину креста, позволяет сделать вывод о том, что одна сторона энколпиона (лицевая) была, вероятно, целиком покрыта сканным орнаментом, другая (оборотная) — надписью. Трудно предположить, что изображение на энколпионе могло помещаться только выше средокрестья: такое решение не имеет аналогий среди древнерусских памятников и было бы композиционно неоправданно.²

Итак, тверской золотой энколпион не находит прямых аналогий среди известных нам памятников Новгорода, других древнерусских художественных центров и может предположительно рассматриваться как работа тверских мастеров рубежа XIII-XIV — середины XIV вв., испытывавших влияние новгородских или западноевропейских ювелиров. Незадолго до этого (в 1290 г.) было завершена постройка каменного Спасо-Преображенского собора, ставшего главным храмом тверской земли. Строительство осуществлялось по инициативе князя Михаила Ярославича, его матери княгини Ксении и епископа Симеона (Салимов 1994: 21). Изготовление церковной утвари для нового собора должно было потребовать усилий многих мастеров, среди которых, вероятно были и новгородцы, а также выходцы из городов Северо-Востока. Эти работы могли создать в Твери самостоятельный ремесленно-художественный контингент, который мог стать носителем уже собственно тверских традиций.

Малочисленность сохранившихся художественных памятников средневековой Твери пока не позволило выявить технико-стилистические и иконографические признаки, избирательно характеризующие тверское прикладное искусство как самостоятельное культурно-художественное явление (Николаева 1976: 85-118; Попов, Рындина 1979). Образ его только начинает вырисовываться и его еще предстоит воссоздать, главным образом, благодаря дальнейшим археологическим исследованием средневековой Твери.

II

Из слоя, связанного со строительным горизонтом начала XIV в., происходит найденный в 1995 г. бронзовый наперсный реликварий

---

² В своих рассуждениях мы исходим из того, что перед нами фрагмент четырехконечного креста, что традиционно для энколпионов.

(рис.2) в виде квадрифолия (6,5x5,5 см) Эта форма известна в древнерусском изобразительном искусстве с XI в. (мозаика Софийского собора в Киеве), в прикладном — с конца XII — начала XIII в. (киевские клады). Квадрифолии-реликварии в древнерусском искусстве известны с XIII в. (Декоративно-прикладное 1996: 195), они бытуют на протяжении всего XIV в. и, именно для этого времени, наиболее характерны (Николаева 1976: 25). Таким образом, стратиграфическая дата тверского квадрифолия — начало XIV в. — не выпадает из общего контекста древнерусских памятников. При этом отметим, что форма квадрифолия с квадратом в центре использовалась при создании реликвариев западноевропейскими мастерами не позднее чем с XII в. (Лапковская 1971: табл.4.6,8).

С Тверью XIV в. связываются два серебряных мошевика-квадрифолия (Попов, Рындина 1979: 541,549). От рассматриваемого они отличаются не только металлом, но и размерами, формой, пропорциями, составом изображений.

Качество литья рассматриваемого бронзового квадрифолия плохое: это, возможно, объясняется тем, что отливка была выполнена по вторичной, глиняной форме-оттиску. Следы проработки отливки резцом не фиксируются. Квадрифолий слегка оплавлен, несколько деформирован, что делает изображения на нем еще более плохо читаемыми. На лицевой стороне реликвария — пятифигурный Деисус: в центральном медальоне поясное изображение Христа Вседержителя, по сторонам от которого — поясные изображения Богоматери и Иоанна Предтечи с характерным положением рук в жесте адорации. При этом, возможно, композиция дана в зеркальном воспроизведении: изображение Богоматери (голова покрыта мафорием?) помещено по левую руку Христа. Вызывает сомнение и “правильность” расположения фигуры Христа Вседержителя: в жесте благословения на квадрифолии, возможно, изображена левая рука. В верхнем и нижнем медальонах могли быть помещены развивающие тему Деисуса изображения либо архангелов, либо первой в деисусной композиции пары апостолов — Петра и Павла. Хорошо различимые бороды персонажей свидетельствует о том, что это апостолы.

На обратной створке квадрифолия в квадратном обрамлении — поясное изображение Богоматери с младенцем. Из-за плохого качества литья безусловная атрибуция изображения как Умиления или Одигитрии невозможна. Изображения в боковых медальонах определению также не поддаются.

Прямыми аналогиями тверскому квадрифолию являются два бронзовых реликвария, один из которых, депаспортизованный, опубликован Ханенко (1899: 19, № 100) с датой XIII в. без каких-либо ее обоснований (сохранилась только лицевая створка), а второй, сохранившийся целиком, происходит с городища Осовик (РА ИИМК Ф.35 Оп.1 1975: л. 8), датирующегося серединой XII — XIII вв. (Древняя Русь 1985: 48). Названные квадрифолии аналогичны тверскому по размерам, пропорциям, форме (несколько заостренные лепестки), композиции (поле каждой створки разбито на 5 компартиментов рельефным валиком), составу изображений.

Характер корпуса Ханенко может служить основанием для предположения, что опубликованный ими квадрифолий южнорусского происхождения. Косвенно это подтверждается и тем, что именно в прикладном искусстве Киева предмонгольского времени впервые появляется квадрифолийная форма: золотые квадрифолии с перегородчатыми эмалями из

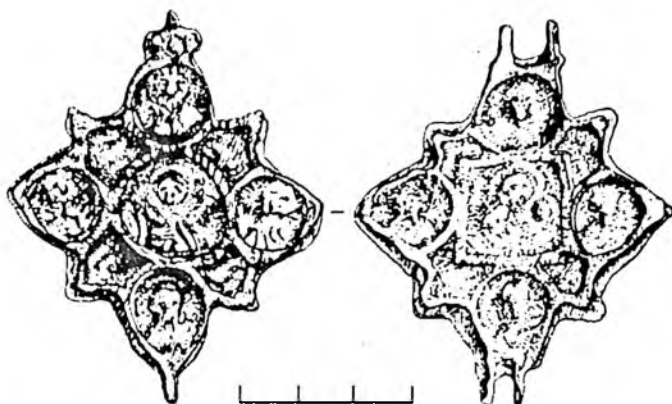

Рис. 2 Фрагмент реликвария. Начало XIV в. Бронза. Тверь.

кладов у с.Сахновка (Корзухина 1954: табл.ЛII) и с усадьбы Августиновича в Киеве (Каргер 1958: табл. LXVIII), а также серебряные привески квадрифолийной формы с черневыми изображениями святых из тайника под Десятинной церковью, связанного с событиями 1240 г. (Каргер 1958: табл.ХСIХ). Отметим, что вполне традиционен для памятников прикладного искусства киевского круга и состав изображений — Денеус.

С традициями киевского литья домонгольского времени сочетается прием четкого деления поля, заполняемого изображениями, на отдельные компартименты и контуры в виде рельефного валика с поперечными бороздками, имитирующего жгут, которые можно увидеть на киевских эколпионах и эмсевиках XII—XIII вв. Таким образом, опубликованный Ханенко реликварий мог быть создан в предмонгольское время, либо после 1240 г. на протяжении XIII в. в Киеве, где, несмотря на татарский погром, продолжали существовать монастыри, прежде всего Киево-Печерский, при котором мог сохраниться контингент ремесленников, занимавшихся изготовлением культовых предметов (Каргер 1958: 515-518). В этом случае в Киеве же были исполнены и квадрифолии, найденные на Осовике и в Твери, либо тот, что послужил образцом для создания местной тверской реплики.

Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI-XV века. М. 1996.

Древняя Русь. Город, замок, село // Археология СССР. (Т.15). М. 1985.

Каргер М.К. 1958. Древний Киев. Т. 1. М.-Л. 1958.

Корзухина Г.Ф. 1954. Русские клады. М.-Л.

Лашковская Э.А. 1971. Прикладное искусство средних веков в Государственном Эрмитаже. Изделия из металла. М.

Лашин В.А. 1996. Раскопки в Тверском кремле // АО-1995. М.

Лашин В.А., Чукова Т.А., Курбагов А.В., Персов Н.Е., Черных И.Н. 1997. Раскопки в Тверском Кремле // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб.

Николаева Т.В. 1976. Прикладное искусство Московской Руси. М.

Попов Г.В., Рындина А.В. 1979. Живопись и прикладное искусство Твери. XIV-XVI века. М.

Русское золото XIV - начала XX века из фондов государственных музеев Московского Кремля. М. 1987.

Саллимов А.М. 1994. Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь.

Ханенко Б.И., В.И. 1899. Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1. Киев.

О реставрации и датировке Иконы «Преподобный Нил Столбенский у монастыря» середины XVIII в. из собрания Эрмитажа

В 1994 г. в мастерскую темперной живописи Государственного Эрмитажа поступила икона с изображением преподобного Нила Столбенского у монастыря. В инвентарной книге Отдела истории Русской культуры¹, куда икона была принята в 1949 г. из ГМЭ, особо отмечена плохая сохранность иконы: указано, что живопись сильно повреждена, паволока по краям отделилась от доски, левкас осыпается, красочный слой сильно потерт. В 1956 г. икона была укреплена в мастерской реставрации станковой живописи Эрмитажа реставратором Ведорыгиной; кроме консервации других работ тогда не производилось. Мне предстояло подготовить икону к выставке Русские иконы XVI начала XX вв. с изображениями монастырей и их основателей.² В процессе работы над иконой представилась возможность уточнить датировку рассматриваемой иконы путем сличения ее с другими иконами из собраний Эрмитажа, ГТГ и Ярославского художественного музея.

При раскрытии иконы с ее полей были удалены два слоя темперных записей: верхний — охряной, нижний — темно-зеленый. Под ними была раскрыта авторская живопись — темно-коричневая с красной опушкой. Первоначальный фон был золотой: сохранилась светленькая желтая охра, на которой было прослежено утраченное авторское золочение. Изображение леса было под записью грязновато-зеленоватого с голубым цветом: после раскрытия проявился авторский глубокий темно-зеленый цвет.

Загрязнения закрывали всю живопись. Удаление их дало возможность увидеть как фигуру святого, так и весь архитектурный комплекс, а также понять местоположение надписи по аналогии с иконой из Ярославского музея:³ надпись была красного цвета и размещалась над

1 ОИРК ГЭ, инв. № ЭРИ-162.

2 Икона экспонировалась в 1996 г. на временной выставке Русские иконы XVI начала XX вв. с изображениями монастырей и их основателей в помещениях двора Меншикова. В каталоге выставки икона воспроизведена в процессе реставрации (Косцова, Побединская 1996: 47, № 37). Пользуюсь случаем поблагодарить А.С.Косцову, неоднократно консультировавшую меня по иконам из эрмитажного собрания.

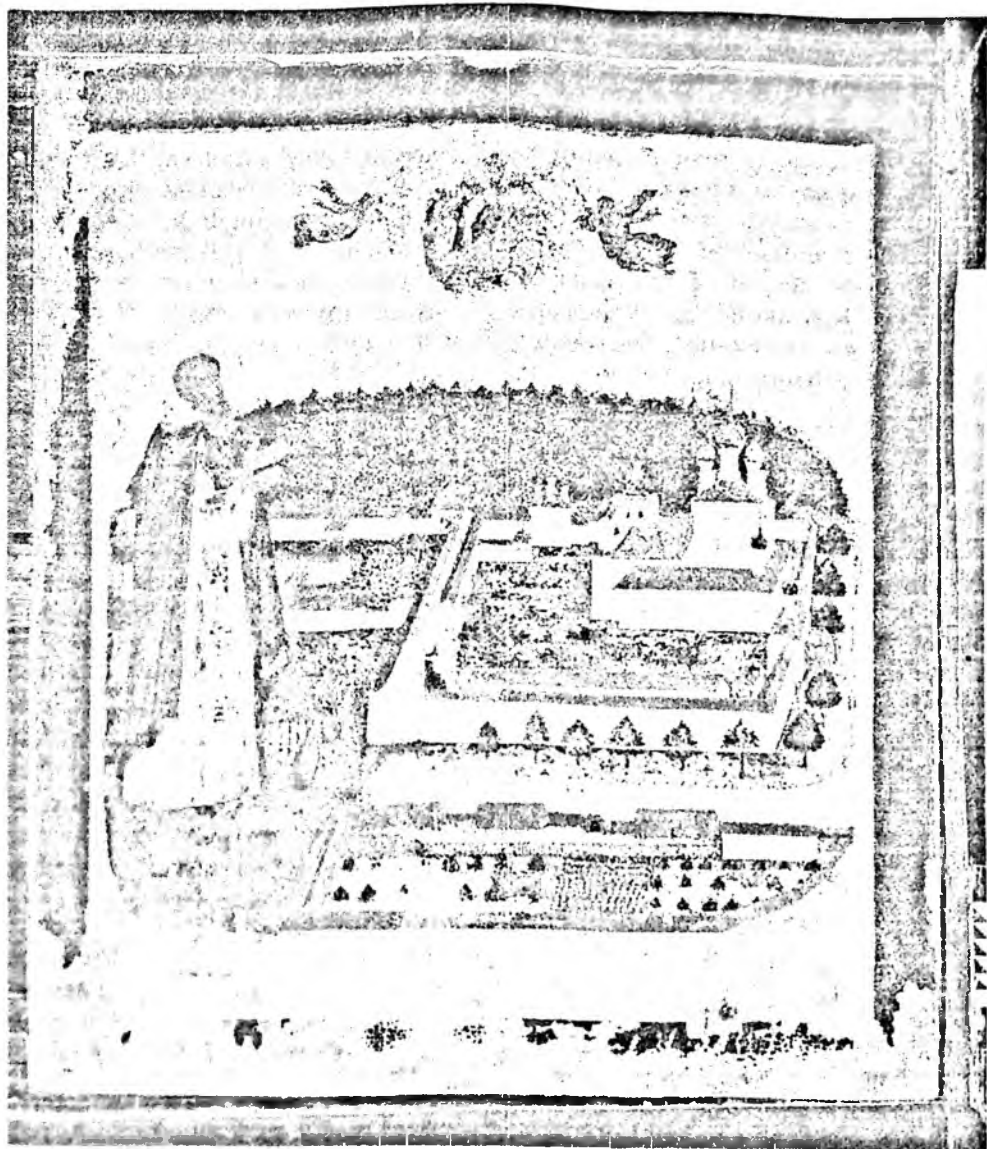

Рис. 1 «Преподобный Нил Столбенский у монастыря». Середина XVIII в. Гос. Эрмитаж. нимбом преподобного.

Изображенный на иконе архитектурный комплекс монастыря⁴ укладывается в рамки конца XVII — начала XVIII вв. и решен близко к

3 Ярославский художественный музей, инв.№ И/ЯХМ/1426.

4 Подробное описание иконы помещено в каталоге выставки: Святой изображен в рост, в монашеской одежде, слева перед монастырем, в предстоянии образу Богоявления, изображенному над монастырем в картуше, поддерживаемом двумя летящими ангелами. Обитель представляет комплекс построек, видимый с южной стороны. В центре Богоявленский собор с приделом, рядом с ним колокольня. Над воротами монастырской ограды с востока церковь Нила, в северо-западном углу ограды больничная церковь Всех Святых и вход в Гостинный двор с одноэтажными кельями. С юга сад с хозяйственными постройками. Снаружи, за оградой монастыря, с юга и с востока ряд деревьев, с севера лес (Косцова, Побединская 1996: 47).

иконам из эрмитажного собрания (Косцова, Побединская 1996: 46-47, № 36)⁵ и ГТГ (1000-летие 1988: 365, 366, № 193). Но более всего поразительно сличение рассматриваемого памятника с уже упоминавшейся иконой из Ярославского музея: совпадают размеры, характер обработки сосновой доски, одинаковой конструкции шпонки. Основное отличие между эрмитажной иконой и иконой из Ярославского музея заключается в том, что на последней дан упрощенный образ Богоявления, заключенный в прямоугольное обрамление, в то время как на эрмитажной иконе четко выражены барочные черты в изображении картуша. На иконе из Ярославского музея имеется дата — 1747 г. Совершенно очевидно, что икону эрмитажного собрания можно без особых колебаний датировать серединой XVIII в.

Косцова А.С., Побединская А.Г. Русские иконы XVI — начала XX века с изображением монастырей и их основателей. Каталог выставки. СПб., 1996.

1000-летие русской художественной культуры. М., 1988

Barasnum-gah (?) в Пенджикенте

Эта заметка посвящена попытке истолкования одной детали плана храма I в Пенджикенте (Таджикистан). При исследовании участка внешнего (восточного) двора храма близ середины северной стены ограды в самом верхнем слое пола были расчищены девять небольших ям или скорее углублений (Маршак, Распопова, Шкода 1993: рис.1). Расположены они по линии восток-запад тремя группами с расстоянием между последними 1-1,1 м в 0,6 м от северной стены (рис.1). В каждой группе есть две вытянутые с севера на юг относительно глубокие ямы (0,3-0,4 м) и менее глубокие (0,08-0,2 м) к востоку от первых двух. Длина и ширина ям составляют соответственно 0,25-1,1 м и 0,3-0,45 м. Расстояние между ямами в каждой группе колеблется от 0,2 до 0,35 м. Западная группа ям была заполнена мягкой землей с угольками, а две восточные имели натечное заполнение. Южнее ям находился отпечаток базы колонны вымощенный крупной галькой и перекрытый землей. Эта же земля перекрывала и ямы, что свидетельствует о позднем происхождении ям — скорее всего уже в период запустения храма, когда над этим местом не было навеса портика. За базой колонны к югу уровень двора понижается. В 2,5 м от стены ограды здесь находилось русло канала, идущего с востока на запад.

Расположение ям на одной линии явно не случайно. Если отталкиваться от того, что жители Пенджикента исповедывали зороастризм (Шкода 1989), пусть и не во вполне ортодоксальном варианте, то можно предположительно связать эти ямы с *барашнум-гах* (*barašnūm-gāh*).

В строго регламентированных правилах соблюдения ритуальной чистоты у зороастрийцев есть предписание полного очищения, включающее омовение всего тела — обряд *барашнуме ношва* (*barašnūm-e nošva* *barašnūm ī nō šab*). Этот ритуал призван не только физически очистить человека, но и устранить осквернение его души, полученное, в частности, еще в утробе матери и впитанное затем с ее молоком, которое, согласно древним представлениям о физиологии, считалось происходящим от женской крови (Воусе 1977: 112; Choksy 1989: 23). Оскверняющим считалось также любое кровотечение (Воусе 1979: 45).

По записям М.Бойс, сделанным в Шарифабаде (округ Йезда, Иран) жрецы называют четыре категории кандидатов для прохождения обряда *барашнуме ношва*. Это дети с 10 лет; взрослые — обычные грешники или оскверненные: вступившие в контакт с мертвым телом или падалью, особенно омывальщики трупов, которые должны совершать очищение как можно чаще и, наконец, лица, получившие различные другие осквернения (Воусе 1977: 112). С течением времени количество причин осквернения возрастало. Так, например, зороастрийцам, оказавшимся в ином конфессиональном окружении, запрещалось

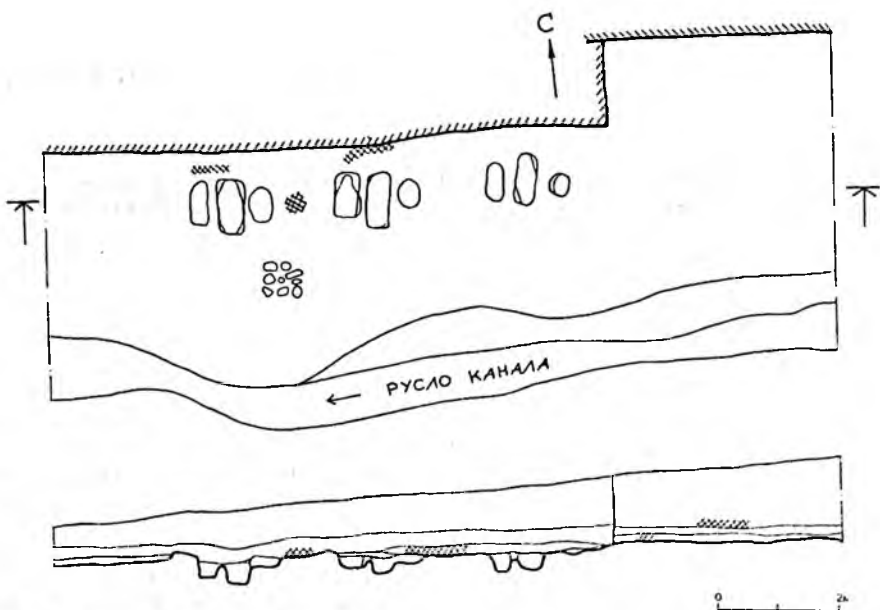

Рис. 1 *Barasnum-gah* (?) в Пенджикенте.

есть пищу, приготовленную не единоверцами. Нарушившие этот запрет должны были пройти церемонию *барашнуме ношва* (Войсе 1979: 225).

Обряд *барашнуме ношва* ("очищение девяти дней и ночей") совершали в *барашнум-гах* ("место очищения"). Обычно выбирали пустынное малопосещаемое место, которое должно было находиться по крайней мере на расстоянии 30 шагов от огня, ветвей барсома и в трех шагах от праведника (Hartman 1980: 23). В Авесте (Видевдат 8) о сооружении такого места говорится: "37...пусть маздаяснийцы в первый раз три ямы в земле выроют, чтобы омыть их тело коровьей мочой, не водой. Пусть подведут моих собак... 38. Тогда во второй раз пусть маздаяснийцы три ямы в земле выроют, чтобы омыть их тело коровьей мочой, не водой. Пусть подведут моих собак... Пусть ждут все время, пока волосы от головы до самых кончиков не высохнут. 39. Тогда в третий раз пусть маздаяснийцы три ямы в земле выроют, от первых в трех шагах. И тело свое чтобы омыли водой, не мочой". Согласно поздним комментариям, ямы или углубления служили вместилищем для жидкости, стекающей с тела очищаемого, жидкость — неосвященная коровья моча (в некоторых случаях употребляли и освященную) и вода становилась нечистой после контакта с оскверненным телом и ее необходимо было собрать в ямы, в которых она испарялась (Choksy 1989: 25).

В Авесте нет детального описания того, как надо делать эти ямы. В практике древних зороастрийцев Ирана ямы устраивали в центре отведенного для этой цели участка по прямой линии север-юг. Движение происходило с севера на юг. Таким образом кандидат двигался повернувшись спиной к стороне ада — северу и обратившись лицом в сторону обитания благодетельных божеств — югу (Choksy 1989: 25, fig.1).

Как можно судить по позднепехлевийским источникам, еще в сасанидскую эпоху произошла замена ям на плоские каменные плиты, положенные на землю десятью группами по пять в каждой. Одиннадцать других групп из трех камней размещали между предыдущими. Д.Чокси

отмечает, что замена была произведена в связи с желанием жрецов максимально изолировать чистую землю от нечистого тела (Choksy 1989: 52).

После арабского завоевания Ирана место очищения стали огораживать стеной от глаз незороастрийцев. Обычно ограду делали в виде круга (Choksy 1989: 33). Подобные дахам, круглые *бараинум-гах* строят и сейчас зороастрийцы Ирана (Воусе 1977: 112-113).

В общине индийских зороастрийцев (парсов) круглый план в течение XIX в. сменили на прямоугольный (Choksy 1989: 42, fig.4-5; Hartman 1980: p1.XIX, XXVIII-XXX). Произошли и другие изменения — вымощенную камнем дорожку для очищаемого с середины участка переносят ближе к северной стене ограды *бараинум-гах* (Modi 1922: 123). Иным стало направление движения у парсов во время церемонии *бараинуме ношва* — оно стало производиться не с севера на юг, а с запада на восток (Choksy 1989: fig.3-4). Ни Д.Моди, ни Д.Чокси не приводят объяснений этой замене. Вероятнее всего произошла она потому, что, по представлениям индийцев, юг был обителью смерти (Бэшем 1977: 339; Невелева 1975: 79). Надо отметить, что поселившись среди индийцев, парсы также были вынуждены прекратить жертвоприношения быков и коров (Воусе 1979: 173-174).

Итак, планировка и внутреннее устройство *бараинум-гах* менялись во времени и пространстве. Неизменной (да и то — отчасти) оставалась лишь процедура ритуала *бараинуме ношва*. При этом необходимо заметить, что древние и средневековые “места очищения” известны только по описаниям, поэтому трудно сказать, какими они были в действительности.

Возможно, что в Пенджикенте встречен наиболее архаичный вариант устройства такого места — девять, выкопанных на одной прямой ям на малопосещаемом участке. В 40-е годы VIII в., к которым вероятнее всего относятся ямы, жизнь в городе частично возобновляется, но оба храма не были восстановлены после завоевания Пенджикента арабами и пожара 722 г. Пустое огороженное пространство двора с высохшим, по всей вероятности, каналом вполне подходило для проведения церемонии очищения. Возможно, это была временная или даже одноразовая акция, поскольку характер ям достаточно примитивен, а их небольшие размеры свидетельствуют, что они могли быть предназначены и для очищения ребенка. Ритуальная практика согдийских зороастрийцев VIII в. могла также отличаться от ритуалов, описанных в позднезороастрийских теологических текстах, составители которых, по выражению В.Б.Хеннинга, были “заняты правилами, которые часто фиктивны, порой абсурдны и не освещают реального положения, за исключением разве образа мыслей их авторов” (Henning 1951: 16).

Авеста. Видевдат. Фрагмент восьмой. Перевод с авестийского, вступительная статья и комментарии В.Ю.Крюковой // ВДИ. 1994. № 1.

Бэшем А. 1977. Чудо, которым была Индия. М.

Маршак Б.И., Распопова В.И., Шкода В.Г. 1993. Новые исследования согдийской культуры в Пенджикенте // Археологические вести. СПб. № 2

Невелева С.Л. 1975. Мифология древнеиндийского эпоса. М.

Шкода В.Г. 1989. Особенности согдийского зороастризма в свете археологии // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.

Boyce M. 1977. A Persian Stronghold of Zoroastrianism. Oxford.

Boyce M. 1979. Zoroastrianism // Their Religious Beliefs and Practices. London.

Choksy J.K. 1989. Purity and Pollution in Zoroastrianism // Triumph over Evil. Texas.

Hartman S.S. 1980. Parsism. The Religion of Zoroaster // Iconography of religion. Section XIV. Leiden.

Henning W.B. Zoroaster // Politician or With-doctor? London.

Modi J.J. 1922. The Religious Ceremonies and Customs of the Parsees. Bombay.barañām

Петропавловские ворота Среднего города Пскова

Сведения письменных источников о Петропавловских воротах Пскова относятся к позднему времени. В сметной книге Пскова 1644 г. содержится упоминание о проезжих воротах “в... стене у Петра и Павла”, а в 1655 г. в контексте рассказа о ветхости крепостных стен Среднего города сообщено о покрытии этих ворот (РГАДА, ф.Разрядный приказ, № 289, л.121 об.). Петропавловские ворота обозначены на плане Пскова 1740 г., изображены на иконе из Лавки Жиглевича.

Во время архитектурно-археологических раскопок у ц.Св.Петра и Павла с Буя были раскрыты фрагменты фортификаций юго-западного угла Среднего города. В площади раскопа и шурфах 1991-1995 гг. выявлены нижние части крепостной стены, проходившей вдоль берега р.Пскова и прясло Петропавловских ворот (рис.1). Фундамент стены сложен из хорошо отесанных и подогнанных друг к другу известняковых плит на известковом растворе. Анализ особенностей кладки и строительных растворов позволяет выявить до пяти строительных периодов в истории этого участка фортификаций (Шуныгина 1997: 21-29)

Петропавловские проездные ворота были открыты в северо-западной части раскопа 1993 и 1995 гг. Наиболее ранней можно считать кладку валунного основания начала XV в., соответствующую третьему периоду в истории этого участка фортификаций (1404 г.?). Со стороны города восточная сторона проезда ограничена пилоном шириной 1,1 м, выступающий из кладки стены на 0,8 м. Западная сторона кладок ворот нарушена. Реконструируемая ширина ворот достигает 3,2 м (для сравнения: ширина воротного проезда Никольских ворот — 2,4 м, Плоских — 2,8 м, Егорьевских — 3 м).

Следующий, четвертый строительный период, характеризуется реконструкцией воротного проезда. Хронология этой реконструкции не ясна. В это время была разобрана кладка восточного пилоника и примыкающего к ней участка стены. Сохранился фрагмент нижнего постава ворот, расположенный выше последнего ряда лицевой кладки приблизительно на 1 м. Ширину воротного проезда определить не удалось из-за полного разрушения западной стороны, но, можно думать, что проезд вряд ли был уже, чем в предшествующее время. Стена с воротами была смещена в плане по сравнению с фортификационным узлом предшествующего времени и заложена на 1 м выше основания стены третьего строительного периода. Возможно, именно это, в сочетании с подмывом, привело западную сторону ворот к обрушению.

Позднейший, пятый период в истории фортификационного узла относится к началу XVIII в. В 1701-1704 гг. крепостные стены, разоб-

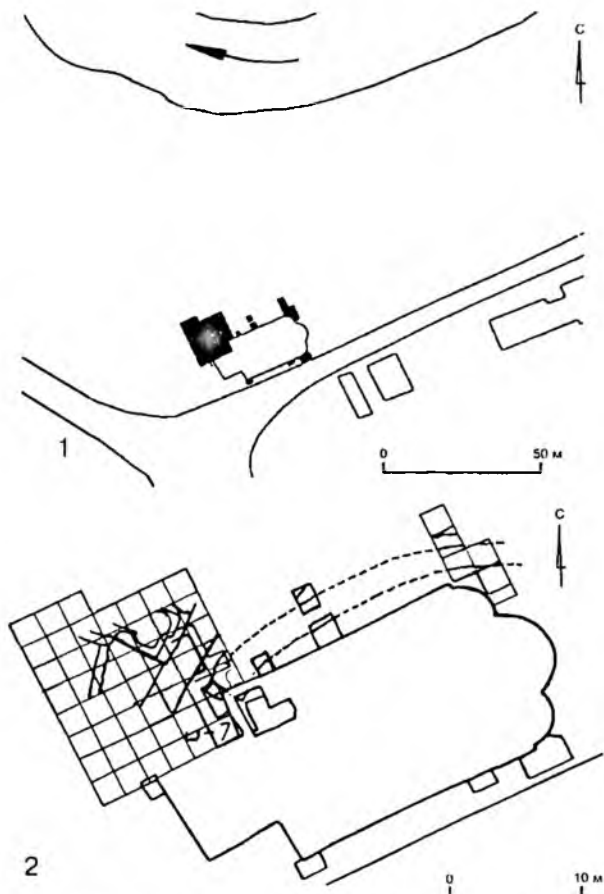

Рис. 1 Местоположение раскопа и шурфов у ц.Св.Петра и Павла с Буя (1) и схема раскрытых остатков фортификации Среднего города Пскова (2).

ранные на $2/3$ высоты, были включены в конструкцию бруствера земляного бастиона. Во время устройства земляных укреплений ворота были превращены в проход между дощатыми стенками, не дававшими оползть насыпной земле. Судя по незначительности сечения бревенчатых стоек прохода, последний, видимо, не был перекрыт. На плане Пскова 1740 г. Петропавловские ворота обозначены в виде прохода со стенками, укрепленными столбами. В пространстве воротного проема найдены многочисленные фрагменты керамики, изразцов, фляг с зеленой поливой.

Земляные укрепления уже к 1740 г. пришли в ветхость. Какие-то остатки Петропавловских ворот (вероятно, неблагоустроенный спуск между выступающими из земли руинами стены) существовали еще в конце XVIII в.: именно этим можно объяснить разворот к югу поздней наперти ц.Св.Петра и Павла, а также отсутствие проема и декора на северном фасаде храма. В XIX в. ворота, вероятно, были включены в церковную территорию и за ненадобностью засыпаны, а образовавшееся свободное пространство замостили булыжником.

Шушанина С.Е. 1997. К вопросу о крепостных сооружениях древнего Пскова (по материалам раскопок у церкви Св.Петра и Павла с Буя) // Псков, № 6.

Неизвестный план Херсонесского городища

В один из дней сентября 1994 г. возвращаясь из университета после очередной лекции я заинтересовался старыми гравюрами и фотографиями, которые разложил на парапете Университетской набережной уличный торговец. Привлекли виды Крыма. Перебирая листы, среди которых, впрочем, ничего особо интересного для меня не нашлось, я вдруг неожиданно увидел оригинальный чертеж, вычерченный в туши очень знакомой рукой и к тому же подписанной. Это оказался сводный план раскопок Херсонеса, выполненный многолетним сотрудником К.К.Косцюшко-Валюжинича художником М.И.Скубетовым-Скубентовым.

На мой вопрос — как попал к нему этот документ, проданец ответил, что он получил его впридачу к нескольким гравированным видам Крыма, которые он, будучи собирателем, купил в шестидесятых годах в Ялте у квартирной хозяйки. Была еще часть карты горного Крыма (один лист), но она не сохранилась.

Итак, я стал обладателем оригинального, причем, насколько мне известно, нигде не публиковавшегося плана Херсонесского городища. Привожу его описание.

План вычерчен пером и рейсфедером черной, синей и коричневой тушью на листе голубоватой батистовой кальки. Размеры 305 x 230 мм. Чертеж заключен в фигурную рамку с полями шириной 10 — 13 мм и озаглавлен (слева внизу, внутри рамки) "ПЛАНЪ | древняго города | Херсонеса Таврическаго | съ показаніемъ раскопанныхъ участковъ его | въ разные годы. | Чертилъ художникъ М. И. Скубетовъ - Скубентовъ." Ниже помещен линейный масштаб длиной 27,5 мм (1,08 дюйма), но градуированный в метрах. Это дает масштаб изображения 1:35 567, или 1/3 версты в дюйме (1 см — 35,57 м). По углам и в центре левого поля — следы от кнопок, что, по-видимому, может свидетельствовать о копировании либо с другого оригинала, либо с неизвестной топоосновы.

Никаких штампов или надписей, которые могли бы указывать на прежнее местонахождение или принадлежность кому-либо документа ни на лицевой, ни на оборотной стороне нет.

Материал, шрифт и манера выполнения линий типичны для графики М.И.Скубетова. Археологическая ситуация и современные постройки (последние заштрихованы) показаны черным цветом, дороги — коричневым, акватория — синим.

Для лучшей компоновки на листе план ориентирован не строго на север, но с отклонением на 20° к востоку. План весьма насыщен

информацией как знаковой, так цифровой и пояснительными подписями.

Рельеф передан штрихами только в самой возвышенной западной части городища и частично в районе восточного мыса, названном "Херсонесский мысик" (такой местный микротопоним я встречаю впервые). Но его дополняют приведенные в саженях четыре высотные отметки по краям обрывов на северо-западном и северо-восточном мысах, в наиболее возвышенной части городища и самой низкой отметки в балке к югу от городища, а также пояснения: "Песочная балка", "Херсонесская балка". Присутствие отметок должно указывать на использование в качестве основы какой-то крупномасштабной топографической съемки.

Очень подробно показаны дороги, причем все они снабжены подробными пояснительными надписями типа "Дорога к монастырской известковой печи", "Дорога к музею и раскопкам". Две дороги, одна из которых подводит к западным городским воротам, а вторая к воротам в 4-й куртине крепостных стен обозначены как "Древняя дорога в Херсонес".

Нанесены границы территории монастыря, монастырского кладбища и сада. Из современных построек XIX в. на плане помещены монастырские храмы, старая и новая монастырские гостиницы, монастырская кухня и старая трапезная, дома музея Императорской Археологической комиссии ("Склад местных древностей") и монастырского музея, дом капитана Белозерова ("Домик жандарма"), а также некоторые другие строения. Из них надписями снабжены только музеи. В то же время на плане нет главного корпуса монастыря (ныне главного здания Херсонесского заповедника), здания новой трапезной (Античного отдела музея) и построек к северу и северо-западу от центральной площадки бывшего монастырского комплекса.

Раскопанные археологические объекты нанесены весьма подробно. Разумеется, масштаб потребовал определенной генерализации планов строительных остатков. Полностью показаны крепостные стены, в том числе пунктиром трассы отрезков не раскопанных оборонительных линий. Нанесена сеть улиц, образующих кварталы. Схематизировано показана внутриквартальная планировка. Более подробно и точно отображены культовые сооружения — средневековые храмы и крещальни. Все нанесенные на план объекты снабжены цифровыми обозначениями, а именно:

1, 1а, 1б — куртины крепостных стен; 2 — башни; 3 — ворота; 4 — калитки в крепостной стене; 5 — протейхизма. Без оцифровки на план нанесена перекрытая городской застройкой более древняя крепостная стена, чем основная линия обороны. Ее остатки были открыты в 1903 г. на участке, который К.К.Косцюшко-Валюжинич (1905) называл акрополем, в районе крестообразного "храма с ковчегом".

6 — линия водопровода в периболе 17-й куртины. Она показана пунктиром и стрелками, указывающими направление, а также надписью "Сеть водопровода" у его западного ввода на городище.

7 — 7 — главная улица в северо-восточном районе городища.

8 — городские кварталы, в том числе и не раскапывавшиеся.

9 — 16 — храмы, часовни, крещальни. Принцип оцифровки мне пока неясен. Так под 9 значится Уваровская базилика, 10 — крещальня у Уваровской базилики, 11 — т.н. базилика Крузе, а под № 12 — западная, восточная и северная базилики, шестистолпный храм, т.н. "ба-

зилика в базилике". Ясно только, что самые маленькие храмики (или часовни) обозначены цифрой 16.

17 — по-видимому, остатки тех сооружений в районе "акрополя" у южной оборонительной стены, которые К.К.Косцюшко-Валюжинич считал остатками дворцовых построек.

18 — остатки монументального общественного здания в центральной части города, раскопанного в 1904 г. и предположительно интерпретируемого как монетный двор (Косцюшко-Валюжинич 1906: 17-21).

19 — не раскопанная территория в юго-западном районе города.

20 — так называемая цитадель в юго-восточном районе города.

Рассмотрение публикуемого документа позволяет утверждать, что это никогда не публиковавшийся сводный план раскопок Херсонеса за все годы, прошедшие от начала первых раскопок в 1827 г. и до момента его составления и вычерчивания.

Прежде всего надо определить дату составления плана. Она, как мне представляется, достаточно точно выясняется из анализа самого документа. Самым поздним по времени раскопок памятником, который нанесен на план, являются так называемая "базилика и часовня Леонтия-Лаврентия" (о ней см.: Гайдукевич 1953) внутри цитадели у куртины 19 оборонительных стен города. Раскопки на этом участке и открытие памятника были последними полевыми исследованиями К.К.Косцюшко-Валюжинича, которые он вел в 1907 г. В том же году он умер. В марте — начале июля 1908 г. Н.И.Репников раскапывал некрополь у 20-й куртины оборонительных стен, работы на городище не велись. Сменивший его Р.Х.Лепер в том же году приступил к масштабным раскопкам в северо-восточном районе, возле батареи Канэ. И в последующие годы он вел раскопки преимущественно в северо-восточном и северо-западном районах городища (см.: Гриневич 1927: 51). Никаких следов раскопок Р.Х.Лепера на плане не отражено. Следовательно, план мог быть окончательно составлен самое раннее либо в самом конце 1907 г., либо в первой половине 1908 г.

Но составление сводного плана раскопок М.И.Скубетов начал раньше. Как известно, А.Л.Бертье-Делагард в специальном исследовании о крепостных сооружениях Херсонеса составил и опубликовал их план в масштабе 1: 4800 с сечением рельефа в горизонталях в 1 сажень (Бертье-Делагард 1907: табл. II). В комментарии он сетовал на отсутствие съемок и сводного плана. Объясняя свой метод, А.Л.Бертье-Делагард писал: "Я принимал в соображение: первые русские съемки, дававшие довольно ценные указания; большой план Херсонеса из неизданной части атласа графа Уварова [лист LXXX]; отдельные частичные планы, помещенные в отчетах; для самой важной части — рукописный план М.И.Скубетова, которому приношу глубочайшую благодарность за возможность им пользоваться (выделено мной — А.Щ.); наконец, свои личные заметки и рекогносцировки" (Бертье-Делагард 1907: 90). Поскольку над рукописью и планом А.Л.Бертье-Делагард работал ранее 1907 г., то, надо думать, пользовался он другим, более ранним планом М.И.Скубетова. Не исключено, что этот последний мог быть тем планом Херсонеса со значительно меньшей нагрузкой, который в двух различающихся только оформлением вариантах был опубликован сначала Д.В.Айналовым (1905: рис. 1), а затем Е.Э.Ивановым (1912: вклейка). Впрочем, для более точных заключений надо провести сравнительный анализ картографического материала, хранящегося в архиве Херсонесского заповедника.

Второй вопрос — для кого и для чего был создан М.И.Скубетовым публикуемый сводный план раскопок Херсонеса? Вряд ли он был подготовлен для печатания. Против этого говорит трехцветность исполнения и чрезвычайно мелкие пояснительные надписи, что неудобно ни для гравировки, ни для цинкографии. Следовательно, он скорее всего предназначался для работы как наиболее полный археолого-картографический источник. То обстоятельство, что план не остался в архиве Херсонесского музея, в котором хранится вся первичная и основная графическая документация, может служить некоторым косвенным указанием на то, что он был сделан для кого-то из исследователей Херсонеса. Позволю себе предположить, что план мог быть выполнен специально для А.Л.Бертье-Делагарда, который не оставлял своих занятий (в числе других) по археологии и нумизматике Херсонеса. Разумеется, утверждать это с уверенностью я не могу. Но тот факт, что план был куплен с куском карты и гравюрами с видами Крыма именно в Ялте, где жил и умер в 1920 г. А.Л.Бертье-Делагард, не делает высказанное предположение столь уже невозможным. Архив исследователя после нескольких передач, в 1927 г. поступил в Центральный музей Тавриды — ныне Государственный исторический музей Крыма, где он и хранится (описание см.: Черепанова 1968). Часть архива утрачена, и это в первую очередь относится к картографическим материалам. Исследователь собрал большую коллекцию историко-географических карт и планов. Но в графическом фонде его архива осталась только 61 единица хранения, включая сюда акварели, рисунки и т.д. (Черепанова: 205, примеч.1; 210). Карт же нет совсем. Возможно, какие-то упоминания о публикуемом плане, если верно мое предположение, могли бы найтись в его переписке.

Айвазов Д.В. 1905. Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1. М.

Бертье-Делагард А.Л. 1907. О Херсонесе // ИАК. Вып. 21. СПб.

Гайдукевич В.Ф. 1953. Милая базилика Лаврентия-Леонтия // МИА. № 34.

Гришечин К.Э. 1927. Сто лет херсонесских раскопок. 1827-1927. Севастополь.

Иванов Е.Э. 1912. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. Симферополь.

Косцюшко-Валожницкий К.К. 1905. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК
Вып. 16. СПб.

Косцюшко-Валожницкий, К.К. 1906. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК
Вып. 20. СПб.

Дар семьи Белецких Отделу нумизматики Эрмитажа

Раздел персоналии собрания русских медалей Отдела нумизматики Эрмитажа пополнился памятниками, посвященными одному из старейших сотрудников музея - В.Д.Белецкому. В мае 1997 г. вскоре после кончины Василия Дмитриевича, его сын Сергей Васильевич и вдова Александра Семеновна Косцова передали отделу, с которым эта семья более сорокалетия связана узами научной работы и дружбы дорогие им реликвии — медаль “Почетному гражданину города Пскова”, диплом, удостоверение к медали, чрезплечную ленту, а также диплом Общества Св.Ольги Российской.

Все эти предметы связаны с возрождением традиции, сложившейся в России еще в XIX в., когда почетное гражданство присуждалось лицам, за выдающиеся заслуги перед городом. В наши дни Псков оказался в числе первых городов, отметивших почетным званием нескольких деятелей русской культуры. Постановлением администрации г. Пскова от 11.07.1995 г. звания “Почетный гражданин города Пскова” были удостоены пять человек, в числе которых первым был назван “Белецкий Василий Дмитриевич, известный российский археолог, кандидат исторических наук”. В пункте 2 Постановления перечислены предметы, являющиеся свидетельствами награждения — медаль, диплом, удостоверение «Почетный гражданин города Пскова» и Лента почета.¹

Медаль (рис.1) диаметром 60 мм исполнена в технике чеканки из титана. В композиции ее лицевой стороны использованы элементы герба города. В центральном кружке, окаймленном венком из ветвей лавра и дуба, знаменующих собой воинские и гражданские заслуги, выходящая из облака рука благословляет православный храм по сторонам которого размещена надпись ПОЧЕТНОМУ ГРАЖДАНИНУ. Ниже в две строки вязью ГОРОДА ПСКОВА. Внизу у края щит и фигура лежащего барса. На оборотной стороне на зернистом фоне полированный гербовый щит на котором изображена выходящая из облаков благословляющая рука над идущим вправо барсом. Ниже в овальной картуше 001. (порядковый номер награждения). Медаль и сопровождающие ее документы, равно как и лента почета, занесены в инвентарь русских медалей и каталог медалей Русских государственных деятелей и частных лиц.²

1 Постановление администрации г.Пскова “О присвоении звания «Почетный гражданин города Пскова»” от 11.07.95. опубликовано в газете “Новости Пскова” от 18 июля 1995 г.

2 Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа, инв. № РМ-15867. Каталог медалей русских государственных деятелей и частных лиц № 103 а.

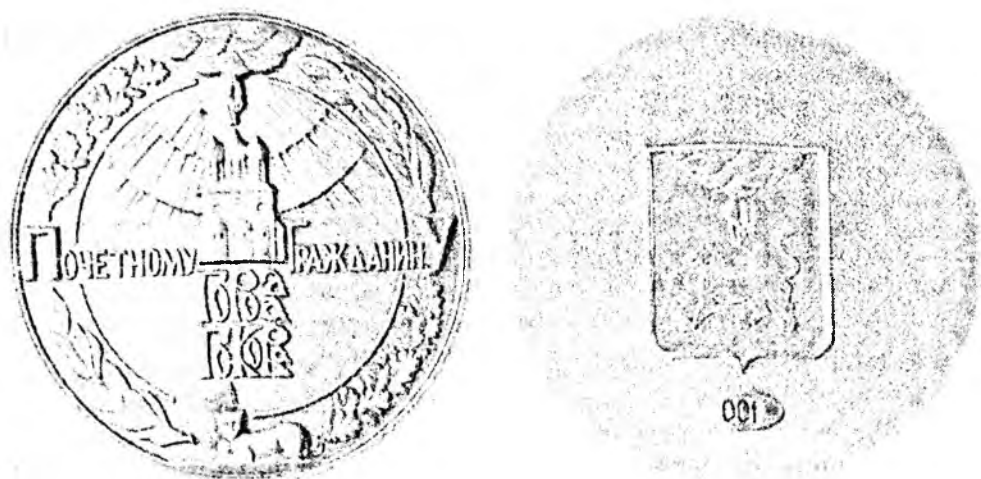

Рис. 1 Медаль "Почетному гражданину города Пскова" № 001.
Скульптор А.Н.Елизаров.

Автор медали — псковский скульптор Анатолий Николаевич Елизаров — постарался в обобщенной лаконичной форме передать образ родного города путем сочетания архитектурных реалий и средств геральдики. На лицевой стороне медали между двумя элементами гербовой композиции помещено изображение Троицкого собора — одного из древнейших храмов Пскова — в том виде, который он приобрел после перестройки 1699 г. Воспроизведение герба города на обороте медали графически верно, однако отсутствует геральдическое обозначение голубого цвета поля. Высочайшее утверждение герба Пскова состоялось 28 мая 1781 года. Приводя его рисунок и описание: "В голубом поле барс и над ним из облака выходящая рука" П.П.Винклер добавляет "старый герб" (Винклер 1899: 124), имея в виду, очевидно, изображение барса на псковских печатях-матрицах XVI в., известных, по крайней мере с XVIII в. (хранились в архиве Министерства Иностранных дел, ныне — в отделе нумизматики ГИМ) и неоднократно воспроизводившихся (ЛСА: XIII, 13-14; Лихачев 1960: 229-231, здесь же основная литература; Янин 1960).

Знаменательно, что медаль почетного гражданина Пскова за № 1, композиция которой навеяна геральдическими образами, присуждена человеку, имеющему большие заслуги не только в области археологии древних архитектурных памятников города, но и в открытии и публикации многочисленных памятников псковской сфрагистики.

Коснемся документов, сопровождающих почетное звание, полученное В.Д.Белецким. В удостоверении Почетного гражданина города Пскова перечислены его права: "1. Быть принятым безотлагательно должностными лицами органов власти и управления, учреждений, предприятий и организаций, находящихся в подчинении городских властей. 2. Участвовать в работе Городской думы с правом совещательного голоса. Постановление администрации № 77 от 12.07.95". На обложке Диплома Почетного гражданина города Пскова воспроизведен в серо-синей гамме герб города с надписью над ним ПСКОВ, на левой странице разворота диплома прикреплен оттиск лицевой стороны медали, а на правой — под графическим изображением псковского детинца текст:

“Диплом № 1 выдан Белецкому Василию Дмитриевичу в том что он является почетным гражданином города Пскова. Звание присвоено постановлением Администрации города от 11 июля 1995 года № 97 за выдающиеся заслуги в развитии города, получившие широкое общественное признание в Пскове и за его пределами”. Диплом датирован 22 июля 1995 года и подписан главой администрации А.В.Прокофьевым.

Известная всем скромность В.Д.Белецкого заставляет усомниться в том, что он стал бы пользоваться правами, предоставляемыми ему почетным званием, за исключением случаев, когда того требовали его археологические труды на благо самого Пскова. Что касается полагающейся Василию Дмитриевичу как почетному гражданину ежемесячной суммы в размере одного минимального оклада, то он сразу же по получении звания распорядился о ее перечислении в фонд Общества Св.Ольги Российской, учрежденного в 1990 г. как фонд поддержки культуры на Псковской земле.

Признание заслуг подлинных тружеников и энтузиастов науки приходит как правило слишком поздно, но остаются научные труды, добрая память коллег. Душа В.Д.Белецкого навечно останется жить в возрожденных им памятниках древнего Пскова, сотрудники Эрмитажа будут его вспоминать пока живы, а в эрмитажном собрании медалей будет храниться овеществленная память его заслуг — медаль, которая уже лежит в собрании рядом с медалями в честь выдающихся сынов России - просветителя Века Екатерины И.И.Бецкого, полководца Барклая де Толли, петербургского архитектора Н.Л.Бенуа.

Отдел нумизматики еще раз приносит глубокую благодарность семье В.Д.Белецкого, передавшей столь дорогую реликвию музею с которым была связана вся жизнь их Василия Дмитриевича.

Винклер П.П. 1899. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в

Полное собрание законов с 1649 по 1900 год. СПб.1899.

Лихачев П.П. 1960. Печати Пскова // СА. № 3

Янин В.Л. 1960. Высшие печати Пскова // СА. № 3.

Новые раскопки могильника Выбуты близ Пскова

В сентябре-октябре 1996 г. отряд Псковского научно-исследовательского археологического центра продолжал охранные раскопки курганного могильника Выбуты, расположенного на левом берегу р.Великой в 13 км выше по течению от Пскова. В предыдущие годы в составе могильника исследованы 3 кургана: № 2, 7 (Милютина 1996: 15) и 3 (Яковлев 1995: 34-37). Курганы 2 и 7 датируются X-XI вв., курган 3 — третьей четвертью I тыс. н.э.

В 1996 г. исследован объект, условно обозначенный как курган 8 — подтреугольное в плане всхолмление 6,6 x 7,7 м, высотой 0,4-0,5 м, слегка вытянутое с севера на юг. С юга возвышение ограничено обрывом береговой террасы р.Великой. С запада к границе раскопа примыкает пола кургана 5. В южной части прослеживалась округлая яма диаметром 2,7 м.

Общая площадь раскопа составила около 90 м². Мощность культурных отложений варьирует от 0,3 до 1,3 м. Стратиграфия объекта следующая:

1 — тонкая слабо гумусированная прослойка песка над материком, почти без находок;

2 — светло-серый песок с включениями угля разной интенсивности, щебня и мелких обломков известнякового плитняка в верхней части. В южной части раскопа слой 2 содержал значительное количество фрагментов необожженных и слабо обожженных человеческих костей, лежавших в беспорядке, и очень небольшое число кальцинированных костей. Кроме того, обнаружены фрагменты костей предплечья и кисти руки в анатомическом порядке. На костях предплечья обнаружены два надетых бронзовых дрововых фигурноконечных браслета (с шишечками на концах), изготовленные в технике отливки по восковой модели (рис.1.1,2). В слое 2 встречено также несколько фрагментов стенок лепной посуды с тщательно заглаженной внешней и внутренней поверхностью. Слой 2 местами перекрывала, отделяя его от слоя 3, углистая прослойка толщиной от 0,5 см до 2 см, содержащая мелкие обгоревшие остатки древесной коры (бересты?). В плане прослойка читалась в виде отдельных пятен.

3 — в нижней части представлен вымосткой из крупных известняковых плит, лежавших непосредственно на углистой прослойке. Вымостка расположена в южной части раскопа и перекрывает зону распространения костей слоя 2, размеры вымостки 5,8 x 5,2 м. С юга часть памятника, в том числе и вымостка, уничтожена береговой эрозией. Над вымосткой слой 3 состоит из светло-серого песка с обильными включениями щебня и известняковой плиты. Над вымосткой и на её

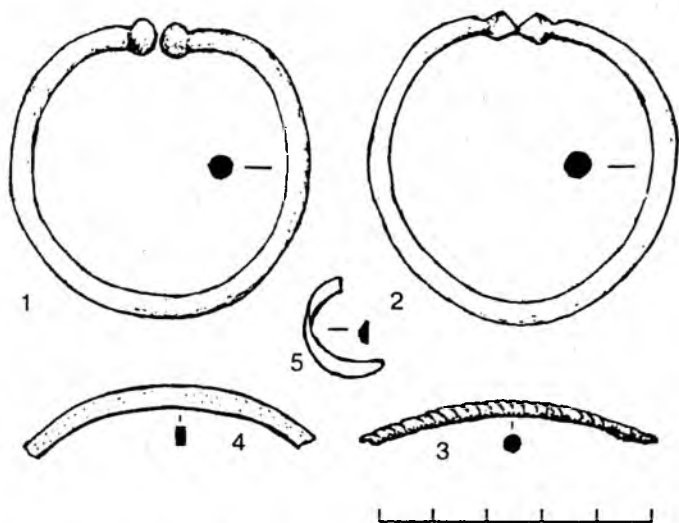

Рис. 1. Находки из "кургана 8" в могильнике Выбуты (раскопки 1996 г.).

камнях также в довольно большом количестве встречены необожженные и слабо обожженные человеческие кости. Кальцинированных костей в слое 3 больше, чем в слое 2. В слое 3 найдены фрагменты стенок лентных сосудов, сходные с обнаруженными в слое 2. Фрагменты костей в слое концентрируются в пределах вымостки.

4 — темно-серая супесь с включениями известнякового щебня и плиты. Слой 4 делится на два горизонта, граница между которыми прослеживается не вполне отчетливо. К нижнему горизонту относится каменная конструкция в западной половине раскопа, представляющая собой в плане сегмент окружности с хордой в 11 м и высотой 4,3 м. Данная фигура образована беспорядочным развалом обломков известняковой плиты, более мелких, чем в вымостке слоя 3. Мошность развала — 15-20 см, в плане он частично перекрывает вымостку. К западу каменная конструкция нижнего горизонта слоя 4 уходит за пределы раскопа. Вероятно, она относится к расположенному западнее кургану 5. В нижнем горизонте слоя 4 встречены немногочисленные фрагменты лентной посуды, в том числе, венчики профилированных и слабо профилированных лентных горшков, а также два небольших фрагмента бронзовых украшений — вероятно, браслетов: витого и прямоугольного в сечении (рис.1,3,4). В верхнем горизонте слоя 4 обнаружена круговая керамика XV-XVII вв.

5 — дери и заполнение ямы в южной части "кургана". В заполнении ямы обнаружены несколько винтовочных гильз и другой поздний материал; вероятно, это стрелковая ячейка времен войны. Наряду с поздними находками в заполнении ямы и в поддерновом слое в южной части раскопа найдены фрагменты человеческих костей и обломок тонкого сегментовидного в сечении бронзового перстня (рис.1,5).

Слой 2 и хронологически близкий ему слой 3 можно датировать по найденным браслетам в интервале I-II вв. н.э. Аналогии бронзовым браслетам с шишечками на концах на северо-западе России мне не известны, однако подобные предметы встречаются в ранних каменных могильниках Эстонии, главным образом в северо-восточной прибрежной части страны (Шмидехельм 1955: 65-67). Такие браслеты распрос-

ранились в раннеримский период с территории Нижнего Повисленья наряду с глазчатыми фибулами основной и южнобалтийской серии (Шмидехельм 1955: 66-67). Браслет прямоугольного сечения также имеет многочисленные аналоги в могильниках с оградками I-II вв. н.э. Известны подобные браслеты и в поздних каменных курганах с ящиками, которые датируют тем же временем. Весь набор металлических предметов из исследованного "кургана" находит аналогии в могильнике С в Ябара (Шмидехельм 1955: 39,63,66) близ впадения р.Пуртсе в Финский залив. На территории юго-восточной Эстонии, пограничной с Псковской землей, каменные могильники первой половины I тысячелетия н.э. известны в основном в западной части региона (Аун 1992: 78). Вещевой инвентарь в сочетании с характерными особенностями погребальных сооружений (каменная вымостка и перекрывающая ее каменно-земляная насыпь кургана 8, сегмент каменного кольца, относящийся, видимо, к соседнему, еще не исследованному кургану 5), позволяют отнести этот новый для Выбут пласт древностей как с погребальными памятниками раннеримского периода Эстонии и Северной Латвии, так и с погребениями Любовидзской фазы Вельбарской культуры в Нижнем Повисленье (Wołagiewiz 1981: 79-102).

Аун М. 1992. Археологические памятники второй половины I-го тысячелетия н.э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллин.

Милотина Н.Н. 1996. Изучение и реконструкция кургана 2 Выбутской курганной группы Псковского района Псковской области // Курганы: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб
Шмидехельм М.Х. 1955. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин.

Яковлев А.В. 1995. Исследование кургана 3 в Выбутах // АИП (№ 15), Псков.

Wołagiewiz R. 1981. Kultura wielbarska. Problemy interpretacji etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.

Список сокращений

- АЕ — Археографический ежегодник.
АИП — Археология и история Пскова и Псковской земли.
АН — Архитектурное наследство.
АН СССР — Академия наук СССР.
АО — Археологические открытия.
АС — Археологический съезд.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
ВВ — Византийский временник.
ВГОМ — Владимирский государственный областной музей.
В.ДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.
ВлЛ — Владимирский летописец // ПСРЛ. Т.30. М. 1965.
ВМУ — Вестник Московского университета.
ГАГО — Государственный архив Горьковской области.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Ред. С.Н.Валк. М.-Л. 1949.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГИОП — Государственная инспекция охраны памятников.
ГМИЛ — Государственный музей истории Ленинграда.
ГМИ СПб — Государственный музей истории Санкт-Петербурга.
ГЭ — Государственный Эрмитаж.
ДБК — Древности Боспора Киммерийского. СПб. 1854.
ДГ — Древнейшие государства на территории СССР.
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. Подготовил к печати Л.В.Черепнин. М.-Л. 1950.
ДРИ — Древнерусское искусство.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗРАО — Записки русского археологического общества.
ЗООА — Записки Одесского археологического общества.
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии.
ИА — Институт археологии.
ИАК — Императорская Археологическая комиссия.

Изд.	— Издание.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры.
ИИТ	— Институт исторической технологии.
ИЛ	— Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т.2. М. 1962.
Иосаф.	— Иосафовская летопись. М. 1957.
ИРИ	— История русского искусства.
КПСС	— Коммунистическая партия Советского союза.
КПХИ	— Комитет популяризации художественных изданий.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР (РАН).
КСИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
ЛАФОКИ	— Ленинградский академический фотокинокомбинат.
ЛГМФ	— Ленинградский государственный музейный фонд.
ЛЛ	— Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т.1, М. 1962.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
ЛРМ	— Ленинградские реставрационные мастерские Главнауки
Л.с.	— Лицевая сторона.
ЛСА	— (Лихачев Н.П.) "Сфрагистический альбом". Часть I. Русские металлические печати. Текст описания составлен Н.П.Лихачевым. Л. 1936 / РА ИИМК РАН, ф.35, оп.2. д.444.
МАМЮ	— Московский архив министерства юстиции.
МАР	— Материалы по археологии России.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАМ	— Материалы и исследования по археологии Москвы.
МиАР	— Музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева.
МКСА	— Международный конгресс славянской археологии.
МЛС	— Московский летописеный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т.25. М. 1948.
МОИДР	— Московское общество истории и древностей Российских.
Н4Л	— Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Т.IV. Ч.1. Пгр.-Л. 1915-1929.
НА МИР	— Научный архив Музея истории религии.
НАЭ	— Новгородская археологическая экспедиция.
НИС	— Новгородский исторический сборник.
НПЛ	— Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. Ред. А.Н.Насонов. М. 1950.
ОАК	— Отчет Императорской археологической комиссии.

- ОВ — Отдел востока ГЭ.
- ОИРК — Отдел истории русской культуры ГЭ.
- ОН — Отдел нумизматики ГЭ.
- ОИПК (ОАВЕС) — Отдел истории первобытной культуры (Отдел археологии Восточной Европы и Сибири) ГЭ.
- ОР ЦНБ АНУ — Отдел рукописей центральной научной библиотеки академии наук Украины.
- О.с. — Обратная сторона.
- ПАО — Псковское археологическое общество.
- ПВЛ — Повесть временных лет. Ч.1-2. М.-Л. 1950.
- ПГОИАХМЗ — Псковский Государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
- ПКНО — Памятники культуры. Новые открытия.
- ПЛ — Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т.34. М. 1978.
- ПОС — Псковский областной словарь.
- Пр. — Происхождение.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.
- П.С.К.О.В. — Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей, посвященный 75-летию В.Д.Белецкого. СПб. 1994.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- ПЛЛ — Псковская Первая летопись // Псковские летописи. Под ред. А.Н.Насонова. Вып.1. М.-Л. 1941.
- П2Л — Псковская Вторая летопись // Псковские летописи. Под ред. А.Н.Насонова. Вып.2. М. 1955.
- П3Л — Псковская Третья летопись // Псковские летописи. Под ред. А.Н.Насонова. Вып.2. М. 1955.
- РА — Российская археология.
- РА ИИМК РАН — Рукописный архив ИИМК РАН.
- РАЖ — Русский антропологический журнал.
- РАО — Русское археологическое общество.
- РАН — Российская Академия Наук.
- РГА ВМФ — Российский Государственный архив военно-морского флота.
- РГАДА — Российский Государственный архив древних актов.
- РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд.
- РГИА — Российский Государственный исторический архив.
- РЛ — Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т.38, Л. 1989.
- РНБ — Российская национальная библиотека.
- СІЦ — Софийская Первая летопись по списку И.Н.Царского // ПСРЛ. Т.39. М. 1994.
- СА — Советская археология.
- САИ — Свод археологических источников.

- СТАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
- СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа.
- СК – Всесоюзная конференция по вопросам экономики, истории, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии (“Скандинавская конференция”).
- СО АН СССР – Сибирское отделение АН СССР (РАН).
- Сохр. – Сохранность.
- СПбГАК – Санкт-Петербургская Государственная Академия культуры.
- СПбФ ИРИ РАН – Санкт-Петербургский филиал Института Российской истории РАН.
- СПИПАИ – Сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований.
- ССП – Сфрагистика средневекового Пскова.
- С.С.С.Р. – Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. СПб. 1994.
- ТД и С – Тезисы докладов и сообщений.
- ТД НС – Тезисы докладов научной сессии.
- ЧОИДР – Чтения Общества истории и древностей Российских.
- Чт.ПАМ – Чтения памяти Анны Мачинской.
- УЗ ЛГУ – Ученые записки ЛГУ.
- УЛС – Устюжский летописный свод. М.-Л. 1949.
- Уп. – Упоминание.
- Хр. – Хранение.
- ФА ИИМК РАН – Фотоархив ИИМК РАН.
- AuF – Ausgrabungen und Funde.
- BSA – Annual of the British School at Athens.
- SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja.

Содержание

Г.С.Лебедев (С.-Петербург). Дерево-земляная Петропавловская крепость 1703 г. (Нарышкин бастион по данным раскопок)	3
Л.Лециевич (Вроцлав). Хозяйственные функции и топография ранних городов западных славян	9
В.Лосинский (Познань). К генезису курганной погребальной обрядности у прибалтийских славян	13
И.С.Лутовинова (С.-Петербург). Из истории изучения псковских говоров	17
В.П.Любин (С.-Петербург). Нижний палеолит Кавказа: связи с югом, специфические черты и основные этапы	20
М.В.Малевская (С.-Петербург). Гражданская постройка Новоградского замка XIV в.	26
Т.А.Малинина (С.-Петербург). К вопросу о работах А.Н.Воронихина для Императорского стеклянного завода	34
К.К.Марченко (С.-Петербург). К вопросу о строительных комплексах раннего Борисфена	38
И.Н.Матвеев (С.-Петербург). Еще раз о княжеской печати XII в. из Пскова	44
К.А.Матехин, О.И.Богуславский (С.-Петербург). База данных для археолога (современное состояние и возможности решения).	46
Е.Ю.Медникова, А.Н.Егорьков (С.-Петербург). Строительные растворы Мономахова собора в Суздале	53
В.В.Мещеряков (С.-Петербург). О реставрации и музеефикации элементов интерьера «серебряного века»	56
Г.А.Миролубова, И.Н.Уханова (С.-Петербург). О некоторых материалах по мASONству в собрании отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа	59
Е.Р.Михайлова (С.-Петербург). Городок Опока	67
Е.Ю.Моисеенко (С.-Петербург). Золотошвейное искусство монастырей в XVIII — начале XX в.	72
Г.Я.Мокеев (Москва). Система обороны Пскова от Новгорода	77
А.А.Молчанов (Москва). Ярл Рёгнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского посадничьего рода Роговичей-Гюрятиничей)	80
Диакон Александр Мусин (С.-Петербург). Погребальный обряд древнерусского монастыря: студийский устав, письменные памятники, данные археологии	85
В.А.Назаренко (С.-Петербург). О возможной интерпретации захоронения в кургане № 11 Плакунского могильника	91
Е.Н.Носов (С.-Петербург). Еще раз о грамоте Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи	96
О.В.Овсяников, М.Э.Ясински (С.-Петербург, Тронхейм). «Немецкие» колокола на Архангельском Севере	101
К.В.Павлова (С.-Петербург). Гончарные клейма городища Осовик	107

Т.Д.Панова, Л.С.Розанова, Н.Н.Терехова (<i>Москва</i>). Новые свидетельства производства железа на территории Московского Кремля в XIII — XV вв.	117
Я.М.Паромов (<i>Москва</i>). К истории виноделия на Боспоре	121
И.Б.Пермяков, А.С.Косцова (<i>С.-Петербург</i>). Двучастная икона с изображением преподобных и Спасо-Геннадиева монастыря	126
А.А.Пескова, С.В.Белецкий (<i>С.-Петербург</i>). Древнерусские печати Шепетовского городища и поиски его летописного имени	129
Ю.Ю.Петров (<i>С.-Петербург</i>). Древнерусские шлемы с полумасками	139
М.Пихо (<i>Тарту</i>). Металлические украшения в погребальном обряде сету	144
Н.И.Платонова (<i>С.-Петербург</i>). Об одной попытке уточнения методов в русской археологии (по материалам журнала «Человек» за 1928 год)	147
К.М.Плоткин (<i>Псков</i>). Псковское судоходство и судостроение в XIX в.	152
С.Г.Попов (<i>С.-Петербург</i>). Северо-западная граница ареала культуры длинных курганов: некоторые проблемы расселения и хронологии	163
Н.Д.Праслов (<i>С.-Петербург</i>). Многоцветие верхнепалеолитической эпохи	169
Б.А.Прищепа (<i>Ровно</i>). Дорогобуж на Горыни в X-XIII вв.	173
В.Г.Пуцко (<i>Калуга</i>). Киевская медная ладонина с золотой наводкой	179
Ю.А.Пятницкий (<i>С.-Петербург</i>). Псковские древности в музее древнерусского искусства Академии Художеств в Петербурге	186
М.В.Рождественская (<i>С.-Петербург</i>). О “странной” любви М.Ю.Лермонтова	192
Т.В.Рождественская (<i>С.-Петербург</i>). Средневековые рисунки-граффити на стенах двух храмов Новгорода	198
Л.С.Розанова (<i>Москва</i>). К вопросу о технологии изготовления железных изделий в средневековом Пскове (по материалам Довмонтова города)	206
Е.А.Рябининой (<i>С.-Петербург</i>). Снаряжение верхового коня из Старой Ладogi (к истории русско-западноевропейских связей в московскую эпоху)	214
И.В.Саверкина (<i>С.-Петербург</i>). К истории русского интерьера петровского времени (ткани в домах А.Д.Меншикова)	222
А.И.Сакса (<i>С.-Петербург</i>). Русь и Карела	225
Е.В.Салмина (<i>Псков</i>). Комплекс позднесредневековых каменных гражданских построек на ул. Герцена в Пскове	233
М.Б.Свердлов (<i>С.-Петербург</i>). Подати и повинности как атрибуты государства и феодального строя в славянских странах IX-XII вв.	238
И.И.Синчук, О.Е.Зайцева (Минск). Заслонки и печная дуга XVII в. из Дисны	244
Е.В.Скрынникова (<i>Москва</i>). О реставрации и датировке Порохового погребца в Псковском кремле	252
Э.С.Смирнова (<i>Москва</i>). Иконография двух заставок в русских рукописях XIV века	263

В.Ю.Соболев (С.-Петербург). О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли	272
Е.В.Соленикова (С.-Петербург). О принципах оформления фасадов у церквей второй половины XIV-XV вв. в Новгороде, Пскове и Москве	278
В.М.Сорокатый (Москва). Великокняжеские патрональные и памятные посвящения храмов Новгорода в начале московского периода его истории	281
П.Е.Сорокин (С.-Петербург). О некоторых особенностях судебного дела в Древней Руси	287
М.П.Сотникова (С.-Петербург). Черты византийского сфрагистического канона на русских актовых печатях XI-XIII вв.	294
А.К.Станюкович, А.А.Медынцева (Москва). Крест с надписью о стяжании из Звенигорода (Археологический комментарий к московско-новгородскому конфликту 1392-1393 гг.)	301
С.В.Степанов (Псков) Раскопки в Примостье	314
Л.В.Столярова (Москва). Перо писца (к вопросу о технике письма в Древней Руси XI-XIV вв.)	320
О.Б.Стругова (Москва). Национально-романтическое направление в русском мебельном искусстве рубежа XIX-XX вв.	325
В.И.Тимофеев, Н.К.Стеценко (С.-Петербург). Староладожская неолитическая стоянка	331
С.В.Томсинский (С.-Петербург). К вопросу о существовании поселения дьяковской культуры на территории Угличского кремля	335
С.Р.Тохтасьев (С.-Петербург). Аланец-еланец	340
В.Трумал (Тарту). Археологические исследования средневекового Тарту	344
О.А.Трусов (Минск). Борисоглебская церковь XII в. из Новогрудка	351
Э.Тыпписсон (Таллин). Терминология древнеэстонских укреплений в средневековых письменных источниках	356
И.Н.Уханова (С.-Петербург). О некоторых работах из перламутра прошлых веков	361
А.С.Фролов (Москва). Культурное наследие «Зарубежной России»	364
Н.В.Хвошинская (С.-Петербург). О некоторых типах бронзовых подвесок из могильника Залахтовые	374
Т.А.Чукова (С.-Петербург). О двух наперсных реликвариях из раскопок в Твери	379
А.Ю.Шамонин (С.-Петербург). О реставрации и датировке Иконы «Преподобный Нил Столбенский у монастыря» середины XVIII в. из собрания Эрмитажа	384
В.Г.Шкода (С.-Петербург). Varasnum-gah (?) в Пенджикенте	387
С.Е.Шуньгина (Псков) Петропавловские ворота Среднего города Пскова	390
А.Н.Щеглов (С.-Петербург). Неизвестный план Херсонесского городища	392
Е.С.Шукина (С.-Петербург). Дар семьи Белецких Отделу нумизматики Эрмитажа	397
А.В.Яковлев (С.-Петербург). Новые раскопки могильника Выбуты близ Пскова	400
Список сокращений	403

**ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ.
КОНЦЕПЦИИ. ОТКРЫТИЯ. ВЕРСИИ.**

Памяти В.Д.Белецкого
(1919-1997)
Том II

Оригинал-макет подготовлен
компьютерной группой ИИМК РАН:
Богуславский О.И., Кирчо Л.Б., Матехин К.А.

Редактор
Белецкий С.В.

Подписано в печать 01.12.1997
Формат 70x108 1/16. Объем 50,5 п.л. Печать офсетная. Тираж 1200.

Отпечатано в ГП "Невельская типография"
182510, г. Невель, Псковская обл., ул. Луначарского, 11.